К.С. Гаджиев

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ НАУКУ

Издание второе, переработанное и дополненное

Москва «Логос» 1999

Предисловие
Глава I. Политология как самостоятельная научная дисциплина
Глава 2. Гражданское общество: политологический аспект
Глава 3. Государство и власть как осевые элементы мира политического
Глава 4. Политическая система
Глава 5. Демократия и принципы правового государства
Глава 6. Партии и избирательные системы
Глава 7 Проблема экспансии демократии
Глава 8 Политические системы диктаторского типа
Глава 9 Перспективы российской государственности(национально-территориальный аспект)
Глава 10 Система международных отношений
Глава 11 Средства массовой информации и политика
Глава 12 Политическая философия
Глава 13 Либерализм
Глава 14 Консерватизм
Глава 15 Социал-демократизм
Глава 16 Политическая культура
Глава 17 Антиномии между авторитаризмом и демократией в политической культуре России
Глава 18 Этика и политика
Глава 19 Методология познания мира политического
Литература

Предисловие

Политика - это один из основополагающих аспектов человеческого существования, одна из важнейших сфер жизнедеятельности людей. Каждый человек в той или иной форме или степени имеет дело с политикой, будь то в каком-либо государственном учреждении, предприятии, общественной организации, школе, церкви, разного рода клубах и ассоциациях, профсоюзах или политических партиях и т.д. Сами понятия "политика" и "политическое" характеризуются крайней многозначностью. Например, говорят о валютной политике банков, о политике профсоюзов во время забастовки, школьной политике городских властей, политике дирекции предприятия или школы и, как отмечал М.Вебер, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем. Поэтому очевидно, что выделение и изучение мира политического из всей совокупности общественных институтов и отношений представляет собой трудную, но весьма актуальную задачу. Особенно возрастают роль и значение политики в переломные исторические периоды, когда радикальной трансформации подвергаются сами основы жизнеустройства людей, их идеалы, ценности, мировоззренческие установки, ориентации и т.д. Именно такой период кардинальных изменений переживает в настоящее время наша страна. Очевидно, что для ее духовного и интеллектуального возрождения особую актуальность приобретают переосмысление и перестройка всей системы социальных и гуманитарных наук, среди которых достойное место занимает политология, изучающая мир политического.

Можно сказать, что перед нами со всей остротой встала проблема воссоздания политологии или даже ее формирования как новой для нас и в то же время самостоятельной социальной и гуманитарной дисциплины. Какое содержание вкладывается в понятия "политология", "политическая наука", "политическое"? Это отнюдь не праздный вопрос, особенно если учесть, что у нас еще не определены конкретные границы, круг проблем, вопросов, институтов и явлений, в совокупности составляющих предмет исследований политической науки. В настоящее время во всех индустриально развитых странах политология занимает важное место в системе обществоведческих дисциплин. Об этом свидетельствуют неиссякаемый и возрастающий поток литературы и множество специальных политологических журналов, издаваемых почти во всех странах Запада. Об этом же свидетельствуют разного рода общенациональные и региональные профессиональные организации политологов, наиболее известными из которых являются Американская ассоциация политических

наук, Ассоциация политических исследований Англии, Французская ассоциация политической науки и т.д. Подобные общенациональные ассоциации существуют в той или иной форме в большинстве крупных и малых стран Запада. В 70-х годах Советская ассоциация политических наук была организована и у нас в стране. После второй мировой войны (в 1949 г.) при содействии ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация политической науки, которая координирует политологические исследования на международном уровне.

Значимость, масштабы и круг затрагиваемых политологией проблем огромны. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в США в настоящее время она насчитывает 26 самостоятельных областей специализации. Большое внимание ей уделяется в системе высшего образования. На Западе трудно назвать сколько-нибудь крупный университет или гуманитарный институт, где не функционирует кафедра или центр политологии. Существенное место политологии отводится в учебных программах средних общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений. Более того, во многих школах индустриально развитых стран ученики старших классов реализуют получаемые на уроках политологические знания в повседневной школьной и внешкольной жизни. Например, выборы классного старосты или руководителя организации бойскаутов проводятся по всем правилам избирательных кампаний по выборам представителей местного или более высокого уровня власти.

Такие и подобные им мероприятия призваны вырабатывать в подрастающем поколении навыки участия в политической жизни, что помогает им лучше разобраться в тонкостях и перипетиях политических дискуссий, споров, баталий и т.д., оказывающих немаловажное влияние на положение дел в стране.

Приступая к исследованию любой социальной или гуманитарной дисциплины, исследователь сталкивается с множеством самых разнообразных вопросов: что это за дисциплина? Каковы ее содержание, предназначение и функции? Чем она занимается? Каков предмет ее исследования? Какое место она занимает среди других обществоведческих наук? и т.д. Такие вопросы приобретают особую актуальность в отношении политологии как новой для нас научной и учебной дисциплины. Поиски правильных ответов на них важны не сами по себе, они позволяют понять политические реальности современного мира. Здесь нужно подчеркнуть, что политология как самостоятельная дисциплина у нас только начинает создаваться. Поэтому всякое построение в данной области не может не носить поисковый характер и его правильность должна быть проверена в процессе дальнейших исследований.

Предлагаемый курс политической науки предназначен, прежде всего, преподавателям и студентам гуманитарных факультетов вузов, а также всем тем, кто интересуется проблемами политики и мира политического в целом. Он призван помочь читателю разобраться в таких основополагающих институтах, явлениях и проблемах современного общества и общественного развития, как гражданское общество, правовое государство, политика, политическая система и ее формы, демократия и тоталитаризм, политическая культура и т.д. Автор надеется, что в книге читатель найдет ответы на большинство вопросов, связанных с этими проблемами. И еще, что очень важно, - книга поможет читателю освободиться от идеологических шор и по-новому взглянуть на реальности современного мира и соответственно правильно понять их.

Глава I. Политология как самостоятельная научная дисциплина

Вычленение любой научной дисциплины предполагает определение, прежде всего круга тем и проблем, составляющих в совокупности предмет ее исследования. Важно сформулировать ее цели и задачи, установить, чем она отличается от других социальных и гуманитарных дисциплин, и какое реальное место занимает в системе этих дисциплин. Невозможно представить любую научную дисциплину без более или менее четко сформулированных методологических принципов, собственного арсенала методов и приемов систематизации и анализа материалов, а также понятийно-категориального аппарата.

1.1. Общая характеристика проблемы

Что же такое политология или политическая наука? Какое место она занимает среди остальных социальных и гуманитарных наук?

К настоящему времени еще нет общепринятого определения политической науки. Исследователи расходятся между собой в оценке границ и содержания политологии, круга охватываемых ею проблем, критериев выделения в самостоятельную научную дисциплину и т.д. Например, американский исследователь Д.Истон характеризует политическую науку как "исследование способов, которыми принимаются решения для общества". По его словам [108, с. 14]:

политические ученые интересуются всеми теми действиями и институтами в обществе, более или менее непосредственно связанными со способами, которыми принимаются и осуществляются властные решения, и последствиями, которые они могут вызвать.

Таким образом, Истон называет лишь институты, действия и способы принятия решений. Однако политическое отнюдь не сводится только к этим элементам.

Также узостью толкования страдает и формулировка, предложенная французской исследовательницей М.Гравитц [54, с. 190]:
Политическая наука изучает то, как люди используют институты, регулирующие их совместную жизнь, и идеи, приводящие в движение людей, независимо от того, созданы эти идеи ими самими или получены от предшествующих поколений. Можно сказать, что в предмете политической науки переплетены идеи, институты, люди.
Только ли эти последние? Разумеется, нет, и в этом читатель убедится по мере освоения материала данной книги.
Итак, что же понимается под политологией, или политической наукой, какое содержание вкладывается в данное понятие? Чтобы ответить на поставленный вопрос, прежде всего, необходимо определить круг тем и проблем, в совокупности составляющих предмет изучения данной дисциплины. Для этого нужно выяснить содержание понятий "политическое", "мир политического", "политическая сфера" и т.д. А эта проблема в значительной мере конкретизируется как проблема вычленения границ между миром политического и другими подсистемами человеческого общежития. Невозможно определить политическое, не ответив на вопрос о характере и типе соответствующего общества. Неслучайно этапы формирования политической науки в целом соответствовали этапам осознания людьми политики как самостоятельной сферы человеческой деятельности.
Как правило, каждая из социальных и гуманитарных дисциплин призвана изучать самостоятельную более или менее четко очерченную сферу общественной жизни. Собственную сферу имеет и политическая наука. Остановимся на этом вопросе более подробно.

1.2. Предмет и место политической науки в системе социальных и гуманитарных наук

В современной общественно-политической системе как целостном социуме выделяются следующие взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы: *производственная, или экономико-хозяйственная, социальная, духовная и политическая.* Производственная подсистема обеспечивает материальную инфраструктуру, а политическая - механизм реализации общей воли и общего интереса всех основных элементов системы. Социальная и духовная сферы в совокупности составляют гражданское общество, которое также можно обозначить как единую подсистему. Эта проблема более подробно анализируется в гл. 2. Здесь отметим лишь то, что в соответствии с предложенной классификацией человеческий социум условно можно изобразить в виде схемы, приведенной на рис. 1.1, где *А* - социальная, В - духовная, С - политическая и О - экономическая сферы или подсистемы.
C
A B
D
Рис 1.1
Руководствуясь этой схемой, попытаемся классифицировать социальные и гуманитарные науки, учитывая, что каждая из них призвана изучать тот или иной аспект, ракурс, компонент одной из четырех подсистем. Тогда А - социальные науки, группирующиеся вокруг социологии; *В* - науки о духе (философия, культурологи я, религиоведение и богословие, этика, эстетика и искусствоведение и т.д.); С - политические науки и *D* - экономические науки. Другими словами, каждая из четырех главных подсистем служит объектом изучения самостоятельного блока научных дисциплин. Проведение классификации социальных и гуманитарных наук связано с трудностями определения места каждой конкретной дисциплины в системе социальных и гуманитарных наук, более или менее точного выявления сферы или предмета ее изучения, круга охватываемых ею тем и проблем.
Собственно политология первоначально сформировалась как дисциплина, призванная изучать предназначение и функции государственных и политических феноменов, институтов, процессов. В современном толковании предметом ее исследования является мир политического в его тотальности и многообразии, все то, что охватывается понятием "политическое". Совокупность проблем, которыми занимаются политологи, можно сгруппировать в три крупных раздела. Во-первых, социально-философские и идейно-теоретические основания политики, системообразующие признаки и характеристики подсистемы политического, политические парадигмы, соответствующие тому или иному конкретному историческому периоду. Во-вторых, политические системы и политическая культура, отличия и сходства между различными политическими системами, их преимущества и недостатки, политические режимы, условия их изменения и смены и т.д. В-третьих, политические институты, политический процесс, политическое поведение и т.д. Здесь речь не идет о какой бы то ни было иерархической соподчиненности этих трех блоков, о большей или меньшей значимости того или иного из них. Эти блоки равнозначны, поскольку идейно-теоретические основания политики невозможно понять в отрыве от конкретной политической системы, а ее в свою очередь - без конкретных политических институтов.
Политические феномены, несомненно, представляют интерес, прежде всего в том состоянии, в котором они находятся в данный момент. Задача политолога состоит в выяснении их структуры,

составных элементов, функций, условий для нормального функционирования, соотношения и взаимодействия друг с другом и т.д. Но такой анализ был бы односторонним и, стало быть, не раскрывающим адекватно сущности политических явлений без учета исторического фона, идейно-теоретической и социально-философской подоплеки. Поэтому политологическое исследование включает три важнейших аспекта: *исторический, конкретно-эмпирический и теоретический.* В этом контексте политическая наука изучает историю политических учений и традиций, политических систем и идейно-политических парадигм и течений, теорию политики, механизмы принятия решений и реализации властных функций и т.д.

Главными объектами исследования политологии являются *государство, власть и властные отношения,* составляющие как бы осевой стержень политического. Они имеют много измерений - экономическое, социокультурное, философское, социально-психологическое, структурное, функциональное и т.д. Каждое из указанных измерений обладает собственными характеристиками, нормами и функциями. Поэтому задача политической науки гораздо шире государствоведческой и правоведческой дисциплин, изучающих прежде всего юридически-правовые аспекты данной проблемы. Политическая наука призвана анализировать государство и властные отношения в первую очередь как социальные феномены, как институты политической организации общества, имеющей главной целью реализацию всеобщего интереса.

Проблемы мирового сообщества и всего комплекса международных отношений составляют предмет исследования нескольких обществоведческих дисциплин: истории, правоведения, истории дипломатии, социологии и отчасти философии. Естественно, значительное внимание этим проблемам традиционно уделяется и в политической науке. Дело в том, что государство является субъектом политики не только как носитель власти и властных отношений в рамках отдельной страны, но и как носитель государственного суверенитета на международной арене, как один из многих субъектов политических отношений между различными государствами. Данный факт имеет особую актуальность в наши дни, когда усиливаются интеграционные тенденции во всех сферах жизни разных государств и народов, регионов и континентов, когда международная система приобретает действительно всемирный характер, а международные отношения - поистине глобальные масштабы.

В этом контексте политология призвана проанализировать основные параметры определения международных отношений как единой системы со своими собственными системообразующими характеристиками, структурными составляющими и функциями. Важная задача политологии - изучение закономерностей, основных норм и особенностей взаимодействия государств и других субъектов международных отношений в современных условиях. Особенно значимо исследование механизмов принятия решений, ролей и функций важнейших институтов в системе разрешения международных конфликтов и достижения консенсуса между государствами. Соответствующее место в политических исследованиях должно быть отведено деятельности региональных и всемирных организаций, составляющих важные звенья системы жизнедеятельности мирового сообщества.

Подводя итог, можно сказать, что предметом политологии в общей сложности является политическое в его тотальности, в контексте исторического развития и реальной социальной действительности, а также взаимодействия и переплетения различных социальных сил, социокультурного и политико-культурного опыта. В фокусе ее зрения - такие разные по своему характеру институты, феномены и процессы, как политическая система, государственный строй, власть и властные отношения, политическое поведение, политическая культура, история политических учений и т.д.

Эти проблемы изучаются не только политологией, но в тех или иных аспектах и измерениях также философией, социологией, государственно-правовой наукой и т.д. Политическая наука открыта влиянию со стороны других социальных и гуманитарных, а зачастую и естественных наук. Это вполне объяснимо, если учесть, что мир политического не может существовать в изоляции, он тесно переплетается с историей, культурой, сферой экономики, социальными феноменами и т.д. Другие гуманитарные дисциплины в свою очередь претендуют на те или иные сферы мира политического.

Политологам приходится конкурировать за сферу интересов с философами, социологами, историками, претендующими на право заниматься изучением политики. Интегрируя отдельные аспекты указанных дисциплин, политология располагается как бы в точке их пересечения и является междисциплинарной наукой. Большой интерес представляет вопрос о соотношении политологии и истории. Показательно, что на заре формирования политической науки как самостоятельной дисциплины известный английский историк Э.Фримэн не без определенных оснований, говорил: "История - это прошлая политика и политика - это сегодняшняя история". И не удивительно, что политическая наука формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи с историей. Симптоматично, что в настоящее время в США почти в двухстах колледжах история и политическая наука все еще преподаются на объединенных кафедрах. Но это отнюдь не говорит об отсутствии серьезных различий между двумя дисциплинами. Для подтверждения сказанного сравним задачи и функции историка и политолога. Как отмечает испанский исследователь А.Гарсиа [114],

... историк имеет дело с прошедшим временем. Он может наблюдать начало, развитие и конец общественных формаций. Политолог, напротив, не смотрит на историю как на спектакль, он

воспринимает ее как действие. Его политический анализ, в отличие от анализа историка, несет в себе сознательную заинтересованность с точки зрения политического проекта, который он хочет превратить в реальность. Объективный источник его затруднений состоит в том, что он должен оценивать реальное состояние политических ситуаций до того, как они примут историческую форму, т.е. превратятся в необратимые. Субъективный источник затруднений побуждает его в большинстве случаев смешивать свои собственные желания с реальностью.

Касаясь возможностей той или иной науки адекватно изучить свой объект, уместно применить здесь гегелевскую метафору: "Сова Минервы начинает свой полет с наступлением сумерек". И действительно, более или менее исчерпывающие и соответствующие реальному положению знания о том или ином общественно-политическом феномене можно получить лишь тогда, когда этот феномен стал свершившимся объективным фактом общественной жизни. Соответственно исследователь может изучать данный факт, как бы наблюдая его со стороны. В этом смысле положение историка предпочтительнее, поскольку он имеет дело с уже завершившимися историческими феноменами и фактами. А объектом интереса политолога являются живые реальности, затрагивающие интересы множества действующих в этих реальностях лиц. Политолог, будучи одним из таких лиц, не способен в полной мере стать над изучаемыми им реальностями, которые еще не стали свершившимися фактами, находятся в движении, процессе становления. Он не может отвлечься от субъективных, сиюминутных впечатлений, и его выводы могут быть подвержены влиянию изменяющихся событий и обстоятельств. С этой точки зрения для политолога, образно говоря, сумерки еще не наступили и соответственно его сова в полной мере еще не готова к вылету.

Особенно актуален и значим вопрос о соотношении и разграничении политологии и социологии. Строго говоря, социальная сфера является объектом исследования социологии, а мир политического - политологии. Но при близком рассмотрении обнаруживается, что крайне трудно, если не невозможно, определить, где именно на линии *AC* (см. рис. 1.1) кончается социальная и начинается политическая подсистема. Не прояснив этот вопрос, мы не можем, разумеется, даже приблизительно определить круг тем и проблем, охватываемых соответственно социологией и политологией.

Очевидно, что существует комплекс институтов, феноменов, отношений, однозначно относящихся к гражданскому обществу (семья, группа, социальные слои, классы и т.д.) и к миру политического (парламент, правительство, государственно-административный аппарат и т.д.). Но некоторые институты могут рассматриваться как несущие конструкции или составные элементы одновременно и гражданского общества, и подсистемы политического. В этом смысле особенно показательно положение политических партий. Имея своей социальной базой различные группы, слои, классы и т.д., они коренятся в гражданском обществе. В то же время их главная задача состоит в том, чтобы группировать, кристаллизовать разнородные конфликтующие интересы в гражданском обществе и, представляя их во властных структурах, трансформировать в соответствующий политический курс в системе законодательной и исполнительной властей.

Этот пример показывает, что между гражданским обществом и миром политического существует некое промежуточное пространство, от которого во многом зависят жизнеспособность и эффективность функционирования обеих подсистем. Следует отметить, что в гражданском обществе коренятся социально-экономические, социокультурные, этнонациональные, религиозные, образовательные и иные факторы, которые в совокупности составляют социологические основы политики. Очевидно, что ни политическая наука, ни социология не вправе претендовать на исключительную монополию на данный блок проблем. Выход из такой антимонии был найден в процессе формирования новой самостоятельной научной дисциплины - политической социологии, объект исследования которой - институты, механизмы, процессы, действующие на стыке между гражданским обществом и миром политического.

Главное отличие политологии от политической социологии состоит в том, что последняя имеет дело с социальными причинами и отношениями распределения власти и властных структур в обществе, с факторами, определяющими политическое поведение людей, политические конфликты, политические установки, ориентации и умонастроения широких масс населения, механизмы отражения социального плюрализма в политической сфере и т.д. Как отмечали Р.Бендикс и С.М.Липсет [93, с. 80],

...в *отличие от политологии, которая исходит от государства и изучает, как оно влияет на общество, политическая социология исходит от общества и изучает, как оно влияет на государство, то есть на формальные институты, служащие разделению и осуществлению власти.*

Политическая социология представляет собой своеобразный синтез социологии и политологии. Она в большей степени, чем политология, концентрирует внимание на борьбе за власть между различными частями общества, социальных конфликтах и социальных изменениях, скрытых функциях, неформальных и дезфункциональных аспектах политики. В центре внимания политической социологии находится социологическое измерение политических феноменов. Она интересуется особенностями социальной стратификации, тем, как это сказывается на политической организации. Политическая социология изучает социальный контекст политических институтов и процессов на

макросоциальном и микросоциальном уровнях. Главная ее задача на макроуровне - исследование социальных основ власти и социальных конфликтов, их проявление в поведении людей и влияние на политические институты, а также обратное влияние этих последних на социальные реальности. Микросоциологический подход концентрирует внимание на конкретных политических институтах как социальных организациях, их структурах и отношениях с другими организациями, типах руководства, механизмах и способах разрешения конфликтов и т.д.

Политическая социология ищет ответы на вопросы: как избиратели голосуют на разнообразных выборах? Какие факторы оказывают влияние на их выбор - возраст, пол, социальный статус, место жительства, профессия, уровень дохода, образовательный уровень и т.д.? Какие факторы влияют на изменение позиций избирателей? Какое воздействие на политическое поведение оказывают пропаганда и средства массовой информации? Во всех этих аспектах политическая социология концентрирует внимание на институтах, организациях, процессах и т.д., действующих на стыке гражданского общества и мира политического.

Если снова обратиться к рис. 1.1, то обнаружится, что на линии *BC* положение оказывается еще более сложным и запутанным, чем на линии AC. И действительно, где на этой линии кончается духовная сфера и где начинается мир политического? Попытаемся объяснить это на конкретном примере. В качестве центрального субъекта мира политического выступает человек. Однако человек является существом не только социальным, политическим и экономическим, но и одновременно духовным, социокультурным, политико-культурным, морально-этическим и т.д. Было бы напрасным трудом пытаться провести некие линии разграничения между различными ипостасями, в которых одновременно выступает человек. Очевидно, что, обращаясь к человеку, политология вторгается в сферу интересов философии, этики, культурологии и т.д., а последние в свою очередь - в сферу интересов самой политологии. На пересечении этих сфер мы и вправе вести разговор о политической философии, политической антропологии, политической психологии, политической этике, политической культуре как особых областях исследования и с определенными оговорками как о самостоятельных дисциплинах или разделах политической науки.

Политическая философия представляет собой отрасль или подраздел философии, имеющей своим объектом изучения и трактовки сферу политического. Ее задача - установление в политике добра и зла, справедливого и несправедливого, совершенного и несовершенного, подлежащего сохранению или изменению, одобрению или осуждению и т.д. Если философия призвана постичь природу вещей вообще, то цель политической философии - понимание природы политических вещей. Этот аспект более подробно будет рассмотрен при анализе мировоззренческого измерения политики (гл. 12).

Политическая психология призвана изучать роль установок, ориентации, убеждений, ожиданий, мотиваций, восприятий в политическом поведении людей. Особенно широко исследования такого рода используются при изучении общественного мнения, политической социализации, политического конфликта и сотрудничества, электорального поведения, политических установок и т.д. Зачинателем политической психологии считается Г.Ласуэлл, который в 1930 г. опубликовал книгу "Психология и политика", а в 1950 г. в соавторстве с А.Капланом - книгу "Власть и общество". Особенно сильный толчок политическая психология полухила в связи с развертыванием после второй мировой войны так называемой бихевиористской революции (об этом см. ниже).

Антропология имеет естественно-научный и гуманитарный аспекты- именно в этом последнем смысле и говорят о культурной, философской, политической и других антропологиях. Традиционно под *политической антропологией* понимают дисциплину, занимающуюся системами и институтами управления этнических сообществ, особенно в развивающихся и примитивных обществах (большей частью незападных). Область ее интересов - связи политического поведения группы, коллектива, сообщества с более широкой культурой. Политико-антропологические исследования позволили сравнить разнообразные политические системы и выявить этнические факторы в политическом поведении людей.

Наконец, на стыке гражданского общества и производственно-экономической подсистемы на линиях *AD* и *CD* находятся сферы, изучаемые научными дисциплинами, которые возникли в результате синтеза экономического, социального и духовного начал. Речь, в частности, идет о политэкономии (во многом не совпадающей с чисто экономическими дисциплинами), экономической социологии, экономической культуре, этике бизнеса и др. Но эта тема выходит за рамки данной книги.

1.3. Античные корни политической науки

Любой исследователь, интересующийся историей политической науки, сталкивается с множеством вопросов: когда возникла эта научная и образовательная дисциплина? Какие именно факторы способствовали ее возникновению? Кого можно считать ее основателями и разработчиками? Какие этапы, она прошла в своем развитии? и т.д.

Пытаясь ответить на эти вопросы, многие исследователи обращались к античности. И действительно, к миру политического пристальный интерес проявляли такие столпы общественной мысли древности, как Платон, Аристотель, Цицерон и др. Тогда и несколько позже были написаны фундаментальные

трактаты и более мелкие сочинения под красноречивыми названиями: "Политика", "Государство", "Законы", "Республика", "Государь" и др.

Исходя из этого американский политический философ Л.Страус считал, что античные мыслители подняли политическую науку до уровня самостоятельной дисциплины и тем самым стали основателями политической науки в точном и окончательном смысле слова [145, с. 65]. Однако анализ реального положения не в полной мере подтверждает этот тезис. Не следует путать политические и иные учения и идеи прошлого, накопление политического знания с политической наукой в собственном смысле слова, хотя и нельзя отрицать факт существования между ними преемственности, генетической связи. Если первые в той или иной форме появились с возникновением государства, то политическая наука формировалась по мере вычленения политики как самостоятельной подсистемы жизнедеятельности людей.

В политической науке глубина и совершенство анализа определяются не только ее "возрастом", но и тем, насколько систематически и успешно она обновляется. Это объясняется тем, что постоянно изменяется как материя, так и дух политического, политических институтов. История политологии - процесс постоянного обновления и обогащения ее теоретико-методологического и методического арсеналов. Знание о политическом собирательно по своей сути. Чем оно шире, многослойнее и глубже, что достигается в процессе постоянных исследований, тем больше оно соответствует реальному положению в мире политического. Политическая наука немыслима без традиции, в рамках которой она развивается. Именно традиция во многом определяет то, как исследователь подходит к предмету своего интереса. Под **традицией** здесь подразумеваются формы организации науки, системы теорий, идей, методов аргументации, методологии, технические приемы и т.д.

В истории Запада становление политического знания характеризовалось высокой степенью развития, особенно в периоды Нового и Новейшего времен. Государственная система формировалась и развивалась не просто сама по себе. Большую роль в этом плане играло политическое знание, которое в той или иной мере отражалось затем на политической практике. Взаимное влияние политических знаний и практики политических преобразований прослеживается в истории стран Запада в периоды Нового и Новейшего времен, в формировании и развитии их государственной системы.

Например, трудно представить себе формирование и утверждение современной западной государственно-политической системы без идей Платона, Аристотеля, Ф.Аквинского, Н.Макиавелли, Ш.Монтескье, Дж.Локка, И.Канта и политической практики таких государственных деятелей, как Генрих IV, Людовик XIV, Петр Первый, Наполеон, Бисмарк, Александр II и т.д. Развитие современной политической науки немыслимо, с одной стороны, без идей и концепций, сформулированных К.Марксом, Ф.Энгельсом, В.Парето, Э.Дюркгеймом, М.Вебером, Б.Н.Чичериным, П.И.Новгородцевым, М.М.Ковалевским и т.д., а с другой - без тех социально-политических преобразований, которые связывают с именами В И.Ленина, И.В.Сталина, Ф.Д.Рузвельта, У.Черчилля, К.Аденауэра и др.

Можно выделить три крупных периода в истории формирования и развития политологии. Первый период - предыстория - от античности до Нового времени. Он представлен Аристотелем, Платоном, Цицероном, Ф.Аквинским и другими мыслителями древности и средневековья. Значение данного периода состоит в накоплении и передаче от поколения к поколению политического знания.

Второй период - с начала Нового времени примерно до середины XIX в.- характеризуется формированием важнейших представлений о мире политического, о политике, политической деятельности, государстве, власти, политических институтах в современном их понимании и соответственно элементов их научного анализа. Большой вклад в освобождение политики и политической мысли от теологии и церковной морали внесли Н.Макиавелли, Ж.Воден, Т.Гоббс, Б.Спиноза и др. В данном аспекте в некотором роде этапными можно считать такие работы, как "О свободе слова" Дж.Мильтона, "Левиафан" Т. Гоббса, "Два трактата о государственном правлении" Дж.Локка, "О духе законов" Монтескье, "Об общественном договоре" Ж.-Ж.Руссо, "Эссе о гражданском обществе" А.Фергюсона и др. В этих работах в той или иной форме на передний план выдвигалась проблема политического как особая сфера жизнедеятельности людей. Начиная с середины XVIII в. и до конца XIX в. политология постепенно выделилась из комплекса социальных и гуманитарных наук.

В третий период, охватывающий 80-е - 90-е годы XIX в. и первые десятилетия XX в., она институционализировалась и утвердилась в качестве особой дисциплины с собственными предметом исследования, методологией, методами.

Подобно тому, как социология формировалась и развивалась в русле основных тенденций и закономерностей становления и эволюции гражданского общества, политология и политическая философия приобрели статус самостоятельных дисциплин в результате выделения политической сферы из целостного человеческого социума, отделения мира политического от экономической, социальной и духовной подсистем, что по времени совпало с новым периодом истории Запада. Важно отметить, что мир политического в собственном смысле слова - это исторический феномен, его Формирование и выделение из целостного человеческого социума произошли на определенном этапе исторического развития и тесно связаны с процессами формирования и вычленения

гражданского общества. Более подробно эта проблема проанализирована в гл. 3 и 4. Здесь отметим лишь, что первоначально в рамках общественно-политических и социокультурных парадигм политические феномены изучались в комплексе со всеми общественными явлениями. В этом плане в античном и средневековом мирах имел место своеобразный универсализм, то есть политическое специально не выделялось из общей суммы всех общественных явлений. Ученый считал себя не специалистом в какой-либо области знания, а искателем знаний и мудрости вообще о всех сферах и проявлениях человеческой жизни. Отсюда и название "философия" - любомудрие, которое в течение многих столетий охватывало все, что мы сейчас относим к понятию "наука". К концу V в. произошло определенное разграничение отдельных областей знания, например арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Но не следует забывать, что трактаты Аристотеля по физике, физиологии, этике, политике, риторике и т.д. в течение многих веков рассматривались не иначе, как подразделы своеобразной единой энциклопедии по философии.

Специализация интеллектуального труда, разделение его по различным отраслям знания произошли значительно позже, чем в сфере практической материальной деятельности, скажем, между сельским хозяйством и ремеслом, а затем внутри этих отраслей.

Если согласиться с этими доводами, и особенно с аргументами, изложенными в гл. 3, то применительно к античности (да и средневековью) о политической науке, политической философии и т.д. говорить, по-видимому, корректнее в том смысле, в котором Аристотель писал о Zoon politicon. У древнегреческого мыслителя последний не просто "животное (или существо) политическое", а "существо общественное" в самом широком и глубинном понимании. В этом смысле вся античная философия является политической, т.е. общественной. Иначе говоря, речь может идти отнюдь не о политической философии и политической науке в строгом смысле слова, а о философии или науке об обществе - государстве в лице полиса, что далеко не одно и то же.

В плане признания обоснованности или необоснованности указанных доводов нас не должны ввести в заблуждение названия таких работ основоположников античной философии, как "Государство", "Законы", "Политика" и др. Дело в том, что в них говорится не только и не столько о государстве, сколько о мире политического в современном смысле слова. Значение этих трудов с рассматриваемой точки зрения четко оценил Т.Гоббс. Он, в частности, говорил "о гражданской науке (scientia civilis)", которой, по его мнению [23, т. 1, с. 275], первым заинтересовался Сократ, когда она еще только зарождалась, а за ним обратились к ней Платон Аристотель, Цицерон и прочие философы как греческие, так я латинские. Обратите внимание, что Гоббс имел в виду не политическую науку, не политическую философию и даже не науку о государстве, которые приписываются классикам античной мысли, а "гражданскую науку". И действительно, их труды - это исследования полиса в его тотальности без различения каких-либо отдельных сфер жизни.

Если перевести на язык наших дней, то по тематике (но не по содержанию и глубине проникновения) это обществоведческие работы, рассматривающие, согласно стандартам современной классификации социальных и гуманитарных наук, объекты исследования социологии, политической социологии, политологии, политэкономии, культурологии, философии и т.д. в их интегральном единстве, исключающем какую бы то ни было расчлененность на отдельные самостоятельные сферы жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к "политическим" по названию трудам Платона "Государство", "Законы" и Аристотеля "Политика", "Риторика", "Никомахова этика". Если так, то классиков античной мысли можно было бы назвать не только политическими философами и политическими учеными, но с не меньшим на то основанием также социологами, политическими социологами, политэкономистами, культурологами и т.д. Но такая постановка вопроса была бы недопустимым "осовремениванием" античных мыслителей с отказом от идеи историчности соответствующих социальных и гуманитарных дисциплин. Поэтому Аристотеля, Платона, Цицерона и других мыслителей античности правильнее считать не основателями политической науки или политической философии, а их предтечами.

1.4. Формирование зачатков политическойнауки

Качественные изменения с точки зрения возникновения политической науки и политической философии произошли с переходом от средних веков к Новому времени. Суть этих изменении общеизвестна, и в той мере, в какой это необходимо для понимания анализируемых здесь проблем, они рассматриваются в гл. 2. Здесь лишь отметим, что только со второй половины XVШ -начала XIX в. можно вести речь о мире политического и гражданском обществе как о самостоятельных подсистемах человеческого социума.

В контексте этих изменений подспудно происходил процесс диверсификации и возникновения новых научных дисциплин. Уже в средние века право, теология и медицина существовали как самостоятельные дисциплины в университетах. Но подавляющая часть знаний о природе и обществе продолжала относиться к философии. Такой позиции придерживался и ряд мыслителей Нового времени. Т.Гоббс, например, утверждал, что [23, т. 1, с. 272]

...философия делится на столько же ветвей, сколько существует родов вещей, которые могут быть доступными человеческому разуму, и каждая из этих ветвей получает различное

наименование в зависимости от различия изучаемых ею предметов... Наука о движении называется физикой, наука о естественном праве - философией морали, тогда как вся наука в целом является философией.

Но как бы то ни было, процесс сегментации единой философии и рождения новых научных дисциплин приобрел необратимый характер. Например, к середине XVIII в. философия разделилась на естественную и моральную философии, а с возрастанием престижа химии, физики, биологии и других дисциплин эти две сферы знания получили название "естественные науки" и "моральные науки". В рамках моральных наук изучались и анализировались почти все общественные и политические явления, процессы, институты. В этой связи напомним, что один из основателей политэкономии А.Смит был профессором моральной философии.

В дальнейшем, особенно в свете изысканий А.Сен-Симона и О.Конта, которые делали упор на отношения людей в обществе, моральные науки получили окончательное название "социальные науки", объектом изучения которых стали общество и мир политического в их взаимосвязи и взаимозависимости. В XIX в. возникло и получило распространение такое понятие, как "гуманитарные науки". В рамках социальных и гуманитарных наук и сформировались политическая наука и политическая философия. Этот процесс происходил на фоне всевозрастающего интереса к таким ключевым проблемам, как происхождение, сущность и предназначение государства, теория общественного договора, отношения между государством и церковью, народный суверенитет, права и свободы человека, формы правления и т.д.

Существенный толчок развитию политической теории, идей конституционного строя, республиканской и либерально-демократической форм правления, а также вызреванию предпосылок для формирования и утверждения институтов, отношений и норм, соответствующих этим теориям и идеям, был дан Просвещением, а затем Великой французской революцией, Войной за независимость в США в конце XVIII в. и серией революций в XIX в. Эта тенденция особенно отчетливо проявилась в английской, американской и французской политических традициях, где республиканская и демократическая системы рассматривались как наилучшие формы правления, оптимально соответствующие природе человека.

Очевидно, что во второй половине XVIII - начале XIX в. были сформулированы важнейшие подходы, которые явились основополагающими для разработки главных политических теорий и концепций современности. А это, естественно, создало предпосылки для формирования самостоятельной научной дисциплины, призванной профессионально исследовать и анализировать мир политического.

Процесс выделения политологии с собственными понятийно-категориальным аппаратом, методологическими принципами и системой аргументации происходил в общем контексте развития науки Нового времени. Здесь определяющее значение имели, с одной стороны, утверждение атомистических и механистических представлений о мире и обществе, а с другой - ньютоновская картина мира с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями и т.д. Согласно этим представлениям, социальный мир, подобно природной Вселенной, изображался как жестко детерминированный часовой механизм, действия которого может исчерпывающе понять любой человек, обладающий способностью объять и проанализировать все его элементы и отношения между ними в их тотальности.

Обращая оружие рационализма против средневековых суеверий, Т.Гоббс ценил только эмпирический материал и, веруя в исчислимость политических феноменов с помощью математических методов, видел смысл государства в его полезности и способности обеспечить безопасность и мир для своих граждан. Д.Юм наряду со многими другими мыслителями Нового времени стремился свести политику к науке с целью создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Считалось, что наука о политике, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в тех или иных конкретных формах и сферах, позволяет выделить те элементы, воздействие на которые дает желаемые результаты.

Постепенно объяснение политических феноменов и процессов в терминах рационализма становится общепринятым в западном обществознании. Формировалось убеждение, что в социальных и политических реальностях будут обнаружены законы и закономерности, которые по своей точности и определенности не уступят, например, законам физики. Утверждалась методология анализа общественно-политических явлений, разрабатывались новые специальные методы исследования, неуклонно возрастал интерес к методам формально-правового анализа, юридической логике, сравнительно-правовому анализу и т.д. Ряд исследовательских методов, приемов и понятий, выработанных в естественных науках, становились достоянием социальных и гуманитарных наук. Показательно, что определенные аспекты социальной и политической действительности описывали и анализировали с помощью таких заимствованных из естественных наук понятий, как "прогресс", "эволюция", "организм", "порядок" и др. Уже к началу XIX в. утвердилась мысль о необходимости систематического эмпирического изучения политических феноменов, исследования политики с помощью конкретных методов (А.Сен-Симон, О.Конт и др.).

В некотором роде XIX в. стал периодом не только исторической, но и государствоведческо-правовой, юридической науки, поскольку он ознаменовался развитием истории и теории права, отделением государственного права от административного и уголовно-процессуального от гражданско-процессуального, формированием различных школ права, таких, как историческая, позитивистская, реалистическая и т.д. Наметилась тенденция к политизации и социологизации проблематики государства и права и соответственно к пересмотру юридического формализма. Немаловажную роль при этом сыграли Р.Еринг, С.А.Муромцев, Э.Дюркгейм, М.Вебер и др. В результате сложились такие направления политической и правовой мысли, как теория политического представительства, юридический позитивизм и социологическая юриспруденция, теория правового государства и сравнительное правоведение.

Заслуга исторической школы права при всех выявленных позже недостатках состояла в том, что ее представители (Савиньи и др.) подчеркивали необходимость изучения правовых установлений в контексте общего исторического развития общества. Представители социологической юриспруденции (И.Бентам, Р.Еринг, С.А.Муромцев и др.), указывая на несостоятельность юридического формализма, обращали внимание на игнорирование социальных и политических последствий законодательства. Как бы подытоживая эти тенденции и процессы, известный французский историк А. де Токвиль в середине XIX в. пришел к выводу о необходимости создания "новой политической науки для нового мира". С этого времени начинается период окончательного формирования политологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины.

1.5. Формирование и институционализация политической науки

Процесс формирования и выделения политологии из общей системы социальных и гуманитарных наук занял несколько десятилетий в конце XIX - начале XX в. Поэтому привязывать ее рождение к какой-либо конкретной дате в той или иной стране можно только условно. О начале собственно политической науки в Германии можно говорить уже с момента возникновения в первой половине XIX в. правовой школы Staatslehre, поставившей своей целью изучение государства в различных его аспектах и проявлениях. Основы этой школы были заложены работами Канта и Гегеля, особенно "Философией права" последнего. Немаловажную роль здесь сыграли известные германские правоведы и государствоведы Л.Штайн, О.Гнейст, Р.Гирке, Р.Еллинек и др.

Главная особенность школы Staatslehre состояла в том, что она сводила политическое исследование к идее государства, интерпретируемого как комплекс формальных конституционных норм. Политические процессы внутри страны, в том числе и вопросы государственного управления в целом, изучались в рамках государствоведения. Постепенно наметилось разделение между государствоведением и собственно политической наукой, которая достигла заметного прогресса во второй половине XIX - начале XX в. Заметный вклад в разработку важнейших категорий и концепций мира политического внесли такие представители германской политической науки и политической философии, как В.Хасбах, М.Вебер, К.Шмитт и др.

Формирование политической науки во Франции заняло примерно полвека между двумя символическими датами: 1871 г., когда Э.Бутли основал "Свободную школу политических наук", и 1913 г., когда была опубликована книга А.Зигфрида "Политическая карта западной Франции при Третьей республике". Между этими датами было опубликовано множество работ, составивших основу французской политической науки. Это прежде всего "Принципы политической науки" Э.де Парье (1870), "Элементы политической науки" Э.Шеврьера (1871), "Философия политической науки" Э.Акола (1877). За ними последовали ставшие классическими труды "Идея государства" (1896) и "Политическая доктрина демократии" (1901) А.Мишле, "Конституционное право" Л.Дюги (1908) и др.

Вычленение и формирование политической науки в Великобритании относится к концу XIX в., когда при Лондонском университете была основана Лондонская школа экономики и политических наук. До второй мировой войны сначала в этой школе, а затем в Оксфордском, Кембриджском, Манчестерском, Ливерпульском и других университетах основное внимание было сосредоточено на изучении политических феноменов. При этом политическая наука концентрировала внимание на государственном управлении и политических институтах, английском конституционном и административном праве, политической философии и теории, международных отношениях и колониальной администрации. В тот период ведущую роль в политологических исследованиях играли Э.Баркер, Д.Коул, Г.Ласки, Ч.Мэннинг, У.Робсон, Г.Файнер и др.

Процесс формирования политической науки в США занял несколько десятилетий. Основателем систематического исследования политики в Америке считается Ф.Либер. В 1857 г. он был назначен профессором истории и политической экономии в Колумбийском колледже. В его лекциях по политической философии центральное место занимали вопросы теории государства и политической этики. Сменивший Ф.Либера в 1876 г. Дж. Берджес основал в том же колледже (позже переименованном в Колумбийский университет) в 1880 г. Школу политической науки, где была введена система подготовки научных кадров с написанием и защитой диссертаций, а в 1886 г. стал выходить журнал "Ежеквартальник политической науки". Примеру Колумбийского университета последовали университет Дж.Гопкинса и другие ведущие учебные заведения США. Немаловажную

роль в становлении американской политической науки сыграла книга одного из ее основателей Дж.Берджеса "Политическая наука и сравнительное конституционное право" (1890). В 1903 г. была образована Американская ассоциация политических наук, положившая начало созданию множества подобных ассоциаций как в США, так и в других странах (несколько позже). В том же году начал издаваться журнал "Анналы американской академии политических и социальных наук", а с 1906 г.- "Обозрение американской политической науки". В 1939 г. вышел в свет "Журнал политических исследований". Эти журналы и в наши дни играют немаловажную роль в разработке ключевых проблем политической науки.

Формирование социологии и политологии в России шло с некоторым запозданием по сравнению со странами Запада. Оно значительно ускорилось после отмены крепостного права, в результате Судебной и земской реформ, реформы армии и других преобразований в последние десятилетия XIX в. Эти реформы, которые могли бы в конечном счете способствовать утверждению начал гражданского общества и правового государства, в огромной степени стимулировали интерес русских обществоведов к проблемам права, конституционализма, истории государственного строительства и т.д.

В конце XIX - начале XX в. были заложены основы русского конституционализма. В данном контексте большое значение имело возрождение интереса к теории естественного права, которая использовалась для обоснования принципов правового государства. Немаловажная заслуга в разработке этих проблем принадлежит Б.Н.Чичерину, который написал несколько фундаментальных работ: "История политических учений" в пяти томах (1877), "Очерки философии права" (1901), "О народном представительстве" (1857). Дальнейшее развитие эта проблематика получила в работах И.В.Михайловского, Л.И.Петражицкого. Глава московской школы философии права П.И.Новгородцев принял активное участие в образовании Конституционно-демократической партии. Его учениками и последователями были И.А.Ильин, Б.П.Вышеславцев, Н.Н.Алексеев и др., внесшие существенный вклад в разработку важнейших проблем политической науки. Ряд идей П.И.Нов-городцева плодотворно развивались С.Л.Франком, С.И.Гессеном и др. В области философии права значительный вклад внесли Е.Н.Трубецкой, Н.А.Бердяев, В.С.Соловьев. Не случайно П.И.Новгородцев называл В.С.Соловьева "блестящим и выдающимся представителем философии права" и причислял его к "наиболее видным защитникам правовой идеи среди философов". Нельзя не отметить также тот неоценимый вклад, который внес в разработку проблем политической философии, обоснование принципов конституционализма и сравнительно-исторический анализ представительных учреждений и форм демократии М.М.Ковалевский.

Эти и множество других фактов дают достаточные основания считать, что развитие политической мысли в России шло в том же направлении, что и на Западе. Но в России из-за целой череды катаклизмов, захлестнувших страну, установления тоталитаризма процесс формирования и институционализации самой политической науки оказался прерванным.

Подытоживая изложенное, можно сказать, что последние десятилетия XIX - начало XX в. стали тем периодом, когда сфера политического окончательно определилась как самостоятельная подсистема человеческого социума. Именно к тому периоду относятся окончательное формирование и утверждение в большинстве промышленно развитых стран важнейших институтов, в совокупности составивших современную политическую систему в различных ее типах и формах. Речь идет прежде всего о четком разделении властей, утверждении парламента, исполнительной и судебной ветвей как самостоятельных институтов власти, партиях и партийных системах, избирательной системе, государственной службе и т.д. Политическая наука стала дисциплиной, призванной изучать эти институты, феномены и процессы.

Следует отметить, что вплоть до первых десятилетий XX в. продолжались споры и дискуссии относительно статуса и параметров политической науки. В трактовке некоторых видных представителей социальных и гуманитарных наук она охватывала политическую философию, право, политическую историю, исследование государственно-правовых и политических институтов и даже политэкономию. Это вполне естественно, если учесть, что тогда ученые обычно представляли одновременно несколько дисциплин. Например, второй том "Позитивной политики" О.Конта посвящен разработке весьма широкого спектра проблем, таких, как собственность, религия, семья, язык, разделение труда и т.д. Р.Арон утверждал, что "Конт - философ в социологии и социолог в философии" [4, с. 121]. В этой связи нелишне напомнить, что полное название работы О.Конта звучит так: "Система позитивной политики, или социологический трактат об основах религии человечества". Можно согласиться с М.С.Липсетом, который считал, что крупнейшие социологи конца XIX в. в большинстве своем были одновременно политическими социологами или же "социологически мыслящими политологами". Такие социологи конца XIX - начала XX в., как М.Вебер, Э.Дюркгейм, В.Парето и др., были одновременно политическими философами.

Следует отметить, что в тот период между самоутверждавшимися научными дисциплинами развертывалось нечто вроде конкуренции на предмет распределения мест в статусной иерархии. В июне 1903 г. во Французском философском обществе известный психолог Г.Тард сделал доклад, посвященный проблеме классификации наук О.Конта и А.А.Курно. По словам Тарда, Конт выделил

пять фундаментальных наук в следующей последовательности: математика, физика - химия, астрономия, биология, социология. Курно предложил свой перечень: математика, физические науки, биологические науки, науки о духе и политические науки. У одного, как видно, систему замыкала социология, у другого - политические науки. От того, какая из этих истем одержит победу, зависело, какая из двух наук - социология или политология - займет место в иерархии фундаментальных наук наряду с естественными науками, а какая - место отельной дисциплины в рамках другой. Победила классификация О.Конта.

Но все же по мере дальнейшего разграничения и утверждения мира политического политическая наука все отчетливее отпочковывалась от социологии, политэкономии, истории, юриспруденции и т.д. В этом контексте немаловажное значение имела разработка маститыми обществоведами конца XIX - начала XX в. основополагающих политологических концепций и теорий, политики и мира политического. Здесь прежде всего следует назвать М-Вебера, который стал рассматривать политические явления как особые реальности, имеющие собственную логику развития и соответственно собственную историю. Он, в частности, полагал, что политика обусловлена не только производственными отношениями, как у Маркса, или разделением труда, как у Э.Дюркгейма, но и в равной степени влиянием административных структур. Большое значение имели сформулированные М.Вебером концепции бюрократии и плебисцитарно-вождистской демократии.

Вслед за К.Марксом и М.Вебером целая плеяда ученых - В.Вильсон, Дж.Брайс, В.Парето, Р.Михельс, Г.Моска и др. - выдвинула собственные теории политического развития. Так, В.Парето, Г.Моска и Р.Михельс пришли к выводу, что любая система политического правления независимо от ее формально-юридического или идеологического характера является по существу олигархической или элитической. Здесь особо следует отметить работы Г.Моска "Теория правления и парламентское правление" (1884) и "Основы политической науки" (т. 1,1896 г.; т. 2, 1923 г.), В.Парето "Трактат по общей социологии" (1916) и "Трансформации демократии" (1921), а также Р.Михельса "Социология политических партий", в которых были сформулированы теории циркуляции элит и железный закон олигархии. Согласно последним, политические реальности во всех политических системах определяются соперничеством, конкуренцией и соответственно сменой У власти различных группировок элит. Исходя из этого авторы Указанных работ считали основной задачей политической науки изучение элит, особенностей их функционирования и закономерностей их периодической смены у власти.

В этот же период были заложены основы современной политической социологии. Здесь следует назвать опять же политологические работы М.Вебера, упомянутую выше книгу Р.Михельса и др. Еще до них, в 1898 г., русский ученый М.Я.Острогорский опубликовал фундаментальный двухтомный труд (на французском языке) "Демократия и политические партии". Лишь в конце 20-х годов она была издана на русском языке. Показательно, что хотя в нашей стране книга не получила соответствующую ее значимости популярность, на Западе ее автор наряду с такими признанными авторитетами того времени, как М.Вебер, Р.Михельс и др., считался одним из основателей политической социологии. Большой вклад в развитие политической социологии внес американский политический ученый А.Бентли. В начале нынешнего столетия он опубликовал ряд работ, в которых разрабатывалась теория групп. А.Бентли рассматривал группу как фундаментальную единицу (или "частицу") политики, действующую под институциональным контролем административных учреждений, судов, законодательных органов и политических партий. Во многом теория групп являлась реакцией на правовой формализм, поскольку утверждалось, что групповое взаимодействие конституирует реальность политической жизни, действующей за юридически правовой ширмой общества и государства. Придавая этому основополагающее значение, Бентли и его последователи оценивали группу как важнейший предмет исследования политической науки.

В дальнейшем на основе разработок Бентли были сформулированы концепции заинтересованных групп, которые наряду с партиями заняли важное место в политологических исследованиях. Начало их изучения пришлось на 20-е годы - труды П.Одегарда и Э.Херрига, за которыми последовали работы Дж.Поллака, Э.Шатшнайдера, Э.Лейзерсона и др. Но теоретической и аналитической зрелости исследования этой проблемы достигли после второй мировой войны. Существенный вклад был внесен в разработку теории демократии и конституционной формы правления, представительства, избирательных и партийных систем и т.д. (М.Я.Острогорский, Дж.Брайс, В.Вильсон и др.).

1.6. Две тенденции в развитии политической науки

В развитии политологии с самого начала обозначались две главные тенденции. В политологии стран континентальной Европы утвердилась *тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал.* Так, в Германии политическая наука развивалась в русле немецкой классической философской традиции.

Можно сказать, что основы ее теоретико-познавательных и инстуциональных рамок были заложены традиционными дисцилинами - философией и историей. Значительное влияние на характер германской политологии, особенно политической философии, оказал тот факт, что они развивались в

контексте характерного для германского обществознания историзма. Германскую политологию отличает традиционный конфликт (который по словам К.Байме, живуч и сейчас) "между аристотелевским пониманием политики как практической философии и рационалистическими и эмпирическими теориями Нового времени". Эти теории со времени Н.Макиавелли, Ф.Бэкона и Т.Гоббса интерпретировали политику преимущественно в технико-рационалистическом духе.

Но вместе с тем еще во времена Аристотеля политика рассматривалась в качестве практической науки, призванной подготавливать и предопределять действия, а не ограничиваться описанием фактов. В такой трактовке в глазах некоторых германских исследователей политология не является наукой в строгом смысле слова - эпистемой. По их мнению, политическая наука как практическая дисциплина призвана определять цели и нормы политической деятельности. В этом плане в ее задачу входят философское осмысление социальной действительности и ориентация политической деятельности на те или иные социальные и моральные ценности. Пожалуй, наиболее прозрачно эту позицию изложил А.Шван; он, в частности, призывал "вновь и вновь возвращаться к нормам, вытекающим из религиозного и философского самосознания, на которые следует ориентироваться как на высшую ценность политического мышления".

С определенными оговорками можно сказать, что вплоть до второй половины 30-х годов примерно в подобном же русле развивалась политология большинства стран континентальной Европы.

Вместе с тем как в континентальной Европе, так и особенно в англосаксонских странах, политическая наука во все растущей степени делала крен в сторону *позитивизма,* в рамках которого наблюдалась тенденция к приравниванию науки о политике к естественным наукам.

Нельзя не отметить, что дань позитивизму отдали и представители русских социальных и гуманитарных наук. Так, еще в 1869 г. вышла книга А.И.Стронина "История и метод", в которой была поставлена задача обосновать использование естественно-научных методов для изучения общественных явлений и процессов, но эта идея подверглась жесткой критике. В 1872 г. была опубликована работа П.Ф.Лилиенфельда "Мысли о социальной науке будущего". Автор, следуя в русле изысканий Г.Спенсера, предпринял попытку сформулировать собственный вариант теории органичного общества. Надо сказать, что эта книга, изданная в Германии на немецком языке, уже в 1873 г. пользовалась в Западной Европе немалой популярностью. Будучи решительными приверженцами позитивизма, эти авторы выступали за освобождение социальных наук от этических, морально-психологических и иных метафизических, по их мнению, наслоений. Исходя из постулата единства естественного и социального миров, П.Ф.Лилиенфельд, например, утверждал, что экономическая жизнь - это физиология общества, система правовых институтов - морфология, правительство - нервная система и т.д.

В соответствии с основными установками позитивизма были сформулированы так называемые научные законы политики. К ним, в частности, относятся положения, сформулированные в упомянутых выше работах М.Я.Острогорского и Р.Михельса. Так, на основе сравнительного исследования английской и американской партийных систем М.Я.Острогорский пришел к выводу о несовместимости массовой бюрократической политической партии и демократической системы управления. Р.Михельс, проанализировав историю и деятельность социал-демократической партии Германии, вывел свой железный закон олигархии, согласно которому, для крупных бюрократических организаций характерна тенденция к сосредоточению власти в руках узкой олигархии. Можно назвать еще немало подобного рода других "законов" политики.

Понимаемая так политология концентрировала внимание в основном на формальных институтах политической системы: парламенте, исполнительной власти, административных учреждениях и т.д. Однако обнаружилось, что для правильного понимания политических процессов этого недостаточно и необходимо изучать сами политические процессы, ценности, установки широких слоев населения, их политическое поведение и т.д.

Поэтому уже в первые десятилетия XX в. известные политические ученые Запада Дж.Уоллес, Г.Ласки, Г.Ласуэлл поставили вопрос о значимости исследования социокультурных, религиозных, психологических факторов, неосознанных и подсознательных мотивов в политическом поведении людей. С этой целью были предприняты попытки применить в политологических исследованиях методы, заимствованные из экспериментальной психологии и психоанализа, а также эмпирической социологии. В тот же период многими политологами была осознана необходимость использования в исследованиях методов экономической науки, истории, антропологии, психологии. Политологи стали широко привлекать также математические, статистические и количественные методы.

В итоге позитивизм, особенно в англосаксонских странах и прежде всего в США, стал оттеснять политико-философское, теоретическое начало на второй план. Так, в 1923 г. президент Американской ассоциации политической науки Ч.Мерриам, обосновывая необходимость отказа от старых "априорных спекуляций", юридических и сравнительно-исторических методов, утверждал, что техника поиска фактов создает "адекватный базис для надежного обобщения" и переводит "политическое исследование на объективную научную основу". В этом русле политическая наука США вплоть до конца второй мировой войны концентрировала внимание на американской публичной администрации, публичном праве, политических партиях и группах давления, конгрессе и исполнительной власти,

штатной и местной властях. При этом политические феномены и процессы все в большей степени становились объектом математизации и квантификации. Это в свою очередь вело к изгнанию из политологических исследований теоретического мировоззренческого и ценностного начал.
Касаясь вопроса о восхождении сциентистской и позитивистской политологии в США, нельзя представлять дело так, будто перестали существовать противостоящие ей течения совершенно. В тот период вышло немало работ, в которых подвергался аргументированной критике позитивистский подход, отстаиваемый Ч.Мерриамом, Дж.Кэтлином и др. Достаточно упомянуть, например, работы У.Эллиота "Прагматический мятеж в политике" (1928) и "Возможности науки о политике" (1931), в которых обосновывалась несостоятельность устремлений тех позитивистов, которые пытались превратить политологию в точную науку. У.Эллиот, в частности, подчеркивал, что сциентизм не способствует развитию творческого духа и ориентирует политологов на однобокое накопление фактов "по частным проблемам со ссылкой на специфические практические цели".
Но тем не менее фактом является то, что в американской политической науке верх одержала позитивистская методология, этот момент приобретает особенно важное значение, если учесть, что в 30-е - 40-е годы американское влияние в западной политологии стало преобладающим. Дело в том, что в тот период в ША переместился центр развития социальных и гуманитарных наук. В тоталитарных странах Европы исследования в этой области были либо свернуты, либо полностью поставлены на обеспечение идеологических и политико-пропагандистских запро. сов правящих режимов. Имели место небывалые в истории утечка мозгов и переселение цвета интеллектуальной и творческой элиты континентальной Европы в Америку. В период нацизма гер. майская политология практически была уничтожена. С 1932 по 1938 г. Германию покинули более половины всех преподавателей высшей школы, а также множество видных представителей интеллектуальной и научной элиты: З.Фрейд, К.Левин, Г.Маркузе, К.Мангейм, Э.Фромм, Т.Адорно и др. Аналогичной была судьба политической науки в Италии и большинстве других европейских стран. Девальвация ценности знания, подчинение все и вся целям идеологии и пропаганды делали неуместными социальные и гуманитарные дисциплины, в том числе политологию.
Особенно трагически сложилась судьба этих наук в Советском Союзе. После большевистской революции, по мере укрепления власти тоталитарной диктатуры многие российские философы, политологи, социологи и представители других социальных и гуманитарных дисциплин выехали сами или были высланы за границу. В их числе такие блестящие ученые, как Н.А.Бердяев, О.Н.Лосский, С.Л.Франк, П.Струве, И.Ильин, П.Сорокин и др., труды которых по различным проблемам современного общест-вознания получили мировую известность. Эти труды, составившие золотой фонд русского зарубежья, в последние годы возвращаются к нам и вносят свой неоценимый вклад в восстановление прерванной российской политологической традиции.
Таким образом, в период между двумя мировыми войнами в политической науке верх взяла вторая тенденция. По сути дела, тон в ней задавали США, и в целом западная политическая наука функционировала под знаком позитивизма.

1.7. Политическая наука после второй мировой войны

Послевоенные десятилетия можно рассматривать как новый этап в развитии политической науки. Уже в первые годы после войны развернулся широкомасштабный и бурный процесс сначала восстановления, а затем и дальнейшего развития политических наук в европейских странах.
Прежде всего обращает на себя внимание неуклонное расширение диапазона политической науки. В круг ее интересов вошли политические системы, политический процесс и политические партии; заинтересованные группы и политические движения; политическое поведение и политическая культура; общественное мнение и средства массовой информации в политическом процессе; Политическое лидерство и элиты; корпоративизм и неокорпоративизм; политические идеологии, история политических учений, политическая философия и т.д. Значительное внимание, особенно в европейской политической науке, уделяется методологическим проблемам.
В данном контексте немаловажную роль сыграла Международная конференция по вопросам политической науки, организованная по инициативе ЮНЕСКО в Париже в 1948 г. В сформулированном и принятом на конференции специальном документе впервые предпринималась попытка систематизировать составные элементы политической науки. Были выделены четыре блока этих элементов:
Политическая теория: а) политическая теория; б) история идей.
Политические институты: а) конституция; б) центральное управление; в) региональное и местное управления; г) публичная администрация; д) экономические и социальные функции управления; е) сравнительный анализ политических институтов.
Партии, группы и общественное мнение: а) политические партии; б) группы и ассоциации; в) участие граждан в управлении и администрации; общественное мнение.
Международные отношения: а) международная политика; б) политика и международные организации; в) международное право.

В 1949 г. в рамках ЮНЕСКО была создана Всемирная ассоциация политических наук, ежегодные конференции которой внесли существенный вклад в развитие политологических исследований. Первоначально, особенно в конце 40-х - 50-х годах, тон в мировой политической науке продолжали задавать американцы. Именно в США развернулась так называемая бихевиористская революция в социальных науках, в том числе политологии. Американским ученым принадлежит заслуга разработки системного и структурно-функционального анализа политических феноменов, политико-культурного подхода, сравнительной политологии и т.д. Показателями расцвета американской политической науки стали появление огромного потока литературы по разнообразным вопросам политики как в США, так и в других странах, создание новых научных и учебных центров, основание множества новых общенациональных и региональных политологических журналов и т.д.

Политическая наука в США сосредоточена главным образом в университетах - число кафедр политологии в них достигло 1340. Большинство американских политологов сочетает преподавание с научной деятельностью. Американская политическая наука оказала большое влияние на развитие политической науки в большинстве европейских стран. Симптоматично, что американские ученые сыграли заметную роль в организации упомянутой выше конференции ЮНЕСКО.

Сразу после этой конференции во Франции были созданы Национальная административная школа, Институт политических исследований при Парижском университете, Национальный фонд политических наук, а также Французская ассоциация политических наук. Последняя совместно с Национальным фондом политических наук с 1951 г. издает "Французский журнал политической науки". В 1956 г. во Франции была введена ученая степень доктора политических наук. По декрету правительства в университетах страны был введен новый курс "Конституционное право и политические институты", который способствовал пересмотру традиционных методов исследования политических феноменов и процессов. Особенно впечатляющих успехов французская политическая наука в лице М.Дюверже, Б. де Жувенеля, Ж.Бюрдо, Ж.Веделя, М.Прело, П.Фавра и др. добилась в области исследования конституционализма, государства и власти, политических систем и режимов, партий и партийных систем и т.д. Во многом тяготея к позитивистской методологии, английская политическая наука в целом не чуждалась историко-философской направленности. В 1950 г. по инициативе Г.Ласки, Д.Брогэна, Ч.Уильсона, М.Оукшота и др. была учреждена Ассоциация политических исследований Соединенного Королевства (АПИСК), ставшая одним из филиалов Международной ассоциации политической науки. С того же года начал выходить печатный орган АПИСК "Политические исследования". Помимо него в настоящее время издаются несколько других политологических журналов: "Британский журнал политической науки", "Правительство и оппозиция", "Политический ежеквартальник" и др. Исследовательская деятельность в области политики и преподавание политологии осуществляются примерно в 40 университетах страны.

Впечатляющих успехов в послевоенные десятилетия, особенно в 60-е - 80-е годы, добилась политическая наука Федеративной Республики Германии. Эти успехи связаны прежде всего с именами К.Байме, Г.Рормозера, Г.Люббе, К.Зонтхаймера, Г.-К.Кальтенбруннера и др. О характере и направленности германской политической науки можно судить даже по перечислению проблем, ставших объектом ее изучения: теория политики, история политических идей, философская антропология, теория политических процессов, сравнительный конституционализм и др. Важное место отводится политическим институтам, политическим партиям, объединениям, союзам, внутренней политике, государственно-административной системе внешней политике и т.д.

Германская политическая наука развивается и функционирует в русле традиций органического сочетания теоретических,

философских и ценностных начал, с одной стороны, и эмпирико-фактографических начал - с другой. Обращает на себя внимание существование нескольких концепций политической науки в ФРГ. Сторонники одной из них, следуя традиции школы Staatslehre, отождествляют ее с государствоведением, дополненным изучением динамики государственных институтов. Вторая группа, отрицая единство политической науки, говорит о политических науках - истории, социологии и экономике. Приверженцы третьей концепции рассматривают ее как один из разделов социологии, концентрируя при этом внимание на социологических аспектах политики. Четвертый подход представлен исследователями, усматривающими задачу политологии в историко-герменевтическом анализе современности.

В тех или иных формах политическая наука развивалась и в других странах. Об этом свидетельствует создание множества национальных и региональных ассоциаций и организаций политических наук. Беспрецедентный размах получило развитие преподавания политологии в университетах и вузах гуманитарного профиля, а также подготовка бакалавров, магистров и докторов по различным областям политологии. Существенно расширился круг политологических журналов. Следует отметить, что в середине 70-х годов была создана Советская ассоциация политических наук, что свидетельствовало об определенных сдвигах в данной сфере и у нас в стране.

Не затрагивая конкретные пути и тенденции развития политической науки после второй мировой войны по отдельным странам, все же отметим некоторые ее особенности в США и континентальных европейских странах. В целом европейская политическая наука берет начало от истории идей и

концентрирует внимание на исследовании государственного права и государственно-политических институтов. Американская же политология Делала акцент на социальные основания государства. Здесь имеет место тесное взаимодействие политической науки, политической практики и политической социализации. В США развитие политической науки шло преимущественно по линии проведения прикладных эмпирических исследований. Концентрируя внимание на сборе и систематизации эмпирических данных, американская политическая наука не всегда и не в достаточной мере учитывала историческое и теоретическое измерения политики. Если в США политика развивалась в русле позитивизма и сциентизма, то в континентальной Европе были восстановлены и успешно развивались историко-правовые, государствоведческие, политико-философские традиции. Если в первом случае преобладало эмпирическое начало, то во втором случае исследования базировались на органическом сочетании теоретического и эмпирического начал.

В послевоенные десятилетия получили дальнейшее развитие прежде всего те теории, идеи, концепции, которые были выдвинуты и сформулированы в довоенный период. Это теории групп вообще и заинтересованных групп в частности, а также связанная с ними теория равновесия политических сил (Д.Трумен, Д.Истон, Р.Тейлор и др.), теории демократии (Р.Даль, Дж.Сартори и др.), теории элит и элитизма (Г.Ласуэлл, Р.Миллс и др.), идей власти, контроля и влияния (Дж.Кэтлин, Ч.Мерриам, Г.Моргентау) и т.д. Наряду с этим начались и широкомасштабно осуществлялись исследования политических систем современности (Д.Истон, К.Фридрих, К.Дойч, Г.Шильс, Р.Арон и др.), партийно-политических систем (М.Дюверже, У.Д.Бернхэм, Дж.Сандквист, К.Байме и др.), структурно-функционального анализа мира политического (Т.Парсонс, Ч.Бернард, Р.Мертон и др.), идей конфликта и консенсуса в политике (С.М.Липсет, Л.Коузер и др.).

1.8. Сравнительная политология

В послевоенный период важный вклад был внесен в разработку *методологических принципов политологических исследований.* Так, в 50-е годы почти одновременно мировая политология обогатилась комплексом новых методологических и концептуальных подходов, методов и приемов исследования. Среди них следует назвать *бихевиоризм, системный анализ, политико-культурный подход,* а также и связанные с ним теории и концепции, а также приемы, методы, понятия и категории. В тот же период как самостоятельная область политической науки окончательно сформировалась *сравнительная политология.* Причем все теории и концепции настолько связаны и переплетены между собой, что практически невозможно представить их друг без друга. Чтобы убедиться в этом, достаточно отметить лишь то, что сравнительные исследования основываются на бихевиористских методах и системном подходе. Что касается политико-культурного подхода и концепции политической культуры, то они разрабатывались и получили дальнейшее развитие также в рамках сравнительной политологии.

Политология, как и любая другая социальная и гуманитарная научная дисциплина, изучает свой предмет путем его соизмерения и соотношения с другими феноменами и процессами. Иначе говоря, сам принцип сравнительности имплицитно присущ любому политологическому исследованию, особенно когда речь идет о классификации и типологизации. Политологическая традиция, начиная с Платона и Аристотеля, уже сама по себе содержит значительный элемент компаративизма. Именно на основе сравнительного подхода Аристотель создал свою типологизацию трех основных систем правления по числу лиц, обладающих властью, или властителей: монархическую, олигархическую и демократическую, в которых верховная власть принадлежит соответственно одному, немногим и всем. Значительный вклад Аристотель внес также в сравнительное изучение конституций древнегреческих городов-государств. К предтечам сравнительного анализа следует причислить Ш.Л.Монтескье.

Особенно широко сравнительный метод стал использоваться в социальных и гуманитарных науках в XIX в. Отдельные его элементы были присущи исторической школе права Савиньи в Германии и так называемой тевтонской школе историографии в США. Под влиянием этих школ в конце XIX в. сформировалась методология сравнительной политики. Одним из ее зачинателей считается Э.Фримен, который в своей книге "Сравнительная политика" (1873), которая, кстати, в свое время была переведена на русский язык, сформулировал известный тезис "История - это политика в прошлом, политика - это история в настоящем". Используя методы сравнительной филологии и политики для изучения истории конституционных учреждений, Э.Фримен пытался выявить сходные черты у разных народов и государств различных исторических эпох и объяснить это происхождением от какого-нибудь одного корня. Особенную популярность методология сравнительной политики получила в США. Так, здесь сформировалось самостоятельное историческое направление, представители которого (Г.Б.Адамс, А.Уайт, Дж.Барджес и др.) пытались выявить генеалогию политических учреждений Америки из институтов общинного самоуправления древних германцев, найти в колониальной Америке связующее звено с древнегерманской племенной организацией.

Необходимо отметить, что та методология сравнительной политики, которая трактовалась и применялась ее сторонниками, существенно отличается от методологии и методов современной

сравнительной политологии. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать позицию по данному вопросу известного русского ученого XIX - начала XX в. М.М.Ковалевского. Не признавая за простым сравнением тех или иных учреждений и институтов каких-либо двух и более произвольно взятых стран статуса научного метода, Ковалевский называл его просто сопоставительным методом. Хотя, говорил он, сопоставить законодательства нескольких народов по тому или иному вопросу и интересно, но делать на этой основе выводы о достоинствах или недостатках этих законодательств неправомерно. Поэтому, продолжал он, "говоря о сравнительном методе, мы отнюдь не разумеем под ним простого сравнения или сопоставления". Чтобы пояснить свою позицию, Ковалевский предпочитал понятию "сравнительный метод" понятие "историко-сравнительный метод"'. Излагая суть этого метода в юриспруденции того периода, он писал [36]:

Те или другие законодательства сравниваются ими <историками и юристами. - К.Г.> *или потому, что те народы, которым принадлежат эти законодательства, происходят от одного общего ствола, а следовательно, способны были в их глазах вынести из общей родины общие юридические убеждения и институты, или же потому, что, не имея даже такого общего достояния обычаев, нравов и учреждений, они одинаково дошли и доросли до них, другими словами, достигли одинаковых ступеней общественного развития.*

Методология современной сравнительной политологии основывается на иных принципах и исходных позициях. В этом качестве сравнительный метод в отдельных своих аспектах использовал еще Гегель, особенно в работе "Философия истории". Именно здесь он сформулировал свой тезис о пассивности, летаргичности и в силу этого неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам прогресса по сравнению с Западом, где, по его мнению, преобладает активное, рационалистическое творческое начало, способствующее прогрессивному восхождению духа свободы. Эта традиция в рассматриваемом контексте нашла дальнейшее развитие у М.Вебера, особенно в его трудах по социологии религии и культуры.

Значительный элемент компаративизма присутствовал в упомянутом выше фундаментальном двухтомном труде русского ученого М.Острогорского "Демократия и политические партии".

Изыскания сравнительного плана продолжали и другие исследователи в первые десятилетия XX в. Так, работы К.Фридриха и Г. Файнера "Теория и практика современной системы правления" (1932) и К.Фридриха "Конституционное правление и демократия" (1937) являются по своему характеру сравнительными исследованиями. В них анализируются различные формы правления, политических институтов и процессов в контексте важнейших тем политической теории. В 1940 г. с выходом в свет книги М.Фортеса и Е.Притчарда "Африканские политические системы" началась история политической антропологии, сыгравшей немаловажную роль в возникновении сравнительной политологии.

При всем этом сравнительная политология как самостоятельный крупный раздел политической науки выделилась лишь в 50-х годах. Не случайно в многотомной "Энциклопедии социальных наук", опубликованной в 1930-1935 гг., статья о сравнительной политологии отсутствует. Этому способствовал ряд факторов.

К началу 50-х годов как методологический арсенал политической науки, так и ее понятийно-категориальный аппарат, сложившиеся в предшествующий период, перестали отвечать реальностям мирового политического развития. Важнейшие политологические концепции разделения властей, представительства, парламентаризма и т.д. и соответствующие им государственные и политические институты возникли в период, когда широкие массы по сути дела еще не были допущены к политике, главенствующие позиции в ней занимали власть имущие, а партии и избирательные системы находились еще на стадии формирования.

В XX в., особенно после второй мировой войны, произошли существенные социальные и политические изменения. Это - введение действительного всеобщего права голоса, беспрецедентное расширение круга участников политического процесса, развитие и институционализация политических партий и заинтересованных групп, возникновение множества общественных организаций, всеобщей системы образования, восхождение средств массовой информации и т.д. Такие широкомасштабные изменения, естественно, требовали соответствующего концептуального, методологического и методического инструментария. Поэтому были Разработаны и стали использоваться концепции политической системы, политических ролей и функций, политической структуры, политической культуры, политической социализации и т.д. Соответственно все большую популярность в политологии приобретали антропологические, социально-психологические, культурологические концепции, а также теории и методы исторической социологии и собственно социологии. Сравнительная политология и была призвана осуществить интеграцию этих новых явлений, тенденций и достижений и поднять политическую науку на качественно новую ступень развития.

В первой половине 50-х годов проводились исследования, которые дали стимул к разработке и институционализации этого научного направления. Среди них следует назвать книги Р.Макридиса "Сравнительное исследование систем правления" (1954) и "Сравнительное исследование политики" (1955). Своеобразным манифестом нового направления стала получившая широкую

популярность и отклик статья Г.Алмонда "Сравнительные политические системы" (1956). Последующие плодотворные изыскания Г.Алмонда, С.Вербы, Р.Путнема, С.Пая, Д.Эптера и других ученых существенно расширили и углубили наши знания о структурах, условиях и последствиях политического поведения и политической культуры различных слоев населения в индустриально развитых странах. Немаловажное значение имели появившиеся позже сравнительные исследования заинтересованных групп и неокорпоративистского механизма принятия решений (Ф.Шмиттер, Г.Лембрук, С.Бергер, Дж.Голдтроп и др.), сравнительные исследования политических партий (Дж.Сартори, А.Лийпхарт, Б.Поуэлл и др.).

Среди факторов, способствовавших формированию сравнительной политологии, следует назвать значительное увеличение массива данных о незападных политических системах и все более растущий интерес политологов разных стран к международно-политическим проблемам и связанное с этим внимание к политическим институтам, ценностям, установкам, традициям, политическим культурам других стран и народов. С этой точки зрения важная заслуга сравнительного подхода состоит в том, что большинство его приверженцев фактически отказалось от господствовавшего в западной политической науке в первой половине XX в. евроцентристского взгляда на политику. Собственно говоря, формирование и рост популярности сравнительного подхода именно в послевоенное время во многом объясняются происходившими изменениями мирового масштаба, в частности процессами деколонизации и образования новых государств, многие из которых становились все более самостоятельными и активными субъектами мировой политики.

Естественно, что проблема развития и политической модернизации новых стран Азии и Африки заняла важное место в сравнительной политологии. В формирование этого направления большой вклад внесла появившаяся в 1966 г. коллективная монография "Политика в развивающихся регионах" (Г.Алмонд, Б. Поуэлл и др.). В ней была предпринята попытка разработать модели политического и социально-экономического развития ан третьего мира. С тех пор появилось множество работ, посвященных различным аспектам модернизации. Под *модернизацией* понимается процесс эволюционной трансформации от традиционного общества к переходному или модернизирующемуся и через него к индустриальному обществу. Выделяют несколько типов модернизации. Основываясь на системном подходе, их авторы пытаются определить пути и формы влияния не только социальных изменений на политическую систему, но и конкретных типов политической системы на данные изменения.

При этом политологи-компаративисты исходят из факта существования во всех обществах независимо от уровня их развития общих для них элементов и параметров. В данном отношении показательна позиция Г.Алмонда. По его мнению, во-первых, даже самые примитивные общества обладают всеми формами политической структуры, которые есть в самых сложных обществах и которые можно сравнивать друг с другом по уровню и форме структурной специализации; во-вторых, во всех политических системах осуществляются одни и те же функции, хотя они и могут реализовываться с разной частотой и разными типами структур (здесь можно провести сравнение частоты форм и стилей этих функций); в-третьих, политическая структура во всех обществах многофункциональна (в этом контексте сравнению подвергается степень специфичности функций); в-четвертых, все политические системы представляют собой "смешанные" системы в культурном смысле. Поэтому нет чисто современных и чисто примитивных обществ. Они отличаются друг от друга относительным преобладанием современных (рационалистических) или традиционных компонентов [141, с. 11].

В рамках сравнительной политологии развернулись исследования политической культуры различных стран и регионов, возникли такие новые дисциплины и разделы политической науки, как политическая антропология, политическая психология, политическая экология и др. На качественно новый уровень поднялось изучение политической философии и этики. Появилась серия работ, посвященных созданию методологических принципов сравнительной политологии. Среди них можно упомянуть сборники статей "Методология сравнительного исследования" (1970) и "Сравнительные политические системы" (1977), книги Р.Чилкота "Теории сравнительной политики: в поисках парадигмы" (1981) и Р.Меррита "Системный подход к сравнительной политике" (1970) статьи Г.Алмонда "Анализ политических систем по типу развития" (1965) и И.Кима "Концепция политической культуры в сравнительной политике" (1964) и т.д. Необходимо отметить, что поток литературы по данной проблематике постоянно возрастает О значимости этого направления свидетельствует появление ряда профессиональных журналов: "Сравнительное обозрение цивилизаций", "Сравнительные исследования по истории и обществу" "Сравнительные политические исследования" и т.д.

На исходе XX в., пройдя столетний путь со времени своего возникновения, политология приобрела статус поистине системной и междисциплинарной науки.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что вы понимаете под политической наукой? Каковы ее место и роль среди других социальных и гуманитарных наук?
2. Каков предмет политической науки?

3. Чем отличаются друг от друга социология, политическая социология и политическая наука?
4. Что понимается под политологической традицией?
5. Назовите основные этапы формирования и эволюции политической науки.
6. Назовите и охарактеризуйте две основные тенденции в политологии.
7. Каковы особенности развития политической науки в европейских странах и США между двумя мировыми войнами?
8. Каковы особенности развития политологии после второй мировой войны?
9. Что понимается под сравнительной политологией?
10. Назовите важнейшие политологические теории и концепции, разработанные в послевоенные десятилетия.

Глава 2. Гражданское общество: политологический аспект

Политика, ее сущность, характер, формы функционирования и реа-ации в значительной мере детерминируются факторами, процессами обытиями, разворачивающимися в гражданском обществе. Поэтому я выявления сущности политического в целом, политических феноменов и процессов необходимо определить тип общества, тех социологических оснований и условий, на которых они разворачиваются.

Гражданское общество представляет собой одну из ключевых категорий современного обществознания. Не является исключением и политология. Что же такое гражданское общество и какое оно занимает место в общественно-политической системе? В трактовке этой сложной и многоплановой проблемы существует довольно большой разброс мнений и оценок как в западной, так и российской литературе. Дискуссионным остается вопрос о происхождении, исторических судьбах и хронологических рамках гражданского общества. На правом фланге, преимущественно у либертаристов, оно понимается сугубо позитивно, как своего рода синоним рыночных или других форм "частной" жизни, которые считаются совершенными уже в силу того, что они противостоят государственной власти. Ортодоксальные левые в целом негативно относятся к разделению гражданского общества и государства, полагая, что это затемняет основополагающие проблемы частной собственности, классового разделения и классовой борьбы.

Некоторые исследователи придерживаются того мнения, что сама идея гражданского общества как независимого от государства образования верна лишь применительно к ранней "либеральной" стадии развития капитализма. В подтверждение этого тезиса приводится тот довод, что в современных условиях границы между гражданским обществом и государством практически стерлись, что государство по сути дела вмешивается решение всех фундаментальных экономических и социальных проблем. Представители либеральной и умеренно-консервативной традиций вслед за Гегелем рассматривают гражданское общество и правовое государство как две стороны одной медали. Существует также мнение, которое отождествляет гражданское общество с человеческим обществом вообще.

Мысль о том, что общество возникло и развивалось вместе с государством, сама по себе верная и не подлежит сомнению. Но ряд принципиальных возражений и оговорок вызывает постановка вопроса в такой форме. Прежде всего не следует путать понятия "гражданское общество" и “человеческое общество". Если общество, как таковое, появилось вместе с человеком, то гражданское общество - это исторический феномен возникший на определенном этапе развития человеческого общества, прежде всего западной цивилизации.

2.1. Трактовка понятия "гражданское общество" в античности

Говорить о гражданском обществе в современном понимании можно лишь с момента появления гражданина как самостоятельного, сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом прав и свобод и в то же время несущего перед обществом моральную или иную ответственность за все свои действия. Путь западной цивилизации к гражданскому обществу был отмечен острыми и длительными социальными, политическими и идеологическими коллизиями, включая серию больших политических революций. Это был процесс не только экономической, социальной и политической, но также социокультурной, духовной и морально-этической трансформации. Об этом свидетельствуют как перипетии формирования и развития самого гражданского общества, так и история разработки концепции гражданского общества в западной общественно-политической мысли.

Понятие "гражданское общество" восходит к периоду античности. При этом прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что у античных мыслителей понятия "гражданское общество", "политическое сообщество" и "государство" выступали в качестве синонимов и взаимозаменяемых терминов. Это "polls" и "po-litea" у древних греков, "res publica" и "societas civilis" у древних римлян. Они охватывали все важнейшие сферы жизни людей. Например, для греческого полиса было характерно слияние гражданского коллектива с государством. Гражданам полиса была чужда идея неприкосновенности частной сферы. Приверженность духу гражданского коллективизма выражалась в том, что общие интересы полиса сливались с частными интересами отдельных граждан, а в случае

их столкновения приоритет бесспорно отдавался первым. Констатируя этот факт, Аристотель подчеркивал, что даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение. "Желанно, разумеется, и <благо> одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства",- утверждал он в "Никомаховой этике" [2, с. 55].

Аристотель по сути констатировал тот факт, что жизнь отдельного человека и экономически, и политически, и социально определялась его принадлежностью к полису как к основополагающей реальности. Иначе и не могло быть, поскольку государству-полису придавалось самодовлеющее значение. С этой точки зрения большой интерес представляет позиция Аристотеля, изложенная им в "Политике". Он, в частности, утверждал, что "государство принадлежит к тому, что существует по природе" [2,378].Развивая эту мысль дальше, Аристотель писал:

Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас. ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части... Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку, поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому

Очевидно, что Аристотель не оставляет человеку места вне государства [2, с. 379]:

Тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Человек, сколь бы значительным он ни был, всецело зависел от государства-полиса, т.е. имело место тождество частного и общественного. Показательно, что однокоренное со словом politikon древнегреческое прилагательное переводится как гражданский, общественный. Поэтому не случайно, что знаменитый афоризм Аристотеля о Zoon politikon переводится на современные языки по-разному: "человек - существо политическое", "человек - существо общественное", "существо, живущее в полисе". Этот политический человек не мыслил себя вне экономической, социальной, религиозной и иных сфер. Основополагающие аспекты жизни Человек античности и средневековья воспринимал в их Целостности, не делая различий между государством и гражданским состоянием, фактами и ценностями, реальным и идеальным и т.д. Подобные различия в лучшем случае могли возникнуть в философской и научной рефлексиях. Поэтому естественно, что миросозерцание людей характеризовалось целостностью и нерасчлененностью. Так же они воспринимали свое социальное окружение. Это отнюдь не говорит о гармоничности жизни или отсутствии в ней противоречий и конфликтов. Иначе говоря, государство-полис отождествлялось с обществом как таковым, обеспечивающим жизнедеятельность людей во всех ее формах и проявлениях.

Очевидно, что понятие "полис", которое, как правило, в русском переводе обозначается термином "государство", никоим образом не предполагает противопоставления государства и общества, такое разграничение чуждо античной философской мысли. Здесь само общество, все его сферы пронизаны политическим, государственным началом. У античных мыслителей речь по сути дела идет об обществе-государстве как единой целостности. Современным эквивалентом понятия "полис" корректнее считать не "государство", а "страна", "сообщество" или какое-либо иное понятие, адекватно выражающее реальное содержание этого исторического феномена. Поэтому вполне закономерно, что в античности (и в средневековье, поскольку в рассматриваемом смысле вплоть до Нового времени не произошло существенных изменений) все знания о социальном мире, в том числе полисе, понимаемом как единое целое общество - государство, были едины и неразделимы.

Такой подход в почти неизменном виде сохранился вплоть до Нового времени. Так, еще во французской теории административной монархии XVII в. общество слито с государством, воплощается в нем. Там отсутствуют понятия права, предшествующего политическому строю и стоящего выше него, и идеи прав личности, призванных поставить четкие границы государственной власти. Конфликт между отдельным индивидом и государством еще не обнаруживается в то время именно потому, что мысль противопоставить их друг другу не получила признания.

2.2. Формирование современной идеи гражданского общества

Переход от средневековья к Новому времени ознаменовался вызреванием гражданского общества и соответственно выявлением различий между ним и сугубо государственными институтами. Основу этого процесса составил комплекс факторов: формирование идеи личности с особыми неотъемлемыми правами и свободами, а также интересами, которые могут не совпадать с интересами общества; все более растущее осознание факта существования противоречий и конфликтов между обществом и государством; постепенное вызревание институтов, ценностей и идеи гражданского общества, а также мира политического как самостоятельных подсистем человеческого социума и т.д. Мыслители Нового времени, открыв личность, вместе с тем осознали непреложный факт вечной антиномии между личностью и обществом. Отвергается античная и средневековая идея тождества частного и общественного, утверждается идея первичности общества по отношению к государству. Все это в конечном итоге способствовало формированию идеи

гражданского общества и мира политического как самостоятельных подсистем человеческого опиума. Она окончательно утвердилась во второй половине XVII-XIX в. в процессе формирования капиталистической системы с такими ее основополагающими атрибутами, как частная собственность, свободно-рыночная экономика, представительно-парламентская демократия и правовое государство, разграничение между социальной и политической сферами, экономическими, социальными и политическими функциями.

В итоге традиционная концепция общества-государства стала подвергаться эрозии и соответственно пересмотру. Это все более отчетливо обнаруживается в традиции, представленной Дж.Локком, А.Фергюсоном, С.Пуфендорфом, И.Кантом, физиократами и др. Следует отметить, что эта традиция исходила из признания факта существования общества уже в естественном состоянии. Так, согласно Дж.Локку, общество предшествует государству, оно существует "по природе". Государство, по Локку, представляет собой некое "новое тело" с комплексом прав, которые превосходят права отдельных лиц, составляющих его. У Локка государство образуется на основе существующих в естественном состоянии общественных отношений. Если каким-либо образом правительство уничтожается, то общество сохраняется со всеми своими естественными законами и правами. Народ, составляющий общество, является сувереном, и в силу этого, хотя с образованием государства суверенитет общества переходит к нему, оно не может полностью поглотить общество. Более того, главная цель государства состоит в защите общества. У мыслителей этой традиции государство приходит не на смену обществу, а призвано управлять им, государство - это инструмент общества, с помощью которого оно актуализирует себя. Эта идея особенно отчетливо прослеживается в работах, например, шотландского ученого - обществоведа середины XVIII в. А.Фергюсона.

Таким образом, постепенно формировалось убеждение, что чрезмерно разросшееся государство препятствует свободному волеизъявлению отдельного индивида и реализации его потенциальных возможностей. Как писал В.фон Гумбольдт, чем большее действие оказывает государство, тем более схожим становится не только все воздействующее, но и все находящееся под этим воздействием. В таком государстве о людях забывают ради вещей и результатов их деятельности. "Такая государственная система,-, продолжал Гумбольдт,- уподобляется скоплению мертвых *ц* живых орудий деятельности и потребления, нежели множеству действующих и потребляющих сил" [24, с. 36, 46]. Постепенно различение гражданского общества и государства превращается в аргумент против статус-кво и проникается идеями будущего устройства, призванного обеспечить социальное равенство, гражданские свободы и ограниченное конституционное правительство. Приобретшая революционное содержание тема "гражданское общество против государства" получила более полное освещение в работах Т.Пейна, Т.Ходжскина, Ж.Э.Сиэйеса и особенно в программном документе Великой французской революции "Декларации прав человека и гражданина".

Наиболее радикальную концепцию гражданского общества сформулировал, пожалуй, автор знаменитого памфлета "Права человека" Т.Пейн. У него тема гражданского общества, противостоящего государству, становится центральной. Пейн считает государство необходимым злом: чем оно меньше, тем лучше для общества. Поэтому власть государства должна быть ограничена в пользу гражданского общества, поскольку каждому индивиду по своей природе присуще пристрастие к обществу. Чем совершеннее гражданское общество, тем больше оно регулирует собственные дела и тем меньше оно нуждается в правительстве.

Наделенные неотъемлемыми правами, свободные и равные индивиды предшествуют государству, которое можно считать законным или "цивилизованным" лишь в том случае, если оно образовано в результате ясно выраженного согласия всех индивидов и это активное согласие сформулировано конституционно и зафиксировано с помощью парламентарных представительных механизмов. Цивилизованные системы управления - это конституционные системы управления, наделенные властью через активное согласие свободных и равных индивидов. У таких правительств нет прав, они имеют только обязанности перед своими гражданами.

Конкретные правительства не вправе произвольно изменить или расширить свои права и прерогативы или нарушить доверие и согласие граждан. Именно в естественном состоянии индивидуальные граждане обладают постоянным суверенитетом. Всякое нарушение этого естественного порядка и любая попытка воспрепятствовать ясно выраженному согласию как основе права есть деспотизм, или агрессивное правление, ответственное только перед самим собой. Отсюда противопоставление Пейном гражданского общества государству. По его мнению, самоуверенное и самоуправляемое общество требует лишь минимум политических механизмов. Эти постулаты, более подробно разработанные представителями манчестерской школы и классического либерализма и получившие свое выражение в идеях свободной конкуренции, "государства - ночного сторожа", твердого индивидуализма-негативной свободы и т.д., в дальнейшем стали идейной основой анархизма, либертаризма и других радикальных течений общественной мысли.

Господствующие же позиции в этой сфере заняла либерально-демократическая традиция, представленная именами А. де Токвиля, Дж.С.Милля, Дж.Дьюи и др., а также различными либерально- и социально-реформистскими движениями конца XIX и XX в. Позиции этой традиции по данному вопросу в целом совпадают с принципами и установками, которые изложены в гл. 5 и 13.

Здесь отметим лишь то, что для ее приверженцев были характерны поиски путей достижения оптимального равновесия между гражданским обществом и государством. Они исходили из признания того, что разделение между этими двумя сферами является постоянной характеристикой по-настоящему демократической социальной и политической системы, в которой производительная собственность, статус и прерогативы принимать решения не подвластны частной сфере.

2.3. Гегель и марксизм о гражданском обществе

Другая группа ученых и мыслителей XIX в. слишком большую свободу гражданского общества стала рассматривать как фактор парализации общества и интенсификации конфликтов. Тема "государство против гражданского общества" прослеживается в работах И.Бентама, Ж.-Ш.-Л.Сисмонди, П.П.Пфицера и др., а более или менее завершенную форму приобрела у Л. фон Штейна и Г.В.Ф.Гегеля.

Главная заслуга в разработке концепции гражданского общества в его взаимосвязи с государством, несомненно, принадлежит * егелю. На основе систематизации всего наследия французской, английской и немецкой общественно-политической мысли Гегель пришел к выводу, что гражданское общество представляет собой особую стадию диалектического движения от семьи к государству в процессе длительного и сложного процесса исторической трансформации от средневековья к Новому времени. Социальная жизнь, характерная для гражданского общества, радикально отличается от этического мира семьи и публичной жизни государства.

Гражданское общество составляет комплекс частных лиц классов, групп, корпораций, сословий, институтов, взаимодействие которых регулируется гражданским правом и которые прямо не зависят от самого государства. По Гегелю, семья как "первый этический корень государства" представляет собой сущностное целое, члены которого не рассматривают себя как конкурирующих между собой индивидов, связанных неким договором. В гражданском обществе дело обстоит иначе. Многочисленные его составляющие зачастую несопоставимы, неустойчивы и подвержены серьезным конфликтам. Оно напоминает беспокойное поле боя, где одни частные интересы сталкиваются с другими частными интересами. При этом чрезмерное развитие одних элементов гражданского общества может привести к подавлению других его элементов. Общество не может являться "гражданским" до тех пор, пока оно не управляется политически под присмотром государства. Лишь верховная публичная власть - конституционное государство может эффективно справиться с его несправедливостями и синтезировать конкретные интересы в универсальное политическое сообщество. С этой позиции Гегель критиковал современную теорию естественного права за то, что оно смешивает гражданское общество и государство, рассматривает последнее как партнера его подданных и тем самым подвергает сомнению "абсолютный божественный принцип государства".

Как считал Гегель, в отношении частного права, семьи, гражданского общества в целом государство выступает одновременно и как внешняя необходимость, и как имманентная цель. Более того, в государстве в абстрактных терминах воспроизводятся идея божественности и боговдохновенности, идея нравственного начала. По словам Гегеля [18, с. 283], государство само по себе есть нравственное целое, осуществление свободы и абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была. Государство есть дух, стоящий в мире и реализующийся в нем сознательно.

Таким образом, идеальное государство у Гегеля представляет собой не радикальное отрицание естественного состояния вечной войны всех против всех (Гоббс, Спиноза), не инструмент сохранения и завершения естественного общества (Локк, Пуфендорф), не простой механизм администрирования данного природой, автоматически саморегулируемого гражданского общества. Последнее одновременно требует и обеспечивает условия для институционально самостоятельного суверенного государства, которое соединяет вместе элементы гражданского общества как самоопределяющего целого и тем самым ведет этическую жизнь к всенарпавляющему, более высокого порядка единству. Лишь признавая и удерживая гражданское общество в подчиненном положении, государство может обеспечить его свободу. I Государство представляет общество в его единстве. Гражданское общество одновременно сохраняется и преодолевается как необходимый, но подчиненный аспект более широкого, более сложного и более высокого сообщества, которое организовано политически.

Особый подход к проблеме гражданского общества прослеживается в *марксизме.* Вслед за Гегелем К.Маркс рассматривал гражданское общество как исторический феномен, как результат исторического развития, а не как данное природой состояние. Государство и гражданское общество составляют исторически детерминированные образования, характеризующиеся особыми формами и отношениями производства, классового разделения и классовой борьбы и защищаемые соответствующими политико-правовыми механизмами. Причем они имеют преходящий характер, поскольку порождают пролетариат - могильщика буржуазного общества. Строя свой анализ главным образом на способе производства, Маркс не уделил должного внимания таким элементам гражданского общества, как домохозяйства, добровольные ассоциации, средства массовой информации, школы, больницы и т.д. Он игнорировал также появление, начиная с XVIII в., профессиональных организаций инженеров, врачей, юристов, архитекторов и т.д. В марксистской

теории государство выражает общий интерес, а гражданское общество - частный интерес. Гражданское общество относится к материальной сфере, в то время как государство составляет надстройку, причем государство относится к гражданскому обществу спиритуалистически - как небо к земле в религии.

По К.Марксу, в гражданском обществе в "своей ближайшей Действительности" человек - мирское существо, имеющее и для себя, и для других значение действительного индивида. В государстве же, где человек признается родовым существом, он лишен своей действительной индивидуальности. С этой точки зрения [43, т. 1, с. 340] "различие между религиозным человеком и гражданином государства, между поденщиком и гражданином государства, землевладельцем и гражданином государства, Между живым индивидом и гражданином государства".

Маркс подчеркивал, что социальные структуры гражданского общества не есть самостоятельные образования, порождающие буржуазное общество, а скорее представляют собой формы, в которых возникло буржуазное общество. Другими словами, социальные структуры гражданского общества - скорее результат а не причина класса буржуазии. Маркс говорил о корпорациях и гильдиях как формах, "в которых сформировалась промышленная буржуазия", имея в виду, что эти социальные организации являются не независимыми причинами восхождения буржуазии и порожденными в процессе этого восхождения результатами. Речь идет об ассоциации и корреляции между ними, а не о приоритете гражданского общества. В письме к Анненкову 28 декабря 1846 г. Маркс писал [43, т. 27, с. 402]:

Возьмите определенную степень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов,- словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества.

Однако Маркс концентрировал внимание на выявлении скорее того, как экономика определяет политику, нежели на социальной структуре, которую невозможно свести исключительно к экономическим классам или экономическим отношениям. В конечном счете Маркс упростил крайне сложную структуру гегелевской модели гражданского общества, сведя его фактически к сфере труда, производства и обмена. Для него гражданское общество - это форма, в которой осуществляется экономическое развитие. Здесь для марксизма характерна тенденция к дихотомизации социальных структур, сводящая все социальные отношения к экономическим, политическим и идеологическим, т.е. к элементам базиса и надстройки. При этом из поля зрения выпадает комплекс социокультурных, этнонациональных, семейно-бы-товых отношений, институтов, обеспечивающих социализацию и воспитание подрастающего поколения и т.д. Во введении к "Критике политической экономии" Маркс характеризовал гражданское общество как производное от материальных условий жизни и утверждал, что "анатомию гражданского общества необходимо искать в политической экономии".

В целом формирование различных вариантов концепции гражданского общества неразрывно связано с формированием идей индивидуальной свободы, самоценности каждой отдельно взятой личности. Это верно и применительно к марксистской концепции. Но вместе с тем в марксизме была заложена возможность полного растворения индивидуально-личностного начала в коллективном, будь то в гражданском обществе или государстве. Уже в статье "К еврейскому вопросу" [43, т. 1, с. 401-402] К.Маркс сетовал на то, что

... ни одно из так называемых прав человека <равенство, свобода, безопасность, собственность. - К. Г. *> не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т.е. как индивида, замкнувшегося в себе, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого*

Отвергая такой подход, Маркс пришел к мысли, что человек может найти себя и освободиться лишь тогда, когда он станет действительно родовым существом. Его спасение - в слиянии с родом, обществом. Показательно, что классический марксизм предусматривал снятие разделения государства и гражданского общества путем отмирания государства и соответственно права [43, т. 19, с. 5]:

Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать.

У основоположников марксизма речь шла о построении коммунистического общества без государства. Вот почему в их глазах применительно к будущему отношения между государством и гражданским обществом теряли всякий смысл. Где нет государства, там нет правовых отношений и правовых институтов, нет там соответственно и прав. В царстве свободы вы не вправе поднять вопросы о свободах. Основоположники марксизма были Убеждены, что в коммунистическом

обществе благодаря "всестороннему развитию индивидов исчезает порабощающее человека подчинение его разделению труда" [43, т. 19, с. 20]. Считалось, что [43, т. 3, с. 32]

...в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, - как моей душе угодно, - не делая меня, в силу этого, охотником, рыба«0 пастухом или критиком

Хотя Маркс и сознавал, что в сфере производства люди не могут полностью преодолеть необходимости, он предполагал полное отделение управления вещами от управления людьми Необходимость приписывалась только первой сфере. Договорная система имеет смысл в условиях товарного производства и конфликтующих интересов. Там, где нет товарного производства там нет и конфликтующих интересов, следовательно, отпадает необходимость в каком-либо договорном принципе. Маркс представлял себе общество не только без господства, но и без власти. Где нет власти, там никто не нуждается в управлении, стало быть, теряет смысл "правление народа", т.е. демократия. Поэтому естественно, что, настаивая на необходимости слома старого государственного аппарата, В.И.Ленин вообще не пользовался понятиями гражданского общества и правового государства. Считалось, что освобождение человечества придет в результате уничтожения классовых различий и последующей ликвидации разделения между гражданским обществом и государством, а также достижения координации и объединения личного и коллективного существования. В итоге в условиях реального социализма государство, которое рассматривалось как выразитель и гарант всеобщего интереса, по сути дела полностью подчинило и поглотило все общество. Поэтому неудивительно, что из советского обществознания вообще исчезло понятие "гражданское общество".

С этой точки зрения не лучше обстояло дело и в западном марксизме. А.Грамши был последним крупным марксистским теоретиком, который более или менее серьезно затрагивал проблему гражданского общества. Обращает на себя внимание тот факт, что он в разных контекстах по-разному толкует это понятие. В одних работах государство противопоставляется гражданскому обществу, а в других последнее отождествляется с государством. В одних работах гражданское общество включает экономические отношения, а в других - их исключает и т.д. При этом Грамши считал, что гражданское общество располагается между экономической структурой и государством, т.е. он фактически отвергает дихотомическую схему, в которой общество делится на базис и надстройку. У него гражданское общество - нечто промежуточное, связанное как с экономической структурой, так и с государством. Вместе с тем в трактовку рассматриваемого понятия Грамши внес совершенно новый по сравнению с К.Марксом и Ф.Энгельсом элемент. В отличие от них он считал, например, что гражданское общество принадлежит не к сфере культуры, а к сфере надстройки и охватывает не "все материальные отношения", как говорили Маркс и Энгельс, а только идиолого-культурные отношения. Такой подход в принципе вряд ли мог способствовать адекватному раскрытию действительного содержания гражданского общества, его места и роли в общественно-политической системе.

Следует также отметить, что в западном обществознании вплоть до второй половины 70-х годов отсутствовали сколько-нибудь заметные работы, посвященные специально гражданскому обшеству - это во многом объясняется тем, что здесь под "обще-вом" подразумевалось гражданское общество, т.е. независимый от государства комплекс институтов, отношений, норм и ценностей. Поэтому западная социология, которая, кстати, переживала наибольший расцвет в XX в., не считала необходимым специально подчеркнуть, что общество - гражданское. Уместно напомнить, что социология как самостоятельная научная дисциплина (Сен-Симон, О.Конт и др.) возникла в процессе формирования и укрепления гражданского общества. Определенную роль с рассматриваемой точки зрения, по-видимому, сыграли также формирование и утверждение в XX в. идеи государства благосостояния, которое интегрирует в себе многие функции, свойственные гражданскому обществу. Симптоматично, что практическое исчезновение в библиотечных каталогах работ, в названиях которых в той или иной форме фигурировало бы понятие "гражданское общество", обнаруживается на фоне всевозрастающего изобилия работ о государстве благосостояния.

Возрождение интереса к проблеме гражданского общества в западном обществознании приходится на вторую половину 70-х - 80-е годы. Это связано с теми историческими процессами, которые ассоциируются с дальнейшим расширением ареала либеральной демократии, распространением демократических Ценностей, принципов и институтов на новые страны и регионы. речь идет прежде всего о Европе, где во второй половине 70-х - 80-х годах народы Греции, Испании и Португалии, покончив с авторитарными режимами, вступили на путь демократических образований, а в конце 80-х - начале 90-х годов потерпели крушение тоталитарные режимы в восточноевропейских странах ". На повестке дня со всей остротой встал вопрос о гражданском обществе, о его сущности, путях и формах его возрождения и укрепления как необходимого условия утверждения демократии.

2.4. Гражданское общество: сущность и важнейшие структурные элементы

В либерально-демократической общественно-политической системе как целостном социуме выделяются следующие взаимо. связанные и взаимозависимые подсистемы: *производственная, или экономика-хозяйственная, социальная, духовная и политическая.* Производственная подсистема обеспечивает материальную инфраструктуру, а политическая - механизм реализации общей воли и общего интереса всех основных составных элементов системы в целом. Социальная и духовная сферы в совокупности составляют гражданское общество, которое можно также обозначить как единую подсистему. Следует особо подчеркнуть, что гражданское общество нельзя представлять как некое промежуточное звено между сферами производства и политической, поскольку по своей значимости оно играет центральную роль в жизнедеятельности человеческого социума.

Каждая из названных подсистем может сохраниться и функционировать лишь тогда, когда все остальные также исправно выполняют свои функции. Наличие тесной, неразрывной взаимосвязи между тремя подсистемами наглядно обнаруживается на примере стран бывшего СССР, в том числе России, которые в процессе преобразования тоталитарных структур на путях демократизации сталкиваются зачастую с неразрешимыми проблемами. На каждом шагу выясняется, что для успешного проведения экономических реформ важно не только декларировать ликвидацию введенной тоталитарным государством распределительной системы материальных благ, но и создавать реальные механизмы социальной защиты трудящихся, учащейся молодежи, неимущих слоев населения и т.д. А это в свою очередь невозможно реализовать без широкомасштабных структурных политических реформ. Реформы же, направленные на демократизацию властных структур, остаются лишь декларациями и благими пожеланиями, когда они не подкреплены реальными сдвигами в экономической и социальной сферах. Поэтому очевидно, что рыночная экономика, гражданское общество и политическая демократия останутся лишь несбыточными утопическими прожектами до тех пор, пока нет полного и четкого осознания того, что они теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Гражданское общество и правовое государство предполагают друг друга. С определенными оговорками можно сказать, что гражданское общество и правовое государство возможны при определенном типе экономики, основанном на частной собственности и системе свободного рынка (возможно, применительно к современному обществу на принципах свободы экономического выбора). Обратившись к схеме на рис. 1.1, мы можем убедиться в том, что при выключении любой из ее вершин от нее отпадает половина, а выключение оси *AB* вообще лишает ее смысла.

Если взять данную конфигурацию за основу, то сам собой снимется пресловутый вопрос о том, определяет ли базис надстройку или, наоборот, надстройка - базис. В силу неразрывной взаимосвязанности все четыре подсистемы детерминируют друг друга При этом важно учесть, что все названные подсистемы пронизаны единым комплексом основополагающих, или осевых, принципов, ценностей, установок, ориентации, составляющих их системообразующие характеристики и определяющих их единосущность. Естественно, что они генерируются гражданским обществом, которое соответственно определяет сущностные, системообразующие характеристики как экономической, так и политической подсистем. Сказанное не надо понимать в смысле замены одной разновидности детерминизма другой. Разумеется, отказ от экономического детерминизма отнюдь не означает игнорирование фактора экономики в важнейших сферах общественной жизни, в том числе и политической. Речь идет о том, что экономическая деятельность во всех ее проявлениях есть функция конкретных людей, составляющих гражданское общество. В определенном смысле можно сказать, что каковы эти люди, каково гражданское общество, такова и экономика. Например, экономический рост стал интегральной частью демократического процесса. Но он зависит от состояния здоровья общества, его умонастроений, морально-этнических ориентиров, социальных установок, интеллектуальной атмосферы и т.д.

Экономика и политика есть функции гражданского общества. В данном контексте экономическая и политическая свободы суть формы проявления более фундаментальной свободы индивида в обществе как самоценной и самодостаточной личности. Это сложный вопрос, требующий отдельной разработки и развернутого обоснования. Отметим лишь, что именно от гражданского общества зависят сущностные и системообразующие характеристики как экономической, так и политической подсистем. И в методологическом, и в содержательном плане концентрация усилий именно в этом направлении может принести больше пользы, чем схоластические изыскания в области "базиса" и "надстройки". С идеально-типологической точки зрения гражданское общество - это своего рода социальное и социокультурное пространство, в котором связаны и взаимодействуют между собой независимые друг от друга и от государства индивиды. Это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер производства, воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для социализации и самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, как индивидуальных, так и коллективных.

Вступая в систему общественных отношений, отдельный индивид отнюдь не утрачивает своего личностного начала, своей безусловной значимости. С нравственной точки зрения личность не должна превратиться в простое средство, для которого высшей це. лью является общество, государство или иное коллективное образование. Общество - это прежде всего союз личностей, без последних оно лишено всякого смысла. Качество общества зависит от качества составляющих его личностей, налагающих печать своей воли, своих устремлений, нравственных ориентиров на формы общественной жизни.

Здесь одно из двух - либо режим всеобщего принудительного согласия, исключающий какое-либо несогласие с намеченным планом жизни общества, либо условия для полного проявления творческих возможностей каждого индивида, всяких противоречий и конфликтов, без чего невозможно представить себе сам животворящий дух истории. Естественно, что формирование гражданского общества неразрывно связано с формированием идеи индивидуальной свободы, самоценности каждой отдельно взятой личности. С этой точки зрения основополагающее значение имели формирование и утверждение в Новое время идеи о прирожденных, неотчуждаемых правах каждого человека на жизнь, свободу и стремление к счастью. Неудивительно, что мыслители Нового времени объявили потерявшими силу все формы наследственной власти и сословных привилегий. Они поставили на первое место свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельной, независимой единицы социального действия.

Так как основополагающая доминанта гражданского общества - отдельно взятая личность, то его несущими конструкциями являются все те институты, организации, группы и т.д., которые призваны содействовать всесторонней реализации личности, ее потенций, интересов, целей, устремлений. Эти институты, организации и пр. служат для отдельного индивида источником власти, влияния и авторитета. Разумеется, в данном аспекте роль центральной ячейки общественного организма - источника влияния и авторитета - сохраняется за семьей. Большое значение имеют родственные связи, соседские общины, профессиональные организации, творческие, научные и образовательные институты, трудовые коллективы, сословия, социальные слои, классы и т.д., с которыми люди так или иначе отождествляют себя.

Важной единицей социального действия в гражданском обществе является группа. Как отмечал Н.Смелзер [63],

группой называется совокупность людей, которые взаимодействуют друг с другом определенным образом, чувствуют свою принадлежность к данной группе и воспринимаются другими как члены этой группы

Существует множество групп по роли, предназначению и функциям. Всех их можно типологизировать как первичные и вторичные. Первичная группа состоит из небольшого числа людей, вступающих в прямое и непосредственное взаимодействие, базирующееся на их индивидуальных особенностях. Примерами такой группы является семья или любая группа друзей, сподвижников, соплеменников и т.д., между которыми сложились более или менее глубокие эмоциональные отношения. Объединяющим началом для вторичной группы служат не столько эмоциональные отношения, сколько достижение определенной цели. Типичный пример такой группы - бригада рабочих, созданная для выполнения четко сформулированной цели. Очевидная характеристика группы - это функциональная взаимозависимость составляющих ее членов. Группа существует и функционирует в силу разделяемых всеми ее членами интересов, целей, установок, ценностей, что в свою очередь предполагает взаимную зависимость ее членов друг от друга при реализации совместных целей и интересов. Чем очевиднее и определеннее цели и интересы, тем вероятнее жизнеспособность и функциональная эффективность группы. Спаянность группы обеспечивается тем, что поведение всех ее членов регулируется комплексом определенных норм и правил, нарушение которых чревато далеко идущими последствиями, вплоть до распада группы.

Одной из наиболее институционализованных форм группы являются заинтересованные группы, представляющие собой разного рода организации или ассоциации рабочих, фермеров» предпринимателей, представителей различных профессий (например, врачей, адвокатов, инженеров и т.д.), церковные, женские, молодежные и иные общественные организации, члены которых объединены одинаковыми интересами. Заинтересованные группы предоставляют отдельному индивиду необходимое поле для реализации его возможностей и потребностей. Они отражают разнообразие экономических, этнических, религиозных, региональных, демографических, профессиональных и иных интересов, в результате социальная жизнь оказывается ареной столкновений и сотрудничества конкурирующих групп, вступающих в разного рода союзы, коалиции, компромиссы, соглашения. Это помогает последним уравновешивать друг друга, удерживая всю социальную и политическую систему в своеобразном равновесии, препятствуя резкому сдвигу общественно-политической оси влево или вправо. Такие институты, организации и центры служат в качестве опор и своеобразных референтных групп для отдельной личности в его взаимоотношениях с государством. В значительной мере степень независимости граждан от государства, степень демократичности общественно-политической системы пропорциональны степени полицентричности распределения власти в обществе.

Гражданское общество включает и ряд так называемых промежуточных институтов, которые выступают одновременно как несущие конструкции и самого гражданского общества, и мира политического. Речь идет, например, о политических партиях, организациях, объединениях, средствах массовой информации (их анализу посвящены отдельные главы учебника).

Следует учесть также, что гражданское общество - это не только определенный комплекс институтов, но и система отношений. В таком качестве гражданское общество есть духовное социокультурное и политико-культурное образование. Соответственно оно включает помимо институтов, функционирующих в этих сферах, всю произведенную в них продукцию, как материальную, так и духовную. Поэтому естественно, что гражданское общество невозможно представить без национальных, религиозных и других традиций, обычаев, мифов, символов, стереотипов поведения, морально-этических норм, ценностей и т.д. Оно включает систему социальных связей, в которой формируются и реализуются экономические, профессиональные, культурные, религиозные и иные интересы людей.

2.5. Принцип разделения различных сфер общественной жизни

Свобода личности предполагает наличие как многих центров власти, исключающих монополию какого-либо одного лица, социальной группы, партии и т.д. и уравновешивающих всевластие государства, так и свободы выбора во всех сферах общественной жизни. С этой точки зрения основополагающее значение имеет частная собственность. Вслед за Гегелем можно сказать, что гражданское общество - это сообщество частных собственников, которые независимо от своего социального статуса, религиозных и этических воззрений, расовой, этнонациональной принадлежности в юридически-правовом отношении равны перед законом.

Члены гражданского общества вправе преследовать свои интересы с помощью всех тех средств, которые предусмотрены законом, выбирать род занятий и профессию, место проживания и т.д. Как писал С.Л.Франк [73, с. 144],

...частная собственность есть реальное условие бытия человека как духовно-телесного существа; тем самым она есть реальное условие его свободы как члена общественного целого и, следовательно, условие бытия самого гражданского общества

Разумеется, в современных условиях данная роль частной собственности нуждается в определенном переосмыслении, но фактом остается то, что свобода выбора в важнейших сферах жизни, в том числе и политической, предполагает свободу экономического выбора, а это в свою очередь предполагает наличие альтернативных источников получения средств существования. Система отношений собственности, или система имущественных отношений, а также отношения купли и продажи во всех их проявлениях фиксируются в системе гражданского права, реализация которой обеспечивается государством. При этом важно учесть, что необходимым условием возникновения и утверждения подлинного гражданского общества является разграничение экономической и политической властей, собственности и власти. Как отмечал М.Фридмен,

...создается впечатление, что существует некая неизменная общая сумма наличной для распределения политической власти. Поэтому, если соединить экономическую власть с политической, концентрация представляется почти неизбежной С другой стороны, если экономическая власть находится не в тех же руках, что политическая, она может стать ограничивающим противовесом политической власти.

Индивидуализм, основанный на отождествлении личной свободы и частной собственности, стал могущественным стимулом развития производительных сил, общественного развития и формирования политической демократии. И действительно, как показала история демократических и тоталитарных систем, не может быть свободы личности там, где нет разнообразия, многообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора. Такой выбор может быть обеспечен прежде всего ограничением огосударствления средств производства и всей экономической сферы при сохранении в тех или иных масштабах и формах частной собственности, что характерно для всех этапов развития стран с либерально-демократическими режимами. Без свободы выбора ни одно занятие не способно оказывать благотворное влияние на человека. То, что человек не выбрал по собственной воле, что навязано ему извне принудительно, не может стать частью его внутренней сущности, останется чуждым его истинно человеческой природе.

"Политическая свобода служит гарантией личной свободы, но она не может ее заменить", - подчеркивал Б.Констан. Поэтому естественно, что гражданское общество предполагает разграничение прав человека и гражданина. Как писал К.Маркс [43, т. 1, с. 403],

...droits de l'homme - права человека, как таковые, отличаются от droits du citoyen - права гражданина государства. Кто же этот homme, отличаемый от citoyen? Не кто иной, как член гражданского общества. Почему член гражданского общества называется "человеком", просто человеком, почему его права называются правами человека7 Чем объясняется этот факт? Только отношением политического государства к гражданскому обществу, сущностью политической эмансипации.

Другими словами, в рассматриваемом контексте гражданское общество обеспечивает права человека, в то время как государство - права гражданина. В обоих случаях речь идет о правах личности: в первом случае о ее правах как отдельного человеческого существа на жизнь, свободу, стремление к счастью и т.д., а во втором - о ее политических правах. Очевидно, что в качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает личность, ее право на самореализацию. Оно утверждается на признании права индивидуальной, личной свободы.

Особенность гражданского общества состоит в разделений политической и социальной сфер, политических и социальных функций. Здесь правовой статус человека отделен от его социально-экономической роли в гражданском обществе. Он одновременно частное лицо и гражданин общества. Сфера частных интересов, наемного труда и частных прав освобождена от политического контроля. С этой точки зрения обращает на себя внимание некая расщепленность позиций значительной части людей, с одной стороны, как личностей, членов гражданского общества, а с другой - граждан государства, членов политического общества. Эта расщепленность, в частности, проявляется в том, что большинство людей в странах Запада, занятых насущными проблемами жизнеобеспечения и жизнедеятельности, уделяет мало внимания политической сфере, рассматривая ее как далекую от конкретных реалиев жизни. Реалии тоталитаризма демократии реагируют на это совершенно по-разному. Тоталитаризм стремится к тому, чтобы ликвидировать частное начало автономию в социальной жизни, демократия, наоборот, защищает их.

Гражданское общество и правовое государство возникли и развивались как реакция на идеал средневековой теократии. Одна из основных их характеристик - это светское начало, которое столь же существенно, как и правовое начало. Здесь упраздняется гомогенное единство политики и религии, политики и идеологии, утверждается раздвоение общественного и частного, общества и государства, права и морали, политической идеологии и науки, религиозного и светского и т.д. Религия, мораль, наука, искусство и другие духовные феномены начинают существовать в полном объеме и истинно своем качестве с их отказом от политического характера. Это можно наглядно продемонстрировать на примере религии. Как подчеркивал К.Маркс [43, т. 1, с. 394],

...так называемое христианское государство нуждается в христианской религии, чтобы восполнить себя как государство. Демократическое же государство, действительное государство, не нуждается в религии для своего политического восполнения. Напротив, оно может абстрагироваться от религии, ибо в нем осуществлена мирским способом человеческая основа религии.

Противопоставив абсолютный авторитет творца авторитету традиции и церкви, обосновав идею равного ничтожества всех перед богом и возможности равного постижения божественной истины каждым отдельно взятым верующим независимо от коллективного опыта, М.Лютер, а за ним Ж.Кальвин и другие основатели протестантизма подвели почву под отрицание средневековой иерархичности как в религиозной, так и в мирской сфере. Вера стала личным делом самого верующего, который уже сам мог выбрать церковную деноминацию для отправления своей веры.

Процесс дальнейшей дедогматизации, демифологизации и секуляризации различных течений христианства, довершив способствовал формированию идеи свободы совести как одного основополагающих прав личности и гражданина. В результате религия, отделенная от государства, выражает уже не общность, а различие. Она оказывается изгнанной из политической общности в сферу частных интересов, перемещенной из государства в гражданское общество, из сферы публичного права - в сферу частного права.

Аналогичную метаморфозу претерпевают также наука, литература, искусство - все, что составляет социокультурную и духовную сферы, весь комплекс институтов и организаций, призванных осуществить социокультурное и духовное воспроизводства общественной жизни, обеспечить социализацию, воспитание и обучение подрастающего поколения. При необходимости государе? венной поддержки и помощи это та сфера, где в наибольшей степени требуются самостоятельность, инициатива, самовыражение и т.д., поскольку именно здесь человеческое начало проявляется в наиболее концентрированном виде. Это та сфера, где недопустимы какой бы то ни было классовый подход, идеологизация, политизация, государственное вмешательство и тем более огосударствление.

В целом сущностной характеристикой гражданского общества является своеобразный эклектизм - сочетание и учет интересов самых разнообразных социальных и политических сил, что предполагает столкновения, противоречия, конфликты между ними, дополняющиеся противоречиями между частными и государственными интересами.

Как говорил И.Кант, "человек стремится к гармонии, но природа лучше знает, что хорошо для рода человеческого: она хочет дисгармонии". Это не в меньшей мере верно для общества. Средством полного развития человеческих сил природа избирает противоборство этих сил в обществе. Такое противостояние - тоже форма общения и общежития, хотя и "антиобщественная". Человеку просто по природе присуща склонность делать все по-своему. Естественно, что он встречает противодействие со стороны других индивидов, которые также стремятся делать все по-своему.

Но вместе с тем главное предназначение гражданского обшества состоит в достижении консенсуса между различными социальными силами и интересами. Оно призвано определить нормы и границы, способные блокировать разрушительные потенции борьбы различных сил и направлять ее в созидательное русло. Противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-исторического прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым антагонизмом между людьми. Еще И.Кант ввел понятие моральной автономии личности, согласно которому о правовом государстве можно говорить лишь там, где признается, что общество само, независимо от государства, располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить отдельного индивида соблюдать общепринятые нравственные нормы. Именно институты гражданского общества, такие, как семья, школа, церковь, соседские или иные общины, разного рода добровольные организации и союзы и т.д., способны играть данную роль. Такая функция в сущности чужда государству, и оно прибегает к ее выполнению лишь в случае, если институты гражданского общества демонстрируют свою неспособность к этому. Здесь основополагающее значение имеет встроенный механизм достижения гражданского согласия.

Суть вопроса заключается в том, что именно интегральная совокупность, а не арифметическая сумма всех составляющих, их сущностное единство, а не безразличное многообразие делают гражданское общество тем, что оно есть на самом деле. Особенность любого, более или менее жизнеспособного сообщества людей, в том числе гражданского общества, состоит в его сущностном единстве, в том, что оно есть совокупность не только однопорядковых, сходных между собой элементов, составляющих его людей, социальных групп, отношений, установок, но также их различий, многообразия, плюрализма. В то же время этот плюрализм нельзя представлять, как это нередко делается, в виде некоего хаотического разнообразия, простого множества различных изолированных начал, лишенного внутреннего субстанционального единства. Совсем наоборот. Как подчеркивал С.Л.Франк [73, с. 141],

гражданское общество есть как бы молекулярная общественная связь, изнутри сцепляющая отдельные элементы в свободное и пластически гибкое целое.

Иначе говоря, для гражданского общества характерно органическое сосуществование в его рамках разнородных социальных сил, институтов, организаций, заинтересованных групп и т.д., объединенных общим стремлением к совместной жизни.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Назовите основные подсистемы человеческого социума и дайте их общую характеристику.
2. Какова взаимосвязь этих подсистем?
3. Какое место среди этих подсистем занимает гражданское общество?
4. Перечислите основные исторические вехи формирования и эволюции гражданского общества.
5. Назовите концепции гражданского общества.
6. Каковы сущностные характеристики гражданского общества?
7. Назовите основные элементы гражданского общества.
8. В чем суть плюрализма и принципа разделения различных сфер общественной жизни?

Глава 3. Государство и власть как осевые элементы мира политического

Мир политического, будучи одной из основополагающих подсистем человеческого сообщества, представляет собой весьма сложный и многослойный комплекс явлений, институтов, отношений, процессов и т.д. Некоторые авторы даже убеждены в том, что политика включает в себя все формы социальной активности, направленной на производство и распределение всех материальных и человеческих ресурсов. Как считали, например, С.Штурм и Б.Латур [148, с. 783-802], необходимо провести теснейшую параллель между тем, что мы называем социальным, и тем, что может быть определено как политическое. Существует и противоположное мнение, отрицающее за политическим какое-либо реальное содержание. По словам, например, германского политолога М.Хеттиха, политика не имеет собственной экзистенции и соответственно не способна самовоспроизводиться. Она существует в виде мышления, говорения и поведения. Как утверждал Хеттих [121, с. 25], можно даже сказать, что политическая реальность вообще не существует и что политическое скорее привносится людьми в социальную реальность.

Тем не менее мир политического существует в качестве самостоятельного феномена. Следующие две главы посвящены анализу основных его элементов.

3.1. Общая характеристика мира политического

Как уже отмечалось, проблема определения мира политического конкретизируется как проблема выявления границ между ним и другими подсистемами человеческого общежития. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что когда мы выделяем гражданское общество и мир политического в качестве самостоятельных подсистем человеческого социума, то речь идет об их разграничении лишь в смысле веберовских идеальных типов. Это некие абстрактные конструкции, которые не всегда совпадают с реальной жизненной практикой. Их вычленение обусловлено главным

образом эпистемологическими соображениями. В реальной действительности гражданское общество и мир политического не существуют и не могут существовать друг без друга, они неразрывно связаны между собой и составляют две стороны ной медали.

Более того, существует ряд институтов и феноменов, которые могут быть отнесены одновременно и к сфере гражданского общества, и к политической сфере, служа связующими звеньями между ними. Причем именно от структур и институтов, находящихся на стыке этих двух образований, в решающей степени за- висят нормальное функционирование как гражданского общества, так и государства, их жизнеспособность, динамика развития Они в совокупности обеспечивают соединение общества и политической подсистемы в единую систему. Отметим, что между любыми двумя взаимодействующими системами (в нашем случае гражданским обществом и миром политического) существует некоторая зона, характеризующаяся наличием структурных компонентов, общих для обеих систем. Процесс взаимообмена и взаимосвязи между ними обеспечивается в силу существования этой зоны взаимопроникновения. К таким структурным элементам относятся политические партии, механизмы и объединения, клубы, средства массовой информации и т.д.

В гл. 1 и 2 говорилось, что в античном мире и средневековье мир политического выступал в единстве с другими подсистема ми человеческого социума, что все сферы жизни были пронизаны политическим, государственным началом. Окончательное вычленение гражданского общества и мира политического произошло в Новое время, особенно в XVIII-XIX вв. в процессе формирования капиталистической системы с такими ее основополагающими атрибутами, как частная собственность, свободная рыночная экономика, представительно-парламентская демократия и правовое государство, разграничение между социальной и политической сферами, экономическими, социальными и политическими функциями. Естественно, с этого периода и можно вести речь о мире политического как самостоятельной подсистеме, во многих аспектах автономной относительно как экономической сферы, так и гражданского общества.

Что же такое политика и мир политического? В гл. 1 этот вопрос уже затрагивался. Философские и концептуальные аспекты данной проблемы будут проанализированы в гл. 12. Ниже дается лишь общая характеристика этих понятий.

При всей многозначности данного понятия, когда говорят мире политического, речь все же идет об особой сфере жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями, государством и государственным устройством, теми институтами, принципами, нормами и т.д., которые призваны гарантировать жизнеспособность того или иного сообщества людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей. Иначе говоря, под политическим подразумевается все то, что имеет касательство к феноменам, институтам, организационным формам и отношениям в обществе, за которыми признаны окончательная власть и авторитет, существующие в нем для утверждения и сохранения порядка и реализации других жизненно важных для него целей.

Мир политического включает множество сфер: государственно-правовую, партийную, избирательную, механизмы принятия решений и т.д. *Политика* имеет структурные и системные компоненты, которые охватывают аспекты политического господства и правления, господства и сотрудничества, конституирования власти и политического неравенства, механизма правления в рамках различных государственно-политических систем, отношений людей с институтами власти, механизма обеспечения единства жизнеспособности и бесперебойного функционирования политической системы, политической социализации, политической коммуникации и средств массовой информации и т.д.

Отметим интересный (в данном контексте) факт: в английском языке для обозначения политики используют два термина: policy и politics. Как отмечал Р.Арон [3, с. 21-22],

…слово "политика" в первом значении - это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом. <Во втором же значении это слово> относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противоборствуют различные политические (в значении policy) направления Политика как область - это совокупность, внутри которой борются личности или группы, имеющие собственную policy, то есть свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение.

Иначе говоря, политика представляет собой одновременно и сферу деятельности, и форму деятельности. Политика связана как с разрушением, так и с созиданием, в ней грязь и чистота, добро и зло. Она связана как с миром, так и с кровью и насилием. Но при этом нельзя не согласиться с Ницше, который говорил [50, с.430], что всякая политика сводится к тому, чтобы сделать сносной жизнь возможно большему числу людей.

Человек - центральный субъект политики, политика - функция взаимодействующих между собой людей. Каковы эти люди, такова и политика. Люди, живущие вместе, могут преследовать разные цели и поступать по-разному, но очевидно и то, что они не могут жить вместе, если расходятся друг с другом во всех без исключения вопросах. В сущности политика начинается там, где существуют конфликты. Политика призвана найти пути и средства разрешения возникающих в человеческом сообществе конфликтов. Таким образом, если гражданское общество представляет собой арену

столкновения и взаимодействия множества частных противоречащих друг другу и конфликтующих интересов то мир политического заключает в себе объединяющее всех членов общества начало. Как выражение всеобщей воли он призван примирить и совместить друг с другом разнородные и конфликтующие интересы всех членов общества.

При этом важно учесть, что политика подразумевает участие во властных отношениях или стремление оказать влияние на распределение власти. Как писал М.Вебер [10, с. 646],

.. кто занимается политикой, тот стремится к власти' либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти "ради нее самой", чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает

Поэтому мир политического можно рассматривать как арену конкурентной борьбы представителей различных социально-политических сил за власть, за монопольное право говорить и действовать от имени этих сил. Иначе говоря, конфликт и политика самым тесным образом связаны между собой. Но для разрешения конфликтов можно использовать разные пути и средства. Это находит выражение в факте существования различных форм правления, режимов, правительств, политических партий, организаций и т.д. В любом случае государство (если речь не идет о той или иной форме тоталитарно-террористической диктатуры) как выражение всеобщей воли, а не интересов какой-либо группы или класса преследует цель воспрепятствовать тому, чтобы конфликты между ними не достигли взрывоопасной точки, обеспечить условия для достижения консенсуса по основополагающим вопросам общественно-политического устройства.

Сказанное позволяет сделать вывод, что политические реальности и феномены невозможно понять без учета системы общения, средств и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, социокультурной и политико-культурной сферами, так и с собственно миром политического. Политическое пронизывает мировоззренческая система, в которой немаловажное место занимает идеология. Здесь большое значение для определения сущностных характеристик и границ политического имеет политическая философия и политическая теория. Интегральной частью мира политического являются также политическая культура, политическая этика, различные идейно-политические течения и т.д., обеспечивающие его субъектную инфраструктуру.

Устойчивость и жизнеспособность любой социально-политической системы или структуры зависят от готовности ее субъектов жить в соответствии с определенными законами и правовыми нормами. А это в свою очередь зависит от признания ими законности, или легитимности, этой системы. Некоторые авторы (например, М.Дюверже) даже считают, что принуждение силой, будь то физической, экономической или иной, нельзя называть властью. По их мнению, о власти можно говорить лишь в том случае, когда подчиняющийся верит в то, что, повинуясь власти, он поступает нормально, справедливо и на законных основаниях. Таким образом, власть предполагает не только физическое принуждение, но и веру в его законность.

Политическая легитимизация - это признание по меньшей мере большинством членов общества правомерности господства политического режима, действующего в данный конкретный период. Следует учесть, что такое признание невозможно обеспечить только насильственными средствами, что большинство людей участвует в политическом сообществе, как правило, добровольно, а не по принуждению. Нельзя забывать и то, что политическое имеет своим основанием и своей целью всеобщую взаимосвязь социальных групп, институтов, частных и публичных сфер деятельности людей.

Здесь речь идет об условиях, формах и рамках существования и функционирования, без которых ни одна, в том числе и политическая, система не способна выжить. С данной точки зрения политическое имеет следующие измерения: директивное, функциональное, коммуникативное, которые в свою очередь включают в себя целеполагание, а также средства и методы реализации целей.

Во всех указанных аспектах для характеристики феномена политического определяющее значение имеет принцип всеобъемлемости или всеобщей обязательности решений и велений государства, использующего все арсеналы закона, права и аппарата насилия для общезначимого регулирования общественных отношений.

Изложенное выше дает достаточные основания для вывода, что мир политического охватывает широкий диапазон институтов, процессов, явлений, отношений и т.д. Разумеется, все они не могут быть проанализированы в данном учебнике. Ниже рассматриваются основные понятия политологии: сущностные характеристики государства, власти и властных отношений, политической системы, ее основных институтов, политических режимов, форм государственно- административного устройства и т.д.

3.2. Государство и власть как основополагающие категории политического

Очевидно, что политическое, мир политического - более широкие понятия, нежели понятия "государство", "политическая сие тема", "власть" и т.д. (нередко эти понятия применяются как синонимы, что со строго научной точки зрения недопустимо). Д0 тем не менее необходимо подчеркнуть, что в центре мира политического стоят государство, власть и властные отношения. Они

составляют основополагающие категории политической теории и дают ключ к пониманию сущности и предназначения политики политических институтов и всего мира политического. Только раскрыв вопрос о природе власти и государства, можно выделить политику из всей общественной системы и комплекса общественных отношений.

Поэтому неудивительно, что значительная часть известных определений строится на понятиях государства и власти. Их можно сгруппировать вокруг двух базовых формулировок. В одной из них внимание концентрируется на государстве, а в другой -на власти. Анализ реального содержания понятия политического показывает, что при всей обоснованности обеих формулировок они нуждаются в существенной коррекции. В частности, если верны доводы, приведенные в 1.1, то обнаружится, что в эпоху античности и средневековья государство отнюдь нельзя полностью отождествлять с политическим в целом. Во всяком случае в тот период политическое еще не отделилось от общества. Остается также спорным вопрос о том, правомерно ли говорить о политическом в догосударственном состоянии, например в эпоху первобытно- общинного строя. Государство существует там, где есть политика, но политика сама по себе может существовать и вне государства. Наглядный пример этого - политика разного рода международных организаций, в которых не всегда государство, по крайней мере официально, играет определи щук» роль.

Итак, тесная взаимосвязь понятий "государство" и "политика", "государство" и "политическое" само собой подразумевается. К.Шмитт совершенно справедливо отмечал [78, с. 37], что "… понятие государство предполагает понятие политического". По его словам,

…государство есть политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости... Государство по смыслу самого слова и по своей исторической явленности есть особого рода состояние народа.. это - просто статус, статус как таковой.

Шмитт подчеркивал, что оба этих признака - статус и народ - получают смысл лишь благодаря более широкому признаку - политическому.

Часть авторов при определении политического в качестве ключевой категории использует власть. Как считал, например, американский политолог Дж.Кетлин [101, с. 80],

…политическая наука становится равнозначной исследованию власти в обществе, то есть превращается в науку о власти. Это наука о действительной воле к власти и ее рациональной координации в обществе.

Очевидно, что в данном случае политическая наука характеризуется как дисциплина, призванная исследовать формирование и распределение власти. Этот подход подчеркивает динамический характер политики и обращает внимание на то, что силы, контролирующие форму и поведение государства, сродни тем силам, которые действуют в других институтах, таких, как церкви, корпорации, профсоюзы, университеты и т.д.

Власть существовала задолго до возникновения государства. Как социально-политический феномен власть составляет антитезу состоянию безвластия, отсутствия власти. По мысли советского историка Н.И. Конрада,

...началу "архэ" (власти) как символа необходимости для существования человечества какого-то организованного порядка, регулируемого общеобязательными нормами, противопоставлялось начало "анархэ" (безвластия) как символа общественного устройства, свободного от всякого принуждения. На рубеже нашей эры римлянин Овидий представлял себе такое общество, названное им "золотым веком", как время, "когда люди без всяких судей сами, по собственной воле соблюдают честность и справедливость.

В период первобытно- общинного строя власть носила общественный характер и осуществлялась всеми членами рода или племени, которые избирали старейшину. С усилением социальной дифференциации и возникновением государства на смену авторитету старейшины пришел авторитет публичной власти. Возникли аппарат власти, особые принудительные учреждения, которые в лице государства отделились от общества и стали над ним.

Но для определения политического власть и влияние сами д0 себе недостаточны. Дело в том, что властные отношения характерны для церкви, профсоюза, семьи, особенно для отношений между родителями и детьми, которые нельзя назвать политическими. Следует учесть и то, что часто понятие "власть" используется в качестве метафоры. Говорят, например, о власти традиций предрассудков, идей, любви и т.д., о власти человека над самим собой, над природой и т.п. Однако свое наиболее адекватное выражение понятие "власть" находит в политической сфере.

Рассмотренные подходы, как представляется, не исключают, а дополняют друг друга, поскольку в обоих случаях речь по сути дела идет о двух важных аспектах одного феномена. В первом подходе внимание концентрируется на организации и системе, во втором - на процессе и результате. Первый подход не охватывает политику в догосударственных обществах, при этом чрезмерно выпячивая форму и легализм, игнорируя авторитет и легитимность. Определение же исключительно в терминах власти четко не указывает субъекта власти и может включать все организованные группы: семью, церковь, профсоюзы и т.д. Органическое сочетание, единство этих двух феноменов выражается в том, что государство - главный субъект политической власти и властных отношений.

3.3. Место государства в мире политического

Определение сущностных характеристик государства и власти сопряжено с немалыми трудностями. Как отмечал М. Вебер, научное понятие государства, как бы оно не было сформулировано, является синтетическим, создаваемым для определенных целей познания. Само понятие "государство" в смысле политически организованного общества сравнительно новое, восходящее к Н. Макиавелли. Древние греки использовали в данном значении термины "polis" и "politea", а римляне - термины "res publica") "civitates". Выражение "status rei publicae" и подобные ему, на пример "status rei romanae", которые были в хождении в античности, в конечном счете трансформировались в понятие "государство" (stato, staat, etat, state).

Как отмечал М.Дюверже, само понятие "государство" используется в двух значениях. Так, когда говорят, например, о вмешательстве государства в экономическую жизнь или же за что-то оно подвергается критике, то речь идет об институтах и должностных лицах, составляющих в совокупности систему управления. А когда говорят, что Франция, Великобритания, Россия являются государствами, то имеется в виду, что они составляют человеческие сообщества особого типа, особым образом организованные нации, обладающие суверенитетом. Очевидно, что эти два знания тесно связаны: государство в первом смысле управляет государством во втором смысле [105, с. 28].

Государство организует и формализует мир политического. Оно тесно связано с такими вещами, как механизмы, структуры, учреждения, юрисдикция, власть и властные отношения, права, комплекс систематизированных отношений и т.д. Государство включает систему или, вернее, машину управления - правительство, состоящее из конкретных органов и лиц, занимающих официальные должности и осуществляющих власть от имени государства. Его можно рассматривать как институт, призванный коллективно ограничивать индивидуальные интересы и страсти и тем самым обеспечивать контролируемую и упорядоченную свободу перед лицом возможного злоупотребления силой, хаоса и беспорядков.

Современное государство есть одновременно и арена политической борьбы за власть и ставка последней. Государственная идея суть комплекс формализованных, догматизированных политико-правовых норм, правил, установок. В целом можно согласиться с Г. Алмондом, который характеризовал государство как нормативный центр политической системы, ее предел и оправдание. При таком подходе политику можно было бы определить как государственное осуществление общего блага, хотя при этом допускаются негосударственные и неполитические формы осуществления общего блага. Зачастую государство не без оснований рассматривается как институциональный аспект политического взаимодействия людей, составляющих то или иное общество. Более того, государство есть в некотором роде наиболее высокоорганизованная форма политического сообщества.

Государство представляет все общество в совокупности, им и от его имени принимаются все без исключения властные решения, касающиеся всех членов общества и обязательные для выполнения всеми ими. Это, собственно говоря, основная форма политической интеграции общества на строго ограниченной географической территории, подчиненной определенному типу политического господства. Оно является носителем власти, юрисдикция которой распространяется на всех членов общества и на всю территорию страны. Как писали Дж.Пеннок и Д.Смит, государство можно определить как социальную организацию, имеющую конечную власть над всеми людьми, проживающими в границах определенной территории, и имеющую главной своей целью решение общих проблем и обеспечение общего блага при сохранении прежде всего порядка.

С этой точки зрения государство представляет собой политическую самоорганизацию общества. Сказанное позволяет делать вывод, что государство занимает особое место в мире политического, являясь его осевым, или стержневым, элементом, вокруг которого объединяются все остальные составляющие. Если партия и другие институты представляют интересы и позиции тех или иных категорий и группировок граждан в политической системе то государство выражает всеобщий интерес, оно есть главный инструмент реализации власти, главный субъект суверенитета.

Государство наряду с семьей, языком, культурой и т.д. является одним из неискоренимых фундаментальных институтов, составляющих инфраструктуру жизнедеятельности человека как общественного существа. В основе государства лежит стремление к достижению стабильности внутреннего и внешнего миров, пронизывающее все человеческое бытие. Не случайно Б.Н. Чичерин рассматривал государство как главный двигатель и творца истории. В этом смысле государство не есть выражение определенного отдельно взятого экономического, социального, культурного или иного аспекта существования человеческого сообщества. По словам Гегеля [18, с. 44],

... государственное устройство народа образует единую субстанцию, единый дух с его религией, с его искусством и философией, или по крайней мере с его представлениями и мыслями, с его культурою вообще (не говоря о дальнейших внешних факторах, о климате, соседях, положении в мире). Государство есть индивидуальное целое, из которого нельзя взять одну отдельную, хотя и в высшей степени важную сторону, а именно государственное устройство само по себе.

3.4. Проблема соотношения нации и государства

Государство - такое образование, в котором в различных сочетаниях представлены и теснейшим образом сплетены этнонациональные, социокультурные, имущественные и гражданские интересы людей. Разумеется, здесь ключевое значение имеет основополагающая цель, ради реализации которой то или иное государство создано. Как правило, содержанием такой цели считается прежде всего реализация общей воли или обеспечение общего блага. Возникает вопрос: что есть общая воля или общее благо? В этом русле интересные суждения высказал английский исследователь Л.Халле. Например, государство не имеет сколько-нибудь реальной формы существования, которую можно было бы ощутить или проверить с помощью органов чувств. Если мы говорим, что государство действует, то допускаем, что оно обдает некой общей волей, в соответствии с которой действует. Но что такое воля и где она находится? Скажем, в XVI или XVII в. можно было говорить о "воле Франции", которая персонифицировалась в личности французского короля Карла Валуа, или о "воле Англии", персонифицировавшейся в личности английского короля Генриха Ланкастера. Карл Валуа говорил "как франция", а нынешний президент говорит "за Францию". Но что понимается в таком случае под "волей Франции" и кто выражает ее? Если под ней имеется в виду воля анонимного французского народа, то нельзя забывать, что народ - это корпоративная личность, т.е. абстракция, а абстракция не может говорить сама за себя, за нее кто-то должен говорить.

В рассматриваемом контексте речь, разумеется, идет об общей воле всей совокупности граждан государства и об их общем интересе. Кто же эти граждане государства? Здесь мы сталкиваемся с вопросом о соотношении этноса, нации и государства. Попытаемся ответить на этот вопрос, который крайне актуален для нас, граждан многонациональной России.

Формирование нации предполагает подчинение родовых, племенных, архаических, патриархальных и т.д. начал неким универсальным, космополитическим началам, разумеется, в пределах определенной территории первоначально применительно к близким по происхождению, традициям, обычаям, языкам и Другим архаическим по своей сущности элементам, возникшим и сосуществовавшим в более или менее едином социокультурном пространстве. Здесь во всех (во всяком случае в большинстве) случаях имел место длительный исторический процесс сведения к единому знаменателю множества исходных элементов, являвшихся достоянием отдельных родоплеменных, этнических и иных образований, и конструирования на их основе некоторой общей для всей нации социокультурной инфраструктуры. На различных этапах исторического процесса в его орбиту попадал все более широкий круг родоплеменных групп, этносов, народов.

В государственных образованиях, созданных на родоплеменой или этнокультурной основе, отношения между людьми регулируются с помощью обычаев, традиций и т.д., в национальном же государстве - государственно-правовыми нормами и законами. Государство в современном смысле слова возникло, по-видимому, только тогда, когда родоплеменной принцип, кровно- родственных отношений организации жизнеустройства, людей и их разграничения дополнились территориальным принципом. По сути дела в современном мире государство немыслимо без четкого разграничения территории, которую оно занимает, и территорий других государств. Можно привести множество примеров, когда принадлежность к нации не совпадает с этнической и антропологической принадлежностями. Таким образом, нация предполагает не только и не столько антропологическое и этническое происхождения индивида, сколько его социокультурную, историко-культурную и государственную принадлежность. Национальное государство пришло на смену сословному, партикуляристскому государству. Во многих аспектах процессы формирования гражданского общества и национального государства, во всяком случае на Западе, совпадали, взаимно стимулировали друг друга.

В обоих случаях имел место процесс универсализации и космополитизации. В отношении гражданского общества это был процесс ликвидации сословных или иных привилегий и утверждения гражданского статуса всех членов общества, равных перед за конами государства. Государство в свою очередь измеряет поведение всех своих граждан общей меркой независимо от их социальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности. Государство способствует национальному сплочению в институционализации нации, хотя не заменяет и не упраздняет ее. Но прав Л.А. Тихомиров, который писал [67, с. 33]:

Нация есть основа, при слабости которой слабо и государство; государство, ослабляющее нацию, тем самым доказывает свою несостоятельность.

Вместе с тем нельзя не учитывать и то, что национализм, особенно этнонациональное начало в политике, может быть ром как национального и политического освобождения, так и централизации государства, сопряженной с усилением репрессивного аппарата.

Важный принцип государства - *универсализм,* или всеобщность. Его в формальном плане не интересуют специфические национальные стереотипы поведения, культурное своеобразие ведения различных этнических, религиозных или иных групп.

Они интересуют его лишь постольку, поскольку наносят ущерб интересам и правам отдельного гражданина независимо от его социальной, национальной, религиозной и т.д. принадлежности. Государство имеет дело с гражданином, оно озабочено обеспечением условий реализации его интересов, прав и свобод. Как не без основания отмечал Э. Дюркгейм, назначение государства

состоит, с одной стороны в том, чтобы направлять "неразумную мысль" толпы с помощью "более продуманной мысли", а с другой стороны в том, чтобы освободить индивида, возвратить личности тот простор, который отняли у нее "местные группы, обладающие властью, и церковь". Государство обладает наиболее совершенной внутренней организацией и в силу этого способно добиваться эффективного подчинения делу реализации своих целей всех данных или граждан. С этой точки зрения особенно важно, что государственная власть носит институционализованный характер и отделена от конкретных личностей, что существенно отличает ее от других форм власти. Одной из сущностных характеристик современного государства является его безличность, независимость от личности того или иного конкретного руководителя, главы государства или правительства, от самого правительства, находящегося в данный конкретный период у власти. Эти последние в глазах управляемых предстают как простые агенты абстрактного безличного государства.

3.5. Суверенитет и закон

Теория суверенитета формировалась вместе с *идеей национального государства.* Она первоначально разрабатывалась во Франции на рубеже средних веков и Нового времени в борьбе монархии против папы римского и Священной Римской (германской) империи, а также против феодальной раздробленности. Она была призвана помочь королю утвердить свою единоличную власть в пределах национального государства. Важным этапом в этом процессе явилось царствование Филиппа Красивого, который в своей борьбе против папы Бонифация VIII противопоставил римскому теократизму принцип суверенитета королевской власти, основанного на национальной самостоятельности. Идея национальной государственности одержала блестящую победу над римско-католическим универсализмом в XVII в. в борьбе англиканской церкви Великобритании с папством за свою самостоятельность.

Приоритет в разработке идеи государственного суверенитета принадлежит публицисту периода религиозных войн Ж. Бодену, который считал, что суверенитет является основополагающим знаком государства. По его мнению, государству принадлежит вся полнота власти над всеми членами общества и всем тем, что им принадлежит. Государство образуется тогда, когда разрозненные члены сообщества объединяются под единой высшей власть т.е. суверенитетом. Те пертурбации и бедствия, которые пережила Франция того времени, привели Бодена к мысли о необходимости концентрации власти в руках централизованного государства. Политическая и социальная стабильность, утверждал он, требует, чтобы в любом государстве была верховная или суверенная власть, не ограниченная в своей юрисдикции и несменяемая. По Бодену, суверен не обладает неограниченной властью над личностью и собственностью своих подданных. Он подчинен ограничениям, налагаемым естественным законом и обычным правом. Но ни то, ни другое не может быть приведено в действие обществом Юридически суверена нельзя низложить или противодействовать ему. Либо правитель независимого государства обладает абсолютной властью, подчеркивал Боден, либо он подчинен какой-либо другой власти, например сословиям или группам, которые являются в таком случае суверенами.

Развивая эту традицию, Т. Гоббс утверждал, что государство получает свою законность или легитимность, своего рода мандат на преодоление состояния войны всех против всех в результате соглашения между членами догосударственного сообщества людей

Трудно установить источник суверенитета государства. Но тем не менее это реальный феномен. Проблема суверенитета затрагивает не только иерархию властных структур в рамках государства, но и место самого государства в ряду человеческих сообществ, союзов, коллективов. Когда говорят о суверенитете государства, то подразумевают, что все другие коллективы - общины, семьи, ассоциации, провинции, товарищества и т.д. - занимают подчиненное по отношению к нему положение. На данной территории нет власти выше государственной. Здесь она суверенна над всеми другими властями. Как отмечал П.И. Новгородцев, верховная власть едина и неделима в том смысле, что она ни при каких обстоятельствах "не может допускать другой власти, стоящей над нею и рядом с нею".

Государство есть субъект права, и в качестве юридического лица его правозаконность основывается на коллективности, неделимости той территории, на которой живет это коллективность. Церковь, например, обладает той или иной формой власти и авторитетом, но она не является государством. Так, католическая церковь по всем признакам представляет собой организованную коллективность, она обладает верховной властью в делах веры, располагает администрацией, построенной по иерархическому принципу, но не связана с определенной территорией. Как подчеркивал Л. Дюги [30,с.129],

…характер государства может и должен признаваться только за коллективностью, располагающей политической властью и обитающей на определенной территории.

С этой точки зрения универсальность *суверенитета* состоит в том, что власть государства стоит над всеми другими конкретными формами и проявлениями власти на этой территории. Суверенная власть не зависит от какой-либо иной власти, наоборот, все остальные власти зависят от нее, берут свою легитимность от нее. Поэтому естественно, что государственный суверенитет включает такие

основополагающие принципы, как единство и неделимость территории, неприкосновенность территориальных границ и невмешательство во внутренние дела. Если какое бы то ни было иностранное государство или внешняя сила нарушает границы данного государства или заставляет его принять то или иное решение, не отвечающее национальным интересам его народа, то можно говорить о нарушении его суверенитета. А это явный признак слабости данного государства и его неспособности обеспечить собственный суверенитет и национально-государственные интересы. Государство может быть только суверенным. Суверенитет - основополагающий критерий государства. Если нет суверенитета, то нет и государства. Суверенитет определяет само бытие государства. Он призван обеспечить унификацию, единение, самоопределение и функционирование властной системы, и служит критерием различения государства от догосударственного состояния. Суверенитет может быть внутренним и внешним. Внутренний суверенитет - это право и полномочия повелевать всеми людьми, обитающими на национальной территории и являющимися как гражданами, так и не гражданами данного государства. Внешний суверенитет призван обеспечить территориальную целостность и невмешательство внешних сил во внутренние дела страны.

Следует отметить, что такое жестокое определение суверенитета, восходящее к Т. Гоббсу, в XIX и особенно XX в. в ходе ожесточенных дискуссий подверглось более или менее значительной модификации. Тезис о неограниченности был в некотором роде смягчен демократизацией общества и политической системы, в результате чего власть государства была ограничена властью и влиянием общественных организаций и ассоциаций: профсоюзов церкви, заинтересованных групп и т.д. Особенно серьезной корректировке идея суверенитета, как будет показано ниже, подверглась в странах с федеративным устройством.

Другим важным инструментом и атрибутом государства, обеспечивающим его универсальность, является *закон.* В определенном смысле закон есть выражение суверенитета. Закон обладает некоторой формой всеобщности в том смысле, что его правомерность и авторитет должны признать все и соответственно все должны ему подчиняться. Как справедливо подчеркивал Б.П. Вышеславцев [14, с. 233],

...закон есть первая субстанция власти. Все великие властители и цари были ,прежде всего законодателями (Соломон, Моисей, Юстиниан, Наполеон). В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобщеобязательной нормой.

Идея закона прошла длительный путь эволюции. В античности закон рассматривался скорее как выражение политической власти, нежели ее ограничение. Но в последовавших за античностью варварских королевствах закон представлял собой унаследованный от предков обычай, который никто не вправе изменить. Функция королей состояла не в том, чтобы издавать законы, а в том, чтобы осуществлять их: и законы связывали королей не в меньшей степени, чем их подданных. *Эта* идея была развита в концепции естественного права, сформулированной стоиками и христианскими мыслителями в конце периода античности. По утверждению христианских теологов, мир - это творение высших сил, всевышнего, и соответственно все его творения, в том числе и люди, связаны его волей, которая проявляется отчасти через откровение, как оно интерпретируется церковью, отчасти с помощью естественного разума. В средние века, таким образом, короли были подотчетны трем различным формам права: божественному закону, естественному праву разума и обычному праву страны. Причем законы представляли собой не продукт, а источник законной власти, и любой суверен, который нарушал их, рассматривался как тиран, а не как законный правитель. Уже со времен античности все настойчивее пробивала себе дорогу мысль, что власть или государство должны служить народу, а не наоборот. Так, еще Аристотель говорил, что семья как общественная структурная единица первична по отношению к государству. Не семья и другие простейшие человеческие реальности должны приспосабливаться к государству, а, наоборот, государство должно приспосабливаться к ним. Эта мысль получила дальнейшее развитие на рубеже средних веков и Нового времени.

В 1574 г., т.е. через два года после Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.), когда были уничтожены тысячи гугенотов, Т. Беза опубликовал анонимно работу "О правах властителей по отношению к своим подданным", где по сути дела было сформулировано положение, ставшее одним из основных в теории общественного договора. В начале работы Беза поставил вопрос: следует ли подчиняться властителям так же безоговорочно, как воле божьей? Отвечая на этот вопрос отрицательно, Беза обосновывал мысль о том, что если короли несправедливы и нарушают божественные заповеди, то народ вправе не подчиняться им. Не народы существуют для правителей, а правители для народов, так же как пастух нужен для стада, а не стадо для пастуха.

Считая, что верховная власть - не продукт естественного права, а некий исторический факт, Г. Гроций утверждал, что она представляет собой результат добровольного договора, заключенного людьми "ради права и общей пользы". Само учение о народном суверенитете предполагает, что, поскольку всякая власть исходит от народа, за ней нельзя признать большей божественности, чем за самим народом, представителем которого эта власть является. Этот тезис используется почти во всех современных либерально-демократических теориях политики и политических систем.

3.6. Власть и монополия на законное насилие

Феномен власти проявляется во всех человеческих сообществах: власть родителей над детьми в семье, руководителя предприятия над работниками, президента ассоциации над ее членами, мэра города над своими подчиненными, папы над прихожанами католической церкви и т.д. В политической науке же речь идет, прежде всего, о политической власти. При этом большинство исследователей придерживается того мнения, что лишь власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является политической властью. Она отличается совершенством внутренней организации и степенью подчинения себе Управляемых. Государство - главный и единственный носитель Политической власти. Специфическая особенность государственной власти состоит в том, что она осуществляется единой системой специальных центральных, или высших, и местных, или нижестоящих, органов, взаимосвязанных между собой по вертикали и горизонтали. В целом под *властью* подразумевается способность ее та (отдельной личности, группы людей, организации, партии, государства) навязать свою волю другим людям, распоряжаться и управлять их действиями, используя насильственные или ненасильственные средства и методы. Власть возникла с появлением человеческого общества и вместе с ним прошла длинный путь раз. вития. Власть - необходимый элемент общественной организации, без которого невозможны жизнеспособность и функционирование общества, она призвана регулировать взаимоотношения между людьми, между ними, обществом и государственно-политическими институтами.

Одна из главнейших задач государства - разрешение противоречий между необходимостью порядка и разнообразием интересов в обществе, сопряженных с конфликтами. То есть государство и власть, политическое в целом призваны внести порядок и организованность в социально-политический процесс, обуздать стихию человеческих страстей. Поэтому естественно, что и государство, и власть самым тесным образом связаны с насилием. Государство, даже самое демократическое, - это во многих отношениях механизм принуждения, насилия над людьми. Еще Т. Гоббс (продолжая в этом вопросе традицию Н. Макиавелли) усматривал главный признак государства в "монополии на принуждение и насилие". С тех пор этот тезис в разных редакциях стал общим для большинства теорий государства. В частности, известный немецкий правовед XIX в. Р. Еринг подчеркивал, что государство обладает абсолютной монополией на принуждение.

Наиболее завершенную разработку данный тезис получил у М. Вебера. Он утверждал, что государство невозможно определить социологически в терминах его целей или из содержания его деятельности, поскольку нет такой задачи, которая была бы исключительным достоянием государства. Поэтому, говорил Вебер, четко очерченный признак государства следует искать в средствах, которые оно использует. Таким средством, по его мнению, и является насилие. Как считал Вебер [10, с. 645],

... государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие единственным источником "права" на насилие считается государство.

Исходя из этого М. Вебер рассматривал государство [там же, с. 646]

…как отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует.

Хотя сущность государства и власти, политического в целом как будет показано ниже, и нельзя свести всецело к отношениям господства и подчинения, все же с точки зрения власти властных структур эти отношения отличают политическое от других сфер общественной жизни. Более того, государство, власть и насилие немыслимы друг без друга. Хотя отметим, что насилие не является единственным средством государства. Но это специфическое для него средство.

Это вполне естественно, ибо государство (особенно современное государство, в котором как в едином организме сочетается множество разнообразных конфликтующих, зачастую несовместимых интересов, устремлений, установок и т.д.) не в состоянии обеспечить выполнение своей главной функции - реализацию общей воли своих подданных - одними уговорами или же полагаясь на их сознательность и добрую волю. Мировая история по большому счету еще не знала государства без механизмов и средств предотвращения уголовных правонарушений и наказания за них, без системы исправительных учреждений. Насилие или угроза применения насилия является мощным фактором, удерживающим людей от всякого рода поползновений на жизнь, свободу, собственность других членов общества. Непременными атрибутами государства являются армия, полиция, призванные гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасности как самого государства, так и всех без исключения его подданных. Они составляют инструмент силового обеспечения политики государства. В этом контексте прав Французский мыслитель конца XVIII - начала XIX в. Ж. де Местр, который говорил: "Бог, сотворивший власть, сотворил и наказание <...> Палач сотворен вместе с миром".

Государство отличается от всех других форм организации людей тем, что оно располагает военной силой и судебно-репрессивным аппаратом. Не случайно при определении политического К. Шмитт особое значение придавал jus belli - праву вести войну. Объясняя свою мысль, он говорил, что государство, выступающее как единство политического, вправе требовать от всех тех, кто принадлежит к данному конкретному народу, быть готовыми идти на смерть в войне с врагами. "Благодаря этой власти над физической жизнью людей, - писал К.Шмитт, - Политическое сообщество возвышается над всякого иного рода сообществом или обществом" [78, с. 51].

Иначе говоря, государство вправе не только применять к своим подданным в случае необходимости насилие, но и требовать от них служения государству с оружием в руках для применения вооруженного насилия к врагам самого государства.

При этом необходимо учесть следующее обстоятельство принципе насилие может быть применено и нередко применяется родителями по отношению к своим детям, руководителей предприятия - по отношению к своим подчиненным и т.д. и все дело в том, что в любом из этих случаев действия применяющих насилие противоречат закону. Более того, закон запрещает такие действия под угрозой применения насилия к ним самим. Что касается государства, то формы, средства, условия использования им насилия или угрозы применения насилия строго определены и регламентированы законом.

Поэтому и говорят о легитимном, или узаконенном, насилии со стороны государства. Важно учесть также не только легитимность насилия, применяемого государством, но и то, что только и только ему принадлежит это исключительное право. Коль скоро все граждане независимо от социального положения, национальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности равны перед законом, то ни один из них не вправе (кроме тех случаев, которые предусмотрены законом) приме нить насилие в отношении другого человека. Это касается и разного рода организаций, объединений, союзов» заинтересованных групп и т.д.

Другими словами, право или угроза применения насилия отняты у всех индивидов и коллективов, составляющих общество, и сосредоточено у государства. При этом государство не просто наделено правом на применение насилия, а пользуется исключительным правом, т.е. монополией на его применение. Поэтому" говорят, что государство обладает монополией на легитимное, иль узаконенное, насилие. Из сказанного можно сделать вывод, что *государство обладает публичной властью,* т.е. прерогативами давать приказы и принуждать повиноваться им, что обеспечивается, в частности, монополией на легитимное насилие, власть и наделяется некоторыми общими, универсальными значениями, в разных социокультурных системах она может пониматься по-разному, иметь особые оттенки, включаться в разные системы координат идеального и т.д. Власть подразумевает людей - субъектов властных отношений, и с этой точки зрения она есть социальный институт. Поэтому вполне естественно, что ее трактовка связана с субъективными позициями разных социальных групп или выражающих их интересы.

Нельзя ни учесть, что в любом обществе существует множество форм и источников власти, влияния и авторитета: экономическая, духовная, нравственная и другие сферы, разнородные неэкономические институты и организации. Они включают социальные движения и добровольные общественные образования: церкви, профессиональные организации, независимые средства массовой информации, культурные институты, политические партии, ассоциации избирателей. К ним же следует отнести и такие "дисциплинирующие" институты, как школы, больницы и т.д. В значительной мере степень независимости граждан от государства, степень демократичности общественно-политической системы пропорциональна степени полицентричности распределения власти в обществе. Как же в этом случае совместить принцип единства и неделимости верховной власти государства? Дело в том, что в соответствии с большинством современных теорий верховная государственная власть имеет некие границы, которые она не вправе преступать. Это - неотчуждаемые права личности на жизнь и свободу мысли от внешнего вмешательства. Как писал П.И. Новгородцев, императивом для верховной власти остается "идея суверенитета народа и личности". Между правом, государством и отдельно взятой личностью существует некий договор относительно этих неотчуждаемых прав личности на жизнь, свободу и независимость, который подкреплен "народовластием и парламентаризмом" в конституции. Гарантией сохранения и реализации прав личности П.И.Новгородцев считал строгое разделение прерогатив и функций властей, призванное не допустить перекоса в пользу какой-либо ветви власти, в том числе и "деспотизма парламента". При этом он подчеркивал, что "под единой властью... не разумеется, конечно, власть единоличная".

Очевидно, что в современную идею суверенитета органически встроены принципы, не допускающие использования ее в целях установления деспотизма исполнительной или законодательной ветви власти или отдельного лица. В значительной мере эти принципы реально воплощены в системе разделения властей на три главные равносущные друг другу ветви - законодательную, исполнительную и судебную. Разделение властей отражает конкретные интересы конкретных социальных и политических сил, их борьбу и взаимодействие.

При анализе проблемы власти неизбежно возникает о ее соотношении с политическим влиянием и политическим авторитетом. По мнению некоторых авторов, политическое влияние - всеохватывающее понятие, поскольку покрывает собой все формы убеждения, давления, принуждения и т.д. Выделяется также принуждение, рассматриваемое как форма влияния характеризующаяся высокой степенью оказываемого давлен выражающегося в различных формах - от экономического, социального, политического или иного запугивания до применения насилия.
И действительно, в некотором смысле политическую власть политическое влияние невозможно различить, поскольку власть представляет собой определенную форму влияния, а влияние в свою очередь - это просто проявление причинно-следственных отношений. При всем этом власть отличается от просто влияния тем, что она опирается на санкции. Иначе говоря, власть может использовать физические санкции или их угрозу в случае неподчинения повелению или приказу. Влияние же предполагает, что то или иное лицо модифицирует свое поведение или образ жизни, считая, что его интересы могут быть лучше реализованы, если следовать образу жизни, поведения или просто совету другого лица. О политическом авторитете можно говорить в том случае, если лицо, которому приказывают поступить определенным образом, считает, что тот, кто приказывает, имеет на то моральное или иное право. Можно, например, обладать высоким научным или нравственным авторитетом, не имея при этом власти. В целом власть нельзя отождествлять ни с авторитетом, ни с влиянием, хотя в идеале последние являются важными ее ингредиентами. В данном аспекте власть представляет собой систему отношений господства в подчинения, главная цель которого состоит в обеспечении выполнения директивы, приказа, воли и т.д. с помощью влияния, авторитета, разного рода санкций и прямого насилия.
Таким образом, *функциональная задача власти* состоит в реализации целей управления, здесь власть призвана осуществлять отношения господства и подчинения между правителями управляемыми. Государство невозможно представить без властвования, господства и подчинения. Более того, можно сказать, феномен власти имманентно присущ обществу. Но вместе с тем следует особо подчеркнуть, что власть имеет множество различных источников и опор и представляет собой многосторонний феномен.
Выделяют различные формы проявления и функционирования власти: насилие и принуждение, наказание и поощрение, контроль и управление, соперничество и сотрудничество. Она может носить как негативный, так и позитивный характер. Поэтому очевидно, что власть нельзя свести всецело к функции насилия. Более того, некоторые исследователи считают, что не санкционированное законом насилие несовместимо с властью. Так, например, М. Дюверже проводил различие между силой (puissance) и властью (pouvoir): первая базируется исключительно на способности заставлять принуждать других, а вторая - также на вере принуждаемого в законность такого принуждения и необходимость подчиняться ему. Сила и физическое принуждение - это закон сильного, который может принудить более слабого подчиниться просто вследствие неравенства сил. Что касается политической власти, то в ней насилие - один из узаконенных механизмов ее реализации[105, с. 10].
нужно учесть, что во властных отношениях подчиненный - на из сторон, участник этих отношений. Поэтому власть проявляется не только в насилии, но также в различных "динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между человеком и человеком, личностью и обществом, социальными группами, классами, государствами, блоками государств" [11, с. 8].
Социальная система власти, являясь некоторой целостностью, состоит из ряда подсистем - правовой, административно-управленческой, военной, воспитательно-образовательной и т.д., в которых как по горизонтальному, так и вертикальному срезу устанавливаются определенные, характерные для каждой из них отношения. Конституции, кодексы, законы, административные решения и т.д. являются средствами реализации власти. В то же время власть подчиняется праву, призванному четко определить властные прерогативы и функции государства. В данном контексте особенность государства состоит в том, что оно обеспечивает реализацию повелительной силы норм права, которые отличаются от моральных, вероисповедных или иных норм, куда государству нет доступа.
Таким образом, власть - это своеобразная система коммуникации между различными ее субъектами, субъектами и объектами, между двумя или более лицами или сторонами, участвующими в системе властных отношений, а не просто достояние одной из сторон. «Власть, - подчеркивал Т.Парсонс,- занимает в анализе политических систем место, во многих отношениях сходное с тем, которое занимают деньги в экономических системах». В этом смысле, по справедливому замечанию К. Дойча, власть представляет однр из «платежных средств» в политике, которое применяется там, где не срабатывает влияние или добровольное согласование действий. Причем власть не является постоянной и фиксированной величиной. Как и сумма денег, объем власти может уменьшаться или расти. Например, энергичный деятель, пользующийся поддержкой населения, способен придать власти дополнительные значимость и силу. Сама по себе власть носит символический характер и представляет собой инструмент выявления, определения и реализации коллективных целей. Ее эффективность в данном контексте составляет критерий или меру ее ценности. В этом смысле применение физических ограничений для власти аналогично тому, чем является для денег золото:

последнее - средство утверждения их стоимости в период кризиса. К золоту как эталону прибегают лишь в периоды кризиса. В нормальной ситуации стоимость денег определяется их способностью к обмену, не прибегая к помощи эталона. Точно так же власть пользуется силой лишь в тех случаях, когда члены коллектива не подчиняются общим интересам данного коллектива.
С этой точки зрения власть сильна и дееспособна не тогда когда она использует силу в качестве prima ratio, а тогда, когда проявляет максимум заботы о членах общества, обеспечивает оптимальные условия для их безопасности и самореализации и прибегает к силе в качестве ultima ratio. Злоупотребление властью, подавление свободы граждан заложены не в самой власти, а в необоснованной и неоправданной ее концентрации. Нельзя забывать, что политика - это не только насилие или угроза его применения, наказание и конфликт, но и обещания, вознаграждения, сотрудничество, обмен и т.д. В методологическом плане власть как отношение между двумя или более партнерами опирается на общепринятые или юридически закрепленные в дан ном обществе ценности и принципы, определяющие и регулирующие место, роль и функции как отдельного человека, так и социальных групп в системе общественных и политических отношений.
Государство как носитель и субъект власти, обладая специальным профессиональным аппаратом, выполняет основные функции по управлению делами общества и распоряжается его природными, материальными и людскими ресурсами. Среди этих функций важное место занимают управление социальными и экономическими процессами, сферами духовной жизни, регулирование социальных, национальных, международных отношений, обеспечение национальной безопасности и общественного порядка, гарантирование соблюдения общеобязательных норм и вил игры в обществе и государстве и т.д.

3.7. Государственно-административный аппарат и бюрократия

Государство - это комплекс институтов, учреждений и органов, каждый из которых выполняет свои специфические функции законодательного, исполнительного и судебного характера. Речь идет прежде всего о парламенте (в демократических государствах), правительстве, правоохранительных органах и т.д. В плане ведения повседневных дел в государстве ключевая роль принадлежит правительству. Понятие "правительство" используется в нескольких значениях. Оно может означать: во-первых, комплекс органов государственной власти, включая парламент; во-вторых, особый орган государственного управления, а именно исполнительный орган, противостоящий парламенту, воплощающий законодательную власть; в-третьих, один из центральных элементов исполнительной власти - совет министров или кабинет министров. Большей частью данное понятие используется во втором значении. В целом правительство представляет собой орудие верховной власти, создаваемое и предназначаемое для управления делами страны.
Важнейшая функция правительства состоит в управлении государственным аппаратом, посредством которого осуществляются властные функции. Административный аппарат - это как бы становой хребет современного государства, органически скрепляющий в единое целое различные его институты по горизонтали и вертикали. Государственно-административный аппарат играет главную роль в реализации государственного регулирования и управления экономическими и социальными процессами. В настоящее время во всех индустриально развитых странах государственный аппарат во главе с правительством - это мощная разветвленная система разнообразных органов, министерств, ведомств, служб управления государственными предприятиями, разного рода систем специализированных комитетов и комиссий т.д. По существующим данным, в государственном аппарате индустриально развитых стран занято до 8 % самодеятельного населения.
Огромная административная организация, созданная для решения сложных проблем современной жизни, постепенно стала автономной по отношению к законодательной и судебной ветвям власти. Нередко она самостоятельно формулирует и практически осуществляет политический курс в тех или иных сферах жизни. Хотя юридически правительство считается высшим органом управления, оно одновременно приобрело статус и функции волеформирующего политического института. В соответствии с ныне действующими во многих странах конституционными нормами правительство имеет широкие полномочия для вынесения важнейших политических решений. У него появился ряд новых функций, относящихся к так называемому политическому планированию, оно вторгается в сферу законодательства, разрабатывая и формулируя многие законопроекты, которые затем утверждаются парламентом.
В результате этого возникло совершенно новое образование анонимной власти - современное *бюрократическое государство.* Само слово "бюрократия" используется в нескольких значениях. Нередко в него вкладывают негативный смысл, имея в виду волокиту, канцелярщину, формализм чиновников. Но при всем этом бюрократия превратилась в неотъемлемый элемент современных организаций, а также всех политических систем. М. Вебер рассматривал бюрократию как систему административного управления, характеризующуюся следующими признаками: иерархия соподчиненности и ответственности; безличность, т.е. выполнение функций согласно четко фиксированным правилам; постоянство, в соответствии, с которым работа выполняется в течение полного рабочего дня на постоянной основе при гарантии должностного места и продвижения по

службе; профессионализм. Конечно, не все могут согласиться с такой оценкой, но эти и подобные им признаки отражают сущность бюрократии.

Восхождению и утверждению ключевой роли бюрократии способствует комплекс факторов. Зарождение и утверждение современного государства на Западе М. Вебер связывал с формированием бюрократического аппарата. Зависимость государства от бюрократии увеличивается по мере его разрастания. Государство, бюрократия и капитализм развивались в тесной взаимной зависимости. Именно с помощью бюрократического аппарата, как считал Вебер, были преодолены негативные последствия сословного порядка и передачи феодальной власти по наследству. Один из атрибутов бюрократического аппарата - *класс чиновников,* оплачиваемый из государственной казны. Содержание огромной армии чиновников, идентифицируемых со своими функциями, что в свою очередь снимает вопрос об их социальном происхождении, возможно только в условиях современной "денежной" экономики. Очевидно, что в Древнем Египте и Китае не было государственной администрации, поскольку там главные чиновники оплачивались натурой и почти полностью зависели от местных источников материальных богатств. Иное дело современный государственный аппарат и механизм государственно- административного управления, которые невозможно представить без четких рационально заработанных формальных норм и правил, без строгой профессионализации политики, что ассоциируется с бюрократией.

Особенность государственно -административного аппарата состоит в том, что он носит постоянный характер. В отличие от высших органов государственной власти, которые находятся в прямой зависимости от результатов избирательной борьбы и расстановки сил в парламентах, государственный аппарат не зависит от колебаний и перестановок на вершине государственной машины. Являясь инструментом осуществления непосредственных властных функций, армия чиновников и служащих государственного аппарата продолжает делать свое дело независимо от правительственных кризисов, роспуска парламента, досрочных выборов и т.д. В отличие от глав правительств, министров и администраторов высшего звена, которые, как правило, приходят и уходят, основная масса чиновничества представляет собой стабильный контингент лиц, составляющих костяк системы государственного административного управления. Рядовой гражданин обычно имеет дело не с правительством и парламентом, а с этой громоздкой и разветвленной машиной. Поэтому неудивительно, что чиновничество стало могучей и влиятельной силой, подчас независимой от подлежащих периодической смене правительства и выборных органов власти.

Чиновник, занимающий тот или иной пост в структуре административного аппарата, является экспертом определенного профиля, в то время как его выборный руководитель, как правило, находится в положении дилетанта. Более того, в процессе выполнения своих обязанностей чиновник накапливает большой объем конкретной информации, что еще более усиливает его влияние и позиции.

Этому же способствуют так называемые кодексы бюрократии, согласно которым важнейшие сферы ее деятельности изъяты из-под контроля общественности. Формально рядовые граждане вправе оспаривать действия бюрократии. В определенной степени влияние и вес бюрократии можно ограничить с помощью выборных представительных органов. Но под прикрытием конфиденциальности и секретности бюрократия способна противодействовать попыткам выборных органов получить нужную информацию. В результате бюрократизм во всевозрастающей степени пронизывает выборные демократические институты, отвоевывая у них одну позицию за другой. В условиях современного высокоразвитого индустриального общества этому способствует и то, что принципы плюралистической представительной демократии зачастую вступают в противоречие с принципами административной эффективности. Если плюрализм - это множественность, раздельность и даже фрагментарность властных институтов, то принципы административной эффективности сводятся к обеспечению принятия рациональных решений и их эффективной реализации.

Здесь важное значение имеют иерархия и специализация функций, профессионализм или профессиональная компетентность служащих государственного аппарата. Во все более растущей степени принципы выборности и представительства подчиняются императивам профессионализма и бюрократического администрирования. В классической демократической теории "сдерживания и противовесов" условием достижения "равновесия власти" является существование множества конкурирующих между собой центров власти. Равновесие власти достигается также вследствие того, что различные ее центры осуществляют разные функции, и само разделение функций служит в качестве системы "сдержек и противовесов".

В настоящее время бюрократия приобретает важную роль при выдвижении законодательных предложений и выполняет исполнительные функции, когда она принимает ключевые решения в сфере реализации государственной политики. В сфере регулирования при рассмотрении апелляций на свои собственные решения она по сути дела располагает возможностями вмешательства в прерогативы судебных властей.

Масштабы и последствия этого феномена можно наглядно продемонстрировать на примере Конгресса США, который фактически превратился в гигантскую бюрократическую систему. Так, до

первой мировой войны в одной из палат Конгресса - сенате - было меньше наемных работников, чем самих сенаторов. По некоторым данным, с 1950 г. по настоящее время штат всевозможных конгрессистских комитетов возрос с 300 до 1100 человек, а штат личного аппарата сенаторов и членов палаты представителей с 600 до 3600 человек. Кроме этого, тысячи людей заняты в бюджетном бюро и других учреждениях Конгресса. В 1960 г. каждый из двух сенаторов от Калифорнии пользовался услугами примерно 20 работников. В настоящее время на одного сенатора от этого штата работает более 60 человек.

Это создало качественно новую ситуацию. Раньше комитеты Конгресса, сенаторы и члены палаты представителей нанимали лишь клерков, которые не имели сколько-нибудь серьезного влияния на своих нанимателей. Теперь это юристы, социологи, политологи и другие высококвалифицированные специалисты» призванные составлять рекомендации по важнейшим экономическим, социальным, внутри- и внешнеполитическим вопросам. Во многом в своих действиях законодатели и конгрессистские комитеты руководствуются этими рекомендациями. Иначе говоря, в законодательном процессе вес и влияние приобретают лица, не получившие полномочий от избирателей. Это неизбежно ведет к подрыву принципов представительности и демократии.

К тому же существенные коррективы в функционирование политической системы демократии внесены дополнением политического представительства - *функциональным представительством*- Суть его состоит в том, что представители различных заинтересованных групп вступают в договорные отношения друг с другом и государством для решения тех или иных насущных для них проблем. Это так называемый корпоративизм или неокорпоративизм. Обычно последний определяется как институциональный механизм, в котором публичная политика вырабатывается посредством взаимодействия между государственным аппаратом, с одной стороны, и уполномоченными влиятельных корпоративных союзов - с другой. Корпоративным организациям предоставляется монополия представительства в соответствующих сферах их интересов в обмен на подчинение определенным ограничениям, налагаемым государством. Другими словами, политическое представительство дополняется функциональным представительством интересов, что естественно вносит существенные изменения в систему функционирования традиционных общественно-политических институтов.

Если рассматривать всю систему политических отношений Западного общества, то именно в данной области за последние десятилетия произошли наиболее драматические изменения, существенно укрепившие взаимодействие между гражданским обществом и государством. Созданные после второй мировой войны общенациональные органы по планированию и реализации политики доходов послужили благоприятным фактором, способствовавшим институциональной интеграции профсоюзов и предпринимательских ассоциаций с государством на основе принципов функционального представительства. Такая институционализация развивалась на прагматической основе наряду и в связи с господствующей представительной системой парламентаризма и заинтересованных групп. С целью координации деятельности правительственных служб и заинтересованных групп в Послевоенные десятилетия было создано множество консультативных комитетов для совместного обсуждения интересующих стороны вопросов. При этом сотрудничество между правительством и руководителями заинтересованных групп настолько тесно и постоянно, что весьма трудно разграничить их действия. Важно учесть, что подобного рода сотрудничество и координация зачастую осуществляются в обход парламента. В результате партнерство бизнеса, профсоюза и государства превратилось в сложнейшую систему взаимосвязей самых различных общественных и государственных структур, обеспечивающую увязку узко групповых и общегосударственных интересов.

В заключение еще раз подчеркнем, что центральное место в мире политического занимают власть и ее главный носитель - государство. Но пока не выяснен вопрос, как соотносятся мир политического в целом с политической системой, а она в свою очередь с государством и властью. Правильно ответить на этот вопрос можно, лишь выяснив, что есть политическая система. Этот вопрос отнюдь не праздный, поскольку при всей своей внешней простоте он остается до сих пор неразработанным в должной мере.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какое содержание вкладывается в понятие "политическое" и "мир политического"?
2. Какие существуют определения мира политического?
3. Назовите основные составные элементы мира политического.
4. Какое место в нем занимают власть и государство?
5. Как соотносятся между собой нация и государство?
6. Что понимается под суверенитетом?
7. Какое содержание вкладывается в понятие "закон"?
8. Что такое монополия на законное насилие?
9. Дайте общую характеристику государственно- административного аппарата и бюрократии.

Глава 4. Политическая система

Прежде чем приступить к анализу политической системы, отметим следующее обстоятельство. Одним из важнейших методических инструментов анализа в западной политической науке начиная с 50-х годов стал системный анализ (см. гл. 1). Однако с легкой руки зачинателей этого подхода - американских политологов Д.Истона, К. Дойча, Г. Алмояда и др. - понятия "политическая система" и "системный анализ" на Западе фактически использовались как синонимы. К сожалению, многие отечественные авторы, не разобравшись в сути вопроса, воспроизводят схемы сформулированные американскими исследователями еще в 50-х - 60-х годах, хотя они в последние полтора-два десятилетия внесли в свои первоначальные построения существенные коррективы.

Напомним, что системный подход - одно из методологических направлений в политологических исследованиях. Его никак нельзя путать с политической системой, представляющей собой реальное институциональное образование. Это разноплановые вещи, и их смешение существенно ухудшит качество и достоверность результатов исследования.

4.1. Системный подход или политическая система?

Большинство западных политологов под политической системой подразумевает совокупность политических взаимодействий Ролей и функций, существующих в каждом сообществе. Как считал, например, Д. Истон [108], мы можем характеризовать политическую систему как ...комплекс взаимодействий, с помощью которых достигается и осуществляется властное размещение ресурсов в обществе. Модель политической системы Истона построена по аналогии с кибернетической системой, функционирующей по замкнутой схеме. Для Истона отправной точкой стал разрыв с традиционным подходом, построенным на изучении прежде Всего структуры системы и используемых в ней механизмов принятия решений. Истон рассматривал систему как некий “черный ящик” игнорируя происходящее внутри "ящика". Он анализировал главным образом отношения системы со своей средой, которая состоит из комплекса других систем, входящих в глобальную социальную систему: экономической, культурной, религиозной, экологической, биологической, психологической, международной и т.д. Отношения между политической системой и ее средой представлены в виде *входа* со стороны среды, который дает импульс системе, и *выхода,* который является реакцией системы на импульс среды. Реакция выхода вызывает ответную реакцию среды, она в свою очередь порождает новый вход, на который система реагирует новым выходом, и т.д. до бесконечности по принципу действия замкнутой кибернетической цепи.

Истон выделял два вида входов, например требования избирателей к системе и их поддержка системы. Спектр требований чрезвычайно широк: повышение зарплаты, улучшение условий труда, предоставление университету ассигнований и т.д. Если требований слишком много, то это ведет к ослаблению системы из-за создаваемых для нее перегрузок, которые она способна разрешить лишь до определенных пределов. Перегрузка может быть количественной, если требований много и парламент или правительство просто физически не в состоянии реагировать на все эти требования, или качественной, если требования слишком сложные. Поэтому их необходимо привести в соответствие с возможностями системы. Политики, государственные деятели, политические партии, профсоюзные руководители призваны регулировать требования, чтобы они не создавали слишком большие и чреватые для всей системы непредсказуемыми последствиями перегрузки. Эту же задачу выполняют существующие в обществе система ценностей, культурные нормы, установки и т.д., которые сдерживают требования в определенных рамках.

Второй вид входов - поддержка - не менее важен для системы, чем первый. Следует различать поддержку сообщества в целом, поддержку режима и поддержку конкретного правительства. Например, можно быть патриотом своей родины, но презирать при этом существующий режим, поддерживать режим, одновременно не приемля действующее правительство, поддерживать правительство в целом, но негативно оценивать отдельных министров и т.д.

Решения, принимаемые системой в ответ на требования и поддержку, называют выходами. Последние в свою очередь становятся источником новых требований и поддержки, характер и содержание которых зависят от механизма обратной реакции или обратной связи. В схематическом виде модель Д. Истона представлена на рис. 4.1.

Еще дальше в деле "кибернетизации" модели политической системы пошел другой американский политолог К.Дойч. подчеркивал,

Окружающая среда

Окружающая среда

Рис. 4. 1

что кибернетика - это "наука коммуникации и контроля", Дойч рассматривал политическую систему как систему производства и воспроизводства информации. Информация - это структурированные отношения между событиями. Коммуникация - передача таких структурированных отношений. Каналы - пути передачи информации. Разумеется, коммуникационные процессы имеют ключевое значение для функционирования организаций, но эти последние не сводятся к ним.

Справедливости ради следует отметить, что в принципе сторонники системного анализа, например Г. Алмонд, признают необходимость выделения при анализе политической системы структур, выполняющих политические функции. Но при этом Алмонд считал, что единицей политической системы является роль. Здесь он опирался на определение Т.Парсонса и Э.Шильса, по мнению которых "роль - это тот организованный сектор ориентации действующего лица, которое составляет и определяет свое участие в процессе взаимодействия". Роль предполагает серию взаимодополняемых ожиданий, касающихся собственных действий данного лица и действий других лиц, с которыми он вступает во взаимодействие.

Таким образом, утверждал Алмонд [86, с. 393-394],

...политическую систему можно определить как комплекс взаимодействующих ролей или как структуру ролей, если понимать под структурой систематизацию взаимодействий.

Преимущество концепции роли, по его мнению, в сравнении с такими понятиями, как "институты", "организации" или "группы", состоит в том, что она шире и более открытая. Концепция роли может включать формальные и неформальные учреждения, семью, электорат, толпу, временные и постоянные группы и т.д., поскольку они имеют касательство к политической системе. При таком подходе вопрос об институциональной структуре, "анатомии" политической системы как бы теряет актуальность. К тому же Истон, Алмонд и другие приверженцы данного подхода исходили из того, что понимаемую так политическую систему можно обнаружить во всех коллективах, осуществляющих функции адаптации и интеграции. Как считал, например, М. Дюверже, политика есть форма деятельности, присущая не одному какому-либо типу сообщества в лице государства, а любому коллективу, поскольку любое общество, группа, коллектив, община и т.д. составляют систему взаимодействий. По утверждению Дюверже, существует столько вариаций политической системы, сколько имеется разновидностей коллективов или человеческих сообществ. Можно конструировать и анализировать политические системы отдельной партии, объединений партий в одной стране, однотипных партий в нескольких странах. Можно говорить также о политических системах профсоюзов, ассоциаций, администраций, общин, регионов, церквей, армий и т.д. [106, с. 375].

Очевидно, что такой подход в значительной мере обесценивает саму идею вычленения политической системы как самостоятельного феномена, обладающего собственными, только ему одному присущими характеристиками. Напомним в этой связи, что традиционно в политической науке главное внимание концентрировалось на официальных политических институтах - государстве, партиях, конституции, исполнительных и законодательных органах власти и т.д. В результате из поля зрения выпадали динамика, деятельность, процесс. Бихевиористский подход и связанный с ним системный анализ явились реакцией на такое положение. При всех положительных аспектах бихевиоризма и системного анализа, о которых будет сказано в гл. 19, они концентрируют внимание на ролях, функциях и взаимодействиях в ущерб изучению самой политической системы с ее институтами, структурами и их взаимоотношениями, которые как бы выносились за скобки. В результате получалось, что основное внимание уделялось действиям, в то время как субъекты этих действий - политические институты - отодвигались на задний план или вовсе игнорировались. Хотя такой подход никогда в полной мере не был реализован, он тем не менее имел далеко идущие последствия для вычленения, трактовки и типологизации политических систем.

Прежде всего, обращают на себя внимание неопределенность, аморфность и некоторая искусственность построений системников. Взаимодействия политической системы со средой, обратные связи входов и выходов, разумеется, важны, но они составляют лишь один из множества аспектов проблемы. Центральное место в исследовании должны занимать сама политическая система, ее структурные элементы, конфигурация и т.д. У сторонников же системного подхода политическая система превращается в некий "черный ящик", некое промежуточное звено между входами и выходами. Как представляется, главная задача исследователя состоит в том, чтобы определить и проанализировать содержимое этого "черного ящика" и то, что происходит внутри него. Политическая система предполагает наличие не только системы отношений, но и в первую очередь структур, институциональной инфраструктуры, на основе которых могут развертываться указанные отношения. Как подчеркивал Т.Парсонс, структура составляет анатомию социальной системы, а функции - ее физиологию. Этот постулат не в меньшей мере верен и применительно к политической системе. Говоря о политической системе, мы подразумеваем политическое устройство, политическую самоорганизацию общества, которые невозможно представить себе без институциональной структуры.

При анализе политических отношений и взаимодействий, прежде всего, необходимо определить их субъекты. Возьмем, например, нормы и правила политической игры. Можно ли изучать их в отрыве от того основополагающего документа - конституции, в которой эти нормы и правила законодательно зафиксированы. Здесь вопрос "Кто и с помощью каких механизмов и инструментов управляет той или иной страной?" не менее важен, чем вопрос "Как управляется страна?" Если поставить эти вопросы или один из них перед современным россиянином, то мы, по-видимому, получим ответ; "Президент в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Государственной Думой и Советом Федерации, а также судебной властью, руководствуясь при этом Конституцией". Если эти вопросы задать американцу, то

ответ, очевидно, будет аналогичным: "Президент страны в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Конгрессом и Верховным судом". Возможный ответ, вытекающий из системного подхода: “В процессе взаимодействия ролей в сфере политики,”- не отражал бы во всей полноте реального положения.

Как уже говорилось, политическая система в собственном смысле слова в первую очередь предполагает институциональную Инфраструктуру политической самоорганизации общества. Разные политические системы отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием тех или иных институтов, характером их конфигурации, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т.д. Следует отметить, что некоторые представители системного анализа, особенно в континентальной Европе, были вынуждены признать это и внести соответствующие коррективы в свои построения. Как утверждал, например, М.Дюверже,

…комплекс политических институтов, функционирующих в *данной стране в данный момент, составляет "политический режим" в некотором роде, политические режимы - это некие скопления, для которых политические институты являются звездами.*

Политические режимы составляют устойчивые и хорошо скоординированные комплексы институтов, отдельные элементы которых трудно отделить друг от друга. Существует тесная взаимозависимость между всеми институтами режима, а также между политическим режимом и экономическими структурами, идеологиями, системами ценностей и господствующим в обществе мировоззрением. По мнению М.Дюверже [105], когда хотят отметить взаимозависимость между политическим режимом и социальным контекстом, в котором он развивается, то большей частью говорят о политической системе. Но выражения "политическая система" и "политический режим" являются практически синонимами.

В другом месте М.Дюверже подчеркивал, что политическая система имеет отношение к комплексу институтов [106] - власти, государственному аппарату и средствам его функционирования, а также всему тому, что с этим связано.

Очевидно, что, не выяснив вопрос об анатомии и институциональных субъектах политической системы, нельзя вести серьезный разговор о целях и функциях политической системы, условиях и принципах распределения и реализации политической власти и о многих других ключевых проблемах политологии.

Таким образом, политическая система представляет собой комплекс институтов и организаций, в совокупности составляющих политическую самоорганизацию общества. Это, прежде всего институты и органы управления, руководства и координации политической жизни. Центральным, или осевым, институтом политической системы, вокруг которого группируются остальные институты, является государство. Нередко имеет место фактическое отождествление политической системы и государства, что со строго научной точки зрения не совсем правомерно. Выделение понятия "политическая система" диктуется тем, что оно свободно от правоведческих и законоведческих значений, ассоциируемых с понятием "государство". Его концептуальное значение шире и позволяет включать феномены и процессы, не всегда отождествляемые собственно государством, но тем не менее без государства нет политической системы, и, естественно, оно должно стоять в центре внимания политологического исследования.

Здесь нельзя не отметить, что именно игнорирование институционального и структурного аспектов политической системы способствовало возрождению в западной и особенно американской литологии в 70-х - 80-х годах интереса к теории государства. Американская ассоциация политической науки в 1981 г. на своей ежегодной конференции расценила данную тенденцию как "восстановление статуса государства в политической науке". Государство, будучи концентрированным воплощением идеи политического, выступает в качестве центрального, или осевого, элемента политической системы. Именно вокруг государства группируются остальные политические институты, борьба между различными социально-политическими силами разворачивается прежде всего за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления. Государство по своей сути призвано обеспечить целостность и единство разнообразных институтов и агентств, выполняющих разнообразные функции управления. Например, политические партии, избирательная система, система представительства и т.д. немыслимы в отрыве от государства. Оно реализует отношения власти и контроля в обществе. В этом контексте государство является базисной структурой правления и порядка в обществе. В самом государстве центральное место занимают парламент, правительство и все исполнительные органы власти, административный аппарат, институты, в задачу которых входит отправление правосудия.

Высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов в совокупности играют роль управляющей подсистемы, составные компоненты которой связаны между собой сложными Функциональными отношениями. Они принимают решения общенационального значения, обязательные для исполнения как всеми без исключения звеньями государственного аппарата, так и гражданами. Каждый из высших органов государственной власти обладает реальной структурно-функциональной определенностью, установленной конституцией и известной самостоятельностью по отношению друг к другу. Это

вытекает из принципа разделения властей на три самостоятельные ветви - законодательную, исполнительную и судебную. В этом качестве каждая из них выступает как самостоятельная субсистема по отношению к общей управляющей системе.

Немаловажное место в политической системе занимают партии и связанные с ними организации, объединения, союзы механизмы реализации политического процесса и т.д. Подчеркивая значимость партий, немецкий политолог К. фон Байме называл современные западноевропейские политические системы партийными демократиями. Нередко партии, партийные и избирательные системы рассматриваются как самостоятельная сфера, существующая отдельно от политической системы. Более обоснованной представляется позиция Г.Алмонда. Он, в частности, выделял два уровня политических структур: институциональный и ассоциативный. Причем государство и его институты составляю, первый уровень, а партии - второй. Однако партии играют существенную роль как в определении структуры политической сие. темы, так и в ее функционировании. Показательно, что некоторые исследователи оценивают партии в качестве структурообразующих элементов политических режимов в рамках той или иной политической системы. Партии во многом определяют адз неспособность и функционирование политической системы. Более того, в тоталитарной системе единственная господствующая партия органически и неразрывно сливается с государством, так что выделить институциональный и ассоциативный уровни здесь невозможно. В целом современные политические системы немыслимы без партий и связанных с ними институтов. Не случайно, например, в конституции ФРГ зафиксированы юридический и политический статусы партий как главных политических организаций государства.

Помимо названных базовых структурных элементов политическая система, по-видимому, включает различные общественно-политические организации, комитеты политического действия, институты и механизмы принятия решений, например, институты корпоративизма (об этом см. в следующих главах). В целом политическая система охватывает институционально- организационный аспект подсистемы политического с его основополагающими целями, субъектами, отношениями, процедурами, механизмами, функциями и т.д.

4.2. Опыт типологизации политических систем

Политическая система характеризуется интегрированностью, что в свою очередь предполагает вертикальную и горизонтальную согласованность ее структурных элементов. Ее жизнеспособность определяется степенью согласия и сотрудничества между отдельными элементами. Политическая система самодостаточна в том смысле, что силу своей внутренней организации и ресурсов, а также доступности к необходимым ресурсам в окружающей среде она обладает способностью функционировать автономно, реализуя свои ценности, нормы и коллективные цели, приспосаблиливаясь к условиям среды. Политическая система, равно как и любая другая система, открыта влиянию окружающей среды, с которой она вовлечена в процессы взаимообмена и из которой получает важнейшие стимулы для своей деятельности. Открытость уже сама по себе предполагает, что политическая система является частью или подсистемой другой, более широкой системы, а именно человеческого социума в целом. Среду политической системы можно условно разделить на ближнюю и дальнюю. *Бижняя среда* - это собственно подсистема политического.

Разумеется, политическая система располагает определенной совокупностью правил игры, реализуемых в процессе взаимодействия и функционирования ее институтов. Но эти правила и отношения формируются и действуют в более широком контексте подсистемы политического. То же можно сказать о политическом поведении, политической культуре, политической этике и других составных элементах и атрибутах подсистемы политического. Говоря о *дальней среде,* мы имеем в виду общество, взятое в целом, влияние на политическую систему которого осуществляется во многом опосредованно, опять же в общем контексте подсистемы политического. При этом важно учесть, что при всей открытости политической системы влиянию обеих сред она обладает значительной долей самостоятельности и сама способна оказывать на них значительное влияние.

Деятельность и функционирование политической системы, как уже отмечалось, предполагают определенные правила. Различают правила, призванные регулировать пути, способы и методы, с помощью которых члены общества могут воздействовать на политическую власть, и правила, определяющие способы реализации политической власти. Первые охватывают отношения подчинения и участия, а вторые - управления и регулирования. Поэтому естественно, что политические отношения - важная структурно-функциональная составляющая мира политического. Если речь идет об отношениях, то, естественно, предполагается существование и субъектов этих отношений. К.Маркс считал субъектами политики и политических отношений классы, А.Парето и Г.Моска - элиты, А.Бентли, Д.Трумен и др. - заинтересованные группы. Однако очевидно, что политические отношения могут реализоваться как между различными политическими институтами, так и между различными социально- политическим силами. Иначе говоря, и те, и другие могут выступать в качестве субъектов политических отношений. Б.И.Коваль и И.В.Ильин выделяют следующие группы субъектов политики: 1) субъекты социального уровня - класс, этнос, масса, группа, отдельный индивид, электорат в целом, мафия, военно-промышленный комплекс и т.д.; 2)

институциональные субъекты - государство, партия, профсоюз, парламент, президент, университет и т.д.; 3) функциональные субъекты - армия, церковь, оппозиция, средства массовой информации и т.д. [57, с. 152-153].

С рассматриваемой точки зрения одним из основных для все теорий политического является поставленный некогда Плато ном вопрос: *Кто должен господствовать?* или, другими слова ми: *Чья воля может и должна доминировать в обществе?* На этот вопрос существует множество разных ответов: воля всевышнего воля истории, воля государства, народа, большинства, класса, партии, вождя и т.д. Вопрос может быть поставлен и несколько иначе: *кому следует править, почему, как, в чьих интересах?* В зависимости от ответов на эти и подобные вопросы формулируются и конструируются основополагающие параметры политической системы. Поэтому естественно, что классификация, или типологизация, политических систем составляет одну из важнейших задач политологии. Истоки существующих типологизаций можно обнаружить в античной общественно-политической мысли.

Платон разделил древнегреческие города-государства на еле дующие типы: 1) монархия - правление одного хорошего чело века, ее искаженная форма - тирания; 2) аристократия - правление нескольких хороших людей, ее искаженная форма - олигархия; 3) демократия - правление многих или всего народа. Показательно, что Платон не приводит искаженную форму демократии, считая, что сама демократия - наихудшая форма правления

Продолжая традицию Платона, Аристотель выделял два основных критерия для различения государства или конституции "природа цели, ради которой государство существует", и "различные формы власти, которой люди и их ассоциации подчиняются". В соответствии с первым критерием Аристотель различал сие темы, в которых правители управляют "в общих интересах", т.е. для достижения "хорошей жизни" не просто лично для себя, а для всех, и системы, в которых правители преследуют скорее собственный корыстный интерес, чем общий. Аристотель считал правильными те формы, которые независимо от числа властвующих управляются, "руководствуясь общественной пользой", а те, которые имеют в виду собственную выгоду, "только благо правящих - все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей" [2].

В соответствии со вторым критерием Аристотель различал формы правления по количеству властвующих. Так, он писал: "Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства".

По Аристотелю, правление одного - это монархия, или царская власть, правление немногих - аристократия и большинства - полития. Их отклонения составляют соответственно тиранию, имеющую в виду выгоды одного правителя, олигархию - выгоду состоятельных граждан и демократию - выгоды неимущих. Схематически типологизация Аристотеля может быть представлена в следующем виде:

Сколько	Чьи интересы выражает	
Властвует	Всех	Свои
Один	Монархия	Тирания
Немногие	Аристократия	Олигархия
Многие	Полития	Демократия

В Новое время наиболее известные типологизации систем правления дали Т.Гоббс и Ш.Л.Монтескье. Так, Т.Гоббс различал три формы государства в зависимости от числа людей, в руках которых сосредоточена власть: правление одного - монархия, части граждан - аристократия и всего народа или большинства народа - демократия. Что касается тирании и олигархии, говорил Гоббс, то они лишь "различные названия монархии и аристократии". А те, "кому причинено огорчение при демократии, называют ее анархией". Сам Гоббс предпочтение отдавал безоговорочно монархической форме правления [23, т. 2, с. 144].

Ш.Л.Монтескье, продолжая традицию Аристотеля, в первых книгах своего главного труда "О духе законов" (1747) разработал типологизацию, в которой различает три главные формы правления - *республику, монархию, деспотизм* [46, с. 234].

Республиканское правление - это такое правление, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое, при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом господствуют воля и произвол одного века, не признающего законы и правила.

По-аристотелевски характеризуя эти две системы по количеству властителей, Монтескье вместе с тем внес в их трактовку существенные коррективы. Например, рассматривая монархию и деспотию как системы, в которых властвует один, Монтескье делал важную оговорку: монархия - это система, в которой властвует один, однако строго придерживаясь установленных законов, а деспотия - система, при которой правит один, не признавая каких бы то ни было фиксированных законов, на основе произвола. Если для Аристотеля демократия и аристократия - совершенно разные типы правления, то Монтескье рассматривал их как две формы республиканского правления. При первой правит весь народ, а при второй - часть его. Причем, по его мнению, каждая форма правления базируется на некоем этосе или принципе, без которого невозможны ее стабильность и жизнеспособность: добродетель при республике, честь при монархии, страх при деспотизме.

Монтескье подверг сомнению универсальность аристотелевской типологизации, ее пригодность для всех исторических эпох и обществ. Она основывалась на греческом полисе, который Аристотель считал универсальной формой самоорганизации общества. Монтескье, наоборот, исходил из того, что каждый из выделенных им типов правления появляется в определенных общественно-исторических условиях. Так, республиканская форма правления была характерна для античных полисов, монархия - для современной ему Европы, а деспотия - для азиатских империй. Как считал Монтескье, каждый из трех типов правления соответствует определенным размерам территории, занимаемой данным политическим сообществом: республика - небольшой территории; монархия - территории средней величины, а деспотизм - обширным размерам империи.

Широко известна типологизация систем правления, предложенная М.Вебером. Он полагал, что правители могут претендовать на легитимность своего правления, а управляемые принять его законность на следующих трех основаниях.

Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего", нравов, "традиционное" господство в том виде, "как его осуществляли патриарх или патримониальный князь старого типа". Здесь легитимность основывается на общепринятом убеждении в святости традиций и необходимости подчинения правителям, осуществляющим власть согласно традициям. Вебер рассматривал это как самый универсальный и самый примитивный вариант власти. Однако легитимность современных систем в значительной мере ба-ся на традициях. Так, многие аспекты политической системы Великобритании, например монархия, принимаются ее гражданами в силу их традиционности. Во-вторых, исключительные личные качества правителей, например героизм, принципиальность, смелость, решительность и т.д., объединяемые понятием харизмы.

В-третьих, господство легальности в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой компетентности, обоснованной рационально созданными правилами, т. е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил [10, 646]. Здесь власть базируется на правовых основах: конституционные правила, законы и власть официальных лиц принимаются в силу того, что они правомочны; то, что делается на законных основаниях, рассматривается как легитимное. Отсюда - традиционная власть, харизматическая власть и правовая власть.

Существует ряд других типологизаций. Они развивают и конкретизируют приведенные выше и в то же время повторяют, дополняют и перекрывают друг друга. Назовем некоторые из них. Так, *Г.Алмонд* различал следующие типы политической системы: англо-американский; континентально-европейский (исключая страны Скандинавии и Бенилюкса, для которых характерны признаки обоих названных типов); доиндустриальный, или полуиндустриальный, распространенный за пределами европейско-американского региона, и тоталитарный. *МДюверже* выделил следующие типы: либерально-демократический, социалистический, консервативно-диктаторский, традиционная монархия и др. *Ц.Эптер* писал о диктаторской, олигархической, косвенно-представительной и прямой представительной системах. Интерес представляет классификация *С.Н.Айзенштадта,* включающая примитивные (или первобытные) системы, патримониальные империи, кочевые, или завоевательные империи, города-государства, феодальные системы, централизованные бюрократические империи и современные системы, которые в свою очередь подразделяются на демократические, автократические, тоталитарные и слаборазвитые.

Каждая из этих типологизаций имеет свои достоинства и недостатки. С учетом достижений западной и отечественной политической науки ниже автором предлагается собственная типологизация политических систем. В античной Греции типологизацию троили на одной и той же модели политической организации - полисе. В наши дни в большинстве случаев используется однолинейная схема типологизаций: либо по вертикали - разграничение и сравнение "низших" и "высших" форм правления (рабовладельческие - феодальные - капиталистические; патриархальные - традиционалистские - рационалистические), либо по горизонтали (коллективистские - индивидуалистические; диктаторские - либеральные; тоталитарные - демократические и т.д.). Поэтому зачастую вне поля зрения исследователей остается проблема соотношения разных уровней

типологизации, например соотношение между собой демократии - унитаризма; тоталитаризма - федерализма; демократии - федерализма и т.д.
Предлагаемая типологизация строится с использованием системообразующих характеристик - либерально-демократической и диктаторской; соотношений различных ветвей и институтов власти - монархия, президентская республика, парламентская рее. публика и т.д.; форм государственного территориально- административного устройства - унитарное государство, федерация и конфедерация.
В первом случае речь идет о типах политической системы, во втором - о типах политических режимов, в третьем - о формах государственно- административного устройства. Контуры политической системы в самом общем виде выше уже были очерчены. Сущностные характеристики конкретных блоков и типов политических систем даны в гл. 5 и 8, третий аспект типологизации - в гл. 4. Ниже рассмотрим, что понимается под политическим режимом.

4.3. Политические режимы

Наряду с политической системой часто используется понятие "политический режим". Как соотносятся эти два понятия? Это один из сложнейших вопросов современной политической науки. Нередко между этими понятиями вообще не делают различий. Например, американский политолог М.Хагопян использует понятия "полития", "политическая система" и " политический режим" как синонимы. По его мнению, эти термины в широком смысле означают "фундаментальную организацию политической жизни"» выражая общие структурные характеристики политического по рядка. М.Дюверже, приложивший немало усилий для раскрытия данной проблемы, понятия "политическая система" и "политический режим" также использовал в качестве синонимов. В отечественной литературе нередко одинаковое значение придают следующим понятиям: президентский режим - президентская система, парламентская система - парламентский режим, демократический режим - демократическая система, тоталитарный режим - тоталитарная система и т.д.
Существуют ли различия между этими парами понятий и, если да то в чем они состоят?
Главные отличия политического режима намечаются в рамкахсамих политических систем по принципам организации ветвей и конкретных институтов власти, формам и методам осуществления политической власти. Некоторые политологи рассматривают партии и партийные системы в качестве стрежневых элементов политических режимов. Например, по словам М.Дюверже [105, с. 308],
базой для фундаментальной классификации современных режимов становится разница между однопартийными, двухпартийными и многопартийными системами
В принципе такой подход не противоречит только что высказанному тезису, поскольку конфигурация партийных систем в значительной мере зависит от характера соответствующего режима (см. гл. 6).
Рис 4.2.
В либерально демократической системе определяющее значение для классификации политических режимов имеет характер разделения властей, которое оказывает существенное влияние на конфигурацию соотношения, прерогативы и функции основных властных институтов. Прежде всего режимы различают по роли, которую играют глава государства и глава правительства: конституционная монархия, парламентская республика, президентская республика и смешанная президентско- парламентская республика. При этом необходимо отметить, что парламентская монархия, за исключением процедуры избрания главы государства, по базовым параметрам совпадает с парламентским режимом. Схематически эта типология изображена на рис. 4.2.
В *диктатуре, или политической системе диктаторского типа,* отсутствует разделение властей. Поэтому в качестве главного критерия можно принять формы организации и функционирования унитарной иерархической власти. По этому критерию в современной диктаторской политической системе различают, авторитарные и тоталитарные режимы. Внутри этих режимов существует целая гамма особенностей, нюансов, модификаций. Так, в рамках тоталитаризма различают большевистский, нацистский и фашистский режимы. В рамках авторитаризма так выделяют несколько типов режимов: традиционно-монархический, гражданский, военный, авторитаризм модернизации. Схематически типологизация режимов политической системы диктаторского типа имеет весьма сложную конфигурацию (рис. 4.3).
Политическая система диктаторского типа
Рис 4.3.
Необходимо учесть, что и в авторитаризме, и в тоталитаризме, как мы ниже увидим, существуют смешанные типы, сочетающие в себе элементы разных политических систем.

4.4. Территориально-политическая организация государственно-политической системы

Политическая организация современного мира базируется главным образом на разделении стран и народов по территориальному принципу. Само государство теснейшим образом связано с территориальными интересами. Политическая власть, как правило, всюду ограничена определенной территорией. Хорошо охраняемые национальные границы указывают пределы, на которые

распространяется территориальный контроль и принудительная система. В рамках самого национального государства внутригосударственные территориальные границы определяют пределы административного контроля, которым наделены те или иные субнациональные уровни или органы управления.

Масштабы территориальной и функциональной дисперсий центральной власти и вытекающих из нее ответственности и автономии территориальных или функциональных подразделении сильно варьируются от страны к стране, а нередко и в рамках одной и той же страны. Как писал А. Дучесик, люди оказываются рационально и подсознательно привержены территории своего проживания, ее образу жизни, ее институтам, культуре в ходе сложного процесса, который можно назвать территориальной социализацией. Речь в данном случае идет о географическом аспекте общего процесса политической социализации [107]. С малых лет люди узнают о ценностях и целях, политической власти и политической культуре, народной культуре, существовании системы наград и наказаний, а также о наличии географических границ между их собственной территорией и внешним миром. Школьные карты, на которых мир разделен на разноцветные фрагменты, отождествляется с частью того, что именуют политической социализацией. Существует множество территориальных символов - флаги, цветы, деревья, птицы, эмблемы, лозунги, гимны и т.д.,способные воспитывать гордость и чувство принадлежности к данной территории - государству, провинции, городу. Одним из факторов, способствующих усилению барьеров, разделяющих территориальные государства, является язык. Территориальная идентичность нередко очевидна. Политическая и языковая границы часто совпадают, но не всегда, например, США и англоязычные страны: Германия, Австрия и часть Швейцарии; Франция, часть Бельгии, Швейцарии и Канада; Испания, Португалия и Латинская Америка. В тех случаях, когда языковая и территориальная границы совпадают, язык становится не только одним из важных элементов осознания территориальной идентичности, но и наиболее эффективным инструментом территориальной социализации.

Нередки случаи, когда территориальное отчуждение и требования сецессии не связаны с языковым, расово-этническим и религиозным принципами. Можно привести немало примеров территориальной сецессии от сравнительно гомогенных в языковом, религиозном, расовом и религиозном отношениях общи деление Австрии от Германской империи, Южной Африки и Родезии от Великобритании, стран Латинской Америки от Испании и Португалии. Причем если в рамках Испанской империи Центральная и Южная Америка были разделены только на восемь административных единиц, то процесс дальнейшего разделения привел к увеличению их числа в три раза. Здесь нельзя не упомянуть также отделение североамериканских колоний от Англии 1776 г. и попытку одиннадцати южных штатов отделиться от США в 1861 г.

Рассматриваемая проблема теснейшим образом связана с распределением властных функций и полномочий между различными органами власти как по горизонтали, так и по вертикали. Выделяются функциональное и территориальное распределения этих полномочий. Под первым имеется в виду наделение специализированными ролями конкретных лиц и институтов в соответствии с их профессиональными или иными качествами. Примерами таких специализированных агентств или агентов в самом широком смысле являются администраторы, менеджеры, законодатели, судьи и т.д. Функциональные институты раздробляются на все более узко специализирующиеся подразделения. Такое функциональное раздробление существует во всех ветвях власти законодательной, судебной и исполнительной. Когда говорят о *территориальном* или *территориально-административном делении,* речь идет о принципах и механизмах взаимоотношений между центральными и местными органами государственной власти. В реальной жизни эти принципы и механизмы выражаются в унитаризме, федерализме и конфедерализме. Как они соотносятся с различными типами политических систем и режимов

Анализ реальной ситуации не дает оснований для установления каких бы то ни было устоявшихся однозначных корреляции между тремя уровнями типологизации. Так, для США и ФРГ, где господствует либерально- демократическая система, характерен федеративный принцип государственного устройства, но такой же принцип был характерен для тоталитарного Советского Союза и Бразилии, когда там господствовала авторитарная система. В то же время унитарное устройство было реализовано в нацистской Германии и фашистской Италии, унитарными являются большинство современных либерально-демократических государств. Либерально- демократическая Швейцария формально считается федерацией кантонов, хотя реально является федерацией, но рабовладельческие штаты, отделившиеся от северных штатов во время гражданской войны, также отдали предпочтение конфедеративному устройству государства. Федерализм встречается как в многонациональных странах (Индия, Россия), где имеет место сочетание территориально-политического и территориально-национального принципов, так и в преимущественно одно-национальных странах (ФРГ) с их территориально- политическим принципом государственного устройства.

Предельно упрощенно различия между тремя типами полной системы или государства в рассматриваемом контексте изобразил Д.Найс (рис. 4.5).

Унитарный Федеративный Конфедеративный

Рис 4.5.

Унитарный тип является одним из самых распространенных типов территориально-политической организации как в современном мире, так и в прежние периоды истории человечества. Большинство национальных государств сформировалось как унитарные. Таковыми были все абсолютистские монархии Европы и все восточные деспотии.

В отличие от федерального государства, в котором три уровня управления - федеральный, субъектов федерации и местный, в унитарном существуют лишь два уровня - общенациональный и местный. В унитарном государстве полномочия делегируются Центральными властями территориальным органам самоуправления, а в федеральном - унитаризм существует в рамках субнациональных единиц: штата, земли, провинции, области. Унитарное государство независимо от того, централизованное оно или децентрализованное, демократическое или авторитарное, характеризуется господством единой системы органов власти и правосудия, руководствующихся едиными правовыми и конституционными нормами. Здесь все управленческие образования сверху подчинены правительству и являются административными подразделениями. Прерогативы руководителей местных органов власти, хотя они и избираются на выборах, существенно ограничены, их деятельность контролируется центральным правительством. Разумеется, масштабы централизованности и такого контроля варьируются в разных странах.

Но вместе с тем необходимо отметить, что унитарное устройство не обязательно предполагает жесткую административную централизацию. Такая централизация, как правило, характерна для авторитарных и тоталитарных государств независимо от их территориально-государственного устройства. Например, СССР формально считался федеративным государством, но на деле для него были характерны жесткий унитаризм, централизация и регламентация (об этом более подробно см. ниже). В современных высокоразвитых индустриальных обществах централизация, сыгравшая немалую положительную роль на определенном этапе исторического развития (например, в периоды образования национальных государств, индустриализации, восстановления экономики после первой и второй мировых войн и т.д.), утрачивает характерные для нее преимущества.

В последние десятилетия в большинстве унитарных государств: Италии, Франции, Великобритании и др. - наметились все более четко проявляющиеся тенденции к децентрализации, передаче местным органам как можно больше властных прерогатив и функций. Например, в Италии имеются различия между областями с обычным статусом и областями, сохраняющими особый статус на основе специфических культурных, этнических или исторических особенностей (Сицилия, Сардиния, Валле Д'Аоста, Трентино-Альто Адидже). Все большей самостоятельности в решении местных проблем добиваются Шотландия, Уэльс и другие области Великобритании с тем, чтобы более оперативно реагировать на изменяющиеся условия жизни на местах, гибко и эффективно руководить социальными и политическими интересами. Но при этом в силе остается основополагающий принцип, по которому всю властную структуру сверху донизу определяют центральные органы государства. Децентрализованные образования не вправе произвести какие бы то ни было изменения по собственному усмотрению без согласия центральных властей.

С этой точки зрения в ряде стран в последнее время происходят существенные изменения. Так, с принятием конституции 1978 г. в Испании по сути дела наметилась тенденция к федерализации. Сначала страна Басков и Каталония, а затем Галисия и Андалусия получили автономию при сохранении сильного центра. Другие провинции Испании также имеют собственные правительства, обладающие гарантированными конституцией властными полномочиями. В результате эта страна заняла как бы промежуточное положение между унитаризмом и федерацией.

В процессе реформирования государственно-административной системы в течение трех десятилетий (1962-1993) Бельгия из унитарного государства превратилась в федерацию: две этнолингвистические общности, из которой состоит эта страна, - франкоязычная Валлония и фламандскоязычная Фландрия - стали равноправными субъектами федерации.

Во многих странах современного мира утвердился *федеративный тип государственно-территориального устройства.* К их числу относятся Австралия, Австрия, Аргентина, Бразилия, Индия, Канада, Малайзия, Мексика, Нигерия, США, ФРГ. Федеративный путь государственного обустройства избрала и новая Россия.

Те или иные элементы федерализма существовали еще в условиях античной Греции, в современном смысле он связан с возникновением буржуазного общества и капиталистического государства. Одной из первых федераций была Нидерландская республика семи соединенных провинций, основанная в 1579 г. по Утрехтской унии. В силу ряда причин она вскоре потерпела неудачу. Наиболее старой из всех существующих сейчас федераций являются США, основанные по Конституции 1787 г.

Основателем теории федерализма считается Й.Альтузиус (1562-1638), который разработал так называемую федеральную теорию народного суверенитета. Согласно этой теории, государство характеризовалось как союз общностей, иерархически возвышающийся над меньшими по размерам общностями или союзами, связанными между собой прямо или косвенно особым соглашением. Наибольшую популярность идеи федерализма получили во второй половине XIX в. и в XX в., когда интенсифицировались процессы образования современных национальных государств. Прудон даже

предсказывал, что "XX век откроет эру федераций". Как бы подтверждая правоту Прудона, известный французский социолог Р. Арон рассматривал федерализм как единственное пригодное для наших дней средство, способное вывести современное государство из тупика. Он утверждал, что федерализм в середине XX в. играет ту же роль, какую играл либерализм в XVIII в. и марксизм в середине XIX в., т.е. он соответствует идеям нашего времени, позволяя использовать их в теории и на практике.

Федерация представляет собой союзное государство, состоящее из множества (как в России и США) или нескольких (Канада) государственных образований, обладающих определенной степенью самостоятельности в тех или иных сферах общественной жизни. Федеративное устройство призвано обеспечить хозяйственное и политическое единство страны с большой территорией и разобщенными районами. Оно успешно сочетает преимущества государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью членов. Здесь так называемая общая воля, служащая в качестве некоей невидимой оси государства, вырабатывается как бы из двойного источника - волеизъявления всех ее граждан, с одной стороны, и государств-членов - с другой.

Федеративное устройство государства существенным образом отражается на структуре высшего законодательного органа, который состоит из двух в принципе равноправных палат, например сената и палаты представителей Конгресса США. Существование двух палат позволяет сочетать представительство населения страны в целом с территориальным представительством от земель, штатов или иных административно-территориальных образований. Две палаты различаются по функциям, властным прерогативам, а во многих случаях и по способу избрания их депутатов. Если нижние палаты, как правило, формируются посредством прямых выборов, то верхние палаты в разных странах комплектуются по-разному.

При всей разработанности федеративное устройство остается одной из дискуссионных проблем со множеством неясностей, двусмысленностей и недоразумений. Американский политолог Д.Эла-зар видел причины этого в следующем: федерализм, во-первых, относится одновременно и к структуре, и к функционированию государственной власти; во-вторых, обеспечивает синтез единства и разнообразия; в-третьих, выступает одновременно как политическое и социальное явление; в-четвертых, предусматривает определенные цели и средства их достижения; в- пятых, цели при этом могут быть по своему характеру ограниченными и глобальными; в-шестых, существует несколько моделей политической организации федералистского характера.

Пожалуй, самой сложной и запутанной из всех проблем, связанных с федерализмом, является проблема суверенитета. Выше уже затрагивался вопрос о суверенитете как одном из важнейших сущностных признаков государства. В данной связи говорилось и о некоторой модификации в сторону смягчения чрезмерно жесткой трактовки суверенитета, характерной для многих исследователей XIX в. В значительной мере такая модификация была вызвана необходимостью соотнесения суверенитета с принципами федеративного устройства государства.

Споры о государственном суверенитете при федерации развернулись еще в XIX в. между сторонниками трех конфликтующих позиций. Так, Г.Еллинек, П.Лабанд, В.Уиллоуби считали, что суверенитетом обладает лишь федеративное государство в целом. Диаметрально противоположную точку зрения высказывали М.Зейдель и Дж.Кэлхун, по мнению которых суверенитет принадлежит составным частям федерации, которые обладают правом свободного выхода из нее. Компромиссный подход предложили А. де Токвиль, Г.Вайу и др., утверждавшие, что суверенитет делится между федерацией и субъектами федерации в соответствии с закрепленной в конституции долей разделения властных полномочий по вертикали.

Эти споры и дискуссии не затихают и в наши дни. Они получили новый мощный стимул в результате развала коммунистических систем в Восточной Европе и СССР, образования новой российской государственности на принципах федерализма. В отечественной литературе по данному вопросу высказываются две полярно противоположные, по сути дела исключающие друг друга точки зрения. Сторонники одной точки зрения считают, что в федеративном государстве субъекты федерации не могут обладать суверенитетом, поскольку не может быть государства в государстве, суверенитета в суверенитете. По мнению сторонников другой точки зрения, в федеративном государстве каждый субъект федерации сохраняет политико-правовое качество суверенной государственности, хотя его суверенитет и ограничивается рамками, переданными федеративным органам компетенции. В то же время суверенитет федерации также ограничен компетенциями ее субъектов.

Ведущиеся споры и дискуссии убедительно показывают сложность соотнесения принципа государственного суверенитета с принципами федерализма. Л.Дюги не без оснований подчеркивал, что с точки зрения понятия суверенитета "нельзя создать юридически удовлетворительную конструкцию федерального государства". И действительно, федерация предполагает государственность на двух уровнях.

В принципе федерация как единое неделимое государство немыслима без его безусловного суверенитета на всей занимаемой им территории. Вместе с тем федерация - это объединение государств или государственных образований. Поскольку о государстве можно говорить тогда и только тогда, когда оно обладает той или иной долей суверенитета, то можно сказать, что федерация

делит суверенитет со своими субъектами. Но здесь возникает вопрос о качестве и объеме суверенитета на двух государственно-властных уровнях. Иначе говоря, речь идет о делимости суверенитета между федеральным уровнем и субъектами федерации. Здесь два источника и уровня власти: центральное или федеративное правительство и правительства отдельных штатов (как & ОПТА) или земель (как в ФРГ). Последние часть своих властных полномочий делегируют федеральному правительству. В ведение последнего передаются основополагающие для любого государства проблемы: обороны, внешней политики, денежного обращения и финансового регулирования, политики в области труда и трудовых отношений, социальной защиты населения и т.д. Полномочия по всем вопросам, не переданным федеральному правительству, остаются за субъектами федерации. При разграничении прерогатив и компетенции между двумя уровнями обеспечиваются верховенство федеральной конституции и законов, соответствие им конституций и законов субъектов федерации. Одним из важнейших принципов федерализма можно считать *субсидиарностъ.* Его суть состоит в распределении полномочий между различными уровнями власти таким образом, что в ведении верхних эшелонов власти остаются только те функции, которые они могут выполнять лучше, чем нижние эшелоны. Соединяя политические и экономические идеи федерализма, субсидиарность является практическим воплощением принципов децентрализации и плюрализма в территориальных терминах.

Проиллюстрируем на примере ФРГ, как этот принцип осуществляется. Согласно Основному закону этой страны, в исключительное ведение федерального центра входят следующие сферы: внешняя политика и оборона; координация деятельности по защите конституции и основ конституционного строя, внешнеполитических и внешнеэкономических интересов страны; гражданство; денежная система; таможня и охрана границ; почта и электросвязь; железные дороги и авиация; авторское и издательское право; координация взаимодействия земель в борьбе с уголовной преступностью и т.д. Что касается прерогатив земель, то каталог так называемого конкурирующего законодательства, т.е. законов, которые могут принимать и земли, и федерация, включает около 25 сфер регулирования. В ведение земель входят: культурная, полицейская и коммунальная сферы, вопросы гражданского и уголовного права, судоустройства и судопроизводства, хозяйственного права, национализации, судоходства и др. Федерация и земли самостоятельно решают бюджетные проблемы, хотя при этом должны учитывать требования национальной экономической стратегии, долгосрочного финансового планирования и т.д. [70, с. 50-61, 63-64].

Из принципа субсидиарности вытекает принцип автономности, или самоуправляемости, субъектов федерации. Субъекты федерации , а именно, земли в Австрии и Германии, штаты в США, провинции в Канаде имеют право принимать собственные конституции и законы, обладают значительной степенью самостоятельности в решении достаточно широкого круга проблем. Они регулируют свои отношения с центральным правительством на договорной основе при соблюдении равноправия всех субъектов федерации. Проблемы, как правило, решаются на том уровне, на котором они возникают. Иначе говоря, власть осуществляется множеством правительственных органов, каждый из которых обладает своими властными прерогативами и компетенциями. Определенное разделение властей по вертикали призвано сдерживать и уравновешивать влияние различных органов управления. Федерализм подразумевает многообразие реализации властных функций в рамках упорядоченной структуры связей. Здесь имеет место не слияние, а единство в многообразии.

Различаются договорные и конституционно-договорные федерации. В первом случае федерация - это объединение государств, которые на основе договора делегировали ряд своих прав и прерогатив общему для всех них центральному правительству. При этом каждый член федерации сохраняет за собой суверенитет в принадлежащей ему юрисдикции. Центральное правительство не может внести каких-либо изменений в конституционный договор, а каждый член может при желании расторгнуть этот договор. В конституционно-договорной федерации не предусмотрено право какого-либо из ее субъектов выйти из союза. В истории было несколько случаев разделения федерации. В 1965 г. из федеративного государства Малайзия, образованного в 1963 г., вышел один из штатов - Сингапур, определившийся как самостоятельное суверенное государство. В 1992 г. Чехословацкая федерация распалась на два самостоятельных государства - Чехию и Словакию. Попытки же силового решения проблем выхода из федерации, как правило, чреваты непредсказуемыми кровавыми последствиями. Это воочию продемонстрировали события и перипетии, связанные с выходом из состава США одиннадцати южных штатов в начале 60-х годов XIX в., развалом СССР и Югославии в наши дни.

Исторический опыт, особенно нашей страны, Югославии и Чехословакии, показал бесперспективность попыток решения национального вопроса в рамках федерации путем ее национально-политической организации. Здесь для нас несомненный интерес представляет тот факт, что перед такими классически федеративными государствами, как США и Германия, продемонстрировавшими свою жизнеспособность и пригодность к истории, не стояла проблема решения национального вопроса. В них политико- территориальное деление не привязано к национально-территориальному делению, определение национальности привязано к гражданству страны.

Конфедерация представляет собой внутренне противоречивую форму политической организации. Для нее прежде всего характерны юрисдикционные споры, немыслимые для федеративного и унитарного государств. Каждое входящее в конфедерацию государственное образование почти в полном объеме сохраняет свои конститутивные прерогативы и власть. Поэтому центральное правительство испрашивает у правительств отдельных государственных образований полномочия для выполнения тех или иных проблем, и они решают, какие именно полномочия предоставить центральному правительству. Поскольку слабое центральное правительство получает средства на свою деятельность за счет более или менее добровольных взносов от нижестоящих правительств, индивидуальный гражданин испытывает на себе влияние центрального правительства лишь косвенно и отдаленно. В целом можно утверждать, что федерация предполагает наличие центра, который вправе принимать властные решения, затрагивающие всех субъектов федерации. Конфедерация же, будучи союзом независимых государств, таким центром не располагает.

В качестве примеров конфедерации можно привести США со времени завоевания независимости 1776 г. до принятия Конституции континентальным конгрессом в 1787 г. (точнее, до ее введения в действие в 1789 г.), Германский союз в 1815-1867 гг. Особое место занимает Швейцария. Швейцарская конфедерация возникла в 1291 г. как союз трех кантонов (Швиц, Ури, Унтервальден) для защиты от Габсбургов. По-видимому, ее можно относить к конфедерации только до середины XIX в. С тех пор здесь все более отчетливо преобладала тенденция к дрейфу в сторону федерализма. Как показал исторический опыт, конфедерация является одной из самых нежизнеспособных форм государственного устройства. По-видимому, прав один из основателей Общего рынка Ж.Моне, который говорил, что существуют два типа конфедераций: те, которые трансформируются в федерации, и те, которые терпят неудачу. США, которые из слабо структурированной конфедерации превратились в мощное федеральное государство, и Швейцария, которая формально сохранив название конфедерации, на деле приобрела качество федерации, подтверждают правоту этого тезиса. Это необходимо учесть при анализе перспектив развития новой государственности в России, перед которой стоит проблема федерализации по сути централизованного унитарного государства.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое политическая система?
2. Чем она отличается от системного подхода?
3. Какие существуют типологизации политических систем?
4. Назовите основные типы политических систем.
5. Чем они отличаются друг от друга?
6. Что такое политический режим?
7. Каково соотношение между политической системой и политическим режимом?
8. Что понимается под территориальным разделением властей?
9. Дайте общие характеристики унитарного, федеративного и конфедеративного типов государства.

Глава 5. Демократия и принципы правового государства

В политической литературе, в публицистике, средствах массовой информации мало таких терминов, которые использовались бы столь часто, как "демократия". Трудно назвать также проблему, которая бы привлекала столь пристальное внимание исследователей, как проблема демократии. Эта проблема необъятна по своим масштабам, и, естественно, ее подача в учебном курсе политической науки сопряжена с почти непреодолимыми трудностями. В данной главе основное внимание уделяется анализу основополагающих принципов демократии и ее конкретного институционального воплощения - правового государства.

5.1. Понятие "демократия": истоки и содержание

Основные факторы и этапы формирования и эволюции либерально-демократической системы правления и идей демократии в целом совпадают с важнейшими вехами формирования и эволюции гражданского общества и правового государства. Более того, эти три компонента в совокупности составляют основу либерально-демократической общественно-политической системы. Она связана с утверждением и легитимизацией в процессе капиталистического развития новой, по сравнению с средневековьем, системы миропонимания, где свободный индивид признается в качестве самостоятельной единицы социального действия. В этом контексте либерализм, особенно на начальном этапе, способствовал формированию и утверждению демократической формы правления и правового государства, поэтому и принято говорить о либеральной демократии. Однако, как будет показано в гл. 6, современная демократия отнюдь не сводится к либерализму, в ее формирование значительный вклад, особенно в XX в., внесли и другие идейно-политические течения.

Демократия имеет длительную историю, и ее можно рассматривать как результат развития западной цивилизации, особенно греческого и римского наследия, с одной стороны, и иудео-христианской традиции - с другой. Термин "демократия" происходит от греческого слова demokratia, состоящего в свою очередь из demos - народ и kratos - власть, правление.

Обращает на себя внимание многозначность и неопределенность самого понятия "демократия". Еще Кельзен утверждал, что в XIX и XX вв. слово "демократия", став господствующим лозунгом, утратило четко очерченное и твердое содержание. Этого же мнения придерживался и П.И.Новгородцев, который в 1923 г. писал, что термин "демократия" принадлежит к числу наиболее многочисленных и неясных понятий современной политической теории [51, с.541]. Нельзя сказать, что этот вопрос окончательно решен в наши дни, когда демократия стала как бы велением времени и весь мир как будто стал на рельсы демократизации.

В настоящее время термин "демократия" используется в нескольких значениях:

Форма правления, при котором политические решения принимают непосредственно все без исключения граждане, действующие в соответствии с правилами правления большинства, называется *прямой демократией* или демократией участия.

Форма правления, при котором граждане осуществляют свое право принятия решения не лично, а через своих представителей, избранных ими и ответственных перед ними, называется *представительной* или плюралистической демократией.

Форма правления, при котором власть большинства реализуется в рамках конституционных ограничений, имеющих своей целью гарантировать меньшинству условия для осуществления определенных индивидуальных или коллективных прав, таких, например, как свобода слова, вероисповедания и т.д., называется *либеральной* или *конституционной демократией.*

Форма правления, при котором любая политическая или социальная система независимо от того, является ли она действительно демократической или нет, ставит своей целью свести к минимуму социальные и экономические различия, в особенности вызванные неравным распределением частной собственности, называется *социальной демократией,* крайним выражением которой является социалистическая демократия.

Можно привести еще множество других значений понятия "демократия", но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в неправомерности его однозначного толкования.

Прямая демократия представляет собой одну из самых очевидных форм организации политического сообщества. Ее можно обнаружить в примитивных обществах периода родового строя. В западной политической традиции возникновение идеи демократии ассоциируется с городами-государствами Древней Греции.

Платон и Аристотель в своих изысканиях по созданию систематической теории политики характеризовали демократию как од ну из пяти или шести главных типов правления.

Греческую историю в период ее расцвета можно рассматривать как историю борьбы между демократическими и олигархическими государствами, наиболее ярко выраженными представителями, которых выступали Афины и Спарта. Древнегреческая демократия во многих своих аспектах существенно отличалась от демократии наших дней. Она представляла собой, прежде всего, систему прямого правления, при которой весь народ, а точнее, совокупность свободных граждан, являлся как бы коллективным законодателем и в которой не была известна система представительства. Такое положение стало возможным в силу ограниченных размеров древнегреческого государства, которое охватывало город и прилегающую к нему сельскую территорию с населением, как правило, не более 10 тыс. граждан.

В древних демократических городах-государствах каждый гражданин был наделен правом участвовать в принятии решений, касающихся его жизни и деятельности. Значительная часть граждан в течение своей жизни так или иначе занимала один из множества существовавших в городе-государстве выборных постов. Не было разделения между законодательной и исполнительной властями - обе ветви сосредоточивались в руках активных граждан. Политическая жизнь характеризовалась значительной активностью граждан, которые живо интересовались всеми сторонами и аспектами процесса управления. Прямая демократия такого рода оценивалась многими мыслителями Нового времени как идеальная форма. Референдум и гражданскую инициативу, сохранившиеся в конституциях ряда стран (например, Швейцарии), можно рассматривать как элементы прямой демократии, унаследованные представительной демократией от прошлого.

Другое важное различие между античной демократией и современной состоит в трактовке равенства. Античная демократия не только была совместима с рабством, но и предполагала его в качестве условия освобождения от физической работы свободных граждан, которые посвящали себя решению общественных проблем. Современные демократии не признают в политической сфере различий и привилегий, основанных на социальном происхождении, классе, расе и поле.

Различают демократическую теорию и демократические институты. Начиная с античности, демократия претерпела существенные изменения. В средние века, отчасти в результате открытия как бы заново Аристотеля, возрос интерес к вопросам, касающимся разработки принципов наиболее совершенных по представлениям того периода форм правления. Высказывались утверждения, что совершенной может быть лишь та форма правления, которая служит общему благу и основана на согласии всех членов сообщества. Но вместе с тем в средние века большинство мыслителей, озабоченных проблемой достижения единства общества, не рассматривали монархию, т.е. единоличное правление, как лучшую форму, пригодную для обеспечения этого единства. Однако в

Новое время в контексте формирования идей свободы личности, гражданского общества, народного суверенитета, национального государства и т.д. взамен феодальных хартий и вольностей возникают законодательные механизмы ограничения единоличной власти монархов. Так, в XVII в. в Великобритании в ходе борьбы между парламентом и короной были приняты "Петиция о правах" (1628), "Хабеас корпус акт" (1679), "Билль о правах" (1689), в которых были зафиксированы писаные юридически- правовые гарантии, устанавливающие более или менее точно очерченные пределы власти. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в "Декларации независимости и Конституции США, в Декларации прав человека и гражданина" Великой французской революции конца XVIII в.

Основополагающее значение для формирования и утверждения демократии имела возникшая в Новое время идея о прирожденных, неотчуждаемых правах каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Неразрывная взаимосвязь этой триады выражается в убеждении, что частная собственность - основа индивидуальной свободы, которая в свою очередь рассматривается в качестве необходимого условия самореализации отдельного индивида, выполнения главного предназначения его жизни. (Эта проблема более подробно рассматривается в гл. 2 и 13.) Теории демократии интегрировали в себя основной комплекс идей, относящихся к этим двум феноменам. Здесь отметим лишь то, что XX в. внес свои коррективы в теорию и практику демократии.

Несомненно, необходимым условием демократии в любых ее формах является политическая свобода. Но она не может быть соответствующим образом реализована там, где нет реального выбора в социальной и экономической сферах, где велико социальное неравенство. Свобода как идеал в условиях демократии всегда соотносится с принципом справедливости. Там, где социальное неравенство способствует подрыву принципа справедливости, необходима та или иная система перераспределения материальных благ. Как показывает мировой опыт, рыночная система и свободная конкуренция обеспечивают наилучшие условия и возможности для роста производительности и стимулирования индивидуальной инициативы. Но при этом неудачливые и непривилегированные также должны пользоваться материальными благами, они не должны оставаться на обочине общественной жизни. С этой точки зрения противоречие между требованиями социальной справедливости и императивами экономической эффективности остается как бы неразрешимой дилеммой современного индустриального общества. Но тем не менее по мере развития капитализма в конце XIX-XX в. принципы индивидуализма, свободного рынка значительно модифицировались, роль государства в жизни общества возросла. Основополагающее значение, начиная с Великого экономического кризиса 30-х годов, получила система кейнсианства, построенная на постулате об идеологической, политической и социально-экономической недостаточности индивидуализма, свободной конкуренции, свободного рынка и т.д. и необходимости усиления роли государства в важнейших сферах жизни общества.

За государством была признана функция регулятора экономических и социальных процессов. В противовес концепции государства - "ночного сторожа" была выдвинута концепция государства благосостояния, которая основывается на идее необходимости и возможности преодоления социальных конфликтов путем создания с помощью государственного вмешательства сносных условий жизни для всех слоев общества посредством реализации программ социальной помощи низко доходным и неимущим категориям населения, принятия мер, направленных на решение проблем безработицы, и т.д. Сторонники идеи государства благосостояния исходят из того, что рынок сам по себе не способен обеспечить такое распределение материальных благ, которое гарантировало бы малообеспеченным слоям населения необходимый минимум благ и услуг. Более того, они рассматривают политическую власть в качестве важного элемента корректировки социальных издержек рынка. Они постулируют равную значимость экономической и социальной сфер и необходимость органического соединения свободно-рыночных отношений с социальной политикой государства, сочетания рыночных принципов с социальными принципами, гумманизации рынка посредством разработки и реализации государством системы социальной политики, направленной на гарантирование минимального жизненного уровня непривилегированным слоям населения. Главную цель сторонники государства благосостояния усматривали и продолжают усматривать в том, чтобы добиться синтеза экономической свободы, социальной защищенности и справедливости. Другими словами, в государстве благосостояния политические права дополняются социальными правами, предусматривающими предоставление всем членам общества принятого в нем минимума материальных благ. Вводится принцип социальной ответственности, как частных корпораций, так и государства. Социальные программы становятся неотъемлемой частью правового государства, которое приобретает форму государства благосостояния. На этой основе происходит расширение функций государства, во многом дополняющих, а в ряде случаев и заменяющих функции институтов гражданского общества. Изменяющиеся границы и трактовки государства благосостояния определяются не просто решениями политических руководителей, а фундаментальными структурными изменениями современного индустриального общества. Поэтому его следует рассматривать как центральный структурный элемент современной демократии.

5.2. Основные принципы и установки демократии

Демократия - одна из основных форм политической самоорганизации общества. Комплекс институтов и организаций, структура и функционирование которых основывается на либерально-демократических мировоззренческих и ценностных постулатах, нормах, установках, составляет политическую систему демократии.

В настоящее время существует несколько теорий демократии, основными из которых являются плюралистическая, партиципаторная (или демократия участия), рыночная, плебисцитарная, консоциативная, представительная, народная, социалистическая. Наиболее распространенной из них является плюралистическая. Следует при этом отметить, что во всех видах демократии, за исключением социалистической, присутствуют основные элементы плюрализма. Например, консоциативная, или согласительная, модель демократии, в наиболее законченной форме реализованная в Швейцарии, предусматривает систему правления, основанную не на принципе большинства, а на принципе пропорционального распределения власти между политическими, религиозными и этническими группами. Нахождение у власти элит (что дает основание говорить об элитической модели демократии) не обязательно устраняет различия между демократией и авторитаризмом и тоталитарными режимами. Еще Ш.Л.Монтескье говорил, что 'хотя все пригодны для того, чтобы выбирать, не каждый пригоден быть избранным". По-видимому, правы В.Парето, Г.Моска и другие ученые, которые считали, что при любом политическом режиме ведущие позиции в структурах власти, особенно на ее верхних эшелонах, занимают представители элиты. И действительно, в любом режиме имеются относительно компактные и более или менее организованные группы лидеров, из среды которых выдвигаются руководители государства, политических партий и движений. В совокупности они составляют так называемый политический класс. Но необходимо отметить, что институциональные, социокультурные, идейно-политические и иные факторы и особенно сам тип политической системы оказывают глубокое влияние на роль элит в различных политических режимах. Правящая или политическая элита по-разному осуществляет властные функции при демократических, авторитарных и тоталитарных режимах. В целом демократическая форма правления характеризуется не отсутствием элит, а наличием множества элит, конкурирующих друг с другом за голоса избирателей.

Учитывая все это, в качестве исходной основы при анализе основных принципов и установок демократии выбирают плюралистическую модель. Хотя институты и формы демократии в разных странах могут варьироваться, существует некоторый комплекс принципов, норм и ценностей, составляющих условия sine qua поп, без которых любой режим нельзя расценивать как собственно демократический. В этом контексте интерес представляет "индекс демократии", составленный К.Болленом на основе шести показателей. Первые три из них характеризуют уровень народовластия: честные и свободные выборы, система избрания законодательной власти, система избрания исполнительной власти. Другие три показателя относятся к политическим свободам свобода печати, свобода деятельности оппозиционных групп и организаций, правительственные санкции [95, с. 370-390]. Основные институты современной либеральной демократии сводятся к следующему: народное представительство, осуществляемое с по мощью свободных выборов; разделение власти, обеспечивают контроль правительства парламентом; иерархия юридически правовых норм, основанная на принципе законности, и др.

Одним из важнейших принципов, на которых покоится современная демократия, является система разделения властей, обеспечивающая сдерживание и противовесы в отношении друг друга. Следует отметить, что в любой политической системе, в любом государстве в той или иной форме существует разделение труда или разделение функций между различными органами и уровнями власти. Но собственно разделение власти предполагает самостоятельность и независимость отделенных друг от друга ветвей власти. Эта теория более или менее четко была сформулирована в конце - первой половине XVIII в. Симптоматично, что Т.Гоббс в середине XVII в. категорически отвергал саму мысль о возможности разделения единой суверенной власти, полагая, что ветви власти просто уничтожат друг друга.

Существенный вклад в разработку этой проблемы внес Дж.Локк, ставший в некотором роде идеологом Славной революции 1688г.г в которой решался вопрос об ограничении властных полномочий монарха в пользу парламента. Обосновав необходимость четкого разграничения законодательной и исполнительной ветвей власти, Локк вместе с тем не выделял судебную власть как самостоятельную ветвь и рассматривал судопроизводство как прерогативу исполнительной власти. Впервые мысль о необходимости учреждения судебной власти в качестве самостоятельной ветви высказал Ш.Л.Монтескье [46, с. 290]:

Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении были соединены эти три власти

При этом важно отметить, что Монтескье подчеркивал не только независимость ветвей власти друг от друга, но и необходимость их взаимного дополнения и уравновешивания. У него разделенные власти выступают как подсистемы единой системы, как три ветви единого ствола.

Таким образом, именно Ш.Л.Монтескье принадлежит приоритет в окончательном формулировании теории разделения верховной власти на три самостоятельные ветви - законодательную, исполнительную и судебную. В этой теории в той форме, какую она приняла к настоящему времени, независимость различных ветвей власти основывается на том, что в любом государстве существуют некие фундаментальные функции, которые в силу коренных различий в самой их природе можно реализовать раздельно. Поэтому государственную власть следует разделить на несколько сфер, или ветвей, каждая из которых обладает собственными специфическими функциями. Глава государства, парламент, правительство, судебная власть имеют строго очерченные права и полномочия. Условием обеспечения политической свободы является установление оптимальных взаимоотношений между различными ветвями и органами власти. При этом ни одна из властей не должна быть неограниченной или преобладать над другими ветвями. Как отмечал Ш.Л.Монтескье, "чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга".

Судебная власть выступает главным гарантом соблюдения конституции и законности двумя другими ветвями власти, арбитром при возникновении трений и споров между ними. Она обеспечивает бесперебойное функционирование системы сдерживания и противовесов. Для этого создается специальный судебный орган. Например, во Франции - это Конституционный совет, в функции которого входят определение правомочности действий президента и парламента, соответствия принимаемых ими указов, постановлений и законов конституции, а также международным соглашениям и договорам. В ФРГ аналогичные функции выполняет Федеральный конституционный суд, обладающий довольно широкими полномочиями. Среди них наиболее важными являются разрешение споров, касающихся прав и обязанностей федерального правительства и земель, толкование Основного закона применительно к тем или иным случаям политической жизни, регулирование принципиальных вопросов политической жизни и т.д. В США конституционный надзор осуществляет Верховный суд, в России - Конституционный Суд.

Мерилом демократичности и правового характера современного государства стала его приверженность принципам и положениям Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. и дополненной 19 декабря 1966 г. двумя пактами: один об экономических, социальных и культурных правах, другой о гражданских и политических правах. Без принципа неприкосновенности личности, без свободы слова и прессы, а также доступа к информации, касающейся общественных дел, право голоса теряет смысл. Без свободы от произвольных арестов партия, находящаяся у власти, может терроризировать своих противников и серьезно ослаблять оппозицию. В этом плане основополагающее значение имеет система политически независимых судов.

Одним из ключевых характеристик демократии является политическое равенство всех без исключения граждан перед законом с его принципом "один человек - один голос". Эта характеристика будет не просто декларацией только при реализаций ряда других элементов, которые интегрально входят в само определение демократии. Речь идет прежде всего о том, что правительство должно действовать в соответствии с четко фиксированными и общепринятыми процедурами, позволяющими без каких-либо препятствий выражать и обнародовать позиции, интересы, устремления всех заинтересованных лиц и групп. Демократия предполагает, что все лица, контролирующие политические властные структуры, должны быть ответственны перед своими избирателями и периодически через строго установленное время переизбираться. Избиратели должны иметь возможность организовываться в партии для реализации своих целей.

Основополагающее значение для теории демократии имели формирование и утверждение современной идеи народного представительства, в соответствии с которой представительные органы власти избираются не пожизненно, а на определенный, строго фиксированный конституцией срок. Периодическая подотчетность выборного представителя перед избирателями стала сущностным элементом демократической теории. И это естественно, поскольку если демократия действительно означает самоуправление народа, то недостаточно, чтобы на государственные посты должностные лица только избирались народом, даже всеобщим голосованием, они еще должны периодически отчитываться перед народом за свои действия. Сущность принципа представительства состоит в том, что в политической сфере избиратели определяют цель, а избранный ими представитель выбирает наиболее подходящие, на его взгляд, средства для ее достижения.

В плюралистической модели сфера политики рассматривается как хорошо слаженный механизм, в котором участвуют мириады групп, взаимно сдерживающих и уравновешивающих друг друга в процессе реализации своих интересов. Она предполагает наличие в обществе множества центров власти, вступающих в конфликты, соглашения, компромиссы. Такой плюрализм гарантирует условия для борьбы между различными социально-политическими силами, разрешения возникающих между ними конфликтов, достижения равновесия и компромисса в обществе. Общество разделено по

многим линиям и параметрам, и суть демократии заключается в признании законности различных социально-политических сил, каждая из которых преследует собственные особые интересы. Исключая монополию на власть со стороны какого-либо одного лица, социальной группы, партии и т.д., либерально-демократическая модель постулирует идею самого широкого выбора во всех сферах общественной жизни. Основополагающее значение с данной точки зрения имеет свобода экономического выбора и соответственно наличие альтернативных источников получения средств существования. Здесь в качестве само собой разумеющихся, самоочевидных постулатов принимаются идеи частной собственности, свободного рынка, свободного предпринимательства и т.д. Наиболее рьяные приверженцы идей рассматривают индивидуализм и свободную в условиях саморегулирующегося рынка в рамках гражданского общества в качестве естественных законов, не подвластных действиям отдельных людей и общественных институтов, политических партий и государства, считая, что свобода, равенство, конкуренция и индивидуализм способны обеспечить социальную справедливость и прогресс.

Демократия призвана создать условия для беспрепятственной конкуренции различных социально-политических сил за свою долю власти. Она существует только там, где руководители политической системы отбираются в процессе такой конкурентной борьбы, в которой могут участвовать в качестве активных или пассивных субъектов основные категории взрослого населения. Именно в силу той значимости, которая придается данному принципу, на Западе большую популярность получила так называемая *рыночная теория демократии.* Основные положения этой теории впервые сформулировал Й.Шумпетер в книге "Капитализм, коммунизм, демократия", опубликованной в 1942 г. В ней откровенно и однозначно использовалась рыночная терминология для анализа и трактовки демократии и демократического процесса:

Демократический метод представляет собой институциональный инструмент для достижения политических решений, на основе которого отдельные индивидуумы получают власть: принимать решения путем соревнования, объектом которого являются голоса избирателей.

Продолжая эту линию, Э.Доунс, Э.Шатшнайдер, А.Вильдавски и другие ученые отождествляли политический процесс с обменом в условиях конкуренции на рынке. Целью каждого участника в данном случае является максимизация "прибыли при минимизации издержек". При этом сам "торг" ведется по определенным общепринятым правилам игры. Например, голосование рассматривалось как обмен голосов за определенный политический курс, а деятельность политиков - как деятельность предпринимателей, занятых на рынке завоеванием и укреплением позиции путем торгов и наращивания поддержки в поисках коалиций.

Если в тоталитарных и авторитарных системах государство доминирует над обществом, то при демократии, наоборот, общество доминирует над государством или во всяком случае общество пользуется значительной автономией по отношению к государству. Важной ее особенностью является определенное дистанционирование государства от общества. Показательно, что в индустриально развитых демократических странах средний гражданин в повседневной жизни при нормальных условиях лишь спорадически соприкасается с государством, зачастую имея лишь весьма мутное представление о политических событиях, происходящих в "коридорах власти" и "столицах", за пределами своей общины, деревни, городка. Более того, для него государство - нечто отдаленное, чуждое, вмешательство которого в частные дела желательно и не допускается обычаем, традицией и законом. Например, значительной части американцев присущи недоверие и даже неприязненное отношение к государству, государственным институтам и отождествляемой с ними политике вообще. Общеизвестен тот факт, что американцы предпочитают правительства штатов федеральному правительству, органы местного правительства - правительствам штатов, семью, общину и индивида _ обществу в целом.

Либерально-демократическая система включает принцип "согласия не соглашаться" с мнениями и позициями других членов или групп общества. Как писал Дж. С. Милль [44, с. 152-153],

...недостаточно иметь охрану только от правительственной тирании, но необходимо иметь охрану и от тирании господствующего в обществе мнения или чувства, от свойственного обществу тяготения, хотя и не уголовными мерами, насильно навязывать свои идеи и свои правила тем индивидам, которые с ним расходятся в своих понятиях... Есть граница, дальше которой общественное мнение не может законно вмешиваться в индивидуальную независимость; надо установить эту границу, надо охранять ее от нарушений - это так же необходимо, как необходима охрана от политического деспотизма. ...Все, что уничтожает индивидуальность, есть деспотизм.

И действительно, где нет свободы несогласия или господствует принцип единогласия, там нет и не может быть демократии независимо от того, как она называется - народная, либеральная, буржуазная, социалистическая и т.д. В этом смысле демократии близки принципы критического рационализма, особенно готовность выслушивать критические аргументы и учиться на опыте, руководствуясь принципом: "Я могу заблуждаться, прав можешь быть ты, а вместе мы, возможно, найдем след истины". При таком подходе к решению сколько-нибудь значимых проблем 8 идеале отвергается волевое навязывание позиций одной части общества другой его части. С данной точки

зрения существенным признаком демократии как формы правления большинства является соблюдение интересов и прав меньшинств.
Это, в частности, выражается в наличии лояльной и конструктивной оппозиции в качестве законного партнера в демократическом процессе. Отвергая любую монополию какой-либо одной партии, демократия характеризуется своим методом принятия взаимоприемлемых решений, основанном на диалоге, открытости, терпимости, критическом исследовании и компромиссе. Эти последние должны соответствовать принципам демократической веры, что означает признание фундаментальных ценностей индивидуальной свободы и политического равенства всех людей. Терпимость в отношении элементов, которые отвергают фундаментальные принципы демократии и ее право на существование, не приемлема, поскольку эти элементы представляют угрозу самому существованию демократии. Предполагается, что и правительство, и оппозиция, партии и заинтересованные группы соблюдают "правила игры", суть которых состоит в общепринятом согласии на мирную передачу власти от одной партии (побежденной) другой, победившей в ходе избирательного процесса, в ротации власти на всех уровнях власти и выполнении других норм и принципов парламентаризма и плюрализма. Различным независимым как от государства, так и друг от друга организациям, ассоциациям, заинтересованным группам и т.д. на законных основаниях предоставляются конституционные гарантии мирной конкуренции за доступ к власти.
Особо важное значение имеет то, что в отличие от тоталитарной и авторитарной моделей, где сила занимает статус prima ratio, т.е. первого, или главного, аргумента, призванного решать возникающие в обществе конфликты путем нанесения противной стороне поражения, в демократической модели сила отодвинута на задний план и оставлена про запас в качестве ultima ratio, т.е. последнего аргумента, который может использоваться в случае необходимости при решении конфликтов путем соглашений, компромиссов, судебных разбирательств и т.д.

5.3. Недостатки и достоинства демократии

Демократия в значительной мере представляет собой механизм или средство решения возникающих в обществе проблем. В этом смысле главное предназначение демократии состоит в создании приемлемых для большинства людей рамок и механизмов разрешения конфликтов. Поэтому в процедурах демократии важное место занимает определение источников конфликта и его субъектов.
Поскольку демократия - это процесс, в котором участвуют разные силы, ее нельзя свести к какому бы то ни было одному цвету, одному "изму". Самое главное состоит в том, чтобы при любых путях и средствах реализации основополагающих принципов демократии эти принципы были соблюдены. Здесь уместно привести весьма удачную аналогию П.И.Новгородцева. Дав одной из своих статей название "Демократия на распутьи" (заимствовано у английского исследователя Гирншоу - автора одноименной книги), он объяснял суть данного понятия так [51, с. 553]:
Поскольку демократия есть система свободы, есть система политического релятивизма, для которого нет ничего абсолютного, который все готов допустить, всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы, - она и есть всегда распутье; ни один путь тут не заказан, ни одно направление тут не запрещено. Над всей жизнью, над всей мыслью господствует принцип относительности, терпимости, широчайших допущений и признаний.
В этом сила, жизнеспособность и одновременно слабость демократии. В стремлении же избавиться от заложенных в ней слабостей, исправить, заменить формальную демократию сущностной, социальной или иными формами "истинной" демократии имманентно присутствует опасность тотализации путем слияния общества и государства и соответственно уничтожения самой демократии. Не случайно Ж.Ж. Руссо, который говорил об освобождении человека, обеспечении его безграничной свободы путем стирания границ между управляющими и управляемыми, некоторые авторы не без определенных оснований причисляют к духовным предтечам тоталитаризма. Так, он провозглашал: "Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство обществом, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого".
При такой постановке вопроса не существует какой бы то ни было оппозиции правящему большинству, равно как и подчинения управляемых управляющим. Властвует абстрактная общая воля, которой должны подчиняться и те, и другие. Руссо утверждал [61]:
Если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, то он будет принужден к повиновению всем политическим организмам, а это означает лишь то, что его силой заставят быть свободным.
Однако, как справедливо отмечал германский политолог И.Изензее [33, с. 7], "принуждение к истинной свободе приведет к тому, что в радикальной демократии тюрьма будет называться Libertas".
Многие мыслители прошлого, будучи не всегда противниками демократии, предупреждали об ее недостатках и таящихся в ней угрозах. Примечательно, что Платон считал демократию самой коррумпированной после тирании формой правления. Аристотель называл демократию самой низшей из всех законных форм правления, в наибольшей степени склонной перерождаться в тиранию. Продолжая эту тенденцию, И.В. Гете писал:

Ничто так не отталкивает, как большинство, ибо оно состоит из кучки сильных лидеров, из плутов, которые приспосабливаются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая движется за ними, не имея ни малейшего представления о том, чего она хочет.

Подобных, не совсем лестных оценок демократии выдающимися мыслителями прошлого множество. Но достаточно отметить, что опыт XX в. в целом подтвердил правоту А. де Токвиля, предупреждавшего о таящихся в демократии опасностях для свободы, возможностях "тирании большинства", которая может быть не менее, если не более, жестокой, чем тирания немногих или одного. Здесь уместно отметить, что А. де Токвиль был одним из тех, кто рассматривал развитие государственно-политических систем по пути демократии как неизбежную закономерность. Комментируя эту мысль, П.И.Новгородцев писал в 1923 г. [51, с. 541]:

В странах, испытавших эту форму <демократию - К. Г. *> на практике, она давно уже перестала быть предметом страха, но она перестала быть и предметом поклонения Те, кто ее опровергает, видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают, что, как всякое земное установление, она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было безмерно превозносить.*

Разумеется, нет и не может быть совершенной демократии, но несмотря на все недостатки она самая лучшая и самая гуманная форма правления из всех до сих пор известных. У. Черчилль как-то говорил, что "демократия - ужасная форма правления, если не считать всех остальных". Демократическая форма правления действительно характеризуется многими недостатками и связана с целым рядом издержек. Но при всем том человечество еще не придумало более эффективную и вместе с тем более соответствующую воле большинства членов общества и одновременно духу свободы личности форму правления. Достоинства демократии могут быть сомнительны, но пороки диктатуры общеизвестны. Очевидны относительность, временная и пространственная ограниченность парламентаризма, системы представительства, всеобщего избирательного права и других атрибутов демократии. Они не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. Решение одних проблем чревато возникновением новых, порой еще более серьезных проблем, но это не может служить достаточным основанием для потери веры в саму демократию.

Демократия есть прежде всего фундаментальная установка, своего рода шкала ценностей, определенная концепция человека и его места в обществе. В некотором смысле демократия представляет собой также образ жизни, базирующийся на фундаментальном постулате о равенстве всех людей перед законом и праве каждого члена общества на жизнь, свободу и частную собственность. Очевидно, что демократия предполагает определенные условия для своего утверждения и нормального функционирования. Важно, чтобы каждый человек сознавал не только пределы своих интересов и прав, но также пределы своей ответственности и обязанности к самоограничению. А это приобретается в результате длительного исторического опыта. В [61] П.И.Новгородцев писал:

Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни.

Несмотря на большую по сравнению с другими моделями политической системы сложность демократии, ее выживаемость во многом зависит от того, насколько ее принципы и механизмы доступны пониманию человека среднего интеллектуального уровня, от того, что избиратели подразумевают под подлинной демократией. Сущность демократии в политических, социальных и экономических проявлениях определяется ее возможностями как морального и духовного факторов, детерминирующих общественное сознание.

Демократическая форма правления сохраняет жизнеспособность и эффективно функционирует в силу активного участия граждан в делах общества, обеспечения высокого уровня информации о состоянии общественных дел и глубокого чувства гражданской ответственности. Очевидно, что в современных условиях парламентской демократии, всеобщего голосования, плюрализма партий и политических организаций, представляющих разного рода заинтересованные группы, ни одно правительство не может завоевать власть без согласия и доброй воли большинства избирателей. Здесь состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение имеют немаловажное значение.

В этой связи показательно, что при всех различиях, порой существенных, по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства большинство политически активного населения стран Запада разделяет идеи конституционализма, индивидуализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати и т.д. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон "законности" существования разнообразных конфликтующих друг с другом интересов, группировок, партий и т.д. В этом контексте важно подчеркнуть, что стабильность в обществе и обеспечение такой законности имеют мало шансов, если политические противоречия совпадают с линиями социального,

религиозного, культурного, расового, этнонационального или иного разделения в обществе. Стабильность демократии особенно эффективно обеспечивается в случае, если главные политические партии имеют сторонников среди различных слоев и групп населения.

5.4. Конституционные основы демократии

Демократический характер политической системы определяется тем или иным основополагающим документом, прежде всего конституцией, которая фиксирует гражданские свободы и права человека, плюрализм, договорную систему и принцип представительства.

Важное значение для развития демократической теории имели формирование и утверждение идеи о необходимости ограничений политической власти, требующихся для того, чтобы она реализовала свои основные функции обеспечения общего блага, не выходя за рамки закона. Первоначально эти ограничения носили чисто личностный и духовный характер. Правитель считался наместником бога на земле, поэтому не имел права делать нечто такое, что противоречило бы воле всевышнего. Этот внутренний запрет составлял могущественный стимул до тех пор, пока правители добровольно принимали моральные императивы традиций, обычного права, веры, учения церкви и т.д.

Однако постепенно стала очевидна необходимость также более или менее четко очерченных внешних ограничений. Средневековая идея договора между народом и правителем действовала довольно эффективно. В случае нарушения этого договора правитель в теории переставал быть королем и превращался в тирана, и народ оказывался вправе не подчиняться его власти. Некоторые политические мыслители (например, Исидор Севильский) считали, что правитель должен быть ограничен собственными законами. В тот период принцип римского права интерпретировался как средство, с помощью которого народ утверждает своего правителя и четко устанавливает рамки, в которых правитель вправе действовать. Здесь можно обнаружить первые зародыши идеи конституционного правления, впоследствии ставшей одной из несущих конструкций демократической теории. Принцип конституционного правления, который прошел сложный и длительный путь формирования и эволюции, стал в некотором роде материальным воплощением идеи ограничения правительства в рамках народного согласия. Но что же такое конституционное правление и конституция?

Говоря о конституции государства, Аристотель имел в виду его сущностное содержание, или структуру. В аналогичном духе говорилось о "конституции человека". В таком широком смысле любое государство имеет свою конституцию. У древних греков конституция (Politea) означала форму правления, следовательно, считалось, что все шесть форм правления, которые выделял Аристотель, имели конституции. По представлениям античных мыслителей, конституция включала не только абстрактный остов системы управления, но и некий этос, скрепляющий этот остов, наделяющий его живой плотью.

В случае, когда речь идет о конституции, не обязательно имеется в виду конкретный писаный документ. Например, Великобритания, история которой насчитывает много веков, не имеет писаной конституции. Следует отметить, что у идеи неписаной конституции были (особенно в прошлом) свои сторонники. Ее наиболее последовательно отстаивали представители консервативной традиции. Так, Ж. де Местр против идеи писаной конституции выдвигал, в частности, следующие возражения: 1) фундаментальные принципы политических конституций существовали до всякого писаного закона; 2) конституционный закон есть и должен быть развитием или санкционированием существующего вечно неписаного права; 3) сущностно конституционный, истинно фундаментальный закон никогда не подлежит и не может подлежать писанию, Не подвергая при этом опасности самого существования государства; 4) слабость и неустойчивость конституции пропорциональны Количеству зафиксированных в ней в письменной форме статей.

История все же отдала предпочтение иному пониманию конституции и конституционализма. Здесь уместно отметить следующий момент. Великая хартия вольностей, принятая еще в 1215 г, и входящая в число действующих конституционных актов Великобритании, является писаным документом. Такие парламентские акты, как законы о реформе 1832, 1867 и 1884 гг., которые расширили право голоса граждан Великобритании, представляют собой писаные статуты и равнозначны по своей значимости конституционным положениям.

Конституция независимо от формы включает принципы организации, законы, правила, нормы, регулирующие деятельность государства. Например, говоря о конституционном режиме, имеют в виду, что этот режим или правительство подчиняются определенным ограничениям и действуют в соответствии с установленными правилами и нормами, а не произвольно, по своему усмотрению. Под конституционализмом понимается также комплекс теорий или идей, характеризующих и обосновывающих конституционные принципы.

С самого начала конституция была призвана поставить закон выше личности короля. В тех странах, где суверен ставился выше закона, стала неизбежной революция, призванная подчинить его закону и создать законодательные собрания, которые в той или иной форме и степени представляли бы волю народа и контролировали бы суверена. Отсюда появление в ходе французской революции 1789 г. и особенно революций 1848 г. писаных конституций на европейском континенте.

Главная идея конституции - это разделение и ограничение власти для оптимального обеспечения свободы. Заслугу основателей американской конституции лорд Дж.Эктон видел в том, что им удалось решить проблему, которая веками волновала многих политических философов и мыслителей. Суть этой проблемы состояла в следующем: как наделить государство достаточными властными полномочиями, чтобы оно было способно обеспечить общественный порядок и эффективность управления и в то же время ограничить эти полномочия с тем, чтобы исключить незаконное ущемление гражданских свобод.

Конституция определяет горизонтальное и вертикальное распределения прерогатив между различными ветвями и уровнями власти, фиксируя, какие органы или ветви осуществляют соответственно законодательные, исполнительные и судебные функции, как они формируются, как взаимодействуют друг с другом, какими правилами, нормами и процедурами руководствуются в своих действиях. Тем самым конституция четко устанавливает рамки и формы коллективной политической борьбы, смены правительства, взаимодействия правительства и оппозиции, принятия политических решений и т.д. В этом пункте вопрос о конституционализме соприкасается со сферой демократии и демократических институтов, что естественно, поскольку в наши дни конституционное правительство - по своей сути демократическое правительство.

Почти все писаные конституции содержат декларацию относительно основных органов и ветвей власти и возлагаемых на них властных прерогатив того, как они связаны друг с другом и как они сдерживают и ограничивают друг друга. В случае, когда та или иная страна не имеет писаной конституции, важнейшие институты правления устанавливаются исторически в соответствии с национальными традициями. Знаменитое выражение Наполеона о том, что конституция должна быть "краткой и туманной", отражает реальность эпохи, в которой конституции являются сводами правил с широкими потенциальными возможностями для злоупотреблений. В современных условиях жизнеспособность конституции измеряется пределами, в которых она обеспечивает эффективное функционирование таких фундаментальных институтов власти, как суды, законодательные собрания, исполнительные органы, политические партии и т.д.

Конституция обеспечивает необходимый уровень и основу легитимизации государственного правового порядка. Любая конституция, заслуживающая это название, включает в себя следующие главные положения: правление закона, конституционные права, реализация которых обеспечивается механизмом разделения властей, сдержек и противовесов. Конституция должна точно установить формы и рамки политической борьбы. Демократическая конституция выполняет три основополагающие функции: выражение согласия народа, в силу которого устанавливается само государство; фиксация определенной формы правления; предоставление и одновременно ограничение властных полномочий правительства.

Например, английская конституция (большей частью неписаная) представляет собой по сути общую сумму властных полномочий, которыми, как считает палата общин, выступающая в качестве представителя народа, она владеет. Эта сумма меняется в зависимости от конкретного периода. Конституция США - федеральной республики - включает перечень властных прерогатив, от которых составляющие республику штаты отказались и передали центральному правительству. Штаты приняли собственные конституции, где закреплены суверенитет и полнота власти во всех вопросах, кроме тех, решение которых они делегировали центральному правительству. Конституции унитарных государств представляют собой не просто перечень властных полномочий, а свод общих политических принципов и оставляют широкое поле для маневра законодательной и исполнительнойветвям власти.

Конституция фиксирует фундаментальные принципы политического устройства, а не постоянно меняющиеся законы. Этим принципам подчиняются все законы государства и действия правительства, которые должны согласовываться с конституционными нормами. В данном смысле конституцию можно рассматривать как своеобразную узду для политической власти, имеющую цель не допустить неограниченного господства власти над обществом и людьми. В этом контексте конституция дополняет существующие в обществе противовесы власти - общепринятые морально-этические правила и нормы, системы ценностей, промежуточные институты (семья, община, церковь, заинтересованные группы и др.).

Иначе говоря, ограничения составляют краеугольный камень конституционализма, поэтому система ограничений занимает центральное место в любой конституции, заслуживающей это название. Утверждение тех или иных специфических путей и средств реализации правительственных действий уже по самому своему факту запрещает другие пути и средства. Но конституции, как правило, идут дальше и ограничивают власть, устанавливал пределы прерогатив правительства и фиксированные процедуры, по которым оно действует.

5.5. Основные характеристики правового государства

Очевидно, что демократия обладает внутренне присущим ей механизмами и инструментами, обеспечивающими ее жизнеспособность и эффективность. Важнейшим из этих механизмов является правовой характер демократического государства.

Представление о правовом государстве ассоциируется с двумя основополагающими принципами: порядком в государстве защищенностью гражданина. Здесь каждый человек вправе рассчитывать на предсказуемость, последовательность и надежность принимаемых решений, знает свои права и обязанности, четко определенные законом. В своей законченной форме такая постановка вопроса нашла воплощение в политической демократий и ее важнейших институтах, построенных на принципах политического и идеологического плюрализма, парламентаризма, выборности должностных лиц и т.д.

В праве получают отражение и выражение разворачивающиеся в гражданском обществе процессы независимо от государства. Нормы права должны прежде всего фиксировать взаимные претензии и обязанности, вытекающие из этих спонтанно формирующихся отношений. Естественно, что государство правомочно регулировать, контролировать и при необходимости корректировать эти отношения, но лишь в известных пределах.

Основное различие норм права от норм обычая и морали состоит в том, что действенность первых обеспечивается силой государства, а вторых - обществом. В правовом государстве только законно избранное правительство правомочно применять силу в качестве инструмента принуждения. Как подчеркивал немецкий правовед XIX в. Р.Еринг, право никогда не может заменить или вытеснить основной стихии государства - силы. По его мнению, слабость власти есть смертельный грех государства, в глазах людей она зачастую менее простительна, чем жестокость и произвол со стороны государства. Дееспособная правительственная монополия на силу составляет важнейший критерий интеграции высокодифференцированного общества. Такой суверенитет и такая монополия означают единый, обязательный для всех правовой порядок, уничтожение неравенства и разнообразия прав, которые зависели бы от социального, наследственного или иного статуса. Утверждаются равносущность всех граждан и принцип равного обеспечения их прав.

Важнейшим институтом правовой государственности является конституционная юрисдикция, призванная оспаривать любой акт государственных органов, если он противоречит конституции или ущемляет права и свободы личности. Она служит защите не только частных прав, но и публичных интересов, не только прав индивида, но и конституции. Германский политолог А.Альбрехт выделяет следующие основные положения теории правового государства: конституционализм, требующий, чтобы деятельность государства регулировалась правовыми нормами, зафиксированными в конституции; плюрализм структуры политического общества, обеспечивающий положение, при котором участие в политике множества конфликтующих и взаимодействующих друг с другом сил оказывает сдерживающее влияние на государство; государственная монополия на верховную власть в политическом сообществе, исключающая вмешательство каких-либо особых интересов в формирование государственной воли; институционализованная обратная связь государства с обществ мнением, обеспечивающая контроль общества над государственным аппаратом; процессуальная, формальная и материальная рационализация государства, призванная гарантировать соблюдение государством права и закона; защита интересов перед государственной властью и судебный контроль над деятельность государства,

В целом правовое государство ассоциируется с такой организацией государственной и общественной жизни, которая характеризуется господством права и верховенства закона, призванных обеспечить признание и гарантию прав и свобод всех граждан во всех сферах жизни, а со стороны граждан - уважение законов и институтов существующей системы. При таком понимании сила государства, на которой оно основано, законна в том случае, если она применяется в строгом соответствии с правом, если она всецело служит праву. Поэтому естественно, что правовое государство самым тесным образом связано с конституционным строем, хотя и нельзя ставить знак равенства между конституционным государством и государством правовым. За конная власть для своего утверждения и укрепления облекается в форму права.

В современном правовом государстве само государство и государственный аппарат как бы отделены от работающих в них чиновников и служащих, а правительство как таковое - от его членов в том смысле, что государство и правительство, государственный аппарат не являются собственностью тех, кто обеспечивай их функционирование. Политики, чиновники, должностные лица государства как бы наняты этим последним для выполнения определенных ролей и функций. Их мировоззренческие и иные позиции должны быть отодвинуты на второй план, приоритет отдается критериям профессионализма. Религия и идеология, которые при всех их различиях эпистемологического, сущностного и концептуального характера в методологическом плане представляют собой однопорядковые явления, отделены от государства. Парламентская демократия с ее этнокультурными, социальными, социокультурными и иными формами плюрализма приемлет ни государственной религии, ни государственной идеологии. Признав плюрализм интересов и партий (религиозных, некультурных, социально-экономических и иных различий), нельзя не признать плюрализм идеологий или идеологических течений в каждой отдельной стране, позиции которых по ряду важнейших вопросов совпадают (особенно это касается сие образующих аспектов). Это и создает основу "единства во многообразии", консенсуса по основополагающим вопросам государственно- политического устройства.

правовое государство в отличие от деспотического или полицейского само себя ограничивает определенным комплексом постоянных норм и правил. Государство становится правовым именнопотому, что оно подпадает под власть права. С этой точки зрения можно по-видимому, говорить, что праву принадлежит приоритет перед государством и вслед за Л.Дюги утверждать, что "государство есть не что иное, как сила, отданная на служение праву".

В правовом государстве четко и точно определены формы, пути и механизмы деятельности государства, а также пределы свободы граждан, гарантируемые правом. Это значит, что государство связано правом; оно может разрабатывать и принимать тот иной закон, но само обязано действовать в рамках этого закона, подчиняться ему. Иначе говоря, государство, издавшее закон, обязано уважать этот закон до тех пор, пока он существует продолжает действовать, хотя оно и правомочно его пересмотреть или даже отменить. Более того, оно подсудно своим собственным судам и может быть осуждено им. Именно это в значительной мере обеспечивает правовой характер государства.

Правовое государство строго блюдет закон, который призван гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности, жилища, частной жизни, духовную свободу и т.д. В обществе должен господствовать закон, а не люди, функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона. Закон, каким бы суровым он ни был, обязывая отдельного гражданина к соблюдению общепринятых правил поведения, в то же время ставит четко очерченные границы прерогативам государства в отношении индивидуальной свободы. Еще И. Кант сформулировал основополагающую идею правового государства:

Каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего и точного и безусловного исполнения закона, что и властвующий в его отношении к гражданину.

Законодатель так же подзаконен, как и отдельный гражданин. Подзаконность государственной власти дополняется признанием за отдельной личностью неотъемлемых и неприкосновенных прав, предшествующих самому государству. Именно при таком подходе свободу можно рассматривать как право каждого индивида делать то, что позволяют законы. В правовом государстве законы имеют одинаковую силу для всех без исключения членов общества, независимо от их социального, политического иного статуса, защита отдельного человека от власти и произвола соответствует защите всех. Поэтому личное право невозможно без гарантии в политическом праве, уравновешивающем друг перед другом. Как писал К.Ясперс [81, с. 174],

.. .даже величайшие заслуги перед государством не являются основанием неприкосновенности власти индивидуума. Человек остается человеком, и даже лучший из людей может стать опасным, если его власть не сдерживается определенными ограничениями.

В защиту правовых начал государства выступали известные русские философы, политологи и правоведы Б.Н.Чичерин, В.С.Соловьев, П.И.Новгородцев, Л.И.Петражицкий, Б.А.Кистяковский и др. Им приходилось дискутировать со славянофилами (и не только с ними), которые считали, что сама идея политических прав чужда русскому народу. Они настойчиво подчеркивали мысль о том, что свобода утверждается на почве законного порядка, охраняемого государственной властью, что политическая свобода органически связана с твердостью закона и власти. Так, называя право "по преимуществу социальной системой и единственно социально дисциплинирующей системой", Б.А.Кистяковский писал [35, с. 122]: "Дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком - тождественные понятия". Прочная власть - это власть плюс законность. Прочность власти зависит как от ее эффективности, так и от ее законности. В этом контексте нельзя противопоставлять друг другу власть и свободу, они должны дополнять друг друга. Свобода возможна только в условиях порядка, а порядок в современном обществе обеспечивается властью.

В контексте данных рассуждений можно утверждать, что право есть определенная законом свобода. В этом смысле право в значительной степени призвано дисциплинировать человека. Не случайно в классическом либерализме праву отводилась роль определения границ свободы. Как отмечал И.А.Ильин, правосознание отнюдь не сводится к тому, что человек просто "сознает" свои права. Сознавая свои права, человек должен сознавать и свои обязанности, сознавать, что ему дозволено и не дозволено, что другие люди тоже наделены аналогичными правами, которые он должен признать, учесть и уважать. Правопорядок представляет собой "как бы живую систему взаимно признаваемых прав и обязанностей", призванную связать людей друг с другом на основе взаимности. Отстаивая свои права, человек желает их признаний и соблюдения со стороны других людей. Вместе с тем он вменяет и себе в обязанность признавать и соблюдать права других. Поэтому, подчеркивал И.А.Ильин, правосознание "есть воля человека к соблюдению права и закона, воля к законопослушанию".

Другими словами, в реальностях современного мира свобода представляет собой прежде всего положительное, а не отрицательное понятие. Негативно трактуемое понятие свободы с его отрицанием власти и авторитета неизбежно ведет к анархии и в конечном счете к той или иной форме деспотизма. Человек с рождения является членом семьи, общины, группы, общества, государства. Его поведение и деятельность регулируются существующими в каждый конкретный момент условиями, общепринятыми нормами. Поэтому неправомерно говорить о некой абстрактной

свободе, естественной свободе, которая ни в так называемом "естественном", ни в общественном или ином состоянии не существовала и не могла существовать.
Сущность правового государства заключается в определении способов, которыми реализуются цели и содержание государственного правопорядка. Оно призвано обеспечить оптимальные условия для реализации способностей и интересов гражданина как суверенного и самостоятельного существа в рамках, установленных в соответствии с принципами всеобщности (категорического императива) и взаимности (золотого правила).
Необходимо провести различие между законом и правозаконностью. Л.Дюги писал по этому поводу [30, с. XXXV]:
Всякий, кто обладает политической властью, будет ли это отдельный человек, класс или численное большинство страны, обладает ею фактически, а не по праву, и действия, которые он производит, приказы, которые он формулирует, законны и обязательны для повиновения только в том случае, если они соответствуют верховной норме права, обязательной для всех управляющих и управляемых.
Правозаконность предполагает равное отношение государства ко всем без исключения гражданам государства. Как отмечал Ф. фон Хайек, когда говорят о неправозаконности действий правительства при тоталитарном режиме, имеют в виду, что действия аппарата насилия, находящегося в руках государства, не ограничиваются какими бы то ни было заранее установленными правилами.
Если законодательно установлено, что такой-то орган может действовать по своему усмотрению, то любые действия этого органа являются законными. Но не правозаконными. Наделяя правительство неограниченной властью, можно узаконить любой орган. Поэтому демократия способна привести к установлению самой жесткой диктатуры [75, № 11, с. 129].
Об этом убедительно свидетельствуют перипетии прихода к власти Гитлера в 1933 г. Принципы правозаконности предполагают определенные требования к самому характеру принимаемых и действующих в обществе законов, исключающие такие законе, дательные акты, которые могли бы использоваться в ущерб или в пользу каких-либо особых группировок. Это говорит о возможности законов, нарушающих принципы правозаконности.
В целом в процессе своего формирования и утверждения правовое государство гарантировало индивидуальные свободы и права. В то же время оно усилило власть национальных государств в качестве стража таких свобод и прав. Правовое государство призвано обеспечить условия для существования и функционирования гражданского общества, основных его институтов, принципов и ценностей. Поэтому очевидно, что правовое государство имеет ряд общих и объединяющих всех членов гражданского общества правовых основ, носящих по своей сути надклассовый и общечеловеческий характер.
Выше уже говорилось, что государство призвано примирять и совмещать конфликтующие интересы различных социальных сил, слоев, групп и т.д. С этой точки зрения право - не только средство разрешения возникающих в обществе противоречий, но и воплощение подвижного равновесия разнородных сил и интересов. Если гражданское общество представляет собой арену столкновения и взаимодействия частных, противоречащих друг другу и конфликтующих интересов, то правовое государство заключает в себе объединяющее всех членов общество начало. Если государство было бы просто политическим отражением экономической силы исключительно собственников, то оно могло бы иметь в лучшем случае лишь форму своего рода олигархической республики. Однако на деле экономическое господство собственников уживается с разнообразными политическими формами - как с диктатурой, так и с демократией. Имущие классы, конечно, стремятся превратить институты власти в орудие своего господства. Однако демократические принципы, заложенные в основу государственного устройства, обеспечивают значительную степень независимости государства от тех или иных экономических и соответственно социально-классовых интересов.

5.6. Либерально-демократические режимы

Рассмотрев основные параметры и принципы либерально-демократической политической системы, перейдем к анализу основных режимов этой системы. Как указывалось ранее, классификация либерально-демократических режимов производится исходя из характера разделения властей, конфигурации государственых институтов, их функций и т.д. По данному признаку различаются парламентский, президентский, смешанный президентско- парламентский режимы. Проанализируем с этой точки зрения роль, которую играют глава государства и глава правительства.
При *парламентском режиме* глава государства - это по сути дела титулярный церемониальный руководитель страны, который символизирует суверенитет и величие государства. Он занимает первое место в иерархии церемониальных, почетных рангов и выполняет ряд особых задач в области внешней и внутренней политики. Он может носить официальный титул короля или королевы в конституционных монархиях (Швеция, Норвегия, Великобритания, Бельгия, Дания, Голландия, Испания и т.д.) или президента в президентской или парламентской республике (США, Франция, Германия, Италия и т.д.). Ограниченность и слабость реальных прерогатив главы государства при парламентской форме правления проявляется, в частности, в том, что он избирается в большинстве

случаев не в ходе всеобщего прямого голосования, а специально уполномоченными органами, например парламентом.
Так, президент ФРГ избирается особым собранием, одна половина состава которого формируется из депутатов бундестага, а другая - из представителей земельных парламентов. В конституционных монархиях глава государства - монарх - получает власть по наследству.
Центральную роль в государствах с парламентским режимом играет парламент. Он занимает привилегированное положение по отношению к другим органам государственной власти. Прототип парламента как органа сословного представительства возник еще в XIII в. в Англии. Но реальное значение парламент как самостоятельная ветвь - законодательная и представительная - государственной власти приобрел после социально-политических революций XVII-XIX вв. Ныне парламент и парламентаризм стали неотъемлемыми структурными и функциональными элементами политической системы либерально-демократического типа. В разных странах для обозначения законодательного и представительного органов власти применяются разные названия. 'Парламент" как собственное наименование применяется в Великобритании, Италии, Японии, Канаде, Бельгии, Индии и других странах. В США и странах Латинской Америки он называется конгрессом, в Швеции - риксдагом, в Финляндии - сеймом, в России - Федеральным Собранием и т.д.
В государствах с федеративной формой государственного устройства, как правило, парламенты строятся по двухпалатной системе (США, Канада, ФРГ, Австралия, Россия и др.)- При этом нижние палаты в двухпалатных парламентах и однопалатные парламенты формируются на основе прямых выборов. Верхние же палаты в разных странах образуются по-разному: в США, Италии и некоторых других странах путем прямых выборов; в ФРГ, Индии, России путем непрямых выборов. В ряде стран (Великобритания, Канада) некоторые члены парламента занимают места в порядке наследования или назначения.
Важное значение имеет независимость членов парламента. Первоначально парламент был создан в качестве не только противовеса правительству, но и инструмента представительства граждан. Сам факт, что депутаты парламента избираются, наделяет их значительной долей независимости по отношению к правительству ни при выдвижении кандидатов на выборах, ни при отзыве или увольнении, за исключением тех случаев, когда правительство вправе распустить парламент и назначить новые выборы. Чтобы стать депутатом и сохранить за собой эту должность, члену парламента достаточно обеспечить доверие и поддержку избирателей своего избирательного округа.
В этом контексте особо важное значение имеет то, что депутаты парламента избираются прямым всеобщим голосованием и выступают в качестве выразителей народного суверенитета. Их независимость выражается, в частности, в том, что на них распространяется парламентский иммунитет, то есть в пределах своей деятельности они пользуются статусом неприкосновенности. В случае совершения депутатом уголовно наказуемых преступлений для его привлечения к уголовной ответственности требуется специальное решение парламента, лишающее его иммунитета.
Для организации своей деятельности парламент выбирает должностные лица (председателя, спикера, их заместителей, секретарей и т.д.) и создает ряд органов, в частности различные комитеты и комиссии, которые, как правило, составляются из членов всех представленных в парламенте партий пропорционально их численности.
В функции парламента входят разработка и принятие законов, принятие государственного бюджета, ратификация международных договоров, избрание органов конституционного надзора и т.д. В странах, где предусмотрена ответственность правительства перед парламентом, последний формирует правительство и контролирует его деятельность.
Если глава государства всего лишь церемониальный руководитель, то глава правительства - главный активный политический руководитель страны. В разных странах он называется по-разному: премьер-министр, премьер, канцлер, председатель совета министров. Ему принадлежит главная роль в формировании политики и руководстве правительством. А само правительство формирует та партия, которая имеет большинство в парламенте несет перед ним ответственность. Главу правительства тоже назначает, по крайней мере формально, парламент. Основная задача парламента - формирование правительства. Именно в ходе парламентских выборов выясняется, какая партия или коалиция партий будет формировать правительство.
Типичный образец парламентского режима дает ФРГ. Здесь вся полнота законодательной власти передана законодательному собранию, или парламенту, - бундестагу. Права президента как главы государства существенно урезаны и сведены фактически к представительским функциям. Бундестаг не только формирует правительство, но и выбирает главу правительства - канцлера. Причем фракция партии большинства играет активную роль в работе правительства, в принятии им ответственных решений. Правительство формируется из числа депутатов парламента, представляющих партийные фракции парламентского большинства. В состав кабинетов, как правило, не приглашаются беспартийные специалисты.
Сильными позициями обладает исполнительная власть в парламентской форме правления в Великобритании. Здесь партия, победившая на парламентских выборах, становится правящей и формирует правительство, а вторая образует "официальную оппозицию ее величества (королевы)",

ожидая победы на следующих выборах. Премьер-министр, избираемый партией большинства в парламенте, обладает довольно широкими полномочиями. Правительство вправе осуществлять масштабные изменения, например национализацию ряда ведущих отраслей экономики (при правительстве лейбористов) или денационализацию и реприватизацию тех или иных отраслей (при консервативном правительстве М.Тэтчер).

Нередко в парламентских республиках высший законодательный орган по тем или иным причинам может быть распущен досрочно. При этом назначаются внеочередные выборы. Здесь важно отметить, что при парламентском режиме правительство не всегда формируется партией, получившей наибольшее число голосов. Так, в ФРГ, Австрии, Ирландии, Норвегии, Швеции правительство не раз возглавляла партия, занявшая по числу завоеванных на выборах голосов второе место, но вступившая при этом в коалицию с какой-либо небольшой партией. Однако такая победа может стать причиной нестабильности правительства, его зависимости от колебаний позиций мелких партий, входящих в коалицию. Так, переход в 1972 г. из социал- либеральной правительственной коалиции восьми депутатов в оппозиционный лагерь создал g бундестаге ФРГ своеобразную патовую ситуацию, что привело к роспуску парламента и проведению досрочных парламентских выборов. В 1982 г. выход из правительственной коалиции небольшой фракции свободно-демократической партии обеспечил возможность создания правоцентристского блока во главе с ХДС/ХСС и привел к досрочным парламентским выборам 1983 г.

При президентском режиме, типичный пример которого - форма правления в США, президент является одновременно главой и государства, и правительства. Эта форма предусматривает прямое избрание всеми гражданами на всеобщих выборах главы исполнительной власти. После победы на выборах президент по своему усмотрению формирует правительство или кабинет министров. Правда, кандидаты на ряд ключевых постов должны быть утверждены законодательным собранием. Здесь ответственность правительства, выполняющего роль своего рода "личного штаба" президента, отступает на второй план по сравнению с лояльностью его членов в отношении президента.

При американской президентской форме правления некоторыми особенностями характеризуются и выборы в Конгресс. Согласно Конституции США, Конгресс состоит из двух палат: верхней - сената и нижней - палаты представителей. Сенаторы избираются на шесть лет от штатов в целом, а члены палаты представителей на два года главным образом от так называемых конгрессистских дистриктов, а в ряде случаев и от штатов в целом. От каждого штата независимо от численности населения избираются по два сенатора, которые рассматриваются в качестве представителей штатов как территориально-административных единиц. Палата представителей состоит из конгрессменов, избираемых жителями штатов. Их число определяется в зависимости от численности населения этих штатов. С 1912 г. общее число членов палаты представителей составляет 435 человек.

Для президентского режима, особенно в США, характерен так называемый феномен раздельного голосования и "раздельного правления". Суть первого состоит в том, что значительные контингенты избирателей, голосуя за кандидата "своей" партии на пост президента страны, по списку кандидатов в законодательное собрание могут поддержать представителей конкурирующей партии-

В США кандидаты на пост президента от республиканской партии часто побеждали за счет привлечения на свою сторону сторонников демократической партии и наоборот. Именно этим обстоятельством объясняется феномен раздельного правления. Нередко Белый дом в Вашингтоне возглавляет представитель одной партии, в то время как в одной или обеих палатах Конгресса большинство принадлежит соперничающей партии. К примеру, в период с 1945 по 1976 г. в течение 14 из 30 лет контроль над исполнительным и законодательным органами власти был поделен между двумя партиями. Это, естественно, создает определенные проблемы для президента при решении тех или иных ключевых проблем внутренней и внешней политики.

О характере различий в процедурах формирования правительств победившими партиями наглядное представление можно составить, сравнив эти процедуры в классически президентской системе США и классически парламентской системе Великобритании. При парламентской системе каждая партийная фракция в парламенте выступает как единая команда, все члены которой придерживаются более или менее строгой дисциплины. Поскольку на выборах избиратели голосуют большей частью за партийный список, а не за конкретного кандидата, депутат, выступивший против линии партии, рискует быть исключенным из партии. Здесь партия большинства контролирует и законодательную, и исполнительную власть. Так, в Великобритании все послевоенные правительства, за исключением одного, опирались на однопартийное большинство в парламенте.

В США правительство формируется главой государства - президентом внепарламентским путем. Взаимоотношения между президентом как главой государства и одновременно главой правительства с его партией носят иной, чем в странах с парламентской системой, характер. В американской политической системе отсутствуют такие институты европейского парламентаризма, как роспуск парламента главой государства и ответственность правительства перед парламентом. В Великобритании, например, премьер-министр, получив мандат от электората и сосредоточив в своих руках функции руководства партией и кабинетом, правит через парламент. Он, равно как и возглавляемый им кабинет, ответствен перед парламентом. В случае вотума недоверия или каких-

либо других чрезвычайных обстоятельств премьер-министр вправе распустить парламент и назначить новые выборы. В США же президент осуществляет реальный контроль над федеральной администрацией. Он не является лидером партии в европейском смысле слова. Фактически властные функции распределены между президентом и Конгрессом, внутри Конгресса - между палатами, а внутри палат - между десятками постоянных комитетов, располагающих значительной самостоятельностью.

В отличие от британского премьер-министра американский президент правит не через Конгресс, а вместе с Конгрессом. Хотя президент лишь формально считается главой партии, он не является таковым юридически. Активисты партии и поддержавшие ее кандидата избиратели ожидают от президента реализации программы, с которой он пришел к власти. Для этого президент должен создать кабинет министров, которые принимают его программу и способны провести ее в жизнь. Он должен также укомплектовать штат Белого дома, призванный содействовать достижению этой цели. Ключевую роль в реализации программы, с которой президент пришел к власти, естественно, играет он сам. Он может придать одним ее положениям больший, а другим -. меньший приоритет. Он может также наложить свой долговременный отпечаток на процесс принятия решений с помощью назначений в разные комиссии по регулированию и другие учреждения, исходя из позиций назначаемых в отношении тех или иных социальных и экономических проблем.

Принято считать, что президент США должен быть выше партий и межпартийных конфликтов. В своей первой инаугурационной речи третий президент Т.Джефферсон произнес ставшую знаменитой фразу:

Любое расхождение в мнениях не есть расхождение в принципах. Различаясь по названию, мы являемся приверженцами одного и того же принципа. Все мы - республиканцы, все мы - федералисты.

Но поскольку выдвижение кандидатуры на пост президента всецело зависит от партий, в качестве кандидата той или иной партии президент должен установить и сохранить хорошие отношения с партийными руководителями, делать обещания и апеллировать к членам партии, чтобы таким образом заручиться их голосами для обеспечения поддержки своей кандидатуры. После избрания у многих президентов ослабевают интерес и внимание к партии, и они начинают адресоваться к электорату в целом.

Некоторые авторы выделяют также "ультрапрезидентскую" форму правления, где достигнута наибольшая независимость президента от высшего законодательного собрания. Отметим, что такая форма правления в сущности коренится в самом способе избрания президента всеобщим прямым голосованием. Это ставит его в независимое от парламента положение, поскольку парламент в принципе лишен возможности оказывать какое бы то ни было влияние на исход выборов. Более того, в ряде стран президент, обладая правом вето, располагает возможностями контролировать деятельность парламента. Следует добавить, что, согласно конституции некоторых стран, например Франции, ряда африканских и латиноамериканских стран, президент вправе выступать с законодательной инициативой по вопросам, затрагивающим важнейшие сферы общественной жизни.

Показательно, что в 70-х - 80-х годах в условиях неуклонного усиления реальных прерогатив в руках исполнительной власти многие аналитики не без оснований забили тревогу относительно наметившихся авторитарных тенденций в ряде индустриально развитых стран. Так, известный американский историк и политолог А.М.Шлезингер - мл. написал объемный труд под красноречивым названием "Имперское президентство", в котором указывалось, что президент США по объему сосредоточившихся в его руках реальных властных полномочий далеко превзошел многих монархов и императоров прошлого. М.Дюверже, используя подобные аргументы, характеризовал режим, установленный Ш. де Голлем во Франции, как республиканскую монархию.

При парламентско-президентском или президентско- парламентском режиме исполнительной власти присущ своего рода дуализм, то есть руководящие исполнительные функции являются прерогативой и президента, и кабинета министров, ответственного перед парламентом. Следовательно, глава государства - президент и глава правительства - премьер-министр выступают в двух лицах. Как президент, так и парламент избираются путем прямого всеобщего голосования. Президент оказывает существенное влияние на формирование правительства и назначения на ключевые посты. Правительство зависит от президента, но в то же время ответственно перед парламентом. Типичным примером является режим во Франции. Здесь президент, от которого зависит правительство, разрабатывает стратегию социально-экономического и политического развития страны. Между главами государства и правительства возможен конфликт, как, например, во Франции в середине 80-х - начале 90-х годов, когда Елисейский дворец занимал представитель социалистической партии, а пост премьер-министра - представитель правоцентристских сил.

В России установленный режим можно назвать смешанным президентско- парламентским. У нас, как и во Франции, глава государства - президент и глава правительства - премьер-министр. Президент является гарантом сохранения единства государства. Он определяет стратегические направления развития страны и наделен широкими полномочиями в реализации этих направлений. Хотя правительство ответственно перед президентом, ц0 парламент имеет определенное влияние на его

формирование, в частности, требуется согласие парламента на назначение председателя правительства, и парламент решает вопрос о доверии правительству. Но оперативная деятельность последнего выведена из-под контроля Федерального Собрания.
Отметим, что вопрос, какой из трех основных режимов в наибольшей степени подходит России, отнюдь не простой и остается предметом острых споров и дискуссий. И президентский, и парламентский режим имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В странах, переживших тоталитаризм или близкие к нему режимы (Германия, Италия, Испания, Япония), утвердились парламентские режимы (хотя в последних двух в форме конституционной монархии). Именно парламентские институты здесь во многом дали возможность изжить, преодолеть основные атрибуты, ценности и установки антидемократизма. Но в условиях России без сильного центра, скрепляющего все регионы страны в единое целое, парламентаризм в чистом виде чреват непредсказуемыми последствиями. Возможно, что для России с учетом ее вековых традиций, тяготеющих к авторитаризму, державности, персонификации политики и т.д., наилучшим режимом был бы президентский. Тем более что, как представляется, в свете происшедших в стране за последние годы трансформаций перспективы сползания к диктатуре в какой бы то ни было форме не столь существенны, как изображают некоторые публицисты. Для этого уже нет достаточных механизмов, структур, социально-психологических, идейно-политических и иных предпосылок. Но тем не менее, учитывая российские традиции, мы должны весьма осторожно оценивать пригодность и этого режима для России.
Другими словами, парламентский режим в условиях переходного периода способен поощрять неустойчивость и тормозить стабилизационные процессы, а чисто президентский режим при определенном стечении обстоятельств чреват скатыванием к той или иной форме авторитаризма. Смешанный же режим, сочетая институты парламентаризма и президентского правления, способен обеспечить стабилизацию и консолидацию огромной страны вокруг центра при учете интересов различных социально-политических сил, народов, регионов и республик.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какое содержание вкладывается в понятие "демократия"?
2. Каковы сущностные, системообразующие признаки демократии?
3. Назовите основные определения и модели демократии.
4. Назовите важнейшие конституционные принципы демократии.
5. Что такое конституция, каковы ее место, роль и функции в политической демократии?
6. Каковы конституционные принципы политического устройства?
7. Что такое правовое государство?
8. Назовите основные принципы правового государства.
9. Какие существуют либерально-демократические режимы?
10. Дайте общую характеристику каждого из этих режимов.

Глава 6. Партии и избирательные системы

Одними из важнейших субъектов политических отношений в либеральной демократии являются партии и избирательная система. Именно в них конкретно выражаются основополагающие принципы демократии - политический плюрализм, представительство, выборность должностных лиц. Партии и избирательная система, переводя различные фор. мы плюрализма в гражданском обществе в подсистему политического, сферу властных отношений, составляют единый механизм завоевания власти. Они являются главными субъектами политических отношений, и в этом качестве без них невозможно представить себе современную демократию. Основные партии в их взаимодействии, взаимоотношении, взаимных конфликтах и взаимной ротации у власти рассматриваются как единая партийная система, во многом определяющая жизнеспособность и функционирование всей политической системы в целом. Говорить о партиях - это значит поднимать вопросы об их месте и роли в политической системе, их функциях, социальном составе и электорате, их организационной структуре, типах, формах и т.д.

6.1. Основные вехи формирования партий

Партии не всегда играли ту роль, которую они в настоящее время играют в политической системе индустриально развитых стран. Они прошли длительный путь формирования и эволюции, являются продуктом социально-экономического и общественно-исторического развития каждой конкретной страны. Серьезный отпечаток на их характер накладывают особенности социокультурного развития, исторические традиции, демографические и этнокультурные процессы, особенности религии и т.д.
В тех или иных формах разного рода группировки, фракции, клики составляли интегральную часть политической жизни. Существовали олигархические и демократические "партии" в древнегреческих городах-государствах; популяры, выражавшие интересы плебса, и оптиматы, стоявшие на стороне нобилитета в Древнеримской республике; гвельфы, защищавшие интересы пополанов или торгово-ремесленного люда городов, и гиббелины, выступавшие выразителями интересов нобилей или

феодалов в средневековой Италии. В качестве подобных образований выступали также арминиане и гомаристы в Нидерландах в начале
XVII в., просвитериане и индепенденты в период английской революции середины XVII в. и другие религиозно- политические группировки.
Однако, по сути, это были небольшие группы сподвижников, объединившихся вокруг отдельных влиятельных политических лидеров, государственных деятелей. Разумеется, не могло быть и речи о сколько-нибудь четко структурированной их организации, аппарате, членстве и других атрибутах партии в ее современном понимании. Показательно, что вплоть до XIX в. термины "партия", "фракция", "интерес" и т.д. использовались как взаимозаменяемые. Осознание необходимости партий в современном понимании как инструментов реализации политического процесса пришло лишь в процессе формирования капиталистических институтов и буржуазной политической системы, в процессе вычленения политического в качестве самостоятельной подсистемы человеческого социума.
Этот процесс занял много десятилетий и в разных странах протекал по-разному. Первоначально партии стали важным элементом политической системы ряда стран Запада, а затем и всех тех стран, которые впоследствии встали на путь либеральной демократии. Первые из этих стран - Великобритания и США. Наиболее показателен с рассматриваемой точки зрения американский опыт. В Декларации независимости и Конституции ПИТА, заложивших основы государственной и политической систем молодой буржуазной республики, партии вовсе не упоминаются, а в "Федералисте", в котором обосновывались основные параметры формировавшейся американской государственности, о них говорится в негативном смысле.
Многие "отцы-основатели" считали партии в лучшем случае необходимым злом. Они видели в партиях источник конфликтов, раздоров и смуты, рассматривали их как инструменты в руках неразборчивых в средствах политиков. Как пишет Н.Каннигем [123, с. 240], "одним из парадоксов политического развития Америки было то, что создание политических партий проходило в атмосфере недоверия к политическим партиям". Сама идея о двух или нескольких соперничающих друг с другом партиях как средстве представительства отдельных социальных групп и интересов в рамках определенной общественно-политической системы не принималась участниками политического процесса того времени, хотя и нельзя сказать, что основатели не сознавали факта наличия в обществе разнородных социальных группировок и противоречивых интересов, вступающих в постоянные конфликты друг с другом
Так, Б. Франклин предупреждал об опасности фракций и "бесконечных взаимных злоупотреблений партий, разрывающих на куски наилучших из них", Вашингтон был избран президентом на непартийной основе и рассматривал себя стоящим над партиями и политикой. В своем "Прощальном послании" он говорил об опасных последствиях "партийного духа" и существовании партий как готового оружия для подрыва власти народа и узурпации правительственной власти. Большинство политических деятелей периода утверждения США как самостоятельного государства было убеждено в том, что партии совершенно не пригодны в рамках республиканской формы правления. По мере формирования каждая политическая партия лишь одну себя считала законной и ставила своей целью ликвидировать противную сторону.
Симптоматично, что фактически вплоть до 1844 г. ни одна политическая партия, которая потеряла президентский пост, не завоевала его еще раз. "Антипартийный подход" основателей и их современников во многом определялся их убеждением, что утверждение республиканских принципов создает условия для предотвращения конфликтов, подрывающих единство и гармонию в новом государстве. Исходя из этого постулата, авторы "Федералиста" концентрировали внимание на обосновании необходимости создания прочного и дееспособного государства, которое может противостоять как внешней, так и внутренней опасности. Поэтому большое внимание в нем уделялось проблеме сдерживания и контролирования насилия фракции. Здесь фракция рассматривалась как самая большая опасность республиканской форме правления. Дж.Мэдисон особо подчеркивал, что экономическая борьба между богатыми и бедными превратила античные демократии в "зрелище бурных страстей и склок". По его словам, главная задача республиканской формы правления состоит в том, чтобы избежать "внутренних конвульсий", возникающих тогда, когда богатые и бедные, большинство и меньшинство вступают в непримиримый конфликт друг с другом. Позиции основателей и их современников характеризовались очевидным противоречием: с одной стороны, они принимали политические различия и идею политической свободы, а с другой - отвергали политические партии.
В Великобритании начало межпартийной борьбы в современных ее формах восходит к периоду так называемой Славной революции 1688 г. В центре этой борьбы стоял вопрос о расширении прерогатив парламента за счет сокращения прерогатив королевской власти. Постепенно противоборствующие политические ялы оформились в более или менее спаянные партийные группировки, получившие название вигов и тори (а в XX в. - либералов и консерваторов).
Особенно болезненно и трудно процесс формирования партий шел в континентальных европейских странах. Этот процесс, охватив большинство стран Запада, заметно ускорился в XIX в. Хотя на всем

протяжении XIX столетия дискуссии о правомерности и значимости партий не прекращались, но к концу века они стали важнейшими составляющими современных политических систем. К примеру, если в 1861 г. в Великобритании в парламентских выборах партии вообще не участвовали, то в 1951 г. в высшие властные структуры не был избран ни один независимый от партии претендент.

Наблюдается определенная хронология в возникновении партий в зависимости от идейной ориентации. Либерализм и либеральные партии возникли в борьбе против феодальных режимов. В Европе в середине XIX в. либералы первыми создали свои организации с собственной идеологией и фракциями в парламенте. Первыми такими организациями стали Прогрессивная партия в Германии, Бельгийская либеральная партия и др. По их примеру подобные организации создали и консерваторы, например Клуб консерваторов в Англии. И те и другие довольно долго считали себя не партиями, а объединениями единомышленников. Дальнейшее расширение избирательного права подтолкнуло их организационно укрепить свои партии.

Французская революция, которая стала переломным этапом в переходе от феодализма к капитализму, дала сильнейший толчок образованию на европейском континенте разнородных консервативных группировок, именовавших себя аристократами, роялистами, придворными партиями, а во второй половине XIX - начале XX в. сформировались в консервативные партии. Они по сути дела сформировались как реакция и противовес либеральным партиям. Рабочие партии возникли в борьбе с капиталистической системой, аграрные партии - как реакция индустриального развития, христианские партии - в борьбе против секулярных, антиклерикальных движений, коммунистические - против капитализма и социал-демократии, а фашистские - против демократии во всех ее формах и коммунизма и т.д.

Следует различать партии парламентские, образовавшиеся в Рамках самого парламента, и внепарламентские. Первые возникли сравнительно рано и рассматривались как часть парламентского механизма. Затем формировавшиеся в обществе группы стали воспринимать эти партии как выразителей своих интересов Сами партии в свою очередь предпринимали усилия по привлечению в свои ряды новых членов, а также по обеспечению массовой поддержки среди этих групп. Именно такой путь проделала, например, консервативная партия Великобритании, которая сформировалась в структурах парламента. Наоборот, лейбористская партия Великобритании первоначально сложилась как внепарламентская организация в недрах английского рабочего движения и лишь позже стала парламентской партией. В континентальных европейских странах, где традиция конституционной оппозиции привилась несколько позже, большинство партий возникло вне парламента из разного рода клубов, студенческих организаций, профсоюзов, крестьянских кооперативов и т.д.

Некоторыми специфическими особенностями отличался процесс формирования политических партий в России. Здесь в первую очередь следует назвать сохранение большого веса и влияния сословно-феодальных институтов, господство самодержавия, запоздалое развитие капитализма, отставание процессов становления гражданского общества и институтов парламентаризма и правового государства и многое другое. В конце XIX - начале XX в. современники отмечали неутвержденность общественного состава, имея в виду недифференцированность и неопределенность интересов различных групп населения. Не случайно В.О.Ключевский заявил, что не сочувствует "партийно-политическому делению общества при организации народного представительства". Такой подход во многом объяснялся неразвитостью инфраструктуры гражданского общества, что действительно могло способствовать искажению реального представительства общественных интересов партиями в политической сфере.

Тем не менее, в конце XIX - начале XX в. партии стали фактором политической жизни России. Сильнейший толчок к их формированию и консолидации дала буржуазная революция 1905 г. Либеральные организации и партии формировались на основе сил, группировавшихся вокруг Вольного экономического общества, Юридического общества при Московском университете, Союза взаимопомощи русских писателей, комитетов грамотности в Москве, земских организаций и т.д. К концу 1905 г. оформились "Союз 17 октября" (октябристы), Конституционно-демократическая партия (кадеты), Партия мирного обновления, Торгово-промышленная партия, Партия правового порядка и т.д. Сразу после манифеста 17 октября 1905 г. оппозиционные организации и партии заняли заметное место на политической арене, что, в частности, проявилось в их активности на первых свободных выборах в первую Государственную Думу. Показательно, что в 1906 г. П.А.Столыпин предложил лидерам кадетов и октябристов войти правительство, на что последние ответили отказом.

В тот же период на авансцену вышла и та политическая партия, которая, совершив в 1917 г. государственный переворот и, разогнав в начале 1918 г. Учредительное собрание, стала могильщицей всех остальных партий и организаций, самого нарождавшегося парламентаризма и демократических институтов. Речь, разумеется, идет о Российской социал-демократической рабочей партии.

6.2. Идея и принцип представительства

Политические партии возникли и развивались одновременно с системой выборов и идеей представительства. Более того, идея представительства, как уже указывалось, имела ключевое значение для формирования современной теории демократии и соответственно ее важнейших принципов - политического плюрализма, партий, избирательной системы.

Понятие "представитель" используется во многих значениях. Например, о конкретном человеке говорят как о "типичном представителе" своей нации, профессии, социальной группы и т.д., говорят о представителе такой-то страны, представителе главы государства, торговом представителе той или иной компании и т.д. В политическом лексиконе же под терминами "представитель", "представительство" подразумевается принцип делегирования полномочий определенной группой лиц или партией конкретному человеку, организации, органу для отстаивания своих интересов в структурах власти.

Следует отметить, что в период античности сам принцип представительства был неизвестен. Тогда демократия была "прямой", предполагавшей непосредственное участие всех граждан в принятии решений по управлению делами полиса. Теория представительства начала формироваться в XVII-XVIII вв. Главная заслуга в ее разработке принадлежит таким известным политическим мыслителям XVII-XIX вв., как ДжЛокк, А. де Токвиль, Дж.С.Милль, Б.Н.Чичерин и др. В этой теории органически переплелись две важнейшие идеи представительной демократии: идея, в соответствии с которой ни один человек не вправе править другим человеком без согласия последнего, и идея, заключающаяся в следующем: поскольку каждый отдельный индивид не в состоянии непосредственно участвовать в управлении государством, то интересы различных категории населения могут быть представлены в системе власти особыми уполномоченными, которым делегированы соответствующие прерогативы и права. Предполагалось, что избранные представители смогут защищать и реализовывать интересы народа лучше, чем сам народ. О том, насколько большое значение придавалось принципу представительства, свидетельствует, например, тот факт, что Дж.Мэдисон отождествлял республиканизм с представительством.

С самого начала развернулись поиски оптимальных путей и механизмов реализации представительства. Ш.Л.Монтескье считал, что люди, как правило, знают интересы и проблемы своего населенного пункта, города, региона лучше, чем интересы и проблемы других регионов страны. Поэтому представителей во властные органы целесообразнее избирать не от всей страны в целом, а от отдельных городов или местностей, организованных в избирательные округа. В Англии утвердилась *теория фактического представительства,* суть которой состояла в том, что члены парламента представляют не просто отдельные слои и группы населения, а нацию в целом. Поэтому не имеет значения как, из числа кого и где они избираются. Причем виги, которые сформулировали эту теорию, были убеждены, что члены парламента, будучи избранными, не должны зависеть от своих избирателей. Обосновывая такой тезис, Э.Берк в известной речи перед избирателями в Бристоле в 1774 г. настаивал на том, что парламент должен быть не неким "конгрессом послов от различных и враждебных интересов", а форумом представителей всего английского народа, руководствующихся стремлением реализовать "общее благо" [100, с. 447].

В дополнение к теории фактического представительства политические деятели Америки выдвинули *концепцию географического представительства,* в соответствии с которой, члены законодательного собрания избирались бы в качестве представителей определенной территории и определенных групп населения, а не как представители всего населения государства. Касаясь, например, палаты представителей, автор одной из статей сборника "Федералист" (Дж. Мэдисон или А. Гамильтон) придавал особую важность тому, что избранные представители "непосредственно зависели от народа". При этом он считал, что главная функция представителей должна состоять в обеспечении секционных интересов [69, с. 350]. Так, Дж.Мэдисон был убежден в том, что конфликты различных интересов в обществе неизбежны и ведут к возникновению фракционных споров по социально-политическим проблемам. По его мнению, избранные представители будут действовать в интересах тех, кто их избрал.

С этими двумя формами тесно связаны *теории фракционного и национального представительств,* возникшие во Франции. Первая восходит к Ж.Ж. Руссо, который считал, что суверенитет народа представляет собой сумму суверенитетов составных его частей, являющихся в свою очередь достоянием каждого отдельного индивида. Допустим, государство состоит из 10 тыс. граждан. В таком случае каждый гражданин обладает одной десятитысячной частью суверенной власти [61].

Согласно современной *теории фракционного суверенитета,* каждый гражданин имеет свою часть в том мандате, который избиратели предоставили своему депутату. Она предусматривает также императивный характер мандата или, иначе говоря, положение, по которому депутат связан в своих действиях волей избирателей. В наши дни эта теория составляет важный аспект демократии. Ей в полной мере отвечает принцип "один человек - один голос".

Немаловажное место занимает также теория национального представительства. В период Великой французской революции Конституционная ассамблея сформировала идею о том, что суверенитет принадлежит не отдельно взятым гражданам, а нации в целом, т.е. всей совокупности граждан, рассматриваемой как особое единство, отличное от составляющих ее индивидов. При данном

подходе каждый отдельный депутат не есть представитель своих избирателей. Наоборот, совокупность депутатов представляет нацию в целом. Депутаты, выражая волю нации, осуществляют мандат, предоставленный им нацией. Если так, то они не связаны мандатом со своими избирателями. Соответственно мандат теряет императивный характер, присущий мандату в теории фракционного представительства.

Значимость теории представительства помимо всего прочего состояла в том, что она дала возможность расширить пространственные рамки демократической и республиканской форм правления. Как говорилось выше, "прямая" демократия, которая предусматривает участие всех взрослых граждан в принятии сколько-нибудь важных решений, была возможна в сравнительно небольших сообществах, таких, как древнегреческие полисы, где численность населения составляла примерно 10 тыс. человек. Очевидно, что в современном национальном государстве, численность населения которого достигает десятки, а то и сотни миллионов человек, такая модель решительно неприемлема. Именно институт представительства сделал возможным формирование Республиканской или демократической формы правления в масштабах национального государства. Более того, утвердилось мнение, согласно которому форма правления тесно увязывалась с национальным государством. "Чем меньше общество, - писал Дж.Мэдисон [69, с. 3501 тем меньше возможностей для появления четко очерченных партий и интересов и тем чаще большинство окажется в одной и той же партии. При расширении площади и увеличении численности населения получается "большое число партий и более значительное разнообразие интересов". Другими словами, в большом обществе общий интерес большинства фрагментируется на большее число более ограниченных интересов, масса раздробляется на относительно более мелкие группы, преследующие более мелкие интересы. Именно это обстоятельство, утверждал Мэдисон [69, с. 63], делает фракционную борьбу менее опасной при республике, чем при демократии. Как полагали отцы-основатели США, такому пониманию республиканской формы правления как нельзя лучше соответствовала федералистская структура государственно-политической системы, признающая законность существования в стране наряду с центральной государственной властью территориальных единиц - правительств штатов и органов местного управления, облеченных более или менее широкими прерогативами публичной власти.

Принципы представительства и выборности представителей различных социальных групп в законодательные или иные органы власти по самой логике вещей поставили вопрос об инструментах и средствах политической реализации этих принципов. В качестве таких инструментов постепенно во всех ныне индустриально развитых странах возникли и утвердились политические партии. При этом формировалась не только идея партии как инструмента реализации политического процесса, но и идея партии как законной оппозиции. Другими словами, признание законности разнообразных интересов в обществе обусловливало признание законности политических инструментов в лице партий, призванных представлять эти интересы в системе власти. Связанный с институтом представительства принцип выборности должностных лиц в ведущие органы власти обеспечивал избирателям возможность выбора между альтернативными политическими курсами и лидерами, которые представляют избирателей, выступающих в поддержку той или иной альтернативы. Именно здесь партии и партийная конкуренция стали играть ключевую роль. Постепенно получила признание мысль, что в политической борьбе партия приобретает дополнительную силу в результате критики со стороны другой партии и что партия только теряет, когда оппозиция слишком слаба.

Важным фактором, способствовавшим возникновению партий, были организационные потребности функционирования больших политических систем, формирования определенных государственно-политических структур, отражающих разнообразие интересов. Этот процесс приобрел необратимый характер вследствие осознания все более растущим числом людей неизбежности и закономерности разделения формировавшегося гражданского общества на разнородные, конфликтующие между собой социальные силы, группы, классы со своими особыми интересами. Уже Э.Берк, оценивая тенденции общественного развития, в одном из своих памфлетов 1769 г. писал [100], что "партийное разделение независимо от того, действуют ли партии в целом в интересах добра или зла, вещь, неотделимая от свободной системы правления". Примерно в том же духе рассуждал несколько десятилетий спустя один из основателей США Дж.Мэдисон [69, с. 58]:

У всех цивилизованных народов неизбежно появляются группы землевладельцев, промышленников, торговцев, финансистов и многие другие с меньшим значением. В результате происходит разделение общества на классы, движимые различными умонастроениями. Регулирование многообразных и конфликтующих друг с другом интересов составляет главную задачу современного законодательства и вносит партийно-фракционный дух в необходимые обычные действия государства.

Как показывает исторический опыт, разнообразие интересов, ориентации, установок, ценностей, являющееся основополагающей характеристикой любого сложного и жизнеспособного общества, неизбежно обусловливает разное понимание роли государства, взаимоотношений государства и отдельного индивида и соответственно разные социально-философские и идейно-политические установки. Люди с одинаковыми интересами и воззрениями в конечном итоге объединяются для

достижения общих целей совокупными силами. Причем признание законности существования соперничающих между собой интересов и фракций неизбежно приводило к признанию законности политических инструментов, призванных представлять эти интересы и фракции в государственно-политической системе, системе власти. Такими инструментами в конечном счете и оказались партии, созданные путем приведения к общему знаменателю разнородных интересов и позиций основных социально-политических сил формировавшегося буржуазного общества.

Большое значение имела также постепенная законодательная Легализация таких демократических ценностей и принципов, как свобода слова, печати, собрания, вероисповедания, что cog. давало правовые возможности для оформления политической оппозиции. При утверждении и институционализации современных политических систем, в том числе и партийных, важное значение имело то, что большинство (во всяком случае конституционных и парламентских) партий, предлагая свои политические курсы, не подвергали при этом сомнению определенный комплекс политических, государственных и правовых принципов, легших в основу формировавшейся политической системы. Несмотря на различия по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства большинство политически активного населения разделяло идеи конституционализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати и т.д. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон "законности" существования противной стороны.

Принцип представительства приобретал особенно большую актуальность вследствие того, что по мере наращивания оборотов процессами социально-экономического и политического развития неуклонно расширялось вовлечение в политический процесс широких слоев населения, которые раньше как бы оставались в стороне от политических споров и конфликтов. О возросшей роли народных масс в общественно-политической жизни свидетельствует хотя бы тот факт, что постепенно в большинстве стран мобилизация массовой поддержки тех или иных политических программ или отдельных политических лидеров постепенно приобретала решающее значение. Более того, политические партии первоначально сформировались как средство организации такой поддержки.

6.3. Роль и функции партий в политической системе

Что такое политическая партия и каковы ее роль и функции? Существует множество определений политической партии. Одно из первых дал известный английский политический деятель и философ XVIII в. Э.Берк [100, с. 430]:

Партия представляет собой организацию людей, объединенных с целью продвижения совместными усилиями национального интереса, руководствуясь некоторым специфическим принципом, относительно которого все они пришли к согласию.

Современное понимание партий с соответствующими типологическими признаками начало формироваться в XIX - начале XX в. Интерес представляет позиция немецкого исследователя В. Хасбаха, который рассматривал партию [120] как союз людей одинаковыми политическими взглядами и целями, стремящихся к завоеванию политической власти с целью использования ее для реализации собственных интересов.

Наиболее приемлемое определение дал М.Вебер [156], который считал партии общественными организациями, опирающимися на добровольный прием членов, ставящих целью завоевание власти для своего руководства и обеспечение активном членам соответствующих условий (духовных и материальных), для получения определенных материальных выгод или личных привилегий либо для того и другого одновременно.

Очевидно, что во всех этих случаях партия рассматривается как группа людей, объединившихся для участия в политической жизни и преследующих цель завоевания политической власти. В этом качестве в большинстве случаев партии выражают интересы определенных социальных сил и призваны представлять эти силы в структурах власти. В данном контексте, как уже отмечалось, партии играют ключевую роль несущей конструкции как гражданского общества, так и политической системы.

В большинстве стран статус и деятельность партий регулируются специальными законами или конституционными нормами. Например, принятый в ФРГ в 1967 г. закон о партиях призван регулировать конституционно-правовой статус партий, их цели и задачи, принципы внутренней организации, механизмы и процедуры участия в выборах и т.д. В Великобритании, Швейцарии, Австралии, Канаде и других странах нет специальных законов о партиях, на них распространяются общие положения конституции или законов о союзах, в соответствии с которыми любая группа граждан вправе создавать свои партии, если их цели и задачи не противоречат конституционным основам государства. Зачастую эти законы представляют собой довольно объемные кодексы, детально определяющие функции партий на общенациональном и местном уровнях. Они, в частности, включают процедуры и правила Избрания делегатов на партийные съезды или конференции, сроки и порядок их проведения, процедуры избрания должностных лиц партийной организации, порядок внесения кандидатов партии в избирательные бюллетени, порядок избрания

делегатов на общенациональный съезд, правила расходования денег партийными кандидатами на политические компании, порядок и сроки проведения избирательных компаний и выборов и т.д.
В структурном отношении в партии можно выделить три уровня. Первый уровень - самый неопределенный и раз мытый - представляет блок избирателей, которые идентифицируют себя с данной партией и систематически голосуют за нее на выборах. Они составляют массовую базу, которая обеспечивает кандидатов партии поддержкой у избирательных урн. Принадлежность к такой группе весьма трудно определить, поскольку она основывается на декларируемой приверженности, а не на официальной вовлеченности в партийную организацию.
Второй уровень представляет сама официальная партийная организация. Естественно, организационная структура партии берет начало там, где находятся избиратели. Поэтому, как правило, она начинается на уровне самой низшей первичной ячейки - избирательного округа. В США, например, демократическая партия имеет 2,5 тыс. окружных организаций, а республиканская - 2 тыс. Главная их задача состоит в мобилизации на местном уровне избирателей в поддержку кандидатов своей партии. Их совокупность составляет партийные организации на районном, областном, земельном, штатном и т.д. (в зависимости от страны) уровнях. Совокупность этих партийных организаций образует общенациональную партию.
Почти все современные политические партии имеют партийный аппарат, представляющий собой особую группу людей, профессионально занимающихся организационными вопросами политической деятельности партии. Так, в США и демократическая, и республиканская партии возглавляются национальными комитетами, сформировавшимися еще в середине XIX в. Они занимаются административными вопросами, организуют предвыборные кампании кандидатов партий, устанавливают сроки, место и порядок проведения партийных съездов, обеспечивают соблюдение правил избрания делегатов на съезды и т.д.
Третий уровень - это партия в системе правления, состоящая из должностных лиц в государственном аппарате, которые получили свои посты в силу принадлежности к данной партии. К ним относятся президенты, губернаторы, члены парламента, законодательных собраний областей, штатов, земель, местных органов и т.д. Естественно, такая иерархия во многом носит условный характер и в разных странах имеет свою национальную специфику. Например, в консервативной партии Великобритании парламентская фракция в организационном отношении составляет самостоятельный структурный элемент - парламентскую консервативную партию. Лидер парламентской фракции является одновременно лидером партии в общенациональном масштабе. Он выступает как связующее звено между всеми структурными подразделениями партии. В его руках сосредоточены значительные властные полномочия во внутрипартийных делах. По сути дела центральные органы партии - исполнительный совет, исполнительный комитет и центральное бюро - представляют собой совещательные органы при лидере.
Главная задача политических партий состоит в том, чтобы превратить множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев, заинтересованных групп в совокупный политический интерес путем сведения этих интересов к единому знаменателю. В современных либерально-демократических системах партии, как правило, выступают в качестве носителей конкурирующих друг с другом политических курсов, не ставя под сомнение законность существующего конституционного строя, основополагающих прав и свобод граждан, утвердившиеся и общепринятые в данной стране правила политической игры и т.д. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон "законности" существования противной стороны.
Поэтому естественно, что в сознании широких слоев населения утвердилось отношение к партиям, как важнейшим структурным и функциональным элементам политической организации общества. Это относится и к правящим партиям, и к большинству партий, остающихся в оппозиции. Партии же, принципиально не приемлющие существующую систему, либо постепенно отодвигаются на периферию политической жизни, либо вовсе исчезают с политической арены. Живучесть и успех многих левых партий в индустриально развитых странах, которые первоначально не принимали существующую систему, не в последнюю очередь определяются тем, что они в конечном итоге в той или иной форме интегрировались в эту систему. Итальянский политолог Х.Портелли выделяет три фазы процесса интеграции: сплочение сил и обращение к конкретным проблемам; признание существующих институтов; трансформация самих партий. Став частью системы, партия вынуждена умерить свою радикальность, усвоить реальности борьбы за голоса избирателей и за политическую власть, занять более умеренную позицию.
В идеале цель партии состоит в реализации представительства в политической системе тех слоев населения, интересы которых она выражает. Здесь важное значение имеет то, что в современном сложном ч высокоразвитом индустриальном обществе люди со своими особыми интересами, устремлениями, ориентациями, установками могут участвовать в политической жизни в качестве членов различных союзов, объединений, партий. Необходимо отметить, что в такой большой организационной системе, как государство, которое призвано реализовать общее благо, слагающееся в свою очередь из множества разнородных, за частую конфликтующих и противоборствующих

интересов, и которое имеет принудительную юрисдикцию, контроль со стороны народа или общества практически невозможен без этих союзов объединений, партий.

Партии не только выражают интересы тех или иных социальных групп, но и активно участвуют в формировании этих интересов. Они выполняют функции объединения интересов различных социальных групп и слоев путем сведения этих интересов к единому знаменателю; помогают кристаллизировать и четко очертить конфликтующие интересы, скрытые различия и противоречия в обществе; подталкивают граждан группироваться, пересекая линии, разграничивающие их по многим параметрам, и определять приоритеты, которые делают их политическими единомышленниками и союзниками; разрабатывают аргументы для перевода различий в экономической, социальной и культурной структурах в требования и конкретные действия.

В то же время партии выполняют не только представительные, но и инструментальные функции. Они исторически выдвинулись как институт, способный координировать и контролировать процесс принятия решений на уровне государства. Они подталкивают представителей противостоящих интересов и взглядов к заключению соглашений, приведению в соответствие различных требований, согласованию действий и т.д. Партии, соединяя гражданское общество с государством, способствуют преодолению или смягчению конфликтов, имманентно присущих отношениям между ними. Именно благодаря партиям обеспечивается функционирование законодательных собраний и исполнительной власти. Можно утверждать, что именно сильные партии не ослабляют, а наоборот, усиливают государство, укрепляя каналы обратной связи последнего с обществом, его контроль над политическим процессом. Соответственно слабость партий неизбежно оборачивается слабостью государства.

В целом партии призваны преобразовывать разнообразные интересы в альтернативные политические курсы и реализовывать их на государственном уровне. Как отмечает Ж.Бурдо, от других массовых организаций партию отличает то, что она охватывает "организационными щупальцами" по вертикали и горизонтали как можно больше секторов общества, разворачивает там информационную и организационно-пропагандистскую деятельность, выполняет воспитательные функции, превращающие ее в основной "инкубатор" политического персонала. Пронизывая все политические институты, они выполняют функции по обеспечению связей между различными уровнями и ветвями государственной власти, вырабатывают компромиссные политические решения, выполняют посреднические функции между различными социальными группами, составляющими их избирательную базу. В то же время партии проводят мобилизацию общественного мнения в поддержку выдвигаемых ими проблем, идейно и организационно обеспечивают избирательные кампании и выдвигают кандидатов на выборные должности на всех уровнях власти.

Партии развивают собственные внутренние структуры и формируют долговременные приверженности своих сторонников. При этом, выступая одновременно и как агенты конфликта между различными интересами, и как инструмент достижения согласия, или консенсуса, между ними, партии приобретают функции своего рода интегрирующих нервов и сосудов между обществом и миром политического, объединяя их в единое неразрывное целое. С этой точки зрения в либерально-демократической системе, с одной стороны, и авторитарной и тоталитарной системах - с другой, партии выполняют свои функции по-разному. Если при тоталитаризме единственная партия почти полностью слита с государственными структурами, то господствующие в либерально-демократической системе конкурентные партии действуют на двух уровнях. Во-первых, каждая партия создает сеть каналов, пронизывающих все или большинство региональных общностей и местных общин, что усиливает в них общенациональное начало. Во-вторых, сама направленность партии на конкуренцию с другими партиями способствует тому, что общенациональная политическая система ставится над всеми конкретными группировками должностных лиц независимо от их ранга и положения. То есть проводится четкое различие между самой политической системой и конкретными должностными лицами.

В однопартийной системе нет различий между этими двумя началами. Граждане склонны отождествлять политическую систему с политикой конкретных руководителей, а последние в свою очередь, как правило, пользуются утвердившимися национальными лояльностями, чтобы обеспечить себе как можно более широкую поддержку. В таких обществах любые нападки на тех или иных политических руководителей или господствующую партию могут рассматриваться как нападки на саму политическую систему. Споры относительно какого-либо конкретного политического курса итого или иного руководителя могут поднять фундаментальные вопросы о выживании системы. В конкурентной партийной системе оппоненты правящей в данный момент партии могут обвинить последнюю в ослаблении государства или предательстве традиций нации, но существование самой политической системы не подвергается опасности. Конкурентная партийная система защищает страну от недовольства ее граждан; жалобы и нападки отвлекаются от системы в целом и направляются на лиц, находящихся в данный момент у власти.

Учреждение постоянных каналов для выражения конфликтующих интересов способствовало стабилизации структуры национальных государств. Уравнение статуса различных де номинаций содействовало смягчению прежних конфликтов по религиозным вопросам. Расширение права голоса,

а также свободы политического самовыражения также помогло утверждению легитимности национального государства.
С идеей партии как законной оппозиции тесно связана идея выборности, призванной обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Роль выразителя народного суверенитета отводится лишь избирательному корпусу. Характерно не только и не столько возможно более полное участие масс в принятии политических решений, сколько открытая конкуренция с целью завоевания правительственных постов и контроль над деятельностью тех, кто находится у власти.
С самого начала одна из главных функций политических партий и избирательной системы состояла в формализации и институционализации политического участия граждан, замене спонтанных, стихийных, неорганизованных и зачастую "незаконных" (бунт, восстание и т.д.) форм политических действий "узаконенными", институционализованными формами участия через партии и избирательную систему. Вводя принцип смены политической власти в процессе конкуренции между двумя или несколькими партиями, избирательная система и партии как бы отделяют конкретных людей, сменявшихся у власти, от самой системы.
В большинстве стран партийные организации в значительной степени или полностью контролируют механизм выдвижения своих кандидатов на выборах и процесс проведения выборов. Поэтому любое лицо, стремящееся сделать политическую карьеру, должно принять существующую партийную систему и найти общий язык с руководством партий, партийными функционерами на соответствующих уровнях. Как правило, свою карьеру будущий политик начинает, совмещая учебу в колледже или университете, работу по найму и т.д. с работой в молодежной организации той партии, взгляды которой он разделяет. Постепенно способный молодой политик поднимается по карьерной лестнице и в случае победы своей партии на выборах вправе рассчитывать на ту или иную должность в составе возглавляемого ею правительства. Именно участвуя в предвыборной кампании, в политических дискуссиях и баталиях, работая в тех или иных парламентских комиссиях и комитетах, политик набирается Практического опыта, вырабатывает качества, необходимые для профессиональной политической и государственной деятельности. Например, в США молодой начинающий политик сначала вступает в местный политический клуб и работает в качестве помощника "капитана" присинкта или избирательного дистрикта (участка). Потом он может дорасти до капитана и, возможно, до руководителя дистрикта или председателя избирательного округа, дальше - до капитана графства и до председателя партийной организации штата, а затем и члена национального комитета партии. Раньше было практически невозможно действовать помимо этой структуры. Просто купить партийную машину стоило много денег, "побить" машину, создав свою собственную, очень сложно: чем выше политический уровень, тем труднее было создать такую машину. Некоторые коррективы в эту систему внесены расширением в 70-х годах так называемых первичных выборов, открывших возможности для независимых претендентов.

6.4. Партии и заинтересованные группы

Анализ важнейших характеристик партий будет неполным, если не затронуть вопрос о разного рода группах и объединениях, представляющих собой те базовые структуры, на которых основываются как сами партии, так и политические феномены в целом. Классическая демократическая теория почти ничего не говорит о группах. В центре ее внимания находятся отдельный индивид и государство. Реальное положение таково, что государство имеет дело скорее с группами, нежели с отдельно взятыми индивидами. Например, член парламента, решая, как ему голосовать, думает не столько об Иване, Петре, Сидоре и т.д., сколько о потребностях и интересах фермеров, рабочих, учителей и т.д. С точки зрения политической значимости группы выполняют такие функции, как формулирование и оценка политических проблем, наблюдение за действиями правительства, реализация Действия по проталкиванию тех или иных интересов и т.д. Разумеется, не все группы имеют касательство к политике. Но вместе с тем очевидно, что политика осуществляется преимущественно на групповой основе. Здесь прежде всего речь идет о так называемых заинтересованных группах. Под заинтересованными группами, как правило, понимаются разного рода организации, объединения, союзы предпринимателей, рабочих, фермеров учителей, адвокатов, производителей той или иной продукции и т.д. Они используют организованное давление или убеждение в отношении политических деятелей для достижения своих целей. Поэтому часто их называют группами давления.
Если главная цель партий - завоевание власти для реализации определенного политического курса, то заинтересованные группы, или группы давления, как указывает само их название, преследуют цель оказать влияние на политику. Члены партий, обычно имеют разнообразные интересы, разные установки и ориентации, а члены заинтересованных групп преследуют специфические интересы и концентрируют основное внимание на одной или нескольких проблемах. Партия должна формулировать такие политические позиции, которые носят общий характер, и не делает ударение на какой-либо специфической проблеме. Кандидаты партий должны апеллировать к широкому спектру социальных сил и, чтобы достичь этого, стремиться избегать четких позиций по спорным

вопросам. Когда мнения избирателей резко расходятся, большинство кандидатов пытается занять среднюю позицию, чтобы не оттолкнуть ту или иную значительную группу избирателей.

В отличие от партий, которые, как правило, вынуждены сглаживать различия по важнейшим проблемам с целью создания базы для объединения разнородных социальных слоев в широкую кампанию, способную обеспечить победу на выборах, заинтересованные группы могут занимать четко очерченные позиции по специфическому и ограниченному кругу вопросов, объединяющих всех членов этих групп. Например, американская "Нэшнл райфл ассошиэйшн" состоит только из лиц, заинтересованных в непринятии Конгрессом закона о контроле над продажей и ношением огнестрельного оружия.

Заинтересованные группы обеспечивают каналы как для эффективной конкуренции, так и для массового участия в политическом процессе. Они обладают значительными ресурсами для уравновешивания тех или иных действий государства, задевающих их интересы. Они также предоставляют отдельному индивиду возможность оказывать давление на политических лидеров и тем самым принимать участие в политике. С этой точки зрения организованные группы, которые вмешиваются в отношения между отдельным гражданином и государством, составляют предпосылку для демократической политики.

Испытанным средством воздействия заинтересованных групп на курс государственно-политических институтов и политических партий является *лоббирование,* то есть приемы, с помощью которых заинтересованные группы добиваются реализации своих целей. Лоббисты обладают высокой квалификацией, во многих случаях они хорошо знают свое дело, способны доходчиво объяснить сложные и трудные вопросы, естественно, в свою пользу. В коридорах власти они добиваются финансовых выгод или налоговых и иных льгот для своих клиентов, устанавливая связи с нужными людьми в разного рода парламентских комитетах и учреждениях исполнительной власти. Нередко лоббисты выполняют роль посредников в разного рода сделках между заинтересованными группами и политическими деятелями, роль связующего звена между заинтересованными группами и законодателями, оказывая существенное влияние на формирование политического курса правительства. Особенно большим влиянием они пользуются в США. Некоторые авторы даже называют лоббизм третьей палатой законодательных учреждений и интегральным элементом системы управления Америки.

В настоящее время в США существует множество ассоциаций, выступающих в качестве объединений заинтересованных групп, представляющих предпринимательские круги. Среди них наиболее крупными являются Торговая палата США (объединяет 27 тыс. штатных и местных палат, 200 тыс. компаний-членов и 13 тыс. предпринимательских ассоциаций) и Национальная ассоциация промышленников (в нее входят 75 % всех промышленных компаний США), Национальная ассоциация малого бизнеса (500 тыс. компаний) и Национальная федерация независимого бизнеса (400 тыс. компаний). К наиболее крупным лоббистским организациям, пользующимся большим влиянием в Вашингтоне, относятся "Нэшнл райфл ассошиэйшн", "Нэшнл эдюкейшн ассошиэйшн", "Американская федерация фермерских бюро", "Американская ассоциация адвокатов", Американский нефтяной институт, "Шоссейное лобби", "Военно-промышленное лобби", "Еврейское лобби" и т.д. Как признавал журнал "Форчун", финансово-промышленные круги Америки превратились в "самое эффективное лобби страны, отстаивающее свои корыстные интересы".

О характере и разнообразии подобных объединений в ФРГ дает представление перечень их названий: Объединение немецких Профсоюзов, Федеральное объединение союзов немецких работодателей, Федеральное объединение германской промышленности, Союз налогоплательщиков, Союз демократических ученых, Немецкий спортивный союз и т.д. На региональном и федеральном уровнях существует множество объединений и организаций ремесленников, студентов, врачей, деятелей культуры, потребителей товаров широкого спроса и т.д. По некоторым данным ФРГ насчитывается 4-5 тысяч таких объединений. Аналогичное положение можно констатировать и в других индустриально развитых странах.

Наиболее активно к тактике лоббирования прибегает на крупный, так средний и мелкий бизнес, их предпринимательские ассоциации и организации. Важная задача, стоящая перед ними ,- всемерное воздействие на формирование политической стратегии правительства. Особую настойчивость в этом направлении проявляют руководители корпораций, которые проникают в политические круги, используя личные дружеские и партийно-политические связи, участие в предпринимательских и профессиональных ассоциациях и в различных подкомиссиях. Для реализации своего влияния в политической жизни страны бизнес создал широкую сеть различных организаций. В США это так называемые совещательные комитеты бизнеса при правительстве, например совещательный комитет по частному предпринимательству во внешней торговле, совещательный комитет промышленников при министерстве обороны США. В настоящее время их насчитывается около 2 тыс. , к ним относятся политические организации бизнеса, как, например, комитет бизнеса за сокращение налогов, круглый стол бизнеса, чрезвычайный комитет за развитие американской торговли и др. Эти и подобные им организации призваны отстаивать интересы бизнеса в различных

государственно-политических институтах и учреждениях, содействовать формированию угодного бизнесу политического курса в тех или иных сферах общественно-политической жизни.
В отличие от США большинство групп давления в европейских странах тесно связаны с правительством. Нередко отдельные функции правительства делегируются им, например установление цен, реорганизация тех или иных отраслей промышленности в соответствии с определенным планом, введение квот и т.д. Часто имеет место прямая правительственная поддержка, например, в таких начинаниях, как совместное владение правительством и частными лицами или организациями, поощрение правительством картелей и т.д. Правительство и политические партии зачастую совместными усилиями способствуют деятельности заинтересованных групп. Нередко профсоюзы и кооперативы либо первоначально были организованы партиями, либо партии при необходимости оказывают им помощь.
Такая практика ассоциации заинтересованных групп с правительством или партиями способствует укреплению как партийной лояльности, так и партийной дисциплины, поскольку руководители тех или иных заинтересованных групп одновременно занимают влиятельные позиции в партийной иерархии. Так, в
Так, в Италии правительство христианских демократов успешно держало в узде католические профсоюзы, а компартия - коммунистические профсоюзы.
В последние полтора-два десятилетия сдвиги в общественно-политической жизни способствовали определенным изменениям в
отношениях между заинтересованными группами и политическими партиями. Так, ослабление партийной приверженности сопровождается тенденцией к повороту людей к заинтересованным группам. Рост численности членов заинтересованных групп ускорился в такой степени, что некоторые политические наблюдатели высказывают серьезные опасения, что эти группы могут взять на себя отдельные важные функции партий и в недалеком будущем придут на смену партиям. Как бы подтверждая эти опасения, наиболее влиятельные заинтересованные группы создали собственные комитеты политического действия, которые играют все более усиливающуюся роль в политической жизни. В настоящее время только в США число таких комитетов превысило 4 тыс.

6.5. Опыт типологизации политических партий

Политические партии характеризуются несколькими параметрами. Важнейшими из них являются организационные структуры и членство. В соответствии с ними различаются партии массовые и кадровые. *Массовые партии* большей частью сформировались вне парламента. Рекрутируя свою социальную базу в основном из низших слоев населения, массовые партии приняли характер социальных движений, ориентированных на рабочих, крестьян и разнородные религиозные группы. Их организационная структура в значительной мере сложилась раньше завоевания ими побед на выборах и проведения кандидатов в парламенты. Считается, что массовую партию отличает программность певческих установок. В большинстве своем, особенно на первотельном этапе, партии этого типа характеризовались левой ориентацией. В дальнейшем, следуя их примеру, многие крестьянские и религиозные партии стремились приобрести контуры массовых партий. Массовые партии отличаются высокой степенью идеологизированности. Здесь идеология используется для массовой политической мобилизации. Их базовая субстанция - это масса членов. Они существуют главным образом благодаря членским взносам, причем члены партии не только платят взносы, но и активно участвуют в делах партии. Это, как правило, левые партии коммунистической, социалистической и социал-демократической ориентации.
Задача *кадровых партий* состоит в том, чтобы мобилизовать в конкретном избирательном округе так называемых нотаблей, или влиятельных лиц, способных привлечь поддержку максимально возможного числа избирателей из различных социальных слоев независимо от их идеологической ориентации. То, что массовыми партиями достигается количеством, эти партии обеспечивают подбором кадров, способных эффективно организовать избирательную кампанию. Этому признаку соответствуют многие европейские партии консервативной ориентации. Республиканская и демократическая партии США во многом сочетают в себе массовое и кадровое начала, и с этой точки зрения их можно назвать гибридными.
Отдельные партии могут существовать в форме некоего объединения нескольких партий. Объединением подобного типа является правоцентристский Союз за французскую демократию во главе с бывшим президентом Франции В.Жискар-д'Эстеном, представляющий собой коалицию пяти партий и группировок. Отметим, что во Франции некоторые партии предпочитают называть себя не партиями, а объединениями, союзами, движениями, секциями и т.д.
Важное значение для классификации партий имеет членство. Необходимо отметить, что членство партий в течение длительного времени оставалось неясным и аморфным. Многие партии практически не делали особых различий между своими членами и теми, кто их просто поддерживает на выборах. И сейчас многие партии либеральной и консервативной ориентации не могут сколько-нибудь точно назвать число своих членов. Определенно можно сказать одно: число лиц, считающих себя членами партий, составляет малую часть населения той или иной страны. В США, например, политикой

всерьез интересуется весьма узкая прослойка граждан - менее 10 % всего взрослого населения страны. Как правило, это преимущественно представители высшего и высшего среднего слоев, хорошо информированные и образованные, иногда имеющие определенный опыт практической политической работы. По существующим данным, только 2-3 % населения ФРГ обнаруживают желание вступить в какую-либо политическою партию, а члены многих общественных организаций лишь, номинально принадлежат к ним, не принимая участия в формировании этих организаций.

Различаются организационно оформленные партии, члены которых получают партийные билеты и платят членские взносы, и организационно неоформленные партии, которые характеризуются отсутствием официального членства. Во втором случае, чтобы примкнуть к той или иной партии, достаточно публичного заявления избирателя о своей приверженности этой партии. Наиболее типичными примерами первых являются коммунистические партии, а вторых - республиканская и демократическая партии США, консервативная партия Великобритании. Различаются также партии с прямым и косвенным членством. В первом случае прием в члены партии осуществляется в индивидуальном порядке, а во втором случае тот или иной человек становится членом определенной партии просто в силу того, что входит в какую-либо организацию, которая связана с этой партией. Так, в лейбористскую партию Великобритании, а также социал-демократические партии Швеции, Норвегии и Ирландии профсоюзы входят на коллективных началах; здесь члены профсоюзов являются коллективными членами данных партий. Для коммунистических партий характерно исключительно прямое членство.

Типологизация партийных систем проводится также по числу существующих в той или иной стране партий. По этому принципу различаются однопартийная, двухпартийная и многопартийная системы.

При *многопартийной системе* каждая партия представляет более или менее четко очерченные идейно-политические или идеологические позиции. Спектр этих позиций простирается от крайне правых до крайне левых. Остальные партии занимают промежуточное положение между этими двумя крайними полюсами. Как правило, в многопартийных парламентах места располагаются в форме некоторого полукруга, где, следуя традиции Французской революции, представители консервативных и правых партий рассаживаются на правой стороне от председательствующего, дальше влево - близкие им по духу партии, в центре - умеренные и дальше в самом конце - представители леворадикальных партий.

Такая группировка по линии правые - левые, основанная на позициях и установках по социально-экономическим и политическим проблемам, сопряжена со значительной долей упрощения Реального положения в обществе. В частности, в такую схему не всегда можно втиснуть религиозные, этнонациональные, региональные, местнические, профессиональные и иные интересы Это, в частности, выражается в том, что с середины 70-х годов в политической жизни стран Европы значительное развитие получили националистические и регионалистские движения и партии которые представлены всеми оттенками идеологического спектра: от крайне правого фламандского блока и реваншистской южно-тирольской партии до ультралевой баскской "Эрри батасуна". Зачастую их невозможно классифицировать по линии правые - левые, консерваторы - либералы и т.д. Например, центристские партии Франции, разделяя общие позиции по целому ряду социально-экономических проблем, в то же время расходятся по проблемам, касающимся религии, государства, революционных традиций, социально-классовых различий и т.д.

Как правило, в многопартийных системах ни одна партия не способна завоевать поддержку большинства избирателей. Они типичны для парламентской формы правления и обычно формируют коалиционные правительства или кабинеты министров. В данном случае ни одна партия не способна выступить в качестве представителя всей нации или ее большинства, поэтому не может формировать правительство без привлечения поддержки или представителей других партий. Нередко такая фрагментарность обрекает парламентские коалиции на неустойчивость, а правительства, основанные на них, - на постоянную нестабильность.

Под *двухпартийной системой* подразумевается система с двумя крупными партиями, каждая из которых имеет шанс завоевать на выборах большинство мест в законодательном собрании или большинство голосов избирателей на выборах исполнительной ветви власти. Двухпартийная система отнюдь не означает отсутствия других партий. Например, в течение XX в. в Великобритании в качестве одной из двух главных партий лейбористы пришли на смену либералам. В то же время в послевоенные десятилетия либералы сохраняли статус парламентской партии, а социал-либеральный альянс, образовавшийся в начале 80-х годов, иногда завоевывал до 25 % голосов избирателей.

Особенно показательна с этой точки зрения ситуация в США, где господствует классическая двухпартийная система - демократическая и республиканская партии. За всю историю существования двухпартийной системы в США более 200 кандидатов третьих партий пытались добиться избрания на пост президента страны, однако лишь восемь из них сумели завоевать более миллиона голосов избирателей. После гражданской войны третьи партии пять раз на президентских выборах завоевывали голоса выборщиков, хотя и незначительное число. В ряде случаев, особенно на штатном уровне, третьи партии становились влиятельной политической силой. Но при всем том

важной особенностью двухпартийной системы в США стало неприятие третьих партий большинством избирателей на общенациональном уровне. Америка является одной из немногих стран Запада, где нет социалистической или другой рабочей партии с парламентским представительством.
В типологизацию по шкале двух- и многопартийности следует внести определенные коррективы. Здесь вслед за французским исследователем Ж.Шарло можно выделить "совершенную" двухпартийную систему (как, например, в США и Великобритании), при которой две основные партии вместе собирают до 90 % голосов, и двухсполовинную партийную систему (как, например, в ФРГ), при которой какая-либо третья партия обладает достаточной электоральной базой, чтобы внести коррективы, порой существенные, в привычную игру двух основных партий, собирающих 75-80 % голосов избирателей. Что касается многопартийной системы, то здесь можно также выделить, условно говоря, "совершенную" многопартийность (как в большинстве индустриально развитых стран) и многопартийность с одной доминирующей партией (как в Японии), которую не следует путать с однопартийной системой. Систему, которая господствовала в Италии до 1994 г., иногда называли несовершенной двухпартийной системой в силу того, что в ней в течение почти всего послевоенного периода господствующие позиции занимали две крупные партии - христианские демократы и коммунисты, причем первые всегда находились у власти, а вторые - в оппозиции. Но после введения мажоритарной избирательной системы ситуация радикально изменилась - формируются два блока - левых и правых партий. Примерно такое положение (разумеется, с соответствующими оговорками) наблюдается в Японии, где в послевоенный период власть вплоть до 1993 г. монополизировала либерально-демократическая партия, а социалисты и коммунисты ни разу не были допущены к власти. Эта традиция была нарушена только в середине 1993 г., когда либерально-демократическую партию у власти сменила коалиция из восьми партий.

6.6. Особенности межпартийной конкуренции

Разнообразие социальной базы партий, наличие в них групп и слоев с разными, порой конфликтующими интересами способствуют возникновению в них различных фракций и течений. Так, в лейбористской партии Великобритании существует несколько фракций, стоящих на левых, центристских и правых позициях. Несколько фракций существовало в ХДС Италии, а либерально-демократическая партия Японии представляет собой конгломерат фракций. Создавая проблемы для руководства партий, фракции и течения вместе с тем позволяют привлекать на свою сторону избирателей из различных социальных слоев, учитывать многообразие социокультурных, экономических, конфессиональных, этнонациональных и иных ориентации и установок в обществе. Борьба фракций и течений накладывает существенный отпечаток на политику партии. Более того, ее политика формируется в ходе этой борьбы. Зачастую руководящие органы партии составляются на основе представительства от различных фракций и течений, что позволяет сохранить как внутреннее равновесие в партии, так и ее поддержку среди избирателей.
Это дает преимущество центристским партиям, то есть таким партиям, которые придерживаются умеренных позиций по основному блоку проблем, стоящих перед страной, и своими действиями и поведением способны склонить чашу весов в пользу одной правительственной комбинации в противовес другой. Германский исследователь Г.Даалдер выделяет несколько вариантов, в которых центристские партии выполняют разные функции и занимают различный статус. При классической двухпартийной системе, как, например, в Великобритании, для партии центра нет необходимого поля деятельности. Здесь в лучшем случае можно говорить о центре как о точке, к которой тяготеют обе конкурирующие партии. Более предпочтительно положение центристской партии в двухсполовинной партийной системе. Типичный пример такой системы имеем в ФРГ, где Свободная демократическая партия (СвДП) прочно заняла место третьей партии и добивается вхождения в коалиционное правительство попеременно с двумя главными конкурирующими партиями - СДПГ и ХДС/ХСС. Пример системы, в которой доминирующее положение занимает одна крупная партия, дает Италия, где до 1994 г. христианские демократы (ХДП) для создания правительственной коалиции периодически меняли своих союзников из числа более мелких партий.
При двухблоковой системе, при которой основная борьба за власть ведется соперничающими группировками, как, например, во Франции и Дании, передвижение какой-либо одной партии из одного блока в другой может привести к изменению соотношения сил на политической арене. Здесь открываются возможности для маневрирования сил, которые условно можно определить как левый и правый центр. Встречаются и другие, менее значимые вариации.
В утверждении той или иной партийной системы большую роль играют исторические, национально-культурные и иные факторы. Немаловажное значение имеет и тип утвердившегося в данной стране политического режима. Например, в США и в ряде других стран, принявших их модели, власть и влияние института президентства настолько значимы, что ни одна партия не способна достичь своих стратегических целей, не добившись контроля над президентской властью. Такой контроль, разумеется, требует привлечения поддержки большинства избирателей. Коалиционного президента не существует. Здесь на выборах партия получает либо все, либо ничего. Большей частью именно соображения завоевания президентского поста служат фактором, объединяющим республиканцев и

демократов в единые партии. Этот момент во многом присущ и Великобритании. Речь идет, прежде всего, о сильной и устойчивой традиции солидарности кабинета министров, которая служит важным стимулом партийной спаянности.

Для двух- и многопартийной систем характерно, прежде всего, существование политической конкуренции. Именно отсутствие такой конкуренции при однопартийном режиме дало З.Найману основание утверждать, что единственную партию, господствующую в обществе, нельзя считать партией в истинном смысле слова. И действительно, поскольку партия есть "часть" политического сообщества, то ее можно понять лишь в соотнесенности с другими частями или партиями, которые вступают в конкурентную борьбу за свою долю власти и влияния в стране.

Различают два типа межпартийного соперничества. Германский, исследователь Ф.Ленер называет их *гомогенным* и *гетерогенным типами конкуренции.* При гетерогенной конкуренции соперничающие партии оспаривают друг у друга поддержку одновременно у разных групп избирателей, а при гомогенной - каждая партия опирается на "свой" электорат и выступает на выборах с программой, в которой в максимальной степени отражены его интересы. Гомогенный тип характерен для многопартийных систем, господствующих в большинстве индустриально развитых стран. В США же утвердился гетерогенный тип межпартийного соперничества. Две главные партии страны - республиканская и демократическая - отличаются неоднородностью и разношерстностью социальной базы. Обе партии по своему социальному составу являются конгломератами разнородных и зачастую противоборствующих группировок бизнесменов, фермеров, учителей, Юристов, студентов, врачей и т.д. Другими словами, в США партии - это политические организации, построенные на сочетании интересов различных, зачастую конфликтующих социальных слоев и групп, независимо от их классовой принадлежности. Если в европейских странах коалиции образуются между более или менее близкими по своим позициям партиями, то в США она создаются в рамках двух главных партий. В Европе коалиции различных групп избирателей образуются большей частью после выборов между двумя или несколькими партиями, когда надлежит сформировать правительство, в Америке же - до и в период избирательных кампаний.

Нужно отметить, что феномен коалиционных правительств во многих европейских странах объясняется отсутствием каких-либо жестких линий, разграничивающих программы и электорат различных партий. Это особенно верно, когда речь идет о народных партиях, или партиях "для всех". Показательно, что предвыборные платформы большинства этих партий, как правило, не содержат каких-либо развернутых теоретических разработок и характеризуются прагматизмом и приверженностью всевозможным компромиссам, направленностью на решение преимущественно повседневных, конъюнктурных проблем, стоящих перед обществом. Во многом это обусловлено тем, что в индустриально развитых странах, как правило, выборы выигрывают не экстремисты правого или левого толка, а умеренные деятели, тяготеющие к центру идейно-политического спектра. Это способствует сглаживанию различий в программах и платформах партий, в их идейно-политических ориентациях. Поэтому зачастую в предвыборных программах партий мало различий по важнейшим проблемам внутренней и особенно внешней политики.

Фракционность является одной из важнейших характеристик современного политического процесса. Поскольку в общенациональные партии входят разнообразные социальные и региональные группы, преследующие зачастую весьма противоречивые интересы, важнейшие политические решения, как на местном, так и на общенациональном уровне достигаются путем компромиссов, соглашений и сделок. Поэтому для политических партий крайне трудно сформулировать конкретные и последовательно связанные программы. Любая программа, претендующая на жизнеспособность, должна быть сбалансированной, т.е. учитывать интересы и требования основных блоков избирателей, на которых ориентируются кандидаты той или иной партии. На общенациональном уровне сбалансированность охватывает региональные, социально-экономические, религиозные, социально-психологические и другие сферы.

Значение имеет и то, что зачастую большие группы избирателей могут голосовать на местном или региональном, областном, цельном уровне за консервативного кандидата, при этом отдав голос на национальном уровне за либерального или социал-демократического кандидата. Общенациональное правительство, как правило, принимает решения по широким и сложнейшим проблемам внешней и внутренней политики. Средний избиратель бессилен оказать какое-либо влияние на принятие этих решений. Он лишь может высказаться против них, но уже после их принятия, поскольку концепция сильного национального правительства предусматривает сохранение процесса принятия большинства решений в секрете. В такой ситуации избиратель из большого города, который ведет борьбу за улучшение своего экономического положения, склонен поддерживать на региональном, штатном, земельном и общенациональном уровнях кандидатов, выступающих за увеличение правительственных расходов на реализацию социальных программ. Но у того же избирателя может сложиться иная позиция, когда он увидит, какая часть правительственных расходов идет его собственному городу. Соответственно и при выборе кандидата в городское управление он будет ставить перед собой цель контролировать расходование средств, выделяемых городу.

Государственно-административное устройство оказывает немаловажное влияние на организационные структуры, содержание и формы функционирования партий и партийных систем. Если в унитарных государствах для них, как правило, характерна значительная степень централизации, то в федеральных государствах преобладают партии с более децентрализованными организационными структурами. Так, США как федеративный союз состоят из 50 штатов и федерального округа Колумбия, имеющих свои региональные, этнические, расовые, религиозные и социально-классовые различия. Соответственно две главные общенациональные партии США - республиканская и демократическая - представляют собой федерации партий штатов, собирающихся вместе каждые 4 года для выдвижения кандидатов на посты президента и вице-президента страны. Показательно, что некоторые авторы даже говорят о наличии в США 51 демократической и 51 республиканской партий, включая партийные организации округа Колумбия, где расположен Вашингтон. Дело в том, что во многих отношениях, например, демократическая партия Алабамы может иметь больше общих черт с республиканской партией Алабамы, чем, скажем, с демократической партией Массачусетса.

Партийные структуры в традиционном европейском понимании служат для более или менее спаянной организации сторонников определенного комплекса социально- философских, идейно-политических концепций, идей, убеждений и принципов, их дисциплинирования. Однако, несмотря на существующие правила партийной солидарности и дисциплины, депутаты не всегда строго придерживаются предписаний своих партий и их парламентских фракций. Например, в Англии многие депутаты от консервативной партии, по крайней мере, один раз за время своего депутатского срока голосуют против правительства своей партии. Но, тем не менее, лейбористская и консервативная партии, как правило, предписывают своим членам в палате общин голосовать в соответствии с общей линией партии.

В США члены Конгресса могут голосовать в оппозиции к собственной партии, отвергать политику президента - представителя своей партии, но в то же время переизбираться на выборах в своем избирательном округе в отличие от членов палаты общин в Великобритании, которые имели бы мало надежд на переизбрание, поскольку английские партии располагают различными санкциями для дисциплинирования своих членов в случае отказа поддержать линию партии. Отход от этой линии рассматривается как игнорирование предоставленного им мандата. В Америке же все обстоит иначе. Национальные комитеты партий, находящиеся в Вашингтоне, слабо контролируют более или менее автономные штатные и местные партийные организации. Власть в основном находится в руках штатных и местных партийных организаций, которые контролируют большинство выдвижений кандидатов в Конгресс США, а также на штатные и местные должности.

Существует и ряд других различий в конфигурации и деятельности партий и партийных систем индустриально развитых стран. Естественно, всякий, кто стремится разобраться в политических процессах этих стран, не может и не вправе игнорировать эти различия.

6.7. Новейшие тенденции в эволюции партий

В настоящий момент в индустриальных развитых странах Запада социальные и политические конфликты концентрируются вокруг более или менее четко очерченных основных полюсов, которые в сфере идеологии условно можно обозначить как консерватизм, либерализм, социал-демократизм. Условно потому, что каждый из этих полюсов, примыкающих в центре друг к другу, имеет свой левый, правый и умеренный сегменты. В то же время существуют социально-политические силы, ориентирующиеся на правый и левый варианты радикализма или, иначе говоря, выступающие в пользу выхода за пределы господствующей политической системы. Но было бы ошибочно представить ситуацию так, будто имеются четко разграниченные, фронтально противостоящие друг другу социально-политические силы и отражающие их интересы идеологические течения, между которыми как бы находится непреодолимая стена.

Дело в том, что во всех главных партиях индустриально развитых стран присутствует некое сочетание социал-демократических, либеральных и консервативных элементов. С этой точки зрения прав теоретик западногерманского консерватизма К.Биденкопф, утверждая, что в настоящее время политическую реальность ФРГ (добавим от себя, и большинства других стран Запада) отличает своего рода "непросматриваемость", "нетранспарентность" - отсутствие четкой картины, когда для каждого явления находится своя ниша в общественно-политической структуре. В чем суть феномена? В течение всей истории индустриально развитых стран существовала более или менее тесная корреляция между характером голосования различных групп избирателей и их социально-классовым положением. Как правило, неимущие, низко доходные слои населения голосовали за партии левой ориентации, а более высокодоходные слои - за консервативные и правые партии. В США это были соответственно реформистская демократическая партия и республиканская партия консервативной ориентации. В Западной Европе дело обстояло несколько сложнее, но все же рабочий класс и неимущие слои населения склонялись к социал-демократическим и другим левым партиям, а представители состоятельных слоев - к либеральным и консервативным партиям. Причем вплоть до

конца 60-х годов низко доходные слои оценивали государственное вмешательство в экономику и программы социальной помощи более положительно, чем высокодоходные слои.
В последние полтора-два десятилетия заметные изменения наблюдаются и в США, и в странах Западной Европы. Нарушается корреляция между голосованием избирателей за ту или иную партию и их принадлежностью к определенной социальной группе. Снижается доля рабочих в социал-демократических партиях. Растущее число представителей низко доходных слоев населения голосует за партии либеральной и консервативной ориентации, а представители средних слоев - за социал-демократические и Другие левые партии. Это со всей очевидностью показали результаты выборов последних лет в ряде стран Западной Европы и США, где значительную часть электората консервативных партий составили представители профсоюзов, включая и "синие воротнички". У большинства партий наблюдается тенденция ориентироваться не просто на традиционно "свои", четко очерченные группы избирателей, а на гетерогенный по своему составу электорат, на который претендуют и другие партии. В результате большинство крупных политических партий, в том числе и демократических, по сути дела перестали быть сугубо классовыми и превратились, по их собственному определению, в народные партии, или партии "для всех", претендующие на представительство всех слоев населения.
В этой связи Р.Дарендорф не без оснований отмечал, что применительно к таким партиям, как СДПГ, СДП, ХДС/ХСС и др., понятия "левая" и "правая" стали относительными. Первыми с претензией на статус народной выступили христианско-демократические партии. Первоначально эти партии возникли как реакция против секуляризации важнейших сторон общественной жизни и отделения церкви от государства. Но после второй мировой войны в их программах не акцентируется вопрос о вероисповедании. Так, в программе Австрийской народной партии, принятой в 1972 г., говорится, что она не связывает себя с каким бы то ни было вероисповеданием или церковным институтом. Об этом же говорят руководители ХДС в Германии. Как отмечал, например, нынешний канцлер от этой партии Г.Коль, народный характер ХДС подтверждается тем фактом, что в ней в органическом единстве объединились христианско-социальные, консервативные и либеральные силы страны.
Народными провозгласили себя многие социалистические и социал-демократические партии. Одной из первых это сделала социал-демократическая партия Германии (СДПГ). После принятия Годесбергской программы в 1959 г., в которой был зафиксирован отказ от марксизма и идеи классовой борьбы, СДПГ превратилась из организации преимущественно рабочего класса в партию рабочих и средних слоев. В настоящее время в ней особенно велик вес технической интеллигенции, представителей предпринимательских кругов, молодежи. По-видимому, республиканская и демократическая партии США в отличие от многих европейских партий с самого начала действовали как партии "для всех". По своему социальному составу обе они являются конгломератами разнородных, зачастую противоборствующих социально-политических группировок. Причем состав, соотношение различных компонентов в социальной базе двух партий в каждый конкретный исторический период существенно изменялись в зависимости от социально-экономических и общественно-политических факторов.
Концепция народной партии вынуждает все партии как левой, и правой ориентации сформулировать свои позиции по множеству разнообразных вопросов, чтобы привлечь на свою сторону новые группы избирателей путем включения в программу соответствующих требований. Это вносит дополнительный элемент в наметившиеся неопределенность и неустойчивость социальной базы и итогов выборов. Имеет место тенденция к увеличению фрагментации партийных систем, расширению спектра партийно-политических альтернатив, усилению влияния новых социальных движений и экологических партий, которые в совокупности создают трудные проблемы для "укоренившихся" партий. Наблюдается тенденция к возрастанию колебаний идейно-политических позиций и партийно-политических предпочтений значительных контингентов избирателей. Для них стали характерны довольно резкие переходы от одних партий к другим, с либеральных на правоконсервативные позиции и наоборот. Это свидетельствует об увеличении "автономии" избирателей по отношению к партиям.
Одним из признаков такой автономии стал неуклонный рост числа избирателей, называющих себя независимыми либо голосующих за кандидата не своей, а конкурирующей партии. По словам А.М.Шлезингера-мл., в США в XIX в. "принадлежность к той или иной партии передавалась по наследству, как религия". Со второй половины 60-х - 70-х годов это положение стало меняться, что проявилось, в частности, в ослаблении партийной самоидентификации значительных контингентов избирателей. Это выражается, в частности, в увеличении числа избирателей, голосующих не за "свою", а за конкурирующую партию. По данным многочисленных опросов общественного мнения, в США на протяжении всего послевоенного периода в количественном отношении демократы значительно преобладали над республиканцами. Но, тем не менее, в 70-х - 80-х годах кандидаты на пост президента от демократической партии оказались неспособны выиграть большинство президентских избирательных кампаний. Это особенно примечательно, если учесть тот факт, что, за исключением двух коротких периодов, демократам удалось удерживать контроль над Конгрессом в своих руках с 1932 г. В других индустриально развитых странах подобные тенденции проявляются в

оттоке Избирателей, например, от социал-демократов к консервативным или альтернативным партиям и движениям и наоборот. По Данным ряда исследований, и здесь ослабевает приверженность Избирателей крупным традиционным партиям.
Сомнения в способности партий решать стоящие перед обществом проблемы порождает феномен так называемого негативного голосования, т.е. голосования не за того, кому надо оказать поддержку, а против того, кто отвергается. Так, по мнению многих наблюдателей, важную роль с точки зрения результатов президентских выборов в США в 1980 г. сыграл негативный фактор т.е. желание избавиться от Дж.Картера. Согласно опросу общественного мнения, проведенному службой Янкеловича незадолго до выборов, 43 % избирателей заявили, что, отдавая свои голоса за Рейгана, они фактически голосуют не за Рейгана, а против Картера. В 80-х годах этот феномен особенно отчетливо проявился в европейских странах, где правящие партии вынуждены были уступить место у власти оппозиционным партиям зачастую не в силу изменения партийно-политических предпочтений избирателей, а в результате негативного отношения к партиям стоящим у кормила власти.
Однако значение этих тенденций не следует преувеличивать. Анализ реальной ситуации показывает, что политические партии сохраняют важное значение в качестве главных инструментов реализации политических функций, особенно в качестве центрального элемента избирательного процесса. Хотя их власть и влияние уменьшились, преждевременно делать вывод о драматическом развале партий, поскольку отток избирателей можно оценить как наметившуюся тенденцию. Следует учесть, что во второй половине 70-х - начале 80-х годов в Греции, Испании и Португалии в процессе перехода от авторитарных режимов к буржуазно-парламентским режимам именно партии стали одними из наиболее активных институтов, способствовавших утверждению новых политических систем. В России же многие трудности пост тоталитарного периода порождены как раз отсутствием более или менее институционализированных дееспособных партий.

6.8. Избирательный процесс: механизмы и процедуры

С принципом представительства и идеей партии как законной оппозиции тесно связана идея выборности, призванной обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Роль выразителя народного суверенитета отводится лишь избирательному корпусу. Выборы по сути дела являются одним из ведущих институтов легитимизаци и существующей политической системы и политического режима. Поэтому в индустриально развитых странах большое внимание уделяется подготовке подрастающего поколения к участию в политическом и особенно в избирательном процессах. Большая роль в этом плане отводится системе образования, а также различным механизмам - от официальных национальных праздников до мероприятий патриотических и политических организаций. Избирательные кампании также обеспечивают возможности для пропаганды достоинств участия в голосовании. Мероприятия, проводящиеся с целью стимулирования участия в выборах, не только усиливают политический интерес, но и оказывают значительное влияние на установки граждан в отношении правительственного процесса. Акт участия в выборах уже сам по себе увеличивает веру граждан в законность и ответственность правительства.
Оценивая роль института всеобщих выборов, необходимо проводить различие между влиянием на состав конкретного избранного правительства и контролем над правительством как государственно-политическим институтом. Например, правила избрания членов парламента делают индивидуальных депутатов уязвимыми со стороны электората, в то же время изолируют парламент как институт от влияния изменений в поведении избирателей. Относительная легкость, с которой может быть заменено конкретное действующее правительство, снижает остроту возможных требований об изменении самого режима и его институтов. Благодаря этому институт всеобщих выборов является одним из важных элементов современной политической системы. Именно роль института выборов как инструмента легетимизации и стабилизации существующей системы и обусловила то, что в настоящее время в подавляющем большинстве стран действует всеобщее избирательное право. Но для его утверждения понадобилась длительная борьба демократических сил на протяжении более чем двух веков. В Нидерландах, например, в 1800 г. электорат включал всего 12 % взрослого населения, к 1890 г. этот показатель поднялся до 27 %, в 1900 г. - до 63 %. Здесь всеобщее право голоса было введено для мужчин в 1917 г., а для женщин - в 1919 г.
В США вплоть до окончания гражданской войны цветные американцы, за исключением незначительных групп негров в новоанглийских штатах, не участвовали в избирательном процессе. 1870 г., т.е. через семь лет после обнародования президентской прокламации об освобождении рабов в 1863 г., была принята XV поправка к Конституции, предоставляющая право голоса неграм. Однако после отзыва федеральных войск с юга в 1877 г. черные американцы практически были лишены возможности участвовать в голосовании. Лишь начиная с 20-х годов они стала добиваться некоторых успехов в расширении своего участия в g, борах. Важное значение имели законы 50-х - 70-х годов, снявшие ограничения на участие негров в избирательном процессе. В 1971 г. Конгресс США одобрил XXVI Поправку к Конституции о снижении возрастного ценза на участие в голосовании с 21 до 18 лет. Подобные законы в конце 60-х и 70-е годы были приняты также в большинстве других

индустриально развитых стран. Женщины получили право голоса в США в 1918 г. (но впервые приняли участие в голосовании на выборах 1920 г.), в Нидерландах - в 1919 г., во Франции - в 1944 г., в Италии - в 1945 г. в Греции - в 1956 г., в Швейцарии - лишь в 1971 г.

Центральная проблема, которой занимаются партии, - это *избирательный процесс.* Лишь выигрывая на выборах и завоевывая выборные должности, партия и ее руководство в состоянии утвердить свои позиции и добиться власти для достижения своих целей. Успех на выборах является непременным условием выживания партии, мерой ее эффективности и жизнеспособности. Поэтому естественно, что конкурентную политическую партию отличает от всех других форм политической организации то, что в центре ее внимания всегда стоит вопрос о выборах. Она не всегда может принимать решения тактического характера, а в самой тактике нередко возможны ошибки. Но в долговременной перспективе, если она стремится остаться дееспособным конкурентом, завоевание выборных постов должно быть ключевым фактором в партийных решениях.

В глазах избирателей положительную или отрицательную оценку деятельность партий опять же получает за итоги последних на выборах. В современных условиях для большинства населения основной, а зачастую и единственной формой участия в политике является участие в избирательном процессе. Всеобщие выборы позволяют выявить расстановку политических сил в стране в целом, в отдельной области, штате, земле, на муниципальном уровне, избирательном округе, а также определить степень доверия избирателей к той или иной партии, конкретным ее лидерам, кандидатам, программным установкам и т.д. Они позволяют избирателям делать продуманный, осознанный выбор в пользу той партии и программы, которые, на их взгляд, в наибольшей степени соответствуют их позициям и интересам.

Партия, претендующая на успех во время предвыборной кампании, должна убедить как можно более широкий круг избирателей в том, что именно она лучше всех других партий способна решить стоящие перед обществом проблемы, защищать интересы большинства населения. Успех на выборах обеспечивает приток финансовых средств в партийную кассу и фонд избирательной кампании. Это в свою очередь является необходимым условием эффективного функционирования и выживания партий.

Перечень разного рода должностей и постов, занимаемых с помощью выборов, довольно велик. Выборы как механизм замещения широкого круга должностей охватывают все уровни государственности от центрального до местного, от президента или главы правительства страны до руководителей местного управления. В США, например, один раз в четыре года проводятся общенациональные выборы, на которых избираются президент и вице-президент страны, члены палаты представителей и сената Конгресса США; выборы на штатном уровне для избрания губернаторов, членов законодательных собраний, генеральных прокуроров и других должностей; выборы местных властей. Часть должностей на всех уровнях, кроме президентского, заменяются на так называемых промежуточных выборах, которые проводятся через каждые два года.

В большинстве стран процесс и порядок проведения избирательных кампаний регламентируется установленными законодательными нормами. Например, отличающееся большой строгостью избирательное право Японии запрещает делать подарки избирателям, привлекать их обещанием продвижения по службе, обходить дома избирателей с целью предвыборной агитации и т.д. В ФРГ запрещено публиковать результаты опросов общественного мнения за две недели до выборов, а в Англии - в день выборов. Достаточно регламентировано использование средств массовой информации (СМИ), особенно телевидения и радио. Так, законодательно устанавливаются общий период времени, отводимого на СМИ для ведения избирательных кампаний, принципы его распределения между партиями и кандидатами, составляется расписание, в соответствии с которым, общее время разбивается по дням избирательной кампании.

В основе регламентации избирательных кампаний лежат три важнейших принципа. Во-первых, это прежде всего обеспечение Равенства возможностей для всех участвующих в выборах партий и кандидатов. Суть его состоит в том, что всем им предоставляется равный максимальный лимит расходов на проведение выборов. С одной стороны, ограничиваются суммы пожертвований частных лиц и организаций в фонды избирательных кампаний, а с другой стороны, во многих странах государство берет на себя Финансирование предвыборной кампании. В то же время всем партиям и кандидатам предоставляется равное время на радио и телевидении и т.д. Во-вторых, так называемый принцип лояльности, в соответствии с которым кандидаты обязаны вести себя лояльно по отношению к своим противникам, не допускать какие бы то ни было фальсификации, оскорбления противника и т.д. В-третьих, это нейтралитет государственного аппарата, его невмешательство в ход предвыборной борьбы и т.д.

Важное место в избирательной системе занимает институт регистрации, который регулируется соответствующими законами. Как правило, в списки избирателей заносятся все граждане, имеющие право голоса. В большинстве индустриально развитых стран списки избирателей составляются местными органами власти. Они автоматически обновляют регистрацию избирателей и, когда эти последние меняют место жительства, регистрация также автоматически следует за ними. По-иному обстоит дело в США, где действует процедура личной регистрации, при которой регистрация для

участия в выборах является сугубо личным делом самого голосующего. Она осуществляется специальными уполномоченными для этой цели чиновниками городских округов и графств, а также местными избирательными комиссиями и бюро.
Одна из главных целей института личной регистрации избирателей состоит в том, чтобы дать руководителям избирательных участков возможность установить личность голосующего, является ли он жителем данного избирательного округа и обладает ли правом голосовать на предстоящих выборах. В определенной степени этим объясняется введение ценза оседлости в качестве одного из условий допуска граждан к избирательным урнам. От лиц, желающих участвовать в голосовании, требуется предоставить удостоверение личности, места жительства и гражданства. Система личной регистрации предусматривает периодическое обновление избирательных списков, причем сами избиратели должны также периодически возобновлять свою регистрацию.
Чтобы добиваться права внесения в избирательные бюллетени, кандидаты должны соответствовать требованиям, предъявляемым законом к претендентам на ту или иную должность. Такие требования могут включать минимальный возрастной ценз, ценз оседлости, профессиональную пригодность для искомой должности и т.д. Например, согласно Конституции США, президентом страны может стать американский гражданин по рождению в возрасте не менее 35 лет и проживающий в пределах США не менее 14 лет. Претенденты в члены палаты представителей должны быть жителями штата, но необязательно конгрессистского дистрикта, от которого они избираются. В ряде штатов кандидатами на такие должности, как судьи, генеральные прокуроры, прокуроры могут быть только практикующие юристы с определенным стажем по данной профессии. Подобные требования могут предъявляться к претендентам и на другие выборные должности. Для участия в выборах установлен возрастной ценз. До конца 60-х годов нынешнего века во многих странах избирательное право предоставлялось с 21-23 лет. Но в ходе широких молодежных и студенческих движений конца 60-х - начала 70-х годов этот ценз во многих странах был снижен до 18 лет (в США - в 1971 г., ФРГ и Франции - в 1974 г., Италии - в 1975 г. и т.д.). Для кандидатов же, претендующих на выборные должности, в зависимости от властного уровня установлен более высокий возрастной ценз, скажем, 23-25 лет в нижнюю и 30-40 лет в верхнюю палату парламента.

6.9. Избирательная кампания

В зависимости от характера выборов (всеобщие, региональные, местные и т.д.) вся территория страны, области, провинции, района при проведении выборов разбивается на избирательные округа, от которых избирается соответствующее число депутатов. Размер округа зависит от уровня выборов. Если для проведения местных выборов создаются небольшие округа на базе городского района, поселка, деревни, то для проведения выборов областного, регионального или федерального уровней несколько таких округов объединяются в один большой. Как правило, избирательные округа создаются таким образом, чтобы каждый депутат (в зависимости от властного уровня) избирался от равного числа жителей или избирателей.
Под *избирательной кампанией* понимается установленный законом период, в течение которого политические партии, организации и государственные органы, ответственные за проведение выборов, осуществляют их организационную, пропагандистскую и идеологически-информационную подготовку в соответствии с установленными правилами. Под ней понимается также комплекс организационных, пропагандистских и иных мероприятий, проводимых отдельными партиями и кандидатами. В таких случаях говорят об избирательной кампании той или иной партии, того или иного кандидата и т.д.
Существует ряд различий в организации и проведении избирательных кампаний в разных странах. В зависимости от сложившихся в каждой стране традиций главой государства или правительства или парламентом назначается официальная дата ров. С этого дня начинается избирательная кампания. В ходе кампании каждая партия выдвигает своих кандидатов или список кандидатов, которые должны пройти регистрацию. Для проведения избирательной кампании создается специальный штаб, в который входят профессионалы: распорядитель, финансовый агент, пресс-секретарь, политический организатор, составитель ежедневных планов, технический секретарь, специальный помощник. Помимо них нанимаются консультанты со стороны: специалисты по опросам общественного мнения, генеральный консультант, консультант по средствам массовой информации, специалисты по сбору средств по почте.
После официального выдвижения кандидатов их имена вносятся в специальные избирательные бюллетени. В этом плане большое значение для развития избирательной системы имело введение в конце XIX в. так называемого австралийского бюллетеня, призванного обеспечить тайну голосования и уменьшить возможность фальсификации результатов выборов. До этого каждая партия отпечатывала собственные бюллетени, вносила в него лишь своих кандидатов на каждую должность и привлекала партийных функционеров к распространению этих бюллетеней на избирательных участках. Это, во-первых, затрудняло соблюдение тайны голосования, так как бюллетени партий различались по цвету и партийные функционеры могли легко определить, кто за кого голосует, и прибегнуть к запугиванию и подкупу избирателей. Во-вторых, поскольку в бюллетене были вписаны

имена кандидатов только одной партии, для избирателя было весьма трудно отдать свой голос за кандидатов разных партий на различные должности.
Введение официального "австралийского" бюллетеня внесло существенные изменения в процедуру голосования. Все бюллетени были одинаковыми и включали имена всех кандидатов на выборные должности. Это способствовало обеспечению тайны голосования и уменьшило возможности запугивания и подкупа *избирателей.* В то же время "австралийский" бюллетень позволял избирателям сделать выбор на основе индивидуальных, а не коллективных достоинств кандидатов, отдать свой голос тому или иному кандидату, не голосуя за остальных кандидатов той же партии. Поскольку все кандидаты на одну и ту же должность были вписаны в один бюллетень, избиратели больше не были вынуждены выбирать сугубо партийный список. Именно введение "австралийского" бюллетеня способствовало появлению феномена раздельного голосования в Америке, при котором избиратель мог голосовать за кандидата республиканской партии на пост президента и за кандидата демократов на пост члена палаты представителей или сената и наоборот.
В настоящее время в США бумажные бюллетени почти полностью вытеснили специальные избирательные машины, которые начали использовать в 90-х годах XIX в. На панели машины располагается список кандидатов, причем в том же порядке, что и в "австралийском" бюллетене. Машины устанавливаются в специальных зашторенных помещениях, что обеспечивает тайну. Избиратель, удостоверив свою личность, входит в это помещение и нажимает на соответствующий рычаг, указывающий на список кандидатов той или иной партии, либо на рычажки, указывающие на предпочитаемых им кандидатов. Избирательные машины значительно упрощают технику голосования, облегчают подсчет голосов и сокращают необходимое для этого время, так что в момент закрытия избирательных участков уже известны результаты голосования.
Существуют различные формы и пути выдвижения кандидатов. Например, в Великобритании любой претендент на выборную должность формально вправе участвовать в выборах в качестве кандидата. Для этого он должен предварительно подать в соответствующий орган от своего имени заявление, подписанное кроме него самого еще несколькими избирателями. Однако реально кандидаты почти исключительно выдвигаются партиями. Премьер-министр назначает дату выборов за два месяца до выборов. Как правило, руководители всех партий знают о дате выборов задолго до официального заявления премьер-министра и заранее готовятся к решающей пробе сил. Примерно такая же процедура существует в большинстве стран с парламентским режимом.
Несколько иная технология организации и проведения президентской избирательной кампании в США. Официально она начинается в феврале года выборов с праймериз в штате Нью-Гэмпшир. Избирательная кампания проходит в два этапа. На первом этапе (этапе первичных выборов) борьба разворачивается между претендентами на номинацию внутри партий. Первый этап завершается общенациональными съездами партий, которые, как правило, созываются в июле-августе года всеобщих выборов. В настоящее время съезды выдвигают и утверждают официальных кандидатов партий на посты президента и вице-президента страны, а также формулируют и принимают их предвыборные платформы. После съезда предвыборная кампания вступает в Новую фазу и завершается избранием президента, вице-президента и других выборных должностных лиц в первый понедельник, после первого вторника в ноябре.
Следует отметить также специфику процедуры избрания президента США, которая отличается от процедуры избрания высших должностных лиц в других странах. Здесь избиратели формально как бы прямо не участвуют в избрании претендента на пост президента. Дело в том, что партийные организации 50 штатов и федерального округа Колумбия удостоверяют имя кандидата соответствующего должностного лица вместе со списком так называемых выборщиков президента, которые в случае их избрания отдадут свои голоса кандидату партии. Институт коллегии выборщиков и двухэтапное голосование были установлены основателями США и явились результатом компромисса между сторонниками большей автономии штатов и теми, кто выступал за большую централизацию государства и всенародные прямые выборы. Избирательная система построена по принципу: один голос от одного избирателя, но на уровне штатов. Победу одерживает тот, кто получает наибольшее число голосов, но на уровне штатов. Тем самым учитывается федеральный принцип государственно-политического устройства. Раньше каждому выборщику предписывалось взвесить все за и против и проголосовать за тех кандидатов на пост президента и вице-президента, которых он считает наиболее подходящими. Конституция не обязывала выборщиков голосовать за конкретного кандидата. Но по мере развития партийной системы соображения квалификации были оттеснены на второй план партийной приверженностью выборщиков. Установилось правило, по которому избранные выборщики связывались обязательством голосовать за определенного кандидата. В конечном итоге они превратились в партийных агентов, которые должны были морально и политически поддерживать кандидата своей партии.
Как правило, в большинстве стран предвыборная агитация прекращается за сутки до открытия избирательных участков. Это делается для того, чтобы предоставить избирателям время и возможность самостоятельно обдумать и всесторонне взвесить свой выбор и принять окончательное решение, за кого и за что именно отдать голос.

Срок полномочий выборных должностных лиц ограничивается определенным, строго фиксированным в конституции периодом (обычно от двух до шести лет в зависимости от страны и должности). Считается, что определенный конституцией срок и порядок избрания должностных лиц достаточны, чтобы избранное лицо могло реализовать свою программу, обеспечить стабильность и преемственность политического руководства. В то же время этот срок не настолько велик, чтобы политик мог забыть о предстоящих выборах и не помнить о своей ответственности перед избирателями.

6.10. Основные типы избирательной системы

Результаты выборов, определяющие победителей и побежденных, во многом зависят от типа избирательной системы. Существуют два основных типа избирательной системы: мажоритарная и пропорциональная. При *мажоритарной системе* от каждого избирательного округа избирается один депутат. Победителем на выборах считается кандидат, набравший наибольшее число голосов. При такой системе, если по одному и тому же округу баллотируются не два, а несколько кандидатов, победу может одержать тот, кто набрал менее 50 % голосов. Показательно, что не раз консервативная партия Великобритании одерживала победу, получив лишь около 40 % голосов избирателей, поскольку остальной электорат делился между лейбористской партией и либерально-социал-демократическим альянсом. Почти во всех англоязычных странах в соответствии с господствующей там мажоритарной системой депутаты в законодательные собрания избираются по одному от округов. Чтобы одержать победу, партия в данном округе должна завоевать большинство голосов. Меньшинство оказывается не представленным в законодательном собрании.

При мажоритарной системе большинство, полученное победившей стороной, может быть двух видов - абсолютное и относительное. В первом случае победителем считается кандидат, завоевавший 50 % + 1 голос всех участвовавших в голосовании избирателей.

Если ни один из кандидатов не получает требуемое число голосов, назначается второй тур выборов, в котором принимают участие два кандидата, собравшие наибольшее число голосов в первом туре. Победителем во втором туре становится кандидат, набравший относительное большинство голосов. При мажоритарной системе победу одерживает кандидат, получавший больше голосов, чем любой другой кандидат. Мажоритарная система утвердилась в Англии, США, Франции, Японии.

Многие континентальные европейские страны практикуют *пропорциональную систему,* в соответствии с которой от каждого округа избирается несколько кандидатов, число которых распределяется пропорционально числу завоеванных партиями голосов. Здесь избирательные округа создаются достаточно крупными, чтобы включить, скажем, пять представителей и разделить их между партиями пропорционально завоеванным ими голосам. Если, например, одна партия собрала около 40 % всех голосов, она соответственно получит 40 % из пяти мест, т.е. два. Если три другие партии имеют от 16 до 24 % голосов каждая, то им предоставляется по одному месту. Однако если бы такой большой дистрикт был разделен на пять маленьких дистриктов, имеющих по одному месту, то все пять мест принадлежали бы партии, завоевавшей 40 % голосов всех избирателей (т.е. большинство), если бы ее сила распределялась примерно равномерно по всему большому дистрикту. Другими словами, пропорциональная система представительства предоставляет сравнительно мелким партиям места в законодательном собрании. Перспектива завоевания своей "доли" в структуре власти, хотя и малой, является стимулом для партии меньшинств и способствует сохранению многопартийной системы.

В Америке дело обстоит иначе. Там, если кандидат не завоевал большинства голосов, он не получает ничего. Американская система выборщиков построена так, что кандидат получает или все, или ничего. В каждом штате кандидат, собравший 51 % голосов избирателей, завоевывает все 100 % голосов выборщиков. При мажоритарной системе третьи партии для получения голосов выборщиков должны завоевать не просто определенное число голосов по всей стране, а географически сконцентрированную в каком-либо округе поддержку большинства избирателей. Это означает, что, если третья партия и одержит победу в каком-либо округе или даже штате, она все же остается местным явлением.

В ряде стран существует *смешанная мажоритарно- пропорциональная система.* Так, в ФРГ половина состава бундестага избирается по мажоритарной системе в один тур, а другая - по пропорциональной системе. В Австралии палата представителей формируется по мажоритарной системе абсолютного большинства, а сенат - по системе пропорционального представительства. При этом отмечено, что мажоритарная система в один тур способствует установлению двух партийности, пропорциональная система - многопартийности, а мажоритарная в два тура - объединению партий в коалиции.

6.11. О перспективах развития партийной системы в России

Россия переживает переходный период, главное содержание которого состоит в преобразовании тоталитарной политической системы со всеми институтами, структурами и отношениями в совершенно новую политическую систему - демократическую, квазидемократическую, авторитарную,

президентскую, парламентскую и т.д. Очевидно, что и партийная система, которая формируется на наших глазах, носит также переходный характер. В рассматриваемом здесь контексте проблема осложняется тем, что речь идет не просто о трансформации существовавшей многие десятилетия монопартийной системы в многопартийную. Дело в том, что в условиях советского строя коммунистическая партия ни в коем случае не была нормальной политической партией в общепринятом смысле слова. Она, в сущности, не просто слилась с государственными структурами, она полностью поглотила и государство, и общество; государственные структуры оказались лишь бледными отражениями партийных структур. В результате образовался своеобразный гибрид партия - государство. С крахом тоталитарной системы перед страной встала проблема создания новой государственности и соответствующей ей партийной системы.

Политические партии в истинном смысле этого слова возникают лишь тогда, когда общество достигает соответствующего уровня социально-политической дифференциации, когда социальные слои и группы более или менее четко осознают свои интересы. Для этого необходимы кристаллизация и институционализация интересов, заинтересованных групп, объединений, блоков и т.д. Однако наше общество, переживающее переходный период, лишено некоего скрепляющего его воедино стержня или организационного начала, оно находится в аморфном, предельно атомизированном состоянии. Сейчас преждевременно говорить о сколько-нибудь обозначившемся структурировании интересов различных общественных сил. О реальном представительстве социальных сил и интересов в политической системе можно говорить лишь тогда, когда, по крайней мере, вчерне оформятся и утвердятся более или менее прочные основания их жизнеустройства. Гарантом стабильности общества и политической системы является существование широкой институционализованной прослойки средних слоев или среднего класса, который в свою очередь служит социальной опорой умеренного центристского политического курса. Центризм в политике обеспечивает возможный в данных Конкретных условиях оптимальный баланс общественных интересов и проведение такого курса, который в идеале призван реализовать некую среднюю линию между экономической эффективностью и социальной справедливостью, экономической свободой и социальным равенством.

Что касается ситуации в нашей стране, то было бы напрасным трудом заниматься разграничением политических сил на правых, левых и центр-либералов, консерваторов и умеренных. Такое деление возможно лишь при сформировавшейся демократии и высокой культуре гражданственности в обществе. В настоящее время в стране по сути дела отсутствует единая система политической коммуникации, сам политический процесс протекает как бы при отсутствии интеграции и взаимопонимания между его участниками. Нет необходимого консенсуса относительно общих целей и средств их достижения, общепринятых правил политической игры и т.д. Ожесточенные политические дискуссии соответствующим образом не связаны с процессом принятия политических решений.

Таким образом, в России только начинает создаваться инфраструктура гражданского общества, которое одно и способно обеспечить условия для формирования и институционализации, реально заинтересованных групп и соответственно организаций, клубов, объединений, партий, способных представлять их интересы в структурах власти.

Весь мировой опыт показывает, что уровень развития демократии самым непосредственным образом зависит от того, насколько институционализировался политический плюрализм, который проявляется и выражается, прежде всего, в политических партиях. Но зрелость и жизнеспособность политического плюрализма, включая партийную систему, определяется тем, в какой степени в обществе сформировались, институционализировались и заявили о себе разнообразные центры и источники власти и влияния. С этой точки зрения огромное значение имеет соответствующая инфраструктура, призванная обеспечить условия для кристаллизации групповых интересов и оформления соответствующих негосударственных организаций, объединений, союзов.

Переход от тоталитаризма к демократии, развитие рыночных отношений, трансформируя социальную структуру общества, усиливая процессы социальной дифференциации, создают основу для воплощения в жизнь ценностей и принципов политического плюрализма. Это находит отражение в возникновении широкого спектра самых разнообразных новых общественно-политических движений, организаций и объединений. Этот процесс, особенно отчетливо наметившийся в 1989 г., постепенно стал набирать все более ускоряющиеся темпы. В 1990 г. был принят Закон СССР "Об общественных объединениях", в котором законодательно закреплены порядок образования, права и принципы деятельности общественных организаций и объединений. В марте 1991 г. началась регистрация партий, а к концу 1991 г. было зарегистрировано уже 26 партий и 16 общественно-политических движений.

К настоящему времени многие из них уже исчезли с политической арены, на смену им пришло множество новых партий, объединений, союзов. Им еще предстоит доказать свою легитимность, получив поддержку у избирателей, подтвердить, что они действительно являются реальными политическими партиями, за которыми стоят реальные социальные силы. Сейчас по сути деда невозможно определить, кого именно, какие слои, группы, категории населения эти партии

представляют. Для них характерны малочисленность, слабость организационной структуры, неопределенность и аморфность социальной базы, отсутствие сколько-нибудь внятно сформулированных позитивных программ и идейно-политических платформ. По этим показателям почти все они являются лишь прототипами партий, а не партиями в собственном смысле данного понятия.

Как показывает опыт перехода целой группы стран от тоталитаризма и авторитаризма сначала в ФРГ и Италии, а затем во второй половине 70-х - начале 80-х годов в Греции, Испании и Португалии, для формирования и институционализации полноценных и дееспособных политических партий требуется достаточно много времени. Так, в ФРГ в первые послевоенные годы, на местном, земельном и общенациональном уровнях возникли десятки политических партий, хотя оккупационные войска США, Великобритании и Франции препятствовали появлению мелких партий, оказывая содействие концентрации политических сил Западной Германии в немногих крупных партиях. Процесс формирования устойчивых, жизнеспособных крупных партий занял несколько лет. Мелкие партии в качестве самостоятельных, сколько-нибудь значимых политических сил отошли на задний план, а главными составляющими партийной системы ФРГ стали блок ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Италии. Что касается Греции и особенно Испании, Португалии, то первоначально в этих странах на политической авансцене также появилось множество партий (в одной Португалии их насчитывалось около ^00), и сохранившимся в настоящее время партиям, чтобы доказать свою жизнеспособность, пришлось множество раз выдержать Испытание выборами. Именно такой путь предстоит и России. Об вычленении и институционализации политических партий, представляющих реальные политические силы страны, можно, по-видимому, говорить после проведения всеобщих выборов как минимум два-три раза.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Назовите основные исторические этапы формирования политических партий.
2. Что понимается под политической партией?
3. В чем отличие партии от заинтересованных групп?
4. Назовите основные функции партии.
5. В чем состоит отличие между правящими и оппозиционными партиями?
6. Каково основное предназначение института представительства?
7. Перечислите и охарактеризуйте основные типы партийной системы.
8. В чем состоят роль и функции избирательной системы?
9. Какие существуют типы избирательной системы?
10. Перечислите основные механизмы и процедуры избирательного процесса.
11. Каковы перспективы формирования политических партий в России?

Глава 7 Проблема экспансии демократии

Середина 70-х годов ознаменовалась началом революционного движения в странах южной Европы - Греции, Испании и Португалии. Народы этих стран вступили в борьбу за демократию против господствующих там диктаторских режимов. Началась своего рода демократическая волна, которая охватила многие страны по всей планете. В период с конца 80-х годов до начала 90-х годов, совпавший с окончанием холодной войны, продолжилась экспансия демократической политической системы, демократических институтов, ценностей, установок и норм. Впечатляющих успехов в борьбе за демократию добились страны Латинской Америки. Поистине гигантский прорыв в этом направлении был сделан после распада СССР и советского блока. Произошла серия антитоталитарных революций в странах Восточной Европы и республиках Советского Союза. Обращение бывших коммунистических стран к Западу убедило многих в том, что расширение и консолидация демократий стали господствующей и долговременной тенденцией мирового развития.

7.1. Что понимается под экспансией демократии?

Для обозначения вновь появившихся режимов был введен специальный термин "новые демократии". Борьба за установление Демократических режимов охватила как будто весь земной шар, включая и черную Африку. На этом континенте буквально за несколько лет после 1989 г. господствовавшие там авторитарные или однопартийные режимы вступили в полосу глубокого кризиса, и, казалось, демократия добилась заметных успехов. В течение 1991-1992 гг. во многих африканских странах (Бенине, Буркина Фасо, Камеруне, Капо Верде, Конго, Кот-д'Ивуаре, Джибути, Мадагаскаре, Мавритании, Намибии, Нигере, Замбии, Гамбии, Гвинее, Кении, Сенегале) были проведены выборы на многопартийной основе. Правда, надо признать, что в некоторых из этих стран, например в Мадагаскаре, Анголе и Кении, законность и Честность выборов были поставлены под сомнение, а в ряде других стран господствовавшие ранее партии сумели сохранить за со бой контроль.

На Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Пакистане и Бангладеш на смену авторитарным режимам пришли демократически избранные правительства. Аналогичные сдвиги произошли g арабских странах - Йемене, Иордании, а также в Албании Монголии, Непале.

Подытоживая эти факты, организация "Фридом Хауз", которая публикует результаты ежегодного анализа состояния свободы в мире, зафиксировала, что если в 1972 г. в мире насчитывалось 42 свободные страны, то в 1991 г. их число возросло до 75.
В 1989 г. появилась нашумевшая в тот момент статья Ф.Фукуямы "Конец истории", в которой провозглашались окончательная победа западной либеральной демократии во всемирном масштабе и соответственно "конец истории". Так ли это?
Поиск ответа на этот вопрос поднимает массу кардинальных проблем современного мирового развития, каждая из которых требует самостоятельного исследования. Здесь дается лишь самое общее представление о тенденциях, процессах и перспективах распространения и утверждения демократических институтов в новых странах и регионах современного мира. Речь идет прежде всего о том, сводятся ли процессы, происходящие в экономических, социальных, политических и иных структурах этих регионов и стран, к вестернизации или механическому перенесению сюда западных институтов, ценностей и идеалов? Являются ли эти процессы показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой и соответственно показателем "конца истории"? Или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного "изма" над другим?

7.2. Соотношение рыночной экономики и демократии

В этом аспекте вновь возникает вопрос о совместимости западных и восточных культур и традиций, их способности идти навстречу друг другу и дополнять одна другую. При любом угле зрения в фокусе внимания оказывается вопрос о совместимости принципов либерализма, демократии и рыночных отношений с основополагающими ценностями, нормами и установками восточных народов и культур
Рассмотрим сначала проблему взаимосвязи между демократией я свободным рынком, капитализмом и демократической системой правления. Как указывалось выше, базовым постулатом либерализма стала идея о прирожденных, неотчуждаемых правах каждого человека на жизнь, свободу и собственность. Неразрывная взаимосвязь этой триады выражается в убеждении, что частная собственность - это основа индивидуальной свободы, которая в свою очередь является необходимым условием самореализации отдельного индивида, выполнения им главного предназначения его жизни. Между этим постулатом, который в сфере экономики воплощается в принципах свободного рынка, и теорией политической демократии действительно существует имманентная взаимосвязь. Особую актуальность данной проблеме в наших глазах придает то, что одним из существенных факторов, препятствующих демократическому переустройству политической системы России, является отсутствие инфраструктуры рыночной экономики.
Поэтому неудивительно, что, рассматривая рыночную экономику как необходимое условие утверждения и институционализации демократии, у нас зачастую проводится не без определенных оснований прямая аналогия между ними. И действительно, демократическое государство является гарантом существования и эффективного функционирования рыночных отношений и свободной конкуренции, самого капитализма как социально-экономической системы. Освобождая людей от внеэкономических форм принуждения, ликвидируя всякого рода сословные и номенклатурные привилегии в данной сфере, демократия создает наилучшие условия для реализации экономической свободы индивидуального члена общества. Заключая рынок в рамки закона и порядка, делая его объектом правового регулирования, демократия призвана обеспечить легитимность свободнорыночных отношений. В этом смысле свобода есть функция нормально работающих институтов собственности и законности.
Вопрос о соотношении частной собственности, свободы экономической и личной свободы, составляющий квинтэссенцию идеи Демократии, требует самостоятельного исследования. Здесь вкратце затронем лишь ряд вопросов, имеющих самую тесную связь с рассматриваемой проблемой.
Во второй половине 50-х - в 60-х годах ряд исследователей На основе сравнительного изучения процессов социально-политического развития в разных странах пришли к выводу, что уровень индустриализации и модернизации, совокупного общественного продукта на душу населения, грамотности населения и т.д. неразрывно связан с политической демократизацией. Суть этого тезиса предельно четко сформулировал С.М.Липсет [135,с.31]. "Чем больше нация преуспевает экономически, тем больше шансов для того, чтобы эта нация стала демократической". По его утверждению, для того чтобы процесс демократизации стал необратимым и жизнеспособным, необходимы десятилетия непрерывного экономического роста. Дееспособная и эффективно функционирующая демократия в свою очередь закладывает основу для утверждения законности и прочности власти, включая демократические правила политической игры. Действительно, к началу 70-х годов наблюдалась четкая корреляция между уровнем экономического развития и типом политической системы. Экономический рост, увеличение совокупного национального дохода на душу населения способствуют расширению круга состоятельных лиц и особенно среднего класса, росту образовательного уровня, появлению новых центров власти и влияния, расширению возможностей для экономического выбора, возникновению более слозк-ных взаимоотношений между гражданами страны и т.д. Показательно, что в эти годы Испания являлась единственной страной из 19

индустриально развитых стран с рыночной экономикой, в которой господствовал авторитарный режим.
В 60-х - 70-х годах некоторые страны Латинской Америки и Восточной Азии с авторитарными режимами добились внушительных успехов в сфере экономики, но не претерпели каких-либо заметных сдвигов в сторону политической демократии. Более того, имело место возрождение авторитаризма в ряде стран третьего мира, особенно в Латинской Америке. Это, естественно, поколебало тезис С.Липсета. Стали говорить о том, что экономический рост и более справедливое распределение благ следует рассматривать не как предпосылку, а наоборот, как результат демократических преобразований в политической сфере. Некоторые авторы отстаивали мнение, что экономический рост лучше обеспечивается авторитарной властью, чем демократической.
Но положение дел в этом плане заметно изменилось с середины 70-х годов, когда, как говорилось выше, обозначился сдвиг в сторону демократизации группы стран в различных регионах земного шара. Анализ опыта этих стран убедительно показывает, что в основном, за исключением богатых ресурсами нефтедобывающих стран, более или менее жизнеспособные демократические режимы утвердились именно в наиболее социально-экономически благополучных странах.
При всех возможных здесь оговорках эффективно функционирующая демократия так или иначе связана с более или высоким уровнем экономического развития, определяющим такие важные параметры жизненных стандартов, как уровень урбанизации, потребление энергии, процент внутреннего национального продукта, идущий на здравоохранение, образование и науку» отсутствие резких социальных контрастов и т.д. Все это зависит от степени развития рыночных отношений. При этом необходимо учесть, что взятые сами по себе свободнорыночные отношения при определенных условиях могут создать препятствия для эффективной реализации принципов плюралистической демократии, привести к подрыву или по крайней мере к ослаблению демократических норм и правил игры.
Об этом не следовало бы забывать нашим политикам и представителям гуманитарных и социальных наук, особенно тем, которые полагают, что установление рыночных отношений автоматически приведет к утверждению демократических принципов в политической сфере. Весь мировой опыт XX столетия убедительно свидетельствует, что нередко капитализм, возможно и деформированный, вполне совмещался с подлинно тиранническими формами правления. Не секрет, что при нацистском режиме в Германии, фашистском в Италии, франкистском в Испании и т.д. диктаторские политические машины были созданы на капиталистической инфраструктуре, хотя она и была подчинена всемогущему государству.
Наиболее свежий пример такой амальгамы дает пиночетовский режим в Чили. Как известно, в сентябре 1973 г. генерал А.Пиночет пришел к власти на штыках мятежной армии, которая была недовольна социальными преобразованиями социалиста С.Альенде, шедшими в определенной степени вразрез с интересами деловых кругов страны. Пиночет и возглавляемая им военная хунта в полном объеме (насколько это было возможно в чилийских условиях) восстановили эти привилегии. Более того, они привлекли в качестве архитектора экономики страны одного из решительных сторонников рыночных отношений и жестких форм монетаризма М.Фридмена. Пиночетовский режим наиболее наглядно показал, что капитализм и рыночные отношения необходимые, но недостаточные условия для утверждения политической демократии. А мало ли было и до сих пор существуют режимов, в которых авторитаризм в политике органически сочетается с рыночной экономикой?
Признание неудачи командно-административной экономики и предпочтение рынку и демократии не должны привести к забвению того, что значение этих категорий варьируется от страны к стране. Неудача реформ Горбачева и одновременный успех экономических преобразований в ряде азиатских стран, но в Китае, воочию свидетельствуют о необоснованности согласно которому утверждение рыночной экономики предполагает в качестве своего предварительного условия утверждение демократии. На первый взгляд парадокс состоит в том, что в последние годы наиболее успешным переход к рыночной экономике был при авторитарных режимах. Можно со всей ответственностью утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима со всеми политическими режимами.
Иначе говоря, ставя понятия "рынок" и "демократия" рядом забывают о том, что рынок и демократия не обязательно идут рука об руку. Либерализм, в том числе и современный экономический либерализм, самым тесным образом связан с демократией. Но все же демократия не сводится к либерализму. Более того, интегрировав в себя важнейшие демократические принципы, либерализм за прошедшее столетие неузнаваемо трансформировался. Если либерализм, взятый сам по себе, базируется на идеях приоритета и самоценности отдельно взятой личности, ее основополагающих правах и свободах, то демократия предполагает суверенитет или верховенство народа, политическое равенство всех граждан, приоритет воли большинства и т.д. С определенной долей упрощения можно сказать, что либерализм отдает предпочтение свободе перед равенством, а демократия - равенству перед свободой.
В последние десятилетия XIX-XX вв. произошло органическое слияние этих двух начал - либерализм, равно как и другие течения общественно-политической мысли, интегрировал в себя идеи, принципы и ценности демократии. Изначально присущий ему индивидуализм был в значительной степени

модифицирован и уравновешен признанием значимости коллективного начала и позитивной роли государства в жизни общества. В противовес концепции государства - "ночного сторожа" была выдвинута концепция государства благосостояния, которая проповедовала идею о необходимости и возможности преодоления социальных конфликтов посредством обеспечения с помощью государственного вмешательства сносных условий жизни для всех слоев населения (реализацией программ социальной помощи низкодоходным и неимущим слоям населения, принятием мер, направленных на решение проблем безработицы, и т.д.).

Другими словами, в современных условиях либерализм в значительной мере пронизан социальным началом и его ни в коем случае нельзя отождествлять ни с классическим либерализмом» ни с сегодняшним экономическим либерализмом чикагской школы. Тем более нельзя отождествлять с последними демократию. То что же понимается под демократией?

7.3. Демократия как народовластие

Необходимо иметь в виду следующий весьма важный, но не всегда учитываемый момент. Как известно, термин "демократия" дословном переводе с древнегреческого языка означает "народовластие" или "власть народа". В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. При этом разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы народовластия. Имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и на современном Западе. Почему мы должны исключать разное ее понимание в разных культурах и у разных народов в наши дни?

Чтобы положительно ответить на данный вопрос, достаточно взглянуть на политическую карту Западной Европы и Северной Америки, где базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Почему подобным же образом нельзя допустить, что народовластие в странах других регионов, в том числе и России, может иметь несколько иные содержание, параметры и конфигурацию, чем, скажем, у американцев, французов, англичан и др.?

Демократия продемонстрировала способность приспосабливаться к самым различным национально-культурным условиям. Но при этом нужно подчеркнуть, что привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не может сводиться к механической трансплантации готовых норм, принципов и институтов западной демократии. Существуют нормы, Ценности и институты, которые в силу своей исторической и политико-культурной специфики не могут быть воспроизведены в чистом виде вне их первоначального контекста. В массиве национального сознания существуют базисные, врожденные элементы, которые определяют сам дух, менталитет, характер данного народа и не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа, степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации, а это достигается в результате длительного исторического опыта.

В данной связи необходимо учесть, что формирование и институционализация рыночной экономики и особенно политической демократии на Западе заняли несколько веков. Основными поворотными пунктами этого длительного процесса стали Англии екая буржуазная революция середины XVII в. и так называема» Славная революция 1688 г. Война за независимость США 1776-1783 гг., Великая французская революция конца XVIII в серия буржуазных революций середины XIX в. и т.д. Если в США республиканский строй с либерально-демократическими институтами установился в конце XVIII в., то во Франции он окончательно установился только в конце XIX в. Что касается Италии и Германии, то здесь демократия окончательно утвердилась только после второй мировой войны, а в трех южноевропейских странах - Греции, Португалии и Испании - лишь с середины 70-х годов. В Восточной Европе дорогу демократизации открыли антитоталитарные революции конца 80-х годов и развал Советского Союза в 1991 г.

Демократия может утвердиться и институционализироваться на конкретной национальной почве лишь в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы станут поведенческими установками большинства населения. Но чтобы стать действительным демократом, человек должен родиться, вырасти, социализироваться в соответствующей социокультурной среде. Природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традициями, с чем-то таким, что вызывает в нем гордость за собственные язык и символику и т.д. Западные образцы государственности базируются на гражданском обществе, в основе которого лежит принцип приватности и раздельности между разнообразными, зачастую конфликтующими частными интересами. Идея демократии в ее евроцентристском понимании зиждется на постулате, согласно которому индивид важнее группы. Здесь более актуален вопрос об индивидуальных правах и свободах. Иное дело на Востоке. " большинстве восточных стран приоритет отдается групповым

правам и интересам. Но правомерно ли на этом основании утверждать, что демократический путь развития противопоказан этим странам?
Правильный ответ на данный вопрос предполагает поиски ответов на ряд других вопросов. Прежде всего важно определить, что мы конкретно понимаем под демократией и совместима ли она с коллективистским, солидаристским, групповым и иным началами, ассоциируемыми с Востоком, а с определенными оговорками и с Россией.

7.4. Совместима ли демократия с незападными культурами?

Здесь прежде всего следует подчеркнуть, что в принципе некорректно рассматривать восточные культуры как коллективистские, а западные - как индивидуалистические, при этом ассоциируя первые исключительно с пассивностью и застоем, а вторые - преимущественно со способностью к развитию. Однако, как представляется, коллективистское и индивидуалистическое начала, взятые сами по себе, присутствуют во всех культурах, как в восточных, так и западных, но выражаются и проявляются они с разной интенсивностью. В этом смысле можно говорить лишь о преобладании (а не о полной монополии или об отсутствии) в том или ином регионе или стране того или иного начала.
Но дело не только в этом. Если вникнуть в сущность ценностей, норм и установок демократии, то обнаружится, что в них отсутствует какое бы то ни было противопоставление коллективизма индивидуализму, солидаризма эгоизму, государственного вмешательства рыночному началу. В этом контексте интерес для нас представляет опыт Японии и некоторых других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.
По сей день не затихают дискуссии относительно того, насколько укоренилась демократия в Японии и можно ли назвать инсти-туционализировавшуюся там политическую систему демократией в общепринятом смысле слова. Это во многом объясняется характерным для японской демократии национальным колоритом, который действительно отличает ее от западных моделей демократии. Констатируя ее историческое своеобразие, специалисты говорят о существовании демократии японского типа, которая представляет собой некий гибрид, возможно, превосходящий оригинал, т.е. западную модель, по своей жизнестойкости и продуктивности.
В поисках причин, способствовавших бурному развитию японской экономики, многие исследователи обнаружили сходство отдельных базовых элементов японской культуры с западной культурой. Начало такому подходу, собственно говоря, положил японский ученый К. Наито в 1941 г., который аналогично М. Веберу, проанализировавшему роль протестантизма в формировании капиталистического духа, пытался выявить роль этики буддистской секты "Дзедо Синсэй" в модернизации Японии. Эту линию продолжили западные исследователи, в частности известны" американский социолог Р. Белла в книге "Религия Токугава". Как считал американский японовед М. Дзе [129, с. 3],
...японское трудолюбие, бережливость и дисциплина, близкие протестантской этике, имели глубокие корни в японских обычаях и идеях, не обязательно связанных с каким-то особым религиозным опытом. Фактически вполне возможно, что экономическое развитие индустриализация Японии произошли бы независимо от традиционных японских ценностей.
В учении буддийской секты "Дзедо Синсэй" можно найти ряд наставлений вроде: "Бодрствуй и не уклоняйся от усердного труда утром и вечером", "Будь умерен в бесцельной роскоши", "Работай усердно дома", "Не играй в азартные игры" и др., которые весьма напоминают наставления Б.Франклина в его знаменитом "Альманахе Бедного Ричарда". Вместе с тем во всех восточных религиях можно встретить доводы в пользу таких добродетелей, как трудолюбие, бережливость, прилежание, умеренность, преданность и т. д. Х.Накамура даже нашел соответствие западным, особенно протестантским идеям индустриализма, модернизма, трудовой этики, призвания и т.д. *в* учении дзэнского монаха С.Судзуки (1576-1655), который, в частности, считал, что всякое дело является испытанием веры и все профессии - проявление Божественного Абсолюта. По его мнению, наилучший путь буддийской религиозной практики - это преданность земным делам человека, его трудовому призванию (совсем как у М.Лютера).
Интересны с этой точки зрения взгляды создателей китайской версии социал-реформистской концепции государственного социализма в начале нынешнего столетия Чжан Цзюньмая и Чжан Джунсуня, которые, как отмечал В.Г.Буров, руководствовались идеей "синтеза западной (буржуазной) философии и китайской традиционной идеологии, главным образом конфуцианства". Разрабатывая свою концепцию личности под влиянием западных идей, Чжан Джунсунь тем не менее утверждал, что такие элементы китайской традиции, как признание важности индивида и уважение к человеческому достоинству при соответствующем развитии могут сблизиться с западными концепциями личности. А аналогии западной концепции свободы он находил в китайской идее "самоудовлетворения" (изыдэ), достигаемого, когда "каждый следует своей природе" и в гармонии с разумом" [9, с. 40] было бы непростительным и недопустимым упрощением свести факты модернизации Японии, равно как и других стран Азиатско - Тихоокеанского региона, к тем элементам их социокультурной матрицы, которые имеют свои аналоги в культуре и менталитете Запада. В действительности при близком рассмотрении «частую подобные рассуждения оказываются лишь поверхностными, не

затрагивающими сущностные характеристики системо-образующих компонентов менталитета народов этих стран. Уже сами приведенные выше характеристики свидетельствуют о том, что в базовой ткани общества и менталитета народов этих стран присутствуют те элементы, которые при соответствующих условиях готовы к восприятию и воспроизводству ценностей и отношений рынка и политической демократии. Как будет показано ниже, этим ценностям и отношениям отнюдь не противоречат и те базовые компоненты менталитета и традиций, которые принято считать чисто восточными.

Остановимся на некоторых из них. Как показывают многие исследования, в отличие от иудео-христианской и исламской традиций, которые основываются на вере в единого трансцендентного бога, ценностные системы в японской и китайской традициях характеризуются преимущественной ориентацией на посюсторонние проблемы. К тому же как конфуцианству, так и буддизму чужд монотеизм, что делало их в сущности открытыми вероисповедальными системами, хотя буддизму не чужда вера в трансцендентную божественность.

Большой интерес представляют данные исследования японского политолога Т.Ишиды. По его мнению, особенность японской традиции в ипостасях (японизированного буддизма или синтоизма) состоит в том, что вера в бессмертие государства породила у японцев самоотверженную преданность государству, доходящую До его обожествления. Преданность роду или семейной чести (ie), почитание предков породили идею, согласно которой отдельный индивид не должен быть озабочен проблемой своего благосостояния сейчас, а обязан верить в бессмертие ie и добровольно жертвовать собой за его честь. Даже культ императора, Вера в его божественность вытекали из убеждения, что он символизировал бессмертие государства.

В свете этого определенный интерес представляет отличие японской традиции от китайской, для которой присуща вера в некие универсалистские идеи вроде идеи t'ien (небо). В глазах китайцев изменение "мандата неба" означало потерю правительством легитимности, и это служило оправданием его смены или революции. Показательно, что китайское выражение, означающее революцию, звучит буквально так: ”изменение мандата неба”. Эта идея использовалась для оправдания смены династии post factum [128, с. 31-37]. В Японии данная идея не прижилась, поскольку здесь императорская власть не имела иного источника легитимности, кроме как убеждения в том, что она существовала с начала времен. С этой точки зрения китайская традиционная ценностная система является более универсалистской, а японская - более партикуляристской, хотя обе они принадлежат к одной и той же системе ценностных ориентации.

Обращает на себя внимание тот факт, что японцы всегда про. являли большую готовность принять иноземные элементы, если они были полезны для развития страны или усиления позиций правящего класса. Как писал Т.Ишида, уже в *VI* в. Япония заимствовала иноземные элементы из китайской, индийской (буддизм через Китай и Корею) и других культур. По мнению специалистов, превращение иностранных заимствований в нечто по сути японское уже само по себе является японской традицией. В силу этой традиции различные европейские "измы" были органически интегрированы в структуру японского менталитета. Это, по-видимому, облегчалось прежде всего отмеченным выше отсутствием здесь трансцендентализма и монотеизма, что служило фактором, в определенной степени амортизирующим возможный конфликт с автохтонной японской культурой. Христианство с его единобожием создало определенные проблемы. Показательно, что даже в наше время численность христиан в Японии составляет лишь 1 % всех верующих.

Однако следует отметить и то, что первоначально при переводе на японский язык трудов западных авторов (Дж.С.Милля, Ж.-Ж. Руссо, Ш. -Л. Монтескье и др.) переводчики Страны Восходящего Солнца столкнулись с большими, зачастую почти непреодолимыми трудностями, особенно при переводе таких терминов, как "личная свобода", "личные права", "либерализм" и др. Среди всех "измов" в Японии либерализм первым получил значительную популярность, особенно среди представителей движения за свободу и права народа в конце 70-х - начале 80-х годов XIX в>

Однако уже сам перевод термина "либерализм" оказался сопряжен с большими трудностями. Китайский термин “tzuyu”(японское произношение "jiyu"), как правило, используемый для перевода слова "свобода", с древних времен означает эгоистический", "корыстный" и в целом имеет отрицательный оттенок. Это, естественно, создавало проблему. В 1869 г., Когда Ю. Фукудзава написал свою работу "Ситуация на Западе", которая включала в себя "Декларацию независимости", он просил читателя не интерпретировать термин "jiyu" как "эгоизм". Он объяснял, что использует данный термин из-за отсутствия соответствующего, японского термина, который бы аутентично передавал содержание английского слова "freedom" или "liberty". В Китае, чтобы избежать такого непонимания, предпринимались попытки заменить "tzuyu" другими терминами. При всем том в обеих странах термин "tzuyu/jiyu" стал популярным при защите и поощрении политических достижений против автократического правления [128, с. 70-71].

В культурной матрице многих восточных народов имеется несколько начал, вступающих в диалог друг с другом. Характерно, что, например, в Китае один из минских императоров издал специальный эдикт, согласно которому Конфуций, Лаоцзы и Будда объявлялись покровителями Поднебесной. Показательно также то, что в Индии и Китае не было религиозных войн, подобных тем, которые

время от времени возникали в Европе. Поэтому невозможно себе представить китайский, индийский или японский аналоги инквизиции.
Что касается Японии, то для нее характерна особая форма культурного плюрализма, отличная от западных форм. Как писал профессор Осакского университета Я. Масакадзу [136, с. 38-46],
...западный плюрализм с его полной интеграцией различных влившихся в него элементов можно сравнивать с легированием металлов или с химическим соединением. В отличие от этого в Японии, элементы хотя и вступали в тесную связь друг с другом, но сохраняли все же свою самобытность, как это имеет место в ткани из смешанной пряжи.
В западном культурном плюрализме гомогенные единицы или группы базируются на едином основании, например на христианстве (хотя в последнем и выделяются различные направления). В Японии, напротив, обнаруживается плюрализм гетерогенных единиц или групп, воззрения которых базируются на различных основаниях. Наряду с буддизмом и синтоизмом здесь определенную роль играет христианство, причем их сосуществование не приводило к каким-либо формам противостояния. Сущность японского плюрализма выражается в сочетании сосуществовании различных вкусов, форм ментальности, обычаев, стилей жизни в одной и той же личности. Показательно, например, то, что многие японцы выполняют обряды, связанные с рождением ребенка или бракосочетанием, по синтоистскому ритуалу, хоронят покойников согласно буддийским обрядам,в их повседневной жизни преобладает конфуцианская мораль, в то время как во многих японских семьях пустила корни христианская этика.
Имеет место приверженность одних и тех же лиц двум или более религиозным верованиям. Здесь нередки семьи, в которых есть одновременно синтоистский, буддийский и даосский алтари. Японские религиозные организации носят всеохватывающий характер и допускают наличие разнородных членов. Как правило,
у японцев синто выполняет роль интегрирующего общество начала, конфуцианство определяет житейскую мораль, а роль связующего с потусторонним миром начала играет буддизм.
В целом в японский вариант человеческого фактора экономического развития вошли такие компоненты нравственного кредо конфуцианства, как человеколюбие (жэнь), чувство долга (и), уважение к старшим (сяо), преданность (чжун), соблюдение норм общественных, внутрисемейных и групповых отношений. Христоматийной истиной стало признание большинством специалистов в качестве важной особенности японской политической культуры приверженности японцев групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям.
В Японии синкретическое соединение морально-этического учения Конфуция и важнейших элементов синтоизма и буддизма составляет основу того феномена, который принято называть японским духом. По мнению некоторых исследователей, приверженность этим принципам позволила превратить "каждого японского работника в "самурая XX в.", действующего точно и энергично в соответствии с поставленной целью. Именно этот принцип стал одним из факторов экономического взлета Японии. Синтез японского духа с западным техническим гением по формуле японский дух - западная техника вылился в "японское чудо", выдвинувшее Страну Восходящего Солнца на первые роли в мировой экономике. Симптоматично, что, учитывая эти и множество других особенностей, ряд авторов называет японскую экономическую систему некапиталистической рыночной экономикой.
В японской политике на общенациональном уровне сильны процедуры и механизмы согласования интересов и принятия решений, которые весьма напоминают корпоративистские. Это способствует усилению позиций тех сил, которые способны действовать скрыто, обходя выборные органы и представителей, используя неофициальные закулисные обсуждения и согласования» в свою очередь придает японской демократии определенны параметры корпоративной демократии. Более того, некоторые исследователи не без основания говорят о существовании некоей “Джапан инкорпорейтед”, основанной на необычайной для западных стран системе тесных связей между корпорациями и государственной бюрократией.
Как показывают многочисленные исследования, подобного национально-культурные особенности, послужившие в качестве несущих опор модернизации, характерны и для других стран и народов Востока (как Азиатско-Тихоокеанского, так и других, регионов). Так, по существующим данным, корейцам неестественно мыслить себя вне тех социальных коллективов, к которым они принадлежат. Как правило, они соотносят свое поведение с интересами и целями "своего" коллектива. Например, семья в которой отношения более или менее жестко регулируются нормами конфуцианской этики, представляет собой важнейшую доминанту, определяющую поведение корейца в важнейших сферах жизни. Наряду с семьей в качестве регулятора поведения корейца большую роль играют землячества, родственные, клановые, школьные, институтские и иные связи.
Очевидно, что важной особенностью политической культуры этих стран является приверженность групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В отличие от западной модели демократии с ее ударением на защите индивидуума от давления общества и государства, японская модель делает акцент "на самоограничении личности", стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных интересов.

Эти характеристики имеют мало общего с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентациями, которые, как правило, ассоциируются с западной демократией. В целом в Японии и некоторых других странах Азиатско-Тихоокеанского региона достигнут своеобразный синтез традиции и современности. Модернизация осуществлена при сохранении важнейших традиционных начал в социокультурной и политико-культурной сферах. Здесь, в частности, сохраняется важное значение таких ценностей, как иерархия, долг, обязанность, консенсус, приверженность группе, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность принципам корпоративизма, коммунитаризма в отношениях между фирмой и наемными работниками. При решении конфликтов часто используются неформальные механизмы принятия решений в духе патернализма, сохраняются половозрастная дифференциация и неравенство в социальной и профессиональной иерархиях. Подобных особенностей можно привести еще множество.

Сказанное позволяет сделать вывод о неправомерности отождествления демократии преимущественно или даже исключительно с индивидуальной свободой. Тем более неправомерно построенные на этом постулате позиции тех авторов, которые по сути дела говорят о вестернизации восточных обществ путем механической трансплантации западных ценностей, норм, установок, прежде всего индивидуализма, рационализма и свободной конкуренции.

В данной связи интерес представляет следующий факт, в 60-х годах был популярен тезис, согласно которому конфуцианская этика была объявлена главной помехой модернизации и экономического развития стран Восточной Азии. В 80-х годах именно ее стали рассматривать в качестве чуть ли не главного фактора бурного экономического взлета так называемых новых индустриальных стран этого региона. Точно так же в наши дни стереотипным остается утверждение, что исламская культурная традиция составляет главное препятствие на пути установления демократических режимов в мусульманских странах. И это несмотря на позитивный пример Турции, Египта, Марокко, Малайзии. Здесь нельзя не отметить тот факт, что в исламе наряду со страхом перед фитной - подрывом единства и подчеркиванием роли уммы - общины важное место занимает постулат о бидаате - обновлении. Но в каком смысле трактовать это "обновление" - дело самого трактующего.

Культуры и цивилизации, продемонстрировавшие свою пригодность к истории, в самих себе черпают жизненные силы; в борьбе за самоидентичность и выживание любая культура или цивилизация конкурирует с другими, как с параллельными, так и с теми, которым они приходят на смену. Внутри нее также происходит острая конкуренция между различными компонентами, ценностями, нормами и т.д.

Необходимо, чтобы в самой базовой ткани общества и его менталитета присутствовали те элементы, которые готовы к восприятию и воспроизводству ценностей, норм, установок демократии и рынка. Как показал опыт Японии и новых индустриальных стран, такие ценности, нормы и установки не обязательно предполагают идеи и принципы индивидуализма и личной свободы в сугубо западном их понимании. Модернизация в этих странах начиналась и осуществлялась не в условиях минимизации роли государства, как это было (во всяком случае в теории) на Западе, а в условиях авторитарного режима или сохранения его элементов. Обнаружилось, что в ряде случаев не слабое государство (или государство - "ночной сторож"), а именно, сильное централизованое государство является важнейшим эффективным фактором
экономической модернизации. Государство действовало в качестве катализатора и направляющей силы необратимых процессов утверждения рыночных ценностей и отношений в экономике.

С точки зрения экономической эффективности преимущества рынка и экономического либерализма общепризнаны. Но сами по себе они не могут решить конкретные специфические социальные, демографические, экономические и иные проблемы, стоящие перед развивающимся миром. Экономический либерализм и рыночный механизм в качестве универсальных средств обнаруживают существенный изъян, когда речь идет о стимулировании экономики стран этого региона. Обоснованность этого тезиса подтверждается опытом новых индустриальных стран, где государственное вмешательство сыграло немаловажную роль в экономическом восхождении. Их успех во многом определился тем, что был найден необходимый баланс между рынком и государственным вмешательством. Всецело полагаясь на принципы свободного рынка и экономического либерализма, трудно, если не невозможно, добиться эффективного распределения естественных ресурсов. Многие новые индустриальные страны добились экономического прогресса в значительной мере благодаря протекционистской политике государства. Я.Накасонэ и его соавторы не без оснований отмечали [48, с. 190], что "если бы Япония, например, не предприняла протекционистских мер, то американские компьютерные промышленники правили бы миром, не допуская фирмы других стран на монополизированный рынок".

Для правильного понимания сущности демократии необходимо отказаться от характерного для нашей публицистики, да и определенной части исследователей отождествления демократии с либерализмом вообще и экономическим либерализмом в частности. Верно, что демократия невозможна без либерализма. Его заслуга состоит в том, что он внес первоначальный главный вклад в формулирование и реализацию основных идей, ценностей и институтов современной западной политической системы, отождествляемой с демократией: права и свободы человека и гражданина,

разделение властей, подчинение государственной власти праву, парламентаризм и др. Если демократия не основывается на этих последних, то она не является демократией в собственном смысле слова. В этом контексте либерализм представляет собой Необходимое условие демократии. Поэтому и говорят о либеральной демократии, противопоставляя ее различным формам Псевдодемократии - социалистической, народной, тоталитарной и т.д.

Однако нельзя забывать, что демократия не сводится исключительно к либерализму. Она не есть результат реализации Принципов, установок ценностей какого-либо одного "изма", в том числе и либерализма, как бы важен этот "изм" ни был. В противном, случае это была бы не демократия, т.е. не власть народа или во всяком случае его большинства. Власть принадлежала бы лишь части народа, придерживающейся либеральных принципов. Эффективное функционирование либеральной демократии в решаю щей степени определяется тем, что, интегрируя почти все жизнеспособные и показавшие свою эффективность идеи, нормы принципы, она открыта во всех направлениях - вправо, влево в центр, в прошлое и настоящее. С этой точки зрения важный собственный вклад в формирование теории и политической системы демократии внесли и другие "измы": консерватизм, социал-демократизм, марксизм и т.д. В данном контексте, возможно, право мерно поставить вопрос в форме: индивидуальные права против прав коллектива или группы, индивидуализм против солидаризма и т.д. применительно к каждому из этих "измов", но не демократии в целом.

Проблема состоит не в том, соответствуют ли положения того или иного "изма", в том числе и либерализма, или принципа того или иного типа политического устройства критериям демократии, а в том, соответствуют ли эти положения основополагающим постулатам и критериям демократии. Поскольку народ - не некая арифметическая сумма всего множества отдельно взятых, атомистически понимаемых индивидов, а органическая совокупность множества социокультурных, этнических, конфессиональных, соседских и иных общностей, то без них демократию как власть большинства народа невозможно представить. Это совершенно очевидно, если учесть, что подавляющая часть людей, как бы они ни отрекались от этого, идентифицирует себя с определенной группой, коллективом, сообществом.

Одной из базовых установок либерализма является признание верховенства свободы личности над всеми остальными ценностями, свободы личности в качестве наиболее значимой моральной и политической ценности. Но при этом в работах большинства авторов практически без ответа остаются вопросы, касающиеся сущности свободы и условий ее обеспечения. Очевидно, что в рамках правового государства свобода без законопослушания и без ответственности отдельного человека за свои действия подпадает под понятие не свободы, а правонарушения. Золотое правило правового государства: "моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека". При таком понимании группа не всегда и не обязательно является фактором, препятствующим реализации личных прав и свобод человека.

В рамках концепции прав человека представляются весьма трудными специфические проблемы национального самоопределения или обеспечения прав национальных меньшинств или так называемых нетитульных народов, проблема их автономии или равного представительства в органах власти. Группа, коллектив, этнос, государство могут играть и играют незаменимую роль при создании условий для реализации прав и свобод отдельного человека. Более того, другие организационные формы социальной и экономической власти могут оказаться в значительно больщей степени губительны для свободы личности, нежели группа, коллектив, государство. Что касается нерегулируемых социальных отношений, то они могут обернуться для свободы большей катастрофой, чем даже самая тираническая власть.

На микроуровне в общинных, коммунитарных, традиционалистских структурах по сути дела действует внутренняя демократия, в них существуют довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений. К тому же склонность подчинять личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушания граждан. При таком понимании гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентелистских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов. Их особенности вполне могут быть интегрированы в систему политических ценностей, ориентации и норм, единую модель политической культуры, имеющей свои особые субкультуры. В этой связи интересна позиция тех авторов, по мнению которых Япония представляет собой открытое общество весьма закрытых групп. Иначе говоря, политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских начал.

7.5. О выживаемости и управляемости демократии в незападном мире

Изложенное со всей очевидностью показывает, что западные образцы государственности по-настоящему, так сказать, в первозданном евроцентристском варианте не могут институционализироваться в странах, где господствуют так называемые органические

социокультурные, политико-культурные, религиозные другие традиции и формы ментальности. В то же время последние не являются непреодолимым препятствием на пути экономической и политической модернизации Востока, утверждения здесь институтов, ценностей и норм рынка, политической демократии

Поэтому в свете происходящих там процессов можно утверждать, что Восток не просто пассивный объект вестернизации/модернизации, а активный автор формирования всепланетарного человеческого сообщества - цивилизации. И было бы явным упрощением и преувеличением говорить о замене характерологических установок японской или южнокорейской социокультурной общности характерологическими установками евроцентристской техногенной цивилизации. Именно сохранение (в той или иной модифицированной форме) традиционных ценностей и ориентаций позволило Японии, Южной Корее и другим странам Азиатско-Тихоокеанского региона освоить достижения техногенной цивилизации, модернизироваться экономически, не отказавшись от многих черт своей традиционной культуры, а не идти просто по пути вестернизации.

И нет никаких данных, говорящих о том, что множество других незападных стран и народов не могут пойти и не пойдут примерно по такому же пути. Вместе с тем при оценке перспектив демократии нельзя не учитывать следующее обстоятельство. По справедливому замечанию бразильского политолога Ф.Веффорта, "новые демократии" представляют собой смешанные режимы Смещение или совмещение институтов и норм - вполне обычное явление, поскольку многие режимы, в том числе и традиционно демократические, носят смешанный характер. Так, современные представительные демократии включают элементы прямо» демократии и корпоративизма, являя собой некий институциональный гибрид. "Новые демократии" - это в сущности особые разновидности гибридизации, основанные на сочетании в пере ходный период демократических институтов, норм и ценностей с авторитаризмом. Но при всем том нельзя не согласиться с тем же Веффортом, по мнению которого гибридные режимы можно считать победой демократии в сравнении с той тоталитарной диктатурой, которую они сменили.

Все это в свою очередь дает основание сделать вывод, что процесс демократизации в странах третьего мира нельзя воспринимать как само собой разумеющийся и однозначно обреченный на успех. Переходный характер новых демократий обусловливает их нестабильность и непредсказуемые результаты. Парадоксом является то, что здесь демократические преобразования осуществляются под руководством лиц, не являющихся демократами "по рождению". Подавляющее большинство тех, кто возглавил преобразования переходного периода, были, так сказать, "инсайдерами" в прежних режимах и обращены в демократическую веру самим переходным периодом. Это Р.Альфонсин и К.Менем в Аргентине, П.Эйлвин и Р.Лагос в Чили, Б.Ельцин и В.Черномырдин в России и др.

Поэтому очевидно, что многие "новые демократии" не застрахованы от опасности: первоначальные восторги по поводу обретенной свободы могут обернуться разочарованием и неприятием демократии широкими слоями населения. Немаловажен с данной точки зрения вопрос о выживаемости и управляемости демократии, ее способности укореняться в том или ином обществе. По-видимому, правы те исследователи, которые предупреждают о возможности возникновения в переходные периоды тупиковых ситуаций и опасности возврата к прошлому. Так, в Турции после проведения первых свободных выборов в 1946 г. демократический процесс три раза (в 1960-1961, 1970-1973 и 1980-1983 гг.) был прерван периодами авторитарного правления. Что касается большинства латиноамериканских стран, то для них это стало почти правилом.

Необходимо отметить, что некоторые страны и народы продемонстрировали свою неготовность к принятию демократии и ее ценностей во всех их формах и проявлениях. Об этом свидетельствует опыт ряда стран третьего мира, где механическое заимствование западных образцов государственности было неудачным и приводило к негативным последствиям. Зримым проявлением негативных последствий попыток ускоренной модернизации на западный лад является дуга нестабильности, протянувшаяся на огромные пространства мусульманского мира от Инда до Средиземноморья и стран Магриба. Объясняется это прежде всего тем, что элементарные административные и 'управленческие механизмы заимствовались и насаждались без заботы об их органическом интегрировании в национальные традиционные структуры. Первый такой опыт провалился в Иране, где шахский режим Под патронажем США пытался постепенно пересадить на иранскую почву западные политические институты и экономические отношения.

Очевидно, что на поставленный в начале этой главы вопрос о том, движется ли весь мир в сторону демократии, ответ неоднозначный: "да", если речь идет об определенной группе стран, каждая из которых исходит из собственного понимания демократии, но с учетом западного опыта; "нет если имеется в виду однозначная вестернизация или модернизация на западный лад незападных стран и народов.

Но вместе с тем не следует упускать из виду, что крах и поражение тоталитаризма и авторитаризма не обязательно гарантируют победу демократии. Ряд стран - Эфиопия, Сомали, Таджикистан, Грузия и др. - очутились в пучине глубочайшего кризиса, хаоса и дезинтеграции. Многие страны стали ареной реполитизации и ренационализации этнических групп, что сопровождается оспариванием существовавших до того государственных границ.

Начало 90-х годов ознаменовалось резким поворотом после почти двух десятилетий прогресса демократии в Латинской Америке: хрупкая демократия в Гаити пала в результате военного переворота и смещения законно избранного президента Аристида; демократия в Венесуэле, считавшаяся традиционной и крепкой, в результате двух попыток государственного переворота в феврале и ноябре 1992 г. оказалась в кризисе; нечто вроде переворота совершил президент Перу Фудзимора в том же году; в результате острой внутриполитической борьбы со своих постов были смещены президенты Бразилии и Венесуэлы.

Не лучше обстоит дело в исламском мире. Об этом свидетельствует развитие событий в Алжире, где были объявлены не имеющими силы результаты всеобщих выборов и введено чрезвычайное положение. Итогом стали активизация деятельности исламских фундаменталистов и резкая дестабилизация обстановки в стране. В результате роста фундаментализма к репрессивным мерам вынуждены были прибегнуть власти Туниса и Египта. В Африке весьма хрупкие демократии, установленные в 1991-1992 гг., не выдержали груза экономических и политических неурядиц. В то же время во многих странах вопросы, связанные с переходом к демократии, отходят на второй план под давлением более радикальных вопросов, связанных с искусственным характером государственных границ и трудностями совместного существования различных этнических групп. Взрывы насилия в Сомали, Эфиопии, Анголе, Руанде^ Либерии и т.д. свидетельствуют о том, с какими, по-видимому, непреодолимыми трудностями сталкиваются африканские народы.

Бедность в этих странах в значительной мере является результатом неспособности их населения воспринимать перемены, идущие извне, конкурировать или играть по правилам, диктуемым мировым сообществом, в котором первую скрипку играют индустриально развитые страны. Демократия и рынок сами по себе могут решить проблемы бедности, культурной и экономической отсталости, некомпетентности, несправедливости и т.д. Они дают лишь шанс, но не готовые рецепты решения стоящих перед той или иной страной проблем и не гарантии такого решения. При оценке перспектив демократий нельзя забывать о том, что некоторых странах Африки и Латинской Америки сравнительно легкой победе так называемых демократических оппозиций над авторитарными или однопартийными режимами способствовало изменение внешних условий. С исчезновением социалистического лагеря и распадом Советского Союза левые авторитарные режимы лишились мощной материальной, идеологической и моральной поддержки. Это в свою очередь освободило Запад от необходимости однозначной поддержки правых авторитарных режимов, которые раньше использовались в качестве заслона на пути проникновения советского влияния. Более того, можно сказать, что нередко эти страны вставали на путь перехода к демократии по сути дела под давлением западных стран - доноров экономической помощи. Сразу после окончания холодной войны правительства этих стран начали открыто обусловливать предоставление помощи принятием развивающимися странами демократических политических режимов и неолиберальной политики экономического развития. Такой курс был принят, в частности, ЕЭС в ноябре 1991 г. Он отражал ориентацию всех западных правительств. Составной его частью было включение требования о принятии политического плюрализма, уважении закона и соблюдении прав человека, сокращении военных расходов, реализации программ перестройки экономики и т.д.

Изложенное выше, при всех необходимых здесь оговорках, свидетельствует о том, что для большинства развитых стран и стран, обладающих потенциальными возможностями для вхождения в их число, рыночная экономика и политическая демократия являются или становятся главными формами самоорганизации общества. Но это отнюдь не есть признак какой-то унификации или упрощения жизнеустройства в масштабах континентов, регионов или всего земного шара. Дело в том, что каждая страна, каждый народ выбирает и реализует собственный национальный тип демократии, учитывающий собственные национально-исторические традиции, обычаи, политико-культурные корни и т.д.

Какова бы ни была судьба процесса демократизации, оказывается, что несравнимо легче импортировать институциональные формы либеральной демократии, чем импортировать культурные и эпистомологические значения либерализма и демократии. Повидимому, некоторые страны, в том числе обладающие большим весом и влиянием на международной арене, во всяком случае в обозримой перспективе сохранят полудемократические или даже откровенно авторитарные формы. Этот момент нельзя сбрасывать со счетов, если иметь в виду перспективу ужесточения правовых и репрессивных мер перед лицом роста терроризма, наркобизнеса и других форм преступности. Поэтому интернационализация и глобализация важнейших сфер общественной жизни при всех возможных здесь оговорках не могут означать политическую унификацию в масштабах всего мирового сообщества.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что вы понимаете под экспансией демократии?
2. Как соотносится демократия с капитализмом и рыночной экономикой?
3. Какое значение имеет для утверждения демократии уровень социального экономического развития?

4. Дайте характеристику демократии как форме народовластия.
5. Существуют ли в незападных культурах элементы, совместимые с демократией?
6. Можно ли считать распространение демократии на Востоке простым перенесением запад, ных институтов в чистом виде?
7. Каковы, на ваш взгляд, перспективы выживаемости демократии в незападном мире?

Глава 8 Политические системы диктаторского типа

Суть политической системы диктаторского типа выражает сам термин "диктатура", который происходит от латинского слова dictatur, означающего "неограниченная власть". Под ней понимается форма правления, при которой власть сконцентрирована в руках одного человека, группы лиц, клики или партии и отсутствует всякий контроль со стороны управляемых. Диктатура - это монократия, которая в важнейших аспектах политической самоорганизации общества является антиподом демократии. Диктаторские режимы при всех существующих между ними различиях едины в неприятии конституционных и плюралистических принципов демократии. Не допуская или существенно ограничивая оппозицию, они отвергают честные выборы, основанные на принципе конкуренции различных политических сил, либо заменяют их выборами плебисцитарного характера с одним безальтернативным кандидатом, где результаты заранее известны. Для них характерно отсутствие гарантий политических свобод, разделения властей, реальных правовых начал и т.д.

8.1. Типологизация диктаторских систем

Диктатура, равно как и демократия, воплощается в жизнь в различных формах, ее можно обнаружить во всех цивилизациях и исторических эпохах. Уже в древнейшие периоды истории Как на Востоке, так и на Западе существовало множество форм тирании, деспотии, олигархии. Не углубляясь в историю, отметим лишь, что теории абсолютизма, элементы которой присутствуют в диктаторской форме власти, возникли в XVI в. в связи с Попытками европейских народов создать самостоятельные национальные государства, независимые от римского папы и Священной Римской (Германской) империи. Они приняли форму юридически-правовых идей государственного суверенитета, разработанных легистами короля Франции Филиппа Красивого.
Большой вклад в разработку теории суверенитета внес Ж.Бо-ден, который предложил ряд конкретных мер для укрепления единоличной власти короля. Сторонниками неделимой абсолютной власти короля-суверена выступали каждый со своих позиций (Боссюэ, Т.Гоббс, Р.Филмер и др.) Их идеи легли в основу теории абсолютной монархии, которая пришла на смену ограниченной монархии. Наиболее типичные примеры стран с абсолютной монархией: Франция Людовика XIV, Пруссия Фридриха Австрия Иосифа II, Россия Екатерины II в XVIII в.
В дальнейшем термин "абсолютизм", который не имеет точного смысла, стал применяться для обозначения всех сие правления без представительных институтов или конституционных ограничений. Хотя он нередко используется в качестве синонима тирании или деспотизма, термином "абсолютизм" обозначают государственные режимы начала Нового времени. Его ан логами стали в XIX в. понятия "бонапартизм" и в XX в. "тоталитаризм" и "авторитаризм".
В наши дни для политических систем диктаторского типа cvществуют характерные формы: авторитаризма и тоталитаризма Под последним, как правило, подразумеваются те политические режимы, которые существовали до конца второй мировой войны в гитлеровской Германии и Италии, а также вплоть до последнего времени в СССР и странах Восточной Европы, Китае и ряде других стран третьего мира. Что касается авторитарных режимов, то диапазон их распространения довольно широк, а число их в настоящее время весьма велико, особенно в третьем мире.
Обладая важнейшими характеристиками диктатуры, авторитаризм и тоталитаризм в ряде аспектов существенно различаются. Так, для *тоталитаризма,* как будет показано ниже, характерны полное слияние в единое целое общества и государства; общества, государства и партии; их вместе и единой идеологии; экономики, политики и идеологии и т.д. *Авторитаризму* также присущи доминирование государства над обществом, примат исполнительной власти над законодательной и судебной ветвями. Но здесь такое доминирование не приобретает жесткость и всеохватывающий характер, которые типичны для тоталитаризма. Авторитаризм использует слабость и неразвитость гражданского общества, но в отличие от тоталитаризма не уничтожает его. При нем сохраняются значительная степень самостоятельности экономики, плюрализм социальных сил. Авторитаризм может уживаться и сочетаться как с государственной, так и с рыночной экономикой. Допускается разграничение между светской И религиозной, личной и публичной сферами жизни. В ряде случаев формально функционируют парламент и политические партии, но их деятельность ограничена. Допускается "дозированное инакомыслие". Сохраняются классовые, сословные, клановые, племенные различия. Если средоточием власти при тоталитаризме является партия, поглощающая государство, то при авторитаризме таким сосредоточием является государство. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нередко означает смену политического режима без радикального переустройства экономического строя. Переход тоталитаризма на рельсы демократизации предполагает коренное изменение всей общественной системы.

Существует множество типов авторитарных режимов. В основном эти режимы распространены в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки и редко в капиталистических странах (Испания, Португалия, Греция до антидиктаторских революций середины 70-х годов), отстающих в своем развитии от главных индустриальных стран. Здесь выделяют традиционные авторитарные режимы олигархического типа и гегемонистский авторитаризм новой олигархии. В первом случае власть сосредоточена в руках нескольких богатейших семейств, которые контролируют экономическую и политическую жизнь страны. Смена лидеров, как правило, происходит в результате переворотов, закулисных договоренностей или манипуляций с выборами. Такие режимы характерны прежде всего для Латинской Америки, где господствующая олигархия тесно связана с католической церковью и военной верхушкой. Авторитаризм новой олигархии вырастает в результате выдвижения на господствующие позиции национальной компрадорской буржуазии, которая устанавливает тесные связи с военными. Типичными примерами этого типа являются режимы Камеруна, Туниса, Алжира и др. Во многих развивающихся странах установлены (как правило, путем военных переворотов) режимы военной диктатуры. Здесь в большинстве случаев армия служит главной опорой государства. Этот тип режимов представлен военной диктатурой А.Пиночета в Чили, установленной в сентябре 1971 г., и режимом "черных полковников" в Греции, установленным в середине 60-х годов и существовавшим до 70-х годов.

В современном мире существуют также режимы, которые являются монархическими по форме, но авторитарными по содержанию. Они основаны на принципе наследования власти. Но в отличие от европейских монархий, которые по сути дела превратились в демократические парламентские режимы, восточные монархии в большинстве своем придерживаются основных принципов авторитаризма. Различаются монархии теократические, такие как в Саудовской Аравии, где король является одновременно светским и религиозным главой государства, и светские монархии типа хашимитского королевства Иордания, где формально глава государства не ведает вопросами веры.

Авторитарные также различаются большей или меньшей жесткостью, или "либеральностью", в организации властной вертикали. Например, военно-политическая диктатура А.Пиночета в Чили отличалась от авторитарного режима Чон Ду Хвана в Южной Корее более откровенной опорой на репрессивный аппарат, большей интенсивностью террора и подавления и т.д.

Следует отметить и то, что во многих странах развиваются мира политическая организация не достигла системной целостности, поэтому не имеет четко выраженной дифференциации между различными режимами. Преобладают смешанные промежуточные режимы, вроде тех, которые В.Г.Хорос М.А.Чешков называют демократическим авторитаризмом или авторитарной демократией.

В данном случае речь идет прежде всего о так называемом авторитаризме развития в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где процесс разграничения гражданского общества и под. системы политического отнюдь нельзя считать завершенным. Политическая модернизация с уклоном на профессионализацию, демократизацию, разделение властей и т.д. идет очень медленно и с большими трудностями. Авторитаризм развития, который проявляется как закономерное национальное и региональное явление, постепенно эволюционирует в сторону демократии. Для него характерны тенденция к диктатуре и использование силовых методов, а также другие особенности политического авторитаризма. Вместе с тем, как отмечают В.Г.Хорос и М.А.Чеш ков, "он поддерживает институт частной собственности, опирается на определенные слои, нуждается в их поддержке и поэтому в известной степени готов их "выслушивать". Таким образом, авторитаризм развития совместим с элементами либерализма: политическими партиями, правовыми нормами и даже относительно "вольной" прессой. В то же время и экономическая политика, ориентированная на развитие, создает предпосылки для расширения этих тенденций: развиваются рыночные отношения, предпринимательские структуры, элементы гражданского общества и пр. [76, с. 38].

Иначе говоря, авторитаризм развития содержит в себе потенции демократии, которые получают все более заметный импульс по мере усиления экономической модернизации.

Существуют некие гибридные режимы, в которых органически сочетаются элементы тоталитаризма и авторитаризма. К ним, как правило, относят франкистский режим в Испании и салазаровский в Португалии, просуществовавшие с 30-х годов до демократических революций середины 70-х годов. Так, португальский режим, хотя не принимал парламентаризм, тем не менее претендовал на обеспечение независимости различных групп общества, их представительство иными, нежели парламентскими, методами. Провозглашалось, что, не допуская соперничества партий за власть, правительство вместе с тем действует в рамках закона, нравственности и религии. Более того, этот режим стремился (во всяком случае на словах) избежать отождествления общества с государством. Здесь отсутствовала государственная партия. Признавались различия на уровне семей, профессиональных групп, регионов и т.д. Единство обеспечивалось сильным, но не безграничным в своих прерогативах государством, франкистский режим занимает промежуточное положение между португальским и чисто фашистскими режимами в Германии Италии. Подобно первому, он опирался на традиционалистекую философию и поддержку церкви. В то же время ему были присущи некоторые элементы фашизма, например фалангистское движение, сходное с фашистским движением в Италии. Помимо фаланги режим Франко принимал такие организационные группы, как

церковь, армию, профсоюзы. Но ни одна из них не рассматривалась в качестве исключительной опоры государства. Поэтому М.Дюверже совершенно справедливо называл португальский и испанский режимы псевдофашистскими.
Все это убедительно свидетельствует о том, что в XX в. важнейшие признаки политической системы диктаторского типа в более или менее чистом виде проявились в тоталитарных режимах. Ниже анализируются важнейшие компоненты и сущностные характеристики политической системы тоталитаризма.

8.2. Типологизация тоталитарных режимов

Термин "тоталитаризм" происходит от позднелатинского слова totalitas, означающего "цельность", "полнота". Он возник и получил распространение в 20-е - 30-е годы и использовался для обозначения политических систем в фашистской Италии, нацистской Германии и большевистском СССР. Одним из первых этот термин использовал итальянский автор левой ориентации Дж.Амендола, который в своей речи 20 марта 1924 г. заявил, что Фашизм, как и коммунизм, представляет собой "тоталитарную реакцию на либерализм и демократию". В либеральном журнале “Ринащита либерале" 5 января 1925 г. выборы, состоявшиеся в Италии в апреле 1924 г., были охарактеризованы как totalitare e liberticide, т.е. тоталитарные и губительные для свободы. Чуть позже официальный фашистский теоретик Дж.Джентиле говорил о фашизме, как о тотальной концепции жизни. Часто использовал этот термин Б.Муссолини, который называл свой режим не иначе как lo stato totalitario, т.е. тоталитарное государство. Что касается А.Гитлера и его приспешников то, они, во всяком случае первоначально, при характеристике своего режима предпочитали использовать термин “авторитарный".
Тем не менее в "Энциклопедии социальных наук" 1933 г этого термина. В дополнительном томе Оксфордского словаря английского языка (1933) впервые упомянуто слово "тоталитарный" из апрельского номера журнала "Контемпорари ревью”(1928), где, в частности, говорилось [127, с. 106]: "Фашизм отрицает, что он выполняет свои функции как тоталитарный режим и вступает в избирательную сферу на равных со своими противниками". Постепенно в демократических странах Запада этот теп. мин получает все более широкое применение для обозначения сна чала фашистских режимов в Италии и Германии, а затем и большевистского режима в Советском Союзе.
Впервые этот термин был распространен на СССР, по-видимому, в ноябре 1929 г. английской газетой "Тайме", которая водной из своих передовых статей писала о реакции против парламентаризма в пользу "тоталитарного" или унитарного государства, как фашистского, так и коммунистического. Нападение гитлеровской Германии на СССР и вступление последнего во вторую мировую войну заставили западных авторов несколько смягчить свои оценки советского режима и направить острие критики главным образом против фашизма и нацизма. Во время войны "тоталитаризм" служил для них в качестве обобщающего понятия для характеристики фашистского и национал-социалистического режимов и их разграничения с советским социализмом. С началом холодной войны на Западе коммунизм снова стали рассматривать как разновидность тотальной идеологии, а советское государство - как тоталитарный режим.
Ныне в научной литературе большинство авторов придерживается тезиса, согласно которому в политической системе тоталитарного типа выделяются фашистский и национал-социалистический режимы в Италии и Германии на правом фланге идейно-политического спектра и большевистский в СССР на его левом фланге. При этом необходимо отметить, что тоталитаризм отнюдь не является неким монолитом, между его отдельными режимами имелись существенные различия.
Такие различия прослеживаются как между большевизмом фашизмом, так и внутри последнего. Так, *фашистский* режим в Италии руководствовался теорией верховенства государства, а национал-социалистический - теорией верховенства нации или нации - государства. Итальянский режим отличался стремлением сохранить традиционные структуры, показателем чего служат, например, так называемые Латеранские соглашения (1929), заключенные между Б.Муссолини и Ватиканом и регулировавшие отношения между католической церковью и фашистским режимом. Для режима Муссолини были характерны меньшая концентрация и абсолютизация власти. Наряду с фашистской партией значительным влиянием в стране продолжали пользоваться военные, аристократия, церковь, государственная бюрократия. продолжал функционировать, правда чисто формально, сенат. Парадокс состоит также в том, что Италия оставалась монархией. Муссолини время от времени направлял отчеты королю Виктору Эммануилу III. Итальянский фашизм отличался также меньшими, чем в Германии, террором и репрессиями.
Учитывая эти факторы, можно утверждать, что сущностные характеристики правой разновидности тоталитаризма в наиболее завершенной форме воплотились в германском национал-социализме. Для нас, россиян, более актуален и в то же время болезнен вопрос о соотношении большевизма и национал-социализма. Этот вопрос существует, и его нельзя игнорировать, ибо историю своей родины со всеми ее достижениями, неудачами и зигзагами нужно знать, чтобы извлечь из нее соответствующие уроки. Многие авторы уже в 20-е - 30-е годы отмечали определенные черты сходства в методах политической борьбы, захвата и реализации власти фашистов и большевиков. При всей сложности и спорности этой проблемы приходится констатировать, что фашизм и

большевизм имеют точки как соприкосновения концептуального и типологического характеров, так и расхождения.

При традиционной типологизации фашизм и марксизм-ленинизм располагаются на двух крайних полюсах идейно-политического спектра. Не случайно, что они вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть вследствие изначальной несовместимости их идеологий. Здесь достаточно упомянуть такие дихотомические пары, как интернационализм - национализм, теория классовой борьбы - национально-расовая идея, материализм - идеализм и т.д., которые определяют противостояние марксизма-ленинизма и фашизма. Если в марксизме-ленинизме в качестве главно-теоретического и аналитического инструмента трактовки мировой истории брался класс, то в фашизме в качестве такового служила нация. Первый отдавал моральный и теоретический приоритеты концепции класса, а второй - концепции нации и даже расы. В результате место марксистских понятий “прибавочная стоимость" и "классовая борьба" в национал-социализме" заменяли понятия "кровь" и "раса". Если марксизм-ленинизм придерживался материалистической (а зачастую экономико-детерминистской) интерпретации истории, то для фашизма характерны антиматериализм, иррационализм, мистицизм и убеждение в том, что духовные начала, честь, слава и престиж составляют могущественные цели и мотивы человеческого поведения.

Фашисты и национал-социалисты как в теории, так практике, придавая решающую роль политике и идеологии, хранили частную собственность на средства производства и рыночные механизмы функционирования экономики. Большевики, которые определяющую роль в теории отводили базису, или экономике, пошли по пути полного обобществления средств производства. Если большевики уничтожили рынок, то национал-социалисты его оседлали, приручили. Гитлер считал более важны социализировать прежде всего человека, а большевики пошли по пути социализации сначала экономики, а потом уже человека. Национал-социализм отвергал саму идею демократии и либерализма, тогда как советский режим декларировал намерение воплотить в жизнь истинно демократические принципы (разумеется, по-своему понимаемые), устранив партийное соперничество. Не случайно, его руководители и приверженцы оперировали понятиями "демократический централизм", "социалистическая демократия", "народная демократия", "демократические принципы" и т.д.

Марксизм ленинизм в теории руководствовался коммунистическим идеалом построения совершенного и справедливого общественного строя. Нельзя забывать и то, что в течение определенного, хотя по историческим меркам краткого, периода коммунистический идеал стал руководством к жизни почти для 40 % современного человечества. Однако немаловажно, что для реализации поставленной цели на вооружение были взяты безжалостные, антигуманные средства. Смертный грех большевиков состоит в том, что они дискредитировали великий коммунистический идеал.

При всем том неоспорим факт близости и определенного родства фашизма и большевизма по ряду параметров. Прежде всего не может не обратить на себя внимание почти полная синхронность их появления на исторической арене. Их истоки - в самом начале нынешнего столетия, а в полный голос они заявили о себе во втором и начале третьего десятилетия, т.е. в период так называемой великой трансформации капитализма из свой предпринимательского в корпоративный (или, как его у нас до недавнего времени именовали, государственно-монополистический капитализм. Не вдаваясь в подробности, отметим что большевизм и фашизм выступили в качестве соответственно левой и правой альтернатив центристскому реформаторскому пути развития капитализма в социально-экономической сфере и либеральной демократии в политической сфере. За короткий период из незначительных групп они превратились во влиятельные общественно-политические движения, которые сумели подчинить своему господству сотни миллионов людей из многих стран.

Важным объединяющим эти альтернативы началом было то, постулировали цель реализации социалистических принципов - разумеется, в собственном понимании: интернационального и националистического. Особенно в начальный период предатели фашизма и большевизма склонны были открыто признавать эту близость. Так, Н.Бухарин на XII съезде РКП(б) в 1923 г. отмечал [26]:

...характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было другая партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской практики и специального русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия определенной системы бросания своих сил, "учраспредов", мобилизаций и т.д и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами.

Гитлер же в беседах с Г. Раушнингом настойчиво подчеркивал, что он научился у марксизма и марксистов методам политической борьбы. Более того, он утверждал [59, с. 148]: "Национал-социализм это то, чем мог бы стать марксизм, если бы освободился от своей абсурдной искусственной связи с демократическим устройством".

И действительно, фашизм и большевизм имели ряд близких или общих по своему функциональному системообразующему, методологическому назначению элементов. Это, в частности, единая

всеохватывающая цель (хотя у каждого из них она существенно отличается по своему содержанию); господство одной революционной партии нового типа; моноидеология, отвергающая другие идеологии; сходные средства и методы достижения идеальных целей; слияние в единое целое партии, государства и общества; политизация всех без исключения сфер жизни; физический и моральный террор и т.д. Именно эти характеристики, которые более или менее подробно будут проанализированы ниже, позволяют оценивать фашизм в разных его вариантах и марксизм-ленинизм в его большевистской интерпретации как два противоположных проявления или два альтернативных (правого и левого) варианта особого общественно-исторического феномена - тоталитаризма.

При этом необходимо подчеркнуть, что выделяемые признаки и характеристики тоталитаризма надо понимать в идеально-типическом смысле, а не как как точное отражение реальной ситуации в обществе, поскольку в общем и целом как в гитлеровской Германии, так и в сталинском Советском Союзе даже в самом апогее тоталитаризма вряд ли было бы правомерно говорить о всеобщей тотализации сознания. В реальной жизни все было значительно сложнее.

Естественно, если люди поставлены перед выбором свобода или хлеб, что по сути зачастую означает выбор между свободой и голодной смертью, то большинство из них выберет хлеб Но это при жестком императивном выборе. Однако все же, как сказано в Святом Писании, "не хлебом единым жив человек". Если бы это было не так, то человек до сих пор не вышел бы из пещер каменного века или же царство самого Великого инквизитора было бы вечным. Спора нет, хлеб нужен человеку как воздух, и он приговорен к тому, чтобы в поте лица зарабатывать свой хлеб насущный. Тем не менее опыт нашей страны убедительно показывает, что зло само по себе, в каких бы обличиях оно ни выступало, не способно окончательно ликвидировать божественный образ в человеке, возвратить его в тварное состояние. Стремление к свободе и утверждению истинно человеческого начала неистребимо. Поэтому неудивительно, что в самые мрачные времена тоталитаризма при всех искажениях сознания, приоритетов, миропонимания и т.д. были миллионы и десятки миллионов людей, которые честно и зачастую самоотверженно тянули свою лямку, служили своей родине, людей, значимость которых всегда остается величиной постоянной, инвариантной. Поэтому было бы неправильно и непредусмотрительно вынести огульный приговор всей семидесятилетней истории страны и всем тем, кому выпала незавидная доля быть героями, персонажами и просто участниками этой истории.

К тому же нельзя забывать, что тоталитарные режимы были подвержены определенным изменениям. О более или менее чисто тоталитарном режиме в Советском Союзе, по-видимому, корректно говорить применительно к сталинскому периоду, охватывающему конец 20-х - первую половину 50-х годов. В последующие годы имела место постепенная "либерализация" режима, связанная с отказом от наиболее одиозных форм контроля над умами людей и террора. Перейдем к анализу важнейших элементов и характеристик тоталитаризма.

8.3. Аннигиляция традиции

Популярно мнение, что большевистский режим в СССР и нацистский рейх в Германии коренились в национально-исторической традициях двух стран и в сущности представляли собой противостояние их истории в новых условиях. Такое мнение, верное в принципе, нуждается в существенных оговорках. Разумеется, объективно ни один народ не может убежать от своей истории, и в прямом смысле на обоих режимах лежала родовая печать национально-исторических традиций немецкого и российского народов, их культуры, самосознания, религии и т.д. К тому же у руководителей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма не было недостатка в заверениях о своей приверженности историческому началу. Более того, именно себя они выдавали за истинных наследников и продолжателей дела наиболее достойных, на их взгляд, предков и радетелей национальной культуры, величия и традиций. Гитлер и его приспешники любили выставлять свои идеи и планы как возврат к истории, как восстановление прерванной цепи времен. Так, рассматривая в качестве исходного рубежа период, когда германцы оттеснили славян к Востоку, Гитлер утверждал [125, с. 35]: "Таким образом, мы, национал-социалисты, начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановили бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратили наш взор на земли, расположенные на востоке". Что касается руководителей большевизма, то они претендовали на Реализацию всего лучшего и прогрессивного в историческом наследии не только народов России, но и всего человечества.

При всем этом общеизвестно, что оба варианта тоталитаризма, во всяком случае в идеологии и пропаганде, отстаивали претензии на разрушение старого мира "до основания" и построение на его обломках нового мира в соответствии со своими фактически искусственно сконструированными моделями.

Сущностной характеристикой тоталитарной системы является ориентация на слитность, тотальное единство всех без исключения сфер жизни в обществе. Это, в частности, проявилось в отрицании тоталитаризмом важнейшего, можно сказать центрального элемента современной западной цивилизации - гражданского общества и его институтов, составляющих фундаментальные аспекты

человеческого бытия. Как говорилось выше, гражданское общество является средоточием множества разнообразных конкурирующих друг с другом центров и источников
власти и влияния, обеспечивающих свободу реализации возможностей каждого отдельно взятого индивида, прежде всего свободу экономического выбора. Исторический опыт как демократических, так и тоталитарных систем показал, что не может быть личной свободы там, где нет разнообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора.
Очевидно, что контроль над важнейшими ресурсами общества, как материальными, так и нематериальными, будет находиться у тех, в чьих руках сосредоточен контроль над экономической властью. Как подчеркивал Ф.фон Хайек [75, № 11, с. 134], "идея централизованного планирования заключается в том, что не человек, но общество решает экономические проблемы, и, следовательно, общество (точнее, его представители) судит об относительной ценности тех или иных целей". Там, где нет свободы экономического выбора, а единственный работодатель - государство (или при национал-социализме - всецело преданные режиму или полностью контролируемые им частные предприятия), не может быть и речи о свободном политическом, интеллектуальном и каком-либо ином волеизъявлении людей. Собственность, принадлежащая государству или жестко им контролируемая, неизбежно политизируется, поскольку она порождает монополию власти, подчиняющей себе все рычаги политики и экономики, сливающихся в единое целое. Что касается самой собственности, то она становится обезличенной, надындивидуальной, отчужден ной. Более того, и собственность, и экономика оказываются не просто политизированными, а политизированными при существен ной милитаризации их важнейших компонентов и характеристик
Человек - это абстракция, некая умственная конструкции если пренебрегать такими характеристиками, как раса, пол, возраст, нация, культура, вера и т.д. Не случайно идеологи и вожди тоталитаризма ставили своей целью трансформацию экономических, социальных, социокультурных, духовных отношении, убеждений, ценностей, установок людей. Более того, ставилась задача сознательной и целенаправленной переделки самого человеческого бытия. С этой точки зрения тоталитаризм в отличие от всех форм традиционного деспотизма, абсолютизма и авториторизма является феноменом XX столетия. Для последних при всех их различиях было характерно господство традиции, обычая, предания и т.д., власть занимала подчиненное по отношению к ним положение, она основывалась на традиции. Единство в традиционном обществе зиждилось на укорененности в общественных структурах - семье, общине, родственных связях, племени, этнонациональном сообществе, церкви и т.д. Люди, порой занимая чуть ли не рабское положение по отношению к власть имущим, все же находили опору в этих структурах.
Традиция представляет собой механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом. Поэтому не приходится удивляться, что тоталитаризм ставит в качестве одной из своих главных целей аннигиляцию традиций. Эта установка выражалась в переименовании древних названий городов, улиц, проспектов, музеев и т.д., в ограничении доступа к определенным видам исторической и критической литературы, в отказе от некоторых "устаревших" традиций в области архитектуры, живописи, скульптуры, театра, от отдельных празднеств, обычаев народной жизни, которые будто бы противоречили новым культурным традициям, мешали им нормально складываться и развиваться. С этой точки зрения тоталитаризм отличает своеобразная амнезия исторической памяти, своеобразный манкуртизм.
Одной из важнейших предпосылок и условий тоталитарной системы является размывание, а то и элиминация традиционной социальной стратификации, достижение культурной, социальной, нравственной, даже этнонациональной (в теории) однородности путем уничтожения всех объединений, организаций, которые могли служить для человек референтными группами, таких, как нация, соседская и родственная общины, церковь, реальные, а не официальные организации, союзы, ассоциации, сословия, классы и т.д. Тоталитарная система разрывает все органические корни, связывающие отдельного человека с обществом, она строится на предельной унификации всех связей человека, выставлении на всеобщее обозрение самых неприкосновенных сторон и аспектов частной жизни. Единственной референтной группой для отдельного человека остается государство. Здесь, пожалуй, в наиболее наглядной форме и во вселенском масштабе был реализован принцип “разделяй и властвуй". "Религия и национализм, - писал Э. Фромм [74, с. 26], - как и любые обычаи, любые предрассудки- даже самые нелепые и унизительные, - спасают человека, связывают его с другими людьми, от самого страшного - изоляции”.
Идеологи и вожди тоталитаризма, сознавая это, сделали Для того, чтобы фрагментировать и атомизировать общество, лишить человека унаследованных от прошлого социальных и иных связей и тем самым изолировать людей друг от друга. В результате каждый отдельно взятый индивид остается один на один с огромным всесильным аппаратом принуждения.

8.4.Тоталитарные перевоплощения интернационализма и национализма

Как известно, одной из важнейших традиционных опор, на которых базируется личность, тем зеркалом, через которое индивид сознает себя членом общества и приобретает чувство самости

является нация. Симптоматично, что правый и левый варианты тоталитаризма, подойдя к этой проблеме, казалось бы, с противоположных позиций, сумели использовать ее каждый по-своему для утверждения тотального господства государства.

С определенными оговорками можно сказать, что маркер является ровесником национальной идеи и понимаемого широко (и не только сугубо негативно) национализма. С этой точки зрения он представляет собой не только вызов классической политической экономии, не только критику капиталистических производственных отношений, но и критику национализма и религии. Будучи программой освобождения людей от промежуточных образований, мешающих превращению отдельного индивида во "всемирную историческую личность", марксизм постулировгь образование пролетариата в качестве силы, трансцендирующей национальные приверженности и действующей на наднациональном уровне. Чтобы подчинить людей выполнению этой цели, ставилась задача разрушить национально-культурные традиции и ценности, оторвать их от национальных корней. Поэтому естествен но, что с самого начала марксизм рассматривал национализм, равно как и религию, в качестве противника, с которым необходимо вести решительную и бескомпромиссную борьбу.

Оценивая национальный вопрос всецело с точки зрения целей классовой борьбы пролетариата, основоположники марксизма исходили из постулата, что любое общество строится на горизонтальных классовых различиях, пересекающих национальные границы и приверженности, и поэтому играющих более фундаментальную роль по сравнению со всеми другими различиями, в том числе и национально-этическими. Была сформулирована идея, согласно которой национализм представляет собой продукт капиталистического развития и ему суждено исчезнуть с исчезновением капитализма. К.Маркс и Ф.Энгельс утверждали, что освобождение пролетариата от капиталистического ига приведет к ускоренному исчезновению национальных различий и антагонизмов. Предполагалось, что с установлением господства пролетариата и по мере утверждения принципов социализма разделение людей по национальному принципу потеряет всякий смысл и оно будет полностью заменено классовым разделением. При этом особо подчеркивалась мысль, что только пролетариат может стать той силой, которая способна выполнить историческую задачу объединения народов в единое целое.

Следует отметить, что марксисты, в том числе и русские, вели ожесточенные споры о будущем нации и национальных отношений в условиях перехода к социализму и в ходе социалистического строительства. Но при всех спорах о федерализме, автономизации, реализации права наций на самоопределение вплоть до полного отделения В.И.Ленин и его сподвижники в целом сохраняли убежденность в том, что в процессе социалистического строительства социально-экономические и национально-культурные различия между регионами, национально-государственными образованиями постепенно будут сглажены и в конечном счете преодолены и это создаст условия для победы интернационального начала над национальным.

Марксизм-ленинизм по самой своей сути не мог принять национальную идею, национальное начало, тем более национализм, поскольку они рассматривались (и были таковыми) как важнейшее препятствие на пути интернационального единения народов на принципах классовой солидарности и классовой борьбы. Поэтому не удивительно, что предложенная коммунистами программа имела целью по сути дела сознательную, принудительную систематическую переделку самой природы этноса, этнонационального. Такая цель обусловлена, собственно говоря, самой установкой на большевизм и советизацию всех аспектов жизни огромной многоликой империи, ее государственно-административной системы, культуры, социальной сферы и т.д., даже реалий быта. Как известно, правители Российской Империи довольно терпимо относились (либо смотрели на это сквозь пальцы) к сохранению во многих этнонациональных образованиях традиционных форм и органов управления, вероисповедания и т.д. Большевизация и советизация предполагали уничтожение всего этого и жесткую унификацию и стандартизацию всего и вся по меркам, оставленным в центре.

С этой точки зрения все нации и народности оказались действительно равны. Как бы игнорируя законы общественно-исторического развития, предписывающие каждому народу свой собственный путь и собственное место в обществе, называемом человеческим, была поставлена задача осчастливить многие народы, оставшиеся при феодализме, путем перенесения их в социализм, минуя капитализм, а те народы, которые "застряли" в родоплеменных отношениях, приобщить к благам социализма, минуя и феодализм, и капитализм. Широкомасштабные репрессии и выселение наиболее трудолюбивой прослойки населения из деревни под лозунгом ликвидации кулачества как класса, вынужденное переселение людей из деревни в город или отдаленные ре гионы страны вели к подрыву питательных корней, вековых ус. тоев национального образа жизни, ослаблению приверженности к труду, родному очагу, национальной истории. В итоге советские люди были объявлены членами совершенно невероятного и парадоксального образования - интернационального народа, безнациональной нации - "новой исторической общности".

Еще более пародоксальным представлялось то, что идеология интернационализма, приобрела уже в своеобразно перевернутой форме функции идеологии национализма. Этому в значительной степени способствовали интересы и потребности сохранения России как единого государства в условиях

возрождения сепаратистских устремлений отдельных национальных регионов внутри страны и постоянной угрозы внешней интервенции, создавшей атмосферу осажденной крепости. Идеология интернационализма по существу оказалась поставленной на службу государственных интересов. Ее функции были аналогичны тем, которые национализм выполнял в идеологии германского нацизма. Не случайно, что понятия антикоммунизма и антисоветизма стали в некотором роде синонимами, а ключевым элементом пролетарского национализма считалась поддержка политики Советского Союза.

В идеологии фашизма произошло органическое слияние социализма и национализма, что в итоге дало основание А.Гитлеру и его сподвижникам говорить о национал-социализме. Здесь интерес представляет определение социалиста, которое дал Гитлер в одном из своих выступлений в 1922 г. [77, с. 114]: "Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн "Германия превыше всего" в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом".

Очевидно, что в рассматриваемом аспекте марксизм-ленинизм и фашизм придерживались диаметрально противоположных позиций. Воинствующий расизм и национализм последнего общеизвестны. Укажем лишь, что в методическом плане утверждения тоталитарных структур и ментальности они сыграли роль, аналогичную той, которую сыграли теория классовой борьбы и идея интернационализма в марксизме-ленинизме. Подобным же образом расизм и национализм были превращены в универсальные системо-образующие установки, определяющие строй действий и мыслей всех членов общества. С самого начала фашизм рассматривал нацию как некий синтез всех без исключения материальных и духовных ценностей, имеющий приоритет перед отдельным индивидом, группами, слоями, классами. Как утверждал Гитлер в своем выступлении перед промышленниками в 1932 г. [38, с. 116], определяющее значение имеет "осуществление волеизъявления нации, ибо только это волеизъявление может быть исходной точкой для политических выступлений". Еще более определенно и недвусмысленно он говорил об этом на Нюрнбергском конгрессе НСДАП в 1938 г. По его утверждению, чтобы закрепить "чудо германского воскресения", начатое в 20-х годах, партия должна объявить безжалостную войну классовым и сословным предрассудкам. Она должна позаботиться о том, чтобы независимо от рождения и происхождения сильный волей и талантливый немец мог найти доступ к высшим степеням социальной лестницы.

Стало быть, важное место в фашистской идеологии отводилось уничтожению всех классов, но в отличие от марксизма-ленинизма, предполагавшего осуществить это на основе пролетарского интернационализма, приверженцы фашизма пытались достичь эту цель путем подчинения всего и вся сугубо национальному началу. В отличие от "буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения", откровенничал Гитлер, идея национал-социалистического "народного государства" оценивает "значение человечества в его базовых расовых терминах" [125, с. 311-363]. Поэтому, продолжал он, эта идея отвергает равноправие рас и, признавая существование высших и низших рас, считает необходимым содействовать торжеству первых. Она не может признать право на существование каких-либо этических идей, если эта идея представляет угрозу расовому существованию носителей более высокой этики. Поэтому естественно, что краеугольным камнем тысячелетнего Третьего рейха была провозглашена идея сохранения чистоты арийской расы, а нового порядка для остального Мира - идея господства арийской расы. Деятельность основополагающих общественных институтов всецело подчинялась этой Универсальной задаче. Как считал Гитлер [77, с. 115], семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче - увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача. О каком человеческом роде и о Какой расе шла речь, вряд ли есть смысл напоминать.

Важной характеристикой фашистской идейно-политической конструкции стало отождествление, органическое слияние понятий "нация" и "национальное государство". Государство рассматривалось как юридическое воплощение нации, наделенное ответственностью за определение ее природы, целей и интересов в каждый конкретный исторический период. Как считал Гитлер, государство не имеет ничего общего с экономикой, поскольку оно есть не экономическая, а расовая организация [125, с. 107]. В результате, по справедливому замечанию Р.Фарначчи [109, с. 265] фашизм отождествлял общество с нацией, нацию с государством экономическую деятельность с политической деятельностью.

Таким образом, начав, казалось бы, с прямо противоположных позиций, Гитлер и его сподвижники пришли к выводу, по своему функциональному значению близкому позиции большевиков. Только если у последних в качестве субъектов смертельной схватки выступали классы, то у нацистов демаркационная линия проходила между немецким народом, с одной стороны, и остальным миром - с другой. Как верно подметил В.Н.Ильин, "языческий национализм, красный интернационализм" при всех необходимых оговорках оказались поставленными на службу идентичным целям - обоснованию и идеологическому обслуживанию фашистского и большевистского режимов.

8.5. Политический и идеологический монизм

Выше отмечалось, что в тоталитарной политической системе практически исчезает разделение между государством и гражданским обществом. Государство доминирует над обществом. Здесь фашизм и большевизм, отправившись с противоположных полюсов идейно-политического спектра, пришли к одному результату. Так, если первые с самого начала высшей ценностью считали государство, то приверженцы второго отстаивали неизбежность его исчезновения (во всяком случае в теории).

Фашистские теоретики исходили из того, что любая форма организованной, автономно ассоциированной жизни воодушевляется государством. Формальным элементом в государстве является его суверенная политическая и юридическая власть. Фашистские теоретики, например С.Нунцио, признавали, что организованные ассоциации в рамках государства могут формулировать правила регулирования взаимоотношений между своими членами, но эти правила будут эффективны лишь в том случае, если они санкционированы государством. Все ассоциации и организации в государстве пользуются автономией постольку, поскольку они способны управлять своими внутренними делами. Но тем не менее государство является единственным и конечным источником власти, так как оно обладает исключительным правом использования насилия. Тем самым фашисты фактически отвергали кале бы то ни было ограничения на политический и юридический суверенитет государства. Государство по своей сути интегрально я тотально, в его рамках нет места частному в отрыве от публичного. Эта идея нашла доктринальное выражение в следующем афоризме Муссолини: "Все внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства".

С этой точки зрения интерес представляют меры, предпринятые Гитлером уже на первом году своего пребывания у власти. Так, 4 апреля 1933 г. был введен запрет на свободный выезд граждан из страны, а также выездные визы; 11 апреля - день 1 мая объявлен Праздником национального труда; 14 апреля 15 % профессоров изгнаны из университетов и других учебных заведений; 7 мая произведена "чистка" среди писателей и художников, опубликованы "черные" списки не (истинно) немецких писателей"; 22 сентября издан закон об "имперских культурных гильдиях" писателей, художников, музыкантов, который вводил фактический запрет на издание, исполнение, выставки всех тех, кто не являлся членом гильдии, а 1 декабря - закон об обеспечении единства партии и государства и т.д.

Нечто подобное было целенаправленно осуществлено и в нашей стране с приходом к власти большевистской партии в 1917 г. Уже в начале 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. Этот акт положил начало уничтожению или подчинению большевиками всех независимых институтов и небольшевистских партий. Годы военного коммунизма стали периодом установления политической диктатуры. Постепенно сворачивалась издательская Деятельность, запрещались все небольшевистские издания, подвергались аресту руководители оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона. Все более растущую власть приобрел политический сыск в лице ВЧК и ее преемниц, под полный Контроль большевистской партии были поставлены профсоюзы. Процесс закрепления и ужесточения диктатуры приобрел особенно широкий размах с приходом к власти И.В.Сталина.

В итоге для обоих вариантов тоталитаризма стали характерны Полное доминирование государства над обществом, элиминация различий между государством и обществом. Более того, и общество, и государство были фактически поглощены господствующей партией. При монопартийной системе первоначально происходит совмещение или фактическое слияние высших органов партии и государственной власти. Логическим завершением этого является превращение партии фактически в стержневой элемент государственной структуры. Показательно, что, отвергая саму возможность примирения с существованием каких бы то ни было "марксистско-демократических центровых" или иных партий, Гитлер и друга руководители Третьего рейха исходили из того, что именно партии со своими особыми, конфликтующими друг с другом про. граммами и стратегиями повинны в развале Германии и, естественно, не могут стать фактором ее возрождения. Отсюда Гитлер делал вывод: "пока будет существовать национал-социалистическое государство, будет существовать национал-социалистическая партия. Пока будет существовать национал-социалистская партия, не может быть ничего иного в Германии, кроме национал-социалистского государства". Симптоматично, что, провозгласив "вечность" своей партии, Гитлер декларировал в 1935 г. [38, с. 138]: "Партия есть моя частица, а я - часть партии".

"Мы говорим Ленин, подразумеваем - партия, мы говорим партия, подразумеваем - Ленин". Всем нам знакомы эти слова. Но вслед за известным поэтом мы могли бы с равным основанием сказать: "Мы говорим партия, подразумеваем - государство, мы говорим государство, подразумеваем - партия". Не случайно ведь в Конституции СССР было зафиксировано положение, сформулированное в ее шестой статье, согласно которой КПСС является ядром политической системы СССР. Нельзя не отметить, что как фашизм (предельно откровенно), так и большевизм (в более завуалированной форме) в дополнение и осуществление партийно-государственной диктатуры проповедовали и широко практиковали авторитарную власть фюрера - вождя. Этот принцип в качестве руководства для себя

недвусмысленно сформулировал Гитлер: "...власть начальника над подчиненным и подчинение нижестоящих вышестоящим". На X съезде ВКП(б) В.И.Ленин высказал мысль о том, что диктатура пролетариата - слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверить самому пролетариату. Он часто говорил, что "диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию большевиков".

Ленин шел значительно дальше этой констатации, обронив как-то фразу, в предельно сжатой форме отражающую суть большевистской системы власти [59, с. 272]: "Советский социалистический демократизм осуществляется единолично и диктатуре нисколько не противоречит, ... волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим". Поэтому не случайно, что З.Бжезинский и К.Фридрих называют тоталитарную диктатуру "автократией, основанной на современной технологии и массовой легитимизации" [99, с. 4].

Партийному монизму соответствует монизм идеологический, который пронизывает всю иерархию властных отношений сверху донизу - от главы государства и партии вплоть до самых низших звеньев власти и ячеек общества. Так, в сталинском варианте тоталитаризма марксизм-ленинизм стал идеологической основой партийно-государственного режима. Обосновывался тезис, согласно которому большевистская партия, возглавившая классовую борьбу трудящихся и угнетенных, начала и совершила пролетарскую революцию и приступила к социалистическому строительству, тем самым проложив путь к светлому будущему - коммунизму. Следовательно, именно ей должна принадлежать вся полнота государственной власти. Такая позиция мало чем отличается от позиции руководителей и идеологов фашизма, которые считали, что исключительно НСДАП вправе быть единственным носителем власти и вершителем судеб Германии.

В этих двух главных разновидностях тоталитаризма все без исключения ресурсы - материальные, человеческие или интеллектуальные, были направлены на достижение одной универсальной цели: тысячелетнего рейха в одном случае и светлого коммунистического царства всеобщего счастья - в другом. Единая универсальная цель обусловливает единую идеологию - государственную и сконструированные на ее основе политические ориентации, установки, принципы, которые с помощью разветвленной сети средств массовой информации и пропаганды, семьи, школы, церкви и т.д. настойчиво внедряются в сознание широких масс, призваны обосновывать и объяснять действительность в терминах этой цели, преодолевать препятствия, стоящие на пути ее достижения. Все, что не согласуется с единомыслием в отношении данной цели, предается анафеме и ликвидируется. В результате все разногласия в обществе расцениваются как зло, которое следует вырвать с корнями. В силу своей органической связи с политической борьбой споры марксизма-ленинизма и национал-социализма с другими философскими школами, идейными течениями и обществоведческими направлениями неизменно приобретали политическое содержание. Это определяло нетерпимость приверженцев тоталитаризма к позициям и аргументам оппонентов - представителей других течений и направлений, фанатичность в отстаивании собственных позиций и принципов. Отсюда провозглашенный большевиками принцип "Кто не с нами - тот против нас" или "Если враг не сдается, его уничтожают". В подобном же духе в одном из своих выступлений в 1925 г. Гитлер говорил, что в борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его.

Тоталитарное государство использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качеств единственно возможного мировоззрения. Она была превращена фактически в государственную религию со своими догматами, священными книгами, святыми, апостолами, со своими богочеловеками (в лице вождей, фюреров, дуче и т.д.), литургией и др. Здесь государство представляет собой чуть ли не систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно является и верховным правителем. Это, по удачному выражению Н.Бердяева, "обратная теократия".

Поэтому естественно, что марксизм, рассматриваемый как завершение всей мировой философии, был выведен из-под критики, а его положения сделаны критериями оценки всех остальных философских систем. Уже Ф.Энгельс, а затем наиболее преданные последователи основоположников марксизма заложили прочный фундамент позиции, ставящей К.Маркса вне критики и тем самым делающей его неприкосновенным пророком нового учения. Ф.Энгельс, например, писал [43, т.35, с. 187]:

Маркс настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что, если бы кто-либо попытался критиковать его открытия, он только обжегся бы при этом. Это возможно будет только для людей более развитой эпохи.

Таким образом, Маркс приобретал как бы статус святого отца церкви, а его произведения - статус священного писания, не подпадающие под общепринятые правила и нормы рационального критического анализа. Что касается марксизма-ленинизма советского периода, то он приобрел атрибуты фундаментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом.

Статус религиозной веры с существенными элементами мистицизма и даже спиритуализма приобрела фашистская идеология, особенно в ее нацистской ипостаси. Ее священными книгами

стали работа "Основы девятнадцатого века" Х.С.Чемберлена, которую гитлеровская газета "Фёлькишер беобахтер" в 1925 г. назвала евангелием нацистского движения, "Миф двадцатого века" А.Розенберга и др. Разумеется, над всеми ними стояла "Майн кампф" Гитлера, предлагавшаяся в качестве идейно-политической платформы "тысячелетнего рейха". Показательно, что почти во всех немецких семьях она выставлялась на почетное место в доме, считалась почти обязательным дарить ее жениху и невесте к свадьбе и школьнику после окончания учебы. Касаясь отношения широких масс к самому Гитлеру, газета "Франкфуртер цайтунг" писала в 1934 г. [38, с. 142]: "Из масс поднимается почти не воспринимаемый, но весьма влиятельный коллективный флюид. Это есть тот поток, который производит "германское чудо". Этот поток встречается с невидимыми волнами, которые исходят от самого Гитлера. Эта игра обмена душевными силами заменила в Германии партийный парламент... Не в голосованиях, а в живых» определяемых чувством связях между вождями и последователями, укрепляемых такими встречами с народом, находится политический центр тяжести нового государства".

Тоталитарные варианты политической философии постулируют идентичность индивидуальных и коллективных целей, обещая, что нормальные цели индивидуальных людей будут реализованы по мере выполнения целей народа, нации, страны, государства и т.д. "Совершенному обществу,- писал Н.Новгородцев [51],- приписывается значение высшей нравственной основы, которая дает человеку и полноту бытия и смысл существования. Общественное начало получает абсолютный характер. Преданность обществу заменяет религиозные стремления, обетование земного рая ставится на место религиозных чаяний". Отсюда вытекает, что совершенствование людей связано с постоянным совершенствованием общества на основе соответствующей идеологии.

8.6. Террор как сущностиая характеристика тоталитаризма

Неизменным атрибутом тоталитаризма является тесная взаимосвязь между истиной и силой: здесь сила определяет истину. "Учение Маркса всесильно потому, что оно верно", - говорил В.И.Ленин. Аналогичным образом рассуждали о своем учении и идеологи нацизма. В действительности же идеологии и марксизма-ленинизма, и нацизма были верны, потому что они всесильны, потому что они опирались на фундамент карательной террористической машины, мощного пропагандистского аппарата и все аксесуары тоталитарно-диктаторского государства. Нацистские лагеря смерти и советский ГУЛАГ составляют сущностную характеристику тоталитаризма. В качестве особых политических конструкций они уникальны в своей способности комбинировать жестокость с рационализмом, ненормальное с нормальным, злое начало с банальным. Отличительная особенность тоталитарного режима состоит в том, что здесь террор и страх используются не только как инструмент уничтожения и запугивания действительных или воображаемых врагов и противников, но и как нормальный повседневный инструмент управления массами. С этой целью постоянно культивируется и воспроизводится атмосфера гражданской войны. Террор развязывается без какой-либо видимой причины и предварительной провокации. Так обстояло дело в нацистской Германии, где террор был развязан против евреев, т.е. людей, объединенных определенными общими расово-этническими характеристиками независимо от их поведения. В Советском Союзе в отличие от нацистской Германии руководство никогда не признавало, что оно может использовать террор против безвинных людей. Но тем не менее и здесь террор служил инструментом уничтожения так называемых классовых врагов, или врагов народа.

Тоталитарность тоталитарного режима в чистом виде состоит не только в том, что партия, какая-либо клика или фюрер, вождь устанавливают всеохватывающий контроль над всеми сферами общественной жизни и государством, как бы полностью поглощая их, но и в том, что подавляющая масса населения чуть ли не свято верит в основные цели, установки, ориентации, постулируемые партийным руководством или фюрером-вождем: обе стороны по сути слиты в тотальном единстве для достижения универсальной цели. С этой точки зрения сталинский режим в нашей стране и национал-социалистский в Германии можно считать чисто тоталитарным.

В тоталитарной системе нередко логика абсурда одерживает верх над логикой здравого смысла. Фиктивная, иллюзорная, искусственно сконструированная действительность ставится на место реальной действительности. Это достигается либо произвольной трактовкой фактов в угоду политической и идеологической конъюнктуре, либо их игнорированием. Тоталитарное государство и его руководство нуждаются в постоянном обосновании своей легитимности и даже непогрешимости. Отсюда - потребность в постоянном перекраивании как прошлого, так и настоящего в зависимости от поворотов политического курса руководителей партии и государства.

Важнейшим показателем проникновения этих начал во все сферы повседневной жизни является так называемый новояз, который, как говорил Дж.Оруэлл, представляет собой "лингвистический эквивалент основной идеи официальной идеологии". Хотя новояз - литературное изобретение Дж.Оруэлла, он является реальностью. Суть этого феномена состоит в почти полной замене реального мира неким подобием сюрреалистического, абсурдного видения мира, в котором все перевернуто с ног на голову, где поистине дважды два равно пяти. В повседневной жизни нужно приспосабливаться к иррационализму языка, на котором речь о мире скорее скрывает, чем объясняет

реальное положение вещей. Это порождает своеобразный двойной стандарт в жизнедеятельности и поведении тоталитарного человека. Он как бы раздваивается, приобретает двойное дно. В отношении разного рода политических и иных решений и постановлений, принимаемых высшими государственными и партийными инстанциями, у людей вырабатывается нечто вроде устойчивого иммунитета: выражая горячее и единодушное одобрение на словах, они проявляют в отношении этих решений и постановлений холодное безразличие или далее резкое их неприятие на деле. Появляется, становится массовым феномен, названный Дж.Оруэллом двоемыслием или мыслепреступлением. Это в сущности означает уже начало конца тоталитаризма в его "чистом" классическом виде.

8.7. Тоталитарный человек и государство

Антропологический компонент тоталитаризма состоит в стремлении к полной переделке и трансформации человека в соответствии со своими идеологическими установками. Важное место в комплексе идей и механизмов, направленных на изменение человеческой онтологии, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром. В 1941 г. Дж. Оруэлл писал:

Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить. <Причем> контроль над мыслью преследует цели не только запретительные, но и конструктивные. Не просто возбраняется выразить - даже допускать - определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать, создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывают ей образ мысли и поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуться в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений.

Более того, ставится задача полной трансформации человека, Конструирования нового типа личности - некоего homo totali-taricus с особым политическим складом, особой ментальностью, Мыслительными и поведенческими характеристиками и т.д. - путем стандартизации, унификации индивидуального начала, его растворения в массе, сведения всех индивидов к некоему среднестатистическому знаменателю, стерилизации или во всяком подавлению индивидуального, личностного начала в человеке.

Пожалуй, предельно ясно позицию марксизма-ленинизма по этому вопросу сформулировал В.Маяковский, который декларировал в поэме "Владимир Ильич Ленин": "Единица, кому она нужна? Голос единицы тоньше писка. Кто ее услышит? Разве жена... Единица - вздор, единица ноль". На смену индивидуальности, предполагающей разнообразие, оригинальность отдельной личности, приходит тип, предполагающий однообразие, однозначность, стирание индивидуальных особенностей.

Следует особо подчеркнуть, что тоталитаризм как особый общественно-политический феномен невозможен без массовой базы, растворения отдельного индивида в массе, толпе. Он никогда не мирится с управлением только с помощью внешних средств, а именно государства и механизма физического насилия. В отличие от всех остальных движений и общественных феноменов тоталитаризм предполагает полную и безусловную лояльность индивидуального человека общества режиму, партии или вождю. Тоталитаризм открыл для себя средства господства и терроризирования людей изнутри. Здесь вождь-Фюрер и массы слиты в неразрывном единстве: вождь-фюрер зависит от масс в такой же степени, в какой они зависят от него, без него они останутся аморфной толпой, лишенной внешнего представительства. В свою очередь сам вождь-фюрер без масс - ничто.

Масса - это особое образование. Она не обязательно предполагает некоторое сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. С точки зрения параметров сознания, приверженности определенным стереотипам поведения и реакции человек может принадлежать к толпе, массе, не выходя из собственной квартиры. Масса, как отмечал Х.Ортега-и-Гассет, не то же самое, что, скажем, рабочие, пролетариат. Сущностная ее константа - это средний, заурядный человек. В этом смысле масса как скопление множества людей или количество людей приобретает качественные параметры социально типического. Заурядность, среднестатистичность становятся общими социальными признаками человека без индивидуальности. Важнейшая характеристика этого типа человека - его убеждение, уверенность в своем совершенстве. Личность, человек как индивидуальность или, скажем иначе, элитарный человек ("элитарный" в смысле высокого интеллектуального полета или глубины проникновения в сущность вещей, что возможно и на обыденном, рассудочном уровне, уровне простого человека) не убежден ни в своем совершенстве, ни в совершенстве мира. Этот тип человека не мыслит себе жизнь без служения чему-то высшему - обществу, людям вообще, благородному в его понимании делу и т.д. Его жизнь подчинена самодисциплине, что предполагает требовательность прежде всего к самому себе, ответственность за свои действия.

Совершенно иное дело "человек массы". Назвав синдикализм и фашизм странным явлением, Х.Ортега-и-Гассет усматривал их "странность" не в том, что они новы, а в тех формах, какие они принимают, в стиле поведения и действия их приверженцев. Под их маркой, писал Ортега-и-Гассет

[12], "в Европе впервые появился тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки ни перед другими, ни далее перед самим собой".
Стремясь во что бы то ни стало, любой ценой достичь своих целей, он присваивает себе "право действовать без всяких на то прав". В таком поведении раскрывается природа нового человека массы, не способного к идейному творчеству, но желающего иметь собственные "идеи" и "мнения".
Названные характеристики человека массы способствуют развитию тенденции к своеобразному социальному нарциссизму, самовлюбленности и уверенности людей и общества в целом в своей непогрешимости. Они буквально перестают видеть в реальном воплощении окружающий их мир и смотрят на него через черно-белые очки. Для обозрения внешнего мира, вместо того чтобы смотреть в окно, они предпочитают смотреть в зеркало. Что человек склонен к самообману, нежеланию знать всю правду о себе и своем окружении, о сущностных характеристиках и возможностях собственного бытия. Зачастую, убегая от правды, люди могут предаваться всякого рода иллюзиям, внешней мишуре, тем самым оправдывая и облегчая свою жизнь, ища легкие пути и способы самореализации и счастья.
Ареал распространения такого типа человека вовсе не ограничивается низшими и даже средними этажами социальной иерархии. Более того, тоталитарная система создает оптимальные условия для восхождения торжествующей посредственности к самым вершинам власти и авторитета. Господство посредственности, человека массы не только не ослабляет, а, наоборот, до гипертрофированных масштабов поощряет и стимулирует стремление людей к постам, чинам, должностям, продвижению вверх по служебной лестнице. Чинопочитание и вожделение чинов и наград стали по сути дела интегральной доминантой тоталитарного сознания.
Согласно преданию, киник Антисфен, отрицательно относившийся к афинской демократии, будто бы советовал афинянам путем голосования объявить осла лошадью. Когда ему указали на нелепость этого, он будто ответил: "У вас ведь может при помощи простого поднятия рук стать полководцем человек, который ничему не учился". Это в полной мере относится и к тоталитарной системе, где, собственно говоря, не обязательно поднятие руки: достаточно желания большого или малого вождя (в зависимости от масштаба), чтобы объявить, подобно одному римскому императору, коня сенатором.
Как установлено социально-психологическими исследованиями, процесс идентификации, утверждения конформизма и одно. мерного взгляда на вещи обычно облегчается у лиц, не уверенных в себе, испытывающих определенный комплекс неполноценности, не чувствующих под собой твердой опоры. Отождествление себя с сильным, авторитетным человеком, группой, организацией придает им необходимую уверенность. Оторванность от корней, отсутствие или нехватка ощущения твердости бытия делают легкими все движения и повороты в поведении и действиях людей. Когда человек чувствует себя неуверенно в своей профессии, им можно управлять, помыкать, заставлять смотреть в рот начальству, проявлять ретивость и прыткость в исполнении указаний, забыть о щепетильности в отношении морально-этических норм и т.д. В то же время такой человек обладает "среднеобразовательным" уровнем, что позволяет использовать его на любых участках работы. Причем и соискатель места среди "избранных" при всех поворотах и зигзагах внутри- и внешнеполитического курса партии и правительства должен иметь под рукой готовые формулы и аргументы для идеологического обоснования и обеспечения этих поворотов и зигзагов. Симптоматично, что такие люди, завидно "динамичные" и подвижные, обладали удивительной способностью замещать любые должности. Сегодня он мог находиться в кресле директора института, занимающегося проблемами Востока, а завтра с необыкновенной легкостью пересесть в такое же кресло в институте, занимающемся проблемами Запада, а оттуда взлететь на высшие этажи государственной власти, чтобы и там решать самые сложные проблемы невероятно широкого диапазона.
В целом тоталитарный тип - это государственный человек, преданный государству и всецело зависящий от него. Если большевистскими идеологами этот тезис на словах отрицался, то фашистские идеологи его тщательно разрабатывали и отстаивали. Так, министр юстиции в фашистском правительстве Италии в 1925 г Г.А.Рокко характеризовал социальное и политическое мировоззрение фашизма как "интегральную доктрину социальности". Рокко, частности, утверждал, что фашизм ставит на место "старой атомистической и механической теории, которая лежала в основе либеральных и демократических доктрин, органическую и историческую концепцию". При этом, подчеркивал он, общество вовсе не рассматривается как организм в смысле традиционных "органических теорий государства". По предлагаемой им модели остальные группы получают жизнь и пространство, трансцендирующие жизнь и пространство отдельно взятых индивидов. Поэтому здесь вместо либерально-демократической формулы "общество для индивида" предлагается формула "индивид для общества".
В тоталитарном сознании теряется внутренняя связь личности с бытием. Главный просчет тоталитаристов, вознамерившихся создать нового человека, состоял в том, что их проект был основан на отрицании тайны и таинства жизни, включающих в себя наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличностного, божественного также мистерию греха, греховного начала, отрицания того,

что мироздание, а соответственно и жизнь как его интегральная часть полны роковых противоречий, что падшая жизнь, горечь и тленность мира - такие же законные характеристики человеческого бытия, как и высшее блаженство, высший полет интеллекта и духа.
Игнорируя эти реальности, тоталитаризм поставил цель добиться единства человека и общества, государства, партии, слитности всех структур общественного бытия. Поскольку не государство существует для людей, а наоборот, люди существуют для государства, то отдельный человек приносится в жертву гражданину, а гражданин в свою очередь - в жертву подданному. Это, естественно, препятствует свободному проявлению общественных сил. Побеждает конформизм, народ превращается в массу, население приобретает атрибуты толпы. Это своеобразное, как говорил Ратенау, "вертикальное вторжение варваров". Чрезмерная опека государства своих граждан наносит непоправимый вред энергии, деятельности и моральному характеру людей. Тот, кем постоянно и настоятельно руководят, в конечном счете отказывается от той доли самостоятельности и ответственности, которой он обладает. В условиях тотального запретительства и опыта тотального Поражения людей в лучших их устремлениях сформировалась личность, страдающая социальной апатией, характеризующаяся иронически-скептическим отношением к миру, чувством отчуждения и т.д. Тоталитарность существенно снижает или же вовсе исключает способность к критическому анализу реалий современного мира, места своей страны в мире, своей социальной или референтной группы, самого себя в реальном социальном окружении.

8.8. Редукционизм и апофеоз конфронтационности

Для тоталитарного сознания характерны крайние схематизм и редукционизм, сводящие все и вся к единственной идее - истине. Такой подход можно назвать политическим мессианством внушающим предопределенный гармонический и совершенны? порядок вещей, основанный на одной идее - истине. Наука и искусство, экономика и политика, философия и промышленность мораль и отношения между полами и многое другое направляются единственной ключевой идеей. При этом достигается некая слитность различных структур - экономических, политических научных и т.д., а цементирующим началом выступает идеология. К примеру, биология и генетика перестают быть самостоятельными научно-исследовательскими дисциплинами и объявляются средствами в руках буржуазии для порабощения пролетариата и подрыва исторического материализма (у большевиков) или же орудием мирового еврейства и коммунизма для подрыва Третьего рейха (у нацистов). Поэтому не удивительно, что в тоталитарном государстве речь идет не просто о науке, а о немецкой, арийской, социалистической, марксистско-ленинской и иных разновидностях идеологической "науки". Наиболее наглядным проявлением такого подхода к науке в Советском Союзе стал лысенкоизм. Идеологию, основанную на постулате о существовании истинного ключа к прошлому, настоящему и будущему, Т.Лысенко и его сторонники использовали для установления своей монополии в биологии и уничтожения не только неугодных научных теорий но и многих ботаников, морфологов, приверженцев принципов эволюционной теории и т.д.
В соответствии с такой установкой тоталитаризм оставляет одну-единственную дверь в будущее. Возникает некая завороженность тоталитаризмом, заставляющая превратно толковать и объяснять все общественные феномены и процессы. Вырабатывается одномерный подход к объяснению окружающего мира по формуле "абсолютно верное против абсолютно ложного", "добро против зла", "свет против тьмы". Середина отсутствует. Назвав такой подход почему-то революционным фарисейством и считая основным его свойством оптимизм и отрицание первородного греха, В.Н.Ильин писал:
Вина за все преступления и за все зло переносится на какого-либо "козла отпущения" - "вредителя" Этот "козел" торжественно изгоняется сначала в мечтах, теоретически, а потом, в случае осуществления мечты, и на деле.
Обращает на себя внимание характерная как для правого, так левого варианта тоталитаризма деталь - тщательно разработанный образ врага, чужака как какого-то недочеловека, ущербного по своей сущности, некоего ненастоящего, которого не жалко оскорбить, унизить и даже физически уничтожить. По-видимому, определенное пленение сознания людей подобными образами как бы снимало с них моральную ответственность за свои позиции и деяния.
Связывая воедино все без исключения политические и иные проблемы, такой подход рано или поздно перерождается в концепцию крестового похода и манихейский мессианизм, основывающийся на резком и бескомпромиссном разделении мира на сферы божественного и дьявольского, проводящий непреодолимую грань между добром и злом, стимулирующий склонность впадать в неумеренный морализм и крайности, что в свою очередь порождает неизбежный конфликт между целями и возможностями их осуществления. Носители тоталитарного мышления склонны быть моральными абсолютистами, разделяющими мир только на белое и черное (у большевиков красное и белое, а у нацистов - коричневое и красное или белое) и требующими на все вопросы немедленного и окончательного ответа.
Соответственно все участники "драмы истории" делятся на силы добра, ассоциируемые с тоталитарным режимом, и дьявольские силы зла, ассоциируемые со всеми теми, кто безоговорочно и

на все 100 % не стоит на страже этого режима. Здесь неукоснительно действует принцип "кто не с нами, тот против нас". В глазах такого фанатика любой несогласный или, что еще хуже, противник оказывается агентом сатанинских сил, которые замышляют грандиозный заговор для уничтожения сил добра. Теория заговора исключает возможность реалистической оценки социальных, исторических или политических факторов. Тот, кто посвящен в заговор, заранее знает весь ход событий, он занимается лишь конкретизацией деталей и этапов прохождения предустановленного течения истории.

Исключая возможность компромисса, теория заговора не оставляет места для сил, занимающих нейтральную позицию. Идти на согласие с теми, кто выступает против вождя и его политического курса, значит порвать с верой и присоединиться к Участникам заговора. За неимением подходящего выражения американский историк Р.Хофстедтер назвал такой подход параноидальным стилем, подразумевая под этим "предельное преувеличение, подозрительность и фантазии о заговоре". Отличительной особенностью такого стиля является то, что его приверженцы рассматривают "обширный" или "гигантский" заговор в качестве движущей силы исторических явлений. В их глазах сам "история представляет собой заговор, организованный мощными демоническими силами".

Параноидальный тип склонен рассматривать историю как результат действий отдельных личностей. Он считает, что враг располагает особо важными источниками и рычагами власти, например он контролирует прессу, направляет общественное мнение с помощью "управляемых новостей", обладает неограниченными ресурсами, секретами "промывания мозгов" или же держат в своих руках власть над системой образования и т.д. Это такой тип, который доводит подозрительность и ненависть до уровня мировоззренческого кредо. Являясь совершенно нормальным человеком в отдельных сферах жизни, например в семье, на работе и т.д., носитель такого типа сознания способен впадать в крайности и действовать экстремистскими методами в других сферах, например в политике, религии и т.д.

Большевики, поставившие перед собой цель свержения существующей системы, с самого начала вынуждены были действовать как конспиративная партия. Но конспиративность, своего рода эзотеричность, интеллектуальная, идеологическая и политическая закрытость характеризовали большевистскую партию и после завоевания власти. Всю ее деятельность как во внешне-, так и во внутриполитической сфере пронизывали секретность, подозрительность, некий заговорщический комплекс. В результате жизнь советского общества приобрела фантасмагорический, прямо-таки сюрреалистический характер. В глазах большинства советских людей действительность превратилась в некий шабаш врагов, предателей, заговорщиков, саботажников, вредителей и т.д. Другими словами, для них весь мир разделился на два непримиримых лагеря - "мы и они", "друзья и враги", "красное и белое".

В тотальной ментальности, сознательно и целенаправленно воспроизводимой и культивируемой мощным идеолого-пропагандистским аппаратом государства, эти особенности приобретают самодавлеющую значимость. Все это в совокупности создает условия для формирования homo totalitaricus как весьма странной и парадоксальной амальгамы таких характеристик, как чуть ли не обожествление рекордов и средней производительности; революционной (понимаемой в самом широком смысле) героики, героепочитания и посредственности; слепой веры и крайнего цинизма; вождизма, конформизма и человека-функции.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что понимается под политическими системами тоталитарного типа?
2. Каковы основные признаки авторитаризма?
3. Назовите основные авторитарные режимы.
4. Почему говорят, что тоталитаризм - феномен XX века?
5. В чем состоит сущность тоталитаризма?
6. Назовите основные типы и разновидности тоталитаризма.
7. Какие перевоплощения претерпели в тоталитаризме идеи интернационализма и национализма?
8. Что такое тотальность в тоталитарном государстве?
9. В чем состоит дихотомичность и конфронтациозность тоталитарного сознания?
10. Почему тоталитарное общество называется "закрытым"?
11. Что означают идеологический и политический монизм?
12. Почему террор рассматривается как сущностный признак тоталитаризма

Глава 9 Перспективы российской государственности(национально-территориальный аспект)

Для нас, российских граждан, остро стоит вопрос о месте и роли России в мировом сообществе, особенно после тех судьбоносных для нее сдвигов в раскладе геополитических сил, которые произошли за последние годы. Само географическое месторасположение России на бескрайних просторах евразийского континента на стыке различных цивилизаций, культур, стран и народов,

грандиозность ее пространств и исходящие от нее силы притяжения и отталкивания, потенциальные последствия для геополитических контуров современного мира ставят множество императивных вопросов. Что есть Россия - просто один из нормальных членов мирового сообщества? Особое жизненное пространство, расположенное на стыке Востока и Запада и принадлежащее им обоим? Мир миров? Особая цивилизация в ряду других равновеликих цивилизаций? Перечень вопросов можно продолжить. Сложность и парадоксальность положения состоят в том, что и положительные, и отрицательные ответы на все эти вопросы можно воспринимать как верные и неверные одновременно. Очевидно, что это сложные вопросы и поиски ответов на них представляют собой большую и многоплановую проблему, требующую самостоятельного исследования.

9.1. Россия в реальностях распада СССР

Россия оказалась в эпицентре глобальных масштабов перемен и стала крупнейшей зоной нестабильности. Переживаемые ею кардинальные изменения, несомненно, потребуют от нее концентрации поистине титанических усилий, которые не могут не блокировать, во всяком случае ослабить ее активность на мировой арене, заставить ее де-факто, если не де-юре, сократить свой внешнеполитические обязательства. Тем не менее при всех трудностях и пертурбациях, переживаемых Россией, нельзя сказать, что для нее уже наступил вечер. Глубоко заблуждаются те, кто отводит России место и роль чуть ли не на обочине мировой политики, считая, что она скатывается на уровень второразрядного или даже третьеразрядного государства (нередко о ней говорят и как о "стране третьего мира"). Нельзя согласиться и с теми авторами, которые отводят России статус своего рода "естественного путепровода" для торгово-экономических и транспортных потоков между Европой, Азией и Африкой, некоего "моста", служащего в качестве самого короткого торгового пути между Азией и Европой. Один автор писал: «Хотим мы того или нет, но Россия вновь становится форпостом христианского мира, выдвинутым в огромный мир Ислама, от отношений с которым во многом зависит спокойствие, стабильность, а в будущем, возможно, и благосостояние России".

Совершенно непонятно, почему, на каком основании Россия может и должна стать неким "форпостом христианского мира" только в исламском мире. А как же тогда с буддийским, индуистским, синтоистским или восточноазиатским, южноазиатским мирами, которые не менее обширны, чем мусульманский мир? Почему именно мост, форпост или что-нибудь иное в таком же роде, а не самостоятельное геополитическое пространство со своими специфическими интересами, реализующимися по всем азимутам на всех направлениях сжавшейся до единого пространства планеты? В то же время Россия не может быть "мостом" между Западом и Востоком в традиционном понимании этого слова просто потому, что синтез евро-американской, азиатской и ближневосточной цивилизаций в ситуации фактической самоизоляции бывшего СССР на началах относительного политико-идеологического, информационно-технологического автаркизма происходил, во многом минуя Россию.

Распад СССР привел к грандиозным трансформациям, имеющим всепланетарные последствия. В сложившейся ситуации остается еще окончательно нерешенным вопрос о самоидентификации России. На повестку дня выдвигаются волнующие всех российских граждан вопросы. Насколько реальна возможность распада России? Грозит ли ей участь СССР или еще хуже - участь Югославии? Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающие ответы на все эти вопросы, затронем лишь один из аспектов (и то в самой общей форме), имеющий в той или иной форме касательство ко всем обозначенным вопросам. Речь идет о территориально-политическом и национально-территориальном устройстве.

Крушение СССР и вызванный им тотальный кризис, несомненно, нанесли мощный удар по самой российской государственности, подорвали привычный порядок, инфраструктуру менталитета, поставили под сомнение саму русскую идею. Россия составляла костяк, становой хребет советского государства. Но какой Ценой? Ценой принесения в жертву ее коренных интересов почти во всех сферах: экономической, экологической, политической, моральной и т.д. Как правило, подрыв, потеря осевой идеи или осевого идеала, лежащего в основе того или иного сообщества людей, ведет к появлению множества идей, моделей, концепций, не все из которых выдерживают испытание жизнью. Не сумев подтвердить свою жизнеспособность и эффективность, она рано или поздно сходят с исторической сцены.

С утратой и дискредитацией коммунистических идеалов в общественном сознании народов бывшего СССР образовался как бы идейный вакуум. Народы, уже в течение многих поколений испытывавшие чувство внешней и внутренней безопасности, оказались в состоянии неопределенности и растерянности. Они как бы лишились устойчивого якоря. Вполне естественно, что в такой ситуации для них могут быть притягательны различные идеи и проекты национально-государственного устройства, будь то на путях дистанцирования от России или же в ее составе.

Возникает вопрос: насколько реальны перспективы образования на территории России того или иного числа государств на основе национализма, национального самоопределения, действительного, а не декларативного национально-государственного суверенитета?

Попытаемся ответить на этот вопрос.

9.2. Проблема самодостаточности России как единого сообщества народов

Строя свои аргументы по сути дела на сугубо социально-экономических или зтнонациональных факторах, сторонники тезиса о балканизации и дезинтеграции вольно или невольно примитивизируют государство или государственность. Государство - это такое образование, в котором в различных сочетаниях представлены и теснейшим образом сплетены этнонациональные, социокультурные, национально-исторические, имущественные, гражданские и иные интересы. В действительности же эти факторы не существуют и не могут существовать изолированно, они органически слиты с множеством других. Для формирования национального государства на определенной территории прежде всего необходима самодостаточность в социокультурной, экономической, научно-образовательной и других ключевых сферах, дополняющих и усиливающих друг друга. Граждане любой страны идентифицируют себя не только с определенным территориальным образованием как таковым, но также с ее политической и экономической системами, ценностями и целями, методами и средствами, образом жизни и социокультурными реальностями, историей и национальной судьбой и т.д. Все это в совокупности и обеспечивает чувство самодостаточности. Непредвзятый, объективный анализ показал, что далеко не все республики, входящие в настоящее время в состав России, имеют такую самодостаточность. Не следует также преуменьшать фактор отсутствия у многих народов или потери ими реального опыта сколько-нибудь продолжительного жизнеустройства в рамках самостоятельного этнонационального государственного образования.

Разумеется, идеи и установки на создание самостоятельных и суверенных этнонациональных и иного рода государственных образований (как, например, Конфедерация горских народов Кавказа) имеют право на существование в качестве идеала, к которому стремились бы все народы. Но предлагая их как руководство к конкретным действиям в нынешней ситуации, важно не путать желаемое с возможным, идеальное с реальным. Дело в том, что рассуждения, например, о некой единой горской нации на Кавказе, восстановлении единства кавказских народов и необходимости создания или даже восстановлении единого кавказского национального государства в каких бы то ни было формах (конфедерации, федерации или унитаризма) можно рассматривать только как плод досадного недоразумения. Даже беглый взгляд на историческую панораму региона позволяет убедиться в том, что ни о какой гармонии интересов, ни о каком единстве народов и тем более в рамках единого государства - Кавказа, по крайней мере в течение последних нескольких столетий, говорить не приходится. Более того, эти народы всегда были объектом притязаний со стороны своих более могущественных соседей и нередко служили в качестве разменной монеты в их политических и военно-политических играх. При всех необходимых здесь оговорках нельзя забывать, что единство региона было обеспечено в рамках сначала Российской Империи, а затем СССР. Нисколько не обеляя политику царского правительства, которое заставило десятки и сотни тысяч представителей северокавказских народов переселиться в Турцию и другие страны Ближнего Востока, рискуя полемически заострить проблему, можно сказать, что Российская Империя объективно обеспечила условия для спасения некоторых малых народов Кавказа от физического исчезновения с лица Земли. Здесь имеется в виду прежде всего прекращение на территории региона беспрерывных истребительных войн сопредельных государств, а также беспрерывных братоубийственных конфликтов, стычек и войн между народами самого Кавказа.

Нельзя не упомянуть и следующее обстоятельство. Ирония истории состоит в том, что Советский Союз стал жертвой не только своих негативных последствий для нерусских народов, но и собственного позитивного вклада в формирование наций. СССР созданный из отдельных этнополитических образований, неким псевдофедеративным союзом, где, с одной стороны, национальные группы были лишены фактического политического суверенитета, а с другой - им была гарантирована территориальная идентичность, образовательные и культурные институты на собственных национальных языках, а также стимулирование местных кадров. В рамках так называемой политики коренизации для многих народностей, потерявших свою письменность или вообще не имевших ее, были созданы национальные алфавиты, открыты школы. Показательно, что за советский период при господстве нтернационалистской идеологии парадоксальным образом произошла демографическая и культурная ренационализация кавказских республик. До октябрьского переворота в Ереване проживали в основном мусульмане, а в Тбилиси и Баку - армяне и русские. К началу перестройки эти три города с демографической точки зрения стали действительными национальными столицами соответствующих республик.

В целом Советский Союз стал не "плавильным котлом", как США, а наоборот, своего рода полигоном для сохранения и дальнейшего развития наций. Здесь шел по сути двуединый процесс, с одной стороны, насильственной модернизации, приведшей к превращению аграрных обществ в аграрно-промышленные и городские, с другой стороны, растущего единства и консолидации титульных наций в союзных республиках.

При всем этом нельзя не отметить, что установка на постепенное исчезновение национального начала входила интегральной частью в социальную, социокультурную и политическую программы

советского руководства. Не случайно марксизм рассматривал национальную идею, чувство национальной идентичности и приверженность национальному интересу как главные препятствия на пути социалистического или коммунистического универсализма, пролетарского интернационализма и тоталитарной государственности. В соответствии с этой установкой на месте Российской Империи, в которой при определенных условиях вызревали предпосылки для формирования единой российской нации, было создано по сути дела наднациональное, а во многих своих аспектах антинациональное классовое государство. Это вытекало из марксистской позиции, сформулированной еще в "Манифесте коммунистической партии". Согласно этой позиции, национальное государство - это прежде всего изобретение буржуазии, а у пролетариев нет и не может быть родины. Предполагалось, что с победой рабочего класса и утверждением социалистического общества должны исчезнуть не только буржуазное государство, но понятия отечества и родины.

Нередко такое развитие событий рассматривалось как результат объективных законов экономического развития. Любопытна с этой точки зрения позиция Г.В.Плеханова, сформулированная в 1905 г. [56, с. 93]:

Повторяю, отечество есть категория историческая, т.е. преходящая по своему существу. Как идея племени сменилась идеей отечества, сначала ограниченного пределами городской общины, а потом расширившегося до нынешних национальных пределов, так и идея отечества должна отступить перед несравненно более широкой идеей человечества. За это ручается та самая сила, благодаря которой образовалась патриотическая идея: сила экономического развития.

Симптоматично, что в 20-е - 30-е годы подобная точка зрения пользовалась определенной популярностью среди части представителей русского зарубежья. Полагая, что замкнутая национальная жизнь продемонстрировала "мучительное несоответствие требованиям современности", они считали, что в начале XX в. в мире окончательно победила историческая тенденция продвижения всех стран и народов к "эпохе одной универсальной культуры". Выражая эту точку зрения, А.С.Ященко, например, призывал русскую интеллигенцию отказаться от "эгоистически-национального начала" в пользу "универсализма и космополитизма", "отказаться от отечества во имя интересов человечества" [82, с. 2-5].

Несостоятельность утопических надежд большевиков на мировую коммунистическую революцию превратила в несбыточную мечту и установки на создание всемирного бесклассового общества без государства. Что касается советского государства, то здесь все нации и народности, республики и автономии, края и области действительно оказались равны в своем национальном и человеческом бесправии. Но при всей обоснованности сказанного необходимо признать, что союзные республики пользовались значительной степенью культурной и политической автономии. К началу перестройки эти республики управлялись влиятельными национальными номенклатурами, кланами, группировками и даже мафиями, что способствовало подъему местных национализмов и теневой экономики. При этом этнические меньшинства в ряде республик, особенно в закавказских, подвергались ассимиляции (зачастую принудительной, как это было, например, в Азербайджане), все возрастающей маргинализации и нации со стороны титульных наций. Показательно, что наиболее жесткая дискриминация в политике по отношению к языкам целых народов проводилась не в РСФСР в пользу русского языка а в союзных республиках в пользу языков титульной нации (например, в Грузии не допускалась письменность на мегрельском и сванском языках, в Азербайджане - на талышском, курдском лезгинском, в Таджикистане - на ягнобском и большинстве памирских языков и т.д.).

Поэтому неудивительно, что во многих республиках национальные движения нетитульных народов имели не антирусскую направленность, они начались как конфликты национальных меньшинств против титульных наций: армян против азербайджанцев в Карабахе, абхазцев против грузин, осетин против грузин и т.д. Перечень этих и других потенциальных конфликтов уже сам по себе указывает, что муссирующиеся ныне идеи об "общекавказском доме", кавказском или панкавказском союзе, призванных, по мнению некоторых приверженцев идеи конфедерации горских народов Кавказа, уберечь народы региона от "имперских притязаний" России, можно было бы расценивать как благородные по замыслу и намерениям, но, очевидно, весьма труднореализуемые на практике.

Разумеется, нельзя отрицать существование определенных антирусских настроений среди отдельных категорий населения северокавказских республик. Как показывают чеченские события, существуют и такие силы, которые выступают за силовое решение проблем национального самоопределения. Все же, если исходить из кавказских реальностей во всей их совокупности, а не руководствоваться абстрактными схемами, то оказывается, что южные осетины видят врага в Грузии и стремятся в Россию, абхазцы видят врага в Грузии и стремятся в Россию, армяне Карабаха видят врага в Азербайджане и не прочь, чтобы Россия выступала по крайней мере в качестве посредника в решении проблемы. Аналогичные противоречия и конфликты имеют место и между различными народами Северного Кавказа в составе Российской Федерации. Раздирающие их экономические и территориальные коллизии: между Чечней и Дагестаном, Чечней и казаками, Ингушетией и Северной Осетией, Осетией и Грузией, лезгинами и Азербайджаном, Абхазией и Грузией и т.д. - по сути дела делают иллюзорными в обозримой перспективе формирование единого, сколько-нибудь

жизнеспособного политического или иного государственного образования народов Северного Кавказа вне России и вопреки воле России. Обоснованность этого довода подтвердил как бы неожиданно разгоревшийся осетино-ингушский конфликт, который может служить прецедентом и моделью для возможных в будущем конфликтов между северокавказскими народами, если их сумеют клонить на путь перекройки по своему усмотрению национально-государственных границ. При определенных условиях нельзя исключить обострение лезгинского вопроса, непосредственно затрагивающего Азербайджан и Россию. Таких проблем можно назвать еще.

Поэтому "кавказская война", о возможности которой любят рассуждать некоторые журналисты и представители отдельных национальных движений, может обернуться войной не только и не столько против "общего врага" в лице "Российской Империи", сколько войной всех против всех (по модели Т.Гоббса). Нельзя не отметить, что как раз попытки практически реализовать сепаратистские проекты при определенных условиях могут создать почву для развязывания такой войны. Осетино-ингушский конфликт, в еще большей степени абхазско-грузинская война и война в Чечне продемонстрировали, что в создавшихся условиях попытки разрешения территориальных проблем вооруженным путем не только обречены на неудачу, но и порождают множество еще более сложных проблем и чреваты тяжелейшими последствиями для всех конфликтующих сторон.

Если теоретически допустить возможность "ухода" России с Северного Кавказа, то нетрудно предположить кровавые последствия этого акта для всего региона. Ибо, когда народы в полной мере осознают, что каждому из них суждено жить в собственном, самостоятельном во всех отношениях государстве, территориальный вопрос выдвинется на передний план уже на качественно новом уровне. Именно сильная и процветающая Россия является реальным гарантом их политической и экономической стабильности и безопасности.

Рассуждения о сепаратизме, балканизации, "России регионов" и т.д. строятся по сути дела на упрощенном понимании государства, особенно российского, как некоего механического лоскутного образования, которое можно как угодно перелатать, перестроить, разобрать по частям или просто аннулировать. Касаясь вопроса о возможностях и перспективах сепаратизма и формирования новых государственных структур вне России и вопреки воле России, нужно отметить, что в настоящее время не существует сколько-нибудь значительных горизонтальных или Вертикальных экономических, социальных, политических или Иных связей между различными народами и республиками России. Получилось так, что каждый отдельный народ и каждая о дельная республика наитеснейшими и неразрывными узами связана с Россией, но не вместе и не в качестве какого-либо единого экономического, политического, культурного или иного комплекса, а каждая в отдельности. При этом следует отметить, каждая отдельная республика в несравненно большей степени за интересована в своих связях с Россией в целом, чем в сепаратных связях с другими республиками на индивидуальной основе

Особенно важное значение имеет тот факт, что почти все аспекты и стороны жизни подавляющего большинства народов России к настоящему времени подверглись глубокой трансформации на путях секуляризации и модернизации. Были глубоко затронуты не только социальные, экономические и политические структуры, но и сам образ жизни, система ценностей, ориентации и установок, подорваны или совсем разрушены традиционные институты регулирования повседневной жизни людей. К концу XX в. многосторонние связи, интегрально пронизывающие экономические, культурные, образовательные, духовные, политические и иные реальности, стали твердо утвердившимся и необходимым фактором жизни всех без исключения республик и регионов России. Подавляющее большинство народов России бесповоротно освоили и интегрировали важнейшие аспекты и атрибуты общероссийского образа жизни. С этой точки зрения стиль и формы жизни в таких, например, городах, как Казань, Саранск, Ижевск, Владикавказ, Махачкала, мало чем отличаются от стиля и форм жизни в Калуге, Рязани, Воронеже и т.д. Можно сказать, что это сходство продолжает увеличиваться. Например, города Северного Кавказа по сути дела потеряли свой восточный колорит и по внешнему виду стали похожи на типичные современные российские города, скажем, средней полосы. Строящиеся во многих населенных пунктах мечети, культовые и иные сооружения при всей их значимости для возрождения традиционной культуры, верований и т.д. отнюдь не меняют общую картину.

Следует при этом признать, что пренебрежительное отношение к национальным языкам и культурам имело для большинства из них значительные отрицательные последствия. Наблюдающийся в последние годы заметный всплеск интереса к местным языкам, культурам, истории, традициям у всех народов России, возможно, позволит преодолеть эти последствия и не допустить в будущем перекосов в национальной политике. Но нельзя не признать, что подавляющее большинство народов относится к русскому языку не только как к языку межнационального общения. Дело в том, что языковая интернационализация в СССР достигла беспрецедентно высокого уровня. Для большинства городских жителей он стал вторым родным, а для многих и единственным родным языком (независимо от того, какая в этой сфере проводилась политика). Показателен в данном случае пример Украины, самой крупной (после России) республики бывшего СССР. По некоторым данным около 40 % ее жителей, в том числе в 11 крупных городах с численностью населения свыше

полумиллиона человек, считают своим родным русский язык. Возможно, что для большинства этих людей (да и не только для них) своими стали многие социокультурные реальности, общие для самого образа жизни людей России, да и всего пространства бывшего СССР- Это в большей степени верно применительно к народам, населяющим национальные республики самой России.

Русский язык, общероссийская культура были и остаются для этих народов и средством, и воротами, и инфраструктурой как для саморазвития, так и для вхождения, интегрирования в мировую цивилизацию, мировую культуру. Более того, реальности таковы, что без русского языка невозможно представить ни одну более или менее важную сферу жизни многих регионов страны. Мало кто сможет отрицать, что местные литература и искусство по сути дела, при всех необходимых здесь оговорках, следуют общероссийским (общесоветским?) нормам и моделям. Можно сказать больше. Фактически в недавнем прошлом (только ли?) национальные литературы большей частью были просто ветвями общей советской социалистической литературы, претендовавшими на отражение всего лучшего и жизнеспособного в национальных культурных традициях. Для некоторых деятелей культуры недостаточно бережливое отношение к национальному языку обернулось потерей способности и навыков мыслить и рассуждать на своем родном языке. По сути создалось такое парадоксальное положение, когда писатель думает по-русски, а на бумаге свою мысль излагает на национальном языке (фактически это перевод).

Для многих народов русский язык стал одной из важнейших несущих конструкций самого образа жизни. Просто трудно себе представить формы и пути перестройки, например, системы образования, начиная со средней школы, а также науки на сугубо национальных началах и на основе национальных языков (если вообще теоретически допустить такую постановку вопроса) вне российской системы образования и науки. Подобные попытки имели бы катастрофические последствия для системы образования и науки всех без исключения регионов.

Сказанное позволяет делать вывод, что проблему тоталитаризма и советской системы не следует смешивать с проблемой российской государственности. Парадоксальность ситуации в том, что здесь не было метрополии и метропольной нации в общепринятом смысле. Таковой выступала по сути дела партия, цепко вросшая в ткань государства и в конечном счете полностью поглотившая его. Что касается России, то она не была метрополией, которая эксплуатировала периферию и за ее счет обеспечила своему населению более высокий уровень жизни. В принципе Россия не имела никаких преимуществ перед другими советскими республиками. Более того, если у других республик были какие-то реальные властные полномочиям и статус, то властные структуры РСФСР были призрачными, лишенными реальных полномочий в решении сколько-нибудь значимых проблем

Разумеется, представители различных народов, вовлечены в бурные политические процессы, хотят оставаться и в повседневной жизни ощущать себя татарами, лезгинами, чувашами, осетинами, кабардинцами и т.д. Но это вовсе не значит, что они н желают оставаться гражданами России. Существует целый комплекс фундаментальных, основополагающих интересов и факторов, в равной степени затрагивающих все народы и республики в равной степени объединяющих их. По сравнению с ними все ны-' нешние разногласия, противоречия, конфликты являются второстепенными и со временем не могут не отойти на второй план.

Россия - это не просто некий искусственный конгломерат территорий, наций, народностей, этносов, это единый нерасчленимый организм с общим для всех его членов жизненным пространством. Народы и территории, вошедшие в состав российского государства на разных этапах его формирования (независимо от того, как это произошло - добровольно или насильственным путем, на основе договорных или иных актов), уже в течение длительного времени являются неразрывными частями единого культурно-исторического и политико-экономического пространства. В этой связи вызывают недоумение рассуждения некоторых радетелей чистоты и неприкосновенности российской государственности о том, что России нужно уходить, например, с Северного Кавказа, отгородиться от мусульманских народов данного региона непреодолимыми пограничными барьерами. Россия просто так не может уйти от самой себя, поскольку Северный Кавказ, равно как Поволжье, Дальний Восток и т.д., является неотъемлемой ее частью. То же самое, естественно, верно и примените но к народам, населяющим эти регионы.

Можно утверждать, что одной из важнейших причин большинства, если не всех, национальных конфликтов, потрясающих в стоящее время нашу страну, является попрание подлинных интересов народов, их ценностей, традиций, обычаев, урезывание их законных прав в самоопределении, решении социальных, экономических, духовных и иных проблем. Это определяет жизненную необходимость сохранения целостности и неделимости Российской Федерации. Однако защиту целостности государства отождествлять с изжившими себя имперскими началами и устремлениями.

9.3. Унитаризм или федерализм?

Каков наиболее перспективный путь территориально-государственного устройства России? В данном контексте на передний план российской политики выдвигается императивный вопрос: как соотнести принцип государственной целостности с устремлением входящих в него народов на самоопределение? Очевидно что перед Россией стоит архисложная задача -сохранить свою

целостность, не допуская при этом ущемления интересов республик, автономий, краев и областей. Поэтому все стороны - как центральные вл'асти России в Москве, так и официальные руководители республик и национальных движений - должны демонстрировать максимум терпения и терпимости, здравого смысла, благоразумия и приверженность решать все спорные проблемы политическими -методами. При этом встает не мене? важный вопрос: каков для России оптимальный путь достижения данной императивной Цели?, У этого вопроса много граней и измерений, но в силу российской специфики и при развернувшихся ныне спорах и дискуссиях о перспективах сохранения целостности страны на первый план выдвинулась проблема территориально-государственного устройства.

При анализе перспектив формирования и утверждения новой российской государственности необходимо учесть как достоинства, так и недостатки существующих типов политико-территориального устройства: унитаризма, федерализма и конфедерализма Как показал советский опыт, унитаризм при всех его преймуществах в решении определенных задач не способен в полой мере учитывать многообразие региональных, национально-культурных, традиционалистских, социально-экономических, политико-культурных, социально-психологических и других ценностей, что чревато широкомасштабными негативными последствиями для российской государственности. Что касается перспектив конфедеративного устройства, то, как показал исторический опыт, конфедерация бывает двух видов: та, которая терпит неудачу, и та, которая постепенно трансформируется в федерацию.

Очевидно, что для России одинаково неприемлемы как сохранение жесткого унитаризма *с* характерным для него диктатом центра, так и крен в сторону той или иной формы конфедерации. Для российских реальностей оптимальным представляется путь федеративного устройства государственной системы. Однако при этом следует предостеречь от соблазнов искать простые, универсальные, одинаково пригодные для всех стран и народов решения. Именно такие соблазны просматриваются в позициях тех политиков, которые предлагают безотлагательную унификацию всех субъектов федерации по всем параметрам государственного устройства, не учитывая возможные негативные последствия этого в сущности революционного шага.

Невозможно придумать идеальное устройство государства сконструированное по четко начертанному плану. Жизнь во многих своих аспектах сложна, иррациональна и не во всем поддается рациональному, логическому объяснению. Государство представляет собой форму политической организации общества, сущность которой в каждом конкретном случае определяется духом соответствующего народа, его традициями, историей, культурой и т.д. Поэтому естественно, что Российская Федерация не может не иметь своих особенностей, отличающих ее от государств подобного типа, скажем, США, ФРГ, Индии и т.д.

Вплоть до подписания Федеративного договора и принятия Конституции Российская Федерация строилась по национально-территориальному принципу, в соответствии с которым ее субъектами считались только автономные республики, а также, с теми или иными оговорками, автономные области и национальные округа. Что касается краев и областей, то они являлись просто административно-территориальными единицами и отношения с ними федеральное правительство строило на унитарных началах. С этой точки зрения РСФСР нельзя было назвать федеративной в точном смысле слова, поскольку здесь органически сочетались федеративные и унитарные принципы.

Единая система государственно-административного управления сверху донизу, от Москвы до окраин характеризовалась жесткой унификацией и централизацией, которые практически исключали сколько-нибудь значимое отклонение от стандартной иерархии властных структур, распределения и реализации властных полномочий. С этой точки зрения центр присутствовал во всех структурах и на всех уровнях власти: союзный центр - Москва - в зависимости от ранга повторял себя в столицах республик, автономий, областей, райцентрах, поселковых и сельских советах. Иначе говоря, это было нечто, противоречащее самому себе, - унитарная федерация.

Необходимо признать, что немалую роль в нагнетании страстей по данному вопросу играют господствующие ныне терминологическая путаница и беспредел в толковании основополагающих для российской государственности вопросов. Декларируя волю к федерализации, власти тем не менее демонстрируют неспособность и нежелание на практике реализовать федералистские принципы государственного устройства. Часто дилеммы возникают в силу того, что руководители с обеих сторон, как в Москве, так и в республиках, при обсуждении проблем государственного устройства много и пространно рассуждают о федерализме, республиканском суверенитете, самостоятельности и т.д., но на самом деле в большинстве своем придерживаются унитарной, а не федералистской модели государства. Любой шаг со стороны субъектов федерации к самостоятельности в Москве воспринимается как сепаратизм, и, наоборот, любое действие федерального правительства по укреплению вертикальных властных структур в республиках воспринимается как имперское притязание.

В этой связи возникает настоятельная необходимость определить, какое именно содержание вкладывается в такие понятия, как суверенитет, независимость, федерация, конфедерация,

автономия и т.д. Ведь не секрет, что большинство руководителей национальных движений, выступая за национальный суверенитет своих народов, отнюдь не вынашивают планы выхода из состава Российской Федерации. В подавляющем большинстве случаев речь идет не о сепаратизме, не об отделении от России, а об устройстве и урегулировании отношений с Москвой на действительно федеративных началах.

9.4. От унитаризма к подлинному федерализму

Требуя для себя самоопределения, народы бывших автономий добиваются права свободно распоряжаться своей судьбой на собственной территории. Под самоопределением понимается право каждого народа жить по собственным законам под управлением избранных им самим властных структур, распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, при этом не нанося ущерба свободе и законным интересам других народов. Лишенная национального своеобразия страна может лишиться и отведенного ей места в Мировом сообществе. И.Ильин справедливо настаивал на том, что истинное духовное достижение всегда национально. Родинаесть та вершина, с которой человеку может открытьсяобщечеловеческое братство. С этой точки зрения у каждого народа свой национализм, противопоставляемый тоталитарному космополитизму, или, вернее, метанационализму.

Территория федерации есть совокупность территорий составляющих ее автономных образований, краев и областей. Коль скоро за автономиями или иными субъектами федерации признается статус государственности, то неизбежно возникает вопрос об их суверенитете. Этот вопрос подробно был рассмотрен выше. Здесь отметим лишь, что существующие ныне туманные и упрощенные трактовки идеи национального суверенитета нуждаются в коррективах. Требуя безоговорочной и полномасштабной реализации права наций на самоопределение, руководители отдельных национальных движений, мягко говоря, недооценивают тот факт, что специфика формирования и эволюции российской государственности требует специфического понимания суверенитета и самоопределения тех народов и республик, которые в течение многих поколений и даже веков совместно живут в рамках этой государственности.

Конец XIX - начало XX в. прошли под знаком национализма, национально-освободительных движений и создания ряда национальных государств. Сначала объединение Италии и Германии, затем первая мировая война, приведшая к распаду империи Габсбургов и образованию на ее развалинах целого ряда национальных государств (или государств из нескольких близких друг другу народов): Венгрии, Австрии, Чехословакии, Югославии. По логике вещей аналогичная судьба рано или поздно должна была постигнуть и Российскую Империя. Но здесь процесс оказался во многом прерванным. Примирившись с потерей Финляндии, Польши и прибалтийских государств, пришедшие к власти в результате октябрьского переворота большевики сумели остановить процесс национального самоопределения, загнать его вглубь. Более того, создав невероятную чересполосицу при проведении административных границ, большевики по сути дела посеяли семена большинства нынешних национально-территориальных конфликтов.

Но при этом необходимо учесть, что за прошедшие семь с лишним десятилетий на огромных просторах бывшей Российской Империи была создана качественно новая национально-территориальная, демографическая, географическо-топографическая, политическая, государственно-административная и т.д. ситуация. В результате коренным образом изменилось положение всех без исключения национально-территориальных государственных образований в отношении России, изменился образ жизни людей, их менталитет и т.д. Поэтому естественно, что совершенно в новом свете предстают традиционные категории и понятия национального суверенитета, самоопределения, независимости и т.д. Со всей очевидностью обнаруживается, что, например, стремление к национально-государственной самостоятельности сразу после октябрьского переворота 1917 г. означало одно, а в нынешних условиях - нечто другое.

В данной связи не лишне напомнить, что при формировании дарственно-административной структуры СССР государственные границы проводились буквально по живому телу этносов. Достаточно оторваться от абстрактных схем и трезво взглянуть на проблему чтобы убедиться в том, что любая попытка установить государственные границы по сугубо национальному принципу может привести к кровавым последствиям, поскольку в создавшихся ныне условиях границы пришлось бы проводить не только по живым телам, но и душам и сердцам многих и многих народов.

На всем необъятном евразийском пространстве бывшего СССР имело место поистине вавилонское смешение народов: 65 млн. человек проживают вне пределов своих национальных образований или своей исторической родины и около 12,5 млн. имеют смешанные семьи. По данным переписи населения 1989 г., в бывших советских республиках вне пределов Российской Федерации проживали приблизительно 25,3. млн русских и более 11 млн представителей других национальностей, считающих русский язык родным. Что касается собственно России, то здесь в настоящее время численность нерусских народов составляет около 27 млн. человек, или 18,5 % всего населения. Из них 4,3 млн составляют украинцы, 1,2. млн белорусы, 636 тыс. казахи, 532 тыс. армяне и т.д., т.е. народы, которые не претендуют на собственную государственность в рамках Российской Федерации.

По данным той же переписи населения, титульные нации во всех автономных республиках России составляли 43 % их совокупного населения, в автономных областях - 22 %, в автономных округах - 10,5%. В 21 автономном образовании русских насчитывалось больше, чем представителей титульной нации. В некоторых из них они составляли треть населения или меньше. В общей сложности численность титульных народов во всех россиийских республиках составляет всего 10 млн, или 7 % населения России.

И это не все. Если в соответствии с своеобразно толкуемой идеей суверенитета привязать право наций и народностей на самоопределение к конкретным территориальным границам, то тогда непонятно, как быть с представителями титульной нации той или иной республики, проживающими за ее пределами? Нельзя забывать, что миллионы представителей этнонациональных групп проживают на территории России, но вне пределов своих национальных республик. Например, более двух третей татар (а по некоторым данным, даже больше) живут вне Татарстана, в том числе 300 тыс. в Москве. Две трети мордвы также обосновались вне Мордовии. В Башкортостане башкиры по численности занимают третье место после русских и татар.

При таком положении вещей становится очевидным, что любые попытки строить государство вокруг одной национальности, замкнуть государственность на этничности лишены всяких разумных оснований. Те бывшие советские республики, которые по сути дела встали на этот путь, воочию продемонстрировали его трагичность и бесперспективность. Постепенно оправдываются прогнозы тех западных исследователей, которые пришли к выводу, что понятие "государство - нация" уступает место понятию "государство - сообщество".

Государством - сообществом народов является и Российская Федерация. Здесь представлен весь спектр известных к настоящему времени уровней экономического развития - от сугубо аграрного до близкого к постиндустриальному. Основная часть регионов и территорий располагается между этими двумя полюсами, обнаруживая крайнее разнообразие климатических, ресурсных, человеческих и иных факторов. Естественно, что приверженность и податливость экономической, социальной и политической модернизации реформам, переустройству жизни не могут быть одинаковыми на всем евразийском российском пространстве. Но унитаризм как в менталитете многих руководителей, так и в политике официальных структур изживается весьма медленно, трудно и болезненно.

Разрабатывая модель национально-государственного устройства Российской Федерации и корректируя ее в процессе реализации, необходимо постоянно иметь в виду, что любой политической системе интегрально присущи конфликты как интересов, так и основополагающих ценностей. Последние коренятся не только в социально-экономической и политической сферах, они лежат глубже политики и экономики, составляя незримую основу последних. Поэтому очевидно, что в российских реалиях речь может идти как об экономическом и политическом плюрализме» так и о плюрализме социокультурном, конфессиональном, ценностном.

Необходимо осознать реальность пространственного плюрализма и многоукладности жизни, преодолеть страх сепаратизма там, где речь идет о стремлении к утверждению действительно федеративных принципов. Одна из важнейших сущностных характеристик демократии состоит в том, что она провозглашает равенство не только стартовых возможностей, но и способов жизнедеятельности. Поэтому за территориями, регионами, областями, республиками, народами должно быть признано право представительства разных способов человеческой жизнедеятельности. При таком подходе особую актуальность приобретают отношения между различными общинами, городами, регионами, национально-государственными образованиями и федеральным государством, с одной стороны, и гражданским обществом, экономикой и государственными властями на всех уровнях - с другой.

В настоящее время в принципе первый шаг к отказу от унитаризма и переходу к подлинному федерализму сделан - подписан Федеративный договор и принята Конституция Российской федерации. Теперь необходимо реализовать этот договор. По новому Федеративному договору наряду с республиками в составе России и автономными образованиями статус субъектов федерации получили края, области, Москва и Санкт-Петербург. Приобретя элементы государственности и повысив тем самым свой статус, последние вступают по существу в федеративные отношения с Москвой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Положительным следует считать и тот факт, что Россия объявляется не договорной, а конституционной федерацией, согласно которой распределение властных полномочий целого и его составных частей зафиксировано в Конституции и нигде более. Конституционная федерация не предусматривает права выхода из нее того или иного образования.

Перспективы введения рынка и политической демократии, их жизнеспособность и эффективное функционирование определяются соответствующей системой ценностей, формирующейся в контексте конкретных этнонациональных, культурно-исторических, социокультурных и политико-культурных реальностей и традиций. Очевидно, что в России с ее национальным, религиозным, культурным и т.д. плюрализмом и соответственно плюрализмом Ценностей рыночные отношения и демократия могут утвердиться в разных регионах и республиках по-разному. Можно говорить ° России многообразия и соответственно России "многих скоростей". Поэтому при разработке

политической стратегии нельзя забывать о специфических особенностях исторического, национально-этнического, конфессионального, социально-психологического, социокультурного и т.д. характера различных регионов таких, как Сибирь, Урал, Поволжье, Дальний Восток, Северный Кавказ и др.

Возможно, некоторых политиков не оставляет соблазн дистанцироваться от России, ассоциирующейся с имперским прошлым но все же есть некие закономерности и реальности, которые сильнее субъективных желаний и своеволия политиков. Эти реальности таковы, что именно России суждено играть первостепенную геополитическую роль в достижении и обеспечении стабильности во всех регионах бывшего Советского Союза. Есть все основания для вывода о том, что по завершении периода преобладания центробежных тенденций новые государства будут вынуждены искать не то, что их разъединяет, а, наоборот, то, что их соединяет. Уже сейчас во многих бывших союзных республиках начинают сознавать, что в одиночку невозможно выйти из кризиса и встать на рельсы демократического переустройства. Экономические интересы и выгоды все больше сказываются на степени приоритетности политического фактора. Последствия разрыва для новых государств и республик могут быть значительно более негативными, чем для России.

Осознанием этих реальностей во многом определяется и наблюдающаяся в последнее время тенденция к возрождению интереса у большинства новых государств ближнего зарубежья к проблемам интеграции. Это во многом объясняется тем, что Россия за прошедший со времени развала СССР период при всех возможных оговорках продемонстрировала свою способность быть стабилизирующим фактором как в собственных границах, так и в ближнем зарубежье.

Подводя итог изложенному выше, можно отметить, что федерация способна быть жизнеспособным и эффективно функционирующим государственным образованием лишь при наличии и соблюдении ряда условий: 1) признание всеми субъектами государственно-территориальной целостности; 2) запрет на односторонний выход того или иного субъекта из федерации либо изменение им своего статуса, поскольку это задевает интересы других субъектов; 3) верховенство федеральных законов, их общеобязательность для всех субъектов и их граждан, что в свою очередь предполагает единство основ государственного строя. Субъекты федерации равноправны как между собой, так и перед федеральным правительством. Те законы, которые принимаются на федеральном уровне, одинаково касаются всех субъектов федерации; 4) свободное передвижение людей, товаров, информации и т.д. на всей территории федерации. В этом контексте необходимо всемерно стимулировать примат общенационального, общероссийского, общегосударственного над партикулярными, региональными или иными интересами, связать идею возрождения российской государственности с идеей утверждения прав и свобод личности.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как вы оцениваете положение России в первые годы после развала СССР?
2. Грозит ли России участь СССР или Югославии?
3. Что вы понимаете под самодостаточностью государства?
4. Может ли в России тоталитаризм стать основой государственной идеологии?
5. Почему Россия является государством - сообществом народов?
6. Как соотносится принцип самоопределения народов с приоритетами единства России?
7. Каков наиболее оптимальный путь территориально-административного устройства России?
8. Что вы понимаете под выражением "Россия многих скоростей"?
9. Каковы условия перехода от унитаризма к подлинному федерализму
10. При каких условиях обеспечивается жизнеспособность федерации?

Глава 10 Система международных отношений

Немаловажное место в мире политического занимает сфера народных отношений или система отношений между различными государствами, составляющими в наши дни в совокупности мировое сообщество. Часто эта сфера рассматривается как самостоятельный раздел по литологии. В целом соглашаясь с этим, нужно иметь в виду, что проблемы мирового сообщества и международных отношений составляют предмет исследования нескольких научных дисциплин: истории, правоведения, истории дипломатии, социологии, философии. Например, значительный вклад в изучение системы международных отношений внесла историческая наука. Объектами ее исследования являются история внешней политики национальных государств, история дипломатии с древнейших времен до наших дней, история международных отношений как единой системы и т.д. Вклад социологии в данном аспекте выразился в формировании самостоятельной области исследований, получившей название социологии международных отношений. Большое внимание данной проблеме уделяет правоведение. Оно включает в себя самостоятельный раздел "Международное право", посвященный изучению норм и принципов, регулирующих систему международных отношений. Международное право концентрирует внимание на правовых нормах, зафиксированных в межгосударственных и международных соглашениях, в уставах региональных и всемирных организаций, а также других международно-правовых документах.

10.1.Основные составляющие системы международных отношений

Государство, как говорилось в предыдущих главах, представляет собой центральный, осевой элемент политической системы и в этом качестве является важнейшим объектом исследования политологии. Поэтому именно последней принадлежит главная роль в теоретическом и эмпирическом изучении системы международных отношений, разработке основных категорий и понятий) законов международной жизни. Государство - субъект политики не только как носитель власти и властных отношений в рамках отдельно взятой страны, но и как носитель государственного суверенитета на международное арене, как один из многих субъектов политических отношений между различными государствами.

Политология призвана проанализировать основные параметры и критерии определения международных отношений как единой системы со своими особыми системообразующими характеристиками, структурными составляющими и функциями. Можно сказать, что система международных отношений - это совокупность составляющих ее элементов, между которыми существуют устойчивые связи, зависимости, отношения. Главными объектами международных отношений являются прежде всего суверенные национальные государства. Именно государство имеет реальные властные полномочия осуществлять внешнюю политику, выступать в качестве субъекта отношений с другими государствами, заключать межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир и т.д.

Немаловажное место занимают также группы государств, всемирные и региональные организации: Организация Объединенных Наций (ООН), Европейский Союз (ЕС), Организация Американских государств (ОАГ), Организация стран - экспортеров нефти (ОПЕК), Организация Африканского единства (ОАЕ), Организация "Исламская конференция" (ОИК) и др. Следует отметить, что число таких организаций постоянно растет, а функции существующих организаций расширяются. Так, еще в 1948 г. быта создана специальная организация ООН ЮНЕСКО, занимающаяся проблемами развития культуры и науки. В 1972 г. создана еще одна специальная организация ООН - ЮНЕП, задачами которой являются разработка и осуществление мер по сохранению среды обитания. В 1974 г. ООН приняла Декларацию и Программу действий по установлению нового международного экономического порядка. Важную роль играют международные организации 8 решении проблем сырья и энергетики (например, ОПЕК). Особое место занимает Международное агентство ООН по атомной энергии (МАГАТЭ), призванное предотвратить распространение ядерного оружия и сохранить развитие атомной энергии в мирных целях.

В последнее время активными элементами международных отношений становятся транснациональные корпорации, оказывающие все возрастающее влияние на характер функционирования и тенденции развития международных отношений. Любая международная система базируется на органическом сочетании военной, экономической, политической и идеологической властей различных стран и народов. Поэтому эта проблема охватывает большой круг вопросов, таких, как экономические, дипломатические, политические, военные, культурные и другие отношений между государствами или группами государств.

Система международных отношений включает также и отношения между различными народами. Например, взаимодействия культур не всегда носят институционализированный характер и не всегда поддаются государственному регулированию. Вместе с тем очевидно, что на международные экономические и политические отношения определенное влияние могут оказывать национальные общности или национальные диаспоры, обосновавшиеся за пределами своей исторической родины.

10.2. Важнейшие функции международных отношений

Содержание и предназначение системы международных отношений состоит в том, чтобы найти пути и способы разрешения конфликтов между государствами и странами, возникающих прежде всего в результате столкновения их реальных и нередко превратно понятых национальных интересов. Главные составляющие этой системы - конфликт и консенсус, которые, то сменяя, то пронизывая друг друга, обеспечивают жизнеспособность и функционирование мирового сообщества. Интенсивность конфликтов, крайним выражением которых является война, и устойчивость компромисса зависят от конкретной ситуации в мире, которая создает собственный расклад социальных и политических сил, экономических, военно-политических и иных факторов, собственную систему детерминаций и соответственно собственный веер возможных направлений развития. В этом контексте политология уделяет особое внимание механизмам принятия решений, роли и функциям важнейших институтов при решении международных конфликтов и достижении консенсуса между государствами.

Каждое суверенное государство как субъект международных отношений проводит собственную внешнюю политику, которая определяется множеством детерминант, включая уровень социально-экономического и общественно-политического развития, географическое положение, ее национально-исторические традиции, цели и потребности обеспечения суверенитета и безопасности и т.д. Все они в переложении на внешнюю политику фокусируются в концепции национального интереса. Можно

сказать, что реальные, объективные национальные или государственные интересы, затрагивающие суверенитет, территориальную целостность, принцип невмешательства во внутренние дела и т.д., составляют главный движущий фактор внешнеполитической деятельности государств и реализации международных отношений. При формулировании национальных интересов и принятии на их основе внешнеполитических решений руководители государств учитывают объективные экономические, политические, географические и прочие факторы, внутриполитические интересы, политические маневры различных социально-политических сил, заинтересованных групп, организаций и т.д. Учитываются также возможные реакции на эти решения со стороны тех государств, которые они затрагивают.

Столкновение реальных интересов порождает реальные конфликты, но на международной арене реальные конфликты могут быть вызваны и ложно понятыми, и превратно сформулированными национальными интересами или соображениями национальной безопасности. Так обстояло дело при развязывании Соединенными Штатами вьетнамской войны и при принятии руководством СССР решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.

Таким образом, главной детерминирующей силой внешнеполитической деятельности является национальный или государственный интерес. Но сама концепция национального интереса пронизана ценностными нормами и идеологическим содержанием. Это особенно верно в отношении ложно понятых и превратно сформулированных национальных интересов. В формулировании обеих категорий интересов и формировании внешнеполитической стратегии, призванной их реализовать, немаловажное значение имеет система ценностных ориентации, установок, принципов и убеждений государственных деятелей, то, как они воспринимают окружающий мир и как оценивают место своей страны в мировом сообществе.

Среди главных целей государства в системе мирового сообщества, соответствующих его национальным интересам, можно назвать обеспечение безопасности, стабильности и процветания. Каждое государство по-своему оценивает относительную важность каждой из преследуемых им целей. Названные выше цели по сути дела включают комплекс целей. Значимость для государства каждой из них и его способность реализовать их зависят от многих факторов: его геополитического положения, истории, культуры, политической системы, руководства, характера взаимоотношений с другими государствами и т.д. В целом государство не может обеспечить реализацию всех целей в полном объеме. Например, ресурсы страны, выделяемые военному ведомству для обеспечения безопасности, могут требовать сокращения ресурсов, предоставляемых на благосостояние народа или экономическое развитие. Политика, сопряженная с подобного рода противоречиями, обозначается выражением "пушки вместо масла"

Среди приоритетных целей государства на международной арене первое место занимает обеспечение безопасности страны или национальной безопасности. Национальная безопасность - это одновременно и аналитическая концепция, и особая сфера исследований. В первом случае речь идет о способности того или иного национального государства защищать и отстаивать свои внутренние ценности от внешних угроз, принимая меры по предотвращению непосредственных угроз физическому единству национального общества, косвенных, долгосрочных и случайных непредсказуемых угроз, а также угроз самому образу жизни. В крайнем своем выражении эта цель выступает как обеспечение выживания государства. В контексте межгосударственных отношений "выживание" означает сохранение национального государства как носителя и реализатора общих ценностей, характеризующих образ жизни данного народа. Цель выживания не может быть рационально достигнута с помощью средств, жертвующих ценностями, которые в глазах тех, кто принимает внешнеполитические решения, придают значимость выживанию государства.

Очевидно, что область исследования национальной безопасности охватывает средства, формы и методы, с помощью которых национальные государства планируют, принимают и оценивают решения и политические курсы. Национальная безопасность неразрывно связана с национальным интересом. Отдельные элементы концепции национальной безопасности можно обнаружить уже у Дж. Медисона, у известного американского историка Ч. Бирда в начале XX в. Все же первым, кто четко сформулировал эту концепцию, был У. Липпман [134, с. 8]:

Нация обеспечивает свою безопасность, когда она не жертвует своими законными интересами для избежания войны и способна, в случае если эти интересы подвергаются опасности, отстаивать их с помощью войны.

Далее эта концепция была развита Г. Моргентау, Дж. Кеннаном, Р. Нибуром и др. Национальная безопасность тесно связана с безопасностью самой общественно-политической системы или государства. В процессе реализации государством собственных целей оно имеет дело с другими государствами, которые могут либо способствовать, либо препятствовать их достижению. Государство располагает разными средствами воздействия на другие субъекты международной системы, каждый из которых может использовать собственные пути и средства реализации своих целей. Одним из самых очевидных средств является применение или угроза применения насилия. Задолго до того, как Клаузевиц сформулировал свой знаменитый афоризм "война есть продолжение политики иными средствами", государственные деятели действовали в его духе. В этом плане

отношения между государствами характеризуются взаимной конкуренцией. В своих крайних проявлениях конкуренция может перерасти в войну между заинтересованными сторонами. В данном контексте война и агрессия одного государства против другого являются средствами разрешения возникающих между ними конфликтов. Основу международной политики составляют конфликты между народами и странами, не подчиняющимися какой-либо единой и общей для всех них верховной власти, и способы их разрешения. В течение последних примерно трех столетий западная система государств продемонстрировала свою эффективность в обеспечении независимого существования национальных государств. Она была достаточно гибка, позволяя реализовывать устремления к национальной независимости. Но достигалось это ценой множества войн, включая и всеобщие (например, первая и вторая мировые войны, в которые оказались вовлечены почти все страны мира).

В современных условиях главные цели мирового сообщества - сохранение и обеспечение международной безопасности, создание условий, исключающих нарушение всеобщего мира или возникновение угрозы безопасности народов в какой бы то ни было форме. Основные принципы поддержания мира и международной безопасности сформулированы в Уставе и других документах ООН. Эти принципы предусматривают, в частности, принятие коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру, подавление актов агрессии, неприменение насилия при разрешении международных споров и т. д. В соответствии с Уставом ООЙ главная ответственность за поддержание мира и международной безопасности возложена на Совет Безопасности ООН. Большое значение с рассматриваемой точки зрения имело принятие между народным сообществом определения агрессии. Впервые это был" сделано в резолюции, одобренной в 1974 г. на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций.

К актам агрессии в соответствии с этой резолюцией отнесены такие действия, как вторжение или нападение вооруженных сил одного государства на территорию другого государства, любая военная оккупация или любая аннексия территории другого государства с применением силы, бомбардировка территории другого государства, блокада его портов или берегов, предоставление государством своей территории в распоряжение другого государства для совершения акта агрессии против третьего государства и т.д. Особо важное значение данного определения состоит в том, что в нем агрессия и агрессивная война квалифицируются как преступление против международного мира, которые не могут быть оправданы никакими соображениями и доводами.

Главным средством предотвращения войн, агрессии и разного рода конфликтов между государствами является внешняя политика суверенных государств. Она призвана регулировать отношения каждого отдельного государства с другими государствами и народами на основе соответствующих принципов, методов и механизмов. Наиболее распространенным и общепринятым из этих механизмов является дипломатия. Дипломатия восходит к древнейшей истории человечества, хотя первые постоянные миссии стали учреждаться с конца XV в.

Задача дипломатической практики - обеспечить представителям государства условия для вступления в регулярные дискуссии и переговоры с представителями других стран. Так, большинство государств содержит специально подготовленных людей (послов, культурных, военных атташе и др.), а также институты (посольства, торговые представительства и т.д.), в задачу которых входит продвижение их интересов и разрешение возникающих проблем с помощью нормальных дипломатических каналов и неформальных связей.

Дипломатия представляет собой совокупность практических мероприятий, приемов и методов невоенного характера, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач. Ее осуществление входит в задачу глав государств и правительств, министров иностранных дел, дипломатических представительств за рубежом и т.д. Само понятие "дипломатия" связано с искусством ведения переговоров и поисков взаимоприемлемых решений в целях предотвращения или урегулирования международных конфликтов, расширения и углубления межгосударственного и международного сотрудничества.

Дипломатические отношения составляют основную форму официальных отношений между государствами. Согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., они устанавливаются между государствами по взаимному согласию в соответствии с нормами международного права и практикой международного общения. Дипломатические отношения призваны способствовать укреплению связей между государствами, решению возникающих между ними проблем на взаимоприемлемых условиях. Сам факт их установления служит свидетельством международно-правового признания вовлеченными государствами друг друга- Главная функция дипломатических представительств состоит в информировании своего правительства о положении и событиях в стране пребывания, а также информировании правительства страны пребывания о политике представляемого дипломатическим представительством государства. Отдельное государство ограничено в своих возможностях реализовать такие важные цели, как безопасность,

свобода, справедливость и благосостояние. Суверенные государства не могут сколько-нибудь стабильно и эффективно взаимодействовать друг с другом без общепризнанных и фиксированных норм и правил игры, призванных регулировать отношения между ними. Поэтому эти отношения регулируются разного рода двух- и многосторонними договорами и соглашениями, уставами, хартиями, в которых фиксируются международно-правовые нормы и правила поведения государств.

В наиболее очевидной форме сотрудничество между государствами проявляется в двух- и многосторонних договорах и союзах. Союзы представляют собой формальные или неформальные договоренности между государствами по вопросу сотрудничества или взаимопомощи в военной, экономической или политической сферах. Договоры имеют те же цели, но носят более формальный и правовой характер. Они могут варьироваться от прямых соглашений по культурному обмену между двумя дружественными странами До сложных договоров об ограничении стратегических ядерных вооружений между двумя и более великими державами. В современном мире большинство важных договоров - это, как правило, торговые соглашения и взаимные соглашения о безопасности между различными странами. Наиболее типичным примером многостороннего международного соглашения является Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), которое содержит комплекс, или свод, правовых норм, регулирующих торговые отношения между странами-участницами. Это соглашение представляет одновременно международную организацию для проведения консультаций и Переговоров по торговым вопросам. Оно было подписано в Женеве 23 странами в 1947 г. и вступило в силу 1 января 1948 г.

После второй мировой войны важное место в международной Политике заняла проблема защиты прав человека. В этой сфере был принят ряд международных актов, которые стали составной частью международного права. Они призваны обеспечить между народно-правовую базу для гарантии прав и свобод личности не зависимо от национальности, социального происхождения, религиозной веры и т.д. Примером таких актов служит Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 г. Государства подписавшие эту конвенцию, взяли на себя обязательства разрешать своим гражданам обращаться с жалобой в Европейскую комиссию по правам человека в случае нарушения их прав и свобод.

Немаловажным фактором мировой политики стали ежегодные совещания по важнейшим экономическим и внешнеполитическим вопросам так называемой Большой семерки, в которую вошли семь наиболее индустриально развитых стран: США, ФРГ, Франция, Великобритания, Япония, Италия и Канада. По месту проведения первой такой встречи, состоявшейся в 1975 г. в Рамбуйе близ Парижа, "семерка" иногда именуется Клубом Рамбуйе. Главное внимание на совещаниях "семерки", как правило, уделяется решению таких вопросов, как обеспечение экономического роста, сглаживание несбалансированности внешнеэкономических связей, инфляция, безработица и т.д. Вместе с тем все большее внимание уделяется военно-стратегическим, внешнеполитическим и иным вопросам.

Здесь названы и в самой общей форме охарактеризованы лишь основные элементы, которые в совокупности составляют инфраструктуру системы международных отношений в современном мире, а также важнейшие ее функции. В послевоенные десятилетия, особенно с окончанием холодной войны и двухполюсного миропорядка, система международных отношений претерпела существенные изменения, суть которых состоит в том, что они приобрели геополитическое измерение. Ниже внимание концентрируется на анализе основных параметров геополитики.

10.3.Основные вехи формирования и эволюции геополитики

Хотя идеи, которые в наше время принято причислять к геополитическим, в тех или иных формах, по-видимому, возникли одновременно с феноменом государственной экспансии и имперского государства, в современном их понимании они впервые сформировались и получили популярность на рубеже XIX-XX вв. Возникновение именно в этот период геополитических идей и самой геополитики как самостоятельной области исследования международных отношений и мирового сообщества было обусловлено комплексом факторов. Это, во-первых, наметившиеся к тому времени тенденции к постепенному "закрытию" мирового пространства. Во-вторых, замедление европейской пространственно-территориальной экспансии вследствие завершения фактического раздела мира, ужесточение борьбы за передел того, что осталось, и в более широком плане - за передел уже поделенного мира. В-третьих, перенесение неустойчивого баланса между европейскими державами на другие континенты. В-четвертых, образно говоря, история из только европейской начала превращаться уже в действительно всемирную историю.

Геополитические идеи и сама геополитика возникли и развивались в общем русле эволюции западной научной мысли. В целом она представляла собой не что иное, как перенесение на сферу международных отношений господствовавших в тот период в естественных и гуманитарных науках идей и концепций, а именно: детерминизма (в его географическом варианте), строгих естественно-исторических законов, социал-дарвинизма, органицизма и т.д. Введение в научный оборот термина "геополитика" связывают с именем шведского исследователя и политического деятеля Р. Челлена (1846-1922), который изучал системы управления для выявления путей создания сильного

государства. В своей главной работе "Staten som Lifsform" он предпринял попытку проанализировать анатомию силы и ее географические основы. Челлен говорил о необходимости органического сочетания пяти взаимосвязанных элементов политики, понимаемой в самом широком смысле слова: экономополитики, демополитики, социополитики, кратополитики и геополитики. При этом он характеризовал геополитику как "науку, которая рассматривает государство в качестве географического организма или феномена пространства". Будучи германофилом и сознавая слабость скандинавских стран перед лицом внешней угрозы, он предлагал создать германо-нордический союз во главе с Германской империей.

Наряду с Челленом основателями и главными адептами геополитики в ее традиционном понимании считаются американский историк морской стратегии Великобритании и певец морской мощи А.Т.Мэхэн, британский географ и политик сэр Г. Маккин-Дер, британский географ сэр Дж. Фейргрив, дополнивший схему Маккиндера, американский исследователь международных отношений Н. Спайкмен, германский исследователь К.Хаусхофер. Свое геополитическое видение современного мира в первые десятилетия XX в. предлагали Л.С.Эмери, лорд Керзон, И.Парч и др. Но в целом их работы имели эпигонский характер и не внесли чего-либо качественно нового по сравнению с работами классиков геополитики.

Классические представления о международных отношениях держались на трех китах - территории, суверенитете, безопасности государств. В трактовке основателей геополитики цен. тральное место в детерминации международной политики того или иного государства отводилось его географическому положению. Смысл геополитики виделся им в выдвижении на передний план пространственного, территориального начала. Первоначально геополитика понималась всецело в терминах завоевания прямого (военного или политического) контроля над соответствующими территориями. Одним из первых, кто предпринял попытку связать политику и географию и изучать политику того или иного государства исходя из его географического положения, занимаемого им пространства, был немецкий географ *Ф.Ратцель* конца XIX - начала XX в., основатель политической географии.

В своей "Политической географии", опубликованной в 1897 г., он обосновывал тезис о том, что государство представляет собой организм, действующий в соответствии с биологическими законами. Ратцель видел в государстве продукт органической эволюции, укорененный в земле, подобно дереву, и поэтому считал, что сущностные характеристики государства определяются территорией и месторасположением и его успех зависит от того, как оно приспосабливается к условиям среды. Одним из основных путей наращивания мощи этого организма, по мысли Ратцеля, является территориальная экспансия, или расширение жизненного пространства (Lebensraum). С помощью этого понятия он пытался обосновать мысль, что главные экономические и политические проблемы Германии вызваны несправедливыми, слишком тесными границами, сдерживающими ее развитие.

Одной из важных вех в формировании геополитических идей считается появление в конце XIX в. работ американского адмирала *А.Мэхэна,* среди которых центральное место занимает книга "Влияние морской силы на историю (1660-1783)", опубликованная в 1890 г. и имевшая огромный успех. Главная идея Мэхэна, настойчиво проводимая во всех его работах, состояла в том, что морская мощь в значительной мере определяет исторические судьбы стран и народов. Объясняя превосходство Великобритании в конце XIX в. над другими государствами ее морской мощью, Мэхэн писал [47, с. 110]:

Должное использование морей и контроль над ними составляют лишь одно звено в цепи обмена, с помощью которого <страны> аккумулируют богатства, ...но это центральное звено.

Мэхэн выделял следующие условия, определяющие основные параметры морской мощи: географическое положение страны, ее природные ресурсы и климат, протяженность территории, численность населения, национальный характер, государственный строй. При благоприятном сочетании этих факторов, считал Мэхэн, в действие вступает формула: N+MM+NB=SP, т.е. военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество. Исходя из таких постулатов Мэхэн обосновывал мысль о необходимости превращения США в могущественную военно-морскую державу, способную соперничать с самыми крупными и сильными государствами того периода.

Существенный вклад в разработку геополитической трактовки внешней политики государств внес *Х.Маккиндер.* На заседании Королевского географического общества он выступил 5 января 1904 г. с докладом "Географическая ось истории". Определенные коррективы в сформулированную в этом докладе концепцию были внесены ее автором в 1919 и 1943 гг. Как считал Маккиндер, сначала в качестве осевой области истории - хартленда - выделилась Центральная Азия, откуда татаро-монголы благодаря подвижности их конницы распространили свое влияние на Азию и значительную часть Европы. Со времени Великих географических открытий баланс сил изменился в пользу приокеанических стран, в первую очередь Великобритании. Однако, считал Маккиндер в 1904 г. , колумбова эра подходит к концу, и новые транспортные пути, прежде всего железные дороги, снова изменят баланс сил в пользу сухопутных держав. Исходя из этого он сформулировал свою концепцию хартленда (или серединной земли), каковым считал Евразию. Маккиндер оценивал последнюю как гигантскую естественную крепость, не проницаемую для морских империй и богатую природными ресурсами, а в силу этого - как "ось мировой политики". В 1919 г. он сформулировал свой знаменитый

тезис [137, с. 150]: "Тот, кто контролирует Восточную Европу, контролирует хартленд; кто контролирует хартленд, тот контролирует мировой остров; кто контролирует мировой остров, тот контролирует весь мир".

Немалая заслуга в разработке данной проблематики принадлежит германской Geopolitik. Она выросла из интеллектуальной традиции Пруссии и Второго рейха, рассматривавшей использование силы в качестве prima ratio в отношениях между государствами. Среди немецких геополитиков необходимо упомянуть Э.Ванзе, В.Зиверта, К.Росса, И.Кюна, Р.Хеннига и К.Фовинкеля. Центральное место среди них занимал профессор *К..Хаусхофер* (1869-1946) - сын генерал-майора германской армии. Он так же, как Г. Маккиндер и Р. Челлен, был убежден в том, что местоположение и территориальные характеристики государства составляют главные детерминанты его политической и исторической судьбы. Хаусхофер сыграл ключевую роль в основании Института геополитики в Мюнхене и "Журнала геополитики" там1924 г. Сын Хаусхофера Альбрехт, находившийся в дружеских отношениях с Р. Гессом, небезызвестным заместителем А. Гитлера, способствовал распространению геополитических идей среди нацистского руководства. После прихода к власти нацистов в 1933г. Институт геополитики получил признание в высших эшелонах власти Германии. Тем не менее Хаусхофер в 1944 г. был заключен в концентрационный лагерь Дахау, а его сын казнен по обвинению в причастности к июльскому заговору 1944 г.

В центре внимания Хаусхофера и его коллег стоял вопрос о conditia Germaniae - положении Германии в системе европейских и мировых держав. Это объяснялось тем, что для Германии вопрос о границах и жизненном пространстве всегда был актуален Особый интерес Хаусхофер проявлял к Дальнему Востоку, прежде всего к Японии. Среди его работ необходимо упомянуть следующие: "Японская империя в ее географическом развитии", "Геополитика Тихого океана", "Геополитика пан-идей", "Мировая политика сегодня".

Ключевыми в построениях Хаусхофера были понятия "кровь и почва" (Blut und Boden), "пространство и положение" (Raum und Lage), "сила и пространство" (Macht und Raum), "жизненное пространство" (Lebensram). Главными движущими силами государства он считал обеспечение и расширение жизненного пространства. Увеличивая жизненное пространство, динамическое государство создает себе экономическую автаркию и независимость от соседей. Завоевание такой свободы является показателем истинно великой державы, основным способом территориального расширения которой было поглощение более мелких государств. В этом отношении Хаусхофер был солидарен с основателями геополитики в их приверженности установкам социал-дарвинизма.

По схеме Хаусхофера, упадок Великобритании и менее крупных морских держав создал благоприятные условия для формирования нового европейского порядка, в котором доминирующее положение занимала бы Германия и который должен был стать основой новой мировой системы, базирующейся на так называемых пан-идеях. Среди последних он называл панамериканскую, паназиатскую, панрусскую, пантихоокеанскую, панисламийсскую и панъевропейскую идеи. К 1941 г. Хаусхофер подверг пересмотру, в результате чего было оставлено лишь три региона, каждый со своей особой пан-идеей: пан-Америка во главе с США, великая Восточная Азия во главе с Японией и пан-Европа во главе с Германией [122]. Главный пафос построений Хаусхофера и его коллег из Института геополитики в Мюнхене и "Журнала геополитики" состоял в том, чтобы сформулировать доводы и аргументы в пользу притязаний Германии на господство над миром.

Во время второй мировой войны американские политологи (Г.Уайджерт, Н.Спайкмен, Р.Страус-Хюпе, В.Стефанссон, О.Латимор, Д. Уилси и др.) приступили к разработке новой американской глобальной внешнеполитической стратегии, пытаясь сформулировать "гуманизированную версию геополитики". В качестве отправной точки для них служил тезис об особой роли Америки в мире. Для реализации этой роли обосновывалась мысль о необходимости разработки особой американской геополитики. Например, *Р. Страус-Хюпе* считал, что "геополитика представляет собой тщательно разработанный план, предусматривающий, что и как завоевать, указывая военному стратегу самый легкий путь завоевания". Таким образом, утверждал Страус-Хюпе, "ключом к глобальному мышлению Гитлера является германская геополитика" [147, с. 41].

Наиболее показательны позиции *Н. Спайкмена,* который выделял три крупных центра мировой мощи: атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье и Дальний Восток Евразии. Он допускал также возможность четвертого центра - Индии. Подвергнув некоторому пересмотру концепцию Маккиндера, Спайкмен переформулировал его тезис: кто контролирует римленд (побережье), тот контролирует Евразию, а кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира. Позиция американских геополитиков явно или неявно имела своим предназначением обоснование лидирующей роли США в послевоенном мире. Об этом недвусмысленно говорил Г. Уайджерт. Призывая учиться у германских геополитиков, он подчеркивал, что в послевоенный период Америка должна способствовать освобождению Евразии от всех форм империализма и утверждению там свободы и демократии американского образца. Предполагалось, что США, будучи океанической державой с мощными военно-морским флотом и авиацией, в состоянии установить контроль над "Рибрежными зонами евразийского континента и, заблокировав вразийский хартленд, контролировать весь мир.

Внешнеполитические исследования, в частности геополитические, после второй мировой войны оказались заложниками холодной войны и биполярной трактовки мирового порядка. Сильнейшее влияние на разработки почти всех направлений, будь то крайний реализм или крайний идеализм, оказали системный конфликт эпохи, состояние конфронтации между двумя противоборствующими блоками во главе с двумя сверхдержавами - СССР и США - и то, что этот конфликт и конфронтация были пронизаны идеологией. В результате значение территориального аспекта геополитики оказалось искажено и в определенной степени подчинено идеологическим императивам борьбы двух систем и блоков.

Немаловажную роль при этом сыграли впечатляющие успехи военных, транспортных и телекоммуникационных технологий Так, при сохранении влияния традиционных идей и концепций возникли новые разработки и конструкции, учитывающие то, что с появлением авиации и особенно ядерного оружия и средств его доставки традиционные модели, *в* основе которых лежал географическо-пространственный детерминизм, устарели и нуждаются в серьезной коррекции. Наиболее обоснованные аргументы в пользу этой точки зрения выдвинул *А..П.Сееерски.* В его геополитическом построении мир разделен на два огромных круга воздушной мощи, сконцентрированных соответственно на индустриальных центрах США и Советского Союза. Американский круг покрывал большую часть западного полушария, а советский - большую часть мирового острова. Оба круга обладали приблизительно равной силой соответственно над Северной Америкой и Северной Евразией, которые в совокупности являются ключом к мировому господству.

Большинство исследователей как западного, так и советского блока независимо от своих симпатий и антипатий трактовали мировые реальности в контексте *биполярной геополитики,* поэтому здесь мы не будем сколько-нибудь подробно анализировать их концепции. Отметим лишь, что по мере ослабления жесткой структурированности биполярного мира и выдвижения на политическую авансцену новых стран и регионов идеи зачинателей геополитики начали подвергаться существенной корректировке. Это отчасти было связано с осознанием все большим числом исследователей конца евроцентристского мира и нарастанием тенденций к региональному сотрудничеству в различных частях земного шара.

В послевоенные десятилетия, особенно в 70-е - 90-е годы» предпринимались также попытки переосмысления методологических основ геополитических трактовок международных отношений. Так, американский исследователь *Л. Кристоф* утверждал: “Современные геополитики смотрят на карту, чтобы найти здесь не то, что природа навязывает человеку, а то, на что она его ориентирует". Другой американский политолог *К.Грей,* посвятивший этой проблеме несколько работ, в середине 70-х годов назвал геополитику наукой "о взаимосвязи между физической средой в том виде, как она воспринимается, изменяется и используется людьми, и мировой политикой" [116, с. 5].

Наиболее далеко идущую попытку пересмотра традиционных геополитических идей в условиях ракетно-ядерного века предпринял французский генерал и исследователь *П.Галлуа.* По его мнению, важными параметрами геополитического изменения современного мира наряду с пространственно-территориальными характеристиками государства стало появление и распространение ракетно-ядерного оружия, которое как бы уравнивает силу владеющих им государств независимо от их географического положения, размеров, удаленности друг от друга и т.д. Галлуа обратил внимание на то, что развитие средств массовой информации и телекоммуникации, а также возрастающее непосредственное вмешательство масс населения в политический процесс чреваты последствиями для геополитического будущего человечества. Заслуга Галлуа состоит также в том, что помимо суши, морей и воздушного пространства он отнес к важным параметрам геополитики освоение космического пространства [113].

Определенный вклад в разработку проблем геополитики в последние годы внесли *российские исследователи.* Среди них прежде всего следует отметить К.В.Плешакова, К.Э.Сорокина и др. , которые предприняли попытки пересмотреть традиционное понимание геополитики как дисциплины, призванной изучать исключительно или преимущественно пространственный аспект международных отношений, и лежащий в основе этого подхода географический детерминизм, а также обосновать необходимость отказа от трактовки геополитики как внешнеполитической стратегии, направленной всецело на экспансию и гегемонию. И действительно, назрела необходимость пересмотра фундаментальных принципов, параметров и методологии изучения современного мирового сообщества. Проблема состоит в том, как и на каких путях этого можно достичь. Одно из направлений ее решения видится в том, чтобы по-новому интерпретировать сам префикс "гео-" в понятии "геополитика". В современном мире географические и пространственно-территориальные параметры Мирового сообщества и соответственно отдельных стран и народов в их отношениях друг с другом подверглись существенной трансформации. Особенно важно, что традиционная геополитика, при всех расхождениях между ее адептами, была разработана в рамках евроцентристской парадигмы, исходя из реальностей и в интересах евроцентригтского мира. Попытаемся обосновать этот тезис более подробно.

10.4.Территориальный императив

Географический, или пространственно-территориальный фактор имеет множество аспектов: масштабы территории, место расположения, топография, климат, условия для сельскохозяйственного производства, наличие природных ресурсов, доступ к морям и океанам и т.д. Эти аспекты определяют целый ряд параметров, которые указывают на реализованные и скрытые возможности государства, обусловливающие его место в мировом сообществе. Как показывает исторический опыт, сама земля, территория государства составляет тот стратегический ресурс, который по значимости, возможно, превосходит все остальные. Размеры территории так или иначе влияют на характер и основополагающие параметры интересов государства. Ландшафт, степень плодородия почвы, природные ресурсы и т.д. самым непосредственным образом сказываются как на структуре и отдаче народного хозяйства, так и на плотности населения. Топография и климатические условия страны крайне важны для развития путей сообщения, размещения ресурсов и народнохозяйственной инфраструктуры, внутренней и внешней торговли. Положение относительно океанов и морей определяет близость или удаленность от важнейших рынков, центров силы и очагов конфликтов. Немаловажное значение для безопасности и национальных целей имеет также окружение государства. Очевидно, что географическое положение задает определенные параметры при реализации государством многочисленных внутриэкономических и внутриполитических, а также основополагающих внешнеполитических целей, причем их роль и значение претерпевали существенные изменения на различных этапах исторического развития системы международных отношений.

На протяжении всей истории вплоть до недавнего времени камнем преткновения во взаимоотношениях государств и народов была территория. Могущество или слабость сколько-нибудь крупной державы измерялись количеством завоеванных или потерянных ею народов и территорий. До промышленной революции, в период сравнительно стабильной технологии и низкой производительности во всех сферах экономики отдельное государство или группа государств могли наращивать свои богатства путем завоевания чужих народов и территорий. На протяжении тысячелетий (хотя такие города-государства, как Афины, Спарта, Венеция, Любек и др., играли важную роль) история межгосударственных отношений большей частью представляла собой историю конкурирующих и взаимодействующих друг с другом империй. Всегда, во всяком случае со времен античности, стояла сакраментальная проблема: если государство маленькое по своим размерам, оно может быть обречено на исчезновение; если оно большое, то рискует потерять raison d'etre своего существования. В одном случае оно может стать жертвой внешних сил, в другом - жертвой внутренних неурядиц.

Многие авторы не без оснований характеризовали изменения в международной политике в течение тысячелетий как *имперские циклы.* Мировая политика рассматривалась как непрерывная череда восхождения и упадка могущественных империй, каждая из которых в свою очередь объединяла и структурировала собственную международную систему. Это явно контрастирует с той системой отношений национальных государств, которая сложилась в Европе после Вестфальского мира 1648 г. и приобрела законченные формы в европейской системе баланса сил в XIX-XX вв. И действительно, национальное государство в строгом смысле слова лишь около 200 лет выполняет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических отношений, в том числе и международных. Германия и Италия, какими мы их знаем в современном мире, вышли на общественно-политическую авансцену лишь в середине XIX в.

Любая цивилизация или мировая держава, продемонстрировавшая свою причастность к истории, самодостаточность и эффективность, неизменно обнаруживала тенденцию к пространственной экспансии. Пожалуй, данный принцип наиболее емко и лаконично сформулировал С. Роде - известный идеолог и практик Британской империи XIX в.: "Расширение - это все". Этот тезис, как считал О. Шпенглер [79, с. 36-37], <воплощает> подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации. Это столь же применимо к римлянам, арабам и китайцам... Тенденция к расширению - это рок, нечто демоническое и чудовищное, охватывающее позднего человека эпохи мировых городов, заставляющее его служить себе независимо от того, хочет ли он этого или Не хочет, знает ли он об этом или нет.

Всякая цивилизация, ставшая мировой, или мировая держава, первоначально возникала в определенном центре, для которого вся остальная ойкумена, населенная варварами , служила объектом экспансии и арены расширения жизненного пространства. Чтобы убедиться в обоснованности данного тезиса, достаточно обратиться к опыту китайцев, персов, арабов, монголов, оттоманцев, русских, американцев и других народов, создавших великие империи путем территориальной экспансии.

Более того, пространственная экспансия, особенно в условиях экстенсивного роста экономики, представляла одну из главных форм самовоспроизводства, продления существования цивилизации, или мировой державы, доказательства ее жизнеспособности. Поэтому естественно, что она неизбежно приобретала имперский характер. Со значительной долей уверенности можно утверждать, что империализм никогда не был монополией Европы или Западного мира в целом, история империй так же стара, как и история человеческих цивилизаций.

Но тем не менее в последние пять столетий инициатива в создании и экспансии наиболее эффективной и динамичной мировой цивилизации, отождествляемой с капитализмом, принадлежала европейцам, а затем Западу в целом. Как писал В.И.Ленин,

...капитализм может развиваться, только постепенно расширяя сферу своего влияния. Завоевать страны периферии, затем развернуть их лицом к себе и организовать там специализированное производство - вот задача центров мирового капитализма, необходимая для их развития.

Симптоматично, что хронологически формирование евроцентристской капиталистической цивилизации совпало с началом эпохи Великих географических открытий. В XV в. человечество, образно говоря, открыло земной шар. Европейские мореплаватели, неизмеримо расширив географический горизонт, несли с собой свои ценности, традиции, обычаи, инструменты, орудия и образ жизни в Африку, Азию, Америку. По выражению Гегеля, мир для европейцев стал круглым. Тем самым закончилась изолированность цивилизаций и культур и было положено начало длительному периоду европейского проникновения в неевропейский мир, начало евроцентристскому миру - миру, где доминировала Европа (а затем и Северная Америка). Казалось бы, после открытии Колумба и Васко да Гама Запад должен был представляться одним из регионов обширной ойкумены. Но победу одержала евро-центристская точка отсчета истории и перспектив человечества-

В XV-XVI вв. формировались идеи национального суверенитета и соответственно идеи национального государства. Реформация XVI в. , которой было охвачено большинство стран Западной Европы, по своей сущности была реакцией пробуждавшегося национального самосознания этих стран на католический универсализм. Одним из важных шагов в этом направлении стал Аугсбургкий мир 1555 г., утвердивший принцип cujus regio, ejus religio, согласно которому в каждой стране господствует та вера, которой придерживается ее правитель. С точки зрения формирования современной системы международных отношений следующим шагом стал Вестфальский мир 1648 г., который положил конец Тридцатилетней войне и явился началом образования системы межгосударственных отношений в современном смысле слова.

Нужно учесть, что в XVII-XVIII вв. на характер международных отношений по-прежнему большое влияния оказывали династические интересы европейских монархов, стремившихся захватить и присоединить к своим владениям новые земли. Начиная со второй половины XVII в. на передний план общеевропейской жизни постепенно стали выходить возникающие централизованные национальные государства, которые руководствовались скорее национальными или государственными, чем династическими интересами того или иного правящего дома. В XVII-XVIII вв. имело место заметное расширение географии международных отношений европейских стран. Все большее значение приобретала борьба за заморские колонии и овладение морскими коммуникациями. Евроцентристская система стала охватывать отдаленные регионы и континенты - Америку, Дальний Восток, Африку.

С точки зрения геополитического развития современного мира без преувеличения можно утверждать, что история Нового времени, особенно XIX в.,- это история утверждения евроцентристского в более широком смысле западноцентристского мира, поскольку именно Запад разрабатывал, осуществлял и диктовал магистральные направления, пути и средства мирового развития, вовлекая в свою орбиту постепенно все новые регионы, страны и народы. При завоевании и освоении заморских территорий и стран Европа развивалась, как сказал Ф. Бродель, используя "разницу напряжения энергий". Англичане, французы, испанцы, голландцы, заселив гигантские просторы так называемых свободных земель Северной и Южной Америки, Австралии и Южной Африки, положили начало формированию новых наций и государств европейского замеса. Одновременно развернулась большая работа По созданию великих колониальных империй путем завоевания несвободных" земель Азии и Африки. Крупные достижения в навигационном деле, географии и астрономии, а также в судостроении и создание огнестрельного оружия коренным образом изменили технологический баланс сил между европейскими и неевропейскими нациями. Европейские государства одно за другим начали захват заморских территорий. Постепенно морские державы Западной Европы создали великие колониальные

На протяжении всего XIX в. на политической арене постоянно происходили изменения баланса сил между различны ми государствами. Свидетельством этого стал комплекс договоров, заключенных в результате Венского конгресса 1815 г. По условиям этих договоров, несмотря на внутренние споры и разно. гласил, предусматривалось сохранение баланса сил между великими державами. В рамках этого договора каждое государство обеспечивало реализацию своих интересов, постоянно меняя своих союзников и не нарушая при этом общую структуру союзов и характер отношений между государствами. Главным средством и источником усиления мощи и влияния для ведущих европейских держав стали колонии. Территориальная экспансия могла увеличить престиж, военную мощь и дать козыри в дипломатической борьбе. Более того, империалистическое соперничество на периферии позволяло правительствам выступать друг против друга, не подвергая опасности свои позиции в метрополиях. Это стало одной из форм разрешения возникавших между отдельными странами противоречий и конфликтов.

В итоге во второй половине XIX в. главные нации Европы, к которым позже присоединились США и Япония, разделили между собой практически все восточное полушарие. Были созданы величайшие в истории империи, самой крупной из которых стала Британская, раскинувшаяся на громадных пространствах от Гонконга на Востоке до Канады на Западе.

Две главные мировые державы второй половины XX в.- Россия и США, ставшие двумя полюсами миропорядка после второй мировой войны, в контексте геополитических реальностей также были имперскими державами. На протяжении нескольких веков вплоть до начала XX в. история этих держав шла под знаком освоения огромного североамериканского континента на западе и бескрайних евразийских просторов на востоке. Страны, каждая из которых проделала путь, равный одному полушарию, встретились на Аляске, как бы в точке пересечения западного и восточного полушарий, Евразии и Америки.

К концу XIX в. завершилась эпоха раздела мира между колониальными империями, на планете не осталось "ничьих" территорий. Г. Макиндер подчеркивал в 1904 г. , что "великий период европейской экспансии, эпоха Колумба" закончилась. В течение четырех столетий европейские народы, возросшие численно и увеличившие свои богатства и мощь, установили господство почти над всем земным шаром. Пришел конец войнам за раздел и передел территорий, и началась новая эпоха в том смысле, что оказалось исчерпанным огромное "свободное" пространство, способное поглотить энергию, избыточное население европейских стран. И, действительно, к началу XX в. на смену этапу геополитики, главное содержание которого состояло в борьбе за раздел мирового пространства, пришла фаза территориально доделенного и освоенного мира. Можно сказать, что великие географические открытия и колониальные завоевания вызвали полную трансформацию самого ойкуменического облика (весь земной шар впервые за историю человечества стал единой ойкуменой) геополитической карты планеты.

Прав был французский поэт П. Валери, который в 1931 г. писал, что "начинается эпоха законченного мира" ("le temps du monde fini commence"). Мир действительно стал "завершенным", "закрытым", если понимать под этим прежде всего закрытость мирового пространства, занимаемого человеком. Любая цивилизация в крайнем своем выражении стремилась к закрытости. Однако понятие закрытости, или завершенности мира, о которой говорил П. Валери, реально лишь отчасти - с точки зрения освоения или подчинения "свободных" пространств и остальных стран и народов.

Дело в том, что эпоху Великих географических открытий и колониальных завоеваний условно можно назвать стадией внешнего, или одностороннего, объединения земного шара в условиях, диктовавшихся Западом и в интересах Запада. Разумеется, здесь особая статья - те регионы и территории, которые европейцы заселили и освоили, вытеснив или физически уничтожив местное население. Речь идет прежде всего о Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии, а также Южной Америке, где сформировались либо своеобразные дочерние, либо гибридные культуры и общества. Постепенное вхождение последних в единое всепланетарное геополитическое сообщество составляет основную главу современной истории человечества.

Конец XIX - начало XX в. ознаменовались также тем, что если ранее неевропейские народы осваивали европейские научно-технические, экономические, интеллектуальные и другие достижения как бы пассивно, то теперь начался новый этап их активного освоения этими народами как бы изнутри. Началом этого, второго этапа можно считать реставрацию Мейдзи в Японии в 1868 г. Именно тогда началось развитие Страны Восходящего Солнца по капиталистическому пути, систематическое насаждение здесь буржуазных институтов. Поражение, нанесенное Японией России в русско-японской войне 1904- 1905 гг., по сути свидетельствовало о появлении в Азии первой современной Деря, вы, способной в экономической и военно-политической облает бросить вызов западным державам. С этого времени, особенно межвоенный период, Япония стала одним из главных возмутителей спокойствия на Дальнем Востоке, который уже на равны соперничал с западными державами. В декабре 1941 г. Пирл-Харбор (оставим за скобками его последствия для Японии) воочию ознаменовал реальное начало конца евроцентристского мира и начало новой эпохи в мировой истории. Что касается остальной Азии и других регионов земного шара, то процесс их вхождения в мировое сообщество в качестве реальных и активных субъектов общественно-исторического развития и международных отношений принял массовый характер после второй мировой войны с окончательным распадом колониальных империй и развертыванием процессов развития и модернизации. Зримый показатель этого: если первая мировая война велась преимущественно в Европе, то вторая мировая - в Европе, Азии и Африке, а холодная война - в масштабах всей планеты.

10.5. Роль средств транспорта и коммуникации в формировании современного миропорядка

Особое значение в рассматриваемом плане имело развитие транспорта. Нововведения в этой сфере способны в огромной степени увеличить расстояния и пространства, на которые государство может распространять свое военное и политическое влияние. Наиболее революционными нововведениями в истории человечества можно считать породистых лошадей, парусные корабли, железную дорогу,

пароход и двигатель внутреннего сгорания. Восхождение великих империй и эпоха политических объединений ассоциировались с крупными сокращениями транспортных издержек. Такая кажущаяся корреляция между нововведениями в транспорте и восхождением империй дала основание Р. Такеру утверждать, что "империя - это проблема транспорта".

Зависимость масштабов политической организации от транспорта отчасти объясняет, почему империи и крупные государства до нашего времени концентрировались, как правило, в бассейнах рек и по морским побережьям (Вавилон, Древний Египет, Индия, Китай, Карфаген, Римская и Византийская империи). Развитие мореплавания и расширение морских коммуникаций выдвинули на первые роли в мировой политике морские державы, предоставив им преимущества над континентальными, или сухопутными державами. Существенные коррективы были внесены с началом промышленной революции и развитием сухопутных коммуникаций, особенно железнодорожного транспорта в XIX в., то давало возможность освоить огромные, ранее зачастую недоступные континентальные пространства. Именно железнодорожный транспорт в значительной степени способствовал возникновению таких сухопутных империй, как Германия, США, Россия. Покорив земные пространства и покрыв земной шар морскими, железными, автомобильными дорогами, люди устремились ввысь - началось освоение воздушного, а затем и космического пространства. Появление и развитие авиации внесло существенные коррективы в геополитическую структуру мирового сообщества. Став эффективным средством преодоления физических препятствий - гор, морей, океанов и т.д., - авиация в военно-политическом плане во многом размыла, если не стерла, линию разграничения между морскими и сухопутными державами. Например, Великобритания в значительной мере потеряла свои преимущества островной державы, отгороженной от возможных вторжений со стороны континентальных держав Ла-Маншем.

В результате научно-технического прогресса последних десятилетий окончательно прекратилось военно-политическое противопоставление морских и сухопутных держав и изменилось традиционное понимание национально-государственной безопасности. Появление наступательных ядерных вооружений и средств их доставки в любую точку земного шара по сути дела элиминировало фактор неуязвимости той или иной страны в силу ее географической удаленности или изолированности акваторией. Атлантический и Тихий океаны перестали играть роль своеобразных естественных рвов, ограждающих от опасности военного вторжения. В результате США, да и другие страны западного полушария утратили геополитическую неуязвимость доядерно-космической эпохи. Линия фронта в традиционном понимании потеряла свое значение. Например, если во время первой и второй мировых войн Для тех американцев, которые непосредственно не были вовлечены в военные действия, они проходили где-то в далекой Европе Или Азии, то теперь уже в первые часы или даже минуты после гипотетического начала войны обширные районы американского хартленда могут оказаться объектом поражения боеголовками, запускаемыми с какой-либо удаленной на тысячи километров точки восточного полушария.

Хотя разделение на морские и континентальные страны в современных условиях и сохраняет некоторую актуальность, существенной переоценке подвергся тезис о превосходстве одних над другими по их уязвимости или защищенности. Ракетно-ядерное оружие как бы выравнивает силы владеющих им государств независимо от их удаленности друг от друга, географического положения, численности населения, климатических параметров и т.д. Воздушное пространство и космос играют не меньшую, если не большую военно-политическую роль, чем суша и море. Кардинально изменяется соотношение между центром и периферией, хартлендом и римлендом, морскими и континентальными народами или странами. Возникают новые транснациональные формы контроля над территорией, проявляющиеся в экономической, технологической, телекоммуникационной, информационной и т.д. разновидностях. Сила проникновения современных технологий такова, что они делают несостоятельными почти любые барьеры, заграждения, стены, занавесы, границы.

В последние два-три десятилетия в условиях развертывания информационной и телекоммуникационной революций процесс формирования глобального всепланетарного сообщества значительно ускорился. Произошло невиданное взаимное физическое сближение самых отдаленных народов, стран и регионов. Все более сгущающиеся и удлиняющиеся сети железных и автомобильных дорог, водных путей, а также воздушные трассы, опоясавшие земной шар, способствовали беспрецедентному сокращению расстояний, в буквальном смысле слова преодолению пространства. По мере развития новых информационно-телекоммуникационных технологий и охвата ими все новых и новых сфер и регионов происходит своего рода "сжатие" мира. Время проезда становится меньше, информация передается все быстрее и точнее, личные и деловые контакты людей, живущих в разных странах и регионах, беспрерывно умножаются.

Очевидно, что именно в последние несколько десятилетий международная система приобрела действительно всемирный характер. В истории человечества возникали и исчезали многие цивилизации, но лишь в наши дни цивилизация стала универсальной, охватив все страны и регионы, весь земной шар. Прежде попытки создания мировых империй (опыт египетских фараонов, Александра Македонского, римских императоров, Наполеона Бонапарта и т.д.) ограничивались отдельными регионами земного шара, за пределами которых оставались страны и регионы ойкумены,

зачастую абсолютно не затронутые влиянием исторических для Европы цивилизаций. О действительном конце евроцентристского мира и утверждении единого мирового сообщества стало возможно говорить лишь после второй мировой войны, когда с распадом колониальных империй на мировой авансцене появились новые страны и регионы, выступившие в качестве равноправных акторов, многие из которых в настоящее время обладают существенным весом и влиянием. Наблюдается неуклонное возрастание веса и влияния малых стран, располагающих серьезным научно-техническим и финансовым потенциалом.

При таком положении вещей вряд ли правомерно применить к современному миру маккиндеровскую формулу "Кто контролирует евразийский хартленд - тот контролирует весь мир". По этой формуле североамериканский, да и азиатско-тихоокеанский центры силы оказались бы перифериями, что звучит по меньшей мере нелепо.

Объединение всех стран в некое замкнутое геополитическое пространство, в котором не осталось "свободных" территорий и пространств, породило новый глобальный геополитический расклад- Разделение на регионы, региональные союзы и объединения носит во многом условный характер, поскольку в современном мире взаимодействие и взаимозависимость государств приобрели не только региональный или даже макрорегиональный, но и глобальный характер. В результате важной сущностной характеристикой современного мирового сообщества стало наложение друг на друга и взаимное пересечение международного, транснационального и глобального начал.

Итак, если раньше геополитику можно было охарактеризовать, следуя Р. Гаркави, как "картографическое представление отношений между главными борющимися нациями", то в наши дни, когда появилась императивная необходимость совместных действий всех (во всяком случае большинства) членов международного сообщества по выработке и реализации общепланетарной политики, призванной обеспечить жизнеспособность и преемственность цивилизации, такая трактовка не может соответствовать реальному содержанию и предназначению геополитики. "Гео" в понятии "геополитика" теперь означает не просто географический или пространственно-территориальный аспект в политике того или иного государства или группы государств, а всепланетарные масштабы, параметры и измерения, правила и нормы поведения в Целом, а также международной системы отдельных государств, союзов, блоков. В этом смысле геополитика призвана исследовать, Каким образом, с помощью каких механизмов и на основе каких Принципов эта система живет и функционирует. Ее можно рассматривать как дисциплину, изучающую основополагающие структуры и субъекты, глобальные или стратегические направления, важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что вы понимаете под системой международных отношений?
2. Дайте характеристику ее основных компонентов.
3. Какие функции она выполняет?
4. Что такое дипломатия?
5. Когда и почему возникла геополитика?
6. Назовите основателей и наиболее крупных разработчиков геополитики.
7. Какую она претерпела эволюцию со времени своего возникновения по настоящее время?
8. Какое содержание вкладывается в понятие "территориальный императив"?
9. Охарактеризуйте роль средств транспорта и коммуникации в формировании современного миропорядка?

Глава 11 Средства массовой информации и политика

Средства массовой информации (СМИ) - один из важнейших институтов современного общества, оказывающий влияние почти на все сферы его деятельности, включая политику, здравоохранение, образование, религию и т.д. Массовая культура в различных ее вариантах формируется, распространяется и сохраняется с помощью СМИ. Огромна их роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания в целом. Более того, восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и мире, также осуществляются через СМИ. Эти обстоятельства приобретают особую актуальность и значение на фоне все большего проникновения СМИ в политическую сферу. В настоящее время СМИ превращаются в один из важнейших инструментов реализации политического процесса.

11.1. Место и роль средств массовой информации в политике

Уже первые шаги телевидения на политической арене в 50-х -- начале 60-х годов вызвали среди специалистов эйфорию по поводу всемогущего нового средства массовой информации. Сенсационная победа на президентских выборах 1960 г. в США малоизвестного тогда сенатора Дж.Кеннеди над вице-президентом страны Р. Никсоном была сразу же зачислена в актив телевидения, транслировавшего серию дебатов между кандидатами. Учитывая эти и подобные

факты, западные исследователи пришли к выводу, что активизация деятельности СМИ способствовала эрозии организационной структуры политических партий, размыванию их социальной базы, ослаблению партийной приверженности все большего числа избирателей в индустриально развитых странах. Это нашло отражение в формировании и широком распространении тезиса о том, что СМИ заменяют политические партии, выступая в качестве основного механизма регулирования и реализации политического и особенно избирательного процесса. Утверждается, что журналисты, репортеры, специалисты по рекламе и другие представители СМИ заменили традиционных политиков в качестве привратников политического процесса. Не лишены основания наблюдения и тех специалистов, которые изображают журналистов как новых творцов политических идей и мифов, взявших на себя функцию, которую раньше выполняли интеллектуалы.

Знаменательно, что в современной политологии СМИ характеризуют такими пышными титулами, как великий арбитр четвертая ветвь власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Вера во всемогущество телевидения настолько велика, что, по мнению иных политических деятелей, тот, кто контролирует телевидение, контролирует всю страну. Говорят что в 1966 г. после того, как известный по всей стране телекомментатор У.Кронкайт посетил Вьетнам и заявил, что война зашла в тупик, президент США Л.Джонсон сказал своим помощникам: "Если мы потеряли Кронкайта, то мы потеряли среднюю Америку". По свидетельству одного журналиста, президент Франции Ш. де Голль спрашивал Дж.Кеннеди, как он умудряется править Америкой, не имея контроля над телевидением. Касаясь влияния испанских СМИ, президент издательского концерна ПРИСА Х. де Поланко как-то не без хвастовства заявил: "Две наиболее важные власти в Испании - это правительство и ПРИСА, а правительство назначаем мы, и оно будет править столько, сколько мы захотим".

Разумеется, во всех этих рассуждениях присутствует элемент преувеличения. Но фактом является то, что современную политику невозможно представить без прессы, радио и телевидения. Можно уверенно утверждать, что в тех грандиозных переменах, которые в настоящее время переживает наша страна, не последнюю роль играют СМИ. Более того, в отсутствие оппозиционных партий, сколько-нибудь значимых организаций и союзов, способных бросить реальный вызов тоталитарной системе, СМИ сыграли роль своего рода организатора и мощного стимулятора тех сил, которые в конечном счете способствовали политическому поражению этой системы.

Еще в начале 60-х годов канадский социолог М. Маклюэн, конечно, не без некоторого преувеличения, утверждал, что средство передачи само по себе более важно, чем передаваемая им информация. С этой точки зрения каждая система массовой коммуникации имеет свои специфические особенности. Но все СМИ объединяет способность к прямой связи с общественностью, как бы минуя традиционные институты связи - церковь, школу, семью, политические партии и организации. Именно эта способность и используется, например, рекламным агентом, пытающимся убедить купить тот или иной товар, или политическим деятелем, политической партией и т.д. для мобилизации массовой подержки своей программы.

В течение длительного периода для широкой публики главным источником информации служила пресса - газеты и журналы- Многие из них возникли в качестве органов тех или иных политических партий, либо в какой-то форме были вовлечены в политический процесс. Во всяком случае газеты с самого начала не скрывали, что не собираются быть политически нейтральными. Значение имело и то, что газеты предлагали не только политическую и экономическую информацию. Предоставляя материалы развлекательного характера и местные новости, они приучили простых людей рассматривать себя как часть более широкого мира, реагирующую на происходящие в нем события.

Радио и телевидение значительно расширили возможности эксплуатации массовых коммуникационных процессов в политических целях. Изобретение радио в конце XIX в. радикальным образом и навсегда изменило механизм освещения информации, сделав возможным передавать ее через государственные границы и на дальние расстояния без необходимости физического присутствия. К началу и в период второй мировой войны радио стало одним из главных средств политической мобилизации общества и важнейшим инструментом пропаганды. Еще более возросла его роль в послевоенный период, когда оно пришло практически во все уголки развитых стран. По своей значимости радио постепенно стало уступать стремительно набиравшему силу телевидению.

Для телевидения период от его возникновения до превращения в важный инструмент политики оказался еще короче, что объясняется главным образом бурными темпами его развития и распространения. Началом "эры телевидения" в политике считается 1952 г., когда оно было впервые использовано для широкого освещения президентской избирательной кампании в США.

В 70-х - 80-х годах телевидение, которое приобретало все больший вес в политическом процессе, стало доминирующим средством массовой информации. В качестве примера влияния телевидения на характер политического поведения и особенно голосования американских избирателей в США часто приводят телевизионные дебаты между Дж.Кеннеди и Р.Никсоном в 1960 г. Э.Роупер, который в тот период провел опрос среди избирателей, пришел к выводу, что именно эти теледебаты в значительной степени способствовали победе Кеннеди. По существующим данным, теледебаты в 1980 г. дали возможность Р.Рейгану не только ликвидировать 4 %-ный разрыв с Дж.Картером, но и на 5 % °Передить его. Немаловажную роль сыграли теледебаты между главными претендентами в

последующих избирательных кампаниях между: Р.Рейганом и У.Мондейлом в 1984 г., Дж.Бушем и М.Дукакисом - в 1988 г., Дж.Бушем и Б.Клинтоном в 1992 г

Постепенно теледебаты между конкурирующими кандидата ми на высшие выборные должности как инструмент предвыборной борьбы получают все большее признание во всех индустриально развитых странах, в том числе и у нас в России.

Утверждение М.Маклюэна, что "электронная деревня" стала реальностью, хотя и является преувеличением, но тем не менее телевидение в индустриально развитых странах в наши дни обладает огромными возможностями для воздействия на общественное мнение. В зависимости от того, в чьих руках оно находится, его можно использовать как для объективного и оперативного информирования людей о реальных событиях в мире, их просвещения и воспитания, так и для манипулирования в интересах тех или иных групп людей.

Роль СМИ в политике нельзя оценивать однозначно. Они представляют собой сложный и многогранный институт, состоящий из множества органов и элементов, обеспечивающих информирование населения о происходящих в каждой конкретной стране и во всем мире событиях и явлениях. Еще Г.Ласуэлл выделил следующие четыре основные функции СМИ: наблюдение за миром (сбор и распространение информации); "редактирование" (отбор и комментирование информации); формирование общественного мнения; распространение культуры. Другими словами, СМИ обеспечивают расширенную форму человеческой коммуникации. Ко всему этому нужно добавить еще одну важнейшую их функцию - политизация общества и политическое просвещение широких слоев населения. Пресса, радио, телевидение претендуют на выполнение функций "сторожевой собаки общественных интересов", на то, чтобы быть "глазами и ушами общества", предупреждая, например, о спаде в экономике, росте наркомании и преступности, коррупции в коридорах власти и т.д. Для оправдания такого имиджа, или такой претензии, СМИ должны выглядеть независимыми как с экономической, так и с политической точки зрения.

В большинстве индустриально развитых стран СМИ представляют собой частно-предпринимательский институт, отрасль экономики, в которой заняты десятки, а то и сотни тысяч человек. Их экономическая деятельность основывается на сборе, производстве, хранении и "продаже" информации. В этом качестве функционирование СМИ подчиняется законам рыночной экономики. Они пронизаны противоречиями общества и воспроизводят их в своих публикациях и программах, затрагивая интересы различных слоев и групп. По мере увеличения экономической мощй и социокультурного влияния СМИ приобретают относительную свободу от контроля со стороны государства и крупнейших корпораций - рекламодателей. Естественно, реклама, являясь одним из важнейших источников финансирования и прибылей СМИ, служила и продолжает служить существенным препятствием к их моральной и политической независимости. Однако дело нельзя представлять таким образом, что рекламодатели прямо диктуют главному редактору той или иной газеты или журнала свою волю. Крупнейшие конгломераты СМИ на Западе сами превратились в самостоятельную, исключительно прибыльную отрасль бизнеса со своими особыми интересами, которые не всегда совпадают и даже зачастую вступают в конфликт с интересами тех или иных влиятельных сил в обществе или политического руководства страны.

Коммерческое начало, являющееся основой большинства органов и организаций СМИ, в принципе индифферентно к содержанию, оно предполагает рыночное использование информации для продажи как можно более широкой публике. Примечательно, что в феврале 1988 г. впервые за семь лет пребывания у власти три ведущие телекомпании США отклонили просьбу Белого дома предоставить Р.Рейгану возможность выступить по их каналам. Официальные представители этих компаний в один голос заявили, что поскольку в президентской речи не будет содержаться ничего нового, то коммерческие интересы компаний не позволяют им тратить эфирное время впустую.

В своих публикациях, репортажах и комментариях СМИ могут пролить свет на скрытые пружины политики правящих кругов, обратить внимание общественности на наиболее одиозные стороны их деятельности. В качестве примеров можно назвать публикацию газетой "Нью-Йорк тайме" части так называемых документов Пентагона, разоблачение газетой "Вашингтон пост" Уотергейтского скандала, трансляцию ведущими телекорпорациями разоблачительных слушаний этого дела в Конгрессе, мобилизацию общественного мнения ведущими органами СМИ западных стран против грязной войны США во Вьетнаме и др. Можно упомянуть и то, что отдельные органы СМИ США сыграли свою роль в ухо-Де с политической арены президентов Л.Джонсона и Р.Никсона. Другими словами, общественное мнение, в той или иной форме Сраженное через СМИ, играет немаловажную роль в ограничении власти и конкретных действий правящих кругов, в разоблачении отдельных наиболее вопиющих нарушений законности с их стороны. Следует отметить и то, что многие журналы и газеты, а также радиовещательные и радиотелевизионные станци например "Шпигель", "Штерн", "Тайм", "Ньюсуик", "Камбио-16", "Панорама", "Эуропео", "Вашингтон пост", "Лос-Анджелес таймс»' "Монд", "Фигаро", "Матен", держатся на плаву и даже процветают на вскрытии скандалов, разоблачении махинаций, выискивании секретов. Разоблачительная, или "исследовательская" журналистика стала девизом многих изданий. В этом плане не являются исключением и российские СМИ.

Многие из западных изданий задают тон в публичных дискуссиях и спорах, доводят наиболее актуальные проблемы и темы скандалы и аферы до общественности. Именно с подачи этих и подобных им "элитных" изданий стал достоянием гласности Уотергейтский скандал, приведший впервые в американской истории к отставке президента Р.Никсона в 1974 г. Парижский еженедельник "Канар аншене" в определенной степени способствовал поражению президента В.Жискар д'Эстена на выборах 1981 г., раздув "дело о бриллиантах", которые ему якобы преподнес в подарок правитель Центральноафриканской Республики Бокасса. Германский журнал "Шпигель" 22 февраля 1977 г. опубликовал статью "Телефонное покушение на гражданина Т.", где подробно описывался скандал, связанный с тайным проникновением сотрудников ведомства по охране конституции в дом инженера К.Траубе и установкой на его телефонах подслушивающих устройств. Вскоре после этого разоблачения министр внутренних дел ФРГ В.Майхофер, ответственный за эти действия, был вынужден подать в отставку. "Шпигель" и другие респектабельные журналы внесли значительную лепту в раскрытие "аферы Флика" - крупнейшего за всю послевоенную историю скандала, связанного с подкупом политических деятелей. Таких примеров можно привести множество.

Необходимо отметить, что, апеллируя к таким чувственным, иррациональным, эмоционально-волевым компонентам общественного сознания, как чувство любви к родине, националистические и патриотические настроения и т.д., СМИ способны мобилизовать поддержку значительными слоями населения тех или иных акций правящих кругов или отдельных заинтересованных групп. Как правило, в подобных случаях изменения в массовом сознании носят кратковременный характер и после завершения пропагандистской кампании по данному конкретному поводу все, как говорится, возвращается на круги своя. Эта особенность функционирования СМИ, как будет показано ниже, особенно отчетливо проявляется во время избирательных кампаний. Примером умелого и широкомасштабного использования иррациональных импульсов является нагнетание в США в начале 80-х годов с помощью СМИ "патриотизма" и откровенно нациолистических настроений в отношении Советского Союза. Завидную способность апеллировать к эмоционально-волевым, иррациональным импульсам продемонстрировали английские СМИ во время англо-аргентинской, или фолклендской, войны в 1982 г. Нагнетая в стране, казалось бы, уже канувшие в Лету имперские амбиции и притязания, а также антиаргентинские настроения, английская пресса, радио, телевидение убедили весь мир в том, что средний англичанин, несмотря на радикальное изменение положения Великобритании на мировой арене, остается восприимчив к заклинаниям духов "отцов" и душеприказчиков колониальной империи.

11.2. Тенденции воздействия СМИ на общественное мнение

Как показывают результаты многих социологических и социально-психологических исследований, постоянные сообщения СМИ об отклоняющихся от общепринятых в обществе норм явлениях и событиях, подаваемых, как правило, сенсационно, порождают у читателей, слушателей, зрителей беспокойство и страх перед нарушением привычного миропорядка, привычного течения жизни, страх за свое место в обществе, за свое будущее и т.д. В то же время факты свидетельствуют, что у людей, слишком часто прибегающих к услугам СМИ, более легко вырабатываются негативные установки относительно окружающего мира. Так, дети, которые часто и много смотрят передачи, напичканные насилием, убеждаются в том, что в мире, в котором они живут, много насилия, беспорядка, права сильного и т.д. Они склонны с большей готовностью примириться с этими негативными явлениями, рассматривать их не как отклонение от нормы или результат Дисфункций общественной системы, а как ее неотъемлемую, интегральную часть.

Разные категории населения реагируют на эти явления по-разному. Постоянные сообщения о преступности, наркомании, терроризме, беспорядках наводят часть читателей, слушателей, телезрителей на мысль о необходимости "твердой руки", сильной личности, которая сможет положить конец анархии, обеспечить Закон и порядок. Именно среди этой части нашли живейший отклик Р.Рейган, М.Тэтчер и другие руководители правых и консервативных сил, которые выступали именно с подобными лозунгами. Для другой части населения в качестве компенсаторного механизма служат уход в частную жизнь или присоединие к разного рода общинам, коммунам, религиозным сектам и т.д. Пожалуй, с рассматриваемой точки зрения наглядное представление о характере и масштабах воздействия СМИ на эммоционально-волевой и иррациональный уровень общественного сознания дает пример сдвигов в массовом религиозном сознании селения ряда индустриально развитых стран, которые в совокупности получили название "новое религиозное сознание". Оно проявляется во многих формах: в неуклонном росте консервативных церквей, неожиданном всплеске различных вариаций фундаментализма, росте в отдельных странах числа прихожан церквей, появлении множества традиционных и нетрадиционны сект и т.д.

Об этом же свидетельствует беспрецедентное расширение масштабов "электронных церквей", где радио и телевидение используются в качестве своеобразного амвона для проповеди взглядов. Передачи религиозного характера или же затрагивающие темы религиозной веры стали обычным делом в ведущих радиотелевизионных сетях индустриально развитых стран. Растет число радиотелевизионных станций, специализирующихся исключительно на религиозной тематике.

Используя новейшие достижения научно-технического прогресса, привлекая первоклассных специалистов по аудиовизуальной электронной и компьютерной технике, консультантов по созданию наиболее привлекательных имиджей и оранжировке передач, эти "электронные церкви" стали мощным средством воздействия на общественное сознание. Апеллируя к многомиллионным аудиториям и выколачивая из них зачастую значительные денежные средства, они превратились в деловые корпорации с оборотами в десятки и даже сотни миллионов долларов. Более того, ряд наиболее известных "электронных священников", или "телепроповедников", особенно в США (например, Дж.Фолуэлл, Б.Грехэм и ДР-)> приобрел настолько большое влияние на общественность, что с их мнением вынуждены считаться высшие государственные деятели. Показательно, что телепроповедник П.Робертсон на президентских праймериз 1992 г. был одним из претендентов на в движение кандидатом на пост президента США от республиканской партии.

СМИ являются частью современной действительности со всеми ее противоречиями, конфликтами, неурядицами и в той иной форме воспроизводят их. Поэтому потоки информации состоят из множества противоречивых, зачастую несовместимых друг с другом сообщений и материалов. Один человек или отдельная группа людей не может ни голосовать за все партии или за всех кандидатов, ни покупать все рекламируемые товары, ни соглашаться со всеми предлагаемыми мнениями. Зачастую эти сообщения и материалы нейтрализуют друг друга. Несомненно, совокупность программ и материалов СМИ оказывает влияние на формирование общественного мнения, но не штампует его.

Общественность является не однородной массой, а представляет собой совокупность различных социальных групп, слоев, прослоек, включенных в семейные, производственные и иные отношения со своими привычками, установками, ориентациями, ценностями и вкусами. Телевидение или газета - лишь один из многих элементов, связывающих отдельного индивида с обществом. Решение избирателей голосовать за ту или иную партию или конкретного кандидата определяется целым комплексом факторов, среди которых социальная структура и форма политической системы, политическая культура и система ценностей, ориентации, состояние общественного мнения, а также конъюнктурные факторы, определяющие внутри- и внешнеполитические условия, состояние экономики и т.д.

Воздействие СМИ модифицируется влиянием семьи, школы, церкви, общины и других институтов. Но нельзя не учитывать и то, что сами эти институты также испытывают на себе воздействие СМИ. Поэтому изучение данного феномена необходимо дополнить анализом межличностного общения, межличностных отношений, взятых во всем объеме и со всеми сложностями, всего комплекса институтов социализации и регулирования сознания. При таком анализе обнаруживается, что СМИ не дают и не могут дать зеркальное отражение действительности.

Взятые сами по себе СМИ не всегда и не обязательно являются инициаторами или субъектами изменений в сознании отдельных людей или социальных групп. Сами по себе они не могут быть ни инструментом разрушения, ни инструментом созидания и прогресса. Их позитивная или негативная роль определяется тем, какими именно социальными силами и с какой целью они используются. Здесь уместно напомнить высказывание известного английского историка Дж.М.Тревеляна о том, что политика - результат, а не причина социальных изменений. СМИ являются лишь одним из инструментов, дополнительным фактором, способствующим изменениям. Характер и масштабы их влияния не следует оценивать по схеме стимул - реакция, непосредственные - результаты.

11.3. Что такое теледемократия?

Главной особенностью развернувшейся в настоящее время информационной, или телекоммуникационной, революции стала замена односторонней связи между отправителем и получателем информации многофункциональной и диалоговой связью, обеспечивающей новые возможности для участия в информационно мене. Важность этого явления для политических процессов стала особенно очевидна с внедрением кабельного телевидения " двусторонней связи", который завоевывает все более прочные позиции во всех развитых странах. Еще в 1972 г, Ж.-Л.Серван-Шрейбер отмечал, что появление кабельного телевидения вызовет далеко идущие последствия социального и частного порядка. Кабельные телеприемники оснащены коммутационными панелями и микропроцессорами и подключаются к центральному компьютеру кабельной компании. С помощью технологии двусторонней связи потребитель сможет читать газету, получать почту делать покупки, читать видеокниги из библиотеки, улаживать свои финансовые дела. Система может быть также использована для предупреждения о пожаре или попытке взлома. Более того, благодаря системе двусторонней связи зрители имеют возможность выражать свое мнение по принципу "да-нет", "больше-меньше", нажимая соответствующие клавиши на панелях телеприемников. Эти новые технические средства и приемы полезны при проведении опросов общественного мнения, позволяя "моментально" подводить их результаты в политических дискуссиях, на референдумах и т.д.

В настоящее время они получают настолько большую популярность, что в западной политологии их характеризуют как средства всеобщей демократизации общества. Например, О.Тоффлер считает, что по мере роста числа персональных компьютеров и компьютерной вооруженности населения,

создающей условия для прямого информационного контакта людей, сократятся возможности для установления над ними централизованного контроля со стороны государства и тем самым уменьшится угроза личным свободам. Считается, что указанная технология открывает дорогу плюрализму, широким возможностям для выражения местных интересов, замены представительной демократии "демократией участия", не нанося ущерба ни одному демократическому институту. Для обозначения данного феномена изобретено даже специальное понятие "теледемократия".

Демократия участия - это такая система политической организации общества, при которой граждане прямо, без посреднической помощи избираемых представителей решают все интересующие их социальные и политические вопросы. По мнению сторонников концепции демократии участия, демократия, реализуемая через СМИ, ранее технически не осуществимая, теперь может стать реальностью. Действительно, при определенных условиях, особенно на местном уровне, для решения конкретных проблем, имеющих значение для того или иного региона либо страны в целом, могут эффективно использоваться отдельные элементы теледемократии, приемы электронного голосования на дому.

Однако было бы опрометчиво однозначно оценивать значение и роль новейших средств телекоммуникации, поскольку, как говорилось выше, они сами по себе нейтральны. Результаты, последствия их применения во многом определяются тем, как и в каких целях они используются.

В самом начале внедрения электронного голосования подвергалась сомнению объективность его результатов. Это можно продемонстрировать на следующем примере. 28 октября 1980 г. телекомпания Эй-би-си после телевизионных дебатов между Р.Рейганом и Дж. Картером, транслировавшихся на все штаты Америки, предложила телезрителям позвонить по определенному телефону для выяснения их мнения о том, кто выиграет на предстоящих президентских выборах. После подсчета около 727 тыс. звонков оказалось, что Рейган по популярности почти в два раза превосходит Картера. Оспаривая в данном случае соответствие результатов опроса телезрителей действительным позициям электората по стране в целом, советники Картера указывали на ряд факторов, которые, по их мнению, повлияли на эти результаты: во-первых, теледебаты транслировались во время, более удобное для зрителей западных штатов, где Рейган пользовался большей популярностью; во-вторых, из-за перегрузок на АТС из городов труднее звонить, на студию, чем из сельской местности (в городах было больше сторонников Картера); в-третьих, не исключалась возможность нескольких звонков одного человека; в-четвертых, стоимость одного телефонного звонка составляла 50 центов, Что снижало желание наиболее бедных слоев населения, традиционно голосовавших за демократов, участвовать в опросе. К тому же технология двусторонней политической коммуникации Позволяет организаторам опросов легко оперировать полученными Данными, сами ответы уже предопределены составителями кабельных программ, так как зрителю предоставляется право выбора из ограниченного числа альтернатив.

Следует учесть и то, что демократия участия с помощью кабельного телевидения может означать и усиление тоталитарных тенденций. Приобретая форму своеобразного плебисцита, она по сути дела перешагивает стадию обсуждения тех или иных проблем, по которым принимаются решения, оставляет избирателя наедине с центральной ЭВМ, лишь регистрирующей его мнение. Политики приобретают дополнительный канал доступа к общественному мнению. Поэтому увеличивается возможность навязать публике решение, основанное не на разуме, а на эмоциях.

Таким образом, активизация и расширение поля деятельности СМИ, широкое использование опросов общественного мнения, политических консультантов и специалистов, занимающихся организацией и проведением избирательных кампаний, "продажей" избирателям специально "сконструированных" имиджей кандидатов и т.д., с одной стороны, способствуют лучшему освещению и доведению до широких слоев населения проблем, стоящи перед обществом, позиций и альтернатив, предлагаемых различными партиями и кандидатами, а с другой стороны, увеличивают возможности для манипулирования настроениями и ориентациями людей. В данной связи нельзя не затронуть еще один аспект, влияющий как на политический процесс, так и на его освещение средствами массовой информации.

11.4. Взаимоотношения СМИ и властных структур

Характер взаимоотношений правительства и средств массовой информации варьируется от страны к стране в зависимости от того, о каких органах СМИ идет речь, какое конкретное правительство находится в данный период времени у власти, какие проблемы стоят в центре внимания, какова ситуация в мире, в стране и т.д. Немаловажное значение имеет и то, в какой степени журналисты, репортеры, обозреватели, редакторы и издатели разделяют те или иные ценности, идеалы, идейно-политические ориентации, установки.

Хотя отдельные газеты и журналы ассоциируются с конкретными политическими партиями или организациями и даже выступают официальными органами последних (в качестве типичного примера можно привести газету "Форверст" и журнал “Ное Гезельшафт" - официальные органы СДПГ), большинство органов СМИ в индустриально развитых странах предпочитает подчеркивать свою независимость от государства, государственно-политических институтов, прежде всего

правительства. Примечательно, что, например, в Испании партийные газеты и журналы имеют очень незначительные тиражи, не соответствующие числу членов партии, и оказывают сравнительно небольшое влияние на общественное мнение. В целом применительно к большинству индустриально развитых стран, как представляется, следует говорить не о партийной приверженности тех или иных органов СМИ, а об их идейно-политической ориентации.

Так, во Франции, например, за исключением "Юманите" и “Матэн", трудно говорить о близости какой-либо газеты к определенной партии. Более подходящим для характеристики французской печати остается деление ее на "правую" и "левую". Левый фланг традиционно занимают "Юманите" (орган Французской

коммунистической партии), "Матэн" (близкая к социалистической партии), "Монд", "Либерасьон" и др. Правый фланг - это в освном пресса газетного магната Эрсана во главе с "Фигаро" и “Фигаро магазэн", "Франс-суар". Газетная сеть Эрсана, по мнению "Матэн", превратилась в главное оружие правых сил. Однако картина не так проста и прямолинейна. Как писала газета "Революсьон", Эрсан способен иметь одну газету консервативную, а другую - скорее либеральную.

В Великобритании также мало органов СМИ, которые открыто ассоциируют себя с какой-либо конкретной политической партией. Вместе с тем можно сказать, что газета "Дейли телеграф" связана с крупным бизнесом, "Гардиан" выражает позиции реформистских сил, "Дейли миррор" поддерживает лейбористов, а "Файнэншл тайме" отражает интересы финансовых кругов Лондона. Как отмечал один агент по рекламе, "Тайме" читают те, кто управляет страной, "Файнэншл тайме" - те, кто ею владеет, а "Гардиан" - те, кто хочет управлять страной.

Из-за такой неоднозначности позиций СМИ взаимоотношения между ними и правительствами складываются в зависимости от того, какая партия стоит у власти, либо по конфликтной, либо по консенсусной, либо по консенсусно-конфликтной модели. Наиболее крайний пример конфликтной модели дают Испания, Португалия и Греция в период их перехода от диктатуры к режиму буржуазной демократии.

Ситуации конфликта между СМИ и правительством нередки

и в США. Например, можно вспомнить резкую критику ведущими органами СМИ войны во Вьетнаме, особенно на завершающем этапе, их позицию в Уотергейтском скандале, смакование прессой во вред картеровской администрации нашумевшего дела об употреблении одним из его сотрудников наркотиков, слухов об интимных связях, якобы существовавших между Картером и секретаршей С.Клау (так называемое дело Янга), и т.д. Весьма напряженные отношения между СМИ и правительством сложились во время американского вторжения на Гренаду, когда рейгановская администрация по сути дела отстранила от освещения событий на острове представителей многих органов прессы, радио и телевидения.

В открытый конфликт вылились трения между правительством Тэтчер и английскими СМИ во время фолклендской войны, когда журналистам был закрыт доступ в районы боевых действий, передача корреспонденции всячески задерживалась, а в Лондоне только одним министерством обороны осуществлялась двойная цензура. Министерство сознательно дезориентировало журналистов, широко использовало практику дезинформации. Это заставляло СМИ обращаться к иностранным источникам информации, что тут же вызывало серьезные нарекания со стороны правительства

Необходимо отметить, что для получения информации по важнейшим вопросам государственной политики СМИ заинтересованы в доступе к ведущим государственным и политическим деятелям, особенно руководителям партий, государств и правительств являющихся источником информации "из первых рук". Неудивительно, что подавляющая часть журналистов, корреспондентов, репортеров сосредоточена в столицах развитых капиталистических стран. Так, в настоящее время в Вашингтоне аккредитовано более 16 000 корреспондентов. Около 60 из них вместе с обслуживающими их операторами и техническими специалистами по звуку ежедневно работают в Белом доме. Они представляют главным образом телеграфные агентства Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл, а также вашингтонские бюро крупных газет, журналов и радиосетей. В дополнение к этому различные синдикаты новостей предоставляют информацию более мелким органам СМИ, которые не могут содержать собственные бюро и корреспондентов. Обе палаты Конгресса имеют "галерки" для средств массовой информации, особенно радио. Связь власть имущих и СМИ осуществляется по многим каналам. Важную роль во взаимоотношениях между политическими деятелями и представителями СМИ играет институт пресс-конференций. И здесь пальма первенства принадлежит США. Президент Т. Рузвельт (1901-1908) первым начал проводить пресс-конференции и отвел в Белом доме специальное помещение для корреспондентов. В.Вильсон "институционализировал" взаимоотношения прессы и президента, превратив пресс-конференции, которые стали проводиться регулярно, в официальный канал политической информации для прессы и общественно мнения. В свою очередь вашингтонские журналисты учреди Ассоциацию корреспондентов в Белом доме.

Пресс-конференция значительно содействовала политической конвергенции правительства и прессы. Для президента этобыл новый и удобный механизм более широкой, чем прежде, мобилизации общественного мнения в поддержку своего политического курса, для прессы - новый источник

политической информации. Но в целом, как признают сами американские журналисты, президентские пресс-конференции, особенно телевизионные - гораздо большей долей вероятности можно назвать инструментом, помощью которого президенты обращают новости себе на пользу, чем инструментом, при помощи которого репортеры добиваются от последних информации, которую общественность не могла бы получить другим путем.

Пресс-конференции, хотя и в меньших масштабах, стали общепризнанной формой политической коммуникации и в европейских странах. Президент Франции Ф.Миттеран продолжил традицию, заложенную еще при де Голле, когда во время пресс-конференции на заранее подготовленные вопросы он отвечал пространной речью. Подобное поведение главы государства во Франции считается нормальным и служит свидетельством общего подхода правительства к СМИ. Как правило, "паблисити" глав государств и правительств формируются во многих департаментах и офисах, но ключевая роль здесь принадлежит пресс-секретарям и их штабам. В США именно пресс-секретарь "продает" средствам массовой информации и через них широкой публике политику и политический имидж президента. Наиболее ценную информацию о президенте обозреватели и журналисты, аккредитованные при Белом доме, могут получить не на публичных выступлениях или пресс-конференциях, а от людей из близкого окружения президента, в частных беседах. Это дает администрации широчайшие возможности для манипулирования общественным мнением: как правило, раскрывается лишь та информация, которая представляет президента и его администрацию в выгодном свете. Методом "утечек" эта информация попадает в прессу, которая создает благоприятный климат для восприятия общественностью и Реализации того или иного решения.

В Англии правительство также имеет специальную службу по связям с общественностью и прессой, а при премьер-министре состоит пресс-секретарь, который является главным поставщиком ежедневных сообщений о политике правительства. Главная их задача заключается в том, чтобы при освещении СМИ политики правительства не наносить ущерб его престижу. Следует учесть также, что государство в развитых странах является крупнейшим производителем информации. Так, правительство США входит в число 20 рекламных агентств страны, соперничая по расходам с такими гигантскими корпорациями, как “Кока - Кола". Годовые расходы правительства на рекламу составляют 200 млн долл. Не зря Вашингтон называют "Голливуд на Потомаке". Правительственные агентства тратят примерно 600 млн. долл. на производство фильмов и аудиовизуальных программ. В 1986 г. стоимость печатной продукции правительства составила около 1,3 млрд. долл. Деятельность службы "Паблик рилейщн” т.е. по связям с общественностью, обходится государству в 400 млн. долл. в год. В настоящее время службы "Паблик рилейшн” имеются практически во всех важнейших государственных ведомствах. Например, штат служащих - специалистов по вопроса информации и связи с общественностью Пентагона составляет 1297 человек. Мощный аппарат "Паблик рилейшнз" создан при Конгрессе. Капитолий издает свои собственные бюллетени (например "Конгрэшнл рекорд"), имеет свою собственную радиотелевизионную студию.

Первой издательской группой Франции по числу названий является государство. Каталог официальных публикаций, самый обширный из всех публикуемых каким-либо западным государством. В перечне наиболее плодовитых по числу изданий министерств пальма первенства принадлежит министерству обороны. Имея 38 изданий, выходящих ежегодно тиражом 35 млн экземпляров, оно опережает даже службы премьер-министра (34 названия, тираж 4,8 млн. экземпляров). Разъяснение политики правительства стоит казне все дороже и дороже. В 1980 г. оно обошлось в сумму более 100 млн. франков. Помимо законов, регулирующих деятельность СМИ, государство само непосредственно участвует в распространении информации через агентство Франс Пресс и крупное рекламное агентство ГАВАС.

Важным инструментом осуществления влияния правительства на СМИ является предоставление им государственных субсидий. Из 14 тыс. выходящих во Франции изданий более 10 тыс. получают субсидии от государства на основании того, что их содержание "представляет всеобщий интерес".

11.5. СМИ в качестве инструмента политического маркетинга

С распространением телевидения некоторые исследователи стали связывать надежды на сокращение избирательных кампаний. рост информированности и политической активности электората и усиление общественного контроля над политическим процессом. Однако всему этому не было суждено сбыться. Особенно наглядно это можно ясно продемонстрировать на примере США. Начиная с президентских выборов в 1964 г. обозначился спад в политической активности избирателей. Вопреки ожиданиям неуклонно возрастали продолжительность и стоимость избирательных кампаний. Дорогостоящая реклама стала важной составной частью любой избирательной кампании на сколько-нибудь высокие государственные посты.

Характерно, что значительная часть расходов на проведение избирательных кампаний кандидатов ныне приходится на СМИ.В обстановке усиливающейся политической конкуренции фактор времени приобретает неуклонно возрастающее значение. Поэтому еще до начала избирательной кампании органы СМИ пользуются особым вниманием со стороны всех претендентов и кандидатов. Политический деятель, решивший баллотироваться на ту или иную высокую выборную должность,

стремится как можно раньше обратить на себя внимание органов СМИ и через НИХ - общественности и деловых кругов.
Не случайно в период первичных выборов руководители избирательной кампании видят прямую связь между отношениями к ним со стороны прессы и их способностью собирать денежные средства. Стремление завоевать симпатии прессы облекается в неформальный, даже дружественный стиль общения претендентов с журналистами: широко практикуются частные встречи, совместные поездки, званые обеды с приглашением наиболее влиятельных журналистов и т.п. История президентских выборов в США дает немало примеров, как именно благодаря своей активности на этом этапе претендент получал необходимые шансы на номинацию от своей партии. Так было с Дж. Кеннеди в 1960 г., в то время малоизвестным сенатором от Массачусетса, выигравшим номинацию у именитого Г.Хэмфри, или с Дж.Картером в 1976 г., который своими бесчисленными визитами в офисы различных редакций и телестудий задолго до начала первичных выборов привлек к себе внимание СМИ.
Поэтому не удивительно, что от выборов к выборам в США Усиливается тенденция к перенесению фактического начала предвыборной кампании на все более ранние сроки по сравнению сих официальным началом. Например, баталии за кресло в Белом Доме разворачиваются за год и более до самих выборов в ноябре, а не в феврале того же года с первичных выборов в штате Нью-Гемпшир. По мере все более широкого проникновения стиля и методов коммерческой рекламы в сферу политики политические кампании в средствах массовой информации все больше приобретают характер рекламных. Предсказывая такое развитие событий еще в начале 50-х годов, председатель демократической партии штата Мичиган Н.Стейблер предупреждал, что "выборы во всевозрастающей степени станут спорами не между кандидатами, а между крупными рекламными фирмами".
И действительно, в области СМИ утвердился своего рода но вый вид профессиональной деятельности - политический маркетинг. При обосновании значимости политического маркетинга порой дело доходит до того, что ряд авторов проводит аналогию между рекламой товаров в бизнесе и кандидатов в политике. Так, основываясь на концепции экономического человека А.Лепаж считал, что поведение индивидуума в кабине для голосования принципиально не отличается от его поведения в универмаге. При этом исходят из того, что всякий товар имеет свои отличительные свойства: цвет, форму, упаковку. Как и любой другой товар, кандидат на выборные должности тоже должен предлагать избирателям определенные физические качества. Некоторые авторы не утруждают себя подобными тонкостями и говорят о тождестве коммерции и политики, маркетинга коммерческого и маркетинга политического.
Суть политического маркетинга состоит в следующем. Каждый кандидат на выборный пост занимается, хочет он того или нет, исследованием конъюнктуры "рынка", изучает "свой" округ, оценивает сложность проблем и соотношения различных социальных интересов и т.д. для определения предвыборной тактики. "Искусство и способ" выиграть на выборах превращаются в вид профессиональной деятельности, которым занимаются профессиональные советники.
Политический маркетинг включает три этапа: первый - социальный, экономический, политический, психологический анализ места действия; второй - выбор стратегии, определение целей для обработки среди различных групп избирателей, выбор темы кампании, тактики использования местных и национальных СМИ; третий этап - продвижение кандидатов, или на профессиональном жаргоне, который уже успел утвердиться,- "товара". Одно из главных мест здесь занимают СМИ, тем более что специалисты по коммуникации являются решительными сторонниками применения тактических и технических приемов коммерческой рекламы в политической. Наиболее законченную форму политический маркетинг приобрел в США, где детально разрабатываются механизмы и методы его реализации в избирательном процессе. Ключевое место среди них занимают опросы общественного мнения, политические консультанты по организации и проведению выборов, техника создания и "продажи" имиджей кандидатов. В настоящее время в США возникло множество фирм, которые играют все большую роль в организации и проведении различных политических кампаний.
Американские консультанты разворачивают свою деятельность и за пределами страны. В последние, годы их услугами, особенно в избирательных кампаниях, пользуются по крайней мере в 30 странах: Австралии, Великобритании, Канаде, Франции, Испании, Японии, Швеции, Италии и т.д.
Рекламные агентства играют все возрастающую роль в избирательном процессе европейских стран. Характерна в этом отношении Франция. Здесь начало профессиональному политическому маркетингу было положено в 1965 г., когда организацию избирателей кампании центриста Ж.Леканюэ взял в свои руки дипломированный специалист по рекламе М.Бонгран. На следующий год он создал компанию "Услуги и методы", которая впоследствии была переименована в "Мишель Бонгран А.О." и предлагала свои услуги как предприятиям, так и государственным учреждениям и политическим партиям. В 70-х - 80-х годах использование коммерческой технологии в политике шло по нарастающей. Перед выборами 1978 г. кандидатам от всех партий предлагался уже полный набор рекламных услуг. Европейские выборы 1979 г., по мнению специалистов, дали сильный импульс развитию политического маркетинга в Западной Европе. В итоге президентские выборы 1981 г. стали

самыми "коммерческими" за всю историю Франции, Свидетельством растущего веса политического маркетинга стало появление большого числа работ, посвященных этой теме. Он стал популярным предметом в коммерческих школах. Высший институт управления и Школа кадров посвящали ему семинары и конференции.

Предпринимаются попытки координации деятельности политических консультантов на международном уровне. Уже функционирует Международная ассоциация политических консультантов, основанная в 1968 г. итальянским специалистом по рекламе Дж.Наполитано и М.Бонграном. В ее руководство входят представители США, Франции, Испании, Португалии и Дании. В Сорбонне разработана и действует программа подготовки докторов по политическим коммуникациям.

Ныне специалисты и консультанты занимают одно из центральных мест в аппарате претендентов на политические посты во всех сколько-нибудь крупных партиях развитых стран. Каждая из них имеет собственных экспертов по проблемам опроса общественного мнения, консультантов по вопросам радио и телевидения. Помимо них партии в соответствии со своими возможностями прибегают к услугам специалистов по самому широкому кругу вопросов - от организации поездок кандидата по стране до распространения рекламной литературы.

С начала 60-х годов в телевизионных сетях ПИТА работают специалисты, занимающиеся изучением проблем, связанных с избирательным процессом. В течение всего года они проводят опросы общественного мнения, собирают информацию о предстоящих выборах, изучают ошибки в прогнозах, допущенные на прошедших выборах, и разрабатывают методы совершенствования составления прогнозов. Значительный шаг в деле развития системы сбора политической информации был сделан в 1964 г. созданием "Службы избирательных новостей" - консорциума трех радиотелевизионных сетей, Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл. Эта служба разработала сравнительно точную и быструю технику подсчета голосов.

Наиболее точное определение функций политических консультантов, которых нанимают, как правило, из числа наиболее опытных журналистов, комментаторов, сотрудников рекламных и консультативных фирм,- режиссура избирательных кампаний. Располагая широкими личными контактами, зная историю различных кампаний, имея опыт деятельности в сфере СМИ, эти деятели, чьи собственные политические взгляды перекрывают весь существующий спектр - от крайне левых до крайне правых, действуют тем не менее в пределах четко обозначенных границ поставленной перед ними задачи. Они организуют благоприятное освещение своего клиента в органах СМИ, определяют темы и антураж передач и телефильмов о нем, продумывают содержание, форму и внешние аксессуары его публичных выступлений.

Широко используется организация предвыборных псевдособытий с их последующим освещением в органах СМИ - лотерей для избирателей, походов и поездок претендента по стране, его рабочих дней и т.д. Несмотря на то что демонстрация таких на первый взгляд безобидных сюжетов по телевидению в виде коммерческих фильмов, т.е. фильмов, снятых по заказу претендента и показываемых в оплаченное им телевизионное время,- Де" ло чрезвычайно дорогостоящее, в глазах претендентов этот способ распространения информации о себе имеет несравненные преимущества перед "бесплатным" освещением по инициативе СМИ, так как и содержание фильма, и форма информации целиком находятся под контролем самих претендентов. Кроме того, политикам, не обладающим необходимой популярностью, вообще трудно рассчитывать на внимание со стороны прессы, и в этом случае телереклама остается для них наиболее надежным способом получения паблисити.

Задача политических консультантов - не просто привлечь внимание общественности к претенденту, а создать его определенный имидж. Специалисты по общественному мнению, привлекая известных кинорежиссеров и актеров, используя технические приемы и методы, первоначально применявшиеся в рекламе бизнеса, разработали технологию создания и "продажи" имиджей политических деятелей. Эти имиджи должны максимально соответствовать целям избирательной кампании, представлениям общественности о наиболее желательном типе политического лидера, ожиданиям партийных заправил, расчетам деловых кругов и т.д. При этом специалисты исходят из тезиса, высказанного еще в 1956 г. председателем национального комитета республиканской партии США Л.Холлом: "Вы продаете своих кандидатов и свои программы так же, как бизнес продает свои товары".

В настоящее время существует целая теория идеального кандидата, на основе которой конструируются имиджи реальных претендентов. К примеру, такой кандидат должен обладать чертами характера, которые максимально соответствуют конкретной политической ситуации в стране. Так, в периоды социально-политических кризисов наибольшими шансами обладают откровенные и честные политики, способные на максимально открытый разговор с обществом. Отправляясь от этих и множества других обобщенных характеристик идеального претендента, консультанты мобилизуют все наличные пропагандистские средства, чтобы подчеркнуть наиболее выигрышные черты своего клиента и замаскировать неблагоприятные или не соответствующие ожиданиям избирателей.

Важнейшим инструментом реализации политического маркетинга в политическом процессе стали опросы общественного мнения.

11.6. СМИ и опросы общественного мнения

Важнейшим инструментом выявления состояния общественного мнения стали опросы. Об их значимости свидетельствует, например, такой факт: М.Тэтчер не объявляла дату проведения досрочных парламентских выборов 1987 г. до тех пор, пока в течение нескольких месяцев опросы не стали показывать благоприятный исход для консерваторов.

О повышении значения опросов общественного мнения в политическом процессе свидетельствуют все возрастающие внимание и интерес к ним со стороны правительственных и частных организаций, кандидатов, баллотирующихся на различные посты, разного рода фондов, ассигнующих средства на разработку теоретических проблем, а также появление огромного количества работ по этим проблемам. Об этом же свидетельствует неуклонный рост расходов политических партий на проведение опросов, особенно в периоды избирательных кампаний. Пальма первенства в этом отношении, несомненно, принадлежит США. В настоящее время в США действуют более 200 специализированных фирм которые довели методику зондажа позиций общественности по тем или иным проблемам до высокого уровня. Наиболее характерны опросы, проводимые институтом Гэллапа. Как правило, этот институт строит свои выводы на опросе 1500 человек, представляющих различные избирательные участки по всей стране. Такой прием обеспечивает более или менее сквозной срез электората, содержащий в соответствующей пропорции фермеров, горожан, белых, черных, цветных, бедных, богатых, южан и т.д. На первый взгляд, численность опрошенных незначительна, но, как показывает опыт, результаты опросов получаются такими же, как если бы были опрошены 3, 7, 10 тыс. или даже 20 тыс. человек. Последний перед президентскими выборами опрос общественного мнения, проводимый институтом Гэллапа, определяет победителя со средней ошибкой всего 1,5 %.

Правда, за исключением этого последнего опроса, ни один из опросов, проводимых в ходе предвыборной борьбы, не в состоянии предсказать ее конечного результата, но каждый из них, во-первых, довольно точно фиксирует ситуацию - соотношение сил между конкурирующими кандидатами, отношение общественности к правительству, мнения различных групп электората по узловым национальным проблемам - на момент проведения опроса; во-вторых, в связи с другими и ранее проведенными опросами показывает развитие общих тенденций избирательной кампании, с учетом которых корректируются стратегия и тактика соперников. Данные опросов крупнейших фирм (Гэллапа, Харриса, Роупера, Янкеловича и др.) обычно публикуются в печати, но кандидаты все чаще прибегают к услугам частных фирм, которые, по условиям контракта, работают только на них и не публикуют полученных сведений в печати.

В последние годы опросам общественного мнения большое внимание уделяется и в других странах. Хотя надо отметить, что не везде они приобрели такой размах, такую разработанность и точность, как в США. Но тем не менее опросы общественного мнения все настойчивее утверждаются в Западной Европе как важнейший инструмент выявления общественных умонастроений. И здесь США сыграли роль своего рода экспортера. Примечательно, что институт Гэллапа имеет филиалы на всех континентах. у фирм Харриса, Янкеловича, Стреча также имеются филиалы в Западной Европе, Японии, Австралии, Канаде.

Во Франции насчитывается около 150 специализированных организаций, где заняты около 10 тыс. человек. Оборотный капитал различного рода институтов по изучению общественного мнения достигает ежегодно почти 1 млрд. франков. В последние годы во Франции в среднем каждые два дня проводится опрос общественного мнения по политическим вопросам. Ритм проведения таких опросов заметно увеличился с 1987 г.

Опросы общественного мнения являются средством политической разведки, выявления позиций населения по самым различным проблемам политического характера. Они призваны определить, какого мнения избиратели придерживаются о том или ином политическом деле, какие конкретные проблемы их волнуют, действенность тех или иных внутри- и внешнеполитических акций правительства и т.д. Здесь широко применяются методы и технические приемы выявления спроса и определения эффективности рекламы, используемые в бизнесе, особенно в торговле.

Вместе с тем опросы общественного мнения превратились из средства выявления настроений избирателей в инструмент придания определенной направленности этим настроениям. Опросы выявляют, организуют и обнародуют мнения, не требуя каких-либо действий со стороны носителей этих мнений. Они дают заинтересованным лицам или партиям возможность оценивать состояние умонастроений общества до того, как они проявятся в поведении те^х или иных групп населения. С точки зрения заинтересованных лиц, достоинство опросов состоит в том, что они позволяют выявить установки общественности до их материализации в нежелательных, разрушительных политических действиях. Выявляя индивидуальные позиции опрашиваемых, опросы закрепляют их в рамках коллективных представлений. Демонстрируя как бы усредненные позиции в усредненных цифрах, СМИ заставляют большинство читателей, слушателей или зрителей, особенно неискушенных, молчаливо и не задумываясь воспринимать их Как позиции большинства населения или избирателей. Выступая в качестве инструмента пропаганды и одновременно выполняя вспомогательную роль по

отношению к СМИ, опросы общественного мнения позволяют проверить эффективность пропагандистского обеспечения определенного политического курса. Наряду этим опросы создают видимость участия масс, их вовлеченности в политический процесс.
Опросы в конечном счете способствуют трансформации общественного мнения в менее опасный для существующего режима феномен. Во многих отношениях опросы общественного мнения содержат значительный элемент запрограммированности и могут быть использованы с целью манипулирования общественным мнением. О манипулятивных возможностях опросов свидетельствует, например, тот факт, что малейшая модификация вопросов, задаваемых опрашиваемым, может привести к совершенно разным результатам. Так, по данным одного опроса, 50 % американцев доверяют господствующей религии, но лишь 35 % доверяют организованной религии. Около 63 % американцев питают очень большое доверие к армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам, но эта цифра составляет лишь 48 %, когда речь идет о военных, и 21 % - о военных руководителях. В то время как 21 % опрошенных оказывают большое доверие к организованному рабочему движению, лишь 7 % настроены так в отношении большого профсоюза.
Поэтому к данным опросов общественного мнения, ставящих своей целью выявление идеологических и идейно-политических позиций различных групп населения, к их оценкам программ политических партий и отдельных политических деятелей, следует относиться осторожно.
Результаты опросов, широко освещаемые СМИ, оказывают самое непосредственное влияние на характер и содержание избирательной кампании, заставляя кандидатов вносить соответствующие коррективы в свои позиции, ориентироваться на те или иные социальные группы, что отражается на степени их популярности среди электората.
В этом плане большое значение имеет так называемый эффект фургона с оркестром (band-wagon effect) или, проще говоря, эффект успеха, суть которого состоит в том, что люди склонны разделять те мнения, которые принимает (или кажется, что принимает) большое число людей. Прослеживается тенденция к переходу избирателей на сторону опережающего кандидата, заключающаяся в том, что претендент, добивающийся преимущества над своими противниками, вдруг начинает пользоваться растущей популярностью среди населения. Средства массовой информации сосредоточивают на нем значительно больше внимания, чем на других кандидатах, и он приобретает большую известность. В итоге успех рождает успех. Опросы общественного мнения, фиксируя лидеров и отстающих, в значительной степени закрепляют складывающееся соотношение сил и еще больше усиливают намечающиеся тенденции.
При оценке "эффекта фургона с оркестром" следует учесть также и то, что телевизионные персоналии в совокупности составляют телевизионную культуру. Как пишет американский политолог Р.Сноу, то, что они представляют, защищают или критикуют, часто воспринимается как истина или как правильный путь решения проблем. В течение всей истории телевидения такие личности, как М.Берл, Э.Салливен, Б.Уолтерс, Ф.Донахью, и др. стали героями культуры. Огромное влияние, которым они обладают, дает им возможность "продавать лицо", становиться экспертами по вопросам политики и воспитания детей, утверждать тенденции в моде. Признание телевидением, радио и прессой служит в некотором роде показателем значимости именно данного конкретного индивида, выделенного из массы остальных людей.

11.7. Театрализация политического процесса

Развитие СМИ, особенно телевидения, усилило тенденцию к стиранию границы между программами новостей и развлекательными программами. И там, где важность информации определяется и оценивается ее рекламными качествами, неизбежно растет разрыв между реальным миром и миром, предлагаемым СМИ.
Составители информационных программ, озабоченные соображениями развлекательности, предпринимают все возможное для превращения реальности в нечто развлекательное. Они могут выдумывать материал, искажать или изменять "скучные" факты, людей, события, опускать ключевую информацию. И это естественно, поскольку главная задача телевизионной программы состоит в том, чтобы завоевать и сохранить аудиторию.
В последние годы заметно возросло значение символической политики, политики театра, основанной на образах, или имиджах, политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам. Под воздействием как объективных изменений в политическом процессе, так и специфики современных СМИ избирательные кампании выливаются в своего рода популярные спектакли или даже спортивные репортажи с победителями или проигравшими. Кандидат, который хочет добиться успеха, должен быть актером, уметь Вести себя перед телекамерами, играть свою роль в спектакле.
В настоящее время существует множество статей и книг с детальными рекомендациями, в каком виде показываться на телеэкране, какие использовать жесты, как говорить и т.д. В одной из своих статей журнал "Камбио-16", например, давал испанским политическим деятелем следующие рекомендации:

Выступая по телевидению, кандидат должен говорить не так, как он это делает на публичном митинге, т.е. официально, требовательно, высокопарно, а, наоборот, мягким, задушевным голосом, без категорических утверждений, почти умоляюще, избегая триумфалистских фраз и глаголов в инфинитиве и императиве, которые являются свидетельством жесткости и прагматизма.

Для исправления дефектов и ошибок в речи кандидатов используется электронная техника, например логометр, исправляющий невнятное произношение, плохую дикцию, быструю речь и т.д. Особо гипертрофированные формы при создании имиджа приобретает конструирование физических и внешних характеристик кандидатов. К настоящему времени утвердилась целая галерея героев со своими жестами, мимикой и т.д. Это - знаменитая молодежная прическа и спортивная внешность Дж.Кеннеди, простецкие манеры и жесты Дж.Картера, не менее знаменитая, почти детская улыбка Р.Рейгана, которая, несмотря на возраст последнего, превратилась в его "товарный знак", и т.д. Примечательно, что изменение прически того или иного кандидата зачастую преподносится СМИ чуть ли не как сенсация.

Не удивительно, что в избирательных кампаниях элемент регулирования и манипулирования приобрел столь важное значение. Манипуляторский характер деятельности специалиста по созданию и "продаже" имиджей особенно откровенно сформулировал Р.Прайс, один из помощников Р.Никсона:

Мы должны иметь полную ясность в одном: избиратель реагирует на образ, а не на человека. Значение имеет не то, что есть, а то, что проецируется, и .. не столько то, что проецируется, сколько то, что избиратель воспринимает. Поэтому мы должны менять не человека, а производимое впечатление.

В избирательных кампаниях все действия кандидата тщательно режиссируются в соответствии *с* подобными установками - менеджеры избирательной кампании, специалисты по СМИ и опросам общественного мнения внимательно контролируют, что говорит и делает их кандидат, куда и как он идет, что могут выявить в его поведении телекамеры и т.д. Одержимость внешними показателями и театральностью нашла наиболее законченное выражение в Р.Рейгане. Как утверждал один из сотрудников штата по проведению избирательной кампании Р.Рейгана 1976 г., эта кампания напоминала голливудскую картину. Рейган, продолжал этот деятель, "проводит кампанию подобно оперной звезде в концертном турне. Он играет свою роль так долго, что это <то, что он играет.- *К.Г.*> кажется ему реальным. Его выступления отличаются тщательной инсценированностью. У него всегда открытое улыбающееся лицо. Он легко парирует вопросы репортеров и корреспондентов. Одним словом, он "стопроцентный американец", открытый, простой человек, "хороший парень".

Эти особенности СМИ, достигшие своей наиболее завершенной формы в США, во все более широких масштабах перенимаются партиями и политическими деятелями европейских стран. Здесь постепенно также внедряются американские стандарты политического маркетинга. В данной связи ведущие органы СМИ обратили внимание на роскошную постановку церемонии посещения Ф.Миттераном после своего избрания на пост президента Пантеона - усыпальницы выдающихся деятелей. Совершенно сознательно республиканскому зрелищу был придан характер какого-то священнодействия на глазах у всей Франции. Под звуки "Оды к радости", который исполнял под дождем Парижский хор, телезрители увидели президента, в одиночестве шествующего среди холодного мрамора надгробий. Словно по мановению волшебной палочки у него в руках появлялась одна роза за другой, которые он возлагал на надгробия Жана Жореса, Жана Мулена и др. Покоренный зритель, как отмечал Б.Ридо, забыл о хорошо поставленном освещении, о подозрительной толкотне операторов с телекамерами; все было направлено на то, чтобы показать как бы самую душу Миттерана, приобщить каждого гражданина к интимной сущности вождя в момент его молитвы.

Очевидно, что уходят в прошлое выступления политических Деятелей с импровизированных трибун и напыщенные ходульные речи, а также ораторский стиль ведения кампаний. Вместо них политику избирательной кампании формируют специалисты по опросам общественного мнения и исследователи рынка.

Все это способствует тому, что СМИ концентрируют внимание На наиболее драматических событиях и действиях, значительно обедняя и упрощая действительное положение в стране и мире. Так, освещение избирательных кампаний зачастую ограничивайся сообщениями о том, где кандидат находится и перед кем он выступает. Характер повседневного проведения кампании заставляет кандидатов иметь заранее подготовленную речь, которая с в значительными модификациями повторяется на следующих друг за другом выступлениях. Для репортеров эти речи дают мало нового материала. Обвинения и контробвинения кандидатов носят более драматический характер, и они более привлекательны для передачи через СМИ, в результате для более сложных проблем ос тается мало времени. Особенно это верно в отношении телевидения, где потребность в эффектных, бросающихся в глаза визуальных передачах отодвигает на задний план действительно актуальные социально-экономические и политические проблемы. Внимание концентрируется на второстепенных вопросах и малозначащих противоречиях между партиями, а то и отдельными политическими деятелями, на хорошо известных или импозантных личностях на всем том, что выглядит драматически, зрелищно, отвлекает внимание от главных проблем, стоящих перед обществом.

Чрезмерное значение придается фактам, не имеющим сколько-нибудь заметного влияния на общественную жизнь. Как утверждал французский обозреватель журнала теленовостей П.Саба, телепередача должна быть прежде всего зрелищной, ее конструкция зависит в большей степени от материалов, имеющихся у редакции, нежели от "реальной иерархии событий дня". Схематизируя события или решения, прибегая к рекламному стилю политических заявлений (например, "Французский народ - особый народ", "Французские трудящиеся - лучшие в Европе",- говорил Жискар д'Эстен), политизированным формам рекламных объявлений, СМИ превращают политическую информацию в "товар" с хорошими рыночными возможностями.

Усиливается жажда быстрых результатов, что значительно уменьшает вероятность принятия политическими деятелями долговременных решений по важным проблемам, способствует концентрированию внимания кандидатов во время избирательной кампании главным образом на текущих конъюнктурных вопросах. Как правило, у кандидатов расхождения по существу основных общенациональных проблем незначительны. Поэтому как в публичных действиях претендентов, так и в их освещении органами СМИ акцент зачастую делается не на анализе общественной проблематики, не на политической платформе кандидатов, а на их личности, на их качествах. Разумеется, проблемные моменты сохраняют свою значимость, особенно в периоды кризисов и социально-политической напряженности в обществе, но в очень общей, символической форме.

При таком положении вещей победу на выборах может одержать не тот, кто действительно осознает реальные проблемы, стоящие перед страной, и предлагает наиболее оптимальные пути их решения, а тот, кто способен обеспечить себе наибольшую популярность, завоевать общественное мнение и, умело используя СМИ, "продать" себя и свою предвыборную программу как можно большему числу избирателей.

Другими словами, телевидение обладает большей способностью додать личность, нежели идею или программу. В результате политика максимально персонифицируется. Политическая жизнь превращается в арену столкновения личностей, которых можно заснять на пленку, пригласить в студию, побеседовать с ними. Комментарий к их словам заменяет комментарий к событиям реальной жизни. Вопросы многочисленных журналистов, прямые опросы зрителей, их телефонные звонки в студию - все это свидетельствует о том, что в политике, которой посвящена передача, оцениваются прежде всего человек, его способность судить о делах, убеждать людей, его психология и характер, способность владеть собой, но не его политика.

Зная это, политический деятель зачастую стремится не к тому, чтобы его высказывания передавали суть проблемы, а к тому, чтобы они производили впечатление. В США этот момент приобрел прямо-таки гигантские масштабы на партийных съездах, которые по сути дела представляют собой тщательно подготовленные рекламные спектакли. В 1980 г. три основных телесети США израсходовали на освещение партийных съездов 40 млн долл. Примечательно, что в освещении съезда республиканской партии принимало участие в общей сложности 12 тыс. человек, что в шесть раз превышало число его делегатов. И это естественно, поскольку, как отмечает Э.Костикян, "электронная политическая система" вознаграждает "исполнителя", "электронную личность", людей, лучше проявивших себя в "электронной политике", основанной на манипулировании настроениями и поведением избирателей.

Все это в совокупности создает возможности для выдвижения на политическую арену малокомпетентных деятелей. Американскую политологию, например, не перестает интриговать феномен "кандидата от СМИ" Дж.Картера - об этом общественном деятеле до предвыборной кампании знали не более 1 % американцев, но будучи претендентом на президентское кресло, он достиг в ходе избирательной борьбы перевеса над всеми соперниками, однако Картер-президент, по словам даже симпатизировавших ему наблюдателей, на редкость быстро обнаружил неспособность руководить простейшими государственными делами. Результатом телевизионного обмана, подмены содержания формой во время предвыборных кампаний явилось последующее неизбежное разочарование в политике правительства, лидер которого казался таким обаятельным с экранов телевизоров. Именно об этом свидетельствует пример Картера, который не сумел реализовать большинство своих предвыборных обещаний.

Но это лишь одна сторона деятельности СМИ. Если же про. анализировать все доводы и аргументы, изложенные в этой главе, то можно сделать вывод, что СМИ превратились в одну из важнейших конструкций в инфраструктуре подсистемы политического, взяв на себя существенную роль соединения последнего с гражданским обществом.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Дайте общую характеристику СМИ как общественно-политического института.
2. Перечислите важнейшие функции СМИ.
3. Что имеется в виду, когда СМИ называют четвертой ветвью власти?
4. Каковы взаимоотношения СМИ с властными структурами?
5. Каковы функции СМИ как инструмента политического процесса?
6. Что такое политический маркетинг?

7. Какова роль политических консультантов в политическом маркетинге?
8. Что вы понимаете под театрализацией политического процесса?

Глава 12 Политическая философия

Мир политического имеет много измерений: социально-экономическое структурное, функциональное, социокультурное, конфессиональное, историческое, концептуальное и т.д. Чтобы правильно понять сущность политических процессов и явлений, необходимо иметь соответствующее представление обо всех этих аспектах и измерениях. В качестве объединяющего их начала выступает мировоззренческое измерение мира политического. Центральное место в нем занимает политическая философия. По мнению Гегеля, абсолютная идея как "единственный предмет и содержание философии" имеет разные формообразования, причем их философское постижение составляет "задачу отдельных философских наук". Таковыми являются философия истории, философия религии, история философии, философия права. Такой же отдельной философской наукой является и политическая философия.

12.1. Общая характеристика проблемы

Хотя данной проблеме посвящено множество работ, ряд ее важнейших аспектов в должной мере не исследован и требует дальнейшей разработки. В частности, остается еще много неясного относительно сущностных характеристик и основных составных элементов политической философии, хронологии ее возникновения, соотношения с другими социальными и гуманитарными науками, с теорией и идеологией, ее места в мире политического и т.д. По сути дела нет еще более или менее ясного ответа на основополагающий вопрос: "Что есть политическая философия?"

Кроме того, пока не совсем ясно, кого именно считать основателями и современными адептами политической философии. В качестве таковых, например, в фундаментальный труд "История политической философии" [124] включены Фукидид и Платон, Ксенофонт и Аристотель, св. Августин и Аль-Фараби, Фома Аквинский и Макиавелли, Лютер и Гораций, Декарт и Локк, Смит и Гегель, Маркс и Ницше, Гуссерль и Хайдеггер и др. В этом ряду чистые философы и юристы, политэкономисты и историки. Зачастую имеет место смешение политической философии и политическои теории; нередко эти понятия используются в качестве синонимов. В свою очередь они оба смешиваются с понятием “политическая идеология". Очевидно, что этот сложный и многоаспектный вопрос немаловажен для правильного понимания как структурных элементов мира политического, так и его понятийно-категориального аппарата.

Прежде всего встает вопрос о том, когда именно возникла политическая философия. Многие современные исследователи считают возможным применительно к античному времени говорить, о политической философии и политической науке как о вполне сложившихся самостоятельных научных дисциплинах. Так, один из ведущих представителей американской политической наука Дж.Кэтлин называл Сократа "крестным отцом" западной политической философии [101, с. 33]. Английский политолог Н.Бэрри считает "Государство" Платона "самым первым и самым известным систематическим трактатом по политической философии" [90, с. 110]. Пожалуй, наиболее крупным современным политическим философом, который последовательно отстаивал и обосновывал этот тезис, был Л.Страус. Ссылаясь на традицию, он называл Сократа основателем политической философии. По его мнению, труды Платона и Аристотеля представляют собой первые (из дошедших до нас) работы, посвященные политической философии. Кроме этих работ, полагал Страус, классическая политическая философия включает также политические учения стоиков, отцов церкви, схоластов в той мере, в какой они не основаны исключительно на божественном откровении [146].

Так ли это? Результаты поисков ответа на этот вопрос позволяют сделать вывод, что подобные доводы и рассуждения нуждаются в существенных коррективах. Прежде всего возникает вопрос: *что конкретно понимается под политической философией?* А отсюда возникает комплекс других, не менее важных вопросов: *когда и при каких условиях она сформировалась? Правомерно ли говорить о политической философии применительно к античному времени? Можно ли говорить о единой непрерывной традиции политической философии от античного периода до наших дней?* и т.д.

Попытаемся ответить на эти вопросы. В качестве исходной посылки (предваряя последующие выводы) отметим, что политическая философия выступает одновременно и как теория познания мира политического, т.е. как политическая эпистемология, и как учение о политическом бытии, т.е. как политическая онтология. Можно сказать, что политическая философия, затрагивая одновременно сферы философии и мира политического, есть пересечение философии и политической науки. С одной стороны, политическая философия является частью общей философии в собственном смысле слова. Более того, в качестве самостоятельного феномена на определенном этапе исторического развития она вышла из лона общей философии. С другой стороны, она теснейшим образом связана с политической наукой и в отдельных своих аспектах входит в последнюю как самостоятельный подраздел. Поэтому очевидно, что ее судьба теснейшим образом связана с судьбой как философии, так и политологии. К тому же она не может не иметь определенных точек соприкосновения с социологией и особенно политической социологией.

Для утверждения собственно политической философии были необходимы формирование и утверждение, во-первых, самого мира политического, во-вторых, понятия политического в самом широком и глубинном его значении и, в-третьих, понятий второго порядка, таких, как государство, власть, право, свобода и т.д. Если верен этот тезис, то очевидно, что хронологические рамки и процессы формирования политической философии и политической науки в целом совпадают, ибо о собственно политической философии мы вправе говорить постольку, поскольку существует самостоятельная сфера человеческой жизнедеятельности, рефлексией которой и может выступать политическая философия.

12.2. Предпосылки формирования политической философии в новое время

В гл.1 уже говорилось, что Сократ, Платон, Аристотель и другие представители античной мысли были предтечами, провозвестниками политической науки, а не ее основателями и адептами в современном смысле слова. Напомним, что о политической науке мы вправе говорить лишь со времени вычленения в Новое время мира политического как самостоятельной подсистемы человеческого социума, во многих аспектах автономного в отношении как экономической сферы, так и гражданского общества. В этом смысле политическая наука как самостоятельная научная и образовательная дисциплина представляет собой исторический феномен, возникший на определенном этапе исторического развития. Это в равной мере верно применительно и к политической философии. Ее вычленение связано с развернувшейся в Новое время диверсификацией социальных и гуманитарных дисциплин.

В данном контексте немаловажная заслуга принадлежит *Макиавелли,* который одним из первых заговорил о политическом как об особой сфере жизнедеятельности людей. Он, в частности, разработал особое политическое искусство создания твердой государственной власти любыми средствами, не считая с какими бы то ни было моральными принципами, руководствуясь максимой "цель оправдывает средства". Как утверждал Макиавелли, не государство существует для морали, а наоборот, последняя существует (если вообще существует) для первого. Политическая, государственная жизнь не может подчиняться морали Мораль невозможна вне политического сообщества. Более того оно подчиняется собственной логике, собственному raison d'etre отличному от логики морали. Анализ произведений Макиавелли имеющих касательство к нашей теме, позволяет сделать вывод что он сформулировал отдельные положения, которые условно можно назвать зачатками политико-философских идей.

Определенный вклад в рассматриваемом контексте внесли авторы Нового времени, которые разрабатывали правовые аспекты государства. Так, первым фундаментальным сочинением был труд голландского юриста Г. Греция "Закон мира и войны" (1625), где политическое анализируется прежде всего с юридически-правовой точки зрения в противовес философскому и теологическому подходам. В этом же ряду можно назвать работы испанца Ф.Суареса "О законах и боге как законодателе" (1612), немецкого юриста С.Пуфендорфа "О законах природы и народов" (1672), швейцарского дипломата Э.де Ваттеля "Закон народов" (1757) и др.

Качественно новый шаг в этом направлении сделал *Т.Гоббс.* Его труд "О гражданине" и вторую часть "О государстве" Левиафана, по-видимому, можно считать первыми собственно политико-философскими произведениями, хотя Гоббс еще не использовал понятие "политическая философия". Если сравнить эти работы с трудами классиков античной мысли, то нельзя не обнаружить их разительное различие как по тональности, так и по смыслу. В основе концепции Гоббса лежат взаимодействие и динамика противоположных начал коллективно-государственного и индивидуально-личностного. В обеих названных работах он имеет в виду прежде всего сущность и предназначение государства - этого "искусственного человека", антипода естественного состояния людей. Проводится четкое различие между государством-Левиафаном как носителем верховной власти и подданными, обладающими при всей их подчиненности этой верховной власти определенными неотъемлемыми правами. Особенность позиции Гоббса состоит в том, что в русле наметившихся на рубеже средних веков и Нового времени тенденций объяснить сущность государства через его происхождение он предпринял попытку сформулировать свое понимание государства с точки зрения причин условий его возникновения.

Проанализировав положение человека вне гражданского общества, Гоббс пришел к выводу, что "начало гражданского общества во взаимном страхе". Состояние людей вне общества - война всех против всех. Война противоречит стремлению человека к самосохранению. Именно стремление преодолеть это состояние привело людей к осознанию необходимости договора. Подробно рассматривается естественный закон, но применительно к договорам. Согласно Гоббсу, первый и основной закон природы гласит:

Необходимо стремиться к миру всюду, где это возможно; если мира достичь невозможно, нужно искать средства для ведения войны.

Причем, по Гоббсу, "это требование истинного разума", поэтому из него вытекают все остальные естественные законы. Один из этих законов Гоббс сформулировал так [21, т. II, с. 295-297]:

Действие двух или более лиц, взаимно переносящих друг на друга свои права, называется договором (contractus).
Подробно проанализировав все сформулированные им естественные законы, Гоббс утверждал, что они недостаточны для сохранения мира. Сохранение мира возможно только при наличии единой воли всех людей, а это может осуществиться только в том случае, если каждый подчинит свою волю другой единой воле - воле одного человека или одного собрания. Созданное таким образом объединение Гоббс назвал государством или гражданским обществом (societas civilis). Как он считал [там же, с. 331],
..государство (civitas), если дать ему определение, есть единая личность, чья воля на основании соглашения многих людей должна считаться волею их всех, с тем чтобы оно имело видимость и возможность использовать силы и способности каждого для защиты общего мира.
Исходя из подобных посылок Гоббс предложил свою концепцию философии государства. В основе его построений лежит тезис о двух состояниях любого человеческого общества: естественном (status naturalis), когда отсутствует какая бы то ни было государственная организация, и государственном, гражданском (status civilis). Поэтому, говорил он [там же, с. 80],
...философия распадается на две основные части: философию естественную и философию гражданскую, или философию государства. Поскольку же для признания свойств государства необходимо предварительно изучить склонности, аффекты, права и нравы людей', то философию государства подразделяют обычно на два отдела, первый и которых, трактующий о склонностях и нравах, называется этикой, а второй, исследующий гражданские обязанности,- политикой или просто философией государства.
При этом Гоббс был убежден в том, что он разработал совершенно новую философию государства. Он по сути дела отрицал что до "Основ философии", частью которых является трактат "о гражданине", вообще существовала какая бы то ни было философия государства или наука о государстве вообще. Таким образом, по-видимому, Гоббсу принадлежит приоритет в плане введения в научный оборот понятия "философия государства". Но он затрагивает более широкие проблемы, относящиеся к миру политического в целом, нежели к одному только государству, и именно его следует назвать первым из основателей собственно политической философии.
Чтобы в более или менее полной мере высветить все сколько-нибудь значимые факторы и вехи формирования и эволюции этой традиции, следовало бы проанализировать работы целой плеяды выдающихся мыслителей XVII-XVIII вв. Среди них "Богословско-политический трактат" Б.Спинозы, "Общественный договор" Ж.-Ж. Руссо, "О духе законов" Ш.-Л.Монтескье, "Об отношении теории к практике в государственном праве (против Гоббса)" и "Об отношении теории к практике в международном праве с точки зрения общего человеколюбия, т.е. космополитической" И.Канта, работы французских энциклопедистов и т.д. Здесь остановимся лишь на работе *ЦжЛокка* "Два трактата о правлении", имеющей важное значение для понимания как путей, так и сущности политической философии
Для Локка аксиомой является факт договорного происхождения государства. Это четко обнаруживается уже в первом трактате, весь пафос которого направлен на развенчание весьма популярной в конце XVII в. книги Р.Филмера "Патриарх". Основные тезисы Филмера сводились к следующим: "всякое правление есть абсолютная монархия", "ни один человек не рождается свободным", "люди от природы не свободны", "люди от рождения подчиняются своим родителям", "отец семейства руководствуется только одним законом - своей собственной волей", "преимущественное право государей выше законов" и т.д. Именно из отцовской власти, основываясь на этих и подобных им посылках, Фил мер и выводил свой основной постулат об абсолютной монархической власти. Отвергая какое бы то ни было божественное вмешательство, Локк настойчиво проводил мысль, что государство - это результат договора и чисто земное дело. Согласие народа, подчеркивал он, "есть основа всякого законного правления" [42, с. 137].
Как и Гоббс, Локк считал, что государство пришло на смену естественному состоянию. А это последнее, по его словам, представляет собой "состояние полной свободы в отношении их <людей.- *К.Г.*> действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью" [там же, с. 263-264], не подчинясь чьей бы то ни было воле. И это также состояние равенства всех, при котором никто не имеет больше другого, власть и юрисдикция являются взаимными, отсутствуют подчинение и подавление. Но это не состояние своеволия, поскольку оно "имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого".
Общественное начало, утверждал Локк, заложено в самой природе человека. Бог создал его таким существом, которое не выносит одиночества, и тем самым он "заставил его искать общество". Стремление избегать состояния войны без права, обращенной против личности человека,- "вот главная причина того, что люди образуют общество и отказываются от естественного сознания и состояния".
При этом особо важное значение имеет тезис Локка о том, что первоосновой свободы личности и первопричиной возникновения государства является собственность. Человек рождается свободным и

от рождения наделен правом защищать "свою жизнь, свободу и имущество" [там же, с. 310]. Именно для обеспечения оптимальных условий реализации этих свобод и прав создается государство.
Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи им себя под власть правительства является сохранение их собственности [там же, с. 334].
Все это убедительно свидетельствует о том, что в отличие от античных и средневековых мыслителей Локк выводил на первое Место личность отдельного человека, наделенного от рождения неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и собственность. Этому постулату придавалось столь фундаментальное значение, что, как говорил сам Локк [там же, с. 312],
...абсолютная монархия... несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может быть вообще формой гражданского правления.
У Локка четко прослеживаются размежевание и между отдельной личностью и обществом, а также обществом и системой правления или политической властью. Более того именно к Локку восходит сформулированная представителем классического либерализма идея государства - ночного сторожа, в которой тенденция к раздвоению общества и государства нашла свое законченное выражение.
В этом смысле Локк сделал шаг вперед по сравнению с Гоббсом. Последний считал, что при создании государства договор заключается только между гражданами, решившимися добровольно передать свои права верховному суверену, который не является одной из договаривающихся сторон и в силу этого наделен неограниченными полномочиями и властью. У Локка же правительство - обязательный участник договора, в силу чего оно обязано строго соблюдать его условия, иначе народ вправе свергнуть это правительство и вступить в договорные отношения с новым правительством. Очевидно, что Локк отдавал приоритет обществу перед государством (которое у более радикальных его последователей, например у Т.Пейна, рассматривалось как необходимое зло). Проанализировав воззрения Локка, можно сделать следующий вывод: верховный государственный орган следует сравнивать не с головой, увенчивающей общество - тело, а со шляпой, которую безболезненно для последнего можно сменить. Иначе говоря, общество - постоянная величина, а государство - производное от него.
Более современно звучит позиция Локка и по другому важному вопросу. Отвергая саму мысль о том, что "верховная власть может отвергаться и быть делима", Т.Гоббс подчеркивал [23, т. II, с. 254]:
Делить власть государства - значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга
У Локка же прослеживается, правда в еще не завершенной форме, идея разделения властей. К нему восходят такие важнейшие современные политико-философские идеи, как универсальность закона, перед которым равны все граждане государства независимо от их социального, религиозного или иного статуса; монополия на легитимное насилие и т.д.
В целом политико-философский характер "Двух трактатов" определяется тем, что в них анализируются и высвечиваются онтологические и гносеологические вопросы: сущность мира политического, государства и власти, условия и факторы их возникновения, жизнеспособности и исчезновения, формы, в которых и могут существовать, и т.д. Поэтому Локка с полным основанием можно считать одним из авторов идеи правового государства и одним из основателей политической философии.
Таким образом, подводя итог изложенному, можно сказать, что к середине XVIII в. разграничение между естественной философией, моральной философией и философией государства стадо общепринятым. Во второй половине XVIII в. в научный оборот постепенно входит понятие "политическая философия". Одним из первых его использовал И.Г.Гердер в своем фундаментальном труде "Идеи к философии истории человечества", вышедшем в свет в 1784-1791 гг. [21, с. 422]. Следует отметить, что вопрос о том, когда именно понятие "политическая философия" получило употребление в научном лексиконе, весьма важный, поскольку понятие не может быть отделено от феномена, выражаемого им, и установление времени его происхождения и эволюции зачастую служит ориентиром для установления примерного времени возникновения и соответствующего феномена.

12.3 . Институционализация политической философии

Во второй половине XVIII - начале XIX в. были сформулированы главные подходы, которые послужили в качестве основоположений для разработки важнейших политических теорий и концепций современности. В этом контексте ключевую роль сыграл *Г.В.Ф.Тегелъ*. Насколько известно, Гегель нигде не использует понятие "политическая философия" или "философия политики". Свой фундаментальный труд, посвященный материям, покрываемым этим понятием, он назвал "Философией права". В данной связи интерес представляет тот факт, что у английских мыслителей, начиная с Гоббса, утвердились понятия "моральная философия" и "философия государства", равно как и понятие "правление закона" (rule of low), а в Германии в качестве эквивалента последнего было принято понятие "правовое государство" (Rechtsstaat). В конце XVIII в. здесь же возникло понятие "философия права". Его, в частности, широко использовал теоретик исторической школы права Г.Гуго. Выбор Гегеля, по-видимому, объясняется тем, что формирование и утверждение идеи права и

Правового начала имели ключевое значение для радикальной трансформации самого мира политического в современном его Понимании. Право и закон как его видимое воплощение и стали той основой, на которой сформировались и утвердились основополагающие признаки современного (правового) государства: cверенитет, универсальность, всеобщность, абстрактность, безличность, т.е. тех атрибутов, которые и позволяют противопоставить мир политического гражданскому как сфере частного индивидуального, партикулярного.

"Философская наука о праве имеет своим предметом идею права - понятие права и его осуществление",- писал Гегель в [18, с. 59]. Однако анализ содержания работы "Философия права" доказывает, что ее следует трактовать более широко. В данной связи интересно отметить, что эта работа является более развернутым вариантом раздела "Объективный дух" третьей части "Энциклопедии философских наук", который называется "Философия духа",- раздела, в котором рассматриваются проблемы права, моральности и нравственности. Эти же проблемы затрагивались в лекционных курсах, прочитанных им начиная с 1817 г. в качестве профессора Гейдельбергского и Берлинского университетов: "Естественное право и наука о государстве", "Основания естественного права и науки о государстве", "Естественное и государственное право или философия права". Сами названия этих лекций свидетельствуют о том, что в них освещался более широкий круг вопросов, чем собственно философские вопросы права в узком смысле слова.

"Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть положенная вообще свобода как идея",- подчеркивал Гегель [там же, с. 89]. Комментируя это положение, В.С.Нерсесянц не без оснований считал возможным называть философию права Гегеля "философией свободы" [там же, с. 94]. Показательно, что, говоря о праве, Гегель имел "в виду не только гражданское право... но также и моральность, нравственность и всемирную историю, которые также сюда относятся" [там же, с. 18].

Анализ содержания "Философии права" показывает, что ее автор по сути дела излагает свое понимание принципов формирования и функционирования мира политического, политической организации общества. Важнейшие проблемы добра и зла, права и закона, свободы и справедливости, морали и нравственности, личности, семьи, собственности, гражданского общества и т.д. анализируются в их соотнесенности с государством. Это дает основание рассматривать данную работу не только как философию права и философию свободы, но и как философию политики вообще или политическую философию. Политико-философский характер книги особенно отчетливо прослеживается в ее третьей части "Нравственность". Здесь автор затрагивает ключевые вопросы, связанные с сущностью семьи, гражданского общества и особенно государства. Гегель подробно останавливается на идее государства, проблемах соотношения государства и религии, общественного мнения и государственных институтов, сущности власти и разделения властей, исторических формах государства и государственного правления и т.д.

В 1842-1844 гг. вышел в свет объемный двухтомный труд английского исследователя *Г.Броугэма* под названием "Политическая философия". Но в ней речь идет о политической науке. Показательно, что само понятие "политическая философия" в тексте используется лишь несколько раз и то в качестве синонима понятия "политическая наука". Вступительная глава носит красноречивое название "Цели, польза и преимущества политической науки". В дальнейшем вышел ряд работ, в которых была предпринята попытка проанализировать различные аспекты политико-философской проблематики. В целом на протяжении XIX и первых десятилетий XX в. важнейшие проблемы, выдвинутые в работах Т.Гоббса, Дж.Локка, Г.В.Ф.Гегеля и других мыслителей Нового времени, нашли дальнейшую разработку и развитие у А. де Токвиля, Г.Спенсера, В.Парето, М.Вебера, А.Мишеля, Л.Дюги, Б.Кроче, К.Шмитта и др., которые сформулировали важнейшие политологические и политико-философские концепции, теории политики и мира политического, приняли и подняли фундаментальные проблемы эпистемологии и методологии, соотношения этики и морали, реального и идеального, свободы, равенства и справедливости, профессионального и морального в сфере политического, политической онтологии и т.д. Их заслуга состояла в том, что они окончательно определили мир политического как особую реальность, имеющую собственную логику развития.

Но 30-е - 50-е годы оказались наименее плодотворными в плане разработки данной проблематики. Этому способствовали факторы как политического (утверждение в ряде стран тоталитарных систем), так и мировоззренческого и методологического характера (экспансия позитивизма и бихевиоризма в социальных и гуманитарных науках). Новый импульс политическая философия получила в 60-х - 70-х годах, и связан он с именами Л.Страуса, Э.фогелина, Дж.Роулса, Р.Нозика, Г.Рормозера, Г.-К.Кальтенбрунера и др.

Подытоживая изложенное выше, можно сделать вывод, что Политическая философия возникла на определенном этапе исторического развития общественно-политической мысли. Главной предпосылкой ее формирования и утверждения явилось расчленение гражданского общества и мира политического на самостоятельные подсистемы человеческого социума. Она явилась результатом длительного процесса отпочкования от общей философии социальных и гуманитарных наук, их дальнейшей диверсификации. В этом смысле пути и процессы, формирование и

институционализация политической философии немногим отличаются от социологии, политической социологии, политической науки и других социальных и гуманитарных дисциплин.

12.4. Что есть политическая философия?

Политическая философия - это особая поддисциплина, располагающаяся на стыке философии и политической науки. В этом качестве она призвана изучать духовные и мировоззренческие аспекты мира политического. Она включает политическую онтологию, аксиологию, эпистемологию и методологию. Политическая философия - это та сфера духовной деятельности людей, где формируются мировоззренческие, нормативные и ценностные основы мира политического, сама идея политического, идеи государства и власти. Для политической философии мир политического служит в качестве источника философской рефлексии о принципах порядка, свободы, равенства, справедливости и т.д. Она избегает вопросов вроде "где?", "когда?", "как?", "кто?" или категории "здесь" и "теперь". Ее интересует прежде всего сократический вопрос: "Что есть...?" В центре ее внимания - не конкретная политическая ситуация, не конкретные формы и проявления политической деятельности, а природа мира политического, политической жизни вообще, например, не конкретное государство, не конкретная властная структура, а природа государства и власти вообще, не конкретная война, а природа войны вообще, ее место и роль в жизни человеческих сообществ и др.

Политическая философия призвана осветить скрытый принцип всего мира политического в его явленности. Она концентрирует внимание на сущностных аспектах, скрытых принципах, природе политических феноменов. Это, говоря словами Э.Гуссерля, "морфологические сущности" мира политического. Внешний аспект составляют конкретные проявления, формы и факты. Речь идет, например, о конкретных баталиях между законодательной и исполнительной ветвями властей по тому или иному конкретному вопросу. Когда говорят о внутренней стороне, то имеется в виду сущность феномена разделения властей, которая характеризуется в идеальных, абстрактных категориях. В [18, с. 54] Гегель писал:

Все дело в том, чтобы в видимости временного и преходящего познать субстанцию, которая имманентна, и вечное, которое присутствует в настоящем. Ибо, выступая в своей действительности одновременно и во внешнее существование, разумное, синоним идеи, выступает в бесконечном богатстве форм, явлений и образований.

Поэтому прав был В.Кроче, который не без оснований отмечал, что история содержит философию внутри самой себя в виде предметов ее суждений. Во многом и политика как важнейшая сфера жизнедеятельности человека содержит в самой себе собственную философию. В этом контексте политическая философия является составной частью политической действительности.

Мир политического имеет наличное, объективное бытие и бытие абстрактно-идеальное. Последнее, как сказал Э.Гуссерль, есть "латентный разум" мира политического. Оно существует в форме идеи - понятия в себе и для себя. В этом качестве политическое бытие, возможно, составляет в явной или неявной форме интегральную часть любого человеческого общества. Иное дело, что вплоть до Нового времени, когда началось расчленение гражданского общества и мира политического на самостоятельные сферы человеческого социума, оно было как бы неразрывно слито с другими аспектами человеческого существования. Так или иначе задача политической философии состоит в постижении идей и мыслей, лежащих в основе мира политического. Они в свою очередь раскрываются в понятиях. В [23, т. I, с. 132] Гоббс писал:

В философии определения предшествуют определяемым именам. При обучении философии начинают именно с определений и весь дальнейший процесс приобретения знания сложных вещей осуществляется посредством синтеза, путем сложения понятий.

Поэтому важная функция политической философии состоит в разработке понятийно-категориального аппарата и языка политической науки. При этом следует подчеркнуть, что в политической философии, равно как и в других социальных и гуманитарных науках, существенную роль играет абстракция. Ее задача состоит в том, чтобы упростить реальность, но при этом не искажая сути реальности. Если в большинстве социальных и гуманитарных наук абстракция возможна a posteriori, то в политической Философии она допускается a priori. Политический философ не просто описывает факты, олицетворяемые теми или иными событиями политической жизни, а выявляет сущности, в которых достигается единство внутренней и внешней сторон политического события. Иначе говоря, политическую философию интересует не столь, ко эмпирическая, фактографическая сторона мира политического, сколько его значимость и смысл в целом. Она призвана постичь сущность политического, определить, так сказать, в послед, ней инстанции природу политических вещей в самом широком и глубинном понимании этих слов. В ее задачу входят осмысление содержания конкретных политических понятий, поиски ответов на вопросы: в какой мере политическую реальность моде. но изобразить в соответствующих понятиях и терминах? насколько содержание этих последних значимо для субъектов политики? и т.д.

В целом политическая философия занимается проблемами, связанными с соотношением целого и частного, общего и индивидуального, теории и практики, свободы и равенства, свободы, справедливости и равенства и т.д. в мире политического. Вместе с тем в ее задачу входит выяснение

сущности власти и властных отношений, государства, их предназначения и целей и т.д. Например, власть, взятую саму по себе, невозможно сколько-нибудь четко фиксировать в понятиях. Чтобы понять ее сущность, необходимо определить содержание понятия "государство", а его в свою очередь нельзя понять, не выявив то, какое именно содержание мы вкладываем в понятие "политическое" и т.д. Иначе говоря, власть, взятая в ее конкретной явленности, в чисто практическом ее воплощении или в сциентистском, эмпирически-фактографическом аспекте лишается многих своих важных сторон, редуцируется и упрощается.

Поэтому для анализа власти используют множество подходов, каждый из которых имеет свое понимание момента истины, но при этом оставляют как бы за скобками вопрос о природе власти как человеческого, социального феномена вообще. Применяя разные методологические подходы и методы исследования, политология призвана раскрывать место, роль и функции власти и властных отношений в мире политического, их взаимосвязей с другими сферами человеческой деятельности и т.д. А задача политической философии в том, чтобы определить природу и предназначение власти. Суть этого тезиса можно пояснить на следующем примере. В своем ставшем знаменитым Гетисбергском обращении президент США А.Линкольн во время гражданской войны говорил о "правлении народа, для народа и осуществляемом народом". Это выражение, как правило, считается определением демократии. Но философ должен вникнуть в сущность этого выражения и дать ответы на следующие вопросы: для чего нужно правление, осуществляемое народом? Чем оно должно править? каким образом люди могут править сами собой? и т.д.

Можно сказать, что политическая философия - это дисциплина о принципах политической организации общества. Одна из важнейших характеристик принципа в его философском толковании - это способность к универсализации, суть которой состоят в том, что в равных условиях он будет действовать одинаково. Например, утверждение и эффективное функционирование политической демократии и ее институтов требует определенного минимума условий, без которых они просто невозможны. Так, правовое государство с необходимостью предполагает гражданское общество с развитыми и общепринятыми институтами и ценностями, а последние в свою очередь предполагают признание законности частного, приватного начала, противостоящего публичному началу, кристаллизацию групп интересов, признание социальной, культурной, идеологической и других форм плюрализма и т.д.

При этом следует подчеркнуть, что понятия и категории "власть", "государство", "политика" и им подобные всегда выступают в конкретных формах и обличиях в зависимости от национально-культурного, общественно-исторического, парадигмально-мировоззренческого и иных контекстов. Их конкретные типы и содержание зависят от типа мышления или миропонимания данным народом конкретного исторического периода. Их нельзя представлять как вечные, вневременные ценности, как некие неизменные сущности, одинаково верные для всех времен и народов. Касаясь ложного, метафизического толкования идеи античной свободы европейскими мыслителями своего времени, Т.Гоббс утверждал [23, т. II, с. 168]: "Ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков". Здесь философ имел в виду попытки некритического перенесения идеалов и ценностей одной исторической эпохи на другие исторические эпохи. Ценности и идеалы, воплощенные в социальных и гуманитарных науках, зависят от общества, которому эти науки принадлежат, поскольку они носят исторический характер- Например, Р.Коллингвуд отмечал [37, с. 218],

“Государство" Платона - изображение не неизменного идеала политической жизни, а всего лишь греческого идеала политики, воспринятого и переработанного Платоном. "Этика" Аристотеля описывает не греческую мораль, а мораль грека, принадлежащего к высшим слоям общества. "Левиафан " Гоббса излагает политические идеи абсолютизма XVII столетия в английской форме. Этическая теория Канта выражает моральные убеждения немецкого пиетизма; его "Критика чистого разума анализирует теории и принципы ньютоновскг науки в их отношении к философским проблемам его времени.

12.5. Политическая теория

Выше уже говорилось, что зачастую политическую философию смешивают с политическими теориями, поэтому весьма актуален вопрос об их соотношении. Политические феномены, их функционирование невозможно понять в отрыве от политической мысли поскольку мысль и действие пронизывают друг друга. Мысли о политическом действии могут принимать различные формы, но реальное воплощение они получают в политической теории. Теория имеет своим основанием мысль, отличную от практики или действия. Но не всякую мысль можно считать теорией. Первоначально греческое слово "теория" понималось как сконцентрированный мысленный взгляд на что-то в состоянии размышления с целью понять это что-то. В данном смысле оно покрывало бытие (онтологию), равно как и объяснение причинно-следственных связей в его религиозном или философском выражении, а также эмпирическую или логическую мысль. В широком смысле под теорией понимается комплекс представлений, идей и воззрений, цель которых - истолкование и объяснение тех или иных явлений и процессов. Это понятие используют и в более узком смысле,

подразумевая под ним наиболее развитую форму организации научного знания, призванную дать более или менее целостное представление об определенной сфере природной или общественной действительности. Теория представляет собой целостную систему знания, различные компоненты которого находятся в логической зависимости друг от друга и выводятся из определенной совокупности понятий, пропозиций, утверждений и т.д. Теория как особая форма освоения мира всегда связана с определенными философско-мировоззренческими установками, что нередко затрудняет проведение сколько-нибудь четкого разграничения между политической философией и политической теорией.

Простое описание или систематизацию эмпирических фактов нельзя считать теорией. Она обязательно предполагает не только описание, но и объяснение. Объяснение в свою очередь включает раскрытие закономерностей и причинно-следственных связей в тех процессах и феноменах, которые данной теорией покрываются. Политическая теория концентрирует внимание на конкретных проявлениях мира политического: структуре и функциях, институтах и субъектах, их поведении, роли и взаимоотношениях, формах и типах политических систем и т.д. Так возникли теории структурно-функционального анализа, типологизации политических и партийных систем, теории демократии, тоталитаризма и авторитаризма и т.д. Что касается политической философии, ее задача - изучить исследуемые материи в их целостности, постичь лежащий в их основе универсальный принцип, понять саму идею политического вообще, идею государства и власти вообще и т.д., абстрагируясь при этом от их конкретных воплощений.

12.6. Политическая идеология

В мировоззренческом измерении политики немаловажное место занимает идеология. Вопрос о соотношении идеологии и политики - сложный и многоаспектный и требует самостоятельного рассмотрения, но здесь мы затронем лишь один его аспект, касающийся мировоззрения и соответственно политической философии, тем более что порой идеологические и политико-философские аспекты этого вопроса по сути дела отождествляются. Как считает, например, Дж. Ла Паломбара [119, с. 38],

...идеология включает философию истории, видение нынешнего положения человека в ней, некоторые оценки возможных направлений будущего развития и комплекс предписаний, предусматривающих ускорение, замедление и/или модификацию того или иного направления развития.

Разумеется, это определение можно оспорить, но как бы то ни было, политическая идеология в целом имеет следующие основные структурные элементы: 1) связь с общей мировоззренческой системой эпохи; 2) программные установки, сформулированные на основе тех или иных положений этой системы; 3) стратегия реализации программных установок; 4) пропаганда; 5) конкретные шаги по реализации программы.

Идеология неразрывно связана с проблемами, касающимися авторитета, власти, властных отношений и т.д. Все идеологии независимо от направленности основываются на признании определенной концепции общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой концепции. Идеология выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции, первую, скажем, для сплочения членов той или иной партии, а вторую - для разграничения этой партии и других партий. В отличие от политической философии идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия политический процесс, ее цель - привлечение возможно большей , поддержки. Поэтому, естественно, она носит более ярко выраженный тенденциозный характер.

Идеология призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, объяснять, обосновывать, оправдывать или отвергать политически реальности в конкретных общественно-исторических условиях С этой точки зрения политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идейно-политических течений и направлений. Однако констатация этого положения сама по себе еще мало что объясняет. Дело в том, что при всей его верности знаменитая формула "политика есть искусство возможного" правомерна и в современных условиях. С одной стороны, "искусство возможного" ставит определенные пределы идеологизации политики, с другой стороны, идеология определяет возможные пределы, за которые та или иная политическая партия или правительство при проведении своего политического курса может выйти без ущерба для основополагающих принципов своей политической программы.

Здесь важно отметить, что политическая наука, изучающая мир политического, также имеет идеологическое или идейно-политическое измерение. Поэтому одним из важных объектов политологического анализа является соотношение политики и идеологии. Это лишь одна сторона вопроса. Немаловажное значение имеет и то, что любой исследователь в тех или иных форме и степени подвержен влиянию идеологических пристрастий, споров и дискуссий и не может быть полностью свободным от определенной тенденциозности и идейно-политической ангажированности в трактовке важнейших политических реалий. Не секрет, что подход исследователя при анализе любого сколько-нибудь значимого феномена во многом определяется его идейно-политическими и

социально-философскими установками и ориентациями. Последние не могут не отражаться на характере и структуре понимания исследуемого им предмета, и проблема состоит в степени и масштабах такой ангажированности и тенденциозности. Конечно, в идеале политология как наука должна быть беспристрастна и преследует цель найти истину независимо от того, кому выгодны результаты ее изысканий. Но идеология пристрастна и предвзята, поскольку выражает интересы какого-либо класса или социальной группы. Подстраивание любой науки, особенно политологии, к чьим бы то ни было вкусам и интересам неизбежно чревато ее выхолащиванием и вырождением. Но опыт почти всех развитых стран Запада, особенно стран с либерально-демократическими политическими системами, убедительно показывает, что нередко научный анализ политических феноменов уживается с теми или иными идейными или идеологическими позициями исследователя. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что большинство политологов при всех возможных в таком вопросе оговорках так или иначе по своим подходам, установкам, симпатиям, антипатиям и т.д. характеризуются как либералы, консерваторы, социал-демократы, марксисты и т.п. В основе такой классификации, несомненно, лежит идеологическая оценка. Поэтому речь должна идти, как представляется, не о новой деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-политических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществования, терпимости и открытости. А это в свою очередь предполагает, что, хотя научный подход и отвергает идеологию в качестве инструмента или исходной посылки исследования, необходимость ее изучения как неотъемлемого элемента мира политического не отпадает.

12.7. Политическая онтология

Политическое следует определить, выявив, специфически политические феномены, категории, понятия. Как отмечал известный германский философ *К. Шмитт,* политическое имеет свои собственные критерии, "начинающие своеобразно действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действования в особенности в противоположность моральному, эстетическому, экономическому". Один из путей определения сущности и содержания любого понятия - выявить его составные элементы, а затем на основе их анализа вычленить его категории и критерии. Идя по этому пути, сначала попытаемся просто перечислить основные компоненты подсистемы политического.

При всей многозначности данного понятия, когда говорят о Мире политического, речь все же идет об особой сфере жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями, государством и государственным устройством, теми института-Ми, принципами, нормами и т.д., которые призваны гарантировать жизнеспособность того или иного сообщества людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей. Иначе говоря, под политическим подразумевается все то, что имеет касательство к феноменам, институтам, организационным формам и отношениям в обществе, за которыми признаны окончательная власть и авторитет, существующие в нем для утверждения и сохранения порядка и реализации других жизненно валены для него целей.

Для характеристики феномена политического определяющее значение имеет принцип всеобъемлемости или всеобщей обязательности. Здесь важно учесть, что не существует и не может существовать аполитического общества, поскольку все сферы и формы общественной жизни и деятельности в тех иди иных форме и степени пронизаны политическим началом. Главная функция политического состоит в том, чтобы обеспечить единство общества, разделенного на разнородные группы, слои, классы. В сущности оно едино как политическое сообщество. В этом контексте, когда говорят об интегративной, или интегрирующей роли политического, то прежде всего имеют в виду, что оно включает в себя объединяющее всех членов общества начало. Как выражение всеобщей воли, оно призвано примирить и совместить друг с другом разнородные и конфликтующие интересы всех членов общества.

Следует отметить, что конфликт и консенсус составляют две важнейшие характеристики любой политической системы. Здесь речь идет прежде всего о факторах, способствующих, с одной стороны, сохранению и жизнеспособности политической системы, а с другой - ее подрыву и соответственно изменению как отдельных институтов, так и всей системы в целом. Поэтому вполне объяснимо, что феномен политического колеблется между двумя крайними интерпретациями, одна из которых трактует политику всецело как результат и поле столкновения конфликтующих интересов, а вторая - как систему обеспечения правления, порядка и справедливости в интересах всех членов общества.

Еще в "Государстве" устами Полемарха Платон говорил, что политическая деятельность должна осуществляться в интересах части общества или одной партии (друзей) в борьбе с ее политическими противниками (врагами). Искусство справедливой политики - "это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред". Выступая с позиций сущего, или реального, положения, платоновский Фрасимах ратовал за то, чтобы в отношениях между властвующими и подвластными приоритет никогда и ни при каких условиях не отдавался подвластным. Как считал Фрасимах, не существует людей, которые, находясь у власти, могут отдать предпочтение интересам других в ущерб своим собственным интересам [55, с. 39]. Примечательно, что, считая все существующие

системы правления несправедливыми, Сократ не оспаривал фактическую правомерность фрасимаховско-конфликтного принципа, выведенного из реального жизненного опыта.
Эта традиция, идущая через Н.Макиавелли и Т.Гоббса, нашла свою дальнейшую разработку у К.Шмитта. Рассматривая политику в категориях друг - враг, К.Шмитт полагал, что социальные отношения уплотняются, превращаются в политические при необыкновенной интенсивности общественных противоречий. В сущности Шмитт рассматривал дихотомию друг - враг в качестве главного конституирующего признака политических отношений, самого смысла существования политического как самостоятельной сущности. В своих построениях Шмитт ставил во главу угла именно эту дихотомию, которой у него соответствовали противостояния добро - зло в морали, прекрасное - безобразное в эстетике, выгодное - невыгодное в экономике. Причем, согласно Шмитту, политические категории самодостаточны и не зависят от моральных, экономических и иных категорий, политический враг не обязательно плох с моральной точки зрения или безобразен с эстетической точки зрения. Все дело в том, что он другой, чужой.
Французский политолог *Ж.Фрён* пришел к следующему выводу [112, с. 446]:
... сказать о чем-то, что это политика, это значит сказать, что это "что-то" - полемично. Такие понятия, как республика, класс, суверенитет, абсолютизм, диктатура, нейтралитет, мир, непостижимы, если при этом не указаны их цели, против кого они направлены и кого они стремятся отвергнуть или опровергнуть.
Эта линия разработки и трактовки политического нашла свое законченное развитие в марксизме-ленинизме. Его приверженцы однозначно утверждали, что независимо от формы государственно-политического устройства, будь то античные демократии, древнеримская империя, восточные деспотии, абсолютизм в Европе или современные парламентские представительные демократии, суть политического властвования в так называемом эксплуататорском обществе остается одинаковой - это диктату-Ра эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством. Так, в буржуазном государстве это "комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии". Исходя из этого постулата объяснялись все без исключения политические системы и институты. Например, либеральная демократия трактовалась как политико-правовая оболочка классового господства буржуазии.
Очевидно, что политика начинается там, где существуют конфликты.

12.8.Политическая аксиология

"Политические вещи" по своей природе предполагают ах одобрение или осуждение, выбор или отклонение. В глазах заинтересованных лиц в принципе они не могут быть нейтральны, поскольку сопряжены с выбором, принятием решений, приверженностью, оценкой и т.д. Они тесно связаны с такими ключевыми категориями человеческой жизни, как добро и зло, справедливость и несправедливость, свобода и несвобода, равенство и неравенство и т.д. Другими словами, политическая философия имеет дело с пониманием и толкованием человеческих целей, а там, где речь идет о целях, непременно присутствуют ценности. Поэтому уже по самому своему определению политическая философия пронизана морально-этическим началом, изучение политики не может не иметь моральное измерение. Не случайно еще И.Кант выделял два самостоятельных уровня реальности - феноменальный, соответствующий науке, и ноуменальный, соответствующий этике. Если первый создается человеческим разумом и рационален по своей природе, то второй трансцендентален по отношению к человеческой жизни, на нем зиждется этическая и духовная жизнь человека.
Хотя в реальной жизни такое разграничение носит весьма условный характер, с идеально-типологической и эпистемологической точек зрения оно вполне правомерно и даже необходимо. Такое разграничение следует провести и в сфере политической, особенно политико-правовой. Это тем более необходимо, если учесть, что нередко политику отождествляют с корыстным интересом, а нравственность - с бескорыстием. Отвергая такой подход, в сфере политики важно разграничить прежде всего профессиональное начало и нравственное, право и нравственность.
Политическая философия, включающая комплекс теорий, концепций, идей, имеет одной из своих целей легитимизацию или делегитимизацию определенного политического порядка. Она призвана выявлять истинность или ложность общепризнанных политических норм и ценностей, поэтому всегда ставит под сомнение господствующие концепции политического порядка. При этом она призвана определить некую магистральную линию политического развития. С этой точки зрения, пожалуй, прав был
Э.Берк, который утверждал, что дело теоретика - философа -
доказать истинные цели государства, а дело политика - практика - найти соответствующие средства для достижения этих целей и успешно пользоваться ими.
Очевидно, что политическая философия не может не затрагивать аксиологический аспект мира политического. Более того, можно говорить о политической аксиологии как самостоятельном подразделе политической философии, если учесть, что политическая философия имеет дело не только с сущим, но и должным, она оперирует гипотетико-дедуктивными категориями по формуле

"что было бы, если бы", категориями добра и зла, реального и идеального и т.д. Она отдает предпочтение той или иной политической системе, например демократии перед тоталитаризмом или наоборот, может предлагать свои модели политического развития в качестве наиболее совершенной альтернативы и т.д. Все это говорит о том, что мир политического и политическая философия как неотъемлемая часть его пронизаны морально-этическим началом.

12.9. Понятие политической парадигмы

Еще Сенека сказал, что нет попутного ветра для того, кто не знает, в какую гавань плывет. Точно так же для любой цивилизации характерны свой идеал, присущая только ей или лежащая в ее основе центральная, осевая идея. Когда эта идея или идеал подвергается эрозии или подрывается, цивилизация обречена на гибель. Касаясь вопроса о том, что всякий строй и всякое движение, сколь разрушительными и бессмысленными, истинными или ложными они ни были, всегда опираются на сверхличные духовные силы. Л.С.Франк писал:

Всякий строй возникает из веры в него и держится до тех пор, пока хотя бы в меньшинстве его участников сохраняется эта вера, пока есть хотя бы относительно небольшое число "праведников"(в субъективном смысле слова), которые бескорыстно в него веруют и самоотверженно ему служат

Люди, живущие в единых социо- и политико-культурном пространствах и измерениях, нуждаются в некоем комплексе общих для всех них ценностей, норм, установок и т.д., которые в совокупности обеспечивают modus vivendi всех членов общества. Этот комплекс, определяющий содержание и направленное? общественного сознания, общественно-политической мысли, поведения и т.д., можно назвать парадигмой. Парадигма - это Не просто та или иная социально-философская теория, идейно-политическое течение или учение, а фундаментальная картина мира включающая в себя комплекс основополагающих представлений об обществе и индивиде, гражданском обществе и государстве, сакральном и мирском и т.д., это комплекс, составляющий инфраструктуру важнейших концепций, теорий, ценностей, установок идейных течений данного исторического периода. Парадигма суть модель законной общественно-политической системы, форм целей и средств ее существования.

Человек как представитель определенной исторической эпохи имеет свои особые личностные параметры и характеристики. Именно через них он воспринимает остальных членов общества как своих современников, партнеров по совместной жизни. Эти параметры и характеристики соответствующим образом интегрируются в общественно-политическую парадигму. Главное предназначение парадигмы - интерпретация значимых для субъекта реалий социальной действительности, их оценка и ориентация в этой действительности. Парадигма формируется и существует в системе реальных общественных отношений, приобретая в определенной степени функции регулятора и координатора деятельности людей. Воспроизведение внешней действительности (как природной, так и общественной) в сознании субъекта, будь то отдельный индивид, отдельная социальная группа или же общество в целом, осуществляется в процессе сопоставления непосредственно воспринимаемого чувственного образа с основными параметрами парадигмы, уже сложившейся у познающего субъекта в процессе его социализации.

Каждая эпоха вырабатывает собственную, характерную только для нее парадигму. Здесь как нельзя лучше подходит постулат Щпенглера, который гласит:

Нет вечных истин. Каждая философия есть выражение своего и только своего времени, и нет двух эпох, которые имели бы одинаковые философские устремления, если мы только говорим о настоящей философии, а не о каких-нибудь академических общих местах, различие не в том, вечно или нет данное явление, а в том, жизненное ли это учение на некоторое время или мертворожденное. Суть в том, какой человек нашел в нем свой образ.

Следует отметить, что смена парадигм случается крайне редко, при действительно широкомасштабных, судьбоносных сдвитах в общественно-историческом бытии, эрозии и постепенном истощении господствующей системы ценностей, норм, идеалов.

Великая трансформация, приведшая к формированию капитализма, имела своим следствием возникновение и утверждение новой системы миропонимания и мировидения, которая буквально перевернула все представления о человеке, обществе, государстве, об их сущности и взаимоотношениях. Все принципы» ценности, установки, в более или менее законченном виде оформившиеся в конце XVIII - первых десятилетиях XIX в. и составившие основу этого миропонимания, прошли длительный путь эволюции и претерпели определенные изменения. Характер и направление этих изменений общеизвестны, и в той мере, в какой это необходимо, они рассматриваются в главах, посвященных отдельным идейно-политическим течениям. Здесь укажем лишь, что размежевание основных социальных и политических сил по идейно-политическому, социально-философскому, идеологическому признакам с точки зрения политической стратегии этих сил шло в целом в рамках основополагающей парадигмы, которая на каждом из этапов развития современного индустриального общества подвергалась существенным трансформациям. (Об этом более подробно см. [16].)

Такое размежевание, как правило, выражается в существовании ряда идейно-политических течений и направлений, отличающихся друг от друга по трактовке роли в политическом процессе отдельного человека, групп, партий, социальных сил, классов, их подходу к решению важнейших экономических и социальных проблем, тому, какое место и роль отводятся ими основным социально-экономическим и общественно-политическим институтам (частной собственности, свободному рынку, государству, партиям и т.д.), предлагаемым ими программам и средствам решения стоящих перед обществом проблем и т.д.

Важной составной частью политической философии является методология, представляющая собой определенный способ видения и организации исследования. Концептуальный и идейный арсеналы методологии, в совокупности составляющие общий подход к решению стоящих перед политической наукой проблем, базируется на мировоззренческих постулатах, разрабатываемых в политической философии. Поскольку методология включает в себя Различные методы и приемы исследования и анализа, а также проверки и оценки их результатов, весь комплекс связанных с ней опросов будет рассмотрен в специальной главе.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Когда и в силу каких факторов возникла политическая философия?
2. Можно ли античных и средневековых мыслителей называть основателями политической философии?
3. Каковы основные предпосылки и необходимые условия возникновения политической философии?
4. Каковы основные этапы формирования и эволюции политической философии?
5. Кого именно по праву можно назвать основателями политической философии?
6. Назовите основные работы, в которых эта проблематика рассматривается.
7. Что понимается под политической философией? Назовите ее сущностные характеристики.
8. Каково соотношение политической философии с собственно философией и политической наукой? Каково ее соотношение с политической теорией и идеологией?
9. Какие подразделы политической философии вы можете назвать?

Глава 13 Либерализм

Либерализм - это весьма сложный и многоплановый феномен, проявляющийся в различных вариациях, различающихся как внутри отдельных стран, так и особенно на межстрановом уровне. Либерализм ассоциируется с такими ставшими привычными для современного общественно-политического лексикона понятиями и категориями, как идея самоценности индивида и его ответственности за свои действия; идея частной собственности как необходимого условия индивидуальной свободы; принципы свободного рынка, свободной конкуренции и свободного предпринимательства, равенства возможностей; система разделения властей, сдержек и противовесов; идея правового государства с принципами равенства всех граждан перед законом, терпимости и защиты прав меньшинств; гарантия основных прав и свобод личности (совести, слова, собраний, создания ассоциаций и партий); всеобщее избирательное право и т.д.

Либерализм - это комплекс принципов и установок, которые могут лежать в основе программ политических партий и политической стратегии того или иного правительства или правительственной коалиции. Вместе с тем либерализм - это не просто некая доктрина или кредо, а нечто неизмеримо большее - тип и способ мышления. Как подчеркивал один из ведущих его представителей в XX в. Б.Кроче [102, с. 47-48], "либеральная концепция метаполитическая, выходящая за рамки формальной теории политики, а также в определенном смысле этики и совпадающая с общим пониманием мира и действительности". Либерализм - это система воззрений и концепций в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентации и установок, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями или политическим курсом, одновременно это теория, доктрина, программа и политическая практика. Либерализм представляет собой весьма гибкую и динамичную систему, открытую влиянию со стороны других течений, чутко реагирующую на изменения в общественной жизни и модифицирующуюся в соответствии с новыми реальностями. Об этом свидетельствуют все перипетии и основные вехи формирования и эволюции либерализма.

При всей своей многовариантности либерализм имеет общие корни и определенный комплекс концепций, идей, принципов и идеалов, в совокупности делающих его особым типом общественно-политической мысли. В данной главе основное внимание концентрируется именно на общих Для всех вариантов либерализма концепциях, идеях и принципах.

13.1. Истоки либерализма

Само понятие "либерализм" вошло в европейский общественно-политический лексикон в начале XIX в. Первоначально оно использовалось в Испании, где в 1812 г. либералами называли группу делегатов-националистов в кортесах (испанской разновидности протопарламента), заседавших в Кадисе. Затем оно вошло в английский и французский, а вслед за ними во все крупные европейские языки.

Своими корнями либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу, Реформации, ньютоновской научной революции. У его истоков стояли такие разные личности, как Дж.Локк, Л.Ш.Монтескье, И.Кант, А.Смит, В.Гумбольдт, Т.Джефферсон, Дж.Медисон Б.Констан, А.де Токвиль и др. Их идеи были продолжены и развиты И.Бетамом, Дж.С.Миллем, Т.Х.Грином, Л.Хобхаузом, Б.Возанкетом и другими представителями западной общественно-политической мысли. Существенный вклад в формирование либерального мировоззрения внесли представители европейского и американского Просвещения, французские физиократы, приверженцы английской манчестерской школы, представители немецкой классической философии, европейской классической политэкономии.

При всех различиях общим для этих мыслителей было то, что каждый из них по-своему, в соответствии с реальностями своего времени высказывался за пересмотр устоявшихся, но устаревших ценностей и подходов к решению важнейших социально-экономических и политических проблем, за перестройку потерявших эффективность общественно-политических и государственных институтов, за ревизию, определенную модификацию и модернизацию основных положений, доктрин и концепций в соответствии с изменившейся ситуацией в обществе, с новыми тенденциями общественно-исторического развития. Участники Английской буржуазной революции середины XVII в., Славной революции 1688 г., Войны за независимость США (или американской революции) руководствовались многими из тех идеалов и принципов, которые позже стали составной частью либерального мировоззрения. "Декларация независимости США", обнародованная 4 июля 1776 г., стала первым документом, в котором эти идеи и принципы получили формальное выражение. Они были сформулированы и приняты к исполнению на официальном государственном уровне. Авторы Декларации заявили [29, с. 34]:

Мы считаем самоочевидными истины, что все люди созданы разными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди которых - право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью.

Все же поворотным пунктом в формировании либерализма, да и в размежевании основных течений западной общественно-политической мысли Нового и Новейшего времени следует считать Великую французскую революцию. В частности, один из ее главных политико-идеологических документов - "Декларация прав человека и гражданина" (1789) - в емкой и чеканной форме в сущности легитимизировала те идеи, ценности и установки, которые впоследствии стали важнейшими системообразующими составляющими классического либерализма. С этой точки зрения наибольший интерес для нас представляет вторая статья Декларации [133]:

Целью всякого политического объединения является сохранение естественных неотъемлемых прав человека. Эти права суть свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Либеральные принципы в той или иной степени получили практическое осуществление в ограниченном конституционном строе, установленном во Франции после июльской революции 1830 г., а также в Третьей республике в 1870 г. Ощутимых успехов либералы добились в Швейцарии, Голландии, скандинавских странах. Немаловажную роль они сыграли в объединении Италии и Германии и формировании государственной системы этих стран. Своеобразным полигоном, на котором либеральные идеи проходили главную проверку и испытание, стали Великобритания и США. В России в силу комплекса причин либеральное мировоззрение укоренилось позже (в конце XIX - начале XX в.). Но тем не менее представители русской общественно-политической мысли внесли лепту в понимание и разработку либерализма. Среди них следует назвать прежде всего Т.Грановского, П.Струве, Б.Чичерина, П.Милюкова, попытавшихся развить и применить принципы либерализма к российской реальности. В частности, они заложили основы русского конституционализма, идей правового государства и гражданского общества. Их заслуга состояла также в постановке в практическую плоскость проблем прав и свобод личности, подчинения государственной власти праву, верховенства закона.

Либерализм формировался, развивался и утверждался в различных социально-исторических и национально-культурных условиях. При ближайшем рассмотрении либерализм обнаруживает весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, противоречий и т.д. В различные периоды и в разных общественно-исторических и национально-культурных условия он выступал в различных формах. Но, как правило, выделяют две исторически сложившиеся либеральные традиции: англосаксонскую и континентально-европейскую. В XIX в. *англосаксонская традиция* ассоциировалась со свободной торговлей, интернационализмом, развитием конституционных норм и укреплением демократических ценностей. На политической арене носительницей важнейших ценностей и принципов этой традиции стала либеральная партия Великобритании, которая, постепенно наращивая поддержку со стороны избирателей и влияние в обществе, во второй половине XIX в. стала одной из двух ведущих политических партий страны. Последовательно выступая за свободную рыночную экономику и реформу политической системы, в которой расширение избирательного права занимало центральное место, либералы добились существенных успехов с принятием избирательных законов в 1867 и 1884 гг. и особенно в 1918 г., когда был принят закон о всеобщем избирательном праве. Однако с выдвижением на политическую авансцену

лейбористской партии, которая привлекла на свою сторону рабочий класс, либералы стали постепенно утрачивать свои позиции. В 1940-1945 гг. они в последний раз участвовали в правительственной коалиции.

В *континенталъно-европейской традиции* больший акцент делался на процессы национальной консолидации и отказ от всех форм экономического, политического и интеллектуального авторитаризма. В силу большого разнообразия исторических условий либерализм обрел собственную окраску в разных странах. Постепенно в нем выделились два соперничающих между собой течения - умеренных и прогрессистов. Последние в свою очередь также характеризовались разнообразием идеологических позиций, что, в частности, проявилось в названиях их партий - от либералов до радикалов.

Разнородность как самого либерализма в качестве особого течения общественно-политической мысли, так и либеральных партий объяснялась главным образом тем, что в разных странах с различной степенью остроты вставали проблемы обеспечения экономических свобод, конституционных реформ или секуляризации государства. Дополнительным фактором, определивший различие идеологической окраски либеральных партий, стала проблема национального возрождения и объединения, как это было, например, в Италии и Германии. Здесь либерализм превратился в одну из мобилизующих сил национально-государственного объединения.

13.2. Классический либерализм

Либеральное мировоззрение с самого начала тяготело к приданию идеала индивидуальной свободы в качестве универсальной цели. Гносеологической предпосылкой либерального мировоззрения является вычленение человеческой индивидуальности, осознание ответственности отдельного человека за свои действия как перед самим собой, так и перед обществом, утверждение представления о равенстве всех людей в своем врожденном, естественном праве на самореализацию. Поэтому неудивительно, что на первоначальном этапе комплекс ценностей и идей, составляющих сущность либерализма, включал индивидуальную свободу, достоинство человеческой личности, терпимость, право отличаться от других и быть самим собой.

Индивидуализм развивался вместе с гуманизмом, идеями самоценности человека и человеческой свободы, плюрализма мнений и убеждений. Он стимулировал эти идеи, стал как бы их основанием, подпоркой. По сути дела индивидуализм превратился в источник творческих потенций Запада. Если для Аристотеля полис есть самодостаточная ценность, а для Э.Берка "люди проходят, как тени, но вечно общее благо", то у одного из столпов либерализма Дж.Локка отдельный индивид, противопоставляемый обществу и государству,- "хозяин своей собственной персоны". Дж.С.Милль сформулировал эту мысль в форме следующей аксиомы [87, с. 22, 27]: "Человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно". Такой идеал сулил быстрое продвижение вверх по социальной лестнице, успех в борьбе за место под солнцем, а также стимулировал предприимчивость, настойчивость в поисках новых путей достижения успеха, трудолюбие, новаторство и другие ценности и ориентации, которые в совокупности сделали капитализм столь динамичной системой.

Очевидно, что свобода понималась приверженцами либерализма в негативном смысле, т.е. в смысле свободы от политического, церковного и социального контроля со стороны феодального государства. Борьба за свободу для них означала борьбу за уничтожение внешних ограничений, накладываемых на экономическую, физическую и интеллектуальную свободу человека. Эту позицию *А..Берлин* сформулировал следующим образом: "Я свободен настолько, насколько в мою жизнь не вмешиваются другие". Поэтому классический либерализм объявил потерявшими силу все Формы наследственной власти и сословных привилегий, поставив на первое место свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельного разумного существа, независимей единицы социального действия.

Именно индивидуализм лежит в основе права каждого чело. века на жизнь, свободу и частную собственность (а в отдельных редакциях - на стремление к счастью), в основе принципа отождествления свободы и частной собственности, которые в совокупности стали могущественной стимулирующей силой развития производительных сил, общественно-исторического развития формирования и утверждения политической демократии. Здесь частная собственность рассматривается как гарант и мера свободы. В. фон Гумбольдт писал, что идея свободы развивается только вместе с идеей собственности, и самой энергичной деятельностью мы обязаны именно чувству собственности, исходим из постулата, что плоды деятельности не могут быть отчуждены от самого субъекта деятельности, поскольку они являются его сущностным продолжением [24, с. 50]. Именно из экономической свободы выводились политическая и гражданская свободы. Воплощением индивидуализма и права частной собственности в экономической сфере выступали принципы свободного рынка и свободной конкуренции, реализация которых обеспечила беспрецедентные темпы интенсивного и экстенсивного роста производительных сил.

С формированием и утверждением идеи индивидуальной свободы все более отчетливо вычленялись проблема отношений государства и отдельного человека и соответственно проблема пределов вмешательства государства в дела индивида. Сфера индивидуальной активности человека, не

подлежащей вмешательству со стороны внешних сил, рассматривалась как сфера реализации естественной свободы и, стало быть, естественного права. Поскольку это право призвано защищать отдельного человека от неправомочного вмешательства в его личную жизнь со стороны государства или церкви, оно, по справедливому замечанию Г.Руджиеро, является формой "юридического протестантизма". Адепты естественного права исходили из идеи, что человек появился на свет раньше общества и государства. Уже в дообщественном, догосударственном, "естественном" состоянии он был наделен некоторыми неотчуждаемыми правами. Руководствуясь ими, каждый получал то, что он заслуживал.

Исходя из этого постулата были сформулированы политэкономическая, юридически-правовая системы и государственно-политическая концепция, в которых право было превращено в инструмент гарантирования отдельному индивиду свободы выбора морально-этических ценностей, форм деятельности и создания условий для претворения в жизнь этого выбора. Такой подход предполагает для всех членов общества равные возможности самореализации и равные права в достижении своих целей и интересов. Отсюда - принципы laissez faire, laissez passer, свободного рынка и свободной конкуренции в социальной и экономической сферах.

В данном контексте важным компонентом либерализма стал принцип плюрализма во всех сферах общественной жизни: в социальной сфере различных классов, слоев, заинтересованных групп и т.д., в культурной - разнообразных этнических, региональных или иных культур, культурных типов и течений, средств массовой информации, различных конфессий, церковных деноминаций, вероисповеданий и т.д., в политической - политических сил, партий, организаций, группировок, клубов и т.д.

Все эти подходы, постулаты выражались в законодательно закрепленном принципе равенства всех перед законом, в идеях государства - "ночного сторожа" и правового государства, демократии и парламентаризма. Суть идеи государства - "ночного сторожа" состояла в обосновании так называемого минимального государства, наделенного ограниченным комплексом самых необходимых функций по охране порядка и защите страны от внешней опасности. Здесь приоритет отдавался гражданскому обществу перед государством, которое рассматривалось как необходимое зло. Иначе говоря, общество - постоянная величина, а государство - производная от него.

Но либерализм нельзя отождествлять с апологией неограниченной, анархически понимаемой свободы индивида делать все, что ему заблагорассудится, игнорируя принятые в данном обществе нормы и правила игры. Неотъемлемой составной частью либеральной идеи свободы индивида является не менее важный принцип его ответственности перед обществом за свои действия. Представители либерализма, особенно умеренного крыла, не отвергали позитивные функции государства во всех без исключения сферах общественной жизни. Либералы с самого начала приняли как аксиому мысль об обязанности государства защищать права и свободу отдельного человека. В этом смысле исключительно важное место в либерализме занимал постулат, по-разному сформулированный А-Смитом и И.Кантом. Первый говорил, Что собственность дает права, но их нужно использовать таким образом, чтобы не нарушать права других членов общества. Кант (СМ. выше) утверждал: "Моя свобода кончается там, где начинайся свобода другого человека". В обоих случаях подразумевалось Действие государства по защите прав и свобод человека. Но у либералов речь шла не только о таких имманентно присущих государству прерогативах и полномочиях, как обеспечение правопорядка внутри страны и защита национального суверенитета и территориальной неприкосновенности от притязаний извне. Симптоматично, что основатели либерализма прямо преписывали государству ответственность за материальное обеспечение неимущих слоев населения. Так, рассматривая в качеств главной обязанности государства "стоять на страже" прав личности, И.Кант говорил о необходимости оказания помощи бедным со стороны государства. В связи с этим он предлагал облагать богатых специальным налогом, "предназначенным для поддержки тех членов общества, которые не в состоянии жить на свои средства". Тем самым, как считал Кант, им будет оказана помощь в осуществлении своих прав. Достаточно прочитать соответствующие страницы "Богатства народов" А.Смита, чтобы убедиться в том, что один из зачинателей либеральной политэкономии и концепции государства - "ночного сторожа" безоговорочно поддерживал позитивную роль государства, когда речь шла о материальной поддержке неимущих и обездоленных слоев населения.

В либерально-демократической системе правовая государственность соединена с институтами открытого общества. В этом контексте либерализм внес значительный вклад в разработку принципов конституционализма, парламентаризма и правового государства - этих несущих конструкций политической демократии. Основополагающее значение имел сформулированный Ш.-Л.Монтескье принцип разделения властей на три главные ветви: законодательную, исполнительную и судебную. По его мнению, в случае соединения законодательной и исполнительной ветвей неизбежны подавление свободы, господство произвола и тирании. То же самое произойдет при соединении одной из этих ветвей с судебной властью. А соединение всех трех в одном лице или органе составляет характерную черту деспотизма. Основателям либерального мировоззрения принадлежит идея, что в государстве должны властвовать не отдельные личности, а законы. Задача государства

состоит в том, чтобы регулировать отношения между свободными гражданами на основе строгого соблюдения законов, призванных гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности и другие права человека и гражданина.
Либерализм и демократия обусловливают друг друга, хотя отождествлять их полностью нельзя. Под демократией понимается форма власти, и с этой точки зрения она представляет собой учение о легитимизации власти большинства. Либерализм же подразумевает границы власти. Существует мнение, что демократия может быть тоталитарной или авторитарной, и на этом основании говорят о некоторой напряженности между демократией и либерализмом.
Но это явное недоразумение, происходящее из-за подпонятий. Если рассматривать их с точки зрения форм власти, то очевидно, что при внешней схожести отдельных атрибутов тоталитаризм (или авторитаризм) и демократия по подавляющему большинству системообразующих принципов представляют собой прямо противоположные формы организации и реализации власти (например, принцип избрания путем всеобщего голосования, который в тоталитарной системе - формальный и чисто ритуальный процесс, результаты которого заранее предопределены).
Вместе с тем следует отметить, что в либеральной традиции демократия, во многом отождествляемая с политическим равенством, понимала последнее как формальное равенство граждан перед законом. В этом смысле в классическом либерализме демократия представляла собой по сути дела политическое выражение принципа laissez faire и свободных рыночных отношений в экономической сфере. Необходимо отметить также то, что в либерализме, как и в любом другом типе миросозерцания и течении общественно-политической мысли, были заложены не одна, а несколько тенденций, что выражается в ее многовариантности.
Наиболее четко либеральный идеал складывался в англосаксонских странах, особенно в США. Здесь, утвердившись в общественном сознании, индивидуализм стал восприниматься в качестве главного и даже единственного принципа американского общества. Индивидуалистическому идеалу была придана самодовлеющая значимость. Он рассматривался не просто как один из многих элементов системы ценностей и принципов функционирования буржуазного общества, а как главная цель всякого разумного общества вообще. Самостоятельность и опора на свои собственные силы, индивидуализм и свободная конкуренция были подняты до уровня стандарта образа жизни значительной части американского народа. В своих крайних формах эта тенденция трансформировалась в различные варианты анархизма, либертаризма и другие разновидности индивидуалистического радикализма.
Важно учесть, что собственно либерализму были чужды радикализм и революционное миросозерцание. Как подчеркивал известный итальянский исследователь Дж.Руджиеро [145, с. 435],
в крайнем своем выражении либерализм стал бы радикализмом, но он никогда не доходит до конца, удерживая равновесие с помощью интуиции, исторической преемственности и постепенности
И действительно, либеральное мировоззрение в целом, явившееся одновременно и стимулом, и результатом революций конца XVIII - первой половины XIX в., в конечном счете приобрело антиреволюционное содержание и направленность.

13.3. Переоценка ценностей и формирование нового либерализма

На каждом историческом повороте перед приверженцами либерализма возникал сакраментальный вопрос, который Р.Дарендорф сформулировал так: "Что значит быть либеральным в изменившемся мире?" В целом либерализм представляет собой определенный образ мысли, противоположный догматизму, схематизму, одномерности и нетерпимости. Как писал Ф. фон Хайек [75, № 10, с. 123],
Здесь нет однозначных, раз и навсегда установленных норм и правил. Основополагающий принцип заключается в том, что, организуя ту или иную область жизнедеятельности, мы должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению.
С этой точки зрения лиц, твердолобо и догматически отстаивающих тот или иной принцип либерализма, взятый изолированно, вне конкретного общественно-исторического контекста, по-видимому, следует рассматривать как антилибералов.
Анализ работ ведущих представителей либерализма на протяжении XIX и XX вв. показывает, что большинство из них было устремлено на поиск путей приспособления классического наследия к постоянно изменяющимся условиям. Это качество особенно отчетливо обнаружилось в конце XIX - начале XX в., в период, ставший по сути дела новым рубежом в судьбах либерализма. В тот период более выпукло обнаружились как сильные, так и слабые стороны, особенно в политической сфере. Так, реализация принципов свободной конкуренции, служивших оправданию подавления и поглощения слабых более сильными конкурентами, привела к концентрации и централизации производства, резкому возрастанию веса и влияния промышленных и финансовых магнатов.
В результате произошла инверсия функций идеи свободного рынка. Если в период борьбы с феодализмом и становления капиталистических отношений идеи свободного рынка, государства - "ночного сторожа" и т.д. играли прогрессивную роль в

борьбе против жестких ограничений средневекового корпоративизма, общинного мышления и институтов внеэкономического принуждения, то в условиях утвердившихся свободных рыночных отношений эти идеи превратились в требование неограниченной свободы конкуренции. Важнейшие положения либерализма приобрели функцию защиты интересов привилегированных слоев населения. Обнаружилось, что свободная, ничем не ограниченная игра рыночных сил отнюдь не обеспечивает, как Предполагалось, социальную гармонию и справедливость. Как отмечал один из приверженцев либерализма того периода Г.Самуэль [62, с. 34],

Народ на горьком опыте скоро убедился, что "свободной игры понятого собственного интереса", на которую манчестерская школа возлагала все свои надежды, недостаточно для достижения прогресса; что "самодеятельность и инициатива" рабочего класса натыкаются на столь большие препятствия, которые не могут быть преодолены без посторонней помощи; что беспомощность и нищета, дурные условия наемного труда, низкий уровень жизненных потребностей, все еще встречаются на каждом шагу.

Поэтому не удивительно, что выдвинулась целая плеяда политэкономистов, социологов, политологов и политических деятелей, выступивших с предложениями о пересмотре важнейших положений классического либерализма и осуществлении реформ, призванных ограничить произвол корпораций и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения. В этом плане большую роль сыграли английские политические мыслители Дж.Гобсон, Т.Грин, Л.Хобхауз, протестантский священник и публицист Ф.Науман, а за ним экономисты В.Репке, В.Ойкен в Германии, Б.Кроче в Италии, Л.Уорд, Дж.Кроули, Ч.Бирд, Дж.Дьюи в США и другие, сформулировавшие ряд новых важнейших принципов либерализма, который получил название "новый либерализм" или "социальный либерализм".

Суть последнего состоит в том, что под влиянием марксизма и восходящей социал-демократии была признана позитивная роль государства в социальной и экономической жизни и пересмотрены отдельные базовые принципы классического либерализма, в частности, либералы заимствовали у марксизма и социал-демократии идеи социальной справедливости и солидарности.

В политической сфере наиболее концентрированное выражение эти новые веяния нашли в таких реформистских движениях, как прогрессизм в США, ллойд-джорджизм (по фамилии премьер-министра от либеральной партии Ллойд-Джорджа) в Англии, джолиттизм (от фамилии представителя либералов премьер-министра Джолитти) в Италии и т.д. Исторической заслугой либерализма и партий либеральной ориентации является то что они сыграли ключевую роль в формировании и институтнализации в конце XIX - первые десятилетия XX в. основных принципов и институтов современной политической системы (таких, как парламентаризм, разделение властей, правовое государство и др.), которые в конечном счете были приняты всеми основными политическими силами и партиями.

В рамках этой системы, модифицировав и пересмотрев ряд постулатов классического либерализма, либеральные партии сформулировали и пытались на практике осуществить принципы и меры, что привело к расширению регулирующих функций государства в целях реализации первоначальных либеральных ценностей защиты прав и свобод человека. Так, приняв ряд законов и мер по усилению вмешательства государства в различные сферы общественной жизни, либеральное правительство Великобритании уже в 1892-1895 гг. далеко отошло от принципов и установок классического либерализма. В частности, были приняты законы: о местном самоуправлении, значительно расширяющий прерогативы органов местного самоуправления; о железнодорожных служащих, обязывающий министерство торговли разбирать жалобы последних; о запрещении родителям посылать на работу детей до достижения ими 11-летнего возраста; о мерах, направленных на улучшение условий труда рабочих, и т.д. Подобного рода меры, неуклонно расширявшие роль и прерогативы государства, принимались в последующие годы как в Великобритании, так и в других странах [62, с. 28-30].

Водоразделом, четко и бесповоротно утвердившим новый, или социальный, либерализм в качестве одного из важнейших реформистских течений общественно-политической мысли стал Великий экономический кризис 30-х годов. Основополагающее значение имело завоевавшее в тот период широкую популярность и большое значение кейнсианство, построенное на признании необходимости дополнения традиционных для либерализма принципов индивидуализма, свободной конкуренции и свободного рынка принципами государственного регулирования в экономической и социальной сферах. Реальным воплощением переоценки и переформулирования важнейших постулатов основателей либерализма стала институционализация в последующие десятилетия системы и механизмов государственного регулирования экономики и самого государства благосостояния с его широкомасштабными социальными программами.

Получив первоначально сильнейший импульс в США, где президент-реформатор Ф.Д.Рузвельт провозгласил и начал реализовывать программу "нового курса", этот процесс в тех или иных формах и масштабах охватил почти все индустриально развитые страны. Смысл трансформации содержания, вкладываемого в понятие "либерализм", четко изложил бывший сенатор США Дж.Кларк-мл., который, в частности, писал в 1953 г. [88, с. 27]:

Здесь либерал определяется как тот, кто верит в использование всей силы правительства для продвижения социальной, политической и экономической справедливости на муниципальном, штатном, национальном и международном уровнях

Очевидно, что это, если и не совершенно новое течение общественно-политической мысли, то радикально пересмотренный вариант либерализма. Показательно, что те представители социальных и гуманитарных наук, которые сохранили верность первоначальным принципам, решительно отвергли этот новый вариант и, чтобы отмежеваться от него, стали использовать применительно к комплексу собственных идей и воззрений понятия "либертаризм", "либерализм XIX века" и, наконец, "классический либерализм". В этой связи небезынтересно, что свою работу "Либерализм", опубликованную впервые в 1927 г. на немецком языке, при издании в английском переводе в 1962 г. Л. фон Мизес назвал так: "Свободное и процветающее содружество" (Free and Prosperous Commonwealth). Другой, не менее известный представитель традиционного либерализма Ф. фон Хайек написал специальную книгу, в которой новый либерализм был назван "дорогой к рабству".

Поэтому не удивительно, что в послевоенный период классический либерализм в том виде, в каком он с определенными модификациями был интегрирован Австрийской и Чикагской школами, стал самостоятельным экономическим и социально-политическим течением, по важнейшим своим позициям и установкам противостоящим новому либерализму. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что многие из идей, проповедовавшихся представителями этих школ, в 70-х - 80-х годах были взяты на вооружение руководителями консервативных сил в ведущих индустриально развитых странах.

Для судеб либерализма немаловажное значение имело то, что в силу комплекса социально-экономических, политических и Идеологических факторов в большинстве стран Западной Европы либеральные партии вынуждены были в значительной мере Уступить свои позиции другим социально-политическим силам, а в ряде стран даже отойти на периферию общественно-политической жизни. Разумеется, большую роль в этом плане сыграл экономический кризис 30-х годов. Но нельзя не отметить, что в ряде стран отступление либеральных сил началось еще раньше. Так, уже поражение революции 1848 г. по сути дела поставило под сомнение возможность объединения Германии под знаменами либерализма. Что не удалось либералам, успешно реализовал "железный канцлер" О.Бисмарк, соединивший консервативные идеи с понятиями отечества и нации. В Италии при всех успехах либеральной мысли к началу 20-х годов либеральная партия как таковая не существовала.

Драма германского и итальянского либерализма состояла в том что его вожди в полной мере не поняли те глубинные сдвиги, которые произошли в социальной и политической жизни их стран в начале XX в., особенно после окончания первой мировой войны. Они без особой тревоги встретили рост фашистских сил, нанесших в конечном счете сильнейший удар по либеральным партиям. В Италии, например, даже такие дальновидные люди, как Дж.Джолитти и Б.Кроче, полагали, что фашизм необходим для восстановления порядка и укрепления либерального государства. Подобные иллюзии либеральных политических партий сохранялись и в момент так называемого фашистского "марша на Рим". К тому же представители либерализма вошли в первое правительство Б.Муссолини. Отдельные группы либералов как в Италии, так и в Германии пошли на сотрудничество с фашистами, другие эмигрировали, а третьи включились в борьбу с фашизмом.

Вместе с тем отлив либеральной волны, особенно после второй мировой войны, был обусловлен во многом теми успехами в реализации основополагающих либеральных идеалов, идей и концепций, которые были достигнуты на протяжении всего XIX в. и первых десятилетий XX в. Так, к началу XX в. в ряде стран Европы и Северной Америки увенчалось успехом движение за конституционные реформы, секуляризация государства стала реальностью, в результате чего антиклерикализм либералов потерял актуальность для заинтересованных прежде избирателей -утверждение и институционализация демократических норм и принципов в большинстве передовых стран привели к убеждению в некой исчерпанности повестки дня либералов, а сами они видели свою задачу не в достижении чего-либо нового, а в сохранении уже достигнутого.

К тому времени существенно изменился общественно-политический ландшафт Запада. Консервативные партии де-факто приняли нововведения в государственно-политической системе, реализованные большей частью по инициативе либералов. На авансцене выступили социал-демократические партии. Другими словами, принципы либерализма были буквально "растасканы" консерваторами справа и социал-демократами слева. Естественно, это вело к эрозии электоральной базы либеральных партий. В итоге после второй мировой войны главным инициатором агентом социальных реформ в Западной Европе стала социал-демократия, интегрировавшая в себе ряд главных положений либерализма XX в. В США, наоборот, эту роль взяла на себя демократическая партия, которая с периода "нового курса" Рузвельта стала ассоциироваться с либерализмом и социальным реформизмом. В данной связи нельзя не отметить, что в конце 40-х - 50-е годы в странах Запада сформировалось своеобразное либерально-консервативное согласие (консенсус) между умеренным крылом консервативного лагеря и различными реформистскими силами, в том числе либералами. При общности базовых принципов национальные разновидности консенсуса обладали

каждая своей спецификой. Если в США имел место либерально-консервативный консенсус, то в большинстве стран Западной Европы речь шла о согласии между социал-демократами, либералами и консерваторами.
Это обстоятельство не могло не отразиться на статусе либерализма и либеральных партий, которые в сложившейся в тот период ситуации оказались между социал-демократическим и консервативным лагерями, выдвигавшими более четко очерченные альтернативные политические курсы. В большинстве стран Запада 50-е - 60-е годы стали периодом некоего триумфа нового либерализма или социально-либерального реформизма. В тот период важнейшие идеи, принципы и установки, выдвигавшиеся новыми либералами (равно как и социал-демократами, и отдельными фракциями консервативного лагеря), по сути дела оказались реализованными в рамках кейнсианской модели государственного регулирования экономики и различных национальных моделей государства благосостояния.
Необходимо отметить также, что сразу после второй мировой войны либеральные партии предприняли попытки консолидации и координации своей деятельности на международном уровне. С этой целью на учредительном съезде в Оксфорде (Великобритания) в апреле 1947 г. был создан Либеральный интернационал, рассматривающий себя в качестве федерации либеральных, демократических и прогрессивных партий. Эта организация руководствуется следующими программными документами: Оксфордским либеральным манифестом 1947 г., Оксфордской либеральной декларацией 1967 г., Либеральным призывом 1981 г. В настоящее время в нее входят 52 политические партии стран Европы, Америки, Африки и Азии. В качестве коллективных членов в Либеральный интернационал входят группы либералов в Европейском парламенте и Совете Европы, а также Международная федерация либеральной и радикальной молодежи. Руководящими органами Либерального интернационала являются съезд, исполнительный комитет, бюро, совещание лидеров. В структуре интернационала разрешается создание специальных комитетов подкомитетов и рабочих групп. Его штаб-квартира находится в Лондоне. Под эгидой Либерального интернационала проводятся международные семинары и встречи, призванные стимулировать обмен идеями, содействовать обогащению политического и идейного содержания современного либерализма.

13.4. Кризис или возрождение либерализма?

Новейшие тенденции и сдвиги в индустриально развитой зоне современного мира в 70-х - 80-х годах, которые довольно подробно проанализированы в нашей литературе, оказали значительное влияние на всю систему западной общественно-политической мысли, на все ее течения, направления и школы. С этой точки зрения исключением не является и либерализм. Поскольку значительная доля ответственности за решение социальных и экономических проблем в течение всего послевоенного периода лежала на государстве благосостояния, отождествляемом прежде всего с социал-демократией и либерализмом, то причину всех трудностей, вставших в этот период перед индустриально развитым миром, стали видеть именно в нем, а следовательно, в либеральном и социал-демократическом реформизме.
Показателем разброда и растерянности среди либералов стало появление множества работ, посвященных кризису современного либерализма. Со второй половины 60-х годов такие выражения, как "нищета либерализма", "конец либерализма", "смерть либерализма", зачастую выносимые в заголовки книг и статей, стали стереотипными. Еще в 1971 г. один из теоретиков западногерманского либерализма К.Г.Флах вынужден был признать, что "голос либералов ослаб", что "либерализм остановился в своем развитии в XIX в". [110, с. 17]. Еще более категоричные суждения по этому вопросу высказал известный американский социолог Р.Нисбет, который утверждал, что "либерализму, как мы его понимаем в XX в., место на свалке истории" [138, с. 84].
Подобные суждения отражали тот факт, что в послевоенные десятилетия позиции либеральных партий действительно ослабли (за исключением Демократической партии США), в ряде случаев они отошли на задний план или даже на периферию политической жизни. В настоящее время по своему весу и роли между либеральными партиями имеются существенные различия. Например, в Японии и Австралии либеральные партии, несмотря на свое название, представляют интересы преимущественно консервативных сил. Показательно, что Либерально- демократическая партия Японии и либеральная партия Австралии вступили в Международный демократический союз, составляющий своего рода интернационал консервативных партий развитых капиталистических стран. В посттоталитарной России либеральными называют себя некоторые по своей сути авторитаристские группировки. Более умеренных позиций придерживаются свободные демократы Германии, Либеральная партия Великобритании и радикальные социалисты Франции, а центристской ориентации - партии Ж.-Ж.Серван-Шрейбера и В.Жискар дЭстена. Левый спектр представлен преимущественно скандинавскими либеральными партиями. Значительное разнообразие оттенков наблюдается также и внутри самих либеральных партий. Например, в СвДП ФРГ более или менее четко выделяются фракции экономических либералов, делающих упор на свободные рыночные отношения, и социальных либералов, подчеркивающих роль государства в социальной сфере. Почти во всех либеральных партиях существуют свои левые и правые группировки.

При всех возможных оговорках рассуждения о смерти либерализма, как представляется, не обоснованы и являются преувеличенными и преждевременными. Заслуживает внимания следующий факт. В 1939 г. Дж.Дангерфильд написал книгу "Странная смерть либеральной Англии". Учитывая факты оживления либеральных идей в последние годы, современный английский политолог Я.Бредли назвал свое исследование, посвященное этой проблеме, "Странное возрождение либеральной Британии". В предисловии к книге, возражая тем, кто говорил о крахе и возможном исчезновении либерализма, Бредли писал [97, с- 3]: "Либеральное пламя в настоящее время горит в нашей стране более ярко, чем когда бы то ни было за многие годы".

О том, что во Франции в "моду вошел либерализм", который притягивает к себе все возрастающее число сторонников из самых Разных социальных слоев, писал в 1984 г. бывший премьер-министр этой страны Р.Барр [89, с. 4].

В данном контексте возникает вопрос о правомерности постановки данной проблемы в форме "кризис или возрождение?" применительно к либерализму, равно как и к некоторым другим крупным течениям общественно-политической мысли - консерватизму, социал-демократизму и т.д. Здесь следует прежде всего определить, о каком именно либерализме идет речь. Как следует изизложенного выше, история либерализма - это история его постоянных изменений и перевоплощений. Во всяком случае, речь может идти не об одном, а о нескольких или даже о многих либерализмах, так как помимо общих моделей существует ряд национальных вариантов. Не случайно свою книгу, посвященную этой теме, английский исследователь Дж.Грей озаглавил следующим образом: "Либерализмы: очерки по политической философии" [П7]

При поисках ответа на вопрос о судьбах и перспективах либерализма необходимо провести различие между либерализмом как идейно-политическим течением и либеральными партиями. Показательно с данной точки зрения, что сборник статей на эту тему, изданный под редакцией Х.Форлендера, называется "Упадок или возрождение либерализма?" [153]. На обе части вопроса сам Форлендер вполне обоснованно отвечал положительно. И действительно, имеет место возрождение либеральных идей при одновременном упадке либеральных партий. Обнаружилось, что возрождение либеральных идей не всегда и не обязательно имеет своим последствием автоматический подъем либеральных партий. Либерализм в качестве организованной политической силы, выполнившей свои политические задачи, как бы устарел, но в виде мировоззренческого кредо сохраняет значительное влияние.

Другими словами, либерализм в качестве течения общественно-политической мысли сохраняет значимость и в наши дни. Более того, наблюдается своеобразный парадокс: на фоне подрыва веры в либерализм у политиков и избирателей возникает больший интерес в академических и университетских кругах к политической и социальной философии либерализма. Хотя большинство либеральных партий оказались в состоянии глубокого кризиса, сам либерализм сохраняет жизнеспособность. При комплексном анализе то, что выдается за упадок либерализма, можно квалифицировать как его изменение и приспособление к новым реальностям.

13.5. Либерализм на пути к обновлению

Большинство приверженцев либерализма предприняли довольно энергичные усилия по переосмыслению своих позиций в важнейших вопросах, касающихся характера взаимоотношений общества, государственно-политической системы и отдельного индивида, капитализма и демократии, свободы и равенства, социального равенства и справедливости и т.д. Об этом свидетельствует широкий поток литературы, который к настоящему времени по своей интенсивности и размаху не уступает, если не превосходит, аналогичную литературу, посвященную консерватизму и правой идеологии. Усилия по возрождению и обновлению либерализма, пересмотру его идей и приспособлению к современным реальностям породили целую гамму новейших модификаций и вариантов, что в значительной степени затрудняет поиски общих знаменателей и вычленение либерализма как четко очерченного и окончательно оформившегося вида или течения общественно-политической мысли.

С этой точки зрения интерес представляет предлагаемая Д.Беллом четырехчленная классификация идейно-политических течений на американском примере по шкале консерватизм - либерализм: либеральный консерватор (М.Фридман и др.) - приверженец свободного рынка и права отдельного индивида распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению; консервативный консерватор (Л.Страус и др.) выступает за то, чтобы народные массы соответствующим образом воспитывались и контролировались "философской элитой", и за введение при необходимости цензуры, чтобы перекрыть народу доступ к "неприличной литературе"; консервативный либерал (П.Самуэлсон и др.) - сторонник смешанной экономики; либеральный либерал (Дж.Макговерн и др.) - сторонник крупномасштабных правительственных расходов на реализацию социальных программ, и являясь одновременно популистом, выступает против элитистской культуры [92, с. 9].

По мнению германского социолога и политолога Р.Дарендорфа, в ФРГ линия раздела проходит между экономическими либералами и либералами - сторонниками правового государства [103, с. 52]. Среди первых есть такие, которые считают, что "рынок всегда прав". Но есть и такие, по мнению

которых, рынок сам по себе не в состоянии преодолеть ни инфляцию, ни безработицу, поэтому для решения важнейших проблем необходимы согласованные усилия государства, предпринимателей и профсоюзов. Сторонники же правового государства выступают за сохранение всех результатов реформ, реализованных в послевоенные десятилетия. Такое разграничение не означает, однако, что первые выступают против правового государства, а вторые - против свободного рынка. Здесь речь идет о политических приоритетах. В реальной жизни оба течения объединяются, и проводится прагматический политический курс, который имеет нечто общее с позицией расширенного центра, объединяющего сторонников статус-кво. Дарендорф выделяет также социал-либерализм, сторонники которого видят свою задачу в обеспечении "социальных предпосылок свободы" или претворении в жизнь социальных прав граждан. Еще одно течение - радикал-либерализм - исходит из того, что рыночные силы представляют собой частный случай всеобщего принципа плодотворного антагонизма между потребностями и возможностями их удовлетворения [там же, с. 54].

Аналогичная ситуация наблюдается и в других национальных вариантах либерализма. Анализ этой ситуации показывает, что западные обществоведы исходят из постулата о существовании не одного, а нескольких и даже многих либерализмов. Все же, как представляется, в этой мозаике можно выделить два более или менее четко очерченных блока, каждому из которых присущ комплекс некоторых общих идей, принципов и подходов к важнейшим проблемам, стоящим перед обществом.

Первый блок - идейно-политическая конструкция, которая в крайних своих проявлениях тяготеет к либерализму с его негативной трактовкой свободы, концепцией минимального государства, приверженностью принципам laisser faire (свободного рынка) и т.д. Это течение, иногда называемое в западноевропейских странах неолиберализмом, в США соответствует Чикагской школе. Это по сути дела экономические консерваторы, повторяющие с определенными модификациями отдельные основные положения классического либерализма.

Второй блок - идейно-политическая конструкция, занимающая в общих чертах среднее положение между социал-демократией и консерватизмом, при этом смыкаясь с первой слева, а со вторым - справа. Именно она и берется в качестве основного компонента современного либерализма. Для избежания терминологической путаницы в отношении ее можно использовать название "социальный либерализм". Для него характерна ориентация на реформизм в одних странах с большей долей правого, а в других странах с большей долей левого компонента в традиционном понимании этих терминов.

В чем же все-таки состоит суть возрождения или обновления либерализма и что собой представляет либерализм на исходе XX столетия? На эти вопросы можно ответить, лишь выяснив позиции либерализма по таким ключевым проблемам общественной жизни, как роль государства, отношение к власти и демократии» трактовка свободы, равенства, справедливости.

13.6. Дилеммы либерализма в социально-экономической сфере

Большинство теоретиков современного либерализма, впрочем как и других течений общественно-политической мысли, усматривают его возрождение и обновление в возврате к изначальным принципам, касающимся индивидуальной свободы, равенства, социальной справедливости и т.д. Так, лидер Либеральной партии Великобритании Д.Стил считает одной из причин кризиса английского либерализма то, что его приверженцы "отошли от некоторых базовых принципов, которыми руководствовались либеральные основатели государства благосостояния" [97, с. 10].

Разумеется, в вопросе о взаимоотношениях отдельного индивида, государства и общества одно из центральных мест отводится переосмыслению роли государства в экономической и социальной сферах. В этом вопросе нынешний либерализм сохраняет приверженность ряду важнейших постулатов либерализма послевоенных десятилетий, в частности, программ социальной помощи наиболее малоимущим слоям населения, вмешательству государства в социальную и экономическую сферы и т.д. Более того, часть приверженцев либерализма, преимущественно американских, сохранила верность этим принципам, считая, что только государственное вмешательство и реализация определенных программ социальной помощи позволят сгладить социально-классовые конфликты и защитить капиталистическое общество конца XX в. от революционных потрясений.

Вместе с тем, осознав факт возрастания негативных последствий чрезмерно разросшейся бюрократии и государственной регламентации в экономической и социальной сферах, либералы выступают за стимулирование рыночных механизмов при одновременном сокращении регулирующей роли государства. Вполне в духе классического либерализма К.Полей, например, считал, что экономические законы, основанные на стремлении к индивидуальной выгоде и прибыли, ведут к наибольшему счастью Для наибольшего числа людей [140, с. 250]. Поэтому, по его словам, необходимо предоставить всем дееспособным членам общества максимум возможностей для самореализации и оптимум условий для свободы игры рыночных сил. Примерно в таком же Духе рассуждают представители и других национальных вариантов либерализма. При всем том большинство либералов сознает пределы возможного ограничения роли государства. Они отнюдь не забыли, что именно введение государственного регулирования способствовало смягчению экономических кризисов и их последствий. Так, по словам представителя германского либерализма

Т.Шиллера, стремление решить экономические проблемы без учета социального компонента - не социальный либерализм а социальный дарвинизм. В рассматриваемом плане германский социальный либерализм имеет некоторые точки соприкосновения с социал-демократией.
По мнению английских либералов, "сегодняшний либерал дод. жен опираться на правительство в качестве контролирующего и стимулирующего органа". Еще более четкую позицию по этому вопросу занимают американские либералы. Высказываясь за отказ от излишне централизованных в пользу более гибких форм государственного регулирования, они подразумевают под децентрализацией не столько замену федеральных регулирующих органов разрозненными организациями с соответствующими функциями, сколько введение системы более пропорционального и более оптимального разделения труда между верхним и нижним этажами власти.
Очевидно, что, признавая неизбежность и даже необходимость государственного вмешательства, либералы постоянно озабочены тем, чтобы ограничить пределы этого вмешательства. В новейших конструкциях либералов нашел отражение получивший на Западе широкую популярность лозунг "Меньше - это лучше", под которым подразумевается ослабление регулирующих функций государства, сокращение не оправдавших себя социальных программ, поощрение частной инициативы и свободных рыночных отношений. Как считает Р.Дарендорф, всякая социально-экономическая политика должна руководствоваться лозунгом "Не больше, а лучше". По мнению либералов, в современных условиях необходимо добиваться органического сочетания добровольного сотрудничества и взаимопомощи отдельных людей, общин, организаций и государства в деле обеспечения социального благополучия общества. Таким образом, как и в сфере экономики, в социальной сфере либералы проповедуют принцип смешанности. У них модель смешанной экономики экстраполируется и на сферу реализации социальных программ.

13.7. Проблемы государства, власти и демократии в либерализме

Большое место в построениях либералов занимает проблема соотношения капитализма и демократии, сущности и судеб демократических форм правления, прав и свобод человека. И это естественно, поскольку именно либералы внесли наибольший вклад в их становление и утверждение. Особое внимание они уделяют принципам идеологического и политического плюрализма. Либералы обоснованно показывают, что плюралистическая демократия является гарантом существования и жизнеспособности капитализма как общественно-политической системы. По их мнению, без свободной экономики нет и не может быть свободного Общества, поскольку, по их представлениям, рыночное хозяйство И правовое государство основываются на одинаковых ценностях- Эта мысль получила четкую формулировку в "Фрайбургских тезисах" германских либералов 1971 г.: "...свобода нуждается в собственности. Собственность создает свободу" [111, с. 69].
Эта проблема подробно была рассмотрена в разделе, посвященном демократии. Здесь внимание концентрируется на том ее аспекте, который касается вопроса о соотношении свободы, равенства и справедливости. Данный вопрос у либералов, пожалуй, разработан значительно шире и глубже, чем в других течениях общественно-политической мысли. Видимо, именно поэтому в предлагаемых либералами доводах много противоречий, различий, нюансов, оттенков, переходных ступеней от откровенной апологии неравенства до признания необходимости определенного уровня социального равенства.
У либералов выделяются два крайних подхода - негативная и позитивная трактовки свободы. Первый подход наиболее адекватно представлен в предлагаемом французским политологом Ж.-М.Варо так называемом институциональном либерализме. Отстаивая тезис о рынке как естественном регуляторе экономической жизни и утверждая, что политика определяется экономическими императивами и оценивается в зависимости от экономических успехов, Варо подчеркивает, что либерализм отнюдь не ограничивается сферой экономики и представляет собой одновременно политическую философию и философию права. Суверенитет индивида требует для утверждения два условия: он должен быть институциональным и ответственным [150, с. 17]. Постулируя свободу индивида, либерализм предполагает отделение государственной власти от гражданского общества. Для достижения этой цели, утверждает Варо [там же, с. 20],
недостаточно только прекратить огосударствление, денационализировать и дерегулировать. Необходимо осуществить радикальную революцию, соединив воедино свободный рынок, лессеферизм, распространенный на социальную сферу, расширяющиеся свободы и гражданские институты. Иными словами, требуется соединение поликратии с правовым государством, безусловно подчинив при этом государственную власть праву, именно праву, а не законам.
Именно с помощью права и через право, в конечном счете через множественность центров информации, обсуждения и инициативы будут достигнуты цели современного либерализма: ослабление роли государства, денационализация и дерегулирование Меньше государства означает больше права [там же, с. 125].
Сторонники позитивной трактовки свободы в либерализме пытаются найти своеобразное решение дилемме соотношения свободы и государства - путем разграничения экономического и политического

либерализмов. В данной связи французский политолог Л.Рутье приводит следующее образное сравнение [144 с. 50-51]:
Либерализм настоящий не позволяет использовать свободу для того, чтобы ее уничтожить Манчестерский либерализм можно сравнить с таким режимом на дорогах, который позволяет автомобилям ездить без правил. Пробки и задержки движения в подобных случаях были бы бесчисленными... Либеральное государство - это то, где автомобилисты свободны ехать, куда им заблагорассудится, но уважая при этом правила дорожного движения
В тесной взаимосвязи с проблемами равенства и свободы встает вопрос о справедливости общественно-политической системы. Либералы признают, что фундамент капиталистической цивилизации рушится, если нельзя доказать, что она основывается на принципах справедливости. И они предпринимают усилия, чтобы доказать это. Их не устраивает, что левые ставят справедливость в зависимость от возможностей удовлетворения в первую очередь материальных потребностей или, другими словами, выдвигают требования социальной справедливости.
В глазах либералов справедливость - это прежде всего политическая справедливость или формальная справедливость, определяющая общепринятые законы и принципы, обеспечивающие свободы и права всех граждан. Главную ошибку сторонников социальной справедливости либералы видят в том, что они неправомерно смешивают фундаментальные права, которые носят формальный характер, с социальными правами, которые не вытекают из самой человеческой природы, а потому вторичны по отношению к фундаментальным правам. Социальные права - это лишь подпорки, помогающие обеспечить условия для существования каждого гражданина в современном обществе. К ним либералы относят права на образование, труд, пособие в старости, пособия, определяемые кодексом социального страхования. Это - долги, превращенные в права законом, но не подлинные права, равные по своему значению фундаментальным правам, вытекающим из самой человеческой природы.
Большинство либералов отдает предпочтение равенству возможностей перед социальным равенством. По их мысли, государство должно гарантировать равенство всех без исключения граждан перед законом, равные права участия в политической жизни и равенство возможностей в социально-экономической сфере, что собственно и обеспечит реализацию принципов справедливости- Это, пожалуй, самое уязвимое место в позициях либералов. Ни одному из них фактически не удалось разрешить извечную антиномию между равенством и свободой, между равенством, свободой и справедливостью. Да вряд ли есть смысл упрекать их в этом. Ведь это одна из кардинальных проблем самого человеческого существования, а кардинальные проблемы не могут иметь окончательных решений.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Перечислите сущностные характеристики либерализма.
2. Каковы факторы формирования и основные вехи эволюции либерализма?
3. Какое место в либерализме занимает идея индивидуальной свободы и прав человека и гражданина?
4. Каково соотношение либерализма и демократии?
5. Что такое классический либерализм и новый либерализм?
6. Назовите особенности развития либерализма в послевоенный период.
7. Каковы позиции либерализма по социально-экономическим вопросам?
8. Как трактуют либералы проблемы государства, власти и демократии?
9. Как решается в либерализме антиномия свободы, равенства и справедливости?

Глава 14 Консерватизм

Консерватизм - это система воззрений в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентации и установок, который так же, как либерализм, социал-демократизм, марксизм не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями. Консерватизм вобрал в себя различные, порой противоречивые идеи, концепции, доктрины, традиции. Характерно, что в четырехтомной антологии "Мудрость консерватизма" среди приверженцев консервативной традиции перечислены такие разные по своим социально-философским и идейно-политическим позициям мыслители, как Платон, Аристотель, Цицерон, Макиавелли, Болингброк, Берк, де Местр, де Бональд, де Токвиль, Ницше, Гамильтон, Адаме, фон Хайек и др. [149]. Обращает на себя внимание историческая многовариантность консерватизма.
История консерватизма начинается со времен Великой французской революции, бросившей вызов самим основам "старого порядка", всем традиционным силам, всем формам господства наследственной аристократии. Именно с того времени берут начало две классические традиции консерватизма: первая, восходящая к французским мыслителям Ж. де Мэстру и Л. де Бональду, и вторая, связанная с английским мыслителем Э.Берком. Если в англосаксонских странах утвердился в основном берковский вариант консерватизма, то в странах континентальной Европы - своеобразный

синтез идей, ценностей и установок обеих традиций, которые, естественно, в каждой конкретной стране, особенно в современных условиях, проявляются в национально-специфических формах.

14.1.Сущностные характеристики консерватизма

Впервые основные положения консерватизма были сформулированы в работах Э.Верка, Ж. де Местра, Л. де Бональда и их единомышленников и последователей. Как правило, отправным пунктом современного консерватизма считается выход в свет в 1790 г. знаменитого эссе Э.Верка "Размышления о революции во Франции". Серьезный вклад в развитие консервативной традиций внесли русские философы, социологи и политические мыслители: К.Леонтьев, Н.Данилевский, В.С.Соловьев, И.Ильин во второй половине XIX - начале XX в., а после прихода к власти большевиков - ряд представителей русского зарубежья. Сам термин "консерватизм" вошел в обиход после основания Шатобрианом в 18l5 г. журнала "Консерватор".

Основатели консерватизма противопоставили выдвинутым европейским Просвещением и Великой французской революцией идеям индивидуализма, прогресса, рационализма взгляд на общество как на органическую и целостную систему. В этой связи следует отметить, что, хотя экономика конца XVIII - начала XIX в. характеризовалась бурными темпами развития, общественно-политическая мысль этого периода отмечена печатью реставрации, проявившейся в появлении так называемых теократических политических учений, возрождении теорий божественного происхождения государственной власти вообще и королевской власти в частности. К тому периоду относится также формирование "историзма", "исторического миросозерцания". Наряду с верой в силу человеческого разума снова получает популярность мысль о неразрывной связи человека с прошлым, с вековыми традициями и обычаями, происходит историзация человеческого мышления. К этому же периоду относится дальнейшая интенсивная разработка органической теории государства, в которой последнее отождествлялось с существом, имеющим самостоятельное от отдельных личностей существование и стоящим над ними, обладающим внутренней жизненной силой и способностью к самосохранению.

Следует отметить, что начавшиеся формироваться в первой половине XIX в. позитивизм О.Конта и социализм А.К. Сен-Симона являлись реакцией на идеи социального атомизма, возрожденческо-просветительского индивидуализма и результаты Великой французской революции, стремлением к их духовному преодолению. В поисках органических начал в организации общества они были весьма близки основателям континентальной консервативной традиции Ж. де Местру и Л. де Бональду. Объясняя власть и общество волей божьей, Л. де Бональд рассматривал власть как живое существо, призванное сохранить общество. "Воля этого существа,- говорил он,- называется законом, а его Действия - правительством". Как и живое существо, общество Имеет свое детство, юность, зрелость. Возражая Руссо и Канту, Которые считали, что общество создано человеком для человека, Де Бональд утверждал:

Человек существует только для общества; общество создается только для самого себя.

Критикуя индивидуализм, де Бональд говорил, что в отличие от философов Нового времени, которые создали философию Я, он хотел создать философию социального человека, философию Мы. Де Бональд считал, что в обществе нет прав, а есть только обязанности. Он рассматривал государство как большую семью, которой и телом, и душой принадлежат все составляющие ее обездоленные индивидуумы. При этом он обосновывал идею вмешательства государства в материальную и моральную стороны жизни своих членов. Реализация идей Просвещения и Великой французской революции, утверждали духовные отцы консерватизма, приведет к обесцениванию унаследованных от предков традиций и бессмысленному разрушению моральных и материальных ценностей общества. У консервативных мыслителей так или иначе присутствует идея некоего жизненного начала всего реального мира. У некоторых русских мыслителей консервативной ориентации, например у В.С.Соловьева, в качестве такого жизненного начала выступала София - Душа мира, Премудрость Божия. Предполагалось, что человек в силу ограниченности разума не вправе бездумно браться за переустройство мира, поскольку он рискует задеть заключенную в этом мире духовность или жизненное начало.

Отправным пунктом философии консерватизма является убеждение в греховной сущности человека. Для нее зло и страдания неотделимы от самого человеческого существования, и мудрость правителей состоит в том, чтобы свести к минимуму их последствия. На этом основании классический консерватизм отвергал абстрактные идеи индивидуальной свободы, прав человека и общественного договора, а также утилитаризм и веру в прогресс.

Как утверждал, например, Э.Берк, над человеком давлеет проклятие первородного греха. В силу злой и греховной сущности своей природы он не ведает, что для него лучше и что хуже. Человек не только не способен переустроить общество, но и не должен стремиться к этому, поскольку такое стремление явилось бы насилием над естественными законами развития общества. Политические принципы следует приспосабливать к обычаям, национальным традициям, установившимся формам общественно-политических институтов. Свобода, о которой говорят идеологи Просвещения и Французской революции, говорил Берк, не имеет ничего общего с истинной свободой, дарованной

английскому народу обычаем и традицией. Цель общества не в придумывании мнимых свобод, которые могут обернуться всеобщей анархией, а в сохранении и защите существующих свобод, основанных на традиции [7].

Характеризуя общество как амальгаму институтов, норм, моральных убеждений, традиций, обычаев, сам по себе факт их взаимосвязанности и единства они рассматривали как чудо истории, поскольку этот факт невозможно объяснить с рациональных позиций. Существующим институтам, по их мнению, следует отдать предпочтение перед любой теоретической схемой, какой бы совершенной она ни показалась с рациональной точки зрения. Поскольку все формы моральной и политической приверженности зиждятся на ассоциациях и поскольку ассоциации нельзя искусственно создать за короткое время, то разрушение унаследованных институтов крайне безответственно.

В конструкциях основателей консерватизма естественным и законным считалось лишь общество, основанное на иерархической структуре, отдельные части которой обеспечивают жизнеспособность и целостность общественного организма, подобно тому, как отдельные органы человеческого тела обеспечивают жизнеспособность и целостность всего его организма.

Если либерализм и социализм возникли как классовые идейно-политические течения соответственно буржуазии и рабочего класса, то в этом смысле значительно сложнее обстоит дело с консерватизмом. В целом консерватизм отражает идеи, идеалы, установки, ориентации, ценностные нормы тех классов, фракций и социальных групп, положению которых угрожают объективные тенденции общественно-исторического и социально-экономического развития, тех привилегированных социальных группировок, которые испытывают возрастающие трудности и давление со стороны не только демократических сил, но и наиболее динамичных фракций имущих слоев населения.

Как писал один из видных представителей современного консерватизма М.Оукшот, быть консерватором значит "предпочесть проверенное непроверенному, факт тайне, реальное возможному, близкое далекому, достаточное сверхдостаточному, удобное совершенному...". В этом контексте консерватизм можно рассматривать как искусство политического компромисса, обеспечения Равновесия и умеренности. Очевидно, что консерватизм представляет собой нечто большее, чем просто защиту интересов тех или иных слоев населения. "Консервативное" включает в себя утвердившийся и общепринятый в обществе набор ценностей, детерминирующих поведение и образ мыслей значительных категорий людей, а также формы приспособления к традиционным социальным нормам и институтам. Важное место в нем занимают глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, характерные для психологии массовых слоев населения. Нередко консервативные ценности и нормы поддерживают и отдельные группы Населения, интересам которых они объективно противоречат, поэтому консерватизм мог и может апеллировать не только к имущим, но и к отдельным группировкам из других слоев насел например к фермерам, лавочникам, ремесленникам, жителям сельской местности, которые испытывают страх перед будущим, несущим неопределенность и зачастую изменение социального статуса. Большое значение имеет и то, что консерватизм выдвигается в контексте религиозной социальной философии, как правило, претендующей на внеклассовость.

Гносеологической предпосылкой консерватизма является что общественно-политический процесс имеет двойственную природу. Это, с одной стороны, эволюция, развитие и отрицание строго, разрыв с прошлым и творение нового, а с другой - сформировавшееся положение, вбирающее в себя из прошлого все жизнеспособное, непреходящее, общечеловеческое. Любая общественно-политическая система может трансформироваться в одних своих аспектах, сохраняя преемственность в других аспектах. Историческая связь не может прерваться хотя бы потому, что разного рода декретами и постановлениями просто невозможно добиться ликвидации материальных условий бытия и духовной культуры. Ибо, как справедливо подчеркивал Н.Бердяев [6, с. 81 -82], в судьбе, воле каждой нации

...говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное будущее. В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы . И то поколение, которое порвет с национальным прошлым, никогда не выразит духа нации и воли нации Ибо в духе нации и воле нации есть сила воскрешающая, а не смертоносная.

Форсирование процесса разрушения старого мира во имя построения на его развалинах нового мира, как показал исторический опыт, в лучшем случае занятие бесполезное, а в худшем - чревато трагическими последствиями. Даже глубокие социальные революции, как, например, Великая французская революция и Великая Октябрьская социалистическая революция в России, не имели своим следствием историческую амнезию двух народов и освобождение" от прошлого.. После них Франция и Россия не потеряли свою идентичность, свое национальное лицо в том смысле, что в обеих революциях, служивших в качестве поворотных пунктов на пути к новым формациям, были сохранены многие национальные традиции, обычаи, верования, стереотипы поведения другие элементы, составляющие субстрат национального сознания. Как писал английский этнограф и антрополог Э.Геллнер [19, с. 60], “человек XIX и XX столетий не просто индустриализовывался, он

индустриализовывался как немец, русский или японец... Современная индустриальная высокая культура не бесцветна, она имеет “этническую окраску”, которая является ее сутью". Иначе говоря, лишь при наличии взаимодействия и тесного переплетения двух начал: развития и творения нового, с одной стороны, и сохранения преемственности с прошлым - с другой, можно говорить об истории и общественно-историческом процессе. Поэтому вслед за О.Шпенглером можно сказать, что история представляет собой одновременно становление и ставшее.

Из этих двух начал консерваторы отдают предпочтение второму. Принимая существующее положение вещей, консерватизм делает акцент на необходимости сохранения традиционных правил, норм, иерархии власти, социальных и политических структур и институтов. В духе гегелевской формулы "все действительное разумно, все разумное действительно" консерватор рассматривает существующий мир как наилучший из всех возможных миров. Конечно, любая страна , любая нация нуждается в категории людей, партий и организаций, а также в обосновывающей их интересы идеологии, призванных сохранять, защищать и передавать будущим поколениям то, что достигнуто к каждому конкретному историческому периоду, ибо народ без памяти о прошлом - это народ без будущего». Приведем мудрую восточную поговорку: "В того, кто стреляет в прошлое из пистолета, будущее выстрелит из пушки". Нельзя не сказать и то, что любому обществу в целом есть что отстаивать, сохранять и передавать будущим поколениям.

Вместе с тем истинный консерватизм, призванный защищать статус-кво, обосновывать необходимость его сохранения, должен учитывать изменяющиеся реальности и приспосабливаться к ним. Поскольку мир динамичен и подвержен постоянным изменениям, консерватизм не может отвергать все без исключения изменения. Показательно, что начиная со второй половины XIX в. и особенно в XX в. (в ряде случаев после второй мировой войны), приспосабливаясь к социально-экономическим и общественно-политическим изменениям, консерваторы приняли многие важнейшие идеи и принципы, которые- они раньше отвергали, например, свободные рыночные отношения, конституционализм, систему представительства и выборности органов власти, парламентаризм, политический и идеологический плюрализм и т.д. При всей своей приверженности религиозной вере большинство консерваторов после второй мировой войны приняли рационализм и технократизм. Приняли они также отдельные кейнсианские идеи государственного регулирования экономики, социальных форм, государства благосостояния и т.д. В этом аспекте консерватизм претерпел глубокую трансформацию в 70-х - 80-х годах.

14.2. Новейшие течения консерватизма

Особенность этого периода состояла в кризисе левых - от комунистических до социал-демократических и кейнсианских - моделей общественного развития. Консерватизм и правизна по сути дела заполнили тот вакуум, который образовался с утратой левыми интеллектуальной опоры, их ослаблением, дефицитом дееспособных идей и концепций на левом фланге. Привлекательности моделей и рецептов, предлагавшихся консерваторами и правыми, способствовало к тому же и то, что в 70-х и 80-х годах существенно изменилось отношение к консерватизму как идеологическому феномену. Сразу после второй мировой войны многие политические партии консервативной ориентации в европейских странах не рисковали принять название "консервативных", боясь быть отождествленными с фашизмом и реакцией. В настоящее время фашизм с его претензиями на "революционный консерватизм" для многих представителей гуманитарных и социальных наук Запада оказался как бы достоянием истории. И если раньше консерватизм был непопулярным термином, то в конце 70-х годов он вновь приобрел популярность. В ряде европейских стран возникли политические партии под названием "консервативная", правда с дополнением "прогрессивная", "народная", "демократическая" и т.д. Приход к власти в США в 1980 г. Р.Рейгана и его избрание на второй срок в 1984 г., победа Консервативной партии во главе с М.Тэтчер в Англии три раза подряд, результаты парламентских и местных выборов в ФРГ, Италии, Франции показали, что идеи и принципы, выдвигавшиеся этими силами, оказались созвучными настроениям довольно широких слоев населения.

Усиление позиций правых и консервативных сил выразилось в активизации в большинстве развитых стран усилий по их консолидации и координации на международном уровне, по выработке общих для них социально-философских и идейно-политических принципов и установок. Об этом свидетельствует, например, создание в 1983 г. Международного демократического союза, объединяющего консервативные партии Западной Европы* Республиканскую партию США, Либерально-демократическую партию Японии, а также австралийских консерваторов. В июне того же года в присутствии канцлера ФРГ Г.Коля, тогдашнего мэра Парижа Ж.Ширака и будущего президента США Дж.Буша, М.Тэтчер приветствовала новый "консервативный интернационал <как> великое средоточие мысли и духа" [154, с. 46].

Все варианты современного консерватизма и на национальном, и на международном уровне объединены определенным комплексом концепций, идей, принципов, идеалов, в совокупности составляющих течение консерватизма как особого типа общественно-полиитической мысли. В то же время при сравнении отдельных национальных вариантов консерватизма и анализе каждого из них

обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, расхождений и т.д. Не случайно в западной литературе существуют разные мнения относительно вычленения и характеристики консерватизма: в нем, как правило, выделяют четыре, пять, семь, а то и более течений или направлений.

В целом в большинстве национальных вариантов современного консерватизма можно выделить неоконсерваторов, новых правых, традиционалистских или патерналистских консерваторов. При этом следует отметить, что в ряде стран отдельные группировки новых правых и части неоконсерваторов по комплексу вопросов, связанных с социально-экономической сферой и ролью государства в регулировании экономики идут настолько далеко, что их, как правило, объединяют в так называемое радикалистское течение консерватизма. К нему можно отнести прежде всего рейганизм в США и тэтчеризм в Англии, установки которых в том или ином сочетании были заимствованы неоправыми и неоконсервативными группировками Западной Европы. Позиции этого крыла современного консерватизма по ряду вопросов, особенно это касается риторики, близки позициям либертаризма, представляющего собой довольно разнородное и аморфное течение, в котором Уживаются придерживающиеся самых разнородных воззрений и Убеждений обществоведы. Приверженцев либертаризма интересуют прежде всего законы и принципы функционирования рыночной экономики и роль государства в экономической сфере. либертаризм - это комплекс не только экономических, но и в не меньшей степени социально-философских, идейно-политических, морально-этических идей, концепций, установок, ориентации. В его основе лежит идея, согласно которой человек как единоличный хозяин своей жизни вправе поступать с ней по своему усмотрению до тех пор, пока он насильственно не вмешивается в жизнь Другого человека. Рассматривая общество как простой механизм, состоящий из автономных индивидов, либертаристы считают совершенным лишь атомистическое общество, противостоящее государству как враждебной силе. По вопросам, касающимся государственно-политической системы, соотношения экономических социальных и политических аспектов, взаимоотношений отдельного индивида, государства и общества, либертаристы - правы радикалы, занимая позиции правее не только либералов, но и консервативного лагеря. Они ратуют за изменение основ современного капитализма и восстановление принципов индивидуализма, свободных рыночных отношений, свободной конкуренции в их чистом виде. В крайних своих проявлениях либертаризм выступает за анархо-капитализм, т.е. свободно-рыночное общество, вообще не признающее государство.

Апелляция к принципам свободного рынка и свободной конкуренции, критика государственного вмешательства, государства благосостояния, социальных реформ и т.д. характерны для программных выступлений многих ведущих государственных и политических деятелей консервативной ориентации Запада. Однако большинство консервативных и неоправых политиков, учитывая изменения, происшедшие за последние десятилетия в структуре капитализма, сознает невозможность демонтажа механизмов государственного регулирования и возврат к системе, основанной всецело на принципах свободного рынка и неограниченной конкуренции. Это особенно наглядно обнаруживается при анализе их позиций в отношении программ социальной помощи, которые являются одним из важнейших объектов критики представителей консервативного лагеря. По мнению неоправых и неоконсерваторов, чрезмерно разросшиеся программы социальной помощи государства благосостояния разрушают сам принцип опоры каждого человека на самого себя, на собственные силы и воспитывают в людях иждивенческие настроения.

Но большинство консерваторов выступает за сохранение с теми или иными модификациями государства благосостояния. Как отмечает, например, американский неоконсерватор И.Кристол, неоконсерватизм - это "не развитие в стиле laissez faire, его цель - консервативное государство благосостояния". По мнению же Н.Глейзера, "победа Рейгана в 1984 г.- это победа консерватизма, впитавшего в себя основные постулаты государства благосостояния". А известный американский консервативный публицист Дж.Уилл даже написал статью под характерным названием "В защиту государства благосостояния".

Приступая к анализу собственно консервативного пласта современной западной общественно-политической мысли, следует отметить, что между новыми правыми (особенно если отсечь от них крайне правых радикалов и другие экстремистские группировки) и неоконсерваторами, объединяемыми в радикалистское течение, весьма трудно провести сколько-нибудь четкую линию ограничения. Весьма сложно определить тот рубеж, где начинается традиционалистский вариант консерватизма. Этим объясняется тот факт, что в западной литературе наблюдается разнобой по вопросу о включении тех или иных исследователей или политических деятелей в одно из названных течений. Речь идет прежде всего о Р.Рейгане, М.Тэтчер и Г.Коле, которых одни авторы называют неоконсерваторами, другие - новыми правыми, а первых двух - зачастую радикалистами. Американских политологов и социологов С.Хантингтона и Р.Нисбета одни причисляют к неоконсерваторам, другие - к традиционалистским консерваторам; Д.Белл, С.М.Липсет и Н.Глейзер, оспаривая позицию тех, кто считает их неоконсерваторами, называют себя либералами. В ФРГ имена Б.Вильмса, А.Молера, Г.Рормозера и других фигурируют в числе то новых правых, то традиционалистских, то правых консерваторов. Таких примеров можно привести множество.

В целом же часть консерваторов - это бывшие либералы или даже социал-демократы. И действительно, Г.-К.Кальтенбруннер вышел из леволиберальных кругов, Г.Машке в конце 60-х годов увлекался идеями студенческого самоуправления. Х.Люббе и А.Шван - бывшие социал-демократы. Большинство американских неоконсерваторов - бывшие социал-демократы и перебежчики из либерального лагеря. У новых правых идейно-политические ориентации, установки и ценности сформировались на стыке правого радикализма, традиционалистского консерватизма и неоконсерватизма, поэтому у них установки и ориентации современного консерватизма имеют заостренную, жесткую, бескомпромиссную форму. Таким образом, расхождения между неоконсерваторами и новыми правыми зачастую не столько в основных исходных принципов, сколько в степени концентрации внимания на тех или иных их аспектах. Поэтому далее они анализируются в едином блоке, разумеется, с учетом, когда это необходимо, существующих между ними расхождений.

14.3. В чем состоит новизна современного консерватизма?

Как правило, в качестве одного из важнейших элементов Консерватизма рассматривается неприятие или неприязнь идеологий, идей, теорий и т.д. Как писал, например, известный американский поэт и историк консервативной ориентации Р-Вирек консервативное мышление носит "антитеоретический" характер в то время как либеральное мышление рационалистично и целенаправленно конструирует разного рода абстрактные схемы, в соответствии с которыми пытается переустроить общество.

Однако это лишь одно измерение консерватизма. Дело в том что сам консерватизм не что иное, как комплекс идей, концепций, принципов и т.д. Действительно, когда говорят об антиидеологичности и антитеоретичности консерваторов, имеют в виду не то, что у них вообще нет идей и теорий, а то, что они отдают пред. почтение прагматизму, оппортунизму, компромиссу, а не абстрактным схемам. Они против абсолютизации любых идей и теорий тем более против их реализации в чистом виде на практике. И в этом, как представляется, они совершенно правы. Ведь история дает множество примеров, когда попытки реализации самых, казалось бы, прекрасных и совершенных идей заканчивались абсурдом оруэлловского толка, инквизицией, "ночами длинных ножей", бухенвальдами, гулагами и т.д. Да, консерваторы имеют идеи, концепции и теории, но они, как отмечает Л.Аллисон, концептуальные скептики в том смысле, что не интересуются открытием фундаментальных принципов политики и формулированием широких концепций. Они ищут ключи к решению проблем в практике и конкретных делах [83, с. 55].

Идеологичность консерватизма воочию обнаружилась во второй половине 70-х - 80-х годах, когда была поставлена задача его идеологического перевооружения. Один из лидеров американского неоконсерватизма И.Кристол заявил, что "неидеологическая политика - это безоружная политика". Как утверждал один из руководителей французских новых правых А.де Бенуа [94, с. 30],

...захват власти совершается не только благодаря политическому выступлению, посредством которого овладевают государственным аппаратом, но и благодаря долгосрочной идеологической подготовительной работе в гражданском обществе

Характеризуя с этой точки зрения ситуацию в Великобритании, английский публицист Д.Уотсон писал [154, с. 162]: "Впервые со времен Дизраэли британский консерватизм охвачен идеологической лихорадкой". Идеологизация или реидеологизация данного варианта консерватизма выражается в защите его представителями принципов свободных рыночных отношений, индивидуализма, свободной конкуренции, в критике государственного вмешательства, государства благосостояния, социальных реформ и т.д.

Традиционно консерватизм отождествлялся с защитой статус-К8о, существующих в каждый конкретный исторический период институтов, социальных структур, ценностей и т.д. В действительности, как указывалось выше, консерватор не мог игнорировать все без исключения изменения. Берковскому стандарту государственного деятеля, как говорил сам Берк, отвечали "предрасположенность к сохранению и способность к улучшению, взятые вместе". Даже у Ж.де Местра, о котором сложилось представление как о решительном и бескомпромиссном защитнике феодальных и абсолютистских порядков, монархические и клерикальные взгляды уживались с определенной долей терпимости в религии и признанием неизбежности перемен. Он считал изменение "неизбежным признаком жизни". Более того, де Мэстр признавал факт эрозии старого порядка и неизбежность Великой французской революции. Однако он был убежден в том, что изменениям подвержены лишь формы вещей, а сущность их, будучи отражением божественной мысли, неизменна.

Нельзя не упомянуть, что у истоков социальных реформ стояли Б.Дизраэли, О.Бисмарк и др., внесшие заметный вклад в развитие современного консерватизма. Американский политолог и поэт П.Вирек рассматривал реформы как неизбежное зло, которое, по его словам, необходимо провести постепенно без "антиисторической спешки - сверху", а не "методами толпы - снизу". Говоря словами английского романтика С.Т.Кольриджа, консерватизм признает постепенный и естественный рост общественных институтов, подобно тому как растет дерево, а "рационалистический либерализм", по утверждению П.Вирека, стремится механически манипулировать этими институтами, будто они представляют собой отдельные части мебели, которые можно заменить произвольно [152, с. 36, 43].

Такой подход присущ и большинству современных Консерваторов. Как отмечал, например, один из видных деятелей консервативной партии Великобритании Ф.Пим, консерватизм выступает за медленные и постепенные изменения, имеющие своей целью сохранение всего хорошего и исправление дурного. Например, в трактовке роли государства в различных сферах общественной жизни позиции консерватизма изменяются в зависимости от конкретных обстоятельств. Как справедливо отмечал Б.Гудвин [115, с. 150]:

...консерватизм - это своеобразный идеологический хамелеон, поскольку его облик зависит от природы его врага.

Иначе говоря, важнейшие положения консерватизма вались и эволюционировали в качестве ответной реакции на изменения в противостоящих ему идейно-политических течениях И действительно, консерватизм носил вторичный по отношению к либерализму, различным формам буржуазного и социального реформизма, а также левого радикализма характер. С этой точки зрения идеологические и социально-философские конструкции консерватизма характеризуются эклектизмом и прагматизмом. Это определяет и другие важные его особенности - поливариантность и противоречивость, доходящая порой до прямой конфронтации несовместимость отдельных составных элементов.

Самое, казалось бы, парадоксальное в нынешнем консервативном ренессансе состоит в том, что консерваторы выступают инициаторами перемен. В этом плане неоправые и неоконсерваторы проявили изрядную степень гибкости и прагматизма, умение приспосабливаться к создавшимся условиям. Они четко уловили настроения широких масс населения, требующих принятия мер против застоя в экономике, безработицы, стремительно растущей инфляции, расточительного расходования государственных средств, негативных явлений в социальной жизни. В значительной степени разгадка успеха представителей консервативных сил сначала в Англии и США, а затем в ФРГ, Франции и других странах кроется в том, что они предложили перемены в момент, когда большинство избирателей желало перемен. Показательно, что лейтмотивом предвыборных платформ большинства консервативных партий стали обещания перемен. На выборах 1979 г. М.Тэтчер, например, обещала полностью изменить политику господства государства во всех сферах жизни людей. В программе, предложенной на выборах 1980 г., Р.Рейган подчеркивал необходимость положить "новое начало Америки". Словарь германских консерваторов изобилует такими понятиями, как поворот, перемена, переоценка, новая ориентация, обновление и т.д.

Тяга широких слоев населения к переменам нашла соответствующее отражение и в общественно-политической мысли консервативной и правой ориентации. Объявив о смене тенденции, ее представители выдвинули лозунг "консервативного обновления". Как утверждал, например, германский неоконсерватор Г.-К.Кальтенбруннер [130, с. 9], "именно консерватор нашего времени знает, что не только многое изменилось, но и что многое нужно изменить". В этом плане неоправые идут еще дальше. Так, представитель американских новых правых П.Уэйрич заявил [139, с. 48]: "Мы не консерваторы, мы радикалы, стремящиеся к свержению истеблишмента". Подобная революционная фразеология характерна и для многих европейских консерваторов. Один из руководителей французских новых правых А.Бенуа утверждал, что "любой консерватизм революционен".

Особенность консерватизма 70-х - 80-х годов состоит также в том, что из противников научно-технического прогресса они превратились в убежденных его сторонников. Тесно связывая с ним изменения в различных сферах общественной жизни, французские неоправые претендовали на то, чтобы "подготовить почву для революции XXI в.., которая соединила бы древнейшее духовное наследие с самой передовой технологией" [94, с. 199]. Быть консервативным означает "маршировать во главе прогресса", заявлял Ф.-Й.Штраус в 1973 г. на съезде ХСС. По словам видного деятеля ХДС Р.Вайцзеккера, консерваторы - за прогресс, ибо "тот, кто закрывает дорогу прогрессу, становится реакционером".

Отказавшись от антитехницизма, неоконсерваторы прошли своеобразную метаморфозу и превратились в приверженцев технического прогресса и экономического роста. И наоборот, антисциентизм в отличие от прежних его форм, которые, как правило, возникали в рамках философского иррационализма, в нынешних условиях характеризуется не правой или консервативной ориентацией, а левой и даже левоэкстремистской ориентацией. Еще представители Франкфуртской школы как бы "отняли" антисциентизм у правых и интегрировали в идейно-политические и социально-философские конструкции левых сил. Сложилась ситуация, при которой апелляция к науке, способной решить стоящие перед обществом проблемы, стала рассматриваться как защита статус-кво и выражение политического консерватизма. В то же время по-своему толкуемый антисциентизм стал лозунгом отдельных левых и либеральных группировок, выступающих под лозунгом преобразования существующей системы на основе принципа "малое - это лучше", постматериальных ценностей и т.д. Другими словами, в оценке научно-технического прогресса и сциентизма Консерватизм и либерализм (левый либерализм), а также левые, по крайней мере отдельные группировки их приверженцев, как бы поменялись местами.

14.4. Социокультурный и религиозный аспекты консервативного мировоззрения

Для всех течений современного консерватизма, особенно для Новых правых и традиционалистов, характерна приверженность социокультурному и религиозному традиционализму. Отказ от традиционных ценностей рассматривается ими как главная на всех негативных явлений в современном обществе. При это под традицией подразумеваются универсальные, трансцендентальные ценности и принципы. Как утверждал, например, Р.Уивер, отрицание всего трансцендентального привело к релятивизму, рассматривавшему человека как "меру всех вещей", к отказу от доктрины первородного греха, которую заменили идеей о доброй природе человека. Поскольку лишь физический, чувственный мир стал считаться единственно реальным, начался упадок религии и восхождение рационализма и материализма. Исходя из подобных установок, консерваторы делают особый упор на исчезновении уверенности людей в себе, упадке таких традиционных ценностей, как закон и порядок, дисциплина, сдержанность, консенсус, патриотизм и т.д.

Эта сторона у них проявляется в откровенной ностальгии по более простому, более организованному и гомогенному миру, который, по их мнению, существовал в XVIII- XIX вв. в период свободнопредпринимательского капитализма. Они настойчиво приводят доводы и аргументы в пользу восстановления традиционных ценностей и идеалов с их акцентом на семье, общине, церкви и других промежуточных институтах. В них, как считает У.Вальдгрейв, единство различных компонентов осуществляется родственными, географическими, экономическими, культурными или иными узами, обеспечивающими преемственность материальных и духовных ценностей.

Собственно говоря, новое у новых правых и неоконсерваторов в значительной степени состоит в том, что они делают на социокультурных и религиозных проблемах, на религиозном и культурном отчуждении. Как утверждал, например, представитель американских неоправых П.Уэйрич [155, с. 8], "сама суть нового правого - это основанный на морали консерватизм. ...Наши лозунги основываются не на экономической теории, а на религиозных взглядах". Показательно, что зачинатели французского неоправого движения первоначально декларировали, что будут ограничивать свою деятельность исключительно сферой культуры. Однако в трактовке того, что понимать под действительно традиционными ценностями, неоконсерваторы и новые правые США и ряда других стран значительно расходятся. Так, большинство американских новых правых - ревностные приверженцы протестантского фундаментализма, основанного на буквалистском толковании Библии, религиозном фанатизме, враждебности к инакомыслию и т.д.

В некоторых западноевропейских странах неоконсерваторы И особенно отдельные группы неоправых придерживаются иных позиций. Например, в ФРГ и Франции они видят свою задачу в воздуха старой Европы, в которой, как считает Ж.К.Валла, "переплелись корни греческой, латинской, кельтской, германской и славянской культур". Возврат к прошлому мыслится этими идеологами новых правых как отказ от иудеохристианской традиции, возрождение ценностей языческой Европы на базе синтеза начал Аполлона и Диониса. "Песнь мира - языческая, таково послание революции грядущего века", утверждают французские новые правые [94, с. 19]. Христианство не устраивает их тем, что оно своим монотеизмом уравнивает всех верующих, вносит в "европейское сознание революционную антропологию, основанную на идеях эгалитаризма и тоталитаризма". Что касается древней индоевропейской традиции, или, проще говоря, язычества, то оно привлекает их своим политеизмом, служащим как бы современным вариантом политико-культурного и мировоззренческого плюрализма.

Особенность идейно-политических позиций новых правых Франции, ФРГ и некоторых других стран Западной Европы состоит в широком использовании новейших этологических и психологических теорий в их приложении к политическим реалиям современности. Тезис о глубоких различиях между расами, порожденных специфическими различиями в природно-климатических и историко-культурных условиях их жизни и эволюции, ссылки на этноплюрализм, этническое и культурное разнообразие дают новым правым возможность использовать антиколониалистские лозунги левых для обоснования "генетической предрасположенности" каждой расы к раз и навсегда установившейся социокультурной модели.

Для обоснования своих позиций по данному вопросу они, используя заимствованную у средневековых номиналистов идею отрицания объективной "универсальной логики", ставят перед собой задачу развенчать универсальную этику, универсальные ценности и т.д. Такая позиция вытекает из тезиса, что в мире нет и не может быть ни общих принципов, ни идей-универсалий. Перенося этот постулат на этнокультурную сферу, обществоведы ФРГ и Франции новой правой ориентации считают, что за любым универсализмом скрывается тот или иной этноцентризм, навязывающий другим народам свои ценности и понятия. По их мнению, каждая цивилизация имеет собственную, неповторимую логику развития. Здесь явно напрашивается сравнение с Ф.Ницше, который говорил [49, с. 68]: "Каждый народ имеет свой язык добра и зла: этого языка не понимает сосед - свой язык нашел он себе в обычаях и нравах". Новые правые вполне обоснованно подчеркивают, что каждый народ имеет собственную историю, определяющую его культуру характер,

психологию, традицию, обычаи - все то, что составляет его судьбу - прошлое, настоящее и будущее. Но вместе с тем любой народ независимо от его численности и географического региона существует не в изолированных друг от друга резервациях, а в сообществе с другими народами, составляющими в совокупности человечество. Само конституирование человечества, его существование и жизнеспособность как единого целого были бы невозможны, если бы для составляющих его народов не были характерны помимо специфически национальных и этнических черт и особенностей общечеловеческие черты, ценности, нормы или, говоря словами самих новых правых, универсальные ценности, универсальная этика и т.д.

Интерес неоправых и неоконсерваторов к социокультурным и морально-этическим проблемам отнюдь не случаен - он имеет под собой реальную основу. Если совсем недавно проблематика культуры представляла собой как бы неотчуждаемую собственность философии культуры или в лучшем случае философии истории, то в последние десятилетия она приобрела социологическое и политологическое измерения, обнаружив органическую связь с социально-экономическими проблемами. И не удивительно, что известный американский социолог Д.Белл пытался объяснить суть конфликтов в современном западном обществе "культурными противоречиями капитализма". Белл отдавал приоритет политике перед социальной структурой и культуре - перед политикой, поскольку, по его мнению, именно культура самым непосредственным образом связана с ценностями и идеалами, которые в конечном итоге формируют историю. Культура определяет социальное и политическое поведение, поэтому причина современных конфликтов заключается в "культурных противоречиях капитализма" [92].

Придавая первостепенное значение культуре в качестве системообразующей категории, одну из своих главных целей неоправые видят в ликвидации "монополии левых в области культуры" и завоевании "культурной власти над обществом", считая это необходимой предпосылкой для завоевания политической власти. Как писал, например, А. де Бенуа, "нельзя овладеть политической властью без предварительного завоевания культурной власти". Примечательно, что они называют свою стратегию правым грамшизмом.

14.5. Проблемы свободы, демократии и государства в трактовке консерватизма

Значительное место в конструкциях современных консерваторов занимают проблемы свободы, равенства, власти, государства, демократии и т.д. Следует отметить, что в трактовке данных проблем большинство консерваторов считают себя решительными защитниками прав человека и основополагающих принципов демократии.

Для неоконсерваторов и неоправых характерно амбивалентное отношение к государству. "Человек рожден свободным, но он всюду в цепях",- говорил Ж.-Ж.Руссо. "В цепях он и должен быть",- отвечает на это консерватор, защищающий "необходимые цепи традиции и исторической преемственности", на которых, по его мнению, основываются гражданские свободы [152, с. 158]. С одной стороны, в глазах консерваторов государство - это источник и защитник закона и морали. Без сильного государства общество может оказаться во власти анархии. Для них характерно позитивное, зачастую авторитарное отношение к государству, что в свою очередь предполагает или порождает антииндивидуализм. Н.Бэрк пишет [91, с. 25]:

Хотя защита частной собственности, рынка, личной свободы является формальным выражением консерватизма, она редко имеет своим основанием индивидуалистическую философию и почти всегда подчинена требованиям стабильности и преемственности.

С другой стороны, сильное государство может оказаться инструментом подавления индивидуальной свободы. Поэтому теоретики консерватизма постоянно подчеркивают важность ассоциаций людей, меньших по размеру, чем государство.

При необходимости выбора между индивидом и обществом значительная часть консерваторов ставит на первое место общество. По их мнению, последнее, будучи значительно шире правительства, исторически, этически и логически выше отдельного индивида. Права отдельного человека носят одновременно и естественный, и социальный характер: естественный, потому что принадлежат человеку, созданному богом в качестве части великого плана мироздания, а социальный, потому что человек может пользоваться этими правами лишь в организованном обществе. Правительство является политическим орудием общества, приданным обеспечить и защищать естественные права человека, а стабильная и эффективная экономика - это слияние индивидуального предпринимательства, групповой кооперации и правительственного регулирования.

Наиболее далеко идущие выводы и в данном вопросе делают отдельные новые правые группировки Западной Европы. Так, сторонники неоправой группировки ГРЕС отвергают традиционное христианско-либеральное предпочтение индивидуального коллективному, противопоставление понятий "свобода" и "господство". Осуждая стремление человека Нового времени отказаться от принципов авторитарности и иерархии, от "мира, каков он есть", ради "мира, каким он должен быть", они призывают заменить идею прав человека идеей прав коллектива. По их мнению, "народ имеет право, нация имеет право. Общество и государство имеют право". Что же касается отдельной

личности, то она обладает правами постольку, поскольку принадлежит к конкретной "исторической, этнической, культурной сфере".
Этот подход играет значительную роль в традиционалистском консерватизме, который обладает наиболее сильными позициями в странах Западной Европы. Учитывая этот факт, Э. фон Кэюнельт-Леддин даже утверждал, что европейцам чужд американский "коммерческо-капиталистический консерватизм" [131, с. 133-135].
Традиционалистский консерватизм представлен патерналистским крылом в английском торизме, голлизмом во Франции, правыми консерваторами и частью представителей социал-консерватизма в ФРГ. Разделяя многие из изложенных выше позиций, они в ряде аспектов значительно расходятся с новыми правыми и радикалистскими группировками неоконсерваторов в трактовке роли государства, его взаимоотношений с обществом, отдельным индивидом, свободы и свободных рыночных отношений и т.д. Как отмечал, например П.Уорстхорн [157, с. 159]: "социальная дисциплина... представляет собой значительно более плодотворную... тему для современного консерватизма, чем неиндивидуальная свобода".
Большой интерес в рассматриваемом плане представляет модель, предлагаемая французским голлизмом. Либерализм не устраивает голлистов своим "эгоизмом и индивидуализмом" и стремлением "навязать обществу власть технократии", т.е. элитарного и кастово замкнутого института профессионального менеджмента, представляющего собой "антипод любого демократического режима". Главная ошибка либералов, по мнению голлистов, состоит в игнорировании того, что "средний француз невраждебно относится к дирижизму", т.е. государственному регулированию.
Центральное место в голлистской доктрине занимает тезис о приоритете французской нации и о величии Франции. Это, по мнению голлистов, может быть обеспечено только сильным государством.
Примерно такой же точки зрения придерживаются английские консерваторы-традиционалисты. В качестве важного шага в направлении преодоления наметившегося во второй половине 70-х - начале 80-х годов кризиса доверия консерваторы предлагают восстановление авторитета и престижа власти и правительства. Продолжая развивать традиционный постулат консерваторов о том, что власть - предпосылка всех свобод, они придают первостепенное значение закону и порядку, авторитету и дисциплине, полагая, что современное "производительное общество" - общество повиновения и послушания, а государство для достижения этих целей вправе принимать соответствующие меры. Подлинный порядок в обществе зиждется, по их мнению, на образовании, дисциплине и институтах, а свободу может обеспечить только сильное государство. Говоря словами Г.-К.Кальтенбруннера, они рассматривают власть как "не поддающийся устранению факт мировой истории... естественный и существенный признак любой политики, элементарное выражение человеческой природы".
Консерваторы в значительной степени правы, рассматривая власть и необходимость подчинения дисциплине как важный атрибут государственности. И действительно, где нет дисциплины, закона и порядка, там нельзя говорить об эффективности и дееспособности государственно-политических институтов, об их полной легитимности в глазах основных категорий населения. В современных условиях позиции консерваторов по данным вопросам приобретают дополнительную значимость, что увеличивает их притягательность для части населения. Более того, представители почти всех национальных вариаций консерватизма пытаются привести новые аргументы в пользу традиционного для него синтеза индивидуализма и авторитета государства, индивидуальной свободы и всеобщей воли.
Для приверженцев традиционалистского или патерналистского консерватизма характерен больший, чем у новых правых и неоконсерваторов, упор на традицию, тесно привязанную к религии. Заметим, что американские новые правые отдают предпочтение модернизированным формам вероисповедания через так называемые электронные церкви. Их европейские единомышленники выступают вообще за отказ от иудеохристианской традиции и возрождение язычества. Неоконсерваторы, по крайней мере значительная их часть, являются приверженцами либеральных церквей или же деистами. Традиционалистские консерваторы склонны в большей степени поддерживать католицизм и протестантизм в их традиционных ипостасях, подразумевая под традицией универсальные, трансцендентные ценности и принципы, которые пронизаны религиозным духом. Отказ от этих ценностей и принципов рассматривается ими как главная причина всех негативных явлений в современном обществе.
В целом идеи и концепции традиционного консерватизма, которые в тех или иных пропорциях интегрировали в себя и остальные варианты консерватизма, сводятся к следующему: вера в естественный закон, независимый от воли людей, и убеждение в том что человеческое общество представляет собой своего рода "духовную корпорацию", такую, как церковь. Порядок, справедливость и свобода являются продуктами очень длительного периода человеческой истории. Поэтому для обеспечения стабильности "общества-корпорации" первостепенное значение имеет сохранение "беспрерывной преемственности и связи жизненной артерии". Изменения в обществе не должны осуществляться каким-либо искусственным образом, поскольку оно само производит их естественным путем.

Консерваторы предпочитают известное неизвестному, настоящее и прошлое - будущему. По их мнению, для сохранения стабильности человеческого общества безопаснее руководствоваться мудростью, унаследованной от прошлых поколений, чем решать каждый вопрос, исходя из личного мнения и личного разума. Основываясь на этом постулате, они придерживаются следующих принципов:
- "индивид глуп, а род мудр";
- для "здорового" разнообразия в обществе должны существовать различные группы и классы, различающиеся своим экономическим положением и многими другими формами неравенства;
- истинное равенство - только перед богом;
- жизнеспособность общества наилучшим образом обеспечивается, если оно направляется мудрым и способным руководством, а если разрушить естественные и институциональные различия, то вакуум заполняется тираном;
- частная собственность - продукт человеческого разнообразия, без нее свобода невозможна, а общество обречено на гибель.
Подводя итоги изложенного, можно констатировать, что современный консерватизм, прошедший длительный путь исторического развития, представляет собой весьма сложное и многослойное образование, в котором уживаются самые разнообразные, порой конфликтующие между собой идеи, концепции, установки и принципы. Поэтому естественно, что он пронизан глубокими противоречиями. Как отмечал Л.Аллисон, консерваторы являются одновременно "индивидуалистами и коллективистами, приверженцами авторитаризма и свободы, мистиками и разумными практическими людьми" [83, с. 18]. Разнородны и противоречивы выдвигаемые ими идеи и рецепты решения проблем, стоящих перед капиталистическим обществом. С одной стороны, они ратуют за восстановление принципов свободной конкуренции И свободных рыночных отношений, а с другой - подчеркивают свою приверженность традиционным ценностям и идеалам с их упором на семью, общину, церковь и другие промежуточные институты, которые подрываются в процессе реализации принципов свободной рыночной экономики. Вместе с тем традиционалистское и патерналистское течения консерватизма выступают в защиту сильной власти и государства, видя в них средство обеспечения закона и порядка, сохранения традиций, национального начала и т.д. Здесь, пожалуй, наиболее отчетливо высвечиваются противоречивость, амбивалентность позиций консерваторов в трактовке проблем свободы, равенства, прав человека и соотношения последних с традицией, государством. Такая позиция вполне объяснима, если учесть, что проблемы слишком сложны и деликатны и их невозможно объяснить с помощью простых и однозначных формул, доводов и аргументов. Особенно бережно и осторожно к трактовке этих проблем следует подходить в периоды крупных социально-экономических сдвигов, когда людям свойственно впадать в крайности, которые почти всегда чреваты непредсказуемыми негативными последствиями. В условиях масштабных и глубоких перемен, которые в настоящее время переживает наша страна, умеренность, взвешенность, здравый смысл, характерные для консерватизма, способны послужить противовесом таким крайностям.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Назовите важнейшие сущностные характеристики консерватизма
2. Назовите основные течения современного консерватизма. Перечислите различия и точки схождения между ними.
3. В чем вы видите новизну неоконсерватизма и новых правых?
4. Объясните место и роль социокультурного и религиозного традиционализма в консерватизме.
5. Каково отношение современного консерватизма к государству благосостояния?
6. Каковы позиции консерваторов в трактовке проблем свободы, демократии, государства?

Глава 15 Социал-демократизм

Под социал-демократией, как правило, подразумевают теорию и практику партий, входящих в Социалистический интернационал, те социальные и политические силы, которые составляют эти партии. Социал-демократию можно рассматривать и как социально-политическое движение, и как идейно-политическое течение. При этом существует целый ряд национальных и региональных вариантов, социально-философских, идеологических и политических течений. Например, применительно *к* социалистическим партиям Франции, Италии, Испании, Греции, Португалии используются понятия "социализм", "латинский социализм", "средиземноморский социализм". Существуют скандинавская и шведская модели, интегральный социализм, основывающийся на австромарксизме. Выделяют фабианский социализм, гильдейский социализм и т.д.
Очевидно, что социал-демократия - это весьма сложный и многоплановый феномен. Название данной главы выбрано не случайно. Этим подчеркивается, что речь здесь пойдет о социал-демократии как идейно-политическом течении, таком же, как либерализм, консерватизм и марксизм. Названные и другие родственные им разновидности социал-демократии, как правило, объединяются

общим понятием "демократический социализм". Именно на основных идеях, принципах, ценностях и установках демократического социализма и будет сконцентрировано главное внимание.

15.1. Идейные истоки социал-демократии

История социал-демократии самым тесным образом связана с историей рабочего движения. Именно особенности эволюции рабочего движения стали главнейшим фактором, приведшим к тем изменениям в социал-демократии в конце XIX в. и на протяжении всего XX в., которые определили ее нынешнее состояние. Социал-демократия возникла как альтернатива капитализму. В этом качестве первоначально она в принципе разделяла важнейшие установки марксизма на ликвидацию капитализма и коренное переустройство общества путем установления диктатуры пролетариата, обобществления средств производства, всеобщего равенства и т.д. Отдельными ее отрядами признавался также предлагавшийся марксистами революционный путь ликвидации капитализма и перехода к социализму. Но в реальной жизни социал-демократия в общем и целом отвергла эти установки, признала существующие общественно-политические институты и общепринятые правила игры. Партии социал-демократической ориентации институционализировались, стали парламентскими И внесли существенный вклад в интеграцию рабочего движения в господствующую систему. С этой точки зрения всю последующую историю социал-демократии можно рассматривать как историю постепенного отхода от марксизма.

Важную роль в эволюции социал-демократии играла сама жизнь, которая заставляла учитывать общественно-исторические реальности, приспосабливаться к ним, находить оптимальные пути улучшения условий жизни трудящихся. Эти реальности убедили руководителей социал-демократических партий в бесперспективности революционного перехода от старой общественной системы к новой, в необходимости трансформировать, совершенствовать эту систему, приняв многие из ее ценностей, норм, принципов и т.д.

Экономическая и политическая борьба той эпохи показала, что многие требования рабочего класса могут быть реализованы мирными средствами в процессе повседневных постепенных перемен. Таким образом сложилась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: чуть ли не все социалистические и социал-демократические партии ставили своей целью "разрыв с капитализмом", но на поверку оказалось, что их программы конца XIX - начала XX в. не были революционными в полном смысле этого слова, хотя и содержали известный набор радикальных лозунгов. С самого начала для большинства социал-демократических партий было характерно совмещение революционных лозунгов с оппортунистической, прагматической политической практикой. Постепенно в программах большинства этих партий неуклонно брали верх оппортунизм, прагматизм, реформизм. Особенно ускоренными темпами этот процесс пошел после большевистской революции в России-1917 г., которая перед всем миром продемонстрировала Ущербность и гибельность предлагавшегося марксизмом, а в крайних формах марксизмом-ленинизмом, революционного пути перестройки общества.

Следует подчеркнуть, что именно по основополагающим принципам марксизма, касающимся революции, непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата, в первые два десятилетия XX в. обозначился великий схизм, или раскол, в рабочем движении и социал-демократии. Не будь этого схизма, по иному могла сложиться магистральная линия исторического развития современного мира. Но большевистская революция и созданный вслед за ней III Коммунистический интернационал институционализировали этот раскол. Социал-демократия и коммунизм выросшие практически из одной социальной базы и одних идейных источников, по важнейшим вопросам мироустройства оказались на противоположных сторонах баррикады.

Причины такого поворота событий, как можно убедиться из изложенных доводов, коренились в самой природе рабочего движения и социал-демократии. Как бы предвидя возможность появления авторитарного социализма (согласно марксистской идее, диктатуры пролетариата), руководители реформистского крыла социал-демократии провозгласили своей целью построение демократического социализма. Первоначально по этому вопросу развернулись довольно острые споры, в которых оппоненты этой идеи доказывали, что социализм не может быть недемократическим. Но история показала, что наряду с демократическим возможны нацистский, большевистский и иные варианты тоталитарного социализма.

15.2. Возникновение демократического социализма

Понятие "демократический социализм", по-видимому, впервые было использовано в 1888 г. Д.Б.Шоу для обозначения социал-демократического реформизма. Позже его использовал Э.Бернштейн. Окончательному закреплению этого понятия способствовал Р.Гильфердинг, который особенно часто применял его со времени первой мировой войны. В основе первоначальной концепции демократического социализма лежала разработанная в середине XIX в. Л. фон Штайном программа политической, экономической и культурной интеграции рабочего движения в существующую систему. Для представителей данной традиции с самого начала было характерно признание правового государства как позитивного фактора в деле постепенного реформирования и трансформации

капиталистического общества. Эта идея была заимствована у Ф.Лассаля, который, в частности, сформулировал лозунг о государственной помощи "свободным индивидуальным ассоциациям рабочих", т.е. производственным кооперативам.

Основную лепту в разработку основополагающих установок демократического социализма, ориентированного на постепенное реформирование общества, внес *Э.Бернштейн.* Можно сказать, что в смысле признания идей интеграции рабочего класса в существующую систему и ее постепенной трансформации эволюционным путем большинство современных социал-демократов являются наследниками Э.Бернштейна. Главная его заслуга состояла в отказе от тех установок марксизма, реализация которых в России и ряде других стран привела к установлению тоталитарных режимов, что доказало историческую правоту основателя демократического социализма. Речь идет прежде всего об уничтожении до основания старого мира, установлении диктатуры пролетариата, непримиримой классовой борьбе, социальной революции как главном или даже единственном пути ниспровержения старого порядка и т.д.

Отвергая идею диктатуры пролетариата, Э.Бернштейн обосновывал необходимость перехода социал-демократии "на почву парламентской деятельности, числового народного представительства и народного законодательства, которые противоречат идее диктатуры". "Классовая диктатура принадлежит более низкой культуре",- подчеркивал Бернштейн, рассматривая социал-демократию как носительницу более высокой культуры и отказываясь от насильственных, конвульсивных форм перехода к более совершенному социальному устройству. Он считал, что "социализм не только по времени, но и по внутреннему своему содержанию" является законным наследием либерализма. Речь идет о таких принципиальных для обоих течений вопросах, как свобода личности, экономическая самостоятельность отдельного индивида, его ответственность перед обществом за свои действия и т.д. Свобода, сопряженная с ответственностью, говорил Бернштейн, возможна лишь при наличии соответствующей организации, и "в этом смысле социализм можно было бы даже назвать организаторским либерализмом" [8, с. 249-253].

По мысли Бернштейна, "демократия - это средство и в то же время цель. Она есть средство проведения социализма и она есть форма осуществления этого социализма". При этом он не без оснований утверждал, что "демократия в принципе предполагает Упразднение господства классов, если только не самих классов". Он же - и тоже не без оснований - говорил о консервативном свойстве демократии [8, с. 244-247].

И действительно, в демократической системе отдельные партии и стоящие за ними силы так или иначе сознают границы своего влияния и меру своих возможностей и могут предпринять лишь то, на что в данных условиях могут рассчитывать. Даже в тех случаях, когда те или иные партии предъявляют повышенные требования, зачастую это делается, чтобы иметь возможность получить больше при неизбежных компромиссах с другими силами и партиями. Это обусловливает умеренность требований и постепенность преобразований. Э.Бернштейн настойчиво подчеркивал, что "демократия суть средство и цель одновременно. Она средство завоевания социализма и форма осуществления социализма". По его мнению, реализация полного политического равенства является гарантией реализации основных либеральных принципов. В этом он видел сущность социализма.

В такой социалистической интерпретации либеральных принципов Бернштейн выделял три основные идеи: свобода, равенство, солидарность. При этом на первое место Бернштейн ставил солидарность рабочих, считая, что без нее свобода и равенство при капитализме для большинства трудящихся останутся лишь благими пожеланиями. Здесь перед социал-демократией возникал сакраментальный вопрос: *как добиться, чтобы социалистическое общество стало обществом наибольшей экономической эффективности и наибольшей свободы, одновременно не отказываясь от равенства всех членов общества?* Главную задачу социал-демократии Бернштейн видел в том, чтобы разрешить эту антиномию. Вся последующая история социал-демократии по сути и есть история поисков путей разрешения этой антиномии.

Очевидно, что приоритет в разработке теории демократического социализма принадлежит Бернштеину и в его лице германской социал-демократии. Немаловажный вклад внесли представители английского фабианского и гильдейского социализма, поссибилизм и другие реформистские течения в французском социализме. Следует назвать также австромарксизм, особенно его идейных руководителей О.Бауэра, М.Адлера, К.Реннера, активно выступивших против большевизма и ленинизма.

Были и такие национальные социал-демократические движения, которые с самого начала развивались на сугубо реформистских началах и испытали лишь незначительное влияние марксизма. К ним относятся, в частности, английский лейборизм и скандинавская социал-демократия. Отвергая революционный путь замены капитализма социализмом, они вместе с тем декларировали цель построения справедливого общества. При этом они исходили из тезиса о том, что, ликвидировав эксплуатацию человека человеком, необходимо оставить в неприкосновенности основные либерально-демократические институты и свободы. Показательно, что в программных документах Лейбористской партии Великобритании социализм как социально-политическая система вообще не обозначена. Лишь в IV пункте устава партии 1918 г. говорится о том, что партия стремится

...обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда и его наиболее справедливое распределение на основе общественной собственности на средства производства, распределения и обмена и наилучшей системы народного управления и контроля над каждой отраслью промышленности или сферы обслуживания.

Шведские социал-демократы еще в 20-х годах сформулировали концепции так называемого функционального социализма и промышленной демократии, которые не предусматривали ликвидацию или огосударствление частной собственности.

Существенной вехой в становлении современной социал-демократии стала действительная "национализация" различных ее национальных отрядов. Уже Э.Бернштейн подверг сомнению правомерность тезиса "Коммунистического манифеста", согласно которому "у пролетария нет отечества". Как писал Бернштейн [8, с. 281],

...рабочий, который является в государстве, в общине и пр. равноправным избирателем, а вследствие того и совладельцем общественного богатства нации, детей которого община воспитывает, здоровье которого охраняет, которого оберегает от несправедливостей, имеет и отечество, не переставая быть вместе с тем мировым гражданином.

При этом Бернштейн высказывался за то, чтобы германские рабочие в случае необходимости встали в защиту национальных интересов Германии. Голосование немецких социал-демократов 4 августа 1914 г. в рейхстаге за принятие закона о военных кредитах представляло собой признание ими общей национальной задачи, манифестацию подчинения классовых приоритетов национальным приоритетам. Это означало по сути признание германской социал-демократией существующего национального государства как положительного факта истории.

Война внесла свои коррективы в позиции лейбористов Великобритании. Был, в частности, поколеблен их пацифистский интернационализм. В 1915 г. трое представителей лейбористской партии вошли в состав коалиционного правительства либерала Асквита. В 1916 г. один из руководителей партии Гендерсон был включен в состав военного кабинета либерала Ллойд-Джорджа, Два других лейбориста стали министрами труда и пенсий. Представители лейбористов были привлечены также к участию в разных правительственных комитетах, трибуналах и агентствах Очевидно, что, включившись в механизм управления страной, они приобрели новый статус. Этим немецкие социал-демократы и английские лейбористы демонстрировали, что превратились g вполне лояльные политические силы, добивающиеся своих целей в двуедином процессе взаимного соперничества и сотрудничества рабочего класса и буржуазии в рамках национального государства. Но этому же пути пошли социал-демократические партии других индустриально развитых стран.

В духе дискуссий в немецкой социал-демократии в русском легальном марксизме также начался пересмотр ряда важнейших положений классического марксизма. В частности, П.Б.Струве поставил под сомнение идею Маркса о "прогрессирующем социальном угнетении и обнищании масс населения". Опираясь на гегелевский диалектический метод, Струве видел, что тезис о непрерывности изменения служит теоретическим основанием скорее эволюционизма, нежели революционности. Утверждая, что присущий ортодоксальному марксизму абсолютизм понятий есть противоположность диалектики, Струве увидел задачу здравомыслящих людей не в том, чтобы подготовить всемирную катастрофу, скачок в утопическое "царство свободы", а в постепенной социализации капиталистического общества [66, с. 6, 36, 44].

По-видимому, определенный потенциал развития по реформистскому пути был заложен и в российской социал-демократии, в той ее части, которая была представлена меньшевиками, в особенности В.Г.Плехановым и его сподвижниками. Но победу одержало революционное крыло во главе с В.И.Лениным.

15.3. Демократический социализм в послевоенный период

После второй мировой войны наступил новый этап в судьбах демократического социализма. Сначала то ли по инерции, то ли по убеждениям, то ли по каким-либо другим причинам руководители большинства социал-демократических партий, известных своими реформистскими ориентациями, прагматизмом и оппортунизмом, неизменно высказывали свою приверженность марксизму. Но опыт фашизма в Германии и большевизма в СССР подтолкнул европейскую социал-демократию к разрыву с марксизмом и признанию непреходящей ценности правового государства, демократического плюрализма, самого демократического социализма. В 1951 г. Социнтерн принял свою программу принципов - Франкфуртскую декларацию. В ней были сформулированы основные ценности демократического социализма. Она содержала также положение о возможности плюралистического обоснования социал-демократами социалистической цели. Последняя точка в этом вопросе была поставлена сначала в Венской программе Социалистической партии Австрии (1958) и Годесбергской программе СДПГ (1959), которые решительно отвергли основополагающие постулаты о диктатуре пролетариата, классовой борьбе, уничтожении частной собственности, обобществлении средств производства и т.д. В последующем по этому же пути - одни раньше, другие позже (некоторые в 80-х годах) - пошли остальные национальные отряды социал-демократии. При этом руководители социал-демократии все откровеннее подчеркивали многообразие своих идейных источников-, плюрализм

своих ценностей, установок, ориентации. Так, один из теоретиков послевоенной германской социал-демократии К.Шумахер писал:

Не важно, кто стал социал-демократом на основе методов марксистского анализа экономики, а кто по философским или этическим причинам, или на основе Нагорной проповеди. Каждый в партии имеет равное право на утверждение своей духовной личности и на основе собственных мотивов.

В формировании идейно-политических позиций английского лейборизма, по мнению ряда исследователей, важную роль сыграли идеи, почерпнутые у совершенно разных людей: Диккенса, Рэскина, Карлейла, Ллойд-Джорджа, Харди и др. Даже такой левый по своим воззрениям руководитель лейбористской партии, как Т.Бенн, признавал марксизм в качестве одного из источников лейборизма, но наряду с ним в этом же качестве он называл христианский социализм, фабианство, учение Оуэна, тред-юнионизм и даже радикальный либерализм.

В чем суть послевоенного социал-демократизма вообще и демократического социализма в частности? Пожалуй, наиболее емко и лаконично эта суть выражена в Годесбергской программе СДПГ 1959 г., в которой в качестве основных целей социалистического стремления провозглашены свобода, справедливость и солидарность. Эти три пункта в различных модификациях с дополнением ценностей равенства, демократии и т.д. в той или иной форме присутствуют в программах большинства социал-демократических партий.

Центральное место в построениях демократического социализма занимает свобода. В трактовке Годесбергской программы свобода означает самоопределение каждого человека. Свобода, игнорирующая равные права всех людей, вырождается в произвол. Равенство дает смысл свободе, которая равным образом действительна для всех людей. Равные права каждого индивида на самоопределение, на признание другими его достоинства и интересов составляют содержание справедливости. Если не учитываются эти права, то справедливость неизбежно превращается в уравниловку, подминающую под себя действительную справедливость. Иначе говоря, свобода и равенство обусловливают друг друга. Выражением этой обусловленности является справедливость. Справедливость есть не что иное, как равная для всех свобода.

По мнению приверженцев демократического социализма, свобода для самовыражения достижима лишь в том случае, если понимать ее не только как индивидуальную, но и как общественную свободу. Свобода отдельного индивида может реализоваться только в свободном обществе, и, наоборот, не может быть свободного общества без свободы отдельного индивида. Демократический социализм предоставляет отдельному индивиду свободу, предписывает ему также ответственность перед обществом за свои действия. Очевидно, что в демократическом социализме преобладает позитивное толкование свободы - свобода не *от чего,* а *для чего.* В личной сфере это означает свободное развитие личности, а в политической - участие в принятии решений в обществе и государстве.

Следует отметить, что, поставив в основу своих политических платформ идею позитивной свободы, в реализации которой государству предписывалась немаловажная роль, в послевоенные десятилетия европейская социал-демократия добилась внушительных успехов. Оказавшись в ряде стран у руля правления или превратившись в серьезную парламентскую силу, социал-демократические партии и поддерживающие их профсоюзы стали инициаторами многих реформ (национализация ряда отраслей экономики, беспрецедентное расширение социальных программ государства, сокращение рабочего времени и т.д.), составивших тот фундамент, который обеспечил бурное экономическое развитие индустриальных стран. Им же принадлежит большая заслуга в создании и институционализации государства благосостояния, без которого немыслима общественно-политическая система современного индустриально развитого мира. Позитивным фактором мирового развития стал Социалистический интернационал, объединивший 42 социалистические и социал-демократические партии европейских и неевропейских стран.

Процессы европейской интеграции дали толчок к интеграции европейской социал-демократии. В 1974 г. был образован союз содиал-демократических партий Европейского сообщества с местопребыванием в Брюсселе и Люксембурге. Причиной такого объединения стали прямые выборы в Европейский парламент. В этом парламенте социал-демократические партии объединились в самостоятельную фракцию, в которую вошли все парламентарии - социал-демократы всех стран - участниц ЕС. Европейская социал-демократия сыграла немаловажную роль в достижении разрядки напряженности между Востоком и Западом, в развертывании хельсинкского процесса, других важных процессов, способствовавших оздоровлению международного климата последних десятилетий. Неоценимую роль во всех этих аспектах сыграли такие выдающиеся деятели социал-демократии XX в., как В.Брант, У.Пальме, Б.Крайский, Ф.Миттеран и др.

О том, насколько велика позитивная роль социал-демократии в определении приоритетов внутриполитического развития на страновом уровне, наглядно можно представить на примере Швеции. В данной связи следует говорить прежде всего о так называемой скандинавской, или шведской, модели демократического социализма. Под этой моделью подразумевается та форма государства благосостояния, которая в послевоенные десятилетия сложилась в Дании, Норвегии и Швеции. Ее возникновение, как правило, связывают с приходом к власти первых социал-

демократических правительств в Дании в 1929 г., Швеции и Норвегии в 1932 г. Поскольку же в наиболее завершенной форме преобразования капитализма реализованы в Швеции, то скандинавская модель более известна под названием шведская модель.
Формированию и утверждению шведской модели благоприятствовало то, что Швеция не участвовала в двух мировых войнах и Социал-демократическая рабочая партия Швеции с начала 30-х до середины 70-х годов бессменно находилась у власти. Эти обстоятельства дали возможность более или менее последовательно реализовывать социально-экономические реформы. К середине 70-х годов шведскими социал-демократами были достигнуты значительные успехи в осуществлении социальных программ государства благосостояния. В частности, доля ВВП, расходуемой на социальные цели, увеличилась примерно с 10 % в начале 50-х годов до 33 % в 70-е годы. Возрос уровень заработной платы трудящихся и соответственно уровень их жизни. Впечатляющие успехи были достигнуты в областях социального обеспечения, здравоохранения, образования, профессионального обучения, Жилищного строительства и т.д.
Основными характерными особенностями шведской модели, правило, считаются: создание за сравнительно короткий период высокоэффективной экономики, обеспечение занятости практически всего трудоспособного населения, ликвидация бедности создание самой развитой в мире системы социального обеспечения достижение высокого уровня грамотности и культуры. Эту модель иногда называют функциональным социализмом на том основании, что демократическое государство осуществляет функции перераспределения национального дохода в целях обеспечения большей социальной справедливости. Основу смешанной экономики в этой модели составляет органическое сочетание частнокапиталистической рыночной экономики и социально ориентированной системы перераспределения произведенного продукта. Здесь на пер, вое место ставится повышение общего уровня жизни. Решения о повышении социального стандарта для всех принимаются на коллективной основе. Государство обеспечивает равные стартовые возможности всем гражданам путем предоставления всем детям доступа в детские сады и единой государственной системы школьного обучения. Политика государства направлена на то, чтобы подтянуть уровень жизни широких слоев населения к уровню жизни обеспеченных слоев населения. В идеале цель состоит в наивозможном сокращении социального неравенства путем предоставления социальных услуг в важнейших сферах жизни. К этим услугам относятся система семейных пособий на детей, бесплатное школьное образование, обеспечение в старости, пособие по безработице, обеспечение жильем и т.д.

15.4. Новые явления в социал-демократии

В последние полтора-два десятилетия в общем контексте дальнейшего освобождения от остатков марксистского наследия в социал-демократии наблюдалась тенденция к усилению акцента на пересмотр позитивной роли государства, на индивидуальную свободу, частную собственность, рыночные отношения и другие, связанные с ними ценности и установки, причем этот акцент делается на фоне более решительного поддержания партиями демократического социализма институтов, ценностей и норм либеральной демократии. С данной точки зрения показательно, что в 70-х - 80-х годах большинство из них приняли новые программные документы. Все они ставят в основу своих программ и платформ ряд базовых установок: политический плюрализм, частнокапиталистические рыночные принципы экономики, государственное регулирование экономики на основе кейнсианских рекомендаций, социальная помощь неимущим слоям населения, обеспечение максимального уровня занятости и т.д. При этом наблюдается тенденция к усилению этической аргументации в социал-демократических программах.
Так, новый программный документ Французской социалистической партии "Предложения для Франции" (1988) открывается следующим тезисом: "Идея, которая живет, питает и пронизывает наш проект, называется свободой". Р.Хеттерсли, заместитель лидера лейбористской партии Великобритании Н.Киннока, опубликовал книгу "Выбираем свободу, будущее за демократическим социализмом", а в программном документе, составленном этими двумя деятелями, в частности, говорится:
Подлинная цель социализма - создание действительно свободного общества, в котором основной задачей государства является защита и развитие свободы каждого индивида.
При этом социал-демократы во все возрастающей степени убеждаются в неразрывной связи индивидуальной свободы со свободным рынком. Считая, что история подтвердила прудоновский тезис о существовании такой связи, редактор теоретического журнала Итальянской социалистической партии "Мондо операйо" Л.Пелликани писал [53, с. 23]:
Рынок оказался основой свободы и экономической рациональности. Уничтожить рынок значит уничтожить все те институты и типы деятельности - взаимообмен, компетенцию, спрос и предложение, - без которых немыслимо говорить об экономике... все указывает на то, что рынок является экономической основой автономии гражданского общества, без которого свобода и демократия не могут ни процветать, ни развиваться.
На фоне развернувшейся в 70-х - 80-х годах консервативной волны с характерными для нее требованиями децентрализации, разгосударствления, сокращения государственного регулирования,

стимулирования рынка в социал-демократии усиливались настроения в пользу отказа от лозунгов национализации, обобществления или социализации и других традиционных установок Демократического социализма. Укрепляются позиции правых кругов, которые всегда сохраняли приверженность частной собственности на средства производства. Такие настроения характерны для большинства партий демократического социализма, особенно тех, которые в 80-х - начале 90-х годов находились у власти. Это, в частности, выразилось в том, что во многих аспектах данные партии осуществляли по сути дела неоконсервативную экономическую политику денационализации, разгосударствления, децентрализации. Следует отметить, что изменения в социал-демократии происходили в условиях дальнейшего нарастания кризиса тоталитарной системы в СССР и Восточной Европе с ее огосударствлением, планированием и уничтожением частной собственности на средства производства. Опыт "реального социализма" продемонстрировал всему миру, что эти его атрибуты не только не прекращают отчуждение, но и многократно усиливают его, не только не обеспечивают свободу, но и беспредельно расширяют и укрепляют тиранию государства над подавляющей массой населения. Монополия государства на средства производства оборачивается монопольным контролем над человеческими жизнями.

В последние годы в социал-демократии все более растущую популярность получает положение, что государство благосостояния уже выполнило свои задачи и его необходимо заменить обществом благосостояния, т.е. признается необходимость децентрализации функций и прерогатив государства по реализации социальных функций и их передачи местным властям и общественным институтам. Так, руководители Социал-демократической партии Швеции, например, заявили о завершении создания государства благосостояния и необходимости перехода на новый этап его развития, министр социал-демократического правительства Б.Хольмберг в 1986 г. выступил с тезисом о том, что СДРП Швеции должна взять курс на создание новой шведской модели. В качестве важного элемента новой модели предлагается изменить точку зрения на роль государства и муниципальных органов. Главную задачу социал-демократии видят в устранении мелочной государственной опеки. Государству отводится функция органа общего регулирования, решения глобальных внешних и внутренних проблем, при этом вопросы, касающиеся здравоохранения, образования, жилищного хозяйства, организации отдыха передаются в ведение муниципалитетов.

Центральное место в демократическом социализме занимает вопрос о соотношении целей и средств реформирования общества. Ключ к пониманию этого вопроса дает правильное толкование ставшей знаменитой фразы Э.Бернштейна: "Цель, какой бы она ни была, для меня ничто, а движение - все". Для правильного понимания этой фразы целесообразно привести контекст, в котором она первоначально была высказана. Впервые Бернштейн сформулировал это положение в статье "Борьба социал-демократии и революция общества" в 1897 г.:

Я признаю открыто то, что понимают обычно под "конечной цели социализма", представляет для меня чрезвычайно мало смысла и интереса: эта цель, что бы она ни означала для меня,- ничто, движение - все. И под движением я понимаю как всеобщее движение общества, т.е. социальный прогресс, так и политическую и экономическую агитацию и организацию для воздействия на этот прогресс.

Очевидно, что здесь мы имеем обоснование постепенности, конкретности мер, осуществляемых в процессе выполнения повседневной рутинной работы, реализации так называемых малых дел и т.д., которые в совокупности и составляют движение к социализму. В этом смысле движению отдается приоритет перед отдаленной абстрактной целью. Такой подход в сущности стал стратегической установкой политических программ большинства партий демократического социализма. Так, исходя из постулата о том, что не может быть абсолютной, окончательной истины, авторы Годесбергской программы подчеркивали, что в реальной действительности не может быть абсолютной свободы, абсолютной справедливости и абсолютной солидарности. Поэтому речь должна идти не о стремлении к ним как к абсолютным ценностям, а о стремлении к большей, чем на самом деле есть, свободе, справедливости и солидарности. Из этого следует, что основные ценности являются нормативными целями политики. Развивая эту линию, германские социал-демократы в Изрейском проекте раздел, посвященный продвижению к социализму, назвали "Наша никогда не завершаемая задача".

Немалый интерес с этой точки зрения представляет позиция Французской социалистической партии. В ее программном документе, в частности, говорится:

...социалистическое общество - это не столько стремление к концу истории, сколько движение к социализму, наращивание реформ и преобразование социальных отношений и изменение поведения людей и их отношений между собой.

В таком же духе понимают продвижение к социализму большинство европейских социал-демократических партий.

Поэтому не удивительно, что у них общее направление поли-таки определяется относительно краткосрочными программными Документами, содержащими перечень мер, подлежащих осуществлению в случае победы на очередных выборах. Этим объясняются легкость и готовность, с которыми лидеры социал-демократов идут на компромиссы и уступки как внутри, так и вне своих

партий. Показательно, что, оценивая эту особенность Французской социалистической партии, в публицистической литературе ее характеризуют как принципиально беспринципную. Обосновывая этот тезис, некоторые обозреватели утверждают, что ее нельзя назвать "ни дирижистской, ни либеральной, ни религиозной, ни антиклерикальной, ни сторонницей развития ядерной энергетики ни защищающей окружающую среду". Известный консервативный публицист Ж.-Ф.Ревель отмечал в данной связи, что в определенных условиях социалистическая партия была способна разрешить все противоречия: быть одновременно марксистской и немарксистской; отстаивать единство с коммунистами и исключительность своей роли; придерживаться проевропейской и антиевропейской позиций; выступать против социал-демократии во Франции и за социал-демократию в Европе. Следует отметить еще один момент. Правые и левые в социал-демократии настолько расходятся друг с другом, что их без особого труда можно развести по разным партиям. Так и произошло, к примеру, в Италии, где в середине 50-х годов правое крыло социалистической партии отделилось от нее и образовало самостоятельную социал-демократическую партию. Так произошло в Англии в начале 80-х годов, где отделившаяся от лейбористской партии группировка также создала самостоятельную социал-демократическую партию. Постоянно подвергалась искушению социал-демократией Французская социалистическая партия, так как между левым и правым крыльями этой партии существуют довольно серьезные различия. Это относится к большинству партий демократического социализма. Поэтому неудивительно, что эти партии довольно безболезненно идут на заключение коалиций с другими партиями, даже консервативными и либеральными. Наиболее наглядный пример дает СДПГ, которая сначала в 1966 г. вступила в правительственную коалицию с ХДС/ХСС, а с 1969 по 1982 гг.- со Свободной демократической партией Германии. В подобные же коалиций систематически входят социалистические и социал-демократические партии Бельгии, Австралии, Австрии, Италии, Финляндии, Дании, Португалии и т.д. Как отмечает профессор политической науки университета Инсбрука (Австрия) А.Пелинка, в политике союзов и коалиций социал-демократических партий прослеживаются четыре принципиальных варианта:

-*британский,* в принципе исключающий какие бы то ни было союзы, допуская их лишь в исключительных случаях, например в условиях войны;

-*скандинавский,* признающий равноценность союзов как с левыми, так и с правыми силами;

-*среднеевропейский* (Нидерланды, Бельгия, ФРГ, Швейцария, Австрия), допускающий блокирование только с консерваторами и либералами и исключающий союз с коммунистами;

-*южноевропейский,* предусматривающий союз с любыми партиями. Наиболее показательный пример правительственный блок социалистов и коммунистов во Франции в начале 80-х годов.

Сейчас на исходе XX в. весьма трудно провести сколько-нибудь четкие различия между социал-демократическими партиями и партиями других идейно-политических ориентации. Дело в том, что многие принципы, установки, ценности, нормы политической демократии, которые раньше были полем ожесточенной борьбы между ними, стали их общим достоянием. Но все же дискуссионным, спорным остается вопрос о пределах демократии. Консерваторы и либералы настаивают на том, что демократия представляет собой сугубо политический феномен и поэтому не должна распространяться на другие сферы, в частности экономическую. Социал-демократы же, наоборот, придерживаются той позиции, что демократия, свобода, равенство - величины субстанциональные и поэтому не должны быть ограничены политической сферой. Речь, таким образом, в обоих случаях идет не о самой демократии, а о сферах и пределах ее распространения.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какое место занимает социал-демократия в идейно-политическом спектре современного мира?
2. Каковы идейные истоки социал-демократии?
3. Что понимается под социал-демократизмом?
4. Назовите основные модели современной социал-демократии.
5. Перечислите особенности социал-демократии послевоенного периода.
6. Каков вклад социал-демократии в формирование государства благосостояния?
7. В чем отличие демократического социализма от "реального социализма"?
8. В чем отличие социал-демократизма от либерализма и консерватизма?
9. Каковы особенности эволюции социал-демократии в последние полтора-два десятилетия?

Глава 16 Политическая культура

Несмотря на очевидную значимость политической культуры для понимания мира политического, в нашей обществоведческой литературе она еще не получила должного освещения. В настоящее время существует самый широкий спектр мнений и позиций в трактовке понятия "политическая культура". Нередко ее отождествляют с образовательным и культурным уровнем человека, его способностью соответствующим образом вести себя на публике, умением четко и ясно излагать свои политические позиции и т.д. Иногда можно услышать, что у такого-то нет политической культуры, у другого высокий или низкий уровень политической культуры. Некоторые полагают, что политическая культура может быть только у образованных людей, а у людей с низким уровнем образования ее нет.

Ее часто путают с политической системой и политическим поведением. В настоящее время определений политической культуры насчитывается несколько десятков. Это объяснимо, если учесть сложность и многовариантность проблемы, невозможность ее сведения к какому-либо четко очерченному, раз и навсегда установившемуся феномену. Что же такое политическая культура? Попытаемся ответить на этот вопрос.

16.1. Возникновение концепции политической культуры

Первая попытка сформулировать концепцию политической культуры была предпринята в статье известного американского политолога Г.Алмонда "Сравнительные политические системы" [86]. Дальнейшую разработку эта концепция получила в книге Г.Алмонда и С.Вербы "Гражданская культура" (или "Культура гражданственности") [84]. Важным этапом в формировании и утверждении концепции политической культуры стало появление книги "Политическая культура и политическое развитие", в которой была предпринята попытка определения и сравнения политических культур 13 стран [142].

Во второй половине 60-х - 70-е годы концепция политической культуры была взята на вооружение такими известными американскими социологами и политологами, как В.Ки, Р.Маркрис, В.Нойман, Д.Марвик и др. Возникнув в США, в последующем эта концепция получила популярность и в других странах, а затем стала одним из важнейших инструментов исследования политических процессов и явлений. К настоящему времени появилось множество работ, посвященных различным аспектам политической культуры отдельных стран и регионов.

Оценивая значение разработки рассматриваемого подхода, нельзя представлять дело таким образом, что в политологических исследованиях предшествующего периода полностью игнорировались те аспекты, приемы, идеи, которые легли в основу концепции политической культуры. У английского политолога Д.Кэвенега, по-видимому, были основания утверждать, что политическая культура - это новый термин для старой идеи. И действительно, в политических исследованиях осознанно или неосознанно использовались элементы культуры и духа, умонастроения, ценности и т.д., оказывающие влияние на формирование поведения людей в политической сфере. Например, уже Аристотель говорил о состоянии умов, которое могло повлиять на стабильность общества или его изменение; А. де Токвиль подчеркивал значение политических ценностей и настроений в обеспечении стабильности или изменения общества; М.Вебер придавал важное значение религии и ценностям в формировании и функционировании политических структур.

Заслуга сторонников политико-культурного подхода состояла в том, что они предприняли попытку поставить в центр политологических исследований человека с его заботами, интересами, эмоциями, стереотипами, мифами. При этом они исходили из того, что выявление средств и механизмов достижения политической стабильности и общественно-политического развития должно включать не только изучение различных форм правления и конституционно-правовых систем и норм, но и анализ глубинных эмоциональных и социально-психологических связей между членами политических общностей и формами правления, а также выявление связей, содействующих и, наоборот, препятствующих национальному развитию и достижению общественной стабильности. Предпосылки для массового изучения этих связей были созданы так называемой бихевиористской революцией, развернувшейся в политической науке США в 50-е годы. Если традиционная политическая наука ограничивалась изучением формальной Институциональной структуры государства, то введение бихевиористских методов в политическую науку открыло возможности для исследования более широкого спектра общественных отношений и их связей с государством. В политическую науку были внесены заимствованные из естественных наук модели и методы исследований. Заслуга бихевиористов состояла в том, что они пытались не только использовать эти модели и методы для выявления количественных параметров социальных и политических феноменов, но и смотреть на эти феномены с позиции индивидуального избирателя или участника политического процесса. Бихевиоризм имплицитно включал в себя постулат о том, что если раскрыть мотивы, намерения отдельных индивидов в политическом процессе, то можно правильно понять и политическую систему в целом, в которой они действуют.

Для выполнения этой задачи были установлены тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками (культурной антропологией, психологии, социологией, историей). Политическая наука оказалась на перекрестке "междисциплинарного" движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

Важное значение в возникновении после второй мировой войны политико-культурного подхода имело проникновение в политическую науку различных концепций культуры и культурной антропологии. В данном отношении предшественниками концепции политической культуры можно считать известных антропологов и культурологов К.Клакхона, А.Кребера, Б.Малиновского и др. Все чаще стали предприниматься попытки рассматривать политические феномены в культурных, социокультурных и социально-психологических терминах.

В целом политико-культурный подход представляет собой попытку преодолеть формально-юридический подход к политике. Как считали Г.Алмонд и другие политологи, традиционный подход к политике в терминах исследования государственно-правовых институтов не позволяет определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в разных странах или же почему те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемыми для других стран. Они ставили своей целью разработать комплексный подход, базирующийся на органическом соединении эмпирического и теоретического, микро- и макроуровневого аспектов исследования. С этой точки зрения политико-культурный подход представляет собой попытку интегрировать социологию, культурантропологию, социальную психологию в единую политологическую дисциплину. Он призван соединить исследование формальных и неформальных компонентов политических систем с анализом национальной политической психологии, политической идеологии и т.д.

16.2. Что такое политическое сознание?

При любой попытке вычленения политической культуры, анализа ее основных параметров и составляющих, определения места и роли в подсистеме политического неизменно встает вопрос о ее соотношении с общественным сознанием вообще и политическим сознанием в частности. Без надлежащего выяснения этого вопроса адекватный анализ политической культуры как самостоятельного феномена, играющего свою роль в обществе, представляется, пожалуй, невозможным. Дело в том, что при обилии литературы по данной теме вопрос о политическом сознании остается одним из наименее выясненных. Часто, говоря о политическом сознании, подразумевают общественное сознание вообще, либо политическую идеологию, либо то или иное идейно-политическое течение. Нередко говорят о политической культуре, но имеют в виду то, что традиционно рассматривается как политическое сознание. Поэтому, прежде чем приступить к анализу собственно политической культуры, необходимо разобраться, как она соотносится с традиционными в нашей литературе понятиями "общественное сознание" и "политическое сознание".

Не вдаваясь в детали данной проблемы, отметим, что политическое сознание обычно рассматривается как одна из множества форм общественного сознания. Если согласиться с этим, то нельзя не признать, что сердцевину политического сознания составляют установки, ориентации, ценности, стереотипы и т.д., относящиеся к политической системе, к системе власти и властных отношений, государственному управлению, политическим институтам, к таким категориям, как свобода, справедливость, равенство, демократические принципы, авторитаризм, тоталитаризм, социализм, права человека и т.д.

Содержание и смысл общественного сознания раскрываются через деятельность людей, их отношение к окружающему миру. При этом обнаруживается, что устойчивые образования - мотивы, оценки, потребности, интересы, социальные ожидания и притязания - относятся прежде всего к социокультурной и политико-культурной сферам. Их можно отнести и к политическому сознанию, разумеется, если возникнет необходимость его вычленения как самостоятельного образования. Но все же необходимо учесть, что субъективный мир политического помимо установок, ориентации, ценностей и т.д., относящихся к миру политики и включаемых, как правило, в политическое сознание, охватывает и такие компоненты, как нормы и правила игры, поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическую символику и знаковую систему, выражаемые не только словесно, но и иными средствами и формами. Политико-культурный под. ход как раз призван учитывать эти моменты.

Понятия "духовная жизнь общества" и "общественное сознание" часто использовались как синонимы. Так, в "Философской энциклопедии", в частности, говорится [71, с. 43]:

При социологическом подходе сознание рассматривается прежде всего как духовная жизнь общества в совокупности всех ее форм (наука, философия, искусство, нравственность, религия, правосознание, социальная психология).

Однако духовная жизнь общества значительно шире общественного сознания. Показывая методологическую несостоятельность сведения духовной жизни к функционирующему общественному сознанию, А.К.Уледов с полным основанием писал [68, с. 21]:

Духовная жизнь (как и политическая, семейно-бытовая и т. п.) -это жизнь людей, связанная с удовлетворением их духовных потребностей, с производством сознания, являющимся одним из важнейших видов общественного производства, с духовным общением и т.д., т.е. она отнюдь не сводится к функционирующему общественному сознанию. Идеи, взгляды, представления и другие духовные образования, взятые в их движении, изменении и развитии, составляют лишь одну из сторон духовной жизни.

Что именно в живописи, музыке, танцевальном искусстве и т.д. относится к сознанию, а что к духовной жизни, духовному производству или духовной культуре? Ответ на этот вопрос не дают работы, посвященные искусству как форме общественного сознания. Здесь можно найти лишь пространные рассуждения о гносеологических факторах возникновения и в лучшем случае исторический обзор возникновения и эволюции искусства как особого общественного феномена, составляющего один из краеугольных компонентов духовной культуры. Любые формулировки,

определяющие искусство как форму общественного сознания и способ духовно-практического освоения мира, должны в то же время отражать тот факт, что в обоих своих качествах оно прежде всего является органической составляющей духовной культуры. А сознание, равно как и язык, символика, музыкальные или иные формы, представляет собой средство воспроизводства, творения, дознания и трансмиссии искусства.

Что касается морали, морального или нравственного, то, с одной стороны, это сфера духовного и волевого вообще, противостоящая телесно-материальному, физическому, а с другой - сфера человеческого поведения, нравов, обычаев и т.д. Мораль включает всю совокупность нравственных отношений, нравственную деятельность, регулирующие их нравственные нормы, традиции, обычаи и т.д. Нормы можно определить как исторически сложившиеся в данной социокультурной среде стандарты деятельности и поведения людей, посредством которых они подчиняются определенному социальному целому.

Тесно связанный с нравственными нормами обычай - это древнейшая форма хранения и трансмиссии социокультурного опыта от поколения к поколению и играет немаловажную роль в жизнедеятельности людей. В отличие от предметной стороны социальной культуры - орудий труда, продуктов материального и духовного производства - обычай представляет собой элемент деятельной ее стороны, которая включает нормы общественно-политической жизни, нормы взаимоотношений между людьми, общепризнанные нормы поведения людей, легитимизировавшиеся силой массовой привычки, традиции и общественного мнения.

Из сказанного можно сделать вывод, что все названные и другие основополагающие феномены и категории адекватно можно понять лишь в том случае, если рассматривать их как компоненты не только и не столько общественного сознания, сколько культуры, общей для данной нации или другой социально-исторической общности. Сознание, в том числе и общественное в различных его проявлениях,- это одновременно и процесс, и результат познания и освоения действительности. А что же такое "культура"? На этот вопрос ответить далеко не просто. Еще в 1952 г. известные культурантропологи К.Клакхон и А.Кребер выявили и проанализировали 167 определений культуры. С тех пор их количество увеличилось.

В различных определениях в разных сочетаниях используются выражения типа: "жизненные установки", "типы или формы поведения", "типы ориентации" и т.д. Говорят также, что культура детерминирует, определяет, обусловливает, регулирует, оказывает влияние и т.д. Здесь важно понять, что культура представляет собой инфраструктуру, социально-историческую среду обитания, жизнедеятельности и воспроизводства человека. В ней человек ищет свое отражение, в ней он идентифицирует себя с себе подобными и, собственно говоря, узнает себя. Будучи формой бытия человека, культура в равной мере относится и к существованию человека. Можно сказать, что культура - базис суверенного бытия людей. А.Я.Гуревич пишет [25, с. 11]:

Мир культуры образует в данном обществе в данную историческуюэпоху некую глобальность - это как бы гот воздух, которым дышатчлены общества, та невидимая всеобъемлющая среда, в которую онипогружены.

В нашем контексте национальная культура составляет для ее носителей объективную реальность. Но эта объективность имеет субъективное происхождение, поскольку, хотя культура и пред шествует человеку, человек есть и всегда остается актуальным началом культуры. Будучи выражением коллективного Я определенного сообщества людей, культура включат в себя образ жизни народа, структуру и уровень материальных и духовных интересов и потребностей людей, уровень образования и состояние просвещения, системы нравственных норм поведения и т.д.

При таком понимании очевидно, что общественное сознание является интегрирующим компонентом социокультурной системы, что она составляет основополагающую ткань духовной культуры, обеспечивающей ее воспроизводство и трансмиссию от поколения к поколению. По аналогии можно сказать, что политическое сознание, выделенное в качестве самостоятельной категории, функционирует и самовоспроизводится в определенной политико-культурной среде. Вместе с тем оно есть и условие, и одновременно средство воспроизводства политической культуры.

16.3. Политическая социализация

Человек как член конкретного общества проходит процесс социализации не только в социокультурной, но и политико-культурной среде. Еще в 430 г. до н.э. Перикл утверждал: "Лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все". Это действительно так, потому что мир политического в тех или иных форме и степени затрагивает всех и каждого члена общества. Поэтому люди должны иметь хотя бы самые общие представления о мире политического и механизмах его функционирования, о том, в чьих руках находятся бразды правления страной, регионом, городом, кто принимает решения, кто несет ответственность за их выполнение и т.д. Осваивая и интегрируя в себя господствующую в данном обществе политическую культуру, отдельный человек включается в многогранный и динамический процесс властных отношении, совершает акт самовоспроизводства себя как политико-культурного существа.

В этом смысле можно говорить о политической социализации людей. В целом под политической социализацией понимается процесс интегрирования и освоения отдельным человеком как членом определенного общества и гражданином государства основных элементов соответствующей политической культуры. В этом процессе принимают участие семья, школа, вузы, общины, добровольные организации, трудовые коллективы, средства массовой информации, политические партии, государственные учреждения и т.д.

Можно говорить об узком и широком понимании политической социализации. В узком понимании - это сознательное и целенаправленное внедрение политических ценностей, убеждений, навыков. Данную задачу выполняют в основном официальные и полуофициальные учреждения, институты, организации. Их цель - создание благоприятных условий для принятия людьми господствующего социального порядка и его ценностей, общей картины мира, адаптации к ее экономическим, политическим, военным потребностям и неприятия альтернативных социальных порядков. Школы и другие учебные заведения функционируют как агенты господствующих социальных, экономических и политических сил. Они отражают институты и социальные отношения общества, выполняя функции воспроизводства и усиления социальных отношений, включая производство и потребление, их передачу от поколения к поколению.

В широком смысле политическая социализация - это вся система политического обучения - как формального, так и неформального, целенаправленного и непредусмотренного - на всех этапах жизненного цикла человека, включая не только сугубо политическое, но и неполитическое обучение, которое сказывается на политическом поведении и политических установках.

Среди политологов распространено мнение, что знания о мире политического у людей начинают формироваться уже в детском возрасте. Но согласно позиции известного швейцарского детского психолога Ж.Пиаже, дети до одиннадцатилетнего возраста не обладают концептуальными навыками (или способностью к логическим, абстрактным рассуждениям) каким-то образом связывать свое положение с политическими феноменами, они вообще не думают о политике. В этом плане для детей характерен эгоцентризм, и их рассуждения не выходят за пределы непосредственного, конкретного, личного. Действительно, относительно политических реальностей, государства и властных отношений у детей младшего школьного возраста прослеживаются весьма смутные и путаные представления об основах политической власти и путях ее завоевания взрослыми, о механизмах формирования политики правительства, участниках политического процесса и т.д.

Но тем не менее, по данным многих исследований, уже в этом возрасте дети получают определенные знания о политических реальностях и по-своему осваивают их с помощью персонификации этих реальностей. В частности, они узнают о существовании например, властных отношений, сталкиваясь с местным полицейским, получая информацию из средств массовой информации и разговоров окружающих и родителей о короле, президенте, премьер-министре, губернаторе и т.д. Результаты исследований свидетельствуют, что, например, в Великобритании и США к двенадцати годам 2/3 детей имеют более или менее четко высказываемые установки, симпатии, антипатии в отношении отдельных политических деятелей и партий. Но они еще носят поверхностный характер и во многом являются отражением позиций родителей, родственников, соседей. При этом выбор ими политической партии редко сказывается на базовых приверженностях стране, политической системе, законопослушности, национальным символам и ритуалам. Дети еще не имеют представления о том, чем партии отличаются друг от друга. Для них партии практически не имеют идеологического значения. Зачастую партии отождествляются с известными кандидатами, политическими и государственными деятелями. Но уже в возрасте 8-9 лет дети высказывают растущую тенденцию приписывать большие достоинства "своей" партии и ее деятелям.

Как показывает Б.Стейси, для детей выборы - весьма важные события. По мере взросления они начинают рассматривать голосование как центральную характеристику системы управления. Можно сказать, что ранние партийные симпатии детей кристаллизуются в периоды избирательных кампаний, в атмосфере возрастающего их освещения в средствах массовой информации, политических дискуссий дома, среди соседей, сверстников и т.д. Поэтому не удивительно, что большинство детей, как правило, проявляет чувства патриотизма и лояльности к правительству и политическим деятелям страны, а это создает предпосылки для формирования в зрелом возрасте лояльности по отношению к существующей системе. В целом каждый член общества в процессе социализации и взросления формируется как социально-культурное существо, и в этом качестве он усваивает и интегрирует в себя политическую культуру или отдельные ее компоненты. С этой точки зрения каждый человек является носителем политической культуры в той мере, в какой он социализируется в условиях данной конкретной социальной общности, и в данном контексте политическая культура составляет интегральную часть социокультурной системы.

Следует отметить, что политическая социализация отнюдь не завершается по достижении человеком зрелого возраста. Этот процесс по сути дела бесконечен и продолжается в течение всей его жизни. Особенно глубоким изменениям политическая культура подвергается в периоды войн и кризисов, экстремальных и аномальных явлений в жизни стран и народов, каковыми можно считать восхождение и господство в соответствующих странах фашизма, нацизма и большевизма, а также в

периоды глубоких трансформаций, подобных тем, которые после краха тоталитаризма в настоящее время переживаем мы на всем пространстве бывшего СССР и бывшего социалистического содружества.

16.4. Составные элементы политической культуры

Политическая культура - это система отношений и одновременно процесс производства и воспроизводства составляющих его элементов в ряде сменяющих друг друга поколений. Это динамическая, развивающаяся, постоянно обогащающаяся историей в своем содержании и формах система, чутко реагирующая на изменения в реалиях окружающего мира, будь то промышленная, научно-техническая, компьютерная, информационная или иная революция.

Особенность политической культуры состоит в том, что она неразрывно связана с человеческой субъективностью и представляет собой своего рода "субъективный объект". В узком понимании она составляет не политику или политический процесс в их реальном воплощении, а комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, политического, законах и правилах их функционирования. Обычно в политической сфере значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте они подаются и т.д. Формы их реализации, принятие или неприятие подавляющим большинством населения во многом обусловливаются основными характеристиками политической культуры.

Политическая культура включает в себя те элементы и феномены общественного сознания и в более широком плане духовной культуры, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению широких масс населения в частности. Политическая культура составляет в некотором роде этос, или дух, который одушевляет формальные политические институты. Вслед за Г.Алмондом и С.Вербой вполне обоснованно можно сказать: "Мы говорим о политической культуре точно так же, как мы можем говорить об экономической культуре или религиозной культуре".

Подобно тому, как культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и правила игры в политической сфере. Политическая культура дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, а коллективу - "систематическую структуру ценностей и рациональных доводов", обеспечивая единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая целостность и интегрированность политической сфере так же, как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом. Основополагающие ценности политической культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения преемственности в любой общественно-политической системе, поскольку их задача состоит в формировании приверженностей данной системе. Нормы служат цели интегрирования социальных систем. Они включают в себя не только ценностные компоненты, но и особые формы ориентации людей в определенных функциональных и ситуационных условиях.

Политическую культуру можно правильно понять лишь в том случае, если рассматривать ее как часть общенациональной культуры. Соглашаясь с К.Гиртцем в том, что культура - это некая структура определенной совокупности значений, с помощью которых люди формируют свой опыт, и исходя из того, что политика представляет собой одну из главных публичных сфер, в которых раскрываются эти значения, можно выделить значения, имеющие отношение к миру политики. Значения, составляющие политическую культуру, тесно связаны с общенациональной культурой, социокультурными, национально-историческими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаямн, стереотипами, мифами, установками и т.д. Фундаментальные компоненты национальной культуры оказывают большое влияние на формирование системы политических убеждений и политической культуры в целом.

В качестве составных элементов политическая культура включает в себя формировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами и т.д. Она включает определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших "правил игры", принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства. Эти компоненты, обусловленные социально-экономическими, национально-культурными, общественно-историческими и другими долговременными факторами, характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством, медленно поддаются изменениям в процессе глубоких сдвигов в общественном бытии.

Политическую культуру можно определить как ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества. Политическая культура, как отмечает американский политолог Д.Дивайн, это "историческая система широко распространенных, фундаментальных поведенческих политических ценностей", которых придерживаются члены данной общественно-политической системы. Она охватывает как политические идеи, ценности, установки, так и действующие нормы политической практики и предполагает изучение таких категорий, как политическая идеология, легитимность, суверенитет, правление закона и т.д. Политическая культура в определенном смысле предоставляет некие рамки, в пределах которых члены общества принимают законность существующей формы правления, чувствуют себя политически дееспособными, выражают согласие с действующими правилами игры. Эти рамки сами по себе также составляют важнейший компонент политической культуры.

Цементирующим элементом политической культуры следует считать политическое мировоззрение, составляющее часть общего мировоззрения отдельного человека, отдельной группы или иной социальной общности. Большое влияние на характер политических ориентации, симпатий и антипатий людей оказывают господствующая в обществе система мировоззренческих позиций и ценностно-нормативных установок, фундаментальные взгляды на человека, общество и мир в целом. Как соотносятся политическая культура и другие компоненты мира политического, прежде всего политическая система? При поисках ответа на этот вопрос необходимо исходить из то. го, что политические институты, будучи творениями культуры народа оказывают значительное влияние на содержание и проявление культуры. Между политическим поведением и политической культурой существует тесная связь. Более того, политическая культура реализуется через политическое поведение.

Хотя политическая система и политическая культура составляют самостоятельные подсистемы мира политического, тем не менее провести между ними линию разграничения весьма труд. но. Они взаимно влияют друг на друга, переплетаются и не могут существовать друг без друга. Например, либерально-демократическая система характеризуется социальный плюрализм, т.е. наличием в обществе множества социальных групп и слоев, организаций, объединений, заинтересованных групп, религиозных, профессиональных, молодежных и иных ассоциаций, клубов, отстаивающих свои интересы во взаимных конфликтах и сотрудничестве друг с другом. Политический плюрализм проявляется в наличии множества партий и институтов, в существовании разных идейно-политических ориентации, установок, идеологических течений и направлений и т.д. Причем социальный плюрализм поддерживает и стимулирует политический плюрализм и наоборот.

Правильно понять эти проблемы можно лишь в том случае, если рассматривать политическую культуру не как основной детерминирующий фактор партийно-политических отношений и процессов, а как опосредующее звено между социально-экономическими интересами, базовыми потребностями, социальным статусом, морально-этическими нормами и т.д. отдельного человека, социальных групп, классов, вовлеченных в политический процесс, с одной стороны, и их политическим поведением - с другой. Воздействие на практические дела не означает их детерминацию. Иначе говоря, политическая культура способствует формированию определенных типов политического поведения, она придает ему определенную направленность в тенденции, но не является детерминирующим фактором в последней инстанции. Дело в том, что решение избирателей голосовать за ту или иную партию или конкретного кандидата зависит от множества факторов, среди которых социальная структура и политическая система, состояние экономики, просто конъюнктурные факторы, сиюминутные внуТ' ри- и внешнеэкономические и внешнеполитические условия и т.д. Часто общность быта и уклада жизни, непосредственность впечатлений сами по себе могут служить факторами стандартизации дознания, формирования разного рода иллюзий, типологически родственных представлений.

Одним из важнейших факторов формирования, утверждения и жизнеспособности политической культуры является легитимность существующей системы и действующего в каждый данный период политического режима. Лорд Брайс говорил, что даже Римская империя основывалась не столько на силе, сколько на согласии и доброй воле ее подданных. Более того, в системе ценностей, ориентации, установок, стереотипов, составляющих политическую культуру, центральное место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению политической системы. Количество позитивных ценностей, разделяемых всеми членами общества, определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.

Вместе с тем было бы неправомерно рассматривать политическую культуру как систему только широко разделяемых в обществе ценностей, убеждений и символов, ограничивать ее лишь позитивными установками по отношению к существующей политической системе, как это делает ряд политологов, игнорируя политические убеждения, установки и ценности, присущие тем или иным социальным группам, выступающим за изменение существующей ситуации. Часто сам факт, что они не разделяются большинством членов общества, может служить важным показателем сущности и тенденций развития политической культуры и политической системы в целом. Поэтому важное значение имеет также выявление расхождений в политических убеждениях различных групп в рамках

каждой политической системы. В противном случае совершенно невозможно было бы объяснить такие важнейшие явления, как левый и правый варианты радикализма, которые выступали и в наши дни продолжают выступать за изменение существующего там положения.
Человеческая деятельность, требующая совместных коллективных усилий, предполагает соответствующую организацию и Координацию этих усилий как на индивидуальном уровне, так и в масштабах всего общества. Г.Алмонд и С.Верба показали, что Межличностное доверие является необходимым условием формирования вторичных ассоциаций, которые в любой демократической системе имеют важное значение для эффективного политического участия, и условием формирования демократических правил игры. Например, важно оценивать оппозицию как лояльную, которая в случае прихода к власти не будет преследовать своих противников и способна управлять страной, оставаясь в рамках закона. В правовом государстве жизнеспособность юридическо-правовой системы и подчинение ей подавляющего большинства населения связаны в большей степени с уважением к закону, чем страхом применения санкций. Если такое уважение потеряно, презумпции справедливости закона брошен вызов.

16.5. Политическая символика

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства индентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы. Они выступают своеобразными связующими элементами политической культуры. Символ представляет собой концентрированное зримое выражение основной идеи явления или понятия, основанное на структурном сходстве с ним. Одной из форм символа является эмблема. Выдающийся русский философ А.Ф.Лосев относил к эмблемам и государственную символику. Для того чтобы постичь заложенную в символе идею, требуется активная работа ума воспринимающего субъекта. Символ одновременно является специфическим средством общения между людьми, он помогает определять их принадлежность к конкретной социальной общности, усваивать пронизывающую эту общность центральную идею и т.д.
Символы можно изображать условно-графически (христианский крест, серп и молот, нацистская свастика и т.д.), человеческими или иными фигурами (Марианна во Франции, Джон Буль в Англии, дядя Сэм в США, медведь в России, страус в Австралии и т.д.). Такие символы, как, например, флаг страны или сигнальный свет, имеют значение не сами по себе, а лишь в качестве средства выражения связи с обществом или действиями людей. Комплексные системы типа речи, письма или математических знаков - это тоже символы, поскольку и звуки, и знаки обладают значимостью только для тех, кто умеет их "читать", расшифровывать их смысл.
На поведение людей часто гораздо более сильное влияние могут оказать не столько сами действия правительства, политических партий и деятелей, сколько господствующая в обществе система символики, ориентирующая людей на конкретный тий социальных отношений. Сами по себе символы, не связанные с реальной действительностью, с центральной идеей, господствующей в общественном сознании, не могут правильно объяснить подлинные механизмы и мотивы, которые определяют и регулируют поведение отдельных индивидов и социально-политических группировок. Общий язык символики свидетельствует о единстве политической культуры данного общества.
Как отмечал О.Шпенглер, единство всякой культуры зиждется на общем языке ее символики. Каждый народ создает и почитает собственные национально-государственные символы. Они строятся на длительной традиции, в которой важное место занимают разного рода знамена, флаги и гербы, другие символы и атрибуты государственно-политической самоидентификации. Часть символов формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности всех или большинства членов национального сообщества, а другая часть создается и целенаправленно внедряется элитами. Со времени возникновения национального государства политические лидеры создавали и использовали национальные символы для обоснования проводимого ими политического курса. Министр иностранных дел Франции Ламартин говорил в 1848 г.: "Если вы отнимете у меня трехцветный флаг... то отнимете у меня половину мощи Франции как здесь в стране, так и за границей". То же самое можно сказать применительно к большинству государств современного мира.
Одно из центральных мест среди символов занимают национальные гимны, которые представляют собой официальные патриотические символы или, как пишет К.Серулоу, "музыкальный эквивалент девиза, герба или флага страны". Гимны, подобно другим национальным символам, становятся чем-то вроде визитной карточки нации. Они - современные тотемы - знаки, с помощью которых один народ отличает себя другого или подтверждает границы своей "идентичности".
Каждая страна имеет свой государственный или национальный флаг, олицетворяющий ее независимость, суверенитет и место в мировом сообществе. Показательно, что главы государств (президенты, монархи), вступая в должность, произносят клятву верности при обязательном присутствии государственного флага. Оскорбление флага в большинстве стран рассматривается как уголовно наказуемое деяние.
Флаг в сочетании с гимном и другими атрибутами государственности во многих странах превратился в эмоциональное воплощение нации. Можно привести примеры, когда граждане одной страны,

выражая свое недовольство и протест действиями другого государства, публично сжигают флаг этого государства. Как правило, ни одна официальная церемония не обходится без государственного флага. Он водружается на зданиях резиденции главы государства и правительства. В дни официальных праздников государственный флаг вывешивается на общественных зданиях. Государственные флаги являются неизменным атрибутом при двусторонних или многосторонних переговорах между различными странами. Флаги перед зданием ООН символизируют страны входящие в эту международную организацию.

Государственный флаг каждой страны имеет собственную историю. Так, современный российский флаг в его нынешних цветах восходит к военно-морскому флагу, который впервые появился в 60-х годах XVII в. В конце XVIII в. он стал общепринятым. Так, его поднимали на ботике Петра I в 1688 г., на судах на Белом море в 1693 г., на кормах кораблей Азовского флота в 1697-1700 гг. В начале XVIII в. этот военно-морской флаг описывали так:

Флаг Его Царского Величества московского разделен натрое. Верхняя полоса белая, средняя синяя, нижняя красная. На синей полосе золотой с царской короною венчан двоеглавый орел, имеющий в средней красное клеймо с серебряным св. Георгием без змия.

В выборе цветов немаловажную роль сыграла русская национальная традиция. У русских с незапамятных времен белый цвет воспринимался как символ свободы и величия, отсюда фольклорный "белый царь". Голубой считался цветом Богоматери. Как полагают исследователи, голубые балдахины патриархов во время крестных ходов указывали на их причастность к служению Богоматери. И наконец, третий из цветов объясняется пристрастием русских к красному цвету. В этой связи обращает на себя внимание то, что царские грамоты скреплялись печатью красного воска, под красным балдахином появлялись цари перед народом.

Бело-сине-красный флаг, переданный Петром I в 1705 г. торговому флоту, стал позже государственным флагом. В XIX в. белой, синей и красной полосам придали значение единства соответственно Белой, Малой и Великой Руси. Собственно Россия - Великая Русь - получила в этом толковании красный цвет. Следует отметить, что в трехцветном флаге, или Триколоре, цвета неоднократно менялись. Но все же в народном сознании утвердилось сочетание белого, синего и красного. Интересно, что эти цвета использовались при украшении ледяных горок на масленицу и балаганов на ярмарках, они появлялись при праздновании юбилеев Петра I. Именно бело-сине-красные флаги поднимали при открытии памятника Пушкину в 1880 г. в Москве, а также на Всероссийских художественно-промышленных выставках. Показательно, что царь Александр III перед своей коронацией 7 мая 1883 г. разрешил украшать здания бело-сине-красными флагами. Вопрос о сочетании цветов российского национального или государственного флага был окончательно решен в 1896 г. Тогда особое совещание при министерстве юстиции накануне коронации Николая II постановило, что национальным, или государственным, должен "окончательно считаться бело-сине-красный цвет, и никакой другой".

Национальный бело-сине-красный флаг снова стал достоянием российского народа в 1989 г., когда он появился на несанкционированных митингах и демонстрациях в Москве и ряде других городов. По решению правительства РСФСР от 5 ноября 1990 г. о создании новой российской символики, Чрезвычайная комиссия Верховного совета РСФСР постановила 21 августа 1991 г. "считать исторический флаг России - полотнище из равновеликих горизонтальных белой, лазоревой и алой полос официальным Национальным флагом Российской Федерации". Этот флаг был утвержден Съездом народных депутатов 31 октября 1991 г. При всех трудностях, переживаемых нашей страной, трехцветному флагу суждено стать символом объединения россиян.

Наряду с флагом каждая страна в представлениях как ее граждан, так и иностранцев отождествляется с ее гербом. Часто в качестве центрального элемента гербов выступают изображения растений и их элементов (например, у Ливана - кедр, у Канады - кленовый лист и т.д.), животных (лев у Великобритании), птиц (орел у США, Германии, России и т.д.). В последних двух случаях напрашивается аналогия с миром животных и птиц: подобно тому как среди зверей царствовал лев, а среди птиц - орел, в мире людей на вершине стоит король, император, царь.

Двуглавый орел - один из древнейших символов власти, верховенства и мудрости. Изображения орла встречаются уже в Древнем Египте, на цилиндрических печатях Халдеи, датирующихся VI в. до н.э. В VII в. до н.э. двуглавый орел символизировал объединение Мидийского царства с Ассирией. В средние века золотой орел на красном поле стал одним из атрибутов Византийской империи. В XV в. черный орел на золотом фоне был гербом "Священной Римской империи немецкой нации".

Центральное место изображение орла занимает и в государственном гербе России. По данным ряда исследований, в России стремление представлять высшую власть над людьми приняло геральдическую форму в XV в. Изображение византийского золотого орла на красном фоне было заимствовано Русью после женитьбы великого московского князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог. С тех пор российский герб постоянно подвергался изменениям. В последний раз он был изменен в 1856 г. в соответствии со специально принятым по этому поводу законом. Центральное место в гербе занимал двуглавый орел, изображенный на фоне геральдического щита, который держали архангелы - Михаил и Гавриил с мечом и крестом, Каждая из

голов орла несла по короне, над которыми на некотором расстоянии возвышалась третья, значительно большая корона. Как указывалось в описании герба в законе 1856 г., на груди орла изображен

...герб московский: в червленом и золотыми краями щите святой великомученик и победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазурной приволоке на серебряном, покрытом багряной тканью с золотою бахромою коне, поражающий золотого с зелеными крыльями дракона с золотым осьмиконечным наверху копьем.

В свою очередь сам геральдический щит, увенчанный императорской короной, был изображен на фоне "сени", или мантии, соединенной с шлемом Александра Невского. Над ним возвышалась еще одна корона, а над нею хоругвь с полным повторением всех названных выше изображений. Венчал хоругвь символ православия - восьмиконечный крест. Идею государства передавала надпись: "С нами бог". Этот девиз повторялся на шлеме Александра Невского и хоругви. Далее на гербе воспроизводился ряд других эмблем и символов, призванных передать все атрибуты и нюансы титулатуры российского царя и подчеркнуть его власть над 50 различными по политическому статусу и размерам, а также экономическому, культурному, конфессиональному и т.д. положению землями Российской империи.

Как известно, эта эмблема перестала быть государственным гербом сразу после октябрьского переворота 1917 г. и установления советского режима. Только в 1993 г. был утвержден новый герб Российской Федерации, в котором воспроизведены основные атрибуты традиционного государственного герба Российской империи. В соответствующих документах этот герб описывается следующим образом:

Государственный герб Российской Федерации представляет собой золотого двуглавого орла, помещенного на красном поле. Над орлом три исторические короны Петра Великого (две малые - над головами и над ним - одна большого размера). В лапах орла - скипетр и держава. На груди орла на красном щите изображение всадника, поражающего копьем дракона

Здесь корона - символ не монархии, как это было раньше, а суверенитета. Две головы орла символизируют то, что Россия, лежащая частично в Европе, а частично в Азии, всегда обращена одновременно и на Запад, и на Восток. Шарообразность державы призвана говорить о единстве государства, скипетр же символизирует власть. Всадник, поражающий дракона,- древний символ противоборства добра, побеждающего зло.

Национально-государственные символы и идеалы более или менее тесно связаны между собой, они взаимодополняют и поддерживают друг друга. Идеал не существует сам по себе, а выражается с помощью какого-либо документа, произведения искусства, изречения и т.д. Например, первым и, пожалуй, фундаментальным символом американской нации и государственности является Декларация независимости, принятая Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. и объявившая о разрыве традиционных связей тринадцати колоний с Британской империей и создании независимого государства - Соединенных Штатов Америки.

Большинство американцев рассматривает Конституцию как своего рода священный документ. Некоторые политологи приводят аналогию между ней и Библией, называя их теологическими документами, поскольку в глазах американцев Конституция, как и Библия, священна.

Выразителями национального духа, факторами, способствующими формированию национального самосознания, и в то же время воплощением лица страны могут выступать те или иные города. Так, когда речь идет о вопросах и проблемах политического характера, под Вашингтоном, как правило, подразумевают Америку вообще или же правительство США, подобно тому как при упоминании Москвы, Лондона, Парижа имеют в виду соответственно Россию, Великобританию, Францию.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что та или иная совокупность национально-государственных и политических символов характерна для большинства стран и соответствующих политических культур.

16.6. Религиозный аспект политической культуры

Немаловажную роль в формировании и функционировании политических культур играет религия. Многие идеи, ценности, установки, связанные с религией, составной частью включаются в политическую культуру той или иной нации, страны, народа. Это объясняется тем, что религия, будучи частью национальной и исторической традиций народа, пронизывает его культурное наследие и соответственно не может не отразиться и на характере его политической культуры.

Нередко формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену обосновывается ссылками на некое божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно к тем ее местам, где говорится, что бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один, наделяя его своей благодатью. Другим народам и странам в этом мире отводится лишь роль фона, на котором разворачивается история этого, богоизбранного народа. История дает много примеров, свидетельствующих о том, что идея величия и богоизбранности была присуща чуть ли не каждому великому народу, особенно в период его восхождения.

Представим это на примере русского и американского народов. Так, автор "Сказания о князьях Владимирских", рассказав о преемственности мировых монархий древнейших царств до Римской империи, выводил основы современной ему власти от римского императора Августа. Согласно этому Сказанию, Русь является законной наследницей всех древних мировых монархий, а Рюрик, положивший начало династии Рюриков, правивших Русью до восхождения на престол династии Романовых, ведет свой род от римских императоров. Постепенно сформировалась идея Москвы как третьего Рима - наследницы Рима и Константинополя, столицы Восточной Римской империи.

Показательно, что наряду с символами самодержавия и народности в формировании и укреплении русского государства, а также завоевании им новых земель, стран и народов важную роль сыграла православная церковь. Она давала русским духовную опору, чтобы противостоять мусульманскому Востоку и католическому Западу, которые на разных исторических этапах представляли угрозу их религиозному и государственному существованию. Хотя принципы веры и не преобладали в ущерб политическим, религия часто использовалась для обоснования власти и притязаний сначала русских князей, а затем и московских царей.

Как будет показано в гл. 17, эти установки нашли свое воплощение в грандиозной концепции, рассматривавшей Москву как "новый Вечный город, наследницу Рима и Константинополя".

Идея величия и богоизбранности собственного народа была характерна и для американцев. В США с самого начала формирования американского национального сознания важнейшим его компонентом стало убеждение об особом пути развития Америки и ее роли в мировой истории. Казалось, что сама природа и мировоззрение эпохи предназначили английские колонии в Северной Америке для "великого эксперимента". Подобно более ранним утопиям, в воображении европейцев XVII-XVIII вв. Америка представлялась сказочным островом, отделенным от остального мира морями и океанами. Исторические и духовные вожди колоний, а затем независимого американского государства представляли дело таким образом, что американцы с самого начала преследовали ясную и осознанную цель претворить в жизнь идею божественного провидения - построить божественный "град на холме" - на американской земле. В конечном счете была сформулирована религиозная философия истории и прогресса, согласно которой Америка представляет собой высший этап развития человечества и последнюю лучшую надежду всех людей. Характерно, что, обосновывая исключительное место Америки в мировой истории, автор Декларации независимости США, третий президент Америки Т. Джефферсон, в 1785 г. предлагал изобразить на государственном гербе страны взятый из Библии образ сынов Израиля, идущих за лучом солнца. Почти все основатели Америки были глубоко убеждены в том, что ей уготована особая судьба, особая божественная миссия.

Приверженность американцев этой идее стала основой американского национального сознания и даже основой американской "имперской" идеологии. Уже в середине XIX в. попытки обосновать и практически реализовать идею о превосходстве и избранности Америки, ее миссии руководить миром были предприняты в так называемой доктрине предопределения судьбы или явного предначертания. В эту доктрину вошли популярные среди многих поколений американцев мифы о превосходстве и богоизбранности Америки. Ее сущность состоит в утверждении, будто судьба американского народа с самого начала предопределена самим богом и ему суждено стать образцом подражания для всех остальных народов земного шара. Следует отметить, что важнейшие положения этой доктрины на различных этапах истории использовались правящими кругами США для обоснования своей внешнеполитической стратегии.

Многие исследователи прямо связывают с религией республиканские и демократические институты Америки. Как утверждал еще известный французский общественный деятель и историк А. де Токвиль, истинной школой республиканских добродетелей в Америке была церковь. По его словам, религия представляла собой первый из американских политических институтов. Она была республиканской и демократической религией, которая Не только включала республиканские ценности, но и давала первые уроки относительно того, как участвовать в общественной ни. Токвипь говорил, что нравы в большей степени, чем законы или физические обстоятельства, способствовали успеху американской демократии, а нравы коренятся в религии.

Следует отметить, что в той или иной форме подобная "божественная идея" прошла через историю почти всех существующих на земле народов и способствовала их консолидации в самые трудные для них времена.

Обращает на себя внимание тот факт, что религиозный и социокультурный традиционализм часто идут рука об руку с социально-философским и идейно-политическим консерватизмом. Религия всегда служила источником традиционных ценностей, будучи тесно связанной с культурной традицией как часть образа жизни в целом. Когда привычный образ жизни подвергается опасности, религиозные и моральные компоненты оказываются опорными пунктами его защиты. Поэтому вполне объяснима наблюдающаяся у отдельных категорий населения склонность сетовать в определенных ситуациях на упадок таких традиционных ценностей, как закон и порядок, дисциплина, сдержанность, консенсус, патриотизм.

Конфессиональный фактор часто преобладал в прошлом, а в некоторых странах и в настоящее время над социально-классовыми приверженностями. Именно влияние клерикализма и конфессионализма на общественное сознание и соответственно на политическую культуру обусловило возникновение во многих странах Западной Европы клерикальных партий разных ориентации, роль и значение которых нельзя оценить однозначно.

Были и есть консервативные и даже реакционные конфессиональные партии и организации, но были и есть такие, которые выступали с позиций социального реформизма (например, социальное христианство). В наши дни христианская окраска помогла ХДС в ФРГ, ХДП в Италии и аналогичным партиям в других странах привлечь на свою сторону многих верующих. Наряду с консервативными в этих партиях есть и центристские, и либеральные фракции, выступающие за реформы (например, так называемые социальные комитеты в ХДС).

Часто религиозные ценности и понятия, особенно в условиях эрозии или догматизации осевой идеи, или осевого идеала, лежащего в основе той или иной цивилизации, оказывают на значительные категории людей облагораживающее воздействие. Они удерживают их от отчаяния и безысходности, оставляя приверженцами таких заповедей, как "не убий", "не укради", "возлюби ближнего своего" и т.д.

В периоды социально-политических неурядиц и потрясений, в смутные времена, когда нарушается привычный, устоявшийся образ жизни, многие люди находят утешение и убежище в религии. Наглядный пример этого - наша страна, где в настоящее время наблюдается всплеск интереса к религиозной вере, рост религиозного сознания, открываются воскресные церковные шкоды и т.д. Поэтому при изучении политической культуры нельзя игнорировать религиозное начало, являющееся важным фактором политической социализации.

16.7. Типологизация политической культуры

Простая констатация факта существования того или иного комплекса элементов, которые можно было бы объединить в категорию политической культуры, сама по себе не снимает вопрос, как эти элементы реализуются в конкретном политическом процессе, в поведении различных групп и слоев населения. Дело в том, что одни и те же политические установки, ценностно-нормативные ориентации и идейно-политические принципы у разных людей и социальных групп в конкретном политическом поведении проявляются по-разному. Поэтому в каждой политической культуре можно выделить совокупность черт и характеристик, которые придают ей определенный колорит, некоторую специфику. В рамках единой политической культуры выделяются отдельные субкультуры, в которых в той или иной концентрации преобладают конфессиональные, этнические, региональные или другие начала.

Это особенно важно учесть при оценке и характеристике политической культуры разных стран и народов. Необходимо исходить из факта существования многих региональных и национальных вариаций политической культуры. Скажем, нельзя говорить о единой модели политической культуры для Европы и Ближнего Востока, западного полушария и дальневосточного региона и т.д.

Каждой политической системе соответствует особая, собственная базисная модель (или модели) политической культуры, которая в каждой конкретной стране проявляется в специфически национальных формах. Как правило, важнейшие элементы каждой базовой модели характеризуются универсальностью и определяются общемировоззренческими установками и ориентациями людей независимо от их национально-государственной Принадлежности. В этом качестве в обобщенной, абстрагированной форме они составляют системообразующие компоненты политической культуры и разделяются большинством населения соответствующих стран.

Эти универсалистские компоненты в каждой отдельной стране проявляются в специфически национальных формах, что естественно, поскольку в формировании национального самосознания, самой национальной идентичности участвуют как универсалистские, так и сугубо национально-культурные элементы. Общественно-исторические, национально-культурные, географические, религиозные и иные особенности формирования и эволюции каждой нации и национального самосознания наложили глубокий отпечаток на содержание и форму ее политической культуры.

Все это предполагает необходимость выделения соответствующих моделей политической культуры. Уже авторы, впервые обратившиеся к данной проблематике, предложили собственные типологизации политических культур. Так, Г.Алмонд выделил гомогенный, фрагментированный, смешанный и тоталитарный типы.

По его мнению, в англосаксонских странах (США, Великобритании, ряде стран Британского содружества) господствует секулярная, *гомогенная* политическая культура. Она секулярна в том смысле, что для нее характерны сосуществование множества конкурирующих, но дополняющих друг друга ценностей, установок, ориентации, рациональный расчет при принятии решений и разрешении споров и конфликтов, индивидуализм, экспериментаторство и т.д. В то же время она гомогенна в том смысле, что подавляющее большинство субъектов политического процесса разделяет основополагающие принципы устройства существующей политической системы, общепринятые нормы и правила игры, ценности. Ролевые структуры - политические партии, заинтересованные

группы, средства массовой информации - пользуются значительной самостоятельностью. Отдельные индивиды принадлежат одновременно к множеству взаимно пересекающихся групп. В итоге признается законность всех интересов и позиций, между ними превалирует взаимная терпимость, что создает условия для прочного консенсуса и прагматического политического курса.

Политическая культура континентальных европейских стран также секулярна, но в то же время, как подчеркивал Алмонд, она *фрагментирована.* Во фрагментированной политической культуре среди различных группировок нет необходимого согласия относительно основополагающих правил политической игры. Общество разделено, или фрагментировано, на множество субкультур со своими ценностями, поведенческими нормами и стереотипами, часто не совместимыми друг с другом. В качестве наиболее характерного примера Алмонд приводит Францию в период Третьей и Четвертой республик и Италию, политическая культура которых была фрагментирована на противоборствующие субкультуры, укорененные в разных институтах. Групповые лояльности усиливали друг друга. Например, католики голосовали за партии католической ориентации, входили в католические профсоюзы, читали католические газеты и даже выбирали близких друзей среди католиков. Подобным же образом организовывали и ограничивали свои связи коммунисты. Способность заинтересованных групп, партий и средств массовой информации переводить потребности и требования в приемлемые политические альтернативы была сильно ограничена. В то же время взаимное усиление социальных, религиозных и политических лояльностей стимулирует противоречия между различными субкультурами. В результате для стран с этим типом политической культуры характерна политическая нестабильность.

Следующий тип Алмонд назвал *доиндустриальной смешанной* политической культурой, характеризующейся сосуществованием традиционных и вестернизированных институтов, ценностей, норм и ориентации. Речь идет о таких атрибутах западной политической системы, как парламент, избирательная система, бюрократия и т.д., которые в той или иной модифицированной форме наложены на традиционалистские реалии соответствующих стран. Как результат такого наложения возникает особый тип, который, используя терминологию М.Вебера, Алмонд назвал харизматической политической культурой. Она часто формируется в условиях эрозии традиционных норм, нарушения считавшихся священными обычаев и связей, роста чувства неустойчивости и неопределенности и т.д. В результате в поисках защиты и устойчивости люди обращают свой взор к харизматическому лидеру. Такое смещение создает сложнейшие проблемы с точки зрения коммуникации и координации в обществе. Здесь различные группы часто имеют совершенно разное видение стоящих перед обществом политических проблем. В итоге нестабильность и непредсказуемость являются не отклонением от нормы, а неизбежным результатом такой политической культуры. Она господствует в модернизирующихся развивающихся странах.

От всех названных типов, по Алмонду, радикально отличается *тоталитарная* политическая культура. Внешне она по своей гомогенности напоминает первый тип. Но здесь эта гомогенность искусственная, синтетическая. Поэтому отсутствуют добровольные организации и ассоциации, система политической коммуникации контролируется центром, невозможно сколько-нибудь приблизительно определить степень приверженности населения господствующей системе.

Развивая типологию Алмонда, У.Розенбаум выделяет фрагментированные и интегрированные типы политической культуры, между которыми находятся различные модели и промежуточные типы. *Фрагментированный* тип характеризуется отсутствием консенсуса относительно принципов политического устройства общества. Этот тип господствует в большинстве африканских и латиноамериканских стран, отчасти в северной Ирландии и Канаде В его основе лежит заметная социальная, социокультурная, конфессиональная, национально-этническая и иная фрагментация общества. Это создает условия для идеологической непримиримости и бескомпромиссности между конфликтующими группами, препятствует выработке неких общепринятых правил политической игры и т.д.

Интегрированный тип отличается сравнительно высокой степенью консенсуса по основополагающим вопросам политического устройства, преобладанием гражданских процедур в улаживании споров и конфликтов, низким уровнем политического насилия, высокой степенью различных форм плюрализма (который нужно отличать от фрагментированности).

Согласно типологии, предложенной Д.Элейзаром, существуют три основных типа политической культуры: моралистическая, индивидуалистическая и традиционная. Другой американский политолог У.Блюм обосновывал необходимость выделения только либеральной и коллективистской политических культур. Очевидно, что рассмотренные типологии обладают рядом достоинств, поскольку в них предприняты попытки выделить модели политической культуры исходя из факта существования у различных народов и стран специфических национальных социокультурных, конфессиональных, традиционно-исторических и иных особенностей.

Но некоторые соображения говорят о необходимости корректировки этих типологизаций. Например, лишь с довольно серьезными оговорками можно принять схему Г.Алмонда и его коллег, которые пытались определить различия между гомогенной И фрагментированной политическими культурами по их способности обеспечить стабильность политической системы. Попытаемся пояснить данный

тезис на конкретных примерах. В качестве типичного образца фрагментированной политической культуры как правило, приводилась итальянская. И действительно, результаты многих исследований показывают наличие в этой стране высокого уровня социального отчуждения и недоверия. Итальянцы скептически оценивают свои возможности влиять на политические институты и процессы, на принятие политических решений. Партийная система также фрагментирована на разного рода левые, центристские и правые партии, часть из которых находится в оппозиции к существующему социальному, экономическому и политическому порядку. О фрагментированности политической культуры свидетельствует, в частности, характерная для политической жизни Италии частая смена правительств.

Однако многие страны с фрагментированными, по типологии Алмонда, политическими культурами, политически стабильны. К примеру, консоциативные демократии в Австрии, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии являются по своему характеру фрагментированными, так как состоят из нескольких, казалось бы, конфликтующих друг с другом субкультур. Так, в Нидерландах католики, кальвинисты и неверующие настолько серьезно конфликтовали друг с другом, что некоторые исследователи считали возможным говорить о существовании здесь трех самостоятельных субкультур или даже народов. А Швейцария - это единое сообщество, составленное в сущности из трех национальных субкультур. Невозможно не согласиться с утверждением, что в этих странах в течение всех послевоенных десятилетий степень политической стабильности, определенности и предсказуемости отнюдь не ниже, если не выше, чем в США, Великобритании и других странах с гомогенной или интегрированной политической культурой.

В то же время англосаксонская Канада, которая по схеме Алмонда должна принадлежать к гомогенному типу, часто сотрясается от конфликтов на национально-культурной почве, которые в последние два-три десятилетия не раз грозили государственной целостности этой страны. Что касается США, которые действительно отличаются высокой степенью политической стабильности, то не составляет секрета, что здесь серьезные исследователи выделяют целый ряд субкультур расово-этнического, национально-культурного, конфессионального и регионального характеров.

Рассмотрим другую характеристику - приверженность харизматическому лидеру - признак, который Алмонд считает достоянием доиндустриальной или смешанной политической культуры. Не требуется особых усилий, чтобы продемонстрировать, что харизматичность в различных ее формах и модификациях приобретает особую актуальность в наиболее развитых странах современного мира. Более того, харизматические лидеры и харизма как факторы, определяющие симпатии и антипатии избирателей и соответственно их выбор, стали важнейшими элементами политической культуры всех типов в эпоху информационной революции и электронных средств массовой информации. Что касается тоталитарного типа политической культуры, то харизма в крайних формах - поклонения вождю-фюреру - также является ее неотъемлемой составной частью.

Можно было бы привести немало других нестыковок, которые снижают убедительность рассмотренных типологизаций, но и высказанные аргументы достаточно наглядно указывают на необходимость нахождения более приемлемых критериев типологизаций политических культур современного мира. При этом главным условием является учет основных типов или моделей политических систем, в рамках которых формируются и функционируют соответствующие типы политических культур. Нельзя сказать, что Г.Алмонд и его коллеги полностью игнорировали этот момент. Но здесь, как было показано в гл. 4, проблема состоит в неприемлемости самого определения политической системы, которое ими предлагается.

С учетом приведенной выше типологизаций политических систем можно выделить следующие крупные типы, или модели, политической культуры: органическая, либерально-демократическая и смешанная. В рамках *органического* типа можно вычленить различные варианты авторитарной, тоталитарной, традиционной политических культур и субкультур. При всех расхождениях общим для них является господство коллективистских, групповых, общинных ценностей, приоритета публичного над частным, прав и свобод группы, коллектива над индивидуальными правами и соответственно подчинение личности коллективу. Для носителей данного типа политической культуры характерны повышенные ожидания от государства, преувеличение его роли в жизни общества, зачастую доходящее до его мифологизации и даже обожествления.

Государство рассматривается как единый организм, в котором различные институты, организации, группы, отдельные люди играют подчиненную роль. В сфере взаимоотношений индивида и государства, правителей и управляемых преобладающие позиции часто занимают отношения патрон - клиент. Государство и его руководители оцениваются массой населения по их способности проявлять и реализовывать "отеческую" заботу о своих подданных. Имеет место та или иная степень персонализации политики и самого государства, когда последние отождествляются с личностями конкретных государственных деятелей, вождей, фюреров, "отцов нации" и т.д. Важное место (с существенными оговорками применительно к тоталитарной политической культуре) занимают традиция, обычай, норма. В наиболее жесткой форме некоторые важнейшие элементы данного типа проявились при тоталитарной системе с ее жестким подчинением всех сфер жизни всемогущему государству.

В большей степени данный тип распространен в развивающейся зоне современного мира - Азии, Африке, Латинской Америке. Однако авторитарные и тоталитарные его варианты в разные периоды утвердились во многих европейских странах - СССР, Германии, Италии, Испании, Португалии, Греции и др.

Либерально-демократический тип характеризуется плюрализмом в социальной, экономической, духовной, политической и других сферах жизни. Важнейшим его компонентом стала идея индивидуальной свободы, самоценности отдельной личности, прирожденных, неотчуждаемых прав каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Центральное место здесь занимает убеждение в том, что частная собственность - основа индивидуальной свободы, а она в свою очередь рассматривается в качестве необходимого условия самореализации отдельного индивида. Особенно важны в данном случае идея идеологического и политического плюрализма и связанные с ним принципы представительства и выборности должностных лиц в государстве.

Приверженцы либерально-демократической модели политической культуры оценивают право, правовую систему как гарант индивидуальной свободы выбора по собственному усмотрению морально-этических ценностей, сферы и рода деятельности. Они считают, что закон призван гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности, жилища, частной жизни, духовную свободу и т.д. В обществе должен господствовать закон, а не люди, и функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона. Для них самоочевидной истиной являются право участия каждого члена общества и человека в политическом процессе, соблюдение определенных правил игры между политическими партиями, разного рода заинтересованными группами и т.д., смена власти в результате всеобщих выборов на всех уровнях власти, другие нормы и принципы парламентаризма и плюралистической демократии.

Эти и другие сущностные характеристики либерально-демократического типа политической культуры, который характерен прежде всего для индустриально развитых стран Запада, в разных национально-культурных условиях проявляются по-разному. Именно в этом контексте следует выделить гомогенный, Фрагментированный, интегрированный, консенсусный, конфликтныи и другие варианты политической культуры в рамках единого либерально-демократического типа.

Между этими двумя типами располагается целый спектр всевозможных национальных, региональных или иных вариантов и разновидностей политической культуры. Что касается предлагаемых Алмондом и его коллегами критериев, таких, как харизма фрагментарность, коллективизм, традиционность, индивидуализм, гомогенность, конфликт, консенсус и т.д., то их в тех или иных сочетаниях можно обнаружить почти во всех типах политической культуры. Их сочетание, интенсивность и значимость варьируются от модели к модели и в их рамках от одной национальной разновидности к другой. С этой точки зрения в современном мире, особенно с окончанием холодной войны и крахом тоталитарных систем, во многих случаях мы имеем дело со *смешанными* типами политической культуры. Например, если о чистом тоталитарном тине можно было говорить применительно к фашистской Италии и нацистской Германии 30-х годов, а также СССР примерно до 70-х годов, то в настоящее время речь может идти лишь о его остаточных элементах и явлениях у нас в стране и других постсоветских государствах, а также Китае. Существенные авторитарные и традиционалистские пласты можно обнаружить в России, Китае, Японии, Испании и т.д. Поэтому предлагаемые модели политической культуры нужно понимать в смысле веберовских идеальных типов. Отсюда то разнообразие, сложность и многослойность, которые в рамках одной и той же модели обнаруживаются в конкретных национально-страновых реальностях.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое политическая культура?
2. Как она соотносится с политическим сознанием?
3. Какое место она занимает в общенациональной культуре?
4. Как политическая культура соотносится с политической системой?
5. Назовите важнейшие составные элементы политической культуры.
6. Какое место в политической культуре занимают религиозное, символическое, мифологическое и иные начала?
7. Какие типы политической культуры существуют?

Глава 17 Антиномии между авторитаризмом и демократией в политической культуре России

Уже много сказано о том, что Россия переживает переходный период, главное содержание которого состоит в преобразовании тоталитарной политической системы со всеми ее институтами, структурами и отношениями в совершенно новую политическую систему. Несмотря на то что уже принята первая демократическая Конституция страны и в ходе действительно всенародных выборов избрано Федеральное Собрание, все еще не решены многие вопросы. По какому пути пойдет Россия - авторитаризма или демократии, фюреризма или парламентаризма, нового тоталитаризма или

республиканизма (в его президентском или парламентском вариантах)? Какое именно общество, сообщество мы хотим и каковы шансы и перспективы реализации того, что мы хотим? Перспектива каждой из названных альтернатив заслуживает самостоятельного рассмотрения. Ниже предлагаются некоторые соображения относительно условий и возможностей развития российской государственности на путях демократизации. Очевидно, что это сложный и многоплановый вопрос, поэтому главное внимание концентрируется на одном важном аспекте - на месте и роли политической культуры в формировании типа государственности в России.

17.1. Сущностные характеристики политической культуры России

Сейчас одним из наиболее актуальных и дискуссионных является вопрос о том, в какой мере реформы прежней политической системы способны привести к какой-либо форме западной парламентской демократии. Совершенно естественно, что поиски ответа на этот вопрос вызывают ожесточенные споры как у наших, так и у зарубежных авторов. Существует широкий спектр мнений, идей и концепций. Так, известный американский политолог У.Лакер, в частности, утверждал, что усилия по демократизации России обречены на неудачу, поскольку здесь нет достаточно демократов, что русские никогда не любили и не уважали демократию так, как они уважали и любили автократию. Этот тезис, разделяемый у нас в стране, особенно среди публицистов, спорен и нуждается в существенных коррективах.

Можно сказать, что у каждого народа есть некий политико-культурный генотип, который как бы передается по наследству от поколения к поколению и оказывает определяющее воздействие на политические реальности, на отношения индивида, общества и государства. Разумеется, такой генотип характерен и для России.

Очевидно, что формирующаяся государственность носит двойственный характер. С одной стороны, происходит процесс приспособления старых государственных структур к новым условиям существования, а с другой - постепенно внедряются действительно новые идеи и подходы, создаются новые институты и механизмы. Почти во всех сферах мы находим компромисс между старым и новым. В результате возникает типичное для переходного периода противоречие между содержанием и формой институционализирующейся государственности. Следует учесть и тот факт, что этот процесс протекает в условиях глубокого экономического, политического и духовного кризиса при отсутствии сколько-нибудь устоявшихся структур гражданского общества.

Поэтому очевидно, что политическая культура современной России не может не носить переходный характер. Будучи укоренена в многовековую историю страны, она вместе с тем вобрала в себя и переработала противоречивый и трагический опыт XX в. Значительный отпечаток накладывает тот факт, что ее формирование идет под знаком краха тоталитарной политической системы и развала СССР как единого имперского государства.

Хрестоматийным стал тезис о том, что политическая культура России относится скорее к разряду авторитарно-коллективистских, чем либерально-демократических. Однако анализ реального положения позволяет расценивать такое противопоставление как досадное недоразумение: во-первых, авторитаризм и коллективизм не обязательно и не всегда предполагают друг друга и, во-вторых, коллективизм отнюдь не есть антипод демократии, а зачастую может служить ее основанием. Кроме того, российские реалии настолько нелинейны и запутаны, что они не укладываются в общепринятые типологизации и классификации, в них обнаруживается много такого, что не поддается объяснению традиционными, не раз опробованными и оправдавшими себя на практике методами и средствами. Это особенно верно применительно к политической культуре современной России. Здесь феноменом переходного периода является наличие нескольких разнородных пластов, элементов и проблем, группирующихся вокруг следующих блоков:

Многослойность - соотношение и особенности проявления элементов традиционно российских (этатизм, авторитаризм, персонификация, анархизм, коллективизм, мессианство, соборность, солидарность, нигилизм и др.), советских (идеализм, вождизм, коммунистический эсхатологизм, баррикадное сознание, уравнительство и т.д.) и модернистских (индивидуализм, права и свободы человека, ориентация на успех и конкуренцию, рынок и демократию и др.).

Гетерогенность - сосуществование множества этнонациональных, региональных, конфессиональных и иных субкультур.

Фрагментарность - текучесть, неопределенность, неструктурированность, незавершенность, разорванность установок и ориентации.

Конфликтностъ - отсутствие базового консенсуса, разлом по линиям общество - власть, народ - интеллигенция, прошлое - настоящее - будущее и т.д.

Антиномичностъ: этатизм - монархизм, коллективизм - персонификация, архаизм - футуризм, консерватизм - радикализм, шовинизм - интернационализм, прерывность - преемственность и т.д.

Россия по многим системообразующим параметрам действительно особая страна. В качестве одной из важнейших характеристик политико-культурной палитры России уже упоминались ее гетерогенность - существование множества субкультур с различными конфликтующими, а часто и противоборствующими установками, ценностями, ориентациями. Считается, что среди элементов,

унаследованных Россией от Восточной Римской империи, важное место занимает своеобразный космополитизм, или экуменизм, наднациональный, надэтнический характер власти, "интернационалистский" подход к формированию политической и интеллектуальной элиты. В рассматриваемом контексте этнокультурный плюрализм России приобретает особую значимость. На всем протяжении исторического развития России в формирование ее политической культуры внесли свою лепту различные этнонациональные, конфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых имела свой специфический национально-исторический опыт, свои ценности, предрассудки, традиции и т.д. В этом контексте Российская Федерация является государством - сообществом народов.

Россия огромна не просто по географическим масштабам, но и по тому, что сама сущность русской (или российской) идеи - полинациональность, органическое соединение различных народов, этносов, культур, традиций, верований и т.д. С данной точки зрения русская (российская) идея обнаружила не просто открытость влияниям извне, а открытость в смысле способности органически интегрировать самих носителей этих влияний. В.С.Соловьев не без оснований подчеркивал, что все хорошее в России основано на забвении национального эгоизма. Это, говорил он [65, *с.* 282], и русское государство, зачатое варягами и оплодотвореное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, позаимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы. В этом контексте Ч.Айтматов, Ф.Искандер множество других писателей, поэтов, художников - в такой ж степени явления российской культуры, как и В.Астафьев, М.Дудинцев, Ф.Абрамов и др. Необходимо осознать, что ислам, буддизм и другие вероисповедальные традиции, существующие на территории России, не навязаны ей извне, не есть нечто для нее чужеродное, а составляют части ее социокультурной матрицы.

Из сказанного следует, что для российской политической культуры характерны конфликты не только интересов, установок, ориентации, но и основополагающих ценностей. Поэтому, как отмечалось выше, перестройка жизнеустройства новой России, особенно если речь идет о переходе к демократии, связана с обеспечением разным культурным традициям доступа к центрам власти и учетом многообразия культур.

Считается, что Россия унаследовала от Византийской империи специфическую имперскую государственную идею. И действительно, своеобразие России по сравнению с Западной Европой и США состояло в том, что на протяжении многих веков основой ее политического порядка была самодержавная государственная власть. Более того, государственность явилась той базовой конструкцией, на основе которой Россия стала органической целостностью. В данном контексте огромные пространства России нельзя рассматривать исключительно как фактор, способствующий обособлению отдельных регионов, регионализации, формированию там неких государственных образований и в конечном счете дезинтеграции России. Реальности нашей страны таковы, что огромность пространств и их удаленность друг от друга служили фактором, обеспечивающим усиление и расширение роли централизованного государства.

На огромных просторах российской Евразии сосуществовали разнородные этнонациональные общности, которые вступали между собой во взаимные распри и междоусобицы. В то же время эти общности, находясь на разных и низких уровнях развития, не располагая собственными коммуникациями с внешним миром» объективно были заинтересованы жить под крылом империи, а не самостийно. Сильное централизованное государство служило объединяющим для всех этих общностей началом, скрепляющим им в единый организм суперструктурой. В России именно государство выступало как носитель наиболее универсального принципа, позволяющего превратить разноликий конгломерат регионов и народов, культур и религий в единое политическое, административное, социокультурное, хозяйственно-экономическое пространство. В этом плане в России не было каких-либо автономных от государства структур и норм, призванных обеспечить порядок, целостность и жизнеспособность общества.

Развитие общества происходило под знаком определяющей роли государства, в результате чего общество и отдельный индивид выступали как пассивные объекты, а не субъекты политики. если в Западной Европе главным противовесом власти феодалов были свободные города, то в России городские и деревенские низы, а также группы и представители среднего служилого сословия могли искать защиту от произвола бояр, помещиков только у государства. И аристократия как материально, так и морально всецело зависела от доброй воли монарха. В сущности в России отсутствовала общественность в строгом смысле слова, как противовес всевластию государства, ибо здесь не сложились какие-либо иные средства ограничения боярских и дворянских привилегий и прерогатив, а также иные механизмы интеграции и институционализации общества, кроме сильной государственной власти. К ней были привязаны и к ней апеллировали все сословия. В течение всего XIX в. государство действовало в направлении подавления любых попыток автономизации формировавшихся институтов гражданского общества. С этой точки зрения одной из важных особенностей российской истории было слияние церкви с государством, церковь являлась государственным институтом, жестко вмонтированным в систему государственного управления. Показательно, что в 1718 г. был образован департамент по делам государственной религии. Такое

положение сделало государственный способ мышления специфической особенностью российского общества. Этот способ определил и мировоззрение русского человека.

С интенсификацией во второй половине XIX в. процессов индустриализации и урбанизации, особенно после реформ первой половины 60-х годов, все больше начали заявлять о себе инженеры, ученые, преподаватели и профессора, предприниматели, купцы и т.д., которые могли составить основу начавшего формироваться среднего класса - главной несущей опоры гражданского общества. Однако данный процесс был прерван большевистской революцией 1917 г. и установлением тоталитарной диктатуры. Более того, большевизм, многократно усилив проанализированную здесь особенность российского государства, как бы очистил авторитаризм и этатизм от не свойственных им примесей и пережитков, довел их до логического конца и вмонтировал в разработанный и реализованный им на практике грандиозный проект тоталитарного государства. Эта проблема достаточно подробно освещена в литературе, и здесь вряд ли целесообразно на ней остановиться.

В России христианство, будучи государственной религией, сыграло немаловажную роль в укреплении российского этатизма. На протяжении нескольких столетий русское мессианство было связано с православной идеей и концепцией "Москва - Третий Рим", которые определяли русский народ как народ-богоносец, несущий в себе некое божественное начало, имеющий некое божественное призвание. При этом христианство было принято в России не столько как одно из сопоставимых с другими вероучений, сколько как внеисторический и вневременной образ жизни. В этом плане главные изъяны католической и протестантской церквей славянофилы усматривали в их историчности, внешней определенности и выделенности их из христианской соборности. И соответственно главную задачу православия, сохранившего, по их мнению, в себе соборный дух, они видели в воплощении христианства в его окончательном синтезе.

Пропагандируя концепцию, рассматривавшую Москву как "новый Вечный город, наследницу Рима и Константинополя", церковная иерархия постоянно предупреждала царей об их священном долге превратить Московию в "Новую христианскую империю", при этом не обозначая сколько-нибудь четко ее границы. Эта доктрина сыграла важную роль в экспансии и утверждении многонациональной Российской империи на бескрайних просторах евразийского континента. Можно утверждать, что в формировании идей о величии России, ее масштабности, патриотизме и преданности отечеству - Руси-матушке, особом пути России значительную роль сыграла православная вера. В этой связи нельзя не упомянуть, что многие атрибуты и символы православной церкви стали одновременно и символами российской государственности - храм Василия Блаженного, возвышающийся на главной площади страны рядом с Кремлем, храмы в самом Кремле, взорванный большевиками и восстанавливаемый ныне храм Христа-Спасителя, Исаакиевский собор и др. Симптоматично, что церковь возводила в ранг святых выдающихся деятелей, которые не являлись ее служителями, например равноапостольных Кирилла и Мефодия, св. Владимира, Александра Невского, Дмитрия Донского и др.

С установлением тоталитарной системы роль и функции, которые в обосновании русской государственности выполняло православие, перешли к марксизму-ленинизму, ставшему единственной, безраздельно господствующей государственной идеологией большевистского режима, превращенной в некую разновидность религиозного откровения. Российская интеллигенция со свойственными ей крайностями восприняла и усвоила марксизм как не подлежащую критике веру. Низвергнув христианского бога, она возвела на его место новых, атеистических идолов и кумиров. С самого начала советского периода была развернута деятельность по деификации сначала В.И.Ленина, а затем и других вождей мирового пролетариата. В итоге марксизм-ленинизм приобрел все атрибуты фундаментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом.

Благодаря этому в русском человеке выработался весьма высокий по сравнению с европейцами и американцами уровень чувства ожидания от государства, причем нередко ждут не столько правовых законов, устанавливающих соответствующие нормы и правила игры, сколько конкретных действий в поддержку конкретных людей (разного рода льготы и привилегии, патернализм и клиентализм со стороны государства).

Крушение СССР и вызванный этим тотальный кризис, несомненно, нанесли удар по самой российской государственности, подорвали привычное обустройство жизни, саму структуру менталитета, поставили под сомнение комплекс идей и идеалов, лежащих в основе российской государственности. Способна ли в такой ситуации демократия ответить на вызовы новых исторических реальностей? Может ли либерализм, консерватизм или какой-нибудь иной "изм" заполнить тот вакуум, который образовался после краха марксистско-ленинского идеологического проекта? В этой связи обращает на себя внимание выдвижение на политическую авансцену множества идей, концепций, проектов, программ переустройства общества - от авторитарно-монархических до радикально-анархистских, от коммунистическо-тоталитарных до национал-державных. Для правильного понимания этой ситуации и выявления возможных путей формирования новой российской государственности обратимся к некоторым, еще не затронутым параметрам политической культуры.

17.2. Антиномичность российского менталитета

В рамках одной и той же политической культуры могут быть выделены отдельные массивы, пласты, которые получили названия субкультур и довольно существенно различаются по установкам и ориентациям их носителей. Но при всем этом устойчивость и жизнеспособность любой политической системы зависят от степени ее соответствия ценностям базовой политической культуры общества.

С этой точки зрения сущностной характеристикой российской политической культуры является то, что каждый ее базовый элемент имеет свою антитезу. Поэтому и говорят об антиномичности политической культуры России. Так, в течение последних трех столетий имел место постоянный конфликт субкультур -западнической и почвеннической, радикальной и патриархально-консервативной, анархической и этатистской и т.д. В данной связи Н.Бердяев указывал на антиномичность и противоречивость, двойственность и иррационализм "русской души" - поразительный симбиоз анархизма и этатизма, готовности отдать жизнь за свободу и неслыханного сервилизма, шовинизма и интернационализма, гуманизма и жестокости, аскетизма и гедонизма, "ангельской святости" и "зверской низости". Возможно, прав С.Аверинцев, который говорил, что мысль о двух культурах в одной культуре даже В.И.Ленину могла прийти в голову только в России. Показательно, что понятием "раскол", которое нельзя аутентично перевести ни на один другой язык, обозначается реальность, универсалия русской жизни - раскол между властью и народом, народом и интеллигенцией, интеллигенцией и властью, между различными религиозными направлениями, политическими силами. Эта особенность обусловила перманентное отсутствие в России базового национального консенсуса. Тоталитаризм при всех претензиях преодолеть этот негативный комплекс многократно его углубил.

Российская империя была, если можно так сказать, одной из самых абсолютистских и самодержавных. Здесь имело место наиболее жесткое закабаление крестьянства - крепостничество. Постоянный сильнейший прессинг государства практически исключал существование каких бы то ни было предохранительных клапанов для выхода избыточной энергии, не мог не создать сильнейшее революционное напряжение в обществе. Чем жестче этот прессинг, тем сильнее ответная реакция. Поэтому не удивительно, что оборотной стороной сильного централизованного государства были неприятие его народом и противодействие ему. Как подчеркивал А.Герцен,

...вопиющая несправедливость одной половины законов государства научила народ ненавидеть и другую ее половину. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, и совершенно так же поступает правительство.

Время от времени неприятие властей и противодействие им проявлялись в бунтах, восстаниях, революциях. Самодержавная, абсолютистская власть оказывалась чревата анархией и устремленностью людей к воле; комплекс верноподданичества уживался с крайним радикализмом, вспышки революционности уступали авансцену волне реакции и контрреволюции.

Парадокс состоит в том, что русский человек, будучи в сущности человеком государственным, вместе с тем боялся государства, избегал иметь дело с властями, не доверял государственным учреждениям. Отсюда - конфликтность государственного сознания русского человека, с одной стороны, и неприятие им власти - с другой. Эта особенность приобрела свои крайние формы в период тоталитарного государства. Достаточно напомнить, какой прямо-таки инфернальный ужас испытывал советский человек перед всемогущим тоталитарным левиафаном. Этот ужас предельно четко выразил О.Мандельштам, когда писал: "Власть отвратительна, как рука брадобрея". Но чем страшнее себя проявляла власть, тем, казалось, сильнее у советского человека проявлялось стремление приобщиться к ней, войти в нее, стать ее частью.

Доведенное до крайности амбивалентное отношение к государству и властям способствуют формированию своеобразного двойного стандарта в их оценке, который при тоталитаризме имеет крайние, поистине шизоидные формы. Человек как бы раздваивается, приобретает двойное дно. Речь идет об упомянутом в гл. 8 массовом феномене, названном Дж. Оруэллом двоемыслием или мыслепреступлением.

Однако стоит государству ослабить вожжи управления, как оборотная сторона стандарта становится самодовлеющим. Неприятие власти оборачивается требованиями ее свержения, которые, как показывает опыт России первых двух десятилетий XX в., в конечном итоге выливаются в революции. В таком случае отношение к опостылевшей, ненавистной власти уже не может быть половинчатым, амбивалентным. Она безоговорочно и полностью отвергается. Неудача перестройки и драма ее зачинателей помимо всего прочего в немалой степени определялись и тем, что не был учтен этот фактор. Если вспомнить перипетии последнего десятилетия политической жизни России, то обнаружится, что по мере ослабления мертвой хватки тоталитарного режима героями и любимцами народа автоматически независимо от их реальных достоинств становились лица, декларировавшие свою оппозицию существовавшему тогда режиму. М.Горбачев, первоначально с огромным энтузиазмом принятый народом, постепенно терял ауру, влияние и власть потому, что он не смог, а возможно, и не пожелал окончательно порвать с режимом.

Принято считать, что у российской общественности дополнительную легитимность и сочувствие завоевывают лица, пострадавшие от власть имущих. Как говорится в России, за одного битого двух небитых дают. Чтобы убедиться в правомерности этой русской поговорки, достаточно вспомнить эпопею стремительного восхождения на вершину власти Б.Ельцина и множества других персонажей более мелкого калибра. С этим связан и так называемый феномен негативного голосования. Речь идет о том, что избиратели голосуют за того или иного кандидата не столько потому, что он им нравится, сколько потому, что им не нравится его противник. В сущности так обстояло дело с многими действующими и уже успевшими сойти со сцены политиками, которые сделали карьеру на критике властей. Здесь нельзя не упомянуть такие удивительные, на первый взгляд, перевоплощения многих диссидентов 60-х - 80-х годов, которые, не приняв трудно осуществляющиеся демократические реформы, решительно, на 180° изменили свои позиции и объективно превратились в апологетов прежнего режима. Объяснить этот феномен можно тем, что в данном случае мы имеем тот тип российского человека, который не приемлет не какой-либо конкретный политический режим, а любую власть и любой режим вообще. Здесь нигилизм выступает как сущностная черта русской интеллигенции.

Для России характерна ярко выраженная персонализация политической жизни - установки, симпатии и антипатии россиян ориентированы скорее на личности конкретных политиков, чем на политико-идеологические программы. В этом контексте облик и судьбы российской истории на различных ее этапах определяли Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, В.Ленин, И.Сталин, М.Горбачев, Б.Ельцин и др. По сравнению с остальной Европой в России разделение власти над людьми и вещами, государственной власти и собственности, государственной или политической сферы и экономической, социальной и иных сфер произошло значительно позже и в весьма несовершенной форме. В важнейших своих аспектах государство в России вплоть до реформ 60-х годов XIX в., а в чем-то и позднее, носило вотчинный или патримониальный характер.

В этой связи интерес представляет наблюдение М.Масарского. Если русское слово "государство" восходит к частноправовому термину "государь", первоначально означавшему собственника рабов и вещей, то английское "state" и французское "ltat" - к публично-правовому понятию "статус", означающему "состояние, упорядоченность". На Западе с времен средневековья проводится четкое разграничение между публичной властью государя и его частной наследственной собственностью, тогда как московское вотчинное государство было неограниченным собственником всей земли, людей и вещей на его территории. Показательно, то патриотизм в России носит не столько националистическую, сколько государственническую направленность. Поэтому не случайно, что у нас националистически ориентированные патриоты называются национал-патриотами.

Вместе с тем гипертрофированная значимость государства способствовала тому, что в сознании рядового россиянина произошло смешение понятий патриотизма - любви к Родине и лояльности в отношении действующего правительства, понятий страны и государства, а последнего с конкретным правительством и, наконец, с определенной личностью - царя, губернатора, помещика, а в период тоталитаризма - с личностью вождя, генерального секретаря ЦК КПСС, секретаря обкома, горкома и т.д. Критика политики того или иного руководителя и действующего правительства может рассматриваться как неприятие самой системы.

Для России с ее персонализацией политики и самой государственной системы, нечеткостью разделения государства и других сфер характерна тенденция перенесения дихотомии друг - враг (см. в гл. 12) с сугубо политической сферы на все другие сферы жизни. Политический враг не может не быть противником также в экономической, культурной и иных сферах. В период господства тоталитаризма эта тенденция была многократно усилена и доведена до абсурда марксизмом-ленинизмом, который возвел идею непримиримой классовой борьбы в универсальный принцип, будто лежащий в основе всех без исключения общественно-исторических и социально-политических феноменов. В либеральной системе мировоззрения считается, что человек, нейтральный к существующему положению, молчаливо согласен с ним. При тоталитаризме исключается само понятие нейтралитета, он воспринимается как неприятие, и соответствующее лицо причисляется к лагерю врагов. Причем действует закон: "Если враг не сдается, его уничтожают". Поэтому правомерен вопрос: мог ли сложиться в России "человек политический" в западном, евро-американском понимании этого слова?

Все это повлияло на нынешнюю политическую ситуацию в России, ее политическую культуру, политические установки, симпатии и антипатии российского народа. Как справедливо отмечал М.Масарский, пирамида российского истэблишмента была перевернута, она как бы стояла на острой вершине, откуда шли как организующие, так и дезорганизующие импульсы. С данной точки зрения немаловажное место в истэблишменте занимала и продолжает занимать интеллигенция [31, с. 168]. В событиях и перипетиях последнего десятилетия она стала одним из застрельщиков политических "бури и натиска".

С значительной долей уверенности можно сказать, что почти все российские политические партии, организации, движения формировались вокруг известных личностей, получивших популярность на том или экономическом, общественном или политическом поприще благодаря своим личным

качествам, связям, выступлениям на публичных встречах, в средствах массовой информации и т.д. Сейчас можно наблюдать тенденцию к преобладанию во властвующих группах представителей интеллигенции (особенно в крупных городах). Они вдруг превратились в политических руководителей, не имея для этого опыта, а нередко, и реальных данных. Музыканты и драматурги, кандидаты и доктора экономики и философии, актеры и кинорежиссеры стали лидерами партий и организаций, депутатами Федерального и провинциальных законодательных собраний, министрами и т.д. Но в результате монополии государства и одной господствующей партии, не допускавшей существования каких бы то ни было автономных источников власти, российская элита слабо дифференцирована, плохо осознает свои интересы и не умеет должным образом их отстаивать. Кроме того, элита, выдвинувшаяся на политическую авансцену с началом перестройки, сама была в некотором роде осколком разрушавшейся системы, она вышла из тех же привилегированных групп, которые в свое время имели, хотя и ограниченный, доступ к информации, а порой и материальным благам, предоставлявшимся системой.

В этом контексте парадокс российских реформ состоит в том, что, вовлекая интеллигенцию в орбиту политики, они перманентно воспроизводят себе оппозицию. Нужно учесть, что из среды интеллигенции "во власть идут", как правило, наиболее амбициозные и домогающиеся ее, уверенные в своем праве властвовать, в своей миссии учить народ и руководить им. Показательно, что в политических баталиях именно представители интеллигенции проявляют наибольшую идейную твердолобость и готовность впадать в крайность. С сожалением приходится констатировать Г.П.Федотова, который характеризовал русскую интеллигенцию как "группу, движение и традицию, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей". Это обусловило другую, не менее важную особенность российской интеллигенции, которую Л.Б.Алаев вполне обоснованно назвал [13, с. 118] подростковым синдромом непризнания авторитета взрослых и поисков истин и ценностей, способных заменить общепринятые. В этом, как представляется, отчасти коренится драма или даже трагедия российской интеллигенции.

Оборотной стороной персонализации в российской политике является апофеоз народа, массы, народности. Наряду с самодержавием и православием народность составляла одну из трех главных опор в идеологии российского государства. Феномен "хождения в народ" всегда был весьма популярен в России. В этом аспекте существенный отпечаток на современную политическую культуру наложил тоталитаризм, который невозможен без массовой базы, массовости как таковой.

Природно-географические и национально-исторические условия формирования русского государства предопределили особый тип его развития, который А.Фонотов назвал мобилизационным. Ориентированный на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм этот тип предполагает обращенность в будущее при определяющей роли государства. "Догоняющее" развитие, на которое со времен татаро-монгольского нашествия была обречена Россия, стало причиной необходимости постоянного "подстегивания" естественного хода событий, что в свою очередь обусловило формирование разветвленных механизмов внеэкономического принуждения и соответствующих норм политического поведения. В этом контексте можно сказать, что важнейшие реформистские начинания в России от Петра Великого до П.Столыпина в значительной степени были инициированы именно соображениями "подстегнуть" социально-экономическое и политическое развитие страны.

Что касается истории России советского периода, то она стала как бы квинтэссенцией именно этого типа развития. Для марксизма-ленинизма было характерно нечто вроде "дезертирства в будущее" - упор на будущее за счет нынешних поколений и в ущерб им. Жизнеспособность тоталитарной системы обеспечивалась тем, что она находилась как бы в постоянном мобилизационном состоянии. Более того, непрерывное нагнетание напряженности и связанные с этим условия чрезвычайности и своеобразных гигантских гонок (все время надо что-то или кого-то догонять и перегонять) являются оптимальным для нее состоянием. Эту установку И.В.Сталин сформулировал так: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за десять лет". Не идти, а именно пробежать. При такой постановке вопроса темпы сами по себе превращаются в цель, становясь мощным психологическим фактором принуждения. С этой точки зрения вся история Советского государства представляет собой череду различных, сменяющих одна другую кампаний: электрификация, коллективизация, индустриализация, освоение целины, химизация, мелиорация и т.д. Само строительство коммунизма в очередной программе КПСС, принятой на XXII съезде, тоже было подано в форме обычной кампании. Первоначально и перестройка, по-видимому, также мыслилась партийно-государственным руководством как очередная кампания.

Кампанейский подход к решению проблем диктовал кампанейские стиль, средства и методы: чрезвычайность, спешка, непродуманность, волюнтаризм. Это отчетливо проявилось в терминологии: "битва за урожай", "ударная стройка", "ударные темпы", "фронт работ", "с идеологического фронта" и т.д. При каждой смене руководителей партии и государства советскому народу объявлялось, что в стратегическом плане мы шли верным путем, но прежнее руководство вело нас к коммунизму не той дорогой. Естественно, все неудачи и просчеты приписывали этому руководству и стране предлагалось все начинать сначала. Иначе говоря, при каждой смене руководства история как бы

начиналась снова. И сейчас многие испытывают почти непреодолимое искушение рассматривать реформы как очередную кампанию.
Еще более важное значение имеет то, что большинство оппозиционных объединений и группировок предлагает не просто программы конкретного политического курса в рамках действующей политической системы и установленных законом правил игры, а создание новой политической системы, т.е. речь идет не о совершенствовании и корректировке режима, а о его смене. Но главной предпосылкой жизнеспособности и эффективности демократической государственности являются признание и принятие большинством населения, в том числе конкурирующими (или противоборствующими) социально-политическими силами, некоторых основополагающих принципов и норм государственного устройства. Партии и силы, игнорирующие эти принципы, нормы, правила, по сути дела следует называть не оппозиционными, а антисистемными. С этой точки зрения острую бескомпромиссную борьбу между президентскими структурами и парламентом в период сентябрьско-октябрьского кризиса 1993 г. с очень большими и серьезными оговорками можно назвать конфликтом между правящей коалицией и оппозицией в общепринятом смысле этого слова, поскольку их борьба была вызвана разным пониманием государственного устройства.
В этом плане, во всяком случае в теории, мало что изменилось и сейчас. Политические споры, дискуссии, баталии разворачиваются, как правило, на основе антиномий: коммунисты - демократы, рыночники - антирыночники, державники - интернационалисты, западники - евразийцы и т.д. При этом каждый политический деятель, каждая политическая партия себя и только себя считают носителем единственной и окончательной истины. За другими истинами и соответственно интересами легитимность имплицитно отрицается.
В силу одержимости и ущемленности российского менталитета тоталитаризмом мы идеологи по самому определению. В России, если кто-то сторонник монархии, то он самый последовательный и решительный монархист, сторонник авторитаризма - самый последовательный авторитарист, сторонник марксизма - самый последовательный и решительный коммунист и т.д. Каждый из них не приемлет мнений и интересов приверженцев других течений и направлений.
Рассуждения о русской специфике нередко приобретают самодовлеющий характер. Во многом именно стараниями демократов складываются самые превратные представления о демократии и ее предначертании: партии ради выборов, выборы ради парламента, парламент ради демократии, Демократия для партий и т.д. и все это вне связи с духом народа и его менталитетом, вне связи с инфраструктурой нашего образа жизни. Как остроумно отметил обозреватель газеты "Известия" О.Лацис, российским избирателям в Государственную Думу в декабре 1995 г. предстояло сделать выбор между теми, кто собирается наводить порядок в России, и теми, кто хочет приводить в порядок Россию. Победившая сторона, естественно, пытается каждый раз по-новому на свой лад начинать историю. Действительный прорыв в истории России наступит лишь тогда, когда российские политики и народ осознают необходимость преодоления комплекса "дезертирства в будущее" и положить конец бесконечной череде перерывов.
В этом смысле было бы весьма полезно присмотреться к опыту стран с успешно функционирующими демократиями. Так, Франция за два столетия пережила три революции, две империи, две реставрированные монархии, пять республик. Величие Ф.Миттерана как политического и государственного деятеля состоит прежде всего в том, что он поставил последнюю точку в бесконечной череде смен режимов и конституций. Сначала законным путем завоевав власть у консервативно-голлистского лагеря, он в течение 14 лет находился у руля власти, неукоснительно соблюдая действующие конституционные нормы. В 1995 г. после поражения на президентских выборах своей партии Миттеран осуществил передачу власти представителю консервативно-голлистских сил и тем самым окончательно легитимизировал конституцию Пятой республики, разработанную и введенную в силу его политическим противником Ш. де Голлем. Таким образом был положен конец традиции постоянной смены режимов.

17.3. Российский путь к демократии

Добиться такого же результата для России возможно только на путях демократического переустройства и перехода к правовому государству.
Данные современных социологических исследований свидетельствуют об очень низком уровне доверия в России ко всем политическим институтам. Издержки реформ и демократизации, которые нельзя считать более значительными, чем издержки других революций, порождают разочарование и недовольство нынешним положением и ностальгию по советским временам, а у отдельных групп населения и по дореволюционной России. Но при всем этом нельзя не согласиться с теми исследователями, которые считают, что "российское общество 90-х годов оказалось обществом перспективного, а не ретроспективного идеала". То, что на пути становления российская государственность, ее институты сделали существенный шаг вперед - неоспоримый факт. Их контуры приобретают все более четкие очертания. Принята новая Конституция России, в которой высшей ценностью провозглашены права, свободы, честь и достоинство человека. Более того, их обеспечение и защита рассматриваются как смысл и оправдание государства. Подписан и

реализуется Федеральный договор. Сформирован и функционирует Конституционный Суд как высший орган правового надзора за деятельностью исполнительной и законодательной ветвей власти. Федеральное Собрание все более уверенно заявляет о себе как важный фактор политической жизни страны.

В свете происшедших в стране за последние годы трансформаций перспектива сползания к какой бы то ни было форме диктатуры выглядит не столь бесспорной, как изображают некоторые публицисты. Для этого уже нет достаточных социально-психологических и идеологических предпосылок. В принципе можно допустить, что монархия или авторитаризм в том или ином виде - наилучшие формы правления. Но откуда же взять таких монархов или авторитарнее, которые бы устраивали если не все население страны, то хотя бы дееспособное большинство. Да и монархи в современном мире претерпели столь существенные трансформации, что по демократичности могут превосходить руководителей многих демократических режимов.

Важно отметить, что в системе ориентации и установок русского народа авторитарно-этатистские элементы органически сочетаются с элементами, которые совместимы с демократией. Дело не только в том, что за последние годы возросла численность людей, симпатизирующих западным ценностям и правилам политической игры, но и в том, что ряд подобных или родственных им ценностей и принципов коренятся в самой русской ментальности. Выше уже говорилось, что западные образцы государственности по-настоящему, так сказать, в первозданном евроцентристском варианте не могут институцилизироваться в восточных странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные и иные традиции и формы ментальности. Россия по многим параметрам относится именно к такому типу стран. Расположенная на стыке или перекрестке восточных и западных культур, она не может не иметь собственного понимания, собственную модель народовластия, демократии. Какая именно будет эта модель, определит будущее. Но нет никаких сомнений в том, что это будет специфически российская демократия.

Поэтому главная проблема, стоящая перед Россией, состоит в том, чтобы найти пути и способы достижения органического сочетания рыночной экономики, политической демократии, правового государства, исторических традиций российской государственности. Здесь, конечно, особое место занимает вопрос о соотношении рынка и пределов государственного вмешательства. Государство призвано защищать интересы людей от негативных последствий рынка. Именно в этом состоит суть глубоко демократических по своей сущности законов о социальной защите неимущих слоев населения во всех индустриально развитых странах в рамках государства благосостояния, которое стало как бы воплощением самого правового государства.

Особо важен этот факт для России, где коллективистское, общинное, солидаристское и иные начала составляют основу интегральной части национального миропонимания, социокультурной системы и политической культуры. В России рыночная экономика и государство по самой своей сути просто не могут не быть социальными. Со значительной долей уверенности можно сказать что успех рыночных реформ в России в качестве необходимого условия предполагает учет и подключение тех исторических российских традиций, которые носят если не антикапиталистический, то некапиталистический характер в общепринятом смысле слова.

Надо отметить и то, что на пути к демократии и новой государственности России не обязательно повторять все этапы, которые прошли европейские страны. Об этом свидетельствует опыт стран Азиатско-Тихоокенского региона, которые, сделав стремительный взлет, за четыре десятилетия преодолели путь, на который западным странам понадобились столетия. Показательно, что эти страны, начав индустриализацию лишь два-три десятилетия назад, уже в начале 80-х годов взяли курс на постиндустриальный тип экономического развития. Что касается России, то при всей обоснованности рассуждений об обратном, нельзя не согласиться с теми исследователями, которые приводят убедительные доводы, указывающие на то, что "в российском обществе созрела "критическая масса" для перехода к подлинно цивилизованному развитию" [8, с. 130]. Как представляется, невостребованность, нереализованность подспудных, дремлющих, подавляемых в течение многих десятилетий потенций может стать при определенных условиях предпосылкой творческого прорыва в различных сферах в настоящем и будущем.

В рассматриваемом контексте нельзя не затронуть вопрос, имеющий особую значимость для перспектив российской государственности. Участники дискуссий, развернувшихся в последнее время в отечественной публицистике, в лице "государственников" и "демократов" ведут ожесточенные споры относительно того, по какому пути следует идти России - державности или демократии, державности или федерализма (отождествляемого с демократией). Представляется, что при такой постановке альтернативы ложные и сама дискуссия - плод недоразумения. Здесь прежде всего нужно определить, какое именно содержание вкладывается в данные понятия. В российской публицистике нередко державность отождествляется с самодержавной, авторитарной властью, не ограниченной законодательными или иными противовесами. В то же время у иных авторов демократия отождествляется с полной, ничем не ограниченной свободой, граничащей с вседозволенностью и анархией. В действительности же правильно понятые державность и демократия отнюдь не

исключают и не могут исключать друг друга. Если под державностью иметь в виду сильную государственность, а под демократией свободу в рамках ответственности, то с полным основанием можно утверждать, что без четкого, решительного и принципиального следования идее сильной российской государственности все рассуждения о демократии, свободе, гражданском обществе, правовом государстве и т.д. останутся лишь пустыми разговорами, опасным и безнравственным кокетничаньем перед разношерстной люмпен-интеллигентщиной, требующей полного и окончательного решения немедленно всех вопросов, в том числе и неограниченной свободы, демократии, прав человека. Нельзя упускать из виду тот общеизвестный, можно сказать, банальный факт, что истинные свободы, демократия и права всех граждан независимо от национальной, социальной, религиозной или иной принадлежности отнюдь не противоречат идее и принципам государственности. Более того, они взаимно пронизывают, предполагают друг друга и невозможны друг без друга.

Свобода и права человека превращаются в иллюзию, если полноценно не работают все без исключения властные структуры как по вертикали, так и по горизонтали.

Согласно канонам системной теории, для поддержания жизнеустойчивости и равновесия система должна иметь более или менее сильное ядро, способное удержать в своей орбите компоненты периферии и обеспечить преобладание центростремительных сил над центробежными. Этот момент приобретает особую значимость в нынешних условиях, чреватых негативными последствиями для российской государственности. Императивы сохранения единства государства оказались важнее ускорения процессов создания реальной федерации, в результате чего на первый план выдвинулась необходимость концентрации внимания на факторах консолидирующего характера.

Не следует ни обожествлять государство, ни считать его дьявольским наваждением. Но вслед за И.Ильиным можно повторить, что государство представляет собой "положительно-правовую форму родины". В 1958 г. Ш. де Голль потому и одержал победу над своими противниками недееспособной Четвертой республики, что выдвинул в качестве политического лозунга идею величия Франции. Одним из важнейших факторов, обеспечивших успех правительства социалистов во главе С.Ф. Гонсалесом в 1982 г., было то, что оно твердо отстаивало идею целостности сильного испанского государства. Немаловажную роль в том и другом случаях сыграл патриотизм соответственно французов и испанцев. В этом смысле элементы державности присущи США - классической демократической республики.

Но одинаково опасны как переоценка, так и недооценка места и роли государства. Оно должно быть слабым и малым, т.е. не быть препятствием всему тому, что служит реализации потенциальных возможностей отдельной личности: частного, специфического, партикулярного и т.д. Запретными зонами для государственного вмешательства являются вера, культура, искусство, частная жизнь, т.е. все те сферы, где осуществляются производство и воспроизводство человека, его социокультурная, духовная этнонациональная самость. Это те сферы, которые способны саморегулироваться с помощью морально-этических норм, правил игры, гражданской ответственности и других механизмов, которыми располагает само гражданское общество без вмешательства государства. Государство должно быть большим и сильным в плане реализации права и закона, создания условий для эффективного функционирования гражданского общества, в гарантировании жизни, прав и свобод отдельной личности независимо от его социального происхождения, вероисповедания, национальности и т.д. Оно должно быть слабым и малым, там, где речь идет о юрисдикции, полномочиях, прерогативах и функциях субъектов федерации, сильным и большим при отстаивании общегосударственных начал. Необходимо не противопоставлять эти начала, а органически интегрировать их в некое неразрывное целое, утверждать либеральные принципы таким образом, чтобы они органически сочетались и уживались с консервативными, традиционалистскими, патерналистскими принципами.

Очевидно, что изложенные здесь положения никоим образом не противоречат принципам индивидуальной свободы, правам человека и гражданина, рыночной экономике, социального, политического, культурного, идеологического и иных форм плюрализма, т.е. всему тому, что составляет сущностные характеристики демократии. Не противоречат они и основополагающим принципам правового государства.

Как свидетельствует исторический опыт, сильным и дееспособным оказывается то государство, где границы свободы и прав человека строго фиксированы законом, а власть служит закону в качестве инструмента реализации и гарантии свобод и прав человека. Без этих условий демократия превращается в анархию - правовое государство тогда и только тогда может в полной мере выполнить свои функции, если оно способно не только принимать, но и, что еще важнее, обеспечивать реализацию этих законов. Именно в таком государстве последовательно сочетаются основополагающие принципы прав человека, прав и свобод всех входящих в него народов, их самоопределения, а также правозаконности и сильной власти как по вертикали, так и по горизонтали. В условиях сегодняшней России таковым может быть лишь государство, основанное на принципах подлинного федерализма, правозаконности и реального разделения властей как между различными ветвями власти, так и между Центром и субъектами федерации.

Вопросы и задания для самопроверки

1. В чем состоят особенности политической культуры России?
2. Что можно сказать о генотипе политической культуры России?
3. Что имеют в виду, когда говорят о многообразии России, России "многих скоростей"?
4. Каково место идеи государства или державной идеи в политической культуре России?
5. Какова роль православия и других конфессий в детерминации характера политической культуры России?
6. В чем, по-вашему, состоит антиномичность российского менталитета?
7. В чем в России проявляется персонализация политики?
8. Дайте характеристику роли интеллигенции в политической жизни России.
9. Какое влияние оказал "догоняющий тип" развития на политическую культуру России?
10. Противоречат ли духу российского менталитета принципы и ценности демократии?
11. Какие именно элементы политической культуры России могут содействовать утверждению демократии?
12. Какова, по-вашему, особенность российского пути к демократии?

Глава 18 Этика и политика

Политика и этика, этика и политика. Выявить реальное соотношение этих двух важных аспектов человеческой деятельности пытались и все еще пытаются как на Западе, так и на Востоке. По этому поводу было немало споров, дискуссий и полемик. В данной главе дается анализ этой проблемы.

18.1. Важнейшие трактовки проблемы

Жизнеспособная и прочная политическая система - это власть плюс законность и эффективность, т.е. способность удовлетворить основные функции управления. Однако и законность, и эффективность во многом определяются тем, насколько государственные институты и сама политическая система в целом соответствует господствующим в обществе идеалам и ценностям, где морально-этическому началу принадлежит отнюдь не последнее место. Не просто определить этическую систему. Под ней можно понимать общепринятые в данном обществе правила поведения людей и социальных групп, систематический кодекс моральных принципов, теорию, призванную оправдать или осудить те или иные деяния людей. Она занимается проблемами добра и зла, должного и сущего, достойного и недостойного и т.д. Морально-этические ценности и нормы пронизывают практически все сферы жизни людей. Но тем не менее их следует отличать от религиозных, правовых, политических и просто норм этикета. Морально-политическое начало невозможно понять без представлений о добродетели, совести, сознании долга, правил, с которыми должны соотноситься человеческие действия. В этом контексте этика составляет науку о законах и нормах поведения людей. Включая в себя основополагающий элемент идеального и трактуя их в категориях высшего блага, добра, должного и т.д.» она принимает форму учения о ценностях и конечных целях.

Мораль - одна из сущностных проявлений человеческого измерения, занимающая особое место по отношению ко всем видам человеческой деятельности. Поскольку политика является одной из важнейших сфер человеческой деятельности, то невозможно ее отделить от этики и морали, тем более противопоставлять ей. Моральные ценности и нормы, имеющие касательство к политическому миру, к его институтам, отношениям, политическому мировоззрению и поведению членов того или иного сообщества, в совокупности составляют политическую этику. *Политическая этика* - это нормативная теория политической деятельности, затрагивающая такие основополагающие проблемы, как справедливое социальное устройство, взаимные права и обязанности руководителей и граждан, фундаментальные права человека и гражданина, разумное соотношение свободы, равенства, справедливости и т.д. Как писал М.Вебер [10, с. 703],

...кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи - такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским богом в его церковном проявлении,- напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом.

Отсюда возникают отнюдь не праздные вопросы: можно ли вообще говорить о политической этике как таковой? Правомерно ли применение к сфере политики категории этики и морально-этических ценностей? Если нет, то можно ли говорить о человеческом измерении в политике? и т.д.

Следует отметить, что в истории политической мысли на эти вопросы давались неоднозначные ответы. Определяя в качестве равной цели политики обеспечение "высшего блага" граждан полиса и предписывая ей нравственно-воспитательную роль, Ариристотель, в частности, утверждал [2, с. 467]: "Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе". Если традиция, идущая от Платона и Аристотеля, рассматривает мораль и политику как единое целое, призванное реализовать принципы справедливости, то христианская традиция взводит понятия "этика" и "политика", воплощенные в "богово" и "кесарево".

Впервые в четко сформулированной форме проблему соотношения этики и политики поставил Н.Макиавелли. Он разработал особое политическое искусство создания твердой государственной власти любыми средствами, не считаясь с какими бы то ни было моральными принципами. Для пользы и в интересах государства правитель должен органически сочетать в себе хитрость и силу, т.е. быть одновременно лисой и львом. Он может не хранить верность своему слову, прибегать к лукавству и вероломству и т.д. одним словом, использовать все средства, которые способны укрепить государство. Для Макиавелли высшая ценность - это государство, перед которым ценность отдельной личности или любые другие ценности отступают на задний план или же полностью игнорируются. Изгнав этику из сферы политики, Микиавелли заменил ее ценностно-нейтральным подходом. Более того, эти аргументы были использованы для обоснования тезиса о том, что в политике цель оправдывает средства.

К аналогичному выводу, хотя и с прямо противоположных исходных позиций, пришел и марксизм, особенно в его ленинистской ипостаси. В период возникновения социалистические и коммунистические идеи представляли собой выражение идеальных и нравственных устремлений людей своей эпохи. Существуют некие внутренние механизмы и особенности зарождения, достижения зрелости и постепенного самоисчерпания мобилизационных и интеграционных возможностей разного рода идей и концепций. Провозгласив целью социализма "грядущее избавление от рабства и нищеты", К.Маркс и Ф.Энгельс выступали против "фантастических сентиментальных бредней", которые, по их мнению, могли оказать лишь "деморализующее влияние на рабочих" [43, т. 4, с. 1]. Они высказывались за свободное самостоятельное творчество "нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях" [там же, с. 593].

Однако в дальнейшем, когда был выдвинут тезис о приоритете социально-экономических факторов и реальных жизненных интересов, эти соображения фактически оказались отодвинутыми на задний план. Более того, уже в "Коммунистическом манифесте" провозглашалась идея о том, что коммунистическая революция "самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого", в том числе и с моралью [там же, с. 446]. При всех необходимых в данном случае оговорках нельзя не признать, что в марксистской этике центральное место занимает противопоставление "классовой морали" универсальным гуманистическим ценностям. Ф.Энгельс, например, писал [43, т. 4, с. 95-96]:

Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона... Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике.

Наиболее далеко идущие из такой постановки вопроса выводы сделали В.И.Ленин и его сподвижники и последователи. "Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата",- писал Ленин [40, с. 339]. Здесь мораль поставлена на службу политическим целям, доведена до уровня элемента идеологии.

Если марксизм-ленинизм пришел к отрицанию морально-этического начала в политике, подчинив его всецело так называемой классовой морали, то идеологи фашизма и нацизма добились того же результата, поставив во главу угла своей идеологии национальную мораль, противопоставленную как классовой, так и общечеловеческой морали. Как утверждал, например, А.Розенберг, идея национальной морали стоит выше любви к ближнему. Именно этот постулат послужил в качестве одного из краеугольных камней нацистской политической идеологии, которая возвела профессионализм в массовом истреблении людей в ранг высшей добродетели.

Особого внимания заслуживает позиция позитивизма. Руководствуясь рационалистической традицией, восходящей к Р.Декарту, Т.Гоббсу и другим мыслителям Нового времени, позитивисты стремились свести политику всецело к науке с целью создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Например, по мысли одного из основателей позитивизма О.Конта, нет свободы совести в математике и астрономии, ее не должно быть и в социологии. Позже эту установку усвоили и представители других социальных и гуманитарных дисциплин, в том числе и политической науки. Считалось, что политическая наука, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в конкретных сферах, дает возможность определить те величины, действуя на которые, можно достичь желаемых результатов. Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали сторонники утилитаризма. Его основатель И.Вентам, отказавшись от постулата просветителей о том, что общее благо достигается в том случае, если люди руководствуются установками естественного права и вечных законов природы, искал мерило их должного поведения в практической личной выгоде.

Постепенно торжество рационализма, сциентизма и научных методов исследования политических феноменов привело к отделению фактов от ценностей, объективизации, ценностной нейтрализации позитивистской политологии. Несовместимость фактов и ценностей постулировалась на том основании, что суждения о последних не содержат объективных знаний, а составляют

эмоциональную реакцию на конкретные обстоятельства, истинность которой не поддается научной верификации. Провозглашенная позитивистами нейтральность или беспристрастность политической науки привела к тому, что нравственные аспекты политики были объявлены "личным делом" участников политического процесса, не имеющим никакого отношения к политическому анализу. Следуя этому принципу, позитивисты выступали за то, чтобы юриспруденция занималась разработкой исключительно позитивного права - jus qua jussum, отбрасывая проблему справедливого закона - jus qua justum. Эту позицию наиболее четко выразил, пожалуй, известный французский писатель А.Франс, который утверждал: "Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный - добродетель, она толкает на преступление"

18.2. Политика между профессионализмом и моралью

Древний постулат, согласно которому мораль понимается как выбор достойных средств для достижения разумно поставленных целей, лежит в самом основании политики. И действительно, в политике, где центральное место занимает человек, нельзя игнорировать то, что можно обозначить понятием "человеческое измерение". Там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей непременно присутствует ценностное начало. Уже по самому своему определению политика и изучающая ее политология пронизаны морально-этическим началом, поэтому политика не может не иметь морально-этического измерения. Доводы относительно того, что политика должна основываться исключительно на прагматизме, что "чистые руки", т.е. мораль, несовместимы с политикой, не во всем сообразуются с сущностью политики как результата и поля деятельности человека - морально-этического по своей природе существа. В этом контексте неправомерна сама постановка вопроса в форме противопоставления морали и политики. В реальной действительности, как отмечал К.Г.Баллестрем [5, с. 84], "политическое действие развертывается в поле напряжения между властью и моралью".

Поэтому задача политика состоит в том, чтобы найти оптимальную линию для адекватного отображения мира политического и соответственно поиска оптимальных для всего общества решений. Необходимо различать практическую целесообразность и нравственную справедливость. Как отмечал А.А.Гусейнов [80, с. 10],

...надо отличать необходимое и допустимое от нравственно достойного и желательного. Смертная казнь допустима, на данном этапе развития общества даже практически необходима, но она не может быть оправдана с позиций высших этических ценностей. Несовершенны общества, которые практикуют смертную казнь, но трижды несовершенны те из них, которые гордятся этим.

Функционирование современного государственного аппарата и механизма политического управления невозможно представить себе без рационально разработанных, твердо установленных и обязательных формальных правил, без строгой профессионализации политики и механизма управления. Инструментом и одновременно результатом такой профессионализации, в частности, стала бюрократия, которая основывается на принципах профессиональной компетентности, иерархии и специализации функций. В данном контексте, естественно, возникает вопрос о соотношении профессионализма и нравственности. М.Вебер проводил различие между чиновником и политиком [10, с. 666]:

Подлинной профессией настоящего чиновника... не должна быть политика. Он должен "управлять" прежде всего беспристрастно.... по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены "государственные интересы", то есть жизненные интересы господствующего порядка. Sine ira et studio - без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен желать политик - как вождь, так и его свита, - бороться... Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть - ira et studium - суть стихия политика, и прежде всего политического вождя.

Деятельность политика и деятельность чиновника подчиняются различным принципам ответственности. Чиновник обязан точно и добросовестно выполнять приказ вышестоящего начальника (если даже он ошибочный). Без такой нравственной дисциплины невозможно функционирование любого аппарата. Политический же руководитель или государственный деятель несет личную ответственность за все свои действия. А это со всей очевидностью предполагает наличие у субъекта ответственности морально-этических позиций и убеждений. С этой точки зрения профессионализм и эффективность чиновника и есть показатель его нравственности, верности своему профессиональному призванию и долгу.

Необходимо провести линию разграничения между правом и нравственностью. А.Шопенгауэр сформулировал следующий постулат: "Neminem laede, sed omnes, quantum est, inva - никому не вреди, но всем, насколько можешь, помоги". Первая часть этого постулата отражает золотое правило "не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе", т.е. необходимость признания наряду с собственными правами и права остальных сограждан. Вторая часть постулата выражает морально-этический аспект, предусматривающий наряду с соблюдением личного, эгоистического интереса и заботу о благе остальных. В политике это архисложная задача, и особенно важно не

допустить перекоса в какую-либо сторону: профессионализма в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала в ущерб профессионализму.
Подчинение права нравственности, предполагая юридическое определение последней, означает стремление к насильственному насаждению справедливости и добра и может привести к всевластию государства. Об этом со всей очевидностью свидетельствует опыт тоталитаризма, где политика всецело подчинена идеологии, претендовавшей на принудительное осчастливливание всех людей. Здесь, как отмечал Н.Бердяев, правда-истина была соединена с правдой-справедливостью и, добавим, со своеобразно понимаемой распределительно-уравнительной правдой-справедливостью. В результате истина оказалась принесенной в жертву соблазну великого инквизитора, требующего отказа от истины во имя народного блага.
Подлинная любовь к народу не может основываться на игнорировании истины, какой бы горькой и неприятной она ни была. Однако выделение и определение истины в сфере политического - задача особенно трудная. Как справедливо подчеркивал М.Вебер, практический политик может занять некую среднюю позицию, играя роль посредника между конфликтующими сторонами, или принять позицию одной из сторон. Ни то, ни другое не имеет ровным счетом ничего общего с научной объективностью. Там, где замалчиваются неприятные или неприемлемые факты жизни, ни так называемая средняя линия, ни идеалы крайне правых или крайне левых ни на йоту не приближаются к научной истине. М.Вебер считал опасным самообманом убеждение в том, будто можно получить практические нормы, обладающие научной значимостью, посредством синтезирования ряда партийных точек зрения или построения равнодействующей, ибо такая позиция, стремящаяся часто к релятивированию и маскировке собственных ценностных масштабов, представляет собой значительно большую опасность для объективного исследования, чем прежняя наивная вера партий в научную "доказуемость" их догм [10, с. 553].
Любой политик так или иначе сталкивается с вечной и в сущности неразрешимой антиномией между справедливостью и эффективностью, свободой и равенством. Мировой опыт дает достаточно примеров того, что эффективное функционирование любых сфер жизнедеятельности, в первую очередь социально-экономической, требует конкуренции, но конкуренция жестока, она порой не знает пощады к людским судьбам, а порой и к самой человеческой жизни. Однако такова жизнь! Без конкуренции, без соперничества она чахнет. Вместе с тем любая общественно-политическая система, любой режим не может сколько-нибудь длительное время существовать без легимитизации, которая в свою очередь нереальна хотя бы без видимости соблюдения элементарных норм справедливости. Более того, справедливость является одним из краеугольных камней любой теории легитимности. Не случайно тиранические режимы неизменно декларируют свою приверженность принципам справедливости. Истинная же справедливость требует относиться ко всем людям как к равным, но в то же время не приемлет стремления принуждать их стать равными, поскольку это связано с административным уравнением не равных по своим способностям людей, а следовательно, означало бы неравное, т.е. несправедливое, к ним отношение.
В трактовке данного вопроса существует самый широкий спектр мнений. Социалисты и левые либералы решительно выступают за так называемую перераспределительную справедливость. А консерваторы усматривают в ней ущемление свободы тех, кого облагают налогами для обеспечения фондов распределения, например видный представитель консерватизма Ф. фон Хайек считал, что справедливость предполагает распределение или перераспределение материальных благ, а это в свою очередь предполагает наличие распределителя, который осуществляет этот акт в соответствии со своим субъективным пониманием добра и зла, справедливости. В свободном обществе и рыночной экономике нет и не должно быть распределения или перераспределения, т.е. вообще нельзя вести речь о социальной справедливости. Здесь все действия совершаются естественным путем, и каждый участвующий в этом механизме получает свое. Речь может идти о помощи людям при несчастном случае, при стихийных бедствиях, болезни, катастрофе, но не об исправлении или восстановлении социальной справедливости.
Иной точки зрения придерживается либерал Дж.Роулс, теория справедливости которого в последние два десятилетия пользуется особой популярностью. Роулс считает, что подобно тому, как истина составляет главную добродетель науки, справедливость есть главная добродетель общественных институтов. Независимо от своей стройности и привлекательности любая теория подлежит замене, если обнаруживается ее несоответствие фактам. То же самое и в отношении общественных институтов и законов, если они продемонстрировали свою несправедливость. В силу того что любой индивид пользуется правом неприкосновенности своей личности, ни одно общество, претендующее на приверженность принципам справедливости, не вправе нарушить это право ни под одним предлогом. Подобно тому, что единственным оправданием применения ошибочной теории является отсутствие лучшей, так и "несправедливость становится терпимой, если необходимо избежать еще большей несправедливости"[143].
Долг общества - обеспечить своим членам условия для достойной человека жизни. У общества не может быть целей, отличных от целей своих членов. Поэтому гражданство представляет собой не только юридически-правовой статус, но и социальное состояние. Равенство перед законом и

связанные с этим гражданские права в правовом государстве составляют лишь часть, которую необходимо дополнить политическими и социально-экономическими правами. Очевидно, что обеспечение подлинной свободы в обществе предполагает, чтобы каждый человек стал гражданином не только в юридическом и политическом, но и в социальном плане. Политическое равенство - это не самоцель, а исходное состояние, которое создает равные для всех условия выбора. Оно служит тем фундаментом, на котором процветает свобода. Свобода остается недостижимой мечтой, пока каждому члену общества не будет обеспечен равный доступ ко всему разнообразию жизненных шансов.

Это предполагает создание защитных мер, дабы никто не мог пасть ниже общего исходного статуса. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций гражданского общества и правового государства является обеспечение минимальных необходимых средств существования для всех своих членов, прежде всего тех, которые в силу разных причин не в состоянии это делать сами (инвалиды, больные, престарелые, дети-сироты и т.п.). Данную задачу первоначально выполняли главным образом разного рода институты гражданского общества: кровно-родственные, сельские, соседские общины, церковные организации, благотворительные организации и фонды, профессиональные общества, профсоюзы и т.д. Позже в силу различных причин значительную часть ответственности за обеспечение необходимого уровня жизни в XX в. взяло на себя государство. Более того, в индустриально развитых странах в результате неуклонного расширения социальных программ, осуществляемых государством, утвердилось государство благосостояния, составной частью которого является широкий комплекс программ, призванных обеспечить приемлемыи уровень жизни непривилегированным слоям населения - старикам, инвалидам, всем категориям нетрудоспособных членов общества. В качестве одной из главных целей государства благосостояния его приверженцы выдвинули "расширение” демократии - предоставление всем членам общества не только юридических и политических, но также социальных прав путем справедливого, с их точки зрения, перераспределения доходов. В социал-демократии и либеральном реформизме государство благосостояния рассматривается как гарант обеспечения социальной справедливости и социальные программы стали неотемлемой частью правового государства.

18.3. Антиномии равенство - свобода, реальное - идеальное

При решении проблемы справедливости перед любым политиком так или иначе встает вопрос о свободе и равенстве, правах : обязанностях человека и гражданина. Ключевое место здесь зажимает идея личной свободы. Она выступает как источник и зава, и нравственности. Сам факт утверждения гражданского начала тесно связан с упрочением идеи свободы личности. Максимум гражданской свободы обеспечивает максимум нравственной Свободы. Вместе с тем, как подчеркивал Ф.М.Достоевский, свобода без внутреннего самоограничения ведет к распущенности. Свобода личности имеет смысл лишь в соотнесенности с чем-то другим, о ней как о ценности можно говорить лишь в отношениях между людьми. С этой точки зрения свобода составляет важную, но не единственную сущностную характеристику человека. Будучи разумно-нравственным существом, человек живет и действует, не только преследуя собственные эгоистические цели и интересы, но и носит в себе сознание сверхличных, стоящих над ним начал и законов (сверхличных в том смысле, что отдельный индивид немыслим вне общества и общественных связей). Человек сам по себе не может быть мерой всех вещей. В этом качестве он может выступать лишь как существо нравственно-разумное, которое руководствуется оснрвополагающими морально-этическими нормами и установками, составляющими некую невидимую ось, обеспечивающую сущностное единство общества.

С точки зрения оранжировки и определения приоритета целей и средств их достижения актуальна проблема соотношения идеального и реального в политике. Как указывалось выше, этика, в том числе и политическая, включает в себя элемент идеала и соответственно идею о конечных целях общества. Естественно, что в точке пересечения этики и политики особую актуальность приобретает вопрос об общественном идеале, а также о соотношении целей и средств. "Что всегда превращало государство в ад на земле, так это попытки сделать его земным раем",- писал Ф.Гельдерлин. Попытка определить конечную цель политического действия, тем более реализовать идеал совершенного общества, не согласуется с основными принципами как моральной философии, так и самой природы человека. В истории не было и не могло быть прямолинейного прогресса добра, совершенства, справедливости, счастья, ибо сам человек является средоточием как светлых, так и темных, как божественных, так и дьявольских начал, начал добра и зла.

При разработке того или иного общественного идеала необходимо исходить из постулата о свободе бесконечного развития, а не цели достижения полной гармонии всех аспектов жизни. Подобно тому как видимый физический горизонт есть всего лишь иллюзия, за которой простирается бесконечность, мыслимый человеком моральный горизонт также является иллюзией, за которой лежит бесконечность действий и устремлений. Понятие бесконечности - фундамент общего миропонимания, оно должно быть краеугольным камнем также моральной философии. По словам П.Новгородцева, путь морального прогресса - это путь исканий и стремлений, человек идет по этому пути, не

останавливаясь на достигнутом и преодолевая препятствия [73]. Здесь имеется в виду не достижение конечных целей и окончательных решений, а непрекращающееся стремление к вечному идеалу. Этот идеал, собственно говоря, и может существовать как идея, утопия, отдаленная цель, которую невозможно в полной мере достигнуть, но к которой люди всегда будут стремиться. Пытаясь реализовать эти стремления, они идут к более совершенному обществу с более гуманными, свободными, демократическими отношениями.

Когда мы слышим о том, что такая-то партия, придя к власти, не реализовала все свои программные установки, обещания, или что такому-то идейно-политическому течению не удалось сформулировать программу, в полной мере соответствующую существующим реальностям, или что программа "великого общества" Л.Джонсона (государство благосостояния) потерпела неудачу в решении проблем бедности и социального равенства в США, то это говорит не столько о несостоятельности программы, предлагаемой определенным идейно-политическим течением, сколько о невозможности втиснуть все многообразие социального бытия в прокрустово ложе каких бы то ни было схем и проектов. Утверждают, что король Кастилии и Леона Альфонсо X, правивший в XIII в., заявлял, что если бы Бог посоветовался с ним, когда создавал мир, получил бы неплохой совет. Возможно, нам следует возблагодарить всевышнего за то, что он не обратился к самонадеянному монарху за таким советом.

Вечная антиномия между идеалом и реальностью постоянно самовоспроизводится, поскольку реальность не может быть статичной, неизменной, раз и навсегда утвердившейся. Всякая идеальная конструкция создается путем экстраполяции количественных переменных и параметров наличного состояния на будущее, которое имеет собственную систему детерминаций, приоритетов и предпочтений. В данном контексте легче понять принципиальную невозможность разрешения антиномии между свободой и равенством. Обе эти категории представляют собой идеалы, желательные для большинства людей, но практически недостижимые. Теоретическое допущение полной реализации идеала свободы предполагало бы ущемление равенства и, наоборот, полная реализация идеала равенства - ущемление свободы.

Если я не стою за себя, то кто встанет за меня? Если я только за себя, то кто я? Если не сейчас, то когда?

Если принять за отправную точку это изречение из Талмуда, то одинаково несостоятельными морально окажутся как учения, проповедующие неограниченный индивидуализм, так и учения, которые требуют жертвовать благосостоянием и счастьем ныне живущих во имя будущих, еще не родившихся поколений. Как подчеркивал А.И.Герцен, каждое поколение - это свой собственный мир, "цель для каждого поколения оно само" и нельзя приносить его в жертву, превращая в опору, призванную всеми своими силами поддержать свод еще неспроектированного и непостроенного здания, предназначенного для будущих поколений. Все предшествующие поколения носили в себе и свою цель, и свое оправдание. Иначе потеряли бы смысл и значение как исчезнувшие древние цивилизации, так и деяния наших предков. Нет и не может быть такого состояния общественного бытия или такой организации социальной жизни, где общественный идеал нашел бы полную и завершенную реализацию такого состояния, для которого любое прошлое или любое настоящее могло бы служить средством.

Сама постановка вопроса об окончательном решении, полной реализации той или иной идеальной модели или конечной цели черевата огромной опасностью для самой человеческой свободу соответственно опасностью аннигиляции самой морали и нравственности. Тот, кто верит в возможность окончательного решения всех проблем человечества путем создания совершенной общественно-политической системы, будет готов заплатить за это любую цену, в том числе, как это продемонстрировали тоталитарные ре жимы, миллионы и десятки миллионов человеческих жизней. По самой своей логике он готов подавлять и уничтожать своих оппонентов, если они не разделяют его целей, искоренять все еретические, по его мнению, взгляды. Поскольку путь к цели далек и долог, необходимо постоянно принимать меры, призванные обеспечить стремление к цели,- подавлять всякую критику, ликвидировать оппозицию, насаждать убеждение в мудрости и всемогуществе предводителя. Один из важнейших принципов такого утопизма состоит в том, что каждая наступившая эпоха будет приноситься в жертву тем, которые придут после нее, и так до бесконечности.

Очевидно, что проблему соотношения политических целей и средств невозможно разрешить, основываясь, как это пытался делать Ф.В.Ферстер, на постулате: "Из добра может следовать добро, из зла лишь зло". Исторический опыт показывает, что в сфере властных отношений наидостойнейшего из людей подстерегает множество соблазнов. Как говорили древние греки, власть выявляет истинную суть человека. Приходится констатировать, что последняя слагается из множества константных и переменных величин, где божественное перемежается с сатанинском, благородное с низменным, истинно человеческое с неандертальским, устремленность ввысь с дьявольской одержимостью и т.д.

Очевидно, что не всегда человек выдерживает испытание властью и нередко второе начало одерживает верх. Поистине, как говорил один из героев Честертона отец Браун, "можно удержаться

на одном уровне добра, но никому еще не удавалось удержаться на одном уровне зла". К сожалению, за примерами, свидетельствующими о верности этого суждения, вовсе не нужно обращаться к отдаленным временам или странам. В нашей сегодняшней жизни их предостаточно. К тому же не всегда человек или идея выступает на общественно-политическую авансцену в своем истинном обличий. Случается, что великие идеи приходят в мир в обнимку со злом, а бывает и так, что, как говорил Ф.М.Достоевский, зло приходит в мир в маске добра. Сколько за всю историю разного рода лжепророков, претендовавших на осчастливливание всех людей, на деле оказывались сущими антихристами и *бессовестными,* злодеями, принесшими неисчислимые бедствия и чужеземным народам. Эти примеры демонстрируют верность слов лорда Эктона, который говорил: "Любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно". Нашим политикам, только что освободившимся из тоталитарного плена, стоит всерьез поразмышлять над этим.

Выдвигая хорошие, на первый взгляд, а то и прекрасные идеи, нельзя забывать о реальностях, тем более подгонять под них эти реальности. В этом контексте интерес представляет проводившееся П.Сорокиным разграничение в подходах к этике между неокантианством и социологизмом. Первое говорит словами С.Лотце [80, с. 325]: "Я все еще убежден, что иду правильным путем, когда ищу в том, что должно быть, основание того, что есть". Второй же, наоборот, утверждает: "В том, что есть, мы ищем то, что должно быть". Однако, как представляется, нет непреодолимого разграничения между миром сущего и миром должного. А если это так, то нет и резко обозначенной границы между властью и моралью.

Идеальная цель, как бы далека и возвышенна она ни была, должна принадлежать реальному миру. Важное место в нашей жизни занимает выбор между возможностями, предоставляемыми реальными условиями, и обстоятельствами. Разумеется, можно пассивно наблюдать, плыть в водовороте политических событий и процессов. Но все же политика немыслима без решений, а всякое решение сопряжено с выбором из двух и более вариантов. На принятие решения непосредственное влияние оказывает то, как принимающий его человек оценивает мир, свое место в нем и происходящие события. Оценки, на основе которых принимаются решения, могут быть сознательными или бессознательными, простыми или сложными, тщательно продуманными или поспешными, основанными на солидной или поверхностной информации.

18.4. "Моральный компромисс" как категорический императив политической этики

Все многообразие результатов и предметов человеческой деятельности, а также сами отношения между людьми оцениваются в категориях добра и зла, истинного и ложного, справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного. Способы и критерии такой оценки, выраженные в форме нормативных представлений, закрепляются в общественном сознании как "субъективные Ценности", установки, оценки, ориентации, императивы, запреты и т.д. В системе ценностей зафиксированы те критерии социально признанного в данном обществе или социальной группе, на основании которых формируются более конкретные системы нормативного контроля и целенаправленные действия людей.

Как говорилось выше, гражданское общество представляет собой сферу сотрудничества и столкновения множества частных интересов. Возникает немаловажный вопрос, как достичь совместимости разнородных и противоречивых интересов всех членов общества, их общей воли и морально-этического начала. Способность обеспечивать такую совместимость и делает политику искусством возможного. И это означает не отказ от морально-этического ценностного начала, а то, что сама политическая этика должна быть реалистичной, т.е. учитывать реальные общественные и структурные предпосылки политической деятельности и возможности реализации того или иного политического курса. Учет этих предпосылок предполагает, по определению К.Г.Баллестрема, моральный компромисс [5, с. 92-931:

<Такой компромисс отнюдь> не означает отказ от собственных убеждений или их дискредитации, он означает признание приоритетов того, что в конкретной ситуации является наиболее приемлемым для большинства; он оставляет право использования собственных убеждений для завоевания этого общества.

Все то, что согласуется с такой концепцией справедливости И готовности к компромиссу, представляет собой отрицание возможности определения истинности моральных убеждений, навязывание собственных моральных убеждений, стремление устранить, как говорил К.Г.Баллестрем, "скандальный плюрализм при помощи диктата добродетели и воспитания".

Здесь мораль как сущностное проявление человеческого измерения - это одно, а абстрактное морализирование - нечто совершенно иное. Важно также различать практическую целесообразность, необходимость или неизбежность того или иного действия и его моральную оправданность и обоснованность. То, что исследования и разработки в области химии чреваты для людей и общества опасными последствиями, не означает, что должны быть прекращены изыскания. Но действительно опасен тот химик, который неосознает опасности. То же можно сказать и о политике. Разумеется, идеальным является такой политик, который стремится к достижению наибольшего блага для

наибольшего числа людей. Но ни один политик не может гарантировать этого, тем более предвидеть все возможные последствия своих действий. В данной связи М.Вебер писал [10, с. 697]:
Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение "хороших" целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель "освящает" этически опасные средства и побочные следствия.
Политик зачастую оказывается перед дилеммой: либо принимать непопулярные и жестокие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, оказаться перед перспективой еще более усугубить ситуацию. С одной стороны, максима "политика есть искусство возможного" ставит определенные пределы морализации политики. С другой стороны, этика в свою очередь определяет возможные пределы, за которые политик не может выйти без риска оказаться политическим трупом. С учетом этого, перефразируем известное высказывание: "Политики должны ставить себе всегда только такие задачи, которые они могут разрешить, соблюдая при этом общепризнанные в обществе морально-этические нормы". Но в любом случае главная цель политика должна состоять в том, чтобы показать неправомерность слов поэта П.Валери, который говорил: "Политика - это искусство не давать людям заниматься тем, что для них является главным". Политика, оцениваемая в морально-этическом измерении, как раз и должна обеспечивать условия, позволяющие людям заниматься тем, что для них является главным.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какое содержание вкладывается в понятие "политическая этика"?
2. Перечислите важнейшие трактовки проблемы соотношения морали и политики.
3. Какова ваша собственная позиция по данному вопросу?
4. Каково соотношение профессионализма и морали в политике?
5. Чему в политике следует отдавать предпочтение - праву или нравственности?
6. Какова в политике взаимосвязь между справедливостью, правом и нравственностью?
7. Как решаются в политике антиномии равенство - свобода, реальное - идеальное?
8. Как решается в политике вопрос о соотношении целей и средств?
9. Что вы понимаете под моральным компромиссом и какое содержание вкладываете в известную формулу "политика есть искусство возможного"?

Глава 19 Методология познания мира политического

Важной составной частью политической философии и политической науки является методология, представляющая собой определенный способ видения и организации исследования. Она включает систему аналитических методов и приемов, проверок и оценок концептуального и идейного арсеналов, в совокупности составляющих общий подход к решению стоящих перед данной наукой проблем. С методологией тесно связаны методы, процедуры и процессы, технические приемы и средства исследования и анализа, а также проверки и оценки данных. Известный германский философ К.Ясперс считал, что всякая подлинная наука представляет собой знание о методах и границах этой науки. В целом методология представляет собой комплекс правил и критериев интерпретации фактов, исследовательских планов, приемов сбора данных и т.д. Очевидно, что она тесно связана с теорией, которая в свою очередь является частью господствующей в данный период общественно-политической парадигмы.

19.1. Рационализм и позитивизм в политической науке

Для развития методологии изучения мира политического основополагающее значение имело то, что она формировалась и утверждалась в русле рационалистической традиции. Основоположники социальных и гуманитарных наук испытывали сильное влияние моделей универсальной рациональности и ньютоновского механистически-сциентистского видения мира, с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями и т.д. Р.Декарту принадлежит тезис, согласно которому животное есть лишь сложная машина. Т. Гоббс развил этот тезис, в полной мере перенеся его на человека. В "Левиафане" человек характеризуется как машина, жизнедеятельность которой изображается в виде движения ее частей: сердца-пружины, нервов-нитей, суставов-колес и т.д. Более того, Гоббс рассматривал само государство в качестве грандиозного и искусственного человека - Левиафана, в котором разыгрываются исключительно механистические процессы и взаимоотношения. Тем самым, у Гоббса рационализм и абсолютизм слились в великом синтезе. Пожалуй, наиболее полное выражение эта традиция нашла в произведении Ж.Ламетри "Человек-машина" (1747), в котором человек рассматривался как самозаводящаяся машина, подобная часовому механизму.
Представители рационалистической традиции видели в науке тот ключ, которому под силу открыть все двери от тайн как природы, так и социального мира, в том числе и мира политического. Еще Т.Гоббс говорил о необходимости создания науки о политике, которая бы заняла свое место рядом с

наукой Коперника, Кеплера и Галилея, причем такой наукой он считал философию государства. В русле этой традиции О.Конт обосновывал мысль, что политическую науку можно возвести в ранг опытных наук. В своей ставшей известной речи в 1862 г. Г.Гельмгольц практически уравнивал гуманитарные и естественные науки, хотя и признавал, что индуктивный метод применительно к историческому познанию находится совсем в иных условиях, нежели при естественно-научных исследованиях. Симптоматично, что, решительно отстаивая и защищая теоретическо-познавательную самостоятельность гуманитарных наук, известный немецкий исследователь В.Дильтей соглашался с тем, что для последних образцом являются естественные науки. В XIX - начале XX в. сперва О.Конт, К.Маркс, Ф.Энгельс и их последователи, а затем Э.Дюркгейм, В.Парето, Г.Моска и др. анализировали политические феномены в более широком контексте социальных наук в целом в терминах непреложных закономерностей и причинно-следственных связей.

В формировании методологии изучения мира политического с самого начала прослеживались две главные тенденции. В конце XIX в. были сформулированы основные критерии разграничения естественных и общественных наук. Если первые были охарактеризованы как генерализирующие, в которых преобладают общие закономерности развития и строго очерченные причинно-следственные связи, то вторые были отнесены к типу индивидуализирующих, в которых превалировали индивидуальные, не повторяющиеся феномены и события. Но тем не менее, как говорилось выше, в политологии стран континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал, в то время как политология англосаксонских стран, особенно США, развиваясь в русле позитивизма, во все более растущей степени претендовала на статус точной науки наравне с естественными науками.

В политической науке позитивистский подход основывается на посылке о единообразии, повторяемости и исчислимости элементов и компонентов, лежащих в основе политических феноменов. Это более или менее последовательно изложил американский политолог А.Г.Кэтлин в книге "Наука и метод политики" (1927), в которой была предпринята попытка разработать "чистую науку о политике", свободную от каких бы то ни было ценностных доводов и аргументов. В соответствии с такой установкой в 20-х - 30-х годах в политической науке США неуклонно утверждался позитивизм в его сциентистских формах, что фактически вело к изгнанию из исследований теоретического, философского, мировоззренческого начал. Важной вехой в утверждении позитивистской методологии стала так называемая бихевиористская революция, развернувшаяся в социальных науках Запада, особенно США, после второй мировой войны. Утвердившийся первоначально в социологии, психологии и социальной психологии бихевиористский подход имел своей целью исследование прежде всего поведения отдельного индивида, группы, разного рода социальных, культурных, профессиональных и иных общностей. Этот подход был призван определить реальные параметры и причины политического поведения на массовом уровне и соответственно политических процессов и функционирования политических систем. Если традиционная политическая наука делала ударение на формально-юридическом анализе государственно-правовых и политических институтов, формальной структуре политической организации общества, то объектом анализа бихевиористской политологии являлись различные аспекты поведения людей как участников политического процесса.

Позитивизм и сциентизм в социальных и гуманитарных науках, в том числе в политологии, означали ориентацию на количественные и статистические методы исследования, построение отвлеченных моделей, использование методов естественных наук, особенно математики, освобождение от ценностей, объективность и т.д. Одной из главных характеристик позитивизма, в том числе и бихевиоризма, является постулат о разграничении фактов и ценностей, о неприемлемости ценностного подхода в политологическом исследовании. Утвердилось мнение, что политологи должны оставить морально-этические вопросы философам и заниматься преимущественно описанием и анализом поведения участников политического процесса. Считалось также, что политическую науку необходимо отделить от политической философии и теории, поставив при этом во главу угла фактологическое исследование.

Объявив политологию наукой, свободной от ценностей, теории и идеологии, приверженцы позитивизма взяли на вооружение заимствованные из точных наук модели и методы исследования. Особенно широкое применение получили математические методы и связанная с ними квантификация. Были установлены тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками (культурной антропологией, психологией, социологией, историей и т.д.). Политическая наука оказалась на перекрестке междисциплинарного движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

Большую популярность в политической науке приобрела так называемая теория рационального выбора, которая основывается на "методологическом индивидуализме". Суть последнего состоит в утверждении, что все социальные феномены, в том числе политические, можно вывести из поведения отдельных людей. По мнению ее сторонников, политические факторы - избиратели,

политики, бюрократы - преследуют цель максимизации своих материальных интересов, в поисках блага и выгоды в форме голосов, должностей, власти и т.д. Модели, созданные на основе теории рационального выбора с использованием математических методов, затрагивают наиболее сложные аспекты политических явлений - поведение и субъективный выбор индивидуальных и коллективных участников этих явлений.

В условиях парламентской демократии, всеобщего голосования, плюрализма политических партий и организаций, представляющих разнородные заинтересованные группы и социальные слои, очевидно, что ни одно правительство не может завоевать власть без согласия и доброй воли большинства населения. Здесь состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение имеют немаловажное значение. Более того, при парламентском режиме как ценность правительственных программ, так и достоинства политических деятелей обычно оцениваются и измеряются их популярностью и уровнем поддержки общественности. В рамках бихевиористской методологии и ее исследовательского арсенала важнейшим инструментом выявления соотношения и состояния общественных умонастроений, ориентации, установок, позиций широких масс людей по важнейшим политическим вопросам стали опросы общественного мнения.

Развитие методологии опросов и всего комплекса исследовательских приемов и инструментов бихевиоризма и неопозитивизма позволило ответить на многие вопросы, например: *существуют ли особые признаки, присущие исключительно той или иной нации, и особые субкультуры? Если да, то в каком плане и в какой степени? Имеют ли четкие ориентации в отношении политики социальные классы, функциональные группы и элиты и какую роль в формировании этих ориентации играет политическая социализация?*

Следует отметить, что на этом поприще западная политология добилась значительных успехов в исследовании процессов и механизмов функционирования политических систем, институтов, партий, различных ветвей, уровней и органов власти, политического и избирательного процессов, поведения избирателей, результатов голосований и т.д. Поэтому очевидна необходимость тщательного изучения этого опыта и выявления оправдавших себя приемов и методов исследования для их применения в нашей политологии.

Вместе с тем следует учесть, что при всей разработанности исследовательского аппарата позитивизм оказался не способен охватить и раскрыть политические феномены и процессы во всей их полноте и многообразии. Позитивизм считает единственно верными лишь те факты, которые либо экспериментально подтверждены, либо получены с помощью формально-логических или математически формализованных методов, заимствованных в естественных и технических науках. Тем самым отвергаются как ненаучные выводы, умозаключения ценностного, мировоззренческого, идеологического характера. Рассуждения вроде "свобода предпочтительнее равенства", "государственное состояние лучше анархии" и т.д. предполагают, что говорящий занимает определенную позицию, и неприемлемы для позитивизма, поскольку их нельзя квантифицировать и верифицировать с помощью математических или иных сциентистских методов. При этом, рассматривая государство и политические институты с точки зрения их функциональной эффективности и рациональной организации управления, представители позитивизма и бихевиоризма стали отводить науке самодовлеющую роль в решении важнейших социально-экономических проблем.

В послевоенный период получили широкое распространение социологический позитивизм и эмпирическая социология, методы и приемы которых стали неотъемлемой частью политической науки. В 1956 г. П.Ласлет опубликовал получившую большую известность статью, в которой обосновывалась мысль о "смерти" политической философии. Он, в частности, утверждал, что развитие логического позитивизма привело к смерти политической философии как предмета академических исследований. В тот период апогеи позитивизма выразился в широко популярной концепции о конце идеологии, которая имела особенно далеко идущие последствия для политической науки.

Однако, как показывает опыт развития социальных и гуманитарных наук, оставаясь на почве исключительно эмпирических фактов, абстрагируясь от ценностей, норм, теоретического и идеального начал, невозможно раскрыть реальное содержание политических феноменов. Более того, позитивизм и связанные с ним сциентизм, квантификация и математизация в общественных науках могут способствовать замене реальных процессов уравнениями и безжизненными абстракциями. Они навязывают способ познания, скопированный с естественной науки, и нейтрализуют всякое стремление к пониманию истинно социального в социальной действительности. Касаясь последствий одного из основополагающих принципов позитивизма - квантификации, которая приобрела чрезмерные масштабы, Г.Алмонд и С.Джинкоу вынуждены были признать, что квантификация при всех ее достоинствах "породила значительное число псевдонаучных опытов", которые выпячивают форму, а не сущность исследуемой проблемы [85].

Политолог Д.Риччи даже написал объемный труд "Трагедия политической науки". И вполне правомерным представляется вывод американского политолога С.Хэкмана о том, что к середине 70-х годов характерный для западных обществоведов консенсус относительно позитивизма как

методологической основы социальных наук стал "реликтом прошлого". По словам другого американского политолога Ф.Долмейра, "влияние логического позитивизма, сфокусированного на научной эпистемологии", в основном пришло к концу, уступив место "постэмпирическим проектам". Стали говорить даже о смерти позитивизма. Естественно, что реакция против почти безраздельного господства позитивизма выразилась прежде всего в распространении в западной политической науке новейших течений постбихевиоризма и постпозитивизма, в возрождении интереса к политической теории и философии, ценностным и идеальным началам в политике.

19.2. Возрождение политической теории

Показательно, что в 60-х - 70-х годах самые последовательные сторонники позитивизма и бихевиоризма также были вынуждены прислушиваться к новым веяниям. Так, Д.Истон сформулировал следующие положения постбихевиоризма. Во-первых, сущности принадлежит приоритет перед техникой. Важнее понять смысл актуальных социальных проблем, чем в совершенстве владеть техникой исследования. Во-вторых, делать упор на описание фактов значит ограничить свое понимание этих фактов. Чрезмерное увеличение исследованием поведения ведет к утрате связи с действительностью, сокрытию "грубой реальности" политики. Поэтому задача постбихевиоризма заключается в том, чтобы помочь политической науке стать на службу действительным потребностям человечества в период кризиса. В-третьих, изучение и конструктивная разработка ценностей являются неотъемлемой частью изучения политики. В-четвертых, политологи несут ответственность перед обществом, и их роль, равно как и всей интеллигенции, состоит в защите человеческих ценностей. В-пятых, знать значит действовать, а действовать значит участвовать в перестройке общества.

Результатом кризиса позитивизма и бихевиоризма стало появление множества концепций теоретического и мировоззренческого уклона, попыток возрождения в новых модификациях традиционных подходов. Так, английский политолог Ф.Ридли, отстаивая формально-юридический, или институционалистский, подход, утверждал, что решающее влияние на политическое поведение оказывает характер существующих институтов, получивший свое воплощение в законодательстве, а не наоборот, как полагали бихевиористы.

Тенденция к неуклонному усилению внимания исследователей к политической философии и теории особенно четко проявилась в работе известного американского философа К.Скиннера "Возвращение большой теории в гуманитарные науки", само название которой говорит о позиции автора. Как бы подтверждая правоту Скиннера, уже на рубеже 50-х - 60-х годов, несмотря на широкую популярность концепции о конце идеологии, появился ряд работ по политической философии и истории политических учений и теорий от античности до нашего времени. С рассматриваемой точки зрения немаловажное значение имели работы, посвященные различным течениям идейно-политической мысли и политической идеологии. Возрастанию значения теории в политических исследованиях способствовали работы Дж.Роулса "Теория справедливости" (1971), Р.Нозика "Анархия, государство и утопия" (1974), Ю.Хабермаса и других представителей так называемой критической теории.

Кризис позитивизма проявился также в наметившейся в 70-х годах реидеологизации социальных наук, в том числе политологии. Если в конце 50-х - 60-х годах тон задавали те представители общественно-политической мысли, которые отстаивали получившую широкую популярность концепцию о конце идеологии, то в данный период появилось много работ, авторы которых ставили своей целью показать несостоятельность попыток изображения политики как сферы, свободной от ценностей, и необходимость анализировать ее в тесной связи с идеологией.

Симптоматично, что тезис о необходимости реидеологизации обосновывался многими авторами теми доводами, что идеологию можно противопоставить тенденции к технизации и овеществлению общественной и политической жизни. При этом следует отметить, что речь идет отнюдь не о "смерти" или исчезновении позитивизма, а о выдвижении новых его модификаций, о синтезе с другими методологическими и идейно-политическими конструкциями. Даже те новые подходы и концепции, которые вышли на передний план под флагом критики позитивизма, сохраняют важнейшие компоненты позитивистской методологии.

19.3. В чем состоит научность политической науки?

Позитивизм, используя методы и методологию естественных и точных наук, стал рассматривать политические феномены и процессы в контексте строгого детерминизма. Политической системе были по сути приданы контуры и параметры завершенной системы, функционирующей в соответствии с некоторыми четко очерченными закономерностями. Однако, как показывает исторический опыт, для общественно-политических явлений и процессов не применима категория "закономерность" в смысле строгой причинно-следственной детерминированности. Закономерность или закон в таком понимании исключает случайность или в лучшем случае отводит ей второстепенное место. Только уже сформировавшиеся и завершенные, находящиеся в некоем равновесном состоянии реальности, можно разложить на составные элементы, сосчитать, измерить, расставить в причинно-следственной последовательности, объяснить в рамках того или иного закона или закономерности. Общественно-

политические явления же характеризуются динамизмом, постоянной изменчивостью, подверженностью множеству случайностей, непредсказуемым внешним влияниям, что крайне затрудняет рассмотрение их в рамках сколько-нибудь строго детерминированных причинно-следственных связей.

В 20-х годах развитие квантовой теории бросило вызов той модели, которая рассматривала природу как некий часовой механизм, где все и вся детерминировано. Было установлено, что фундаментальную важность для всех физических процессов имеют индетерминизм и случайность. Индетерминизм не всегда и не обязательно есть отрицание детерминизма как такового или причинно-следственных связей. Он предусматривает, что каждая конкретная ситуация создает собственную конфигурацию расположения причинно-образующих факторов, причем тенденции и процессы формирования такой конфигурации не всегда поддаются сколько-нибудь четко фиксированным закономерностям и императивам. Поэтому большинство прогнозов, которые строятся на экстраполяции количественных параметров наличной на данный момент ситуации на возможные в будущем ситуации, несостоятельны. Индетерминизм, признавая фактор случайности, отвергает лишь абсолютность необходимости, но не причинность вообще. Он исходит из того, что история имеет множество смыслов. Незавершенность социальной деятельности и действительности оставляет место для различных путей и направлений их развития и соответственно различных интерпретаций. Это тем более верно в отношении общественно-политической системы, где основополагающее значение имеют выбор, потребности, интересы и цели людей. Разумеется, для политологии, как и для других социальных и гуманитарных дисциплин, важное значение имеет сохранение некоторого однообразия в протекании и разворачивании политических явлений и процессов. Здесь закономерность и причинность в смысле причинно-следственной детерминации не исчезают совсем. Например, очевидно, что в периоды экономических трудностей и неурядиц находящаяся у власти партия или коалиция теряет сторонников, а оппозиционные партии, наоборот, завоевывают поддержку более широких слоев населения и в случае выборов могут прийти к власти. В периоды военной угрозы или международных кризисов большинство населения, как правило, сплачивается вокруг действующего правительства и т.д. Дж.С.Милль утверждал, что "индуктивные науки в Новейшее время больше сделали для прогресса логического метода, чем все профессиональные философы". Это, по-видимому, верно, но вопрос в том и состоит, что социально-исторические и общественно-политические феномены и процессы не всегда поддаются строго логическому анализу и закономерностям причинно-следственной детерминации. Здесь естественно-научное сознание должно признать свои собственные возможности и границы, учитывая, что познание социально-политического мира невозможно поднять до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук.

Политология - это естественная наука в том смысле, что люди и политические институты являются объективно существующими феноменами, деятельность которых происходит в соответствии с определенными закономерностями, и поддаются квантификации, количественному измерению и математическим методам анализа. Вместе с тем важно учитывать, что четко сформулированные логические теории, привлекая своей стройностью, на поверку оказываются слишком упрощенными и механистическими. Говорят, что Н.Бор не доверял чисто формальным и математическим доводам. "Нет, нет,- часто повторял он,- вы не размышляете, вы просто логично рассуждаете". Мало что дает и стремление к поискам математически точных определений и формулировок, которые позволили бы втиснуть в их рамки все многообразие реальностей жизни.

В этой связи Й.Шумпетер сетовал на то, что английские политэкономисты XIX в., стремясь к постоянному совершенствованию своих дефиниций, оказались не в состоянии дать современникам четкого экономического руководства. Политический анализ - это в некотором роде искусство реконструкции не только рациональных, поддающихся квантификации, калькуляции мотивов, интересов людей, но также их иррациональных, подсознательных, неосознанных побуждений, которые невозможно квантифицировать и математизировать, требуют воображения, интуиции, психологического проникновения и т.д. Разумеется, мы можем выразить и измерить в количественных терминах результаты выборов, их стоимость в долларах, динамику изменения численности сторонников тех или иных партий. Но такие важные категории, как благосостояние, свобода, равенство, справедливость, невозможно выразить в каких бы то ни было количественных терминах.

Вспомнив еще раз слова Эктона о том, что "любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно", приходим к очевидному выводу: весьма трудно, если не невозможно, достоверно и конкретно определить ту черту, за которой власть становится большой, а развращенность абсолютной. Причем эти слова следует рассматривать не как неоспоримый постулат в духе непреложного естественного закона, а как тенденцию, возможность реализации, формы и степень которой зависят от конкретных личностей, обстоятельств, условий и т.д. В данном контексте политический анализ требует воображения, своего рода способности мысленно экспериментировать по принципу: что было бы, если бы произошло то-то или было предпринято то-то. Он сопряжен не только с ретроспективой, но и перспективой в смысле предвидения и предвосхищения событий.

Важную роль в выявлении особенностей и характеристик политических феноменов играют просто наблюдения за ними в течение более или менее длительного исторического периода. Именно на таких наблюдениях, а не на строгом научном анализе были построены, например, ставшие общепринятыми следующие постулаты: "человеку свойственно стремление к власти", "человек стремится к власти ради осуществления своих эгоистических интересов", "чувство страха толкает людей к бегству от свободы в объятия тиранов", "свобода экономического выбора неотделима от политической свободы".

19.4. Политическая символика и политико-культурный подход

Истина об общественной жизни лежит как в объективной реальности, так и в сферах мифологического, традиционного и т.д., оказывающих значительное влияние на формирование основных контуров картины мира и их содержание. К тому же в современных условиях ряд важнейших социальных и политических проблем в обществе приобретает социокультурное измерение. Поэтому очевидно, что политические реалии, в том числе и политическое поведение отдельного человека или той или иной социальной группы в конкретных ситуациях, невозможно адекватно объяснить без учета социокультурного фона политических явлений. Использование средств массовой информации, особенно визуальных, еще более усиливает значимость чувственного, эмоционального, иррационального за счет рационального. Это предполагает преодоление функционализации личности, отказ от трактовки всех ее деяний и действий в терминах экономического, технологического или иных форм детерминизма, реабилитации непосредственных чувственных восприятий, эмоций, антипатий и симпатий, всего того, что мы причисляем к социально-психологической и социокультурной сферам, ко всему тому, что способствует самоидентификации нации или иной социальной общности.

Человек как социальное существо имеет индивидуальное, групповое, национально-историческое, социокультурное, общечеловеческое и иные измерения. Поэтому он является предметом изучения различных обществоведческих дисциплин - антропологии, этнографии, социологии, философии и т.д. Естественно, что человек как центральный субъект политических отношений и политического процесса не может оставаться вне поля зрения политологии. Наука, претендующая на освещение реальной жизни, где центральное место занимает человек, не вправе игнорировать то, что можно обозначить понятием "человеческое измерение", которое весьма трудно, если не невозможно, втиснуть в прокрустово ложе каких бы то ни было искусственно сконструированных теорий, моделей, математических формул и т.д. Постигать не поддающееся количественным измерениям и строго научному анализу духовное начало, символический аспект общественной жизни - удел интуиции. С этой точки зрения можно понять тех представителей западной общественно-политической мысли, которые сетуют на дегуманизацию политической науки, на исчезновение человека, его интересов и потребностей из фокуса ее внимания. Необходимо восстановить роль и значение человеческой личности как главного субъекта общественно-исторического процесса, вернуть в центр исследования человека, его интересы, потребности, устремления.

Социально-политическая жизнь во многом носит символический характер, хотя и не сводится к комплексу представлений, химер и символов. Утверждать, что жизнь символична, значит утверждать, что она должна быть понята и интерпретирована. Как отмечает французский политолог С.Лятуш, "переход от представления к конкретному жесту является моментом соприкосновения субъекта (индивидуума, социального класса, политической партии, нации и т.д.) с миром". Вопрос "Как познать социальную реальность?" ведет к вопросу "Что такое социальная реальность?", который в свою очередь рождает вопрос "Что такое человек?".

Другими словами, для адекватного познания социальной действительности необходимо занять антропологическую позицию, утверждающую постулат о культурной природе человека, о том, что он является существом не только экономическим и политическим, но одновременно и социокультурным. В таком качестве рациональные компоненты в его сознании тесно переплетаются с элементами эмоционально-волевыми, мифологическими, традиционными, национально-психологическими, "трайбалистскими" и т.д. Естественно, рационализированные материальные интересы социальных слоев, классов, групп представляют собой могущественные детерминирующий и динамический факторы, вносящие решающий вклад в развитие общественно-исторического процесса. Однако такие категории, как патриотизм, семейная, общинная, национальная или иная форма лояльности, мифы, обычаи и традиции, тоже играют значительную роль в детерминации содержания и направленности общественных процессов и политического поведения различных категорий людей.

Мифы, традиции, обычаи в целом нерациональны по своей сущности, по крайней мере в том смысле, что они не контролируются тем, что мы называем логическим. Порой они базируются скорее на вере, убеждении, чем на разуме, скорее на идеалах, чем на реальностях. Они составляют часть мира, в котором мы живем. Поэтому их нельзя отбрасывать как бесполезные фикции, заблуждения, как нечто нереальное. Истина об общественной жизни лежит как в объективной реальности, так и в сфере мифологического, традиционного.

На политическое поведение людей часто гораздо более сильное влияние оказывает то, как они оценивают действия правительства, политических партий и деятелей, чем реальное содержание этих действий. Большое значение в интерпретации указанных действий имеет господствующая в обществе система политической символики. Без символов и знаков невозможно представить себе практическую и духовную жизнь общества. Когда речь идет о значении символов, исследование вторгается в сферу эпистемологии и семиотики. В то же время, поскольку символы и символическая система играют важную роль в достижении спаянности и преемственности любого общества, их изучение поднимает более глубокие проблемы социальной организации и легитимизации.

Символы и знаки представляют собой орудия, с помощью которых люди взаимодействуют друг с другом, и в этом отношении они являются средствами регуляции социального поведения. Каждая нация, каждый народ, каждое сообщество людей в процессе своей истории вырабатывает собственный образ или самообраз, который в значительной мере выражается в разного рода символах и знаках. Поскольку любая информация, воспринимаемая субъектом, предстает в его глазах в качестве некоторой совокупности визуальных и звуковых символов и знаков, то он расшифровывает ее в формулах, имеющих для него смысл. При этом усваиваются и воспринимаются лишь те из них, которые укладываются в систему координат его мировоззрения и картины мира.

Важно учитывать, что тот или иной знак, жест может служить в качестве адекватного элемента коммуникации, если он несет в себе одинаковый для всех ее участников смысл. Так, избиратель может голосовать разными способами - поднятием руки, опусканием бюллетеня и т.д., но не всякое поднятие руки или опускание бюллетеня есть акт голосования. Необходимо, чтобы таковым его считали все те, для кого оно имеет значение.

Эффективным средством в руках политолога может стать политико-культурный подход, призванный объять социокультурное измерение политики. Он позволяет преодолеть формально-юридическое понимание политики, традиционный подход к политике в терминах политической системы, государственно-правовых институтов и т.д. Обосновывая необходимость отказа от формально-правового подхода к политике, один из зачинателей концепции политической культуры Г.Алмонд предлагал выделить два уровня исследования политической системы: институциональный и ориентационный. Если первый-уровень концентрирует внимание на исследовании институциональной структуры политической системы, то второй уровень предусматривает изучение ориентации людей на эту систему и институты. Комплекс этих ориентации, включающих когнитивные (познавательные), аффективные (эмоциональные) и ценностные, Алмонд назвал политической культурой. Тем самым субъективный аспект политического он поднял до уровня значимости институциональной структуры.

Интегрируя в себя методы социологии, социокультурологии, социальной психологоии и политической науки, политико-культурный подход дает возможность основательнее понять реальные механизмы и закономерности реализации политических процессов.

19.5. Объяснение или понимание

Незавершенность социальной и политической действительности, ее многообразие и многовариантность оставляют место для различных ее интерпретаций. К тому же познание социальной действительности связано с изменением самой этой действительности. Сам акт познания может поставить под сомнение существующий порядок и даже подорвать его, причем это будет следствием не практического, применения результатов познания, а самого процесса познания. Если в естественных науках упор делается на объяснении. Объяснить значит выявить внутренние и внешние связи между составными частями лабораторного эксперимента, призванного повторить или создать природный эффект.

В сфере социального речь идет не только об объяснении вещей, но и об адекватном их понимании в смысле постижения. Объяснить социальный феномен значит прежде всего описать его. Например, объяснение-описание экономического кризиса заключается в установлении предшествовавших ему спекуляций, первых банкротств, повышений банковских учетных ставок и т.д. Описание составляет существенную часть социальных и гуманитарных дисциплин и основу классифицирующего знания. Поскольку социальное представляет собой процесс реализации потребностей и устремлений людей, то понять его значит определить совокупность намерений и представлений, лежащих в основе социальных феноменов. Классифицирующее знание требует теоретического фундамента, который в социальных и гуманитарных науках пронизан идеологическим содержанием. Поэтому очевидно, что концепция социальной и гуманитарной науки, скопированная с естественной науки, была бы слишком ограниченной и бедной. Как отмечал Х.-Г.Гадамер [15, с. 39]:

...науки о духе сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории. Все это такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, не подлежащая верификации методологическими средствами науки.

Дело в том, что социальные факты не являются таковыми в смысле застывших, овеществленных фактов природы. Они слагаются из действий людей и носят динамический характер. Здесь

немаловажную роль играют, как образно говорит С.Лятуш, человеческие "жесты", которые, вызывая социальную трансформацию, оставляют ощутимые результаты в виде, например, произведений искусства, предметов потребления, машин, законов и т.д. Они составляют "социальную реальность в процессе реализации" [132, с. 49]. Оторвать результаты от сотворивших их "жестов" значит закрыть путь к адекватному пониманию социальной реальности, которая отличается от природной тем, что является "эпистемологическим субъектом", поскольку исследующий ее ученый интегрально включен в нее, т.е. ученый - часть исследуемого им объекта и в некотором роде участвует в процессе его воспроизводства.

Так, например, Фукидид, Цезарь, Платон, Аристотель, Макиавелли, Маркс в качестве исторических субъектов в той или иной степени вмешивались своими практическими действиями в те феномены и процессы, которые они анализировали. Фукидид был изгнан из Афин как сторонник аристократии. Цезарь сам представлял себя читателю в своих "Комментариях о галльской войне". Платон пытался реализовать на практике собственные теории в Сиракузах и написал, потерпев при этом неудачу, свои "Законы". Аристотель составил конституцию своего родного города Стагира. Макиавелли руководил иностранными делами Флоренции и на основе уроков, извлеченных из этого опыта, написал книгу "Государь". Маркс анализировал необходимость исчезновения капитализма, руководя Первым Интернационалом.

Как указывалось выше, политическая система, политические институты и сфера общественно-политической мысли находятся в тесном взаимодействии друг с другом, испытывая взаимное влияние. Уже в силу этого политический анализ не может основываться на одних только фактах, поскольку они приобретают значимость лишь в той мере, в какой их можно соотносить с целым, обеспечивающим теоретически обоснованный контекст для интерпретации фактов. В определенном смысле невозможно рассматривать политические институты в отрыве от политической мысли, поскольку мысль и действие пронизывают друг друга. Задача политолога состоит в достижении самого тесного взаимодействия теории и эмпирического начала, рефлексии и действия, интерпретации и практической вовлеченности.

В странах Запада достижения и разработки обществоведческих дисциплин нередко используются для решения экономических, социальных, политических и иных проблем. Показательно, что на протяжении всей истории западного обществознания происходила социологизация его отраслей, усиление их прикладного характера. В частности, развитие эмпирических исследований в области политической социологии имело своей целью оказание практической помощи государству путем составления конкретных рекомендаций по реализации политического контроля над обществом. В последние десятилетия в результате взаимодействия и взаимослияния, с одной стороны, политологов, социологов, политэкономистов и т.д., а с другой - представителей государственно-политических институтов в большинстве развитых стран Запада образовался своего рода политико-академический комплекс. Видные представители общественных наук часто совмещали и продолжают совмещать политическую и академическую виды деятельности.

В "Критике чистого разума" И.Кант показал, что средства научного познания не в состоянии дать необходимую и обязательную для всех картину мира. Указав науке ее пределы, он провозгласил самостоятельность нравственных и эстетических доводов. Кант полагал, что нормы науки составляют лишь один аспект в уяснении высших ценностей. Наряду с ними и независимо от них действуют также нормы нравственного сознания и эстетического чувства. И в наше время, когда беспрецедентно высок уровень развития научных знаний, многие ученые четко осознают необходимость признания наукой собственных границ и возможностей. Обосновывая мысль о том, что познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук, Х.-Г.Гадамер подчеркивал [15, с. 445-446]:

...единичное не служит простым подтверждением закономерности, которая в практических обстоятельствах позволяет делать предсказания Напротив, идеалом здесь должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности.

Нельзя забывать, что зачастую политики и государственные деятели принимают решения на основе скорее сложившихся у них мнений и даже интуиции, а не только научного знания, математических формул и расчетов. В этом смысле политика скорее искусство, чем наука. Без добротной гипотезы эмпирические данные могут быть просто бесполезны. Здесь воображение и научное знание действуют параллельно, т.е. функции художника и ученого совпадают. Изображение мира политики в целом можно представить не как фотографирование, а как создание художником портрета. То, что художник изображает,- не точная фотография, это концепция характера, его собственное видение изображаемого объекта, а не то, что мог бы видеть, скажем, полицейский. Аналогично, мир, который мы рисуем в наших политических рассуждениях, не только воспринимается, но и постигается. В нашем изображении политической реальности мы скорее представляем наши политические доводы, нежели воспроизводим политическую практику. Это по сути субъективный образ. Доводы, образ, оценка - часть мира политики, так же как портрет, созданный художником, является частью мира последнего. В противоположность платоновскому разграничению знания и веры в мире политического знание и есть вера.

19.6. Проблема соотношения средств и целей в политологическом исследовании

Виндельбанд и Риккерт, подчеркивая радикальное различие между естественными и общественными науками, сводили его к различию между категориями причинности и ценности. И действительно, если для первых основополагающее значение имеет выявление фактов, их последовательности, причин и следствий, то для вторых главными являются цели и средства. Без проникновения в сферу целей и идеалов не может быть речи и об адекватном изучении мира политического. Например, политика совершенно не одно и то же для Н.Макиавелли, допускавшего любой произвол со стороны государя в интересах государства, и Ж.-Ж.Руссо, озабоченного мыслью об обеспечении всеобщего блага.

Вопрос о политической ассоциации - это вопрос о ранжировке человеческих ценностей и наилучших средств их достижения, что относится к моральному вопросу. Другими словами, политология представляет собой моральную науку. Политолог концентрирует внимание в первую очередь на наиболее актуальных на данный момент политических проблемах, не скрывая своих симпатий и антипатий. При этом он исходит из того, что наука не может быть ценностно нейтральной. Факт нельзя отделить от ценности, ценностные соображения должны быть соотнесены со знанием. В этом смысле политическую науку можно определить как систематическое изучение системы управления и политического процесса с точки зрения мира сущего и мира должного. Это говорит о том, что политолог должен нести ответственность за общество, защищая человеческие ценности и не превращаясь в изолированного от общественных проблем бесстрастного техника. Он должен поставить знания на службу обществу. Изучение политики уже само по себе представляет собой политический акт, и человек, занимающийся ею, должен способствовать искоренению всех форм несправедливости.

Политическое включает как статику, так и динамику, воплощающиеся соответственно в политическом порядке и политическом процессе. Важно учесть, что динамизм бытия делает его вечно незавершенным и, наоборот, незавершенность бытия есть признак его динамизма. Творение мира никогда не прекращается, и, говоря словами В.Соловьева, человек как соработник Божий активно участвует в незавершенном еще сотворении мира. Именно в силу этой незавершенности и открытости социального и политического мира политология должна концентрировать внимание на его динамической стороне. Сущностная характеристика политики - не покой, а движение, и в центре внимания политической науки находится политический процесс. Поэтому прав Ж.Бюрдо, который говорил, что "политика не дает себя сфотографировать".

Однако динамику мира политического нельзя правильно понять без всестороннего исследования существующей в каждый данный исторический период ситуации. Политология, являясь научной дисциплиной, должна в одинаковой степени охватывать как действующий политический порядок, где доминируют постоянные, неизменные величины, так и политический процесс, где доминируют переменные величины. Политический порядок включает структурные и системные элементы. Здесь важно исследовать проблемы политического господства и правления, господства и сотрудничества; формирования власти и политического неравенства; механизма правления в рамках различных государственно-политических систем; отношения людей с институтами власти; механизмов обеспечения единства, жизнеспособности и бесперебойного функционирования общества; политической социализации.

В данном контексте политология призвана ответить на вопросы: какова сущность государства? Какие именно институты определяют лицо того или иного государства? Определяется ли форма государства экономикой и социальной структурой? Какова форма взаимоотношений между государствами на мировой арене? Какие другие формы общественно политической организации возможны кроме государства?

19.7. Системность политической науки

Очевидно, что все науки, как естественные, так и социальные и гуманитарные, невозможно поставить в один ряд, связав их неким универсальным методом, основанным на монистическом законе в смысле регулярного постоянства явлений. Это относится и к политологии. Она призвана охватить и исследовать мир политического во всей его тотальности. Основополагающим его принципом является разграничение не факта и ценности или средства и цели, а части и целого. Чтобы соотнести часть с целым, необходимо рассматривать различные части в рамках целого. Например, отдельного индивида невозможно понять в собственных терминах, если не учесть, что индивидуальные цели и идентичность конструируются его участием в семейных отношениях; семью в свою очередь нужно рассматривать в более широком контексте социальных и политических отношений.

Любая функциональная политическая система испытывает на себе влияние со стороны других политических систем. К примеру, городское правительство не может игнорировать существование национального правительства, национальные правительства должны приспосабливаться к факту существования других национальных правительств, союзов, коалиций, международных организаций и т.д.

Политическое имеет системный, структурный и функциональный аспекты. Растущая дифференциация на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни ведет к тому, что различные социальные организации, феномены и процессы, такие, как семья, труд, образование, культура и т.д., получают все большую автономию. Но это не означает, что они отгораживаются друг от друга и функционируют сами по себе. Скорее наоборот. Эволюция современного общества представляет собой двуединый процесс. С одной стороны, это возрастание дифференциации, а с другой - увеличение, расширение, появление новых форм взаимозависимости различных сфер, институтов, организаций, заинтересованных групп и т.д. Последние становятся более специализированными, но в то же время они в большей степени нуждаются в ресурсах друг друга. В современном мире разворачиваются более сложные и многосторонние процессы взаимного обмена и взаимного стимулирования в самом широком значении слова как в позитивном, так и негативном аспектах.

Все это говорит о том, что арсенал исследовательских методов, средств и инструментов политической науки должен включать системный анализ. Разработанный в 30-х годах системный анализ стал достоянием социальных и гуманитарных наук сравнительно недавно. Первоначально он был сформулирован и использовался представителями естественных наук. Здесь следует прежде всего назвать работу физиолога У.Кэннона "Мудрость тела", опубликованную еще в 1932 г. и сыгравшую большую роль во внедрении системного анализа в социальные науки. Именно в ней впервые было разработано понятие "гомеостазис", означающее состояние равновесия в системе. Важное значение имели также работы Л.Берталанфи по биологии и общему системному анализу. Политологи же, хотя прямо не обращались к этим работам, все же не могли не испытать их влияние через широко известные работы Т.Парсонса, Дж.Хоманса, Р.Мертона и других исследователей, которые в 40-х - 50-х годах стали широко использовать достижения системников в социологии и экономической науке. Именно благодаря этим достижениям им удалось разработать теорию структурно-функционального анализа, ставшую после второй мировой войны одним из основных методологических подходов в изучении общества.

С позиции системного анализа любые сообщества можно рассматривать как постоянные образования, функционирующие в рамках более широкой среды. Они характеризуются как целостные системы, состоящие из определенного комплекса взаимозависимых элементов, которые можно вычленить и анализировать. Системы имеют довольно четкие границы, отделяющие их от окружающей среды, причем они проявляют тенденцию к равновесию.

В 50-х - 60-х годах в плане внедрения системного анализа в политологические исследования большой вклад внесли работы К.Эрроу, Э.Доунса, Д.Блэка, Дж.Бьюкенена, Г.Тэллока и др. Особенно большую роль сыграли Д.Истон, К.Дойч, Г.Алмонд и другие американские исследователи. Суть системного анализа состоит в том, что мир политического изучается как комплекс элементов, образующих целостную систему в ее связи со средой - гражданским обществом и экономико-хозяйственной системой. Обосновывая необходимость внедрения системного анализа в политическую науку, Д.Истон писал [108]:

В самое последнее время понятие системы стало привлекать особое внимание, став основанием для определенной точки зрения на вещи от рассмотрения мельчайшей клетки человеческого тела как системы до все более крупных и емких систем - самого человеческого существа как организма, человеческой личности, малых групп и крупных учреждений, обществ и совокупности общества, такой как международная система.

Одной из причин, способствовавших внедрению системного анализа, стал своеобразный теоретический голод, ощущавшийся в начале 50-х годов многими представителями политической науки - была необходима общая теория политики. Но все же приверженцы системного анализа видели свою задачу в построении так называемых теорий среднего уровня, или сравнительной политической теории, которые должны были обеспечить переход от эмпирических данных к теоретическим обобщениям.

Заметим, что само понятие "политическая система" стало возможным с введением в политическую науку системного анализа. Необходимость использования его в политической науке вызвана прежде всего многообразием и многосложностью самого мира политического. Выше уже отмечалось, что политология по своей природе - междисциплинарная наука. Она стоит как бы на пересечении многих социальных и гуманитарных наук. При этом политико-культурный подход основывается на широком использовании междисциплинарных методов исследования.

Наиболее явно междисциплинарный характер политологических исследований проявляется при системном анализе, предполагающем всестороннее изучение политических феноменов с использованием методов, инструментов, систем аргументаций других социальных, гуманитарных и отчасти естественных наук. Системный анализ включает стандартизацию и унификацию научных понятий, систематизацию и упорядочение знаний о политических феноменах и реальностях.

Для любой системы, в том числе политической, характерны три основополагающих измерения: ставшее, или реально существующее и проявляющееся в структуре; действование, поведение или функция; становление или эволюция. В идеале системный анализ должен охватить все три измерения в совокупности. Однако в реальной исследовательской практике главное внимание

системники концентрируют на первых двух измерениях, отодвигая на задний план третий. Это объяснимо, если учесть, что системный анализ наиболее эффективен там, где существует некое равновесие, факты определились, приобрели более или менее завершенные очертания, их можно систематизировать, свести к количественным параметрам, легко поддающимся обработке статистическими и математическими методами.

Важно отметить и то, что у приверженцев системного анализа могут быть разные цели, поэтому результаты их изысканий будут различаться. Так, если один из основоположников структурно-функционального подхода Т.Парсонс концентрировал внимание на диалектической взаимосвязи между структурой и функциями составных элементов социальных систем, то Д.Истон поставил своей целью провести анализ механизма обратной связи между результатами политики, поддержкой большинством населения политической системы и требованиями к ней.

В системном анализе, как его понимал Г.Алмонд, выделяются понятия "вход" и "выход". На входе политической системы решающую роль играют такие компоненты, как политическая социализация, вычленение и формулирование интересов, их представительство в политике, политическая коммуникация. На выходе мы имеем определение правил или законов, программ, политических курсов, их применение и контроль за соблюдением. Очевидно, что системный подход позволяет анализировать политические феномены во всей их сложности и взаимопереплетенности, при этом учитываются как социальные основания политики, так и обратное влияние последней на социальные реальности.

19.8. Сравнительный метод

В настоящее время самостоятельный крупный раздел политической науки составляют сравнительные исследования. Данная проблема отчасти уже затрагивалась в гл. 1. Здесь попытаемся ответить на вопросы: что же понимается под сравнительным исследованием или сравнительным анализом и каков его предмет?

Если, например, попытаться сравнить отдельные политические системы по количеству составляющих ее граждан, следовало бы использовать демографическую статистику для установления ранжировки этих систем по численности населения соответствующих стран. Но этого недостаточно для определения сущностных характеристик самих систем. Сравнение различных обществ по среднедушевому доходу, по числу радиоприемников и телевизоров, приходящихся на каждую тысячу человек и т.д., как правило, тоже не дает представления о самой политической системе.

Системы правления можно сравнивать по временному и пространственному, или географическому, принципам. В первом случае это первобытная, античная, традиционная, современная, а во втором - европейская, азиатская, африканская, американская, латиноамериканская и иные системы. Можно назвать ряд других параметров сравнения.

Проблема состоит в том, чтобы выбрать такие компоненты и элементы, которые бы в отдельности или в совокупности позволяли судить о тех или иных сущностных характеристиках сравниваемых объектов. Например, классификация или типологизация политических систем уже сама по себе предполагает сравнение. Но его можно провести по различным параметрам. С этой точки зрения одна из главных задач, встающих перед политологом-компаративистом,- выбор параметров, поддающихся сравнению друг с другом.

Следует отметить, что в рассматриваемом контексте в политологии, как и в других социальных и гуманитарных науках, положение иное, чем в естественных науках. Например, в химии и физике сравниваемые переменные величины можно воспроизводить в лабораторных условиях, что отнюдь не скажешь о социальных или политических феноменах. Здесь сравнения можно осуществлять лишь условно, косвенно. Именно так решил стоявшую перед ним проблему М.Вебер в своем сравнительном исследовании религий, с помощью которого он пытался определить связь экономической этики в различных религиях с возникновением капитализма.

Политологическое сравнительное исследование базируется на фундаментальном допущении, что человеческое поведение представляет собой постоянную величину, что оно будет одинаковым в одинаковых обстоятельствах независимо от места и времени. В данном случае существенное место занимает предварительная гипотеза. Так, если анализировать партийные и избирательные системы различных стран, возникает конкретная проблема относительно того, в каких именно условиях утверждаются однопартийная, двухпартийная, многопартийная и смешанная партийная системы.

В компаративистике используется множество подходов в зависимости от объекта исследования - системный, политико-культурный, структурно-функциональный и т.д. К важнейшим понятиям, особенно часто используемым при сравнительных исследованиях, относятся политическая система , политическая структура", "политические функции", "политическая социализация", "политическая культура" и т.д. В центре внимание исследователя, как правило, находятся структуры, процессы, функции различных политических систем и режимов в различных национально-культурных и исторических условиях, их специфические особенности, различия и точки схождения. Для того чтобы понять истинную сущность мира политического, необходимо изучать различные формы его проявления, аспекты в разных странах и регионах, у разных наций и народов, в различных

социально-экономических, общественно-исторических ситуациях и т.д. В этом контексте в качестве объектов сравнительного анализа могут быть выбраны их формы, типы и разновидности политических систем в целом, но можно концентрировать внимание и на конкретных ее составляющих, таких, как государственные институты, законодательные органы, партии и партийные системы, избирательные системы, механизмы политической социализации.

19.9. Язык и понятийно-категориальный аппарат политической науки

Ф.Бэкон среди четырех выделенных им призраков - идолов племени, пещеры, театра и рынка - особо важное значение придавал последним. Они, по Бэкону, вызваны к жизни существованием языка, служащего в качестве объединяющего людей начала. И действительно, политические феномены невозможно понять вне системы общения и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, так и с социокультурной и политико-культурной сферами, с миром политического в целом в собственном смысле слова. В качестве важнейших средств коммуникации выступают, естественно, политический язык, политическая символика, понятийно-категориальный аппарат и т.д.

Язык, по справедливому замечанию канадского исследователя Ф.Дюмона, можно рассматривать одновременно и как средство, и как среду общения. Когда человек выступает в качестве субъекта речи, он намеревается утвердить свои собственные цели. Тогда язык составляет средство реализации намерений. При этом язык используется и для того, чтобы с помощью слов понять окружающий мир. Тогда язык превращается в некую среду, в которой действует человек. Здесь язык выступает в качестве культурной среды обитания человека. По своей значимости в качестве предмета политологического исследования политический язык можно поставить рядом с такими проблемами, как политическое поведение, процесс принятия решений, избирательный процесс и т.д.

В свете достижений электронной технологии и средств массовой информации значительно возросло значение так называемой символической коммуникации в обеспечении жизнеспособности и регулирования политических систем современности. Коммуникация представляет собой непрерывный поток и обмен посланиями или постоянную трансмиссию информации между различными субъектами коммуникации. В конечном счете создается всеохватывающая коммуникационная сеть. Значимость приобретают выяснение достоверности источников и каналов коммуникации, адресата, сложности механизмов кодирования и декодирования, адекватности обратной связи. Язык действует в некотором роде как связующее звено политического общества, как инструмент поддержания необходимого информационного уровня общества. С сугубо практической точки зрения целью языковой коммуникации является как информирование, так и убеждение.

Выражаемые через язык идеи и установки служат не в качестве зеркального отражения реальной действительности, а как средства, с помощью которых люди пытаются понять и интерпретировать эту действительность. Поэтому в мире политического иногда иллюзию власти трудно отличить от реальной власти. Здесь часто значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются, и т.д. Способ и средство передачи сообщения столь же важны, как и его содержание. Содержание и стиль политических действий невозможно отделить друг от друга.

Иначе говоря, в политике значение имеет не только то, о чем говорится, но и то, как об этом говорится. Язык - одновременно средство и общения, и контроля. По справедливому замечанию Г.Кресса и Р.Ходжа, "языковая форма позволяет передавать информацию и искажать ее". Слово несет в себе огромный содержательный и эмоциональный заряд. С помощью простой замены или перестановки слов один и тот же факт можно изобразить совершенно по-разному. Например, можно сказать об Оресте, убившем свою мать: "Орест - мститель за своего отца", но можно сказать и иначе: "Орест - убийца своей матери". Эта особенность языка позволяет не только информировать аудиторию, но и манипулировать ее сознанием, трактовать информацию в пользу заинтересованной стороны. При анализе политических феноменов и реалий необходимо исходить из факта существования действительного мира политического, лишь частью которого являются язык и символы. Социально-политическая практика не есть просто эффект речи или языка. Адекватное познание его возможно лишь при признании факта существования различных, в том числе и ложных, форм языка, которые противоречат друг другу. Такая позиция возводит теоретический плюрализм в принцип. Нет одного единственного инстинного языка, точно так же как нельзя говорить о завершенности истории. Множественность противоречивых языковых форм - это факт, который невозможно отрицать.

Поэтому объект политологии, как и большинства других общественных наук, проблематичен в том смысле, что в поддающихся обозрению фактах и феноменах исследования стерты или отодвинуты на задний план работа языка, подсознание и история. А.Тойнби не без оснований отмечал, что "история языка - это конспект истории общества". Политический словарь развивается в связи с историческими реальностями и самым тесным образом связан с общенаучным словарем эпохи. Более того, именно используемые терминология и понятия могут помочь определить период (по крайней мере нижние

хронологические границы) возникновения той или иной политической доктрины. Если, например, понятия "полис", "политика", "демократия" и т.д. возникли в эпоху античности, то такие понятия, как "суверенитет", "радикализм" и т.д., вошли в обиход в Новое время. Многие биологические метафоры, характерные для политической науки XIX - начала XX в., ассоциировались с идеей органического государства. А популярные ныне термины "системный анализ", "политический процесс", "модель" и др. связаны с механистической концепцией государства, которая в свою очередь связана с физикой и технологией. Такие термины, как "установки", "перекрестное давление", "взаимодействие", "правила игры" и т.п., заимствованы из прикладной социологии, основанной на позитивизме.

Показательно, что в реальностях европейской интеграции все чаще говорят о европейском языке, или евроязыке, представляющем собой с языковедческой точки зрения комплекс специальных терминов, неологизмов, аббревиатур, метафор и т.д., применяющихся в тех случаях, когда речь идет о новых политических и правовых явлениях в Европе. Симптоматично, что само понятие "Европа" в этом языке приобрело новый смысл и стало использоваться как синоним понятий "единая Европа", "объединенная Европа", "интеграция". Появилась группа производных от этих слов: европеизм, европеист, европеизация, европеизирование, проевропейский, антиевропейский и т.д. К числу неологизмов относятся такие слова, как евростандарт, евродепутат, евросфера, еврократ, европессимизм, еврооптимизм и пр. Все более популярными становятся термины: европейское экономическое пространство, европейское информационное пространство, европейская валютная система, европейское политическое сотрудничество, европейское правовое сотрудничество и др.

Понятия "правые" и "левые", "консерватизм", "либерализм" и "радикализм" получили хождение в обществознании в XIX в. С тех пор в перипетиях бурных XIX и XX вв. вкладываемое в них содержание существенно, а в некоторых отношениях радикально изменилось. Ряд важнейших их функций претерпел инверсию: некогда консервативные идеи приобрели либеральное значение и наоборот. Потерял убедительность принцип, согласно которому индивидуалистические ценности жестко привязывались к правому флангу идейно-политического спектра, а коллективистские ценности - к его левому флангу. В свете сказанного нуждаются в переосмыслении и более четком толковании с учетом нынешних реальностей такие понятия, как "левые", "правые", "консерватизм", "либерализм" и др.

Становится очевидным, что определение того или иного течения политической мысли как некоторого комплекса неизменных и однозначно трактуемых идей, концепций и доктрин может лишь исказить его действительную сущность, поскольку одни и те же идеи и концепции в разные исторические периоды и в различных социально-экономических и политических контекстах могут быть интерпретированы и использованы по-разному.

О том, насколько сильно политический язык испытывает на себе влияние конкретных общественно-исторической и социально-политической ситуаций, можно понять на примерах нацистской Германии и большевистского режима в нашей стране. В Германии был создан особый идеологизированный язык (Lingua Tertii Imperil - LTI) - язык Третьего рейха. Для него были характерны введение множества неологизмов и изменение, выхолащивание и фальсификация старых общепринятых терминов и понятий, которые были приспособлены к духу и форме нацистской идеологии.

Далеко идущие планы в этом контексте вынашивались у нас в стране. В 30-е годы на высоком академическом уровне были сделаны попытки применения классового подхода в языкознании и лингвистике. Более того, в тот период известный языковед академик Марр и его школа предприняли усилия по созданию так называемого классового языка. Дискуссии и споры по этому вопросу прекратились лишь с выходом в 1951 г. работы И.В.Сталина "Марксизм и вопросы языкознания". Классовый язык, естественно, создать не удалось, но зато была достигнута высочайшая степень идеологизации политического (да и не только) языка. Здесь бескомпромиссная дихотомическая конфронтационность в идеологической сфере проявилась в создании и институционализации соответствующих целям реализации этой конфронтационности лексики, выражений, оборотов речи, клише, языковых стереотипов, которые в совокупности и составили наш советский новояз.

О том, в какой степени политический язык испытывает на себе влияние конкретной общественно-исторической ситуации, свидетельствует пример ФРГ и бывшей ГДР, для которых при общем для обеих стран национальном языке было характерно нечто вроде языкового отчуждения. Показательно, например, что понятие "пацифизм" в словарях, изданных в ФРГ, определялось как "отказ от войны по религиозным или этическим соображениям", а в словарях, изданных в ГДР,- как "буржуазное политическое течение, выступающее под лозунгом "мир любой ценой, против любых, в том числе оборонительных и освободительных войн". С разным оттенком использовалось, например, слово "массы". Если в ФРГ оно приобрело негативный оттенок и заменялось более нейтральными словами типа "трудящееся население", то в ГДР оно употреблялось исключительно в положительном значении, как, например, в выражении "творческая инициатива масс".

С рассматриваемой точки зрения интерес представляет феномен неологизмов, которые быстро исчезают с исчезновением породившей их обстановки. Так, в нацистской Германии прочно вошли в повседневный обиход выражения "германский дух", "народно-немецкая сущность" и т.п., а в

социалистической ГДР множество неологизмов с компонентом Volk - народ: "народные выборы", "народная собственность", "народная газета", "народная полиция" и т.д.
Важность изложенного особенно очевидна, если учесть, что политика в некотором смысле - это система человеческих отношений, осуществляемых во многом с помощью языка. Поэтому без изучения политического языка нет и не может быть политологии, заслуживающей данное название. Именно изучение языка призвано выявить содержание мифов, иллюзий, стереотипов и в более широком смысле всего комплекса пропозиций, играющих определяющую роль в политическом дискурсе.
О значимости политического языка в политологическом анализе свидетельствует тот факт, что в 60-х - 70-х годах на Западе была поставлена задача превратить герменевтику, возникшую в XIX в. и рассматривавшуюся в качестве вспомогательной дисциплины - "искусство понимания текстов", в универсальную философскую дисциплину. В качестве первоосновы герменевтики для ее приверженцев служит язык, поскольку, как считает один из ее теоретиков Х.Г.Гадамер, "связь человека с миром есть связь языковая, а значит, понятная с самого начала. Герменевтика... в этом смысле есть универсальный аспект философии, а не только методическая основа так называемых гуманитарных наук". Овладение языком следует рассматривать как первую и самую важную стадию социализации, в процессе которой индивид ассимилирует все формы восприятия и ценностные системы, которые детерминируют его личностные характеристики. Более того, как отмечал Гадамер [15, с. 447J, "существует фундаментальное единство мысли, языка и мира. Человеческие отношения, как и отношения человека к миру, являются лингвистическими и раскрываются в языке". Другими словами, герменевтика рассматривает язык как "форму выражения бытия и человеческого существования".
Все чаще западная политология в качестве руководящего принципа использует методологию близкой герменевтике аналитической философии языка. Ее суть состоит в анализе конкретных понятий из самых разных сфер и областей знания - политической, экономической, социокультурной, религиозной и т.д. Она делает упор на проблематике значения, выяснении смысла высказываний, его происхождении, эволюции и функционировании. В настоящее время западными политологами опубликовано множество работ, написанных в русле герменевтики и аналитической философии.
Немаловажный вопрос, с которым мы сталкиваемся всякий раз, когда ставим перед собой задачу вычленить какую-либо научную дисциплину из всей совокупности научных дисциплин,- это вопрос о понятийно-категориальном аппарате этой дисциплины. Показательно, что для иллюстрации безграничного переплетения понятийных методических проблем, существующих в науках о культуре, М.Вебер приводил следующую шкалу понятий [10, с. 404J:
Понятия родовые, идеальные типы, идеально-типические родовые понятия, идеи в качестве эмпирически присущих историческим лицам мысленных связей, идеальные типы этих идей, идеалы исторических лиц, идеальные типы этих идеалов, идеалы, с которыми историк соотносит историю, теоретические *конструкции, пользующиеся в качестве иллюстрации эмпирические данные, историческое исследование, использующее теоретические понятия в качестве пограничных идеальных случаев*
Примечательно, что члены Венского кружка - основатели школы логического позитивизма считали, что почти все проблемы в обществе порождены неопределенностью понятий, терминов, слов и т.д. Следовательно, для адекватного профессионального изучения мира политического, политических феноменов необходимо определить, вычленить и уточнить языковые формы, категории и понятия политологии. Политика зачастую представляет собой не столько четко очерченную, раз и навсегда фиксированную сферу, сколько то, что сами люди считают политикой, хотя ее и нельзя рассматривать всецело как результат некоего вербального произвола. Это вполне естественно, особенно если учесть, что власть и политика являются выражением человеческих отношений и представлений об этих отношениях. Поэтому немаловажное место в политологии занимает выявление содержания используемых ею понятий и категорий. На эту сторону политической науки с самого начала обращали большое внимание наиболее пытливые представители данной дисциплины. Примечательно, что в Германии сложилась академическая школа "Истории понятий" (Begriffsgeschichte), оказавшая серьезное влияние на понятийно-категориальный аппарат социальных и гуманитарных наук Запада. Ведущую роль в ней сыграли Р.Козеллек и О.Бруннер. Нельзя не упомянуть вышедший в 1962 г. фундаментальный труд французского исследователя Ж.Дюбуа "Политический и социальный словарь во Франции в период 1869-1872 гг." Множество работ на эту тему вышло и в других западных странах. Сложилась традиция, когда анализ понятий рассматривается в качестве методологии, с помощью которой ученый упорядочивает и, если это возможно, совершенствует понятийно-категориальный инструментарий своих исследований.
Как известно, уже для Н.Макиавелли и Дж. Гоббса отправной точкой служило положение о том, что представления о социальных и политических изменениях не только находят отражение в сознании, а затем и в языке, но и создаются сознанием с помощью языка. В "Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия" Макиавелли, в частности, писал, что люди в своих оценках событий старого и нынешнего времени по тем или иным причинам обладают заведомыми представлениями, определяющими их

дальнейшие действия и мировосприятие и постоянно меняющимися в течение человеческой жизни. У Гоббса в "Левиафане" также встречаются схожие положения о необходимости предваряющих знаний о мире при его познании. Это, согласно Гоббсу [22, с. 61], значит, что "мысленная речь, если она направляется какой-нибудь целью, есть лишь искание или способность к открытиям".

Отправной посылкой в распространенной ныне на Западе методологии анализа понятий является постулат, что именно понятие определяет строй предложения, а не наоборот. Из такого подхода вытекает следующий ряд: анатомия, реконструкция и формулирование понятий. Говоря об анатомии, речь ведут о вычленении составляющих элементов данного понятия, т.е. его характеристиках и свойствах. Под реконструкцией понимается перестановка и расположение этих элементов в упорядоченном и логически стройном виде. Формулирование понятий включает в себя выбор определения или определений на четких и ясных основаниях. С этой точки зрения важно определить, какое именно содержание вкладывается в само понятие "политология".

Для политологического анализа проблему представляет многозначность, или полисемичность, понятий и терминов. Все слова полисемичны - имеют не одно, строго заданное значение, а несколько значений. Сложность состоит не только в множестве значений каждого отдельного слова, но и в возможности смешения этих значений, а также неясности, какое значение в данный момент подразумевается. В качестве примера можно привести понятие "идеология", с которым связаны самые разные смысловые ассоциации: идея, доктрина, теория, наука, вера, притворство, ценность, убеждение, миф, утопия, истина, познание, классовый интерес и т.п. Это же можно сказать о других основополагающих понятиях и категориях политологии, таких, как власть, политика, свобода, права человека и т.д.

Помимо проблемы многозначности, полисемии тех или иных понятий существует также проблема синонимии, поскольку разные понятия могут означать одно и то же. Поэтому сами понятия "власть", "свобода", "демократия", "равенство" и т.д. нуждаются в тщательном исследовании, установлении их конкретного содержания в конкретном контексте.

Еще одна проблема, стоящая перед политологом, состоит в том, чтобы разобраться в разнобое и разночтении определений и формулировок, которые имеют различные категории политологического исследования. Типичный пример - термин "политическая культура". По подсчетам специалистов, в настоящее время существует несколько десятков определений. То же можно сказать о понятии "политика". В Оксфордском словаре приводятся четыре его значения, два из которых связаны с политикой как определенным видом деятельности, а два - как с объектом изучения и анализа. Здесь "политика" одновременно выступает как теория, наука и вид практической деятельности. Отсюда очевидно, что вопросы, связанные с языком и разработкой понятийно-категориального аппарата должны занимать одно из центральных мест в политической науке.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что понимается под методологией политологического исследования?
2. Каковы основные принципы бихевиоризма?
3. В чем состоят недостатки и причины кризиса позитивизма и бихевиоризма?
4. В чем состоит научность политической науки?
5. Что подразумевается под политической символикой?
6. Назовите основные принципы политико-культурного подхода.
7. Какое место в политологическом анализе занимают объяснение и понимание?
8. В чем состоит системность политической науки?
9. Назовите основные принципы системного анализа.
10. Назовите основные принципы сравнительного метода.
11. Почему политологию называют междисциплинарной наукой?
12. Дайте общую характеристику политического языка и понятийно-категориального аппарата политической науки

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии//Политические исследования. 1992. № *4. С.* 122-134.

2. Аристотель. Сочинения. М., 1984. Т. 4.

3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.

4. Арон Р. Этапы развития социалистической мысли. М.: Прогресс, 1993.

5. Баллестрем К.Г. Власть и мораль (основная проблема политической этики)//Философские науки. 1991. № 8. С. 84.

6. Бердяев Н. Философия неравенств. Берлин, 1923.

7. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Наука, 1994.

8. Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901.

9. Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, 1980.

10. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

11. Власть: очерки современной политической философии Запада/А.Л. Алюшин, Ю.М. Батурин, В.В. Мшвеннерадзе и др. М.: Наука, 1989.
12. Вопросы философии. 1990. *№ 3.*
13. Восток. 1995. № 2.
14. Вышеславцев БЛ. Кризис культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. Нью-Йорк: Изд-во А.П. Чехова, 1982.
15. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
16. Гаджиев К.С. Политическая наука. М.: Наука, 1995.
17. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX в.//Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3-25.
18. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
19. Геллнер Э. Национализм возвращается//Новая и новейшая история. 1989. № 9.
20. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы науки и класса//Путь. 1992. № 1.
21. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
22. Гоббс Т. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1958. Т. 2.
23. Гоббс Т. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Т. I, II.
24. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
25. Гуреевич АЛ. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1984.
26. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968.
27. Демократия в Японии: опыт и уроки. М.: Наука, 1991.
28. X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963.
29. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. М.: Наука, 1990.
30. Цюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Тип. тов-ва Сытина, 1908.
31. Знамя. 1994. № 5.
32. Известия. 1995, 9 июня.
33. Изензее И. Конституционные права и демократия//Вест. Моск. ун-та. Сер. 12: Социально-политические исследования. 1992. № 12.
34. Каменская ГВ, Родионов АМ. Политические системы современности. М.: Онега, 1994.
35. Кистяковский Б А. В защиту права (интеллигенция и правосознание)//Вехи из глубины. М., 1991.
36. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М.: Новости, 1896.
37. Коллингвуд Р, Идея истории. М.: Наука, 1980.
38. Коренев Н. Третья империя в лицах. М., 1934.
39. Ленин ВЛ. Полн. собр. соч. Т. 40.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.
41. Липсет С.М. Политическая социология//Американская социология сегодня: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
42. Локк Цж. Сочинения. М.: Наука, 1991.
43. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.
44. Милль Цж.С. Утилитаризм. О свободе. СПб, 1982.
45. Мишель А. Идея государства. М.: Тип. тов-ва Сытина, 1909.
46. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
47. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю (1660-17831 М., Л.: Наука, 1941.
48. Накасонэ Я. и др. После "холодной войны". М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
49. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1913.
50. Ницше Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1991, Т. 1.
51. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.
52. Оруэлл Цж. "1984" и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989.
53. Пелликани Л. Какой социализм//Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5.
54. Пенто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М.: Наука, 1972.
55. Платон. Сочинения. М.: Наука, 1994. Т. 3.
56. Плеханов Г.В. Избранные произведения. В 5 т. М., 1957. Т. 3.
57. Политические исследования. 1991. № 5.
58. Политические исследования. 1993. № 3.
59. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Прогресс, 1993.
60. Россия, 1991. Т. XII, № 18.
61. Руссо Ж. Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969.
62. Самиэль Г. Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма. М., 1906.
63. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.
64. Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии/Г.В. Газенко, В.Г. Графский, П.С. Графский и др. М.: Наука, 1982.
65. Соловьев С.В. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т. 1.
66. Струве П.С. Марксовская теория социального развития. Киев, 1906.

67. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Российский имперский союз-орден, 1992.
68. Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М.: Мысль, 1983.
69. Федералист. М.: Прогресс, 1993.
70. Федеративная Республика Германии. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1993.
71. Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5.
72. Философские науки. 1991. № 8.
73. Франк Л.С. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
74. Фромм О. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989.
75. Хайек Ф. Дорога к рабству//Вопросы философии. 1990. № 10.
76. Хорог *В.Г., Четкое МЛ.* Авторитаризм и демократия в третьем мире//Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7.
77. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М.: Прогресс, 1991. Т. 1.
78. Шмитт К. Понятие политического//Вопросы социологии. 1992. № 1.
79. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
80. Этическая мысль. М.: Наука, 1990.
81. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991.
82. Ященко А.С. Сумерки Европы//Новая русская книга. Берлин, 1923.
83. Allison L. Right Principles: A Conservative Philosophy. London, 1984.
84. Almond G., Verba S. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in five Countries. Princeton, 1963.
85. Almond G., Ginco C. Clouds, Clocks, and Study of Politics//World politics. 1977. Vol. XXIX, № 4.
86. Almond G. Comparative Political Systems//The Journal of Politics. 1956 Vol. XVIII, № 3.
87. Arblaster A. The Rise and Decline of Western Liberalism. Oxford, 1984.
88. Atlantic. 1953, July.
89. Barre R. Reflexions pour demain. Paris, 1984.
90. Barry N. An Introduction to Modern Political Theory. London, 1982.
91. Barry N. The New Right. London, 1987.
92. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. London, 1976.
93. Bendix R., Lipset M. Political Sociology//Current Sociology. 1957. Vol. VI, № 2.
94. Bfnoist A. de. Les itces a 1'endroit. Paris, 1958.
95. Bollen K.A. Issues in the Comparative Measurement of Political Democra-cy//American Sociological Review. 1985. № 45.
96. Bosanquet B. The Philosophical Theory of State. London, 1899.
97. Bradly I. The Strange Rebirth of Liberal Britain. London, 1986.
98. Brougham H. Political Pilosophy. London, 1842-1844.
99. Bzezinski Z., Friedrich C. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1965.
100. Burke E. Works. London: Rivington, 1893. Vol. 1.
101. Cat/in D. The Story of Political Philosophers. N.Y., London, 1939.
102. Croce B. Aspetti morali della vita politica//Elementi di politica. Bari, 1966.
103. Dahrendorf R. Radical Liberalismus//Liberal. 1985. Bd 27, H. 1. S. 52.
104. Devine D. The Political Culture of the United States. Boston, 1972.
105. Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionel. Paris: Themis, 1970.
106. Duverger M. Sociologic de la politique. Paris: Jhemis, 1973.
107. Duchecik I.D. Comparative Federalism. The Territorial Dimensions of Politics/Lanham et al., 1987.
108. Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political System. N.Y.: McGraw-Hill, 1953.
109. Farnacci R. Storia della rivoluzione fascista. Cremona, 1937. Vol. III.
110. Flach K. H. Nach eine Schance fur die Liberalen. Frankfurt, 1971.
111. Freiburger Thesen. Bonn, 1971.
112. Freund J. L'Essence du politique. Paris, 1965.
113. Gallios P.M. Geopolitique. Les vois de la puissance. Paris, 1990.
114. Garcia A. La alternativa democratica. Barcelona: Laia, 1977.
115. Goodwin B. Using Political Ideas. Chichester, 1978.
116. Gray C. Geopolitics of the Nuclear Era: Hartland, Rimlands, and the Technological Revolution. N.Y., 1977.
117. Gray J. Liberalisms: Essays in Political Philosophy. London, 1990.
118. Gregor A.J. Ideology of Fashism. N.Y.: McGrow-Hill, 1969.
119. Hagopian M.N. Regiemes, Movements, and Ideologies. N.Y., 1978.
120. Hasbach W. Die moderne Democratie. Jena: Fischer, 1912.
121. Hattich M. Grundbegriffe der Politikwissenchaft. Darmstadt: Wissbuches, 1980.
122. Haushofer K. Wehr-Geopolitik. Grundlagen einer Wehrkunde. Berlin, 1941.
123. History of the U.S. Political Parties. N.Y.: Chelsea House Publ., 1973. Vol. 1.
124. History of Political Philosophy. Chicago, London, 1987.
125. Hitler A. Mein Kampf. Miinchen, 1942.

126. Hobhouse L. The Metaphisical Theory of the State. London, 1918.
127. International Encyclopedia of Social Sciences. N.Y. , 1968. Vol. 16.
128. Ishida T. Japanise Political Culture: Change and Continuity. New Brunswick, 1983.
129. Jo M.N. Japanise Traditional Values and Industrialization//International Social Science Review. 1987. Vol. 62, № 1.
130. Kaltenbrunner G.-K. Der Schwieriege Konservatismus. Berlin, 1975.
131. Kuhenelt Ledtlin E. Konservative Intellectulle in der english-sprechender International. Stuttgart, 1973.
132. Latousch S. La proces de la science sociale: Introducton a une theorie de la conais-sance. Paris, 1984.
133. Lcs declarations francaises des droits de 1'homme. Paris, 1928,
134. Lippmann W. U.S. Foreign Policy. N.Y.: McGrow-Hill, 1953.
135. Upset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. London: McMillan, 1960.
136. Masakazu Y. Pluralism in der Kultur. Japan und der Westen. Frankfurt a.M., 1986.
137. MacKinder H.J. Democratic Ideas and Reality. N.Y., 1962.
138. Niesbet R. Liberalismus und der Drang nach Macht: Wie tot ist der Liberalismus. Wien, 1983.
139. Phillips K. Post-conservative America. N.Y., 1982.
140. Polin R., Polin C. Le Liberalisme: Esppoir ou peril: Oui-non. Paris, 1984.
141. Politics of the Developing Areas. Princeton: Princeton University Press, 1971.
142. 141. *Political* Culture and Political Development. Princeton, 1965.
143. Rawls J. The Theory of Justtice. Oxford: Clarendon Press, 1972.
144. Routier L. Les mystiques economiquss. Paris, 1983.
145. Ruggiero A. Liberalism//Encyclopedia of Social Sciences. 1933. Vol. 9, № 4.
146. Strauss L. Introduction in Political Philosophy. Detroit: Waine State University Press, 1986.
147. Strausz-Hupe R. Geopolitics: The Struggle for Space and Power. N.Y. , 1972.
148. Strum S., Latour B. Redefining the Social Link: from Baboons to Humans//Social Science Informations. 1987. Vol. 26, № 4. P. 783-802.
149. The Wisdom of Conservatism//New Rochelle. 1971. Vol. 1.
150. Varaut L-M. Le droit en droit: pour un liberalisme institutionel. Paris, 1986.
151. Vial H. Pour une reneaissance culturelle. Paris, 1979.
152. Viereck P. Conservatism revisisted. N.Y., 1962.
153. Verfall oder Rainessance des Liberalismus. Munchen, 1987.
154. Watson G. The Idea of Liberalism. Studies of New Map of Politics. London, 1985.
155. Wairich P. On the New Right. N.Y., 1982.
156. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen: Mohr, 1956.
157. Worsthorn P. The Much Freedom//Conservative Essay. London, 1979.